

МОСКОВСКИЙ ФИНАНСОВО-ЮРИДИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ МФЮА

ТЕКСТ
В КУЛЬТУРНОМ, ЯЗЫКОВОМ,
СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Сборник научных статей

Москва

2021

УДК 009
ББК 80+63+71
Т 30

Ответственный редактор:

заведующий кафедрой социально-гуманитарных и общеправовых дисциплин Московского финансово-юридического университета МФЮА, кандидат филологических наук, доцент *В.В. Никульцева*

Рецензенты:

доцент кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, кандидат филологических наук *А.И. Дунев*

заведующий кафедрой русского языка как иностранного Военного института физической культуры, кандидат филологических наук, доцент *Е.Н. Тарасова*

Т 30 Текст в культурном, языковом, социальном пространстве : сборник научных статей / отв. ред. В.В. Никульцева ; Московский финансово-юридический университет МФЮА. – М. : МФЮА, 2021. – 602 с. – Текст : электронный.

ISBN 978-5-94811-343-2

В статьях сборника освещаются современные проблемы и перспективы развития текстологии в языковом, историческом, социальном, культурном, философском аспектах.

Сборник научных трудов рассчитан на учёных-гуманитариев и широкий круг читателей.

УДК 009
ББК 80+63+71

© Московский финансово-юридический университет МФЮА, 2021

© Коллектив авторов, 2021

ISBN 978-5-94811-343-2

РАЗДЕЛ 1. ЛИНГВОТЕКСТОЛОГИЯ В КРУГУ ДРУГИХ НАУК

SECTION 1. LINGVOTEXTOLOGY IN THE CIRCLE OF OTHER SCIENCES

УДК 82-6

И.А. Королева

АРХИВНЫЙ ЭПИСТОЛЯРНЫЙ ТЕКСТ КАК ИСТОЧНИК ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются возможности изучения архивного эпистолярного текста в коммуникативно-прагматическом аспекте. В свете антропоцентрического направления в современных научных исследованиях гуманитарной сферы выявляются особенности эпистолярия с лингвокультурологических и литературоведческих позиций, намечаются векторы его разностороннего анализа. Комплексное описание эпистолярных текстов творческих языковых личностей, мастеров слова, даёт возможность исследовать лингвистические характеристики, литературоведческие параметры (темы, идеи, литературное содержание, критическую оценку), исторические факты, содержащиеся в эпистолярной коммуникации, что, в свою очередь, позволяет рассмотреть особенности эпистолярного идиостиля адресанта, его личностные характеристики. В качестве эмпирического материала для подобных исследований предлагаются тексты частных писем известного советского литературного критика и публициста А.В. Македонова, написанные им в 70–80-х гг. XX в., смоленскому поэту Ю.В. Пашкову, которые хранятся в архиве Литературного музея Смоленского государственного университета. Полные тексты писем впервые вводятся в научный оборот и могут послужить ценным источником комплексного исследования языковой личности адресанта.

Ключевые слова: эпистолярный текст, архив, лингвокультурология, литературоведение, исследование, адресант эпистолярия, А.В. Македонов, языковая личность.

И.А. Koroleva

ARCHIVE-BASED EPISTOLARY TEXT AS A SOURCE OF LINGUISTIC AND LITERARY STUDIES

Abstract. The article considers opportunities opened up by studies of the archive-based epistolary text in a communicative-pragmatic aspect. In the light

of an anthropocentric direction in modern research of a humanitarian sphere, peculiarities of the epistle as viewed from linguo-culturological and literary stand-points are singled out, with ensuing delineation of the main vectors of its versatile analysis. A complex description of creative language personalities' epistles, i.e. those of men of letters, makes it possible to get an insight into the epistolary communication from the point of view of its linguistic characteristics, literary parameters (e.g., themes, ideas, literary content, critical assessment) as well as historical facts, what, in its turn, allows for consideration of an epistolary idiosyncrasy of the epistle writer and his personal features. The empirical material of the present research is constituted by the 1970s-1980-s private letters' texts of the famous Soviet literary critic and publicist A.V. Makedonov to the Smolensk poet Yu.V. Pashkov. The letters have been provided gratis by the Literary Museum of Smolensk University. Full texts of the letters are scientifically pioneered by the author of this article and can be used as a valuable source of a further research of Makedonov's language personality.

Keywords: epistolary text, archive, linguoculturology, literary studies, research, epistle writer, A.V. Makedonov, language personality.

Эпистолярные тексты (частные письма) в современной коммуникативной стилистике привлекают внимание исследователей. Особенно ценным материалом считается архивный эпистолярный элитарных языковых личностей – писателей, поэтов, публицистов, литературных критиков. Введение в научный оборот новых источников даёт возможность углубить и расширить представление об авторах как адресантах эпистолярного дискурса, что, несомненно, позволяет получить разноплановую информацию коммуникативно-прагматического характера.

Эпистолярные тексты, как известно, занимают своеобразное (промежуточное) положение между литературными (художественными) текстами и документалистикой (документной литературой) и отражают специфику особого эпистолярного типа общения: адресант и адресат находятся на расстоянии, поэтому не может проходить непосредственная живая коммуникация. Отсутствует, естественно, единство места, что характерно для классической коммуникативной ситуации. Также отсутствует единство времени – письма имеют разновременную соотнесённость. И вместе с тем специфические характеристики эпистолярной коммуникации имеют много позитивных сторон.

Так, в частности, тексты эпистолярного дискурса – сложные языковые явления, которые представляют собой единицы, с одной стороны включа-

ющие в себя языковое представление об адресанте и его личностных характеристиках, с другой – дающие представление и об адресате, так как из содержания писем можно сделать определённые выводы об отношениях коммуникантов, о своеобразной коммуникативной ситуации, породившей эпистолярный текст. Адресант постоянно обращается к адресату, раскрывает ему свои взгляды на различные проблемы, говорит о своих действиях и пр. В письме содержится определённая информация, часть которой непосредственно выражается языковыми средствами, а часть является контекстной.

Каждый эпистолярный текст имеет структурные границы и – при переписке – своё место в системе эпистолярного дискурса. Обычно текст имеет смысловую завершенность, однако есть отдельные тексты, которые в конечных стандартных этикетных эпистолярных фразах говорят о продолжении общения: *Жду Вашего ответа...*, *Напишите, пожалуйста, о...*, *В следующем Вашем письме надеюсь получить...* и пр. Все эпистолярные тексты учитывают как личности коммуникантов, так и условия коммуникации.

Эпистолярные тексты творческой российской интеллигенции представляют собой своеобразный культурный контекст эпохи; несомненно, их исследование особо актуально. В письмах фиксируются различные коммуникативные ситуации, описание которых составляет содержательную сторону эпистолярного дискурса, а языковые средства – характеристику эпистолярного идиостиля мастера слова, раскрывающего его языковую личность. В эпистолярных текстах даются образцы элитарного разговорного языка той или иной эпохи [1, с. 3–5]. Естественно, эпистолярный этикет также позволяет исследовать отношения между адресантом и адресатом; его строгое или свободное исполнение свидетельствует об определённых отношениях между коммуникантами. По мнению исследователей, письмо в качестве единицы эпистолярной коммуникации может быть рассмотрено как речевой жанр. Эпистолярный дискурс объединяет разнообразные стили и жанры.

Любая эпистолярная ситуация так или иначе диалогична: в тексте письма отражены признаки диалога, ибо отражаются целевые установки на адресата. Адресант рассчитывает на понимание адресата, на его адекватную ответную реакцию. Адресант учитывает личностные, профессиональные и социальные характеристики того, кому направлена информация; это выражается в подборе языковых

средств. Иными словами, продукт речевой деятельности пишущего – текст – направлен на адресата. Автор речи и её адресат – равноправные факторы текстообразующей эпистолярной деятельности.

В настоящей статье в научный оборот вводятся тексты писем известного советского литературного критика, историка литературы, публициста, смолянина по рождению, Адриана Владимировича Македонова (1909–1994) хорошо известному на Смоленщине (да и в России) поэту Юрию Владимировичу Пашкову (1930–2017), которому он помогал в творческой деятельности, утвердиться в российской поэзии, стихи которого анализировал как критик. Письма 70–80-х гг. XX в. хранятся в архиве Литературного музея Смоленского государственного университета.

А.В. Македонов, несомненно, элитарная языковая творческая личность. Он вёл обширную переписку со многими своими земляками-смолянами, помня о своей малой родине – городе Смоленске. Так, в 1960 г. в книге «Очерки советской поэзии» [5] критик выделил (и обосновал это выделение) особую Смоленскую поэтическую школу, назвал её основоположников – М.В. Исаковского, А.Т. Твардовского и Н.И. Рыленкова. Со всеми этими людьми Македонов дружил, причём не только профессиональные интересы связывали «смоленскую элиту», но и чисто человеческие, дружеские отношения. В Литературном музее хранятся, помимо опубликованных в различных изданиях текстов писем Твардовского, Исаковского, Рыленкова, много ещё не изданных писем. Македонов вёл переписку с Маргаретой Томпсон, профессором из университета американского штата Джорджия, исследовательницей А.Т. Твардовского [4]. Писал он и первому директору Литературного музея А.А. Палшкову [3]. Работая в архиве, мы обнаружили интересные с точки зрения лингвокультурологических разысканий и литературоведческого анализа письма продолжателю деятельности основоположников Смоленской поэтической школы, смоленскому поэту Юрию Васильевичу Пашкову. Письма хранятся в фонде Ю.В. Пашкова (фонд № 7). Первое письмо датировано 18 мая 1974 г., последнее – 30 мая 1984 г. Предлагаем некоторые тексты с полным соблюдением орфографии и пунктуации источников, с комментариями по сохранности и оформлению. В дальнейшем в свете изложенного теоретического материала их содержание может быть проанализировано как лингвистами, так и литературоведами.

25 января 1977 г. С. 47–47 об., машинопись.

Дорогой Юрий Васильевич!

Спасибо за отзыв на мое сочинение и за Ваши новые стихи. Я очень рад, что судя по Вашему письму и рецензии (и другим первым откликам) мой «клеточный» анализ произвел благоприятное впечатление. Сам я очень боялся, что статья получилась громоздкой и тяжеловесной. Ибо тут легко перейти тот предел детальности, за которым деревья и даже кустики и кочки заслоняют лес. Я все же чувствую что нахожусь у самого этого предела и поэтому в книге другие разборы отдельных стихотворений А.Т. (Твардовского. – Авт.) постараюсь сделать более короткими.

Теперь о Ваших стихах. Они меня очень обрадовали. Вы не только достигли... полной зрелости Вашего таланта, но и обретаете ту поэтическую смелость, раскованность, которых в прошлые годы Вам немного не хватало. Вы вышли далеко за рамки «деревенских истоков», сохраняя в то же время органическое «Чувство земли». И в Вашей лирике все более полно появляется, кристаллизуется Ваша собственная углубленная духовность (включая интеллектуальность в действительной, поэтическом смысле).

Лишь иногда встречаются следы каких-то ходячих литературных представлений. Много смелых и точных метафор-ассоциаций. Есть настоящая глубинность мысли. По этой глубинности выделяются подлинный лиризм, поэтическая мысль, недоношенные определения-слова (Отмечено простым карандашом в тексте. – Авт.). Но все это мелочи.

А в общем – рад поздравить Вас с успехом и новыми поворотами, подъемами Вашего пути. Этот новый поворот не всегда будет облегчать Вам внешний успех, но Вы эти пренебрегайте и идите дальше своей дорогой. Рад буду специально при случае написать о Ваших стихах, – если кто-либо закажет такую писанину, хотя обычно не разрешаю себе отвлекаться на рецензии. Но в книге так или иначе об этом будет речь. ...Важно, что Вы уже завоевали тот минимум признания, без которого бывает трудно двигаться дальше.

Ну, а как другие смоляки? Минимум признания необходим всем. Без него может обходиться только очень сильная личность (попутно о В. Тазове – у него пока этого минимума нет, «сильно запивает»).

Мы с Р.А. (жена Македонова, Раиса Абрамовна. – Авт.) собираемся побывать в Смоленске в этом году – я пару недель должен кое-что еще посмотреть для своей книги об А.Т. Привет землякам. Будьте здоровы. Обнимаю. Р.А. кланяется. Ваш А. Македонов (подпись от руки, исправление ошибок чёрной ручкой).

25 сентября 1978 г. С. 48–48 об., машинопись.

Дорогой Юрий Васильевич!

Давно от Вас нет известий. Мне казалось, что я когда-то отвечал на Ваше последнее письмо, но может быть и ошибаюсь. Здоровы ли Вы? Все ли у Вас в порядке?

Рад был увидеть в «Литературной России» хотя бы небольшую, но вполне положительную рецензию на Вашу последнюю книгу. Но мой «портрет», кажется, так и не появился. Забит окончанием книги о Твардовском, что-либо выяснять, а тем более «пробывать» у меня абсолютно нет времени. ...нужно всадить последние две главы, хотя бы и в скомканном виде (объем). Издательство дало мне... еще некоторую оттяжку... Все пропорции книги сдвинулись... Увеличился материал о раннем Твардовском, но это как раз то, что до сих пор как следует не изучалось, часто неправильно оценивалось, и о чем мне легче писать, чем кому-либо другому. И обязательно писать, чем кому-либо другому, учитывая мои обязательства перед его памятью и перед нашей совместной молодостью.

В общем пых-пых. Но все же приближаюсь к финишу договорной книги, которую задержал уже почти на год. А затем наступит второй пых-пых, так как к 1 декабря этого года должен был сдать вторую книгу – о поэзии 30-х – 60-х годов. Это проблемная и трудная книга, главным образом о проблемах мастерства, и в ней также будет немало уделено внимания и Твардовскому, и всей «смоленской школе» (слово обзорная зачёркнуто и написано проблемная. – Авт.).

Вот такой у меня пых-пых, Юрий Васильевич! Но хорошо, что все-таки работается, и оставшиеся жесткие сроки – отличные сроки, как писал когда-то Александр Трифонович.

Собираюсь в Смоленск на конференцию. Как, кстати, по Вашему мнению, все-таки лучше говорить – смоляки? Смоленцы? Смоляне?

Будьте здоровы. Р.А. кланяется. Привет землякам! Ваш А. Македонов (подпись синей ручкой. Приписка от руки: «Присылайте стихи!»)

9 апреля 1982 г. С. 50, от руки маленький листок из блокнота.

Дорогой Юрий Васильевич! Очень давно не было писем от Вас. Здоровы ли Вы? Все ли в порядке? Что нового в Смоленске и в смоленских литературных делах? Я получил письмишко только от Баевского. Я собирался [зачёркнуто «мечтал»] побывать в этом году в Смоленске, но вряд ли удастся из-за инфаркта жены. Все же с 30.IV. мы будем в Дубултах. Врачи вроде бы разрешили ей эту поездку. Будем там до 7.VI., а потом здесь в Ленинграде или Комарове. Пишите. Привет всем землякам. Ваш Македонов.

Библиографический список

1. *Акимова Т.П.* Лингвокультурологические характеристики эпистолярного текста (на материале писем классиков русской литературы XIX–XX вв.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2017.
2. *Кирьянова А.П.* Адресант эпистолярия в аспекте языковой оценки (на материале писем М.И. Цветаевой): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 2007.
3. *Королева И.А.* Эпистолярный дискурс как источник изучения языковой личности: А.В. Македонов и А.А. Палшков (по материалам архива Литературного музея Смоленского государственного университета) // Известия Смоленского государственного университета. 2018. № 3 (43). С. 102–114.
4. *Королева И.А.* Языковая личность А.В. Македонова в эпистолярном дискурсе 90-х годов XX века (по материалам писем к Маргарете Томпсон, хранящихся в архиве Литературного музея Смоленского государственного университета) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2017. № 4. С. 31–39.
5. *Македонов А.В.* Очерки советской поэзии. Смоленск, 1960.
6. Письма А.В. Македонова к Ю.В. Пашкову // Архив Литературного музея Смоленского государственного университета. Ф. 7. Д. 2. С. 47–50.

Инна Александровна КОРОЛЕВА

доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры русского языка
Смоленский государственный университет

УДК 821.1

*В.Н. Терехина***ЗАМЕТКИ К ТЕМЕ «БУНИН И МАЯКОВСКИЙ»**

Аннотация. Противостояние И.А. Бунина и В.В. Маяковского общеизвестно. В статье впервые рассматриваются случаи сближения их суждений. Приводятся примеры схожих мотивов и общих источников творчества. Делается вывод о важности фактов для истории литературы.

Ключевые слова: Бунин, Маяковский, противостояние, сближение.

*V.N. Terekhina***NOTES TO THE THEME «BUNIN AND MAYAKOVSKY»**

Abstract. The confrontation of I.A. Bunin and V.V. Mayakovsky is well-known. In the article for the first time cases of convergence of their judgments are considered. Examples of similar motifs and common sources of creativity are given. It is concluded that the facts are important for the history of literature.

Keywords: Bunin, Mayakovsky, confrontation, rapprochement.

Противостояние И.А. Бунина и В.В. Маяковского стало фактом не только их биографии, но значительным явлением истории русской литературы XX в. В нем отразились многочисленные конфликты и противоречия между творческими направлениями в борьбе за лидерство: имя Бунина вошло в знаменитый манифест футуристов «Пощечина общественному вкусу» (1912). В послереволюционные годы усилилась политическая непримиримость. В «Окаянных днях» Бунин заключал: «Полифемское будущее России принадлежит, несомненно им, Маяковским, Лениным. Маяковский утробой почуял, во что вообще превратится вскоре русский пир тех дней» [2, с. 115].

Впоследствии о невозможности примирить Бунина к самой мысли о существовании в русской литературе Маяковского писал В. Катаев, вспоминая строки стихотворения «Мама и убитый немцами вечер» (1914):

«Их бесстрашно написал в дни патриотического угара все тот же молодой футурист, автор так восхитившего меня некогда стихотворения «Порт». Но теперь я уже знал его имя: Владимир Маяковский...

«Звонок. Что вы, мама? Белая, белая, как на гробе газет». «Оставьте! О нем это, об убитом, телеграмма. Ах, закройте, закройте глаза газет!»

Эти строчки пронес я в душе своей через всю войну. Но разве мог об этом знать Бунин? При нем я боялся даже произнести кощунственную фамилию: Маяковский. Так же, впрочем, как впоследствии я никогда не мог в присутствии Маяковского сказать слово: Бунин. Они оба взаимно исключали друг друга» [5, с. 119].

Однако один случайно обнаруженный общий мотив заставил внимательнее взглянуть в непростую реальность литературной жизни прошлого века. Работая над составом нового тома Полного собрания произведений В.В. Маяковского, мы внесли в раздел эпиграмм известное читателям четверостишие:

У коровы есть гнездо,
У верблюда дети,
У меня нет никого,
Никого на свете.

В воспоминаниях современников Маяковского эти слова приписываются ему – к тому же, известно, что на камине в его «комнатке-лодочке» стояла фигурка верблюда. Как писал В. Шкловский, «была у него песня: “У коровы есть гнездо, У верблюда дети, У меня нет никого, Никого на свете”. Все-таки он преувеличивал. Да, это было одиночество великого человека, но ведь номинально, формально хотя бы были же у него всякие ЛЕФы, РЕФы...» [10, с. 130].

Мотив человеческого одиночества разворачивается в этих строчках в противостоянии природному порядку. То же сопоставление лежит в основе стихотворения Бунина, написанного в 1922 г., в начале эмиграции. Аллюзивный подтекст обогащается новым сопоставлением: горькое переживание утраты родного дома и не менее горестное чувство – доживать век в чужом, наемном доме.

У птицы есть гнездо, у зверя есть нора.
Как горько было сердцу молодому,
Когда я уходил с отцовского двора,
Сказать прости родному дому!

У зверя есть нора, у птицы есть гнездо.
Как бьется сердце, горестно и громко,

Когда вхожу, крестясь, в чужой, наемный дом
С своей уж ветхою котомкой! [3]

Однако ранее того интересный эпизод с похожим образным рядом появляется в рассказе А.М. Горького «Тимка»:

«...утром, как только в огороде появились бабы-работницы и запели модную песню:

Некрасива я, бедна, Плохо я одета, Никто замуж не берет
Девушку за это! – на дворе Хлебникова зазвенел высокий тенор,
передразнивая огородниц:

У верблюда есть гнездо, У коровы – дети, У меня нет никого,
Никого на свете!» [4]

Так при сопоставлении приведенных текстов стало очевидно, что в основе всех авторских вариаций лежит народная песня:

И у птицы **есть гнездо**, у волчицы **дети**,
У **меня** лишь, молодой, **никого на свете**.
Птица в темном лесу звонко распевает,
И волчица с **детьми** весело играет.
Хороша **я**, хороша, да плохо одета.
Никто замуж не берет девицу за это.

Тот же мотив человеческого одиночества разворачивается на фоне очевидной гармонии и целесообразности в природе, среди божьих тварей, безотчетно совершающих свой жизненный путь.

Несмотря на, казалось бы, очевидную правоту Катаева, заострившего ситуацию взаимного неприятия, мы находим немало упоминаний о Маяковском по разным поводам даже в «Окаянных днях» Бунина с их разоблачительным пафосом. Такова запись от 5 февраля 1918 г.:

«С первого февраля приказали быть новому стилю. Так что по-ихнему нынче уже восемнадцатое.

Вчера был на собрании “Среды”. Много было “молодых”. Маяковский, державшийся, в общем, довольно пристойно, хотя все время с какой-то хамской независимостью, щеголявший стоеросовой прямоотой суждений, был в мягкой рубаше без галстука и почему-то с поднятым воротником пиджака, как ходят плохо бритые личности, живущие в скверных номерах, по утрам в нужник.

Читали Эренбург, Вера Инбер. Саша Койранский сказал про них:

Завывает Эренбург,
Жадно ловит Инбер клич его, –
Ни Москва, ни Петербург
Не заменят им Бердичева» [2, с. 36].

При внимательном чтении обнаруживается любопытное обстоятельство: схожее впечатление от писательского собрания сложилось и у Маяковского, о чем он сообщил в недатированном письме к Лиле Юрьевне и Осипу Максимовичу Брикам: «Кафэ омерзело мне. Мелкий клоповничек. Эренбург и Вера Имбер <sic!> слегка еще ходят на поэтов, но и об их деятельности правильно заметил Койранский:

Дико воет Эренбург,
Одобряет Имбер дичь его
Ни Москва, ни Петербург
Не заменят им Бердичева» [12, с. 50].

Но при общем сходстве каждый из поэтов по-своему воспроизвел услышанную эпиграмму, очевидно произнесенную экспромтом на том же вечере. Бунин подчеркнул, что Вера Инбер «жадно ловит клич» Эренбурга, увлечена им. Маяковский акцентировал свое негативное отношение к Эренбургу: «дико воет... дичь».

Оказалось, что ранее меня те же тексты уже сопоставил О. Лекманов, добавив для читателей: «Хотя Бунин и Маяковский, как известно, очень не любили друг друга, оба они очень любили собак. И автор знаменитой строки “Хорошо бы собаку купить”, и автор знаменитого стихотворения “Вот так я сделался собакой”, почти наверняка по достоинству оценили ироническую метафору, скрытую в начальных строках стишка Койранского: Эренбург “завывает” или “дико воет” как собака или волк» [6].

Интересно и упоминание Маяковского в записи от 12(25) марта 1918 г.:

«Был (по делу издания моих сочинений “Парусом”) у Тихонова, вечного прихлебателя Горького. Да, очень странное издательство! Зачем понадобилось Горькому завести этот “Парус” и за весь год издать только книжечку Маяковского? Зачем Горький купил меня, заплатил семнадцать тысяч вперед и до сих пор не выпустил ни одного тома? Что скрывается под вывеской “Паруса”? И, особенно,

в каких же отношениях с большевиками вся эта компания – Горький, Тихонов, Гиммер-Суханов?» [2, с. 70].

Не касаясь истории издательства «Парус», уточним, что у Маяковского там вышли две книги: «Простое как мычание» [Стихотворения. Поэмы] в октябре 1916 г. и «Война и мир» [Поэма] в декабре 1917 г. Вероятно, Бунин упоминал о последнем издании – «Война и мир» была, действительно, «книжечкой» в 47 страниц с маркой издательства «Парус» на обложке.

Несомненно, можно и далее расширять исследовательское поле, выявляя моменты взаимного интереса или коренного расхождения. С этой точки зрения недостаточно анализировалась газетная публицистика Бунина, который нередко пользовался стихами Маяковского для заострения разговора на волнующие его темы. Например, в 1920-е гг. он дважды обращался к стихотворению «Радоваться рано!» и его анархистским строкам: «Время / пулям / по стенке музеев тенькать... / А почему / не атакован Пушкин? / А прочие / генералы классики?» [7-1, с. 124]. О стихотворении «Верлен и Сезанн» идет речь в статье «Российская человечина» и т.п. Так складывается представление о более сложном отношении к произведениям и личности поэта, а следовательно, к содержанию мемуарных фрагментов о Маяковском.

Как известно, письменные и устные высказывания Бунина о современниках вызывали нелицеприятные критические отклики, особенно у молодых писателей. Одна из статей в журнале «Числа» не без иронии называлась: «Литератор И.А. Бунин об остальных». И надо сказать, что более всего автор статьи протестовал против низведения Маяковского до уровня «слуги ВКП (б)». Известно и полемическое высказывание Марины Цветаевой, которая лишилась возможности печататься в ряде эмигрантских газет после приветствия Маяковскому на его парижском вечере: «Мне весь Маяковский роднее всех воспевателей старого мира. Завод или площадь Маяковского роднее феодального замка или белых колонн Бунина. И Эмиграция, не приняв меня в свое лоно, права. Она, как слабое издыхающее животное, почуяла во мне врага...» [9, с. 193].

Но Бунин был верен своему представлению о Маяковском, и внимание к его творчеству и посмертной славе не исключало, а напротив, обостряло политическое и поэтическое неприятие совет-

ского писателя. Через 20 лет, завершая воспоминания о Маяковском, Бунин, тем не менее, обнаруживал вновь свою заинтересованную осведомленность относительно предмета критики. Он за давностью лет соединяет чтение поэмы «Облако в штанах» на даче Горького летом 1915 г. и чтение поэмы «Флейта-позвоночник» в присутствии Горького зимой на квартире художницы Н. Любавиной, но значимо его знание сюжета:

«“Большим поэтом” окрестил его, кажется, раньше всех Горький: пригласил его к себе на дачу в Мустамяки, чтобы он прочитал у него в небольшом, но весьма избранном обществе свою поэму “Флейта-Позвоночник”, и когда Маяковский кончил эту поэму, со слезами пожал ему руку:

– Здорово, сильно... Большой поэт!»

За этим эпизодом следует упоминание о знакомстве со статьей Р. Якобсона о «Письме Татьяне Яковлевой», напечатанной крохотным тиражом в 1942 г. в Нью-Йорке [12, с. 57–62] – удивительно, каким образом она попала к Бунину?! И кто сказал ему, что Якобсон учился в одной гимназии с Маяковским в Москве? Бунин пишет в присущем ему ироническом тоне: «А всего несколько лет тому назад прочитал я в журнале “Новоселье”, издававшемся тогда ещё в Нью-Йорке, нечто уже совершенно замечательное:

“Потуги вычеркнуть Маяковского из русской и всемирной литературы отброшены последними годами в далёкое архивное прошлое”.

Это начало статейки, напечатанной в “Новоселье” г-ном Романом Якобсоном, очень видным славистом, весьма известным своими работами по изучению “Слова о Полку Игореве”, – он, русский по происхождению, когда-то учившийся в одной гимназии с Маяковским в Москве, был сперва профессором в Праге, затем в Нью-Йорке и наконец получил кафедру в Харвардском университете, лучшем в Америке.

Не знаю, кто “тужился” развенчать Маяковского, – кажется, никто. И вообще г. Роман Якобсон напрасно беспокоится: относительно всемирной литературы он, конечно, слегка зарпортовался, рядом со “Словом о Полку Игореве” творения Маяковского навряд будут в ней, но в будущей свободной истории русской литературы Маяковский будет, без сомнения, помянут достойно» [1, с. 246–247].

Действительно, несмотря на иронию бунинских слов в нынешней истории русской литературы Маяковский занимает достойное место. Остались позади и «политическая анафема», и «послесталинское восхваление» поэта. Всё более усложняется взгляд на личность и творчество писателей, литературный процесс обогащается разнообразными новыми фактами, что, как следует из наших заметок, уточняет и углубляет наши представления о его участниках.

Библиографический список

1. Бунин И. Воспоминания. Париж, 1950. С. 53–56, 237–247.
2. Бунин И.А. Окаянные дни // Собрание сочинений. Б., 1935. Т. 10.
3. Бунин И.А. URL: <http://parnasse.ru/klassika/bunin-ivan-alekseevich/ivan-bunin-u-pticy-est-gnezdo-u-zverja-est-nora.html> (дата обращения: 20.11.2020).
4. Горький М. Тимка. URL: litmir.me/br/?b=57309&p=1 (дата обращения: 20.11.2020).
5. Катаев В. Трава забвения. М., 1967.
6. Лекманов О. Вот так они сделали @-ми // Toronto Slavic Quarterly. V. 7.
7. Маяковский В.В. Полное собрание произведений: в 20 т. / отв. ред. В.Н. Терехина. М., 2013. Т. 1
8. Русский футуризм. Теория. Практика. Критика. Воспоминания / сост. В.Н. Терехина, А.П. Зименков. М., 1999.
9. Саакянц А. Владимир Маяковский и Марина Цветаева // В мире Маяковского: сборник статей. М., 1984. Кн. 2.
10. Шкловский В.Б. Сочинения: в 3 т. М., 1974. Т. 3.
11. Якобсон Р. Неизвестные стихи Маяковского // Новоселье. Нью-Йорк, 1942. № 2.
12. Янгфельд Б. «Любовь – это сердце всего...». М., 1987.

Вера Николаевна ТЕРЕХИНА

доктор филологических наук

главный научный сотрудник

Институт мировой литературы Российской академии наук, г. Москва

УДК 81'373.43; 808.1

В.В. Никульцева

ПОЭТИЧЕСКОЕ СЛОВОТВОРЧЕСТВО И.А. БУНИНА (К РАЗРАБОТКЕ ПРОБЛЕМЫ АВТОРСКОГО СЛОВАРЯ)

Аннотация. В статье рассматриваются основные тенденции в поэтическом словотворчестве И.А. Бунина: определены проблемы идентификации неологизма; приведена лексико-грамматическая классификация неологизмов; поставлен вопрос об идентичных неологизмах в неолексиконах И.А. Бунина и других поэтов Серебряного века. Отмечен факт однотипности деривационных моделей, применяемых автором, выявлено доминирование сложносоставных прилагательных в его поэтическом неолексиконе. Идентичные неологизмы в словотворчестве И.А. Бунина имеют параллели в неолексиконах В. Бенедиктова, А. Майкова, А. Фета, В. Брюсова, Ф. Сологуба, Д. Мережковского, К. Бальмонта, М. Волошина, Ю. Балтрушайтиса, Игоря-Северянина, В. Маяковского, В. Хлебникова, А. Блока, Н. Клюева, В. Каменского, В. Шершеневича, В. Нарбута, Н. Клюева, С. Городецкого. В силу известных обстоятельств, препятствующих выявлению индивидуально-авторских неологизмов в поэтических текстах, исследование выполнялось на ограниченном материале, базой для которого послужило третье издание стихотворений И.А. Бунина в «Малой серии» «Библиотеки поэта» (М., 1961). Предварительные результаты данного исследования будут положены в основу запланированного научного труда, базирующегося на материале Полного собрания сочинений И.А. Бунина.

Ключевые слова: неолексикон, словотворчество, авторские неологизмы, И.А. Бунин.

V.V. Nikultseva

I.A. BUNIN'S POETIC WORD CREATION (TO DEVELOP THE PROBLEM OF THE AUTHOR'S DICTIONARY)

Abstract. The article discusses the poetic words of I.A. Bunin: the problems of identification of neologism, given a lexico-grammatical classification of neologisms; the question about identical neologisms in neolexicon of Bunin and other poets of the Silver age. The author notes the fact that the derivational models used by the author are of the same type, and reveals the dominance of compound adjectives in his poetic neolexicon. Identical neologisms in I.A. Bunin's word-making have Parallels in the neolexicons of V. Benediktov, A. Maykov, A. Fet, V. Bryusov, F. Sologub, D. Merezhkovsky, K. Balmont, M. Voloshin,

Yu. Baltrushaitis, Igor-Severyanin, V. Mayakovsky, V. Khlebnikov, A. Blok, N. Klyuev, V. Kamensky, V. Shershenevich, V. Narbut, N. Klyuev, S. Gorodetsky. Due to certain circumstances that prevent the identification of individual author's neologisms in poetic texts, the research was carried out on limited material, which was based on the third edition of I.A. Bunin's poems in the «Small series» of the «Poet's Library» (Moscow, 1961). Preliminary results of this research will be used as the basis for the planned scientific work based on the material of the complete works of I.A. Bunin.

Keywords: neolexicon, word creation, author's neologisms, I.A. Bunin.

*Михаилу Анатольевичу Венцикову,
солисту балета Михайловского театра,
кандидату искусствоведения, преподавателю СПбГУ
в знак доброй дружбы и уважения*

Иван Андреевич Бунин принадлежит к тем поэтам, что создавали свой индивидуально-авторский стиль без отступлений от нормы, «поэтических вольностей», возникших как техническое средство ещё в XVIII в., а во времена А.С. Пушкина преобразованных в особый стилистический приём [6]. Игорь-Северянин (о дефисном написании псевдонима поэта см.: [18, с. 5; 15, с. 96]) считает стиль Бунина классическим, релаксирующим и гармоничным: «Пастельно-мягок ясный Бунин, / Отчетлив и приятно-свеж. / Он весь осолнечен, олунен, / Но незнаком ему мятеж» [41, с. 206]. С этим утверждением невозможно не согласиться. Действительно, в поэзии И.А. Бунина сложно отыскать какие-либо отступления от языковой нормы – просторечия, аргоизмы, жаргонизмы, диалектизмы, аграмматизмы и мн. др., чем так насыщена словесная ткань произведений поэтов Серебряного века. Однако в области словотворчества Бунину не чужд эксперимент, и поэт-классик, наряду с такими элитными поэтами-символистами, как Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, А.А. Блок, не избежал увлечения неологизмами, хотя «был человеком крайне недоверчивым к современной поэзии. <...> Последними по времени поэтами, заслужившими от него безоговорочную похвалу, были Майков и Полонский...» [9, с. 244]. Эти авторы, в частности, и могли повлиять на его увлечение словотворчеством; о поэтических неологизмах Я. Полонского см., напр.: [17, с. 46].

Анализируя исследования последних лет, посвящённые словотворчеству И.А. Бунина, можно отметитьстораживающую тенденцию к отсутствию глубокого деривационного анализа, вероятно,

вызванному как неполнотой текстовой базы для выделения индивидуально-авторских слов, так и нежеланием скрупулёзно работать с различными источниками (в том числе и с архивными материалами).

Так, в статье О.И. Куницына, отрицающего словотворчество Бунина как таковое, приводится следующее суждение: «Бунин – хранитель чистоты русского языка, отвращало от декадентства прежде всего неумное “словотворчество” <...> подчас самоцельное, превращавшееся в словесное трюкачество, нарушавшее естественные законы развития языка» [11, с. 107]. Апеллируя к мнению известных литературоведов, автор показывает, что Бунину чуждо само понятие словотворчества: «Владея, как никто из его современников, сокровищами чистого русского языка, не опускаясь до сомнительного “словотворчества” <...> Бунин умел увидеть мир по-своему, и по-своему рассказать об этом» [11, с. 112]. Приводя в качестве примеров сложные эпитеты, исследователь не признаёт их окказиональными образованиями.

Сравнивая идиостили прозаических произведений И.А. Бунина, Е.И. Замятина и В.В. Набокова, исследователи Б.Р. и М.Р. Напцок указывают на то, что «словотворчество Бунина выражается преимущественно в создании сложных прилагательных-эпитетов», тогда как Замятин и Набоков активно включены в словотворческий эксперимент, считая его естественным путём развития и обогащения языка [12, с. 49]. Примеров словотворчества статья не содержит.

Статья Л.И. Никитенко посвящена рассмотрению индивидуально-авторских новообразований в художественном дискурсе И.А. Бунина. Однако примеры, приведённые автором статьи, демонстрируют немотивированное маркирование узуального слова в качестве окказионального. Отмечая виртуозность Бунина – мастера художественного слова, исследователь подчёркивает, что «среди других лексических средств особо выделяется группа индивидуально-авторских новообразований», которые требуют тщательного изучения [13, с. 16].

В работах М.М. Базгиевой и Л.М. Дударовой рассматриваются сложные имена прилагательные в словотворческой системе Бунина: их деривационные модели, семантика, стилистические функции. Авторы делают вывод: «Хотя писатель остался чужд декадентским уклонам, как художник он испытывал определённую двойственность: одновременно продолжение традиций русской литературы и тяготение к экспериментам. Возможно, в предчувствии модернизма XX-го века словотворчество стало для него своего рода лабораторией» [4, с. 35].

Как это ни странно, современные исследователи неолексикона И.А. Бунина не указывают в качестве авторитетного научного источника «Словарь эпитетов Ивана Бунина» (М., 2008), составленный В.В. Краснянским [10], включившим в свой энциклопедический труд большое количество окказиональных образований, представляющих большой интерес для исследователя бунинского языка и стиля.

Необходимо отметить, что на данный момент отсутствует Полное собрание стихотворений И.А. Бунина. На сайте проекта «Академический Бунин» отмечается, что «так называемое Полное собрание сочинений в 16-ти томах (М.: Воскресение, 2005–2007) никак не может претендовать на авторитетное издание, так как подготовлено чрезвычайно небрежно и недобросовестно» [1]. В ряде проанализированных выше статей в качестве единственного источника приводится 6-томное собрание сочинений И.А. Бунина, не выдерживающее никакой критики, поскольку при его подготовке «текстологическая работа проводилась фрагментарно и далеко не по всем источникам по причине их недоступности» [1]. Ввиду сложившейся ситуации с источниковедческой базой постановка вопроса об описании путей и способов словотворчества представляется актуальной, но решение этого вопроса в настоящее время преждевременно. Все опубликованные и будущие работы исследователей индивидуально-авторского словотворчества, не имеющие серьёзной научной базы, основанные на непроверенных источниках, обречены на провал, а в лучшем случае положения, содержащиеся в них, ориентированы на последующие весьма существенные корректировки. Как видно из анализа лингвистической «бунинианы» последних лет, исследования носят неглубокий характер и содержат поверхностные сведения и необоснованные выводы.

В данной статье в качестве источниковедческой базы использовано третье издание стихотворений И.А. Бунина, вышедшее в малой серии «Библиотеки поэта» [32]. В поэтических текстах выявлено около ста лексических неологизмов, что является существенной цифрой для ограниченного по объёму издания стихотворений.

1. Проблемы идентификации неологизма

Неологизмы И.А. Бунина выявлялись методом сплошной выборки из издания [32]. В процессе их идентификации производилась

сверка с данными следующих исторических и современных словарей: «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля [7]; «Сводный словарь современной русской лексики» [20]; «Словарь русского языка» [23]; «Словарь современного русского литературного языка» [24]; «Словарь поэтического языка Марины Цветаевой» [22]; «Словарь новых слов» Л.И. Колодяжной и Л.Л. Шестаковой [21]; «Словарь неологизмов В.В. Маяковского» Н.П. Колесникова [8]; «Словарь неологизмов Велимира Хлебникова» Н.Н. Перцовой [19]; «Словарь неологизмов Игоря-Северянина» В.В. Никульцевой [18]; «Словотворчество Маяковского. Опыт словаря окказионализмов» В.Н. Валавина [5].

Было выявлено 94 неологизма. Тот факт, что не все слова, идентифицированные как неологизмы, были отмечены исследователями, объясняется, видимо, рядом причин, основными из которых являются следующие:

1. Неоднозначное восстановление начальной формы неологизма (напр., краткая форма прилагательного *траурно* вместо наречия *траурно**: *Траурно Большой канал чернеет / В россыпи огней, туманно-красных* [32, с. 365]).
2. Неоднозначная частеречная отнесённость неологизма (*мёрзло* – ср. узувальное краткое прилагательное и наречие; *сонно* – наречие и слово категории состояния у Бунина).
3. Случайная омонимия общепотребительных/диалектных и авторских слов вследствие различных словообразовательных процессов (*лунь* ‘луна, лунный свет’, от *лунный*; ср. [7, т. II, с. 707]: *Лунь 1* ‘тусклый свет, блеск, белизна’; *Лунь 2* ‘ночная птица’).
4. Недостаточная разработка в современной лингвистике вопроса о узувальном характере качественных наречий и слов категории состояния и отсутствие их фиксации в современных словарях (напр., наречия *богомольно*, *мёрзло*, *металлически*, *траурно*, предикативы *сонно*, *немо*, отсутствующие в словарях).

II. Лексико-грамматическая классификация неологизмов.

Исходя из мысли о вариативности подходов к выявлению и толкованию авторского слова, связанных с неоднозначностью трактовки его формы и значения, можно выделить 94 лексических неологизма И.А. Бунина, классифицированных следующим образом:

- I.1. Суффиксальные образования (8).
1. Отадъективные имена существительные (1): *зеркальность*.
 2. Отсубстантивные имена существительные (2): *вишенник, пёнушко*.
 3. Отвербативные имена прилагательные (1): *блескучий*.
 4. Отадъективные наречия (4): *богомольно, мёрзло, металлические, траурно*.
- I.2. Циркумфиксальные образования (1):
1. Отсубстантивные имена существительные (1): *разлужье*.
- I.3. Суффиксально-постфиксальные образования (2).
1. Глаголы (2): *табуниться, фосфорясь* – дееприч. от *фосфориться*.
- I.4. Безаффиксные образования (2):
1. Отадъективные имена существительные (2): *лунь, ростепель*.
- I.5. Аффиксальные замены (1):
1. Прилагательные (1): *подслепый* вм. *подслеповатый*.
- I.6. Сложносоставные образования (77).
1. Имена существительные, образованные на базе сочинительных отношений (1): двух существительных (чистое сложение): *верболозы*;
 2. Имена прилагательные, образованные на базе сочинительных отношений двух прилагательных (68): *бездонно-фосфорический, безжизненно-лазоревый, белознойный, бледно-белый, бледно-рыжий, бледно-синеватый, буро-красноватый, влажно-бирюзовый, влажно-голубой, влажно-свежий, влажно-соленый, грубо-голубой, дико-звонкий, желто-пепельный, загадочно-унылый, зелено-ржавый, зелено-серебристый, зелено-синий, зеркально-зыбкий, знойно-голубой, золотисто-светлый, кокетливо-простой, красно-серый, лазурно-мглистый, лазурно-фосфорический, ласково-яркий, ледяно-белый, лилово-золотой, лилово-синий, лучисто-золотой, мертвенно-свинцовый, могильно-золотой, молочно-серый, молочно-синеватый, молочно-синий, небесно-изумрудный, огненно-красный, патриархально-царственный, пепельно-серый, первобытно-грубый, песчано-золотой, празднично-счастливый, прозрачно-бледный, прозрачно-золотой, пурпурно-кровавой, радостно-звериный, размеренно-неслышный, розовато-телесный, рыже-золотой, серебристо-голубой, серебристо-шелковый, серо-аспидный,*

- серо-сизый, сине-огненный, сумрачно-алый, таинственно-светлый, торжественно-широкий, траурно-узорный, туманно-голубой, туманно-красный, туманно-синий, туманно-яркий, уродливо-плечистый, холодно-бледный, хрустально-мертвый, хрустально-трепетный, черно-гробовой, янтарно-зеленый.*
3. Имена прилагательные, образованные на базе сочинительных отношений прилагательного и причастия (1): *зеркально-вогнутый*.
 4. Имена прилагательные, образованные на базе подчинительных отношений прилагательного и существительного (5): *космоногий, пышноцветный, сереброголосый, стоцветный, тысячеглазый*.
 5. Наречия, образованные на базе сочинительных отношений двух наречий (1): *задумчиво-безмолвно*.
 6. Наречия, образованные на базе подчинительных отношений двух наречий (1): *младенчески-безгрешно*.
- I.7. Конверсивы (1):
1. Слова категории состояния (1): *сонно*.

Как видно из приведённых примеров, модели, по которым строятся неологизмы, однотипны. Предпочтение отдаётся сложносоставным образованиям на базе основосложения равноправных компонентов. По частеречной отнесённости среди новообразований доминируют имена прилагательные.

III. Проблема идентичных неологизмов

В поэтическом неолексиконе И.А. Бунина встречаются неологизмы, имеющиеся в стилистических системах других поэтов – предшественников и современников: классиков, символистов, футуристов, акмеистов, имажинистов.

В единичных случаях можно достаточно уверенно констатировать факты заимствования идентичных слов. Чаще отмечаются случаи параллельного употребления неологизма в неолексиконах двух либо нескольких поэтов XIX – начала XX вв.

Идентичные неологизмы можно разделить на 2 группы:

1. Абсолютные двойники (дублеты): *бледно-белый* у Бунина [32, с. 307] и А. Блока [28, т. I, с. 172]; *бледно-синеватый* у Бунина [32, с. 452] и В. Хлебникова [19]; *богомольно* у Бунина [469],

Блока [28, т. III, с. 61, 282, 536], А. Фета [45, с. 279, 405, 476, 606], В. Брюсова [29, с. 132; 31, с. 227; 30, с. 201, 250], В. Нарбута [40, с. 86], Игоря-Северянина [18, с. 47], М. Волошина [33, с. 177; 34, т. I, с. 131], Н. Клюева [37, с. 244, 256], Ф. Сологуба [43, т. 5, с. 169; 44, т. 5, с. 165]; *влажно-голубой* у Бунина [32, с. 183], Д. Мережковского [39, с. 77]; *влажно-солёный* у Бунина [32, с. 332], Игоря-Северянина [18, с. 61]; *лунь* у Бунина [32, с. 225], В. Каменского [36, с. 275], В. Шершеневича [46, с. 277], Игоря-Северянина [18, с. 150–151], Клюева [37, с. 461]; *металлически* у Бунина [32, с. 460]; В. Бенедиктова [27, с. 303], *песчано-золотой* у Бунина [32, с. 398], Хлебникова [19]; *прозрачно-бледный* у Бунина [32, с. 167], Мережковского [39, с. 450]; *прозрачно-золотой* у Бунина [32, с. 314], Ап. Майкова [38, с. 177]; *пурпурно-красной* у Бунина [32, с. 370], С. Городецкого [35, с. 74]; *пышноцветный* у Бунина [32, с. 279], Блока [28, т. II, с. 341]; *серо-сизый* у Бунина [32, с. 93], Брюсова [31, с. 339, 340; 30, с. 308]; *сонно* (слово категории состояния) у Бунина [32, с. 303], Игоря-Северянина [18, с. 285]; *стоцветный* у Бунина [32, с. 346], Блока [28, т. IV, с. 17–18], Брюсова [30, с. 135, 169, 259], В. Маяковского [8, с. 231; 5, с. 523, 457], Волошина [34, т. I, с. 82], Ю. Балтрушайтиса [25, с. 32, 241, 248, 261]; *таинственно-светлый* у Бунина [32, с. 236], Балтрушайтиса [25, с. 58]; *туманно-голубой* у Бунина [32, с. 346], Сологуба [42, с. 261; 43, т. 5, с. 89; 44, т. 5, с. 83]; *тысячеглазый* у Бунина [32, с. 220], Маяковского [8, с. 240; 5, с. 544].

2. Слова, находящиеся в отношениях словообразовательной производности: *бледно-синеватый* у Бунина [32, с. 452] – *бледно-синий* у Нарбута [40, с. 277]; *задумчиво-безмолвно* у Бунина [32, с. 91] – *задумчиво-безмолвный* у К. Бальмонта [26, с. 505]. Как видно из приведённых примеров, идентичные неологизмы в словотворчестве И.А. Бунина имеют параллели в неолексиконах В.Г. Бенедиктова, А.Н. Майкова, А.А. Фета, В.Я. Брюсова, Д.С. Мережковского, К.Д. Бальмонта, Ф. Сологуба, М.А. Волошина, Ю.К. Балтрушайтиса, А.А. Блока, Игоря-Северянина, В. Хлебникова, В.В. Маяковского, В.В. Каменского, В.Г. Шершеневича, Н.А. Клюева, В.И. Нарбута, С.М. Городецкого.

«Я изнемогаю, – жаловался Бунин, – от того, что на мир я смотрю только своими глазами и никак не могу взглянуть на него

как-нибудь иначе...» (цит. по: [2, с. 171]). Однако анализ идентичных неологизмов говорит о том, что ни один поэт Серебряного века не может быть замкнутым в процессах словотворчества и вольно или невольно вступает в метаязыковые контакты с литературным окружением.

Настоящая статья, излагающая общие и частные вопросы изучения поэтического словотворчества И.А. Бунина, имеет целью постановку проблемы создания словарной базы по авторской неологии и не претендует на полноту анализируемого материала, результаты которого будут положены в основу запланированного на материале Полного собрания сочинений И.А. Бунина научного труда.

Библиографический список

Исследования

1. Академический Бунин. URL: <http://ivbunin.ru/nauka/polnoe-sobranie-sochinenij> (дата обращения: 22.11.2020).
2. *Бабореко А. И.А. Бунин: материалы для биографии.* М., 1967.
3. *Базгиева М.М., Дударова Л.М.* К вопросу о структурно-семантической характеристике сложных прилагательных И.А. Бунина // *Lingua – universum.* 2020a. № 2. С. 30–32.
4. *Базгиева М.М., Дударова Л.М.* Цветовые сложные прилагательные в рассказах И.А. Бунина // *Lingua – universum.* 2020b. № 2. С. 33–35.
5. *Валавин В.Н.* Словотворчество Маяковского. Опыт словаря окказионализмов. М., 2010.
6. *Винокур Г.О.* Наследство XVIII в. в стихотворном языке Пушкина // Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
7. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ: М., 1998. Римской цифрой обозначен том, арабской – столбец.
8. *Колесников Н.П.* Словарь неологизмов В.В. Маяковского / под ред. Н.М. Шанского. Тбилиси, 1991.
9. *Кондратович А.* Ровесник любому поколению (Повесть о А. Твардовском). М., 1987.
10. *Краснянский В.В.* Словарь эпитетов Ивана Бунина. М., 2008.
11. *Куницын О.* О поэзии Ивана Бунина // *Вестник Вост.-Сиб. гос. ин-та культуры.* 2017. № 4. С. 105–126.
12. *Напцок Б.Р., Напцок М.Р.* Словотворчество писателей русского зарубежья в практике преподавания филологических дисциплин // *Язык, текст и культура: проблемы лингвистики и изучения русского языка*

- как иностранного: материалы заочной Международной науч.-практич. конференции. Майкоп, 2017. С. 48–50.
13. *Никитенко Л.И.* Авторские новообразования в творчестве И.А. Бунина // Территория науки. 2017. № 3. С. 11–16.
 14. *Никутьцева В.В.* Идентичные окказионализмы в творчестве Игоря Северянина и Владимира Маяковского // Русский язык в школе. 2004. № 1. С. 59–64.
 15. *Никутьцева В.В.* История одного литературного псевдонима // Русская речь. 2009. № 3. С. 96–98.
 16. *Никутьцева В.В.* Лексические неологизмы Игоря-Северянина (деривация, значение, употребление): дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.
 17. *Никутьцева В.В.* О неологизмах Я. Полонского // Русский язык в школе. 2009. № 9. С. 46–50.
 18. *Никутьцева В.В.* Словарь неологизмов Игоря-Северянина / под ред. В.В. Лопатина. М., 2008.
 19. *Перцова Н.Н.* Словарь неологизмов Велимира Хлебникова / предисл. Х. Барана // Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 40. Wien; Moskau, 1995.
 20. Сводный словарь современной русской лексики: в 2 т. / под ред. Р.П. Рогожниковой. М., 1990.
 21. *Колодяжная Л.И., Шестакова Л.Л.* Словарь новых слов // Информационно-поисковая система «Словари русской поэзии Серебряного века» (на основе электронной версии «Словаря языка русской поэзии XX века»). URL: <http://www.lexrus.ru/default.aspx?p=2674> (дата обращения: 12.10.2020).
 22. Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: в 4 т. / сост. И.Ю. Белякова, И.П. Оловянникова, О.Г. Ревзина. М., 1996–2004.
 23. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981–1984.
 24. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л., 1948–1965.

Источники

25. *Балтрушайтис Ю.* Дерево в огне: стихи. / сост. и примеч. Ю. Тумялиса. Вильнюс, 1983.
26. *Бальмонт К.Д.* Стихотворения / вступит. ст., сост., подгот. текста и прим. В. Орлова. Л., 1969.
27. *Бенедиктов В.Г.* Стихотворения / вступит. ст. Ф.Я. Приймы; сост., подгот. текста и примеч. Б.В. Мельгунова. Л., 1983.
28. *Блок А.А.* Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 1–5, 7. М., 1997–2003. Т. 1–3. 1997.

29. *Брюсов В.* Избранные сочинения: в 2 т. / подгот. текста переводов и примеч. А.А. Ильинского; подгот. текста статей и примеч. Н.С. Ашукина. М., 1955. Т. 2. Переводы. Статьи.
30. *Брюсов В.Я.* Сочинения: в 2 т. Стихотворения. Поэмы / сост., вступ. ст., коммент. А.А. Козловского. М., 1987. Т. 1.
31. *Брюсов В.Я.* Стихотворения. Л., 1959.
32. *Бунин И.* Стихотворения / вступит. ст., подгот. текста и примеч. Б.О. Костелянца. Л., 1961.
33. *Волошин М.* Стихотворения / вступит. ст. С.С. Наровчатова. Л., 1977.
34. *Волошин М.* Собрание сочинений / под общ. ред. В.П. Купченко и А.В. Лаврова. М., 2000, 2003–2004. Т. 1–2.
35. *Городецкий С.* Стихотворения и поэмы / вступ. ст. и сост. С.И. Машинского; подгот. текста и примеч. Е.И. Прохорова. Л., 1974.
36. *Каменский В.* Стихотворения и поэмы / вступит. ст., подгот. текста и примеч. Н.Л. Степанова. М.; Л., 1966.
37. *Клюев Н.* Стихотворения и поэмы. Л., 1977; Л., 1982.
38. *Майков А.Н.* Избранные произведения / сост., подгот. текста и примеч. Л.С. Гейро; вступит. ст. Ф.Я. Приймы. Л., 1977.
39. *Мережковский Д.С.* Собрание стихотворений. СПб., 2000.
40. *Нарбут В.* Стихотворения / вступит. ст., сост. и примеч. Н. Бялосинской и Н. Панченко. М., 1990.
41. *Северянин И.* Громокопящий кубок. Ананасы в шампанском. Соловей. Классические розы. / сост. В.Н. Терёхина, Н.И. Шубникова-Гусева. М., 2004.
42. *Сологуб Ф.* Стихотворения. Л., 1978.
43. *Сологуб Ф.* Собрание сочинений. СПб., 1909. Т. 5. Стихи.
44. *Сологуб Ф.* Собрание сочинений. СПб., 1913. Т. 5. Восхождения. Стихи.
45. *Фет А.А.* Стихотворения и поэмы / вступит. ст., сост. и примеч. Б.Я. Бухштаба. Л., 1986.
46. *Шершеневич В.* Стихотворения и поэмы / вступит. ст., сост., подгот. текста и прим. А.А. Кобринского. СПб., 2000.

Виктория Валерьевна НИКУЛЬЦЕВА

кандидат филологических наук, доцент
заведующий кафедрой социально-гуманитарных
и общеправовых дисциплин
Московский финансово-юридический университет МФЮА

УДК 811.161.1*06

Е.В. Генералова

ОТ ТЕКСТА К СЛОВАРЮ И ОТ СЛОВАРЯ К ТЕКСТУ: ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКА КАК ИСТОЧНИК ИНФОРМАЦИИ ОБ УСТАРЕВШЕЙ ЛЕКСИКЕ*

Аннотация. В статье обсуждается информативность толкового словаря современного русского языка в отношении его возможностей для изучения устаревшей лексики. Представляется, что при отражении динамических хронологических процессов отношение «текст – словарь» должно быть взаимодействием и осуществляться в обоих направлениях.

Ключевые слова: устаревшая лексика, толковая лексикография, архаизм, историзм.

E.V. Generalova

FROM THE TEXT TO THE DICTIONARY AND FROM THE DICTIONARY TO THE TEXT: EXPLANATORY DICTIONARY OF MODERN LANGUAGE AS A SOURCE OF INFORMATION ON THE OUTDATED VOCABULARY

Abstract. The work considers the informational content of the explanatory dictionary of modern Russian to its possibilities for foreign students to study outdated vocabulary. When reflecting dynamic chronological processes, the «text–dictionary» relationship should be interaction and be carried out in both directions.

Keywords: outdated vocabulary, explanatory lexicography, archaism, historicism.

В наше время лексикография сохраняет и преподносит в кратком виде знания самых различных наук, и на современном этапе развития науки с «отчетливой ориентацией всех направлений современной лингвистики на обнародование результатов своей деятельности в словарной форме» [4, с. 5], словарь сам выступает

текстом и становится базой фундаментальных лингвистических исследований. В первую очередь это касается антропоцентрического словаря, цель которого – описание не абстрактных ячеек лексической системы, а живого функционирующего языка, данного в реальном употреблении и ориентированного на языковое сознание современников, то есть современного русского языка в его реальном функционировании, с включением разнообразных лексических рядов, в том числе тех, которые ранее не описывались в толковых словарях [5, с. 7–8]. Такой словарь основывается на современных текстах (и контекстах) и сам является справочником и пособием при создании текстов.

В настоящей статье рассматривается информативность антропоцентрически ориентированного словаря в отношении его возможностей для получения сведений о семантике устаревшей лексики и правильном употреблении ее в текстах.

Устаревшая лексика входит в пассивный словарный запас, являясь неотъемлемой частью языка. Использование в речи хронологических разновидностей лексики характеризует продвинутый уровень владения языком. Знание этой лексики – показатель богатства словарного запаса, оно необходимо для чтения лучших образцов русской литературы. Трудно переоценить страноведческий и культурологический потенциал устаревшей лексики при обучении языку (см., например, [2]), поскольку слова и выражения минувших эпох хранят сведения об уникальных обстоятельствах, событиях, явлениях истории народа-носителя соответствующего языка: «приобщение к культурно-историческому и языковому прошлому народа страны изучаемого языка расширяет возможности развития языковой догадки и повышения уровня коммуникативной компетенции иностранных студентов-филологов» [1, с. 17]. Очень важно, что лексика минувших эпох активно используется и в современном языке, прежде всего – это мощное стилистическое средство языка масс-медиа [3], и знание семантических и стилистических особенностей употребления устаревшей лексики в современном дискурсе – залог понимания и русского языка XX–XXI вв., прежде всего, газетного текста.

В отличие от исторических словарей русского языка, словарей редких и устаревших слов, содержащих сведения о значении слов и выражений минувших эпох, именно толковый словарь наиболее

*Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 20-012-00122 «Язык и словарь: толковый словарь как объект и эмпирическая база лингвистических исследований (по материалам Словаря русского языка XXI века под ред. Г.Н. Складневской)».

полно представляет язык в целом в его основных функциональных и хронологических подвидах, и таким образом дает информацию не только о семантике слов ушедших эпох, но и о функционировании устаревшей лексики в современном языке, что представляется принципиально значимым моментом для ее грамотного использования.

Основной базой исследования в настоящей статье (и одновременно представляемым проектом) является «Словарь русского языка XXI в.», создаваемый группой под руководством Г.Н. Складневской (далее – Словарь). В настоящее время полностью разработана концепция Словаря [6; 8], вышел из печати первый том («А-бета-частица»: 8000 слов) [7], в черновом варианте Словарь готов в полном объеме, до буквы Я (связано с тем, что в формировании корпуса Словаря были использованы новые методы – составление не по алфавитному, а по содержательному принципу). Принципиально для концепции Словаря, что он создается по принципу антропоцентрической лексикографии, то есть описывает язык, данный в реальном употреблении, и ориентирован на языковое сознание современников.

Лексика минувших эпох не может быть рассмотрена как единый массив: традиционно выделяются разные разряды устаревшей лексики (и периодически осуществляются попытки исследователей пересмотреть и/или дополнить эту классификацию), различаются функции устаревших и устаревающих слов, степень их устаревания и активности в современном языке. В соответствии с традиционной классификацией в Словаре выделяются разные разряды устаревшей лексики: слова, значения, фразеологизмы, устойчивые сочетания, обозначающие реалии, вышедшие из употребления, то есть историзмы (сопровождаются пометой *Ист.*(оризм): например, *азбуковник, агропflug, басмач, вершок, капстраны, ландо, аптекарский фунт, непобедимая армада*) и слова, значения, фразеологизмы, устойчивые сочетания, отличающиеся особой стилистической окраской, отражающей колорит архаичности, то есть фактически архаизмы (сопровождаются пометой *Устар.*(елое): например, *аки, бесчиние, вестимо, мерзавчик, адская машина, пить мертвую чашу*). Таким образом, использующиеся в словаре хронологические пометы при лексике, выходящей из активного употребления, дают читателю информацию о степени и причинах ее архаизации. При этом хронологическая помета может ставиться при всем слове (*ад*‘*Ист.* Древнегреческий

певец, сказитель народных песен, легших в основу древнейшего эпоса (преимущественно до VII–VI вв. до н. э.’)), его отдельном значении (*балаган* ‘... 5. *Ист.* Временная легкая постройка для ярмарочной торговли, жилья, зрелищ и т.п.’), устойчивом сочетании (*административная ссылка* ‘*Ист.* В царской России и позже в советское время: удаление во внесудебном порядке в отдаленные места проживания лиц, характер деятельности которых не соответствовал законодательству, требованиям властей, общества и т.п.’), фразеологизме (*адская машина* ‘*Устар.* Бомба, снабженная взрывателем, регулируемым часовым механизмом’), варианте (‘*августовский* и *устаревающее август’овский*).

Словарь максимально подробно и точно описывает семантику этих языковых единиц. Но историзмы и архаизмы толкуются в словаре принципиально разным образом.

Историзмы снабжаются детальным описанием несуществующей в современной действительности реалии, чтобы дать читателю ясное представление о содержании утраченного понятия. Очень важный элемент толкования историзмов – указание на хронологическую приуроченность соответствующей лексики. С точки зрения лексикологии современного русского языка, устаревшей является и лексика времен Киевской Руси, и встречающиеся в произведениях классической русской литературы слова, характеризующие специфические реалии XIX в., и советизмы, и т.п., но очевидно, что в данном случае пометы *Ист.* недостаточно для понимания места соответствующего слова в языке, а реалии – в истории. С этой целью толкование историзмов в большинстве случаев начинается с указания на определенный временной период, к которому относится активное функционирование слова (например, «в древности», «в Средние века», «в раннефеодальную эпоху», «в России при Петре I», «в средневековой Западной Европе» и т.п.: см.

- *авлос* ‘*Ист.* В Древней Греции: деревянный духовой музыкальный инструмент, состоящий из двух трубок, по форме напоминающих флейту’;
- *абвер* ‘*Ист.* В Германии 1919–1944 гг.: орган военной разведки и контрразведки’;
- *адьюнкт* ‘*Ист.* В дореволюционной России: помощник профессора или академика’.

Реже указание на время заключено в толковании в описательном виде:

- *адрес-календарь* ‘Ист. Официальное ежегодное издание в **Российской империи (1765–1916)** с перечнем должностных лиц всех государственных учреждений’;
- *абака* ‘Ист. Мраморная плита, **использовавшаяся древними греками и римлянами** для облицовки стен внутренних помещений’.

В этом отношении особенно сложно толкование советизмов, которые, во-первых, относятся к пласту не очень давно устаревшей лексики (и не всегда осознаются как таковые), а с другой стороны, могут быть привязаны к разным периодам существования СССР (в связи с чем включение в толкование элемента «В советск. время...» не всегда является достаточным и исчерпывающим). Ср., например, *антисоветчик* ‘Ист. **В советск. время:** человек, настроенный враждебно по отношению к СССР, советскому строю, его идеологии; гражданин СССР, занимавшийся антисоветской деятельностью (и подвергавшийся за это гонениям и репрессиям)’ и *валютница* ‘Ист. **В СССР в 1980–1990-е гг.:** валютная проститутка’. Такая дифференциация толкования историзмов является не формальной, а содержательной, и толкование содержит значимую и полезную для читателя историческую справку.

Толкование значения вышедших из употребления одушевленных и абстрактных существительных обычно включает прилагательное «древний»: см. *арамей* ‘Ист. **Древние** семитские кочевые племена, населявшие Аравийский полуостров (Сирию и Месопотамию)’, а толкование не используемых в современной действительности конкретных предметов – прилагательное «старинный»: см. *адряс* ‘Ист. **Старинная** бухарская или персидская полушелковая ткань’, *армяк* ‘Ист. **Старинная** крестьянская верхняя одежда в виде долгополого кафтана’, *алебарда* ‘Ист. **Старинное** холодное оружие в виде длинного копья с топориком или секирой’.

В отличие от историзмов, толкование архаизмов (сопровождаются пометой *Устар.*), как правило, дается в виде синонима в современном языке (например, *аквамариновый* ‘Устар. Аквамариновый’, *альманах*² ‘Устар. Календарь’), реже, при отсутствии синонима – описательно (например, *акрида* ‘Устар. Плод белой акации’).

В Словаре также представлена динамика словарного состава языка, что достигается с помощью пометы *Устаревающее*. Эта помета ставится при словах, находящихся в процессе архаизации, по разным причинам выходящих из словарного состава языка, но еще используемых в определенных случаях, особенно людьми старшего возраста: см. *амикошонсто*, *архиважный*, *белокровие*, *машбюро*, *не велика барыня*. То есть помета *Устаревающее* помогает сориентироваться читателям Словаря в отношении употребительности языковой единицы в современном языке.

Информация Словаря о функционировании устаревшей лексики в современном русском языке является особенно важной: именно эти сведения имеют важное практическое значение, позволяя не только понимать значение устаревших слов в текстах классической литературы, но и правильно употреблять их в активной речи, при создании различных текстов.

Для ряда лексических единиц указывается, что они могут использоваться в стилизованной под старину речи, и типовые иллюстрации демонстрируют такое употребление: см.

- *бесприданница* ‘Устар. Девушка, не имеющая приданого. *Жениться на бесприданнице.*] **В соврем. употр. в стилизованной речи.** Известный бизнесмен берет замуж бесприданницу’;
- *адюльтер* ‘Устар. и в стилизованной речи. Супружеская неверность. *Электронный адюльтер на сайте знакомств. Узнать об адюльтере мужа. Известного актера заподозрили в адюльтере.*

Для других единиц с помощью помет, указывающих на стилистический регистр функционирования архаической лексики в современном языке, описывается эмоционально-экспрессивная окраска этих языковых единиц, поскольку устаревшая лексика, безусловно, богатейший, но эффективный при правильном использовании стилистический ресурс:

- *аглицкий* ‘Устар. Английский. *Аглицкий клуб.*] **В соврем. употр. Шутл.** Аглицкая королева. Аглицкий шпион. Аглицкий язык’;
- *батрак* ‘Ист. Наемный сельскохозяйственный рабочий в помещицьем или кулацком хозяйстве. ...] **В соврем. употр. Разг. Неодобр. О** человеке, выполняющем по найму тяжелую низкооплачиваемую работу. *Бесправные батраки на стройках. Батраки из ближнего зарубежья*’;

- *вассальский* ‘Ист. Относящийся к вассалу, вассалам; свойственный вассалу. ...’] **В соврем. употр. Ирон.** *Вассальская покорность руководству*’.

Подтолкования могут указывать на особую семантику устаревшего слова в современном языке:

- *барышня* ‘Ист. 1. Незамужняя дочь барина (1 зн.). ...’] **В соврем. употр. Устаревающее. О молодой девушке**’;
- *байство* ‘Ист. В Средней Азии досоветского периода: класс богачей, владевших крупными земельными, скотоводческими хозяйствами и имевших большую власть. ...’] **В соврем. употр. Перен. О самоуправстве, деспотизме, попрании прав других людей. Критика политического кумовства и байства. Обвинение чиновника в байстве, произволе**’;
- *вече* ‘Ист. На Руси в X–XVI вв.: народное собрание, созывавшееся для решения важных политических, хозяйственных, культурных вопросов жизни общества; место такого собрания. Новгородское, киевское вече. Колокол зовет на вече. Участниками веча были взрослые свободные мужчины, имевшие право голоса.] **В соврем. употр. Шутл. О многолюдном собрании. На общегородском вече будет обсуждаться проблема с мусором. Мэр решил провести открытое обсуждение, и вече состоялось. Что вы там на своем классном вече решили-то?**’;
- *коробейник* ‘Ист. Мелкий торговец-разносчик, продававший (обычно в деревнях) галантерею, ткани, книги и т.п. ...’] **В соврем. употр. Разг. Об уличном торговце, занимающемся мелкой торговлей. Коробейники, обхаживающие с баулами различные конторы. Предлагающие всякую мелочь в вагонах метро коробейники**’.

Словарь фиксирует и формирующиеся из таких употреблений переносные метафорические значения историзмов: см., например, историческая семантика и возникшее в 1990-х гг. переносное значение историзма *абрек*: ‘1. *Ист. В XIX в.* – кавказский горец, давший обет воевать и вести аскетичную жизнь... 2. *Разг. Неодобр. Житель Кавказа. За дальним столиком сидели два мрачных абрека*’.

В Словаре даже отмечается использование устаревшего слова в современной ономастике:

- *аустерия* и *австерия* ‘Ист. В России при Петре I: ресторан, питейное заведение, гостиница, устроенные по западному об-

- разцу. ...’] **В названиях современных ресторанов, гостиниц.** *«Аустерия» в Кронштадте. «Аустерия» в Иоанновском рavelине Петропавловской крепости. Гостинично-ресторанный комплекс «Австерия»*’;
- *ладья* ‘**Устар.** Большая гребная парусная лодка. *Копия древнерусской ладьи X века. Ладьи викингов.*] **В соврем. употр. в названиях премий, соревнований.** *Золотая ладья. Серебряная ладья. Хрустальная ладья*’.

Таким образом, антропоцентрически ориентированный толковый словарь не просто фиксирует сохраняющуюся в пассивном составе языка устаревшую лексику, но с помощью метаязыка дает информацию читателю о причинах выхода этих слов, значений, устойчивых выражений из активного состава, степени устаревания лексической единицы, а главное – о ее стилистическом потенциале, возможностях и особенностях функционирования в современном языке, современном тексте. В этом отношении толковый словарь может быть эффективно использован и как справочник, и как учебное пособие при изучении устаревшей лексики русского языка. Представляется, что при отражении динамических хронологических процессов отношение «текст – словарь» должно быть взаимодействием и осуществляться в обоих направлениях. С одной стороны, составители антропоцентрического словаря современного русского языка черпают в тексте информацию о реальном функционировании лексики пассивного запаса, современный текст демонстрирует появление новых значений, семантических приращений, изменение эмоционально-экспрессивной окраски лингвистических единиц и т.п. С другой стороны, обращение журналистов, учителей, учащихся и других пользователей к словарям и знание условий употребления устаревшей лексики – это залог отсутствия речевых ошибок и грамотного, достигающего цели использования в тексте этой части пассивного запаса русского языка.

Библиографический список

1. *Аркадьева Т.Г., Васильева М.И., Владимирова С.С., Шарри Т.Г., Федотова Н.С.* «И слово отзовется...»: Историзмы и архаизмы на занятиях по русскому языку в иностранной аудитории // Педагогическое образование в России. 2016. № 12. С. 17–23.

2. Бухалов А.В. Устаревшая лексика как лингвистическая составляющая этнокультуроведческого подхода в обучении русскому языку. // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2012. № 1. С. 74–83.
3. Журавская О.С. Использование историзмов и архаизмов в общественно-политическом дискурсе. // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления: материалы Международной научной конференции / гл. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург, 2016. С. 83–5.
4. Козырев В.А., Черняк В.Д. Современные ориентации отечественной лексикографии // Вопросы лексикографии. 2014. № 1 (5). С. 5–15.
5. Скляревская Г.Н. Современный толковый словарь живого русского языка: Обоснование концепции. Пробные словарные статьи. СПб., 2004.
6. Скляревская Г.Н., Ваулина Е.Ю., Ткачева И.О. Словарь русского языка XXI в.: проект. СПб., 2019.
7. Словарь русского языка XXI в. СПб., 2019. Т. 1: А – бета-частица.
8. Современный толковый словарь живого русского языка. На пути к завершению: сборник научных статей / отв. ред. Г.Н. Скляревская. СПб., 2016.

Елена Владимировна ГЕНЕРАЛОВА

кандидат филологических наук
научный сотрудник лаборатории компьютерной лексикографии
Института прикладной русистики
Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург

УДК 8

М.Р. Арпентьева

УЗБЕКСКО-РУССКИЙ И РУССКО-УЗБЕКСКИЙ СТИХОТВОРНЫЙ ПЕРЕВОД: ОБЩИЕ И ОСОБЕННЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. Работа посвящена проблемам перевода как процесса и результата понимания, диалога с текстом и его автором. На примере переводов с русского языка на узбекский или с узбекского на русский показано, что перевод есть понимающая деятельность, требующая трансординантного знания как собственного, так и переводимого языка. Трудности перевода особенно хорошо иллюстрируют переводы стихотворений.

Ключевые слова: перевод, понимание, диалог, язык, стихотворение.

М.Р. Arpentieva

UZBEK-RUSSIAN AND RUSSIAN-UZBEK TRANSLATION OF VERSE: GENERAL AND SPECIAL ASPECTS

Abstract. The work is devoted to the problems of translation as a process and result of understanding, dialogue with the text and its author in the process of translation from Russian into Uzbek or from Uzbek into Russian. On the example of translations of the Russian language into Uzbek or from Uzbek into Russian, it is shown that translation is an understanding activity requiring trans-ordinate knowledge of both own and translated language. Difficulties in translation were well illustrate by translations of poems.

Keywords: translation; understanding; dialogue; language; poem.

Развитие тюркской, в частности классической и современной узбекской, поэзии идёт подчас непростыми путями. Эта прекрасная поэзия по строю мышления и чувств, по духовным и национальным традициям очень своеобразна. У узбекской поэзии глубокая и широкая история и традиции, благодаря которым так неисчерпаемо творчество классических и современных узбекских поэтов, например Р. Парфи, Эр. Вахидова, М. Мирзо, В. Файзуллоха, В. Муратханова и др. В советское время узбекскую поэзию издавали достаточно много, но не слишком вдумчиво: индивидуальность переводимых стихов, их понимание и понимание самих поэтов при этом страдали. Сейчас переводят с узбек-

ского и на узбекский мало, современных узбекских поэтов, даже очень талантливых и самобытных, за рубежом почти не знают. Но и классика узбекской поэзии, в свою очередь, нуждается в современных качественных переводах, которые отражали бы всё её своеобразие.

Многие знаменитые и великие поэты создавали свои произведения на разных языках. Конечно, русский язык в Центральной Азии отличается от того, на котором говорят в центральной России: на русском в Узбекистане люди чувствуют и мыслят не совсем так, как россияне. Многие русскоязычные узбекские поэты, например С. Мадалиев, С. Янышев и др., а также современные русские поэты, которые жили и живут в Узбекистане как многонациональной республике, напоминают «золотые мосты», соединяющие культуры.

Диалог культур – это диалог языков. Подлинный диалог требует искусства перевода. Знание иностранного языка – это умение разговаривать, читать, переводить, то есть понимать созданные на данном языке тексты. Однако перевод, в том числе условно-дословный, это совершенно уникальная деятельность, которая требует первоначально осознанного соотнесения целого комплекса значений и смыслов, вытекающих и «втекающих» в огромный смысловой универсум, начиная от смыслового универсума человека и человеческой жизни в целом, смысловых универсумов культур отдельных групп (народов и т.д.) и заканчивая смысловыми универсумами каждого отдельного субъекта – автора текста [1–3; 6; 12; 16]. Это множество универсумов создаёт бесчисленное количество вариантов понимания, то есть бесчисленное количество возможных переводов. И если мы не говорим о формальной грамотности перевода, то его содержательная точность может быть весьма различной: возникают разные уровни перевода. Их существование становится заметно лишь за пределами «минимального», машинного или близкого к нему уровня поиска дословных соответствий. Однако, для того чтобы разговаривать на том или ином языке «свободно» и тем более для того чтобы переводить произведения литературно-художественного творчества, достичь уровня искусства нужно и в сфере перевода. Встречаясь с разными вариантами переводов, мы можем исследовать этот феномен и найти пути формирования и развития этого «искусства перевода».

Современная практика предъявляет весьма высокие требования к качеству перевода: наряду с простейшим, «машинным» переводом, существуют многообразные варианты авторского услов-

но-дословного перевода, при котором переводчик не только стремится воспроизвести переводимый текст как совокупность понятий и конструкций, но и выступает как соавтор текста, дополняющий текст, который будет звучать в новой культуре, необходимыми для его понимания «обертонами». Такое дополнение и трансформация всегда рискованны, особенно если переводятся тексты художественные, многоуровневые и многозначные, тексты, наполненные специфическим для народа-носителя языка, определённым культурно-историческим содержанием, а также конкретным для автора переводимого текста психологическим «подтекстом», составляющим основную «магию» произведения.

Перевод – понимающая деятельность, требующая трансординарного знания как собственного, так и переводимого языка. Трудности перевода особенно хорошо иллюстрируют переводы стихотворений, работа над которыми не только когнитивная или коммуникативная, но и собственно духовная, включающая ценностный диалог, понимание как бытийный процесс, деятельность специалиста [1; 4; 11; 13]. Существует несколько классификаций поэтического перевода: А. Лефевра, Б. Раффела, Р.Р. Чайковского, С.Ф. Гончаренко и др. [12; 29; 34, с. 106; 36, р. 97; 37]. В любой из этих типологий мы можем увидеть типы буквалистского, вольного и диалогического перевода. Эти типы переводов тесно связаны с интенцией переводящего: диалогической (стремление к пониманию и взаимопониманию с автором и читателем), отношенческой (использование текста как средства управления отношением), преобразовательной (использование текста как средства управления деятельностью) [1; 5; 7; 15; 28; 29].

В настоящее время уделяется большое внимание проблемам перевода классических и современных произведений узбекской литературы на русский и иные языки как профессионалами, так и только вступившими в эту сферу деятельности молодыми переводчиками. Однако поскольку узбекская культура стала частью культуры суперэтноса советского, постольку к узбекской относятся и произведения на русском языке поэтов и переводчиков, выросших и проживающих в Узбекистане.

Сейчас переводятся и стихи ведущих узбекских поэтов современности – А. Арипова, Х. Рустамовой, С. Саида, О. Матчона, Р. Мусурмана, Эр. Вахидова. При этом мастера переводов с узбекского на русский и обратно часто сами прекрасные поэты, весьма часто поэты переводят друг друга. Известный пример XX в. – поэтесса

З. Туманова, которая переводила на русский стихи Уйгуна, Мирмухсина, Миртемира, Шухрата, Г. Гуляма, М. Шейхзаде, А. Ходжиевой, К. Мухаммади, Ш. Сагдуллы, И. Муслима, а также рассказы и повести узбекских авторов. Эта переводчица стремилась передать не только переживания автора об описываемых ситуациях, но и менее явные, «затекстовые» сложные переживания героев, связанные с невосполними потерями и счастливыми обретениями и т.д. Ещё один известный поэт и переводчик Эр. Вахидов сделал переводы с русского на узбекский язык знаменитых стихотворений С. Есенина, М. Твардовского и др. Эр. Вахидов, по замечанию другого известного у Узбекистане и России поэта и переводчика Н. Ильина, стремился приблизить русских поэтов к узбекскому читателю, поэтому допускал вольности перевода, которые до сих пор вызывают споры в литературных кругах [17]. Н. Ильин осуществляет переводы таких узбекских поэтов, как Миртемир, М. Мирзо, Икбол Мирзо. Он считает, что основная сложность перевода поэзии с узбекского языка на русский – это поиск художественного истолкования текста: нужно не только уловить смысл содержания, но и понять интонации каждого стихотворения, что требует внимательного изучения строя языка, ритма и мелодики уже истолкованного «для себя» текста, понимания общего духа поэзии данного автора и традиций поэтического творчества узбекского народа [17]. Интересны классические, социально острые и осмысленные переводы Э. Вахидова знаменитым узбекским поэтом А. Файнбергом [33].

Живём легко, секунд не замечая.	Он словно говорит нам: – Будет поздно.
Смеемся у беспечности в плену.	Спешите за секундою любой.
А маятник – он головой качает,	Всему свой срок. И не пришлось бы
Беспечность эту ставя нам в вину.	после
	Жалеть о них, качая головой.

Эр. Вахидов, перевод А. Файнберг

В переводе стихов важными являются не только лингвистические, но и фоновые культурные умения и знания: экстралингвистическая грамотность в сфере языка оригинала, в сфере географических, политических и иных условий развития этого языка и обычаев, культуры и её традиций во многом определяет качество перевода. Не владея этими знаниями и умениями, переводчик может упустить какие-то идеи автора.

Точность перевода делает его «неощутимым»: перевод настолько гармоничен по отношению к авторскому тексту, что их не отличить, а иногда, случается, и превосходит его по раскрытию

контекстной и затекстовой информации, сливаясь с писательским почерком, с традициями народной (языковой) культуры. Воссоздание образных значений – важная и сложная задача; сохранить смысловую экспрессивность, символику непрофессионалу или не знатоку культуры весьма трудно. При этом также важно сохранение мелодичности: оно не менее значимо, чем передача самого смысла произведения.

Проанализируем некоторые переводы стихотворения М. Юсуфа [35], осуществленные за последние годы с узбекского языка на русский. Это стихотворение посвящено памяти Ш. Рахмона, оно выступает как предсмертное завещание мужчины, прощающегося со своей супругой. М. Юсуф многократно повторяет образ «лола» для описания страдающей женщины и цветка утерянной, несчастной любви, и страдающего сердца В итоге перед нами – стихотворение о страдающей после смерти мужа женщине [35].

Мендан нима қолар: икки мисра шеър,	Что уйдя, оставлю?
Икки сандик китоб, бир уюм тупрок	Томик небольшой,
Одамлар ортимдан нима деса дер,	Книжек пару сундуков,
Мен сени ўйлайман ўзимдан кўпроқ –	Холмик земляной.
Лола, лолажоним, лолакизгалдоқ!	Мне вослед что скажут –

М. Юсуф

Что от меня останется: двестишише,	Только звук пустой,
Два сундука книг да куча земли	Ну а ты, родная,
После меня люди пусть говорят, что хотят,	Что будет с тобой?
О тебе беспокоюсь больше, чем о себе –	Тюльпанчик мой любимый,
Лола, лолажоним, лолакизгалдоқ!	Алый мак степной.
	Тюльпанчик мой любимый,
	Алый мак степной.

Дословный перевод

Перевод Р. Казакбаевой

Первая стратегия перевода во многом механистична. Это качественно выполненный перевод, в котором автор попытался, хотя и не смог передать глубинную психологическую атмосферу и ритмику стихотворения. Перед нами пример варианта наивного, «дословного» перевода. Автор хотя и является носителем русского и узбекского языка, не до конца реализует его богатства (по тем или иным причинам, включая отсутствие цели высокохудожественного перевода). Второй перевод отражает иную стратегию перевода: переводчик переводит то, что может, включая культурный контекст, но переводит текст, передавая его внешнюю психологическую атмосферу, однако не понимает её авторского прочтения. Так, хорошо переведя первую часть стиха, Р. Казакбаева перевела вторую часть

стихотворения на русский язык, проигнорировав подтексты слова «лола», поэтому вторая часть стихотворения оказалась некорректной: «лола» означает «беспомощная, страдающая». Кроме того, далее мы видим скрытое в имени («лолажоним») значение выражения «жонимдан хам азиз» (дороже, чем жизнь). Заметим: на кладбищах Узбекистана прорастают не тюльпаны, а маки, то есть «лола», слёзы одинокой женщины, прорастающие на могиле (а не в степи, где люди собираются праздновать весну) мужа цветами. Перевод, при всём его качестве, остаётся отстранённым и дисгармоничным. Очевидно весьма значительно привнесение в текст авторского опыта и переживаний, попытка реконструировать его внутренние смыслы, однако недостаточно явно прослеживается культурно-исторический контекст и смыслы, заложенные в тексте.

Как полагает Р. Мусурман, по-настоящему хороший переводчик учится у автора: стремлению столь же технически точно овладеть структурой стиха, разнообразию предложенных им стихотворных форм и жанров, умению избегать пустоты, смысловой перегруженности слов, разболтанности стихотворной строчки и т.д.

Где слова не дано, там нет и прав.
Мы отравили древние глубины,
И в берег моря врезались дельфины,
И умерли, ни слова не сказав.
Молчат стволы порубленных дубрав.
Локаторы горам прогнозируют спины.
И меркнет свет над ядерной равниной.
И нету слов у обречённых трав.
Не проклянут нас ни вода, ни камень.
Нет слов у псов, добытых каблуками.
Нет слов у птиц, ракетой сбитых влёт.
Две тыщи лет от рождества Христова.
А мы живём. И стыд нас не берёт.
Кому ж ты дал, Господь, язык и слово?

А. Файнберг

Спешу ли на счастливое свиданье,
с друзьями ли пою навеселе –
чужая боль меня не покидает,
чужое горе мыкаю в себе. Когда же
мне отнюдь не до веселья
и горько от предательства и обид –
чужая радость входит в моё сердце,
чужое счастье плакать не велит.

А. Файнберг

Кимнинг тили йўқдир, йўқ унда хукук.
Уммонлар сувига биз оғу қўшдик.
Дельфинлар отилиб кирғоққа тушди,
Ўлса ҳам бирор сўз айтишгани йўқ.
Дарахтлар гапирмас, кесилар ўрмон.
Тоғ бошига юган солар локатор.
Сахро осмонида ловуллар ядро,
Ёнади тили йўқ майса, ўт-ўлан.
Сув гап қайтармайди, гап қайтармас тош.
Шер оловга сакрар урсанг, эгиб бош.
Учар кушлар ўлар тўп отганда ўқ.
Яралгандан буён бу қўхна дунё
Бефарқмиз. Уятдан ўлганимиз йўқ.
Не учун тил бердинг одамга, Худо?

Перевод Р. Мусурмана

Шошилганимда ҳам висолга хушбахт,
Куйлаганимда ҳам дўстлар-ла сармаст –
Мени тарк этмади бировнинг дарди,
Бировнинг гамидан чекдим укубат.
Ҳаётда ногаҳон хафа бўлсам гар,
Ҳасад ва хиёнат сўндирса шаштим –
Бировнинг кувончи кўнглимни олар,
Йиғлагани кўймас бировнинг бахти

Перевод Р. Мусурмана

Известный поэт М. Мирзо в последние годы много работал над переводами русских поэтов XX в.: А. Ахматовой, А. Твардовского, Е. Евтушенко, А. Вознесенского, Р. Рождественского, К. Бальмонта, Б. Пастернака, О. Мандельштама, М. Цветаевой, Н. Заболоцкого, И. Бродского, А. Тарковского, Б. Ахмадулиной, Н. Рубцова и др. В своих переводах он раскрывает их великую любовь к родине, и страдания авторов и их лирических героев, и сокрытый протест против далеко не гуманного политического режима И. Сталина. М. Мирзо воссоздаёт особый ритм-гармонию поэтов, отражая лексико-стилистические тонкости русского слова и эстетические традиции иноязычной поэзии, тактично, бережно обращается с ними, скрупулёзно оттачивает каждую строку [24], поэтому его переводы в большинстве случаев удовлетворяют всем критериям адекватности, воссоздают тонкости смысла и особенности поэтической формы исходного стиха. В качестве примера можно привести перевод стихотворения Е. Евтушенко «Уходят матери» («Оналар кетмокда»), оно переведено «строка в строку», да ещё с сохранением в точности стиховой линии.

Уходят матери

Мы опоздали.
Пробил страшный час.
Глядим мы со слезами потаёнными,
Как тихими суровыми колоннами
Уходят наши матери от нас...

Е. Евтушенко

Оналар кетмокда

Мудхиш дам занг урди.
Бизлар кечикдик.
Боқамиз, ялтирар кўзимизда нам,
Оҳиста шарпадек саф-саф бўлишиб
Оналар узоклаб бораркан биздан...

Перевод М. Мирзо

Однако М. Мирзо не всегда следует внешней форме оригинала ради сохранения общего смысла и настроения переводимого текста, при этом часто и оригинал, и перевод одинаково выглядят как крылатые выражения, и, несмотря на разницу, общие структуры стихов остаются сходными. Дополнительные поэтические мазки к «пейзажу» автора и иные «вольности» при этом вытекают из подтекста самого оригинала.

Слишком сладко земное питьё,
Слишком плотны любовные сети

А. Ахматова

О, накадар тотли тириклик жоми,
О, накадар чигал ишкнинг риштаси!

Перевод М. Мирзо

Третья стратегия перевода представлена работой переводчика, который осуществляет не просто адаптированный перевод, но стара-

ется сохранить атмосферу, в том числе ритмику оригинального текста, и прочувствовать его психологическую ткань, его интерпретация соединяет достоинства авторского текста и оригинального текста: это и прочтение-перевод, и оригинал, в котором видны переживания автора и героя по поводу непонимания себя и мира, а также дан культурно-исторический контекст. Такой перевод не только пример глубины авторского прочтения как такового, это пример «звучания» человеческого опыта на русском языке, которым автор владеет, как и узбекским, в полной мере.

При этом сравнение узбекского и русского вариантов говорит нам о том, что «перевод» намного богаче, чем оригинал: мы видим, как происходит обогащение текста в русском языке, как русская культура обогащает себя опытом иных культур и обогащает эти культуры собой.

В качестве более современного примера приведём переводы стихотворений молодой переводчицы и поэта К. Соколовой [32].

Кўпдан бери севаман уни,
Айтолмайин забоним мубхам.
Лекин у киз бундан беҳабар,
Юрагимни босар зилдай ғам.

Люблю её давным-давно,
Никак признаться не решусь.
Она же, зная и дразня,
Мою удваивает грусть.

Қайсар дейди: – Қандай топдингиз?
– Сизни тушда кўрганман, – дедим.
Ўйлаб қолдим, сизни топдиму
Лекин қачон йўқотган эдим?

Спросила недотрога: Как
Нашёл меня? – Во сне видал.
Подумал про себя: «Едва
Нашёл. Когда же потерял?!»

Ш. Одилжон

Ш. Одилжон, перевод К. Соколовой

Масофа

Юқори қаватдан пастга қарасанг,
Кичкина кўринар сенга одамлар.
Ўзингни кўкда деб мағрурланмагин,
Ғурур бахш этмасин сенга бу дамлар.
Бир ўйлаб кўргин-а пастдан тепага
Қараган чоғ сен ҳам худди шунақа.
Фақат фарқи шуки, бу ҳолатингдан
Ердаги одамлар йиртмайди ёқа.

Н. Назар

Расстояние

С высоты этажей снисходительно вниз
Ты глядишь на ничтожных, на мелких людей,
Но от дерзких сравнений, сумей, удержишь,
Небесам ты не пара в гордыне своей.
И подумай-ка: снизу, при взгляде вверх,
Точно так же ты мелок и вовсе не крут,
Только грех совершаешь, в отличие от тех,
Что упорны в труде и рубаху не рвут.

Н. Назар, перевод К. Соколовой

Кетдим

Кетдим.
Кетганимни билмади ҳеч ким,
Тилим айланмади видо айтмоққа.
Бақирдим, йиғладим, қулдим ва охир
Синиқ қалам билан тўқилдим окка.
Кутдим.
Ўзим билмай – нимани, кимни,
Бирдан бахт бошимга кўнадигандай.
Кетдим.
Буни ҳеч ким билмади, рости,
Худди яна қайтиб келадигандай.

Д. Муҳаммадиев

Я ушёл

Я ушёл.
И об этом никто не узнал.
О разлуке ни слова промолвить не смог.
После – плакал, кричал, хохотал; наконец –
Словно сломанный грифель упал на листок.
После – ждал.
Сам не зная, чего и кого.
Думал, счастье на голову рухнет вот-вот.
Но никто не воспринял всерьёз мой уход:
Мол, он вышел на время
и скоро придёт.

Д. Муҳаммадиев, перевод К. Соколовой

Перевод, который близок к тексту, часто имеет недостаток: стихотворная форма, выбранная переводчиком, становится тяжеловесна или утрачивается. Это «школьный» перевод, явным достоинством которого является «верность букве», верность и вера в значения, связанные с каждым словом. Однако даже уже в изменении названий и т.д. мы видим потребность объяснить: потребность переводчика как автора нового текста, создаваемого на основе понимаемого, разъяснить то, что осталось не вполне понятно, что «ушло» их стихотворения в процессе перевода. В таком переводе мы видим стратегию авторского, авторизированного перевода: переводчик выступает как автор нового стихотворения – «римейка», даже притом, что стремится придерживаться исходного текста.

Другой тип перевода формально и содержательно дальше от текста оригинала: это, скорее попытка передать основные мысли стихотворения, которая, однако, приводит к утере подтекстов и затекстов, а выбранная «облегчённая форма», в отличие от «тяжеловесной» формы, выбранной в предыдущем типе, лишь подчёркивает диссонанс содержания оригинала и его перевода. В этом переводе собственный текст переводчика постоянно «глушит», сворачивает смысловые вселенные автора: в итоге перед нами именно перевод, а не со-авторский текст. Однако и это текст, выполненный бережно, вдумчиво, способный вдохновить.

Очень важным оказывается в переводе уловить отношенческую интенцию автора, не трансформировать, а раскрыть её. Именно

с нею связаны удачи и неудачи переводов художественных текстов. Помимо интенции преобразовательной, определяющей «внешнюю» цель текста как средства воздействия на читателя, важен именно этот «внутренний» смысл-свет, который идёт из текста, который и должен быть «переведён», то есть сохранён при переводе.

К нему близок текст, отражающий диалогический уровень понимания-перевода. Он несколько точнее передаёт смысл, вложенный автором. В его переводе лидирующими оказываются диалогическая (понимающая) и отношенческая интенции. Сошлёмся здесь на А.А. Смирнова: предельный уровень понимания отличается «освобождением от скованности словесной формулировки» [31, с. 150]. По достижении такой ступени «происходит действительно освоение того, что нами воспринято. Оно буквально становится “своим”, переводится на “свой язык”, подвергается некоторой творческой переработке» [16, с. 150]. Этот уровень понимания избыточен для стандартных переводческих задач: «Понимание в конечном счёте означает быть в состоянии действовать в соответствии с тем, что было сказано, действовать вне сферы языка, так сказать <...> Перевод, однако, не заходит так далеко – в собственном смысле он должен воспроизвести устно или письменно только то, что сказано или написано на входном языке» [12, с. 70]. «В результате у переводчика появляется возможность передавать даже ту информацию, которая в полной мере не осмыслена, ведь переводчик действует как бы по шаблону, по аналогии, копируя композицию оригинала и по сути не заботясь, например, о том, насколько убедительна аргументация и доступно изложение полученных результатов... Полученный продукт можно именовать добротным переводом, – пишет А.Ю. Наугольных. – Переводческие операции выполняются на уровне содержания, но смысл текста как целостного произведения остаётся недостижимым» [26, с. 200; 27]. Как полагает Б.Н. Климзо, добротный перевод может стать полноценным, если «выполнена дополнительная работа по обоснованному устранению ошибок и алогизмов автора исходного текста, уточнению автора, построению эквивалентов отсутствующих в словарях терминов, пересчёту размерностей» [18, с. 452]. При этом «переводчик погружён в поиск смыслов, а переводческое пространство соткано из лоскутков смысла, которые словно лабиринт раскрывают ему истинный путь

порождения гармоничного текста перевода» [18, с. 195]. Вдохновение и интерес, с которым переводчики подходят к переводу, даёт возможность создать гармоничные образы и тексты, дополняющие и раскрывающие богатство оригинала. Здесь мы вновь встречаем стратегию «авторского перевода», которая фокусируется на преобразовательном, воздейственном контексте оригинала. Когда же переводчик «суживает» перевод, переводит «на понятный себе» уровень, тогда очень часто перевод не удаётся в полной мере. При этом стратегия диалога с текстом ощутимо «свободнее» стратегии авторской интерпретации: меньше авторских, не гармонирующих с текстом привнесений, которые коренным образом ломают смысл стихотворения, сразу теряющего объёмность. Это совсем иная стратегия. Вместо попытки расширить текст, он вдруг сужается, съёживается от «самопостижения» до «борьбы с миром».

Таким образом, перевод есть освобождение текста из «плена» потенциальности «смыслового универсума», он всегда высвобождает новые смыслы, так же, как и прячет старые. Он предполагает осмысление наиболее доступных переводчику смыслов текста, а также их повторное сокрытие, насыщение текста подтекстами и интертекстами, позволяющими читателю отличной и исходной культуры понимать текст во всей его полноте: переводчик лишь маркирует наличие подтекстов и затекстов там, где он обнаружил «зерно истины» или сокрытую от наивных глаз «машинного перевода» тайну, усмотрел обращение к смысловому пласту, далёкому от непосредственно описываемой ситуации [26; 30; 35]. Современная «интертекстология» и «нарративология» обращают особое внимание на те аспекты смысла, которые прячутся «между строк», «на полях», в «между-текстах» и в «историях» текстов: грамотный переводчик учитывает именно эти неявные смыслы как опорные [8; 9; 14; 18; 19; 21]. Опираясь на них, он реконструирует внешний каркас текста, оставляя в нём знаки – «жёлтые ленточки», маркирующие глубинные смыслы, послужившие первоосновой текста, по-прежнему ждущие своего «освобождения» в процессе прочтения перевода заинтересованным читателем – третьим «соавтором» текста [10; 27; 28; 36; 37]. Смыслы, как пленники, ждут своего освобождения и принятия, полного или частичного, но обязательно любовного, ждущего их. Умение переводить и умение читать предполагает, та-

ким образом, внимательнейшее отношение к смыслам, стремление «распаковывать» смысловой континуум текста и считывать варианты «распаковки», предлагаемые автором и переводчиком. «Самой непостижимой вещью в мире является то, как мы его понимаем. Не будучи в состоянии проникнуть в суть механизма понимания, мы часто судим о нём не по тому, как он протекает, а по его результатам, не по тому, как он осуществляется в сознании, а по тому, как то, что мы поняли, изменило наше представление об объективной и субъективной действительности. Понимание текста заключается в том, что адресат так или иначе его оценивает и проявляется в отношении к тексту, выраженному с помощью внутренней или внешней речи» [20, с. 104]. Как правило, уровень перевода связан с функцией перевода, а та – в свою очередь – с понимающей интенцией переводящего: диалогической, отношенческой или преобразовательной. Чаще всего оптимальной становится диалогическая. При этом «часто случаи неверного перевода объясняются именно тем, что переводчик не учитывает разницу в смысловых структурах и в сочетаемости слов, а также позволяет ввести себя в заблуждение так называемым “ложным друзьям переводчика” или же грешит неоправданным буквализмом, который столь же нежелателен, как и неоправданная вольность перевода» [23, с. 302]. Буквализм опирается на стремление переводящего использовать текст, реализует преобразовательную интенцию. Вольность перевода связана с «увязанием» в отношениях и смыслах, часто настолько же фиктивных, насколько фиктивен и получаемый перевод. «Как буквализм, так и чрезмерная вольность перевода могут быть следствием того, что понимание переводчиком текста (или его внимание к переводимому материалу) ограничивается каким-либо одним или несколькими уровнями этого текста, а не всеми» [23, с. 302]. Таким образом, полифоничность перевода – одно из условий его богатства, а богатство перевода – показатель понимания текста.

Библиографический список

1. Арпентьева М.Р. Ксенология в исследованиях мультикультурного диалога // Слово, высказывание, текст: сборник научных трудов I Международной научно-практической конференции., 25 сентября 2015 г. / отв. ред. Т.В. Плесканюк. Нижний Новгород, 2015. С. 25–31.
2. Арпентьева М.Р. Ксенопсихотерапия // Философия и космология. 2015. № 1 (V. 15). С. 163–181.

3. Асмус В.Ф. Историко-филос. этюды. М., 1984.
4. Батищев Г.С. Деятельная сущность человека как философский принцип // Проблема человека в современной философии. М., 1969. С. 73–145.
5. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
6. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995.
7. Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 88–91.
8. Ванденфельс Б. Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о «Чужом» // Логос. 1994. № 6. С. 77–90.
9. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958.
10. Гавриленко Н.Н. Функционирование психологических механизмов в процессе понимания переводчиком иноязычного текста // Вестник Воронежского ГУ. Сер. Филология. 2016. № 4. С. 1–12.
11. Гадамер Г.-Г. Истина и метод. М., 1988.
12. Гончаренко С.Ф. К вопросу о поэтическом переводе // Тетради переводчика. 1972. № 9. С. 66–83.
13. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии. М., 1994.
14. Гуссерль Э. Начало геометрии. М., 1996.
15. Дейк ванн Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
16. Злобин А.Н., Пузаков А.В. Перевод текстов СМИ с узбекского и немецкого языков на русский. Саранск, 2015. URL: <http://www.fld.mrsu.ru/wp-content/uploads/2016/09/Perevod-tekstov-SMI-s-anglijskogo-i-nemeckogo-yazykov-na-russkij.pdf> (дата обращения: 13.09.2020).
17. Ильин Н. Поэтический коллаж // Звезда Востока. 2016. № 1. С. 56–144.
18. Климзо Б.Н. Ремесло технического переводчика. М., 2011.
19. Коротеева В.В. Этнические символы и символическая природа этничности // Ценности и символы национального самосознания в условиях изменяющегося общества. М., 1994. С. 39–50.
20. Кузнецов В.Г. Понимание текста // Словарь философских терминов / науч. ред. В.Г. Кузнецова. М., 2004. С. 12–14.
21. Кун Т. Структура научных революций. М., 1977.
22. Кушина Л.В. Взаимодействие языков и культур в переводческом пространстве: дис. ... д-ра филол. наук. Пермь, 2004.
23. Мамардашвили М.К. Сознание как философская проблема // Вопросы философии. 1990. № 10. С. 45–56.
24. Мирзо М. XX аср рус шеърияи. Ташкент, 2010.
25. Мусурман Р. Для слёз нужны простые зеркала... // Звезда Востока. 2014. № 3. С. 40–44.
26. Наугольных А.Ю. О глубине понимания в разных видах перевода // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2013. № 7. С. 197–202.

27. Наугольных А.Ю. Парадоксы переводческого понимания // Вопросы психолингвистики. 2009. № 9. С. 112–118.
28. От Я к Другому / ред. А.А. Михайлов. Мн., 1997.
29. Огнева Е.А. Художественный перевод. М., 2012.
30. Подорога В. Феноменология тела. М., 1995.
31. Смирнов А.А. Психология запоминания // Смирнов А.А. Избранные психол. труды: в 2 т. М., 1987. Т. 2.
32. Тайная дверь: узбекские народные сказки, притчи и басни / в пер. и обраб. К. Соколовой. СПб., 2018.
33. Файнберг А. Родственники среди мирской тщеты // Дружба народов. 2009. № 2. С. 95–129.
34. Чайковский Р.Р. Реальности поэтического перевода. Магадан: ООО «Кордис», 1997.
35. Юсуф М. В моих стихах нет благозвучья, право, но сердца боль строфе оправа... // Звезда Востока. 2014. № 1. С. 25–33.
36. Lefevre A. Translating poetry. Assen; Amsterdam, 1975.
37. Raffel B. The Art of Translating Poetry. London, 1990.

Мариям Равильевна АРПЕНТЬЕВА

доктор психологических наук, доцент

член-корреспондент Российской академии естествознания

профессор кафедры психологии развития и образования

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

УДК 81

Ю.В. Головнёва

КЛАССИФИКАЦИЯ СРЕДСТВ ВНУТРИТЕКСТОВОЙ СВЯЗИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Создание классификации средств внутритекстовой связи является одной из насущных задач современной лингвистики текста. В статье производится анализ ряда классификаций средств внутритекстовой связи и предлагается новая, объединяющая и уточняющая их классификация, в основе которой – языковой статус средств связи. Языковым материалом для исследования послужили художественные тексты на современном английском языке.

Ключевые слова: связность текста (когезия), классификация, текст, лингвистика текста, английский язык.

Yu.V. Golovnyova

CLASSIFICATION OF MEANS OF COHESION IN MODERN ENGLISH

Abstract. The article deals with the problem of classification of means of cohesion that is actual in modern text linguistics; it analyses several classifications of means of cohesion and presents a new classification uniting and specifying them, which is based on the criterion of language status of cohesion means. Modern English texts were chosen as language material for our study.

Keywords: cohesion (connectivity), classification, text, text linguistics, the English language.

Связность текста, наряду с его цельностью, является одним из основных его качеств, если рассматривать его с позиций лингвистики текста. В последние десятилетия категория связности, или когезии (connectivity, cohesion), стала предметом тщательного изучения в отечественной и зарубежной лингвистике. В данной статье сопоставлены известные классификации средств внутритекстовой связи и на их основе предложена уточнённая классификация, построенная по одному критерию – по их языковому статусу. Связность текста при этом традиционно понимается как единство формальной и содержательной сторон: в классификацию входят эксплицитные, а не имплицитные, «исключительно содержательные» средства связи (см. работу Г.А. Коптеловой о более широком подходе к клас-

сифицированию средств внутритекстовой связи [6], при котором учитываются и имплицитные связи, основанные исключительно на содержательной стороне).

Для анализа были выбраны классификации средств внутритекстовой связи, в которых как минимум одним из критериев является языковой статус средств связи [1; 4; 7, р. 287–318; 8; 9].

Классификация П. Уэрта [9] дополняет и уточняет известную монографию «Когезия в английском языке» [7]. Эта классификация включает в себя три большие группы внутритекстовых связей.

К первой группе относятся формально-грамматические связи (*formal connectivity*), осуществляемые местоимениями и другими словами-заместителями, а также эллиптическими и эмфатическими конструкциями.

Вторую группу составляют лексические связи (*lexical connectivity*). Они строятся с помощью так называемых коллокационных цепочек, представляющих собой ряды семантически родственных слов, которые употребляются в предложениях текста, следующих друг за другом или недалеко отстоящих друг от друга. П. Уэрт приводит следующие примеры коллокационных цепочек: *bar – hotel – owner – business; alligator – dead – stuffed*.

Третья группа включает логические связи (*logical connectivity*). Они осуществляются с помощью союзов и союзных слов естественного языка, обладающих значениями логических коннекторов (нередко одной лексической единице соответствует несколько логических значений). В эту группу входят такие средства связи, как *and, or, if... then, only if, but, however, moreover, so, therefore, not only... but also, on the one hand... on the one hand, alternatively, nevertheless, despite, although* и др. П. Уэрт оставляет список открытым [9, р. 60–69].

Другие лингвисты вносят в этот список дополнения. Например, М.Я. Блох относит к грамматическим средствам внутритекстовой связи корреляции грамматико-категориальных форм, таких как глагольные времена и виды [2, с. 63], И.Р. Гальперин – причастные обороты [4, с. 78]. В славянских языках важную роль играет такое средство внутритекстовой связи, как актуальное членение предложения (см. [5]), но оно остаётся за рамками данной статьи, так как в ней рассматривается связность текста в современном английском языке.

Обратимся к классификации И.Р. Гальперина. В неё входят следующие средства когезии: традиционно грамматические, логи-

ческие, ассоциативные, образные, композиционно-структурные, стилистические и ритмико-образующие [4, с. 78–85]. Эта классификация построена по двум основаниям: по языковому статусу средств связи (по этому критерию выделены две первые группы, которые приблизительно совпадают с одноимёнными группами у П. Уэрта) и по смысловой роли, выполняемой тем или иным средством в тексте (по этому критерию выделены остальные группы).

Опираясь на представленные здесь классификации и строго придерживаясь критерия языкового статуса средств связи, можно разделить внутритекстовые связи на две большие группы: формально-грамматические, которые осуществляются с помощью грамматических форм и структур, и лексические (при этом мы ограничиваемся анализом текста как письменной формы речи; при исследовании устной речи уместно выделить и фонетические средства внутритекстовой связи). Для формально-грамматических связей используются:

- элементы, непосредственно присоединяющие последующее предложение к предшествующему (союзы, наречия, вводные слова и речения);
- связующие корреляты-субституты, к которым относятся местоимения и другие слова-заместители широкой семантики (например, *things, matter, pattern, way, do, act, similar...*);
- корреляция грамматико-категориальных форм, таких как глагольные времена и виды;
- опущение информации, уже известной из предыдущих предложений (разновидность эллипсиса);
- синтаксический параллелизм, хиазм и другие стилистические приёмы, основанные на варьировании синтаксических структур, в том числе повторов одного и того же стилистического приёма.

Лексические связи осуществляются с помощью:

1. Лексических повторов – тождественных, синонимических и перифрастических.
2. «Коллокационных цепочек». Степень семантического родства в последних может варьироваться от наличия каких-либо объединяющих отношений между «словарными», закреплёнными в языке значениями слов (как в упомянутом примере П. Уэрта [9]: *бар – отель – владелец – дело*) до ассоциативных связей, возникающих в определённых контекстах (в частности, в стили-

стических приёмах вроде развёрнутой метафоры). Мы полагаем, что «ассоциативные» и «образные» средства когезии, которые выделяет И.Р. Гальперин [4, с. 79–82], основаны прежде всего на последнем подвиде лексических связей, с факультативным использованием грамматических связей и лексических повторов.

Перечисленные виды связи могут комбинироваться. Например, с синтаксическим параллелизмом могут сочетаться лексические повторы, как в следующем примере из Библии: «Be not righteous over much; neither make thyself over wise: why shouldest thou destroy thyself? // Be not over much wicked, neither be thou foolish: why shouldest thou die before thy time?» (Ecclesiastes, 7:16,17)

Не менее существенно противопоставление межпредложенческих связей по их коммуникативной направленности, предлагаемое М.Я. Блохом [1; 3]. В последовательностях предложений эти связи могут быть встречно-направленными (встречными, или «оккурсивными») и направленными в одну сторону (присоединительными, или «кумулятивными»). Встречные связи характерны для диалогических последовательностей – они обычно соединяют реплики диалога, но могут встречаться и в монологе, отражающем разговор персонажа художественного произведения с самим собой, то есть во внутреннем диалоге. Присоединительные связи, наоборот, характерны для монологических последовательностей, но изредка могут осуществляться и между репликами диалога, как в следующем примере: «They're looking at us. What effrontery!» – «They're approaching. That's very forward of them» (O. Wilde).

Все перечисленные в предложенной нами классификации средства связи в принципе могут употребляться и для встречной, и для присоединительной связи.

Библиографический список

1. Блох М.Я. Вопросы классификации синтаксических связей в последовательностях предложений // Вопросы романо-германского языкознания и методики преподавания иностранных языков. Иркутск, 1968. Т. 1. С. 66–73.
2. Блох М.Я. Диктема в уровневой структуре языка // Вопросы языкознания, 2000. № 4. С. 56–67.
3. Блох М.Я. Теоретические основы грамматики: учебник. М., 2004.
4. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.

5. Классификация видов связи // Текст. Теоретические основания и принципы анализа. URL: http://velib.com/read_book/kollektiv_avtorov/tekst_teoreticheskie_osnovanija_i_principy_analiza/chast_i_soderzhanie_i_sposoby_jazykovogo_predstavlenija_kategorijj_tekstualnosti/glava_3_svjaznost/34_klassifikacija_vidov_svjazi (дата обращения: 24.05.2018).
6. Контелова Г.А. Внутритекстовые связи в научно-технической статье // Евразийский союз ученых. 2015. № 4. С. 16–18.
7. Halliday M.A.K. An Introduction to Functional Grammar. Ldn., 1985.
8. Halliday M.A.K., Hasan R. Cohesion in English. Ldn., 1976.
9. Werth P. Focus, Coherence and Emphasis. Ldn. etc., 1984.

Юлия Владимировна ГОЛОВНЁВА

кандидат филологических наук, доцент

доцент кафедры образования в области романо-германских языков
Дальневосточный федеральный университет

РАЗДЕЛ 2. ИСТОРИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕКСТ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

SECTION 2. HISTORICAL AND POLITICAL TEXT: PROBLEMS AND PROSPECTS

УДК 94 (470)16:357.11

Т.А. Пучина

МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ВОЕННО-СЛУЖИЛЫХ КОРПОРАЦИЙ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ В XVI ВЕКЕ

Аннотация. В статье рассмотрены исторические аспекты формирования военно-служилых корпораций в Московском государстве в XVI в. Затронуты малоизученные в российской историографии вопросы начальной истории государственной казачьей службы. На основе анализа документальных источников приведены данные, позволяющие понять механизм создания новых сословных групп в условиях оформления централизованного государства.

Ключевые слова: Московское государство, военно-служилые сословия, служилые казаки, служилое государство.

Т.А. Puchina

MECHANISM OF FORMATION OF MILITARY SERVICE CORPORATIONS IN THE MOSCOW STATE IN THE XVI CENTURY

Abstract. The article deals with the historical aspects of the formation of military service corporations in the Moscow state in the XVI century. Little-studied issues of the initial history of the state Cossack service in Russian historiography are touched upon. Based on the analysis of documentary sources, data are presented that allow us to understand the mechanism of formation of new class groups in the conditions of the formation of a centralized state.

Keywords: Muscovy, the military service class, service class Cossacks, serving the state.

Наряду с процессами перевооружения и модернизации российских вооруженных сил, в обществе идут поиски ценностных основ воинской службы. Обращение к далекой российской истории дает возможность проследить зарождение базовых ценностей воинской деятельности, рассмотреть истоки и основы русской военной культуры. Слова «служение», «служилый», «заслуженный», «заслуга» на Руси относились, прежде всего, к ратной службе.

Документы XVI–XVII вв. постоянно упоминают служилых людей. В этот период термин «служилые люди» имел сословный характер и определял принадлежность к определенной группе общества. Лица служилого сословия в России юридически имели право владеть землей, крестьянами и они обязаны были нести государственную службу. С XV в. начала складываться сложная иерархия чинов у служилых людей. Сословные группы постепенно включались в правовое пространство государства, в законодательную регламентацию жизнедеятельности служилых людей.

Создание военно-служилых корпораций государственной казачьей службы в XVI–XVII вв. – одна из деталей картины оформления государства «служилого типа». Страна находилась в условиях ограниченных ресурсов, поэтому требовалась система организации общества и его управления соответствующая мобилизационному типу.

Тема отношений сословий и государства давно является предметом исследования историков, юристов, философов, социологов. Как считали представители отечественного, «государственного направления» в обществознании, государство в силу ряда геополитических и военно-стратегических причин (внешняя опасность) сформировалось раньше, чем социально-экономические условия подготовили этот процесс. Создание государства стало не результатом длительного процесса социального развития, а условием этого процесса. Централизованное государство становится важнейшим фактором формирования сословного строя. О характере государства шли споры, оформлялись разные концепции, объясняющие характер государства московского периода – восточная деспотия (Г.В. Плеханов), государство-вотчина (Н.И. Кареев), служилое государство (С.М. Соловьев, Б.Н. Чичерин, Н.П. Павлов-Сильванский и др.) [12, с. 317].

Интерес исследователей к данной теме оправдывался их особым вниманием к реформаторской функции государства, поэтому они

государство рассматривали как силу, стоящую над обществом, над классами и выражающую интересы всего общества, а потому имеющим право формировать это общество согласно своим запросам.

Зарубежные исследователи отмечали, что «...идея государства отсутствовала в России до середины XVII в., а поскольку не было концепции государства, не было и следствия ее – концепции общества». Для западных исследователей характерно преувеличение хозяйственной функции государства, его налогового давления на все сословия [14, с. 99, 421].

Служилое казачество (в отличие от вольного казачества) оказалось вписанным в традиционные структуры российского общества в период XVI–XVII вв., так как изначально было создано по инициативе и в результате целенаправленной политики московского правительства по реформированию армии. Процесс формирования военно-служилых групп «приборных людей», к которым относились служилые казаки, отличался от формирования таких групп как дворяне, купцы, крестьяне. Отбор шел не только из «вольных охочих, не находящихся в «тягле» людей, а из людей способных к ратному делу, смелых, инициативных, энергичных. Цель исследования – рассмотреть особенности начальной истории государственной казачьей службы XVI в. в рамках концепции служилого государства. Основой послужили опубликованные материалы приказного делопроизводства Разрядного Приказа, относящиеся к данному периоду.

В первый период формирования государственной казачьей службы в 50–80-е гг. XVI в. на службу «прибирали» детей боярских, крестьянских и посадских жителей, безземельных «бобылей», детей церковнослужителей, инородцев, принявших православие, «вольных казаков». Они составляли профессиональные группы, где воинские, боевые качества имели приоритет. Не было ограничений и по этнической принадлежности. В последствие, служба становилась наследственной – «от отца к сыну, племяннику, брату» и профессиональные группы «служилых казаков» все более принимали черты социальной группы, со своей своеобразной культурной спецификой.

Вопрос обеспечения службы всегда был сложным. С конца XV в. московские власти приступают к целенаправленной политике привлечения на государственную службу (военную и гражданскую) на новых условиях поместного землевладения. Этот процесс сопро-

вождался отказом от норм личных договорных отношений по каждому конкретному событию (наем в военный поход) к новому режиму всеобщих поземельных отношений.

Появление казаков на службе Московского великого князя относится к концу XV – началу XVI в. Первые служилые казаки Московского великого князя – это перешедшие под его юрисдикцию татарские князья со своими «ордами» – князьями, уланами, казаками. Их расселяли в основном в пограничных тогда районах страны – в бассейне реки Оки. В «кормление» передавались служилым татарам города Московского государства – Коломна, Серпухов, Юрьев-Польский, Городец (Касимов), Темников, Звенигород, Кашира, Хатунь. Уже в 1471 г. в составе войск Ивана III при походе на Новгород принимали участие татарские мечерские казаки: «А с собой взял Иван III своих братьев младших ... и своих князей служебных, и бояр своих и многих воевод, и детей боярских и со всеми людьми своим и... великий князь взял с собою же, царева сына Алдаярас Касымовича своей земли Мещерские, и с его царевичи и со князьями и с его казаки и со всеми их людьми» [13, с. 291].

Как отмечал русский историк И. Беляев, «возможно, татарские казаки – это первые служилые «казачьи» войска Московского государства. Позднее, они вольются в новые вооруженные силы и передадут способ ведения боя, формы организации, обеспечения, а также название нового вида постоянного войска – «казаки»» [7, с. 3].

Одной из обязанностей «казаков великого князя» стала посольская служба. С 1512 г. в сохранившихся дипломатических документах Московского государства встречаются записи о посольской службе татарских казаков Неболсы Кобякова, Кожуха Карчеева, Байкулы Олферова, Чюра Албазьева, Темеша Кадышева и других. Они сопровождали московские посольства, выполняли курьерские функции, охраняли посольства [16, с. 84, 133, 183, 255, 316, 343]. В 20-е гг. XVI в. для сопровождения посольств в «Крым и Ногаи» стали использовать объединенные отряды детей боярских, казаков и пищальников. Росписи службы казачьих станиц при сопровождении русского посольства в Крым показывают упорядоченный характер организации службы с разделенным функционалом [16, с. 676].

Кроме служилых татарских казаков на страницах русских летописей, посольских документов упоминались литовские казаки,

рязанские и северские служилые казаки. В связи с этим, ряд историков отмечали влияние опыта пограничной службы Литовского государства на формирование казачьей службы в Московском государстве. Имеется несколько упоминаний о службе в 20-х гг. XVI в. «знаменитого литовского казака» Евстафия (Остапа) Дашковича – уроженца города Овруча. Вначале литовский воевода, потом черкасско-каневский староста, он воевал против турок, побывал в плену у татар, позже был на службе Московского Великого князя со своими казаками. Позднее на службе московских князей были «большой казачий гетман» брацлавский и виленский староста, князь Константин Иванович Острожский, а также, черкасский и каневский староста Дмитрий Иванович Вишневецкий. В 1558 г. Д.И. Вишневецкий получил от царя жалованье, а также город Белев со всеми волостями и селами в вотчину, «да в иных городах подклетные села и великие пожертвования», и за все это клялся «животворящим крестом служить царю всю жизнь и платить добром его государству».

В результате войны с Польшей была возвращена часть приграничных территорий Северной «украины» – и в 20-х гг. XVI в. по указу московского правительства велено было провести перепись смоленских казаков и выслать списки в Москву. Вместе с новыми землями Новгород-Северской земли государства приобрело новый разряд служилых людей [17, с. 563].

Практика приема целых групп казаков на «государеву службу» продолжалась на протяжении XVII в. [3, с. 499]. Так, в 1662 г. по просьбе поморских казаков атамана Федора Тихонова с товарищами, было разрешено «служить конную службу и наше жалование на лошади дать по нашему указу» (поморы приравнялись и инородцам и принимались на службу как все инородцы группами). В 1658 г. приняли на службу в город Царев-Дмитриев себежских казаков и мещан Друйского и Свейских уездов [2, с. 602].

Неоднократно проводились наборы донских вольных казаков на государственную службу. В 1587 г. Иван Измайлов был послан «прибирать» на государеву казачью службу донских и волжских атаманов и казаков и вольных охочих людей. При этом подчеркивается государственный характер поручения – местным властям было велено оказывать всяческую помощь в распространении информации об этом мероприятии с указанием: «...чтобы «нашему государству»

реву делу молчанья в том не было». Набранных казаков расселяли в строящихся приграничных городах-крепостях Ельце, Воронеже, Пронске [2, с. 243].

В правление Ивана Грозного и последующих московских государей исключалась возможность организации на территории государства самостоятельных военизированных формирований. Документов о времени создания и организационном строении «государевой казачьей службы» (как она именовалась в документах Разрядного приказа) не сохранилось. О службе казаков второй половины XVI в. можно узнать из разрядных записей, переписных книг, челобитных, а также летописях, отражающих военные действия Московского государства.

Первые казачьи гарнизоны формировались в пограничных городах. Одним из таких мест был Серпухов, что связано с его центральным расположением в кольце городов «береговой службы».

По данным из Стрелецкого приказа на 1571 г. на службе в пограничных городах числилось 3850 казаков сторожевых казаков и казаков на «польские посылки» и «городовую службу». Для пополнения казачьей службы московское правительство выделило земли в восьми городах рязанской и тульской «украины» (Щацк, Рязск, Донков, Епифань, Дедилов, Кропивна, Новосиль, Орел) [1, с. 37, 38]. Кроме этого воеводам пограничных крепостей Рылска и Путивля предлагалось сформировать казачьи гарнизоны по 1000 человек в каждом: «...буде похотят учинить 1000 человек казаков конных или сколь пригож, посмотри по земле» [1, с. 5].

В то же время, в период в 60-е гг. XVI в. был широко распространен наем на службу за деньги для исполнения отдельных поручений московского правительства. За разовую службу награждались «пожалованием денежным» донские и волжские казаки и атаманы (за доставку вестей о татарах, за участие в астраханских и азовских походах, нанимались донские казаки для переправки грамот от воевод русских южных пограничных воевод с малороссийскими и запорожскими казаками и т.д.).

О найме казаков в полковую службу (участие в военных действиях) за денежное вознаграждение известно, что подготовке к битве при Молодах 1572 г. проводилась целая компания по найму желающих в казачью службу. Этот наем производился по поручению

московского правительства детьми боярскими Юрием Булгаковым и Иваном Фустовым: «... велено было нанять казаков польских наемных с пищальми 1000 человек с двумя головами» [8].

Документы Ливонской войны дают представление об охвате и характере службы казаков в период правления Ивана Грозного, где они уже являются частью войск Московского государства. Так, по разрядным книгам известно, что в Полоцкий поход вместе с царем вышли «атаманов, голов, сотников и казаков – 4640 человек, в том числе детей боярских, которые служат атаманскую службу, 482 человека – атаманы и казаки черкасские [11, с. 127–151]. В числе выступивших были казаки приборов Григория Бурцова и Салтанака Елагина, после похода разместившиеся «на вечное жить» в Полоцке [15, с. 462].

Кроме конной полковой службы в период Ливонской войны документы часто отмечают службу казаков у «наряда» (артиллерия). В период Полоцкого похода Ивана Грозного в 1562 г. значатся у «наряда» – 1433 человека: «... да у наряду ж детей боярских, которые служат атаманскую службу и атаманов 116 человек, да голов, сотников и казаков 932 человека» [15, с. 122; 10, с. 50].

В 80-е гг. XVI в. в документах начинают упоминаться служилые казаки из южных городов, которые по указу из Разрядного приказа стали высылаться на полковую конную службу под Псков: «... да во Псков же ныне по вестям послано с Москвы из украинских городов стрельцов 500 человек да казаков конных из розных украинских городов 500 человек» [10, с. 10]. Подо Ржевом отмечены были отряды волжских казаков в количестве 80 человек и отряды вольных казаков Мишки Черкашенина и Степана Суконкина в количестве 222 человек, которые несли службу в передовом полку [10, с. 271].

Новой этап формирования казачьей службы связан с периодами Смутного времени и последующего «замирения» страны. В это время казачья служба получила окончательную институционализацию в системе центрального приказного управления, была сформирована система местного военно-административного и судебного управления служилыми корпорациями.

Формируя систему новых сословных групп, московское государство решало проблему обеспечения обороноспособности страны, хозяйственного освоения новых территорий, формирования систе-

мы управления на основе централизации. При этом, одновременно шел процесс распространения культуры московского государства на новые территории, идейными носителями которой становились военно-служилые корпорации. Главным фактором для формирования ценностных основ российской воинской культуры было «перманентное состояние войны» и сопутствующая ему милитаризация государственного и общественного быта на окраинах российского государства [6, с. 708].

На протяжении столетий складывается и особый характер жизни (уклад) сословных корпораций служилых людей пограничных территорий, отличающийся от жизни регионов центральной и северо-восточной частей государства. Жизнь в условиях границы предполагала другой стиль поведения. Трудности пограничной службы в условиях автономного существования делали понятие «служилый человек» синонимом слов «герой, богатырь, защитник», не зависимо от того какие причины вынудили его поступить на государственную службу.

Процесс формирования для нужд государства новых служилых корпораций нельзя ограничивать только рамками ситуационной потребности в обеспечении безопасности границ или хозяйственного освоения территорий. Необходимо учитывать, что этот процесс стал составной частью формирования менталитета нации, где идея служения и жертвенности являются понятиями глубоко нравственными: служить можно не только опираясь на права и привилегии, а по глубоким внутренним эмоциям, по чувству долга и по любви.

Библиографический список

1. Акты Московского государства, изданные Императорской Академией наук / ред. Н.А. Попов. СПб., 1890. Т. 1.
2. Акты Московского государства, изданные императорскою Академией наук / ред. Н.А. Попов. СПб., 1894. Т. 2.
3. Акты Московского государства, изданные императорскою Академией наук / ред. Д.Я. Самоквасов. Т. 3. СПб., 1901.
4. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографическою экспедицией Императорской Академии наук. Т. 2. СПб., 1836.
5. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 1998.
6. Ахизер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? (Исследования Фонда «Либеральная миссия»). М., 2005.

7. *Беляев И.Д.* О сторожевой, станичной и полевой службе на Польской Украине до царя Алексея Михайловича. М., 1846.
8. *Буганов В.И.* Документы о сражении при Молодях // Исторический архив. 1059. № 4. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVI/1560-1580/Schlacht_Molodi/text.htm (дата обращения: 09.01.2021).
9. Документы о Ливонской войне // Археографический ежегодник за 1960 года. М., 1962. URL: https://drevlit.ru/docs/russia/XVI/1560-1580/Dok_livon_vojne/text.php (дата: обращения 04.01.21).
10. **Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов и воевод) 1571–1580 гг. // Памятники истории Восточной Европы. Москва; Варшава, 1998. Т. III.**
11. Записная книга Полоцкого похода 1562–1563 гг. / Сапунов А.П. Разрядная книга Полоцкого похода царя Иоанна Васильевича 1563 года // Витебская старина. Витебск, 1885. Т. 4. С. 27–70.
12. *Медушевский А.Н.* История русской социологии: учебное пособие для вузов. М., 1993.
13. Новгородские летописи. (Так называемая Новгородская вторая и Новгородская третья летописи). СПб., 1879.
14. *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993.
15. Писцовые книги XVI века / ред. Н.В. Калачев. Издание Императорского Русского географического общества. Отделение П. СПб., 1877.
16. Сборник Императорского русского исторического общества. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Нагаями и Турцией. Т. 95. Т. II. СПб., 1895.
17. Сборник Русского исторического общества. Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Т. 35. СПб., 1882.

Татьяна Анатольевна ПУЧИНА

кандидат исторических наук

доцент кафедры социально-гуманитарных и общеправовых дисциплин

Московский финансово-юридический университет МФЮА

УДК 271.22

С.В. Архипов

РУССКО-КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ ЦЕРКОВНЫЙ КОНФЛИКТ 1878–1879 ГГ. В КОНТЕКСТЕ ГРЕКО-БОЛГАРСКОЙ СХИЗМЫ

Аннотация. В данной статье рассматривается генезис и урегулирование церковного конфликта, произошедшего между Русской и Константинопольской церквями сразу после русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Конфликт был тесно связан с греко-болгарской церковной схизмой, в него оказались невольно вовлечены и русские священники, практиковавшие совместное служение на полях сражений с болгарским духовенством, отлучённым Константинопольской церковью. Автор ввёл в оборот ранее не опубликованные источники, в том числе и архивные.

Ключевые слова: русско-турецкая война, церковный конфликт, греко-болгарская схизма, каноны церкви.

S.V. Arkhipov

THE RUSSIAN-CONSTANTINOPLE CHURCH CONFLICT OF 1878–1879 IN THE CONTEXT OF THE GREEK-BULGARIAN SCHISM

Abstract. This paper examines the genesis and resolution of the church conflict that occurred between the Russian and Constantinople churches immediately after the Russo-Turkish War of 1877–1878. The conflict was closely connected with the Greek-Bulgarian schismatic church and unwittingly involved Russian priests who practiced joint ministry on the battlefields with the Bulgarian clergy excommunicated by the Constantinople Church. The author has introduced previously unpublished sources, including archival sources.

Keywords: Russian-Turkish war, church conflict, Greek-Bulgarian schism, canons of the Church.

В истории православных церквей за их многовековое существование происходило огромное количество как внутренних, так и внешних конфликтов. Происходят они и в XXI в. – по состоянию на 2021 г., Русская православная церковь разорвала евхаристическое общение с четырьмя поместными православными церквями – Александрийской, Вселенской, Элладской и Кипрской, в связи с признанием ими так называемой «Православной церкви Украи-

ны», получившей в 2018 г. от Константинопольского патриархата «томос» о признании данной структуры в качестве автокефальной, новой поместной церкви. В обозримой исторической перспективе, примирения между РПЦ и Вселенским патриархатом не ожидается, наоборот, имеется тенденция к дальнейшему усилению раскола в мировом православии, в связи с увеличением поместных церквей, собирающихся признать так называемую «ПЦУ», и очевидной реакцией на это руководства Московской патриархии в виде разрыва евхаристического общения.

История взаимоотношений Русской церкви с Константинополем весьма непростая. Получив христианство от Вселенской матери-церкви в конце X в., и входя в её состав, церковь Русская обладала, де-факто, уже к концу XV в. всеми характеристиками автокефальности. С Константинополем отношения в одностороннем порядке прерывались в 1448 г., после реакции властей Московского княжества на подписание Ферраро-Флорентийской унии с католиками в 1439 г. Вселенской церковью – подобный шаг в северо-восточной Руси был воспринят как измена православию. И лишь через 141 год, уже после учреждения патриаршества в Русском царстве, две церкви вновь восстановили каноническое общение.

Однако следует обратиться и к страницам межцерковных конфликтов, менее известным, чем вышеописанные события, но не менее интересным для исследователей, поскольку они имели далеко идущие последствия.

Во второй половине XIX в. во Вселенской патриархии произошел серьезный раскол – греко-болгарская церковная схизма.

Под греко-болгарской схизмой в настоящее время, необходимо понимать самовольное провозглашение 11 мая 1872 г. автокефалии епископами, архиепископами и митрополитами Константинопольского патриархата болгарской национальности (де-факто, раскол начался ещё в апреле 1860 г.) и последовавшие за этим в сентябре того же года ограничения со стороны церкви – Константинопольского (Вселенского) патриархата, а также многих других [8, с. 16]. Автокефальный статус Болгарской церкви был официально признан Вселенской церковью только лишь в феврале 1945 г.

Приверженцы болгарской автокефалии полагали в качестве правового основания создания полностью независимого Болгарского

экзархата султанский указ (фирман) главы османского правительства визиря Аали-паши, принятый 28 февраля 1870 г. С другой стороны, данный указ не предусматривал однозначной канонической независимости (автокефалии) болгар и считался оттоманским правительством недействительным после провозглашения схизмы.

С 1872 г. верующие и клир всех поместных православных церквей не имели права священнодействовать и молиться со схизматиками. Нарушившие данный запрет автоматически причислялись к лишенным церковного общения.

В 1877–1878 гг. Российская империя вела войну с Турцией за освобождение балканских православных народов от османского ига. В этом благом и справедливом деле государству и армии помогала Русская церковь – в возбуждении общественного подъема еще до начала войны [5, с. 20], а во время боевых действий – существенной благотворительной помощью [1, с. 129] и взаимодействием церкви с Обществом попечения о больных и раненых воинах [1, с. 130], организацией военно-временных госпиталей в монастырях [7, с. 31] и помощью раненым в них [2, с. 39], мотивирующими церковными проповедями [6, с. 90], деятельностью военного духовенства на фронтах военных действий [4, с. 28], а также соучастием в создании нескольких [15, л. 2,2 об.] памятников [18] павшим на поле боя воинам русской армии [3, с. 55].

В контексте греко-болгарской церковной распри, во время русско-турецкой войны, и сразу после её окончания, священники Русской церкви оказались вовлечены в богослужебный конфликт: имели место частые случаи, когда священнослужители Русской церкви, откомандированные на фронт боевых действий, в состав действующей императорской армии, «...по незнанию ли, либо по преднамеренному умыслу, сослужили со схизматиками» [17, л. 281]. Информация о подобных литургических практиках содержится как в письме, направленном Агафангелом, митрополитом Эфесским, в Центральную канцелярию Святейшего Правительствующего Синода РПЦ, так и в отчёте обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода графа Дмитрия Андреевича Толстого. К примеру, с точки зрения Дмитрия Андреевича Толстого, «...Агафангел, указывая на незаконные, будто бы, антиканонические и соблазнительные поступки русских священников при Императорской Армии, по неведению искренне-

му или притворному о болгарской схизме, входящих в отношения и священнодействующих то со схизматическими (болгарскими), то с православными (греческими) иереями» [14, л. 4], упрашивал принять меры к исправлению такого, будто бы, антиканонического образа действий данных священников и к успокоению смущаемой ввиду этого совести православных [17, л. 281]. Вторил Агафангелу избранный незадолго до инцидента, патриарх «Константинополя – Нового Рима» – «Его Божественное Всесвятейшество», Иоаким III, который 9 декабря 1878 г. «... вскоре по своем избрании, препроводил к послу Российской империи в Стамбуле (А.Б. Лобанову-Ростовскому) в Константинополе письмо и записку по предмету возникшего недоразумения» [17]. В собственном письме, повторяя жалобы, сформулированные в послании наместника, патриарх заявил, что «если подобное положение дел будет продолжаться, то церковь будет вынуждена действовать сообразно с постановлениями святых канонов православной веры, на защиту себя и своих верных чад» [17, л. 282]. Таким образом, души болгарских православных верующих теперь, с точки зрения Константинопольского патриархата, автоматически отправлялись в ад, как еретики, навсегда отпавшие от канонической церкви. При этом и Русская церковь оказалась на краю разрыва и прекращения евхаристического общения. Вселенский патриарх был непреклонен: благодаря скрытной поддержке со стороны РПЦ, схизматики стали увереннее в своих антиканонических действиях. Патриарх считал, что, благодаря потворству со стороны Святейшего Синода, русские военные капелланы, сопровождающие армию Российской империи, совместно служили с еретиками без какой либо рефлексии, предварительно не пробуя просчитать фатальные последствия подобных практик. Они вводили в смущение народ, а также армию, последовавшую их греховному примеру [14, л. 62]. Патриарх указал на события, произошедшие летом 1878 г. Когда в Адрианополь прибыл болгарский епископ, главнокомандующий императорской армией присутствовал вместе с духовенством армии и со своим штабом в полном составе на интронизации этого архиерея, признанного официально российской императорской властью. Филиппопольский губернатор появлялся то в греческом храме, где служили священники русские, то в храме болгарском, где священники русские сослужили уже с духовенством схизма-

тическим. Патриарх также отметил, помимо вышеизложенного, что власти и военное духовенство использовали данный факт для бахвальства, дабы показать народу, что русская церковь ставит ни во что акт великого священного Собора восточных церквей [14, л. 62 об.]. Вселенский патриарх выразил возмущение также тем, что в 1877–1878 гг. участились преследования греческих архиереев и священников в провинции Филлипополя, спровоцировавшие отпадение от церкви местных жителей и уход их к схизматикам [14, л. 63]. В других округах продолжались преследования со стороны болгарских схизматиков. Первоиерарх Вселенской церкви заключил, что тот, кто называет «экзархом Болгарским», сеет смуту и раздор в Болгарии и намерен расширить территорию, которую занимает «Болгарский экзархат» [14, л. 63 об.].

Ввиду разгорающегося межцерковного скандала, по поручению А.Б. Лобанова-Ростовского, 18 декабря 1878 г., состоялась встреча дипломата Михаила Константиновича Ону, советника русского посольства в Стамбуле, с патриархом Константинопольским. Во время неё чиновником Ону был задан иерарху очевидный вопрос: «Война 1877 года имела целью спасти Болгарию от турецких жестокостей. Было ли разумно требовать, чтобы солдаты, проливавшие свою кровь за болгарское дело, воздерживались от всякого духовного общения со своими совероисповедниками, страданиями коих потрясены сердца всех русских?» [14, л. 68 об.]. Далее, Ону подчеркнул, что если Святейший Синод не признал официально болгарскую церковь, то это было сделано исключительно из уважения к Константинополю – хотя все канонические предпосылки и возможности у Русской церкви для такого признания имелись, при этом, руководство Синода не согласилось с провозглашением схизмы, то есть не считало болгар отпавшими от христианской веры [14, л. 69]. Ону и патриарх расстались в «лучших отношениях», патриарх упрашивал Россию, как минимум, сохранить текущее положение дел в этом вопросе, и призвать болгар перестать переманивать на свою сторону прихожан Константинопольского патриархата [14].

Изначально, Русская церковь не имела какой-либо позиции по греко-болгарскому вопросу [10, л. 1], поскольку она однозначно боялась навредить как тем, так и другим своею однозначностью, стараясь исполнять роль наблюдателя, а в некоторых случаях и арбитра.

В отсутствие четкой официально-церковной позиции, некоторые духовные писатели осмеливались говорить как бы с точки зрения церкви, пытаясь предугадать царившие в Синоде тенденции. К примеру, высказываясь по поводу отлучения болгар от церкви, писатель Андрей Николаевич Муравьев в письме митрополиту Киевскому излагал следующие мысли: «...что меня поразило, в их соборном послании ссылки на Вселенские каноны переписаны с указаниями на статьи султанского фирмана» [11, л. 2]. Также Муравьев обращал внимание на то, что болгары, «домогаясь» самостоятельности, настаивали на том, чтобы новый устав их внутреннего управления, созданный на основании священных канонических законов, должен был быть утверждён только султанским правительством, то есть в обход фанариотской бюрократии. Муравьев осудил как Константинопольский патриархат, обвинив его в излишней жёсткости, так и высказался негативно насчет претензий болгар на автокефалию [11, л. 2 об.].

В итоге, в феврале 1879 г., через несколько дней после достаточно доброжелательной встречи дипломата Ону и патриарха Константинопольского, последний неожиданно направил уже самому Послу, господину Лобанову-Ростовскому записку с жестким требованием признать от Святейшего Синода РПЦ отлучение болгар [16, л. 29–30]. Ситуация вела к разрыву евхаристического общения и анафеме Русской церкви Константинополем.

Лишь после этого, прежде тщательно уклонявшийся от прямой конфронтации с греками, руководство Святейшего Правительствующего Синода Русской православной церкви было вынуждено дать официальный развернутый ответ на угрозы Вселенского патриарха, ввиду разворачивающегося скандала. «...В устранение и предупреждение столь прискорбных для всей вселенской церкви последствий, Святейший Синод признал нужным с достойною предстателями Русской церкви твердостью и прямою выразить в особом послании к Константинопольской патриархии свои суждения как о греко-болгарской распри вообще, так, в частности, и о Константинопольском соборе 1872 года, провозгласившем болгар схизматиками» [17, л. 28]. Болгары, с точки зрения Святейшего синода, на протяжении 1870–1872 гг. вовсе не имели намерения провозглашать церковную независимость. Более того, они хотели унаследовать иерархическо-литургическую преемственность от легитимного патриархата, с тем,

чтобы и их церковь была по его подобию признана канонической. Синод дал отсылку к предыдущему посланию, составленному для Вселенской церкви: «каждый беспристрастный должен согласиться, что из-за таких незначительных разногласий было бы несправедливо отвергать, отлучать от церкви и называть раскольниками болгар, когда они заявляют, что не желают отделяться от Вселенской патриархии» [14, л. 70].

Согласно позиции Русской церкви, Константинопольский Собор 1872 г. являлся поместным. Всего лишь 32 архиепископа согласились подписать его итоговые определения, но данное число не составляло даже половины от общего числа архиереев. Следовательно, необходимый минимальный кворум обеспечен не был. Таким образом, соборные решения имели силу лишь в епархиях, подчиненных епископам, подписавшим определения собора. Также особо Святейший Синод особо отметил тот факт, что на соборе отсутствовали в качестве наблюдателей не только священники и епископы Русской церкви, но и в принципе, какие-либо представители [14, л. 71]. Более того, собор созвали в составе, не предполагающем участия обвиняемых в расколе епископов Болгарии, что подпадает под нарушение правил святых апостолов (74 правило святых апостолов [13], 28 правило Карфагенского собора 419 г. [12]). Никто из них не был ни позван, ни заслушан, следовательно, не были приняты оправдания или разъяснения, но данные церковные деятели были заочно анафематствованы, вместе со всеми православными болгарскими. Именно поэтому, с точки зрения Синода Русской церкви, подобные решения не должны учитываться для ее священников. Также, отмечает Святейший Синод, были серьезные прения и разногласия между архиереями: стороны разделились примерно 50 на 50. Помимо этого, присутствовавшие на Соборе патриархи Антиохийский, Иерусалимский, и глава Кипрской православной церкви подверглись давлению, шантажу депутациями от греков, с одной очевидной целью – склонить их к решению о предании анафеме болгар. Когда данные меры не возымели должного эффекта, трех глав православных церквей обвинили в измене эллинизму и православии и недвусмысленно угрожали убить [14, л. 70 об.]. Только лишь патриарх Иерусалимский был решительно непоколебим, не поддаваясь на провокации и угрозу жизни, однако Собор и без него принял решение о схизме

– остальные первоиерархи поддались давлению фанариотов. Таким образом, было нарушено правило св. апостолов, согласно которому, собору, организованному в целях церковного суда над епископами, при наличии разногласий во мнениях, необходимо было пригласить других нескольких епископов (в данном случае – глав поместных православных церквей) из наиболее территориально близкой церковной области для разрешения всех недоразумений. Синод Русской церкви также отметил, что Синод Константинопольской церкви обвинил болгар в филетизме, то есть тенденции приносить общецерковные интересы в жертву национально-политическим: болгарам никто не имеет права запрещать славить Бога на понятном им наречии [14, л. 72], ведь «для Христа нет ни эллина, ни иудея». Далее, Св. Синод обратился к исторической справке касательно греко-болгарских церковных взаимоотношений. Константинопольская церковь посчитала, что Болгарская православная церковь – самочинное раскольничье сборище. Тем не менее, известно, что болгары уже имели автономную самоуправляемую церковную область в составе Константинопольской православной церкви вплоть до 1767 г., и Константинопольские патриархи всё это признавали [14, л. 72 об.]. В 1767 г. болгары из-за крайней нужды, и непосильного налогового бремени были вынуждены попросить султана издать берат (грамоту, свидетельство) на принятие их церкви во Вселенскую. Спустя сто с лишним лет, болгары в разгар национально-освободительного движения решили на законной основе осуществить возврат автокефалии, поскольку Константинопольский патриархат присоединил их только лишь на основании султанского берата, а не определения Поместного собора [14, л. 73]. Синод напомнил, что еще 30 сентября 1870 г. Вселенский патриарх предложил созвать новый Вселенский собор с целью решить греко-болгарский церковный спор, на что руководство Русской церкви следующим образом отреагировало на данное предложение в 1871 г.: «...чего не хотела дать Болгарам власть церковная по своей доброй воле, решилась дать им местная власть Государственная, указывая на свою непререкаемую обязанность заботиться о спокойствии и безопасности своих подданных, и не находя другого средства положить конец тому волнению умов» [14, л. 82]. С точки зрения Синода, Вселенские соборы могут быть созваны только по делам, касающимся общеправославной

веры и церкви. И все семь Вселенских соборов, признаваемых православными христианами, были созданы исключительно для дел такого рода, и именно по поводу ересей, несущих угрозу для основ христианской веры, подрывавших основные догматы православия и волновавших более или менее, всю Христову церковь [14, л. 83]. Синод уверен, что греко-болгарский вопрос находится вне вопросов вероучения. Болгары не помышляли о какой-либо смене веры и ее истин. В глобальном, всеправославном масштабе, данные вопросы и вовсе не являются важными. К примеру, в 1448 г. была объявлена автокефалия Русской православной церкви, в XIX в. – автокефалия Элладской церкви, и Константинополь в данных ситуациях не создавал каких-либо препятствий к этому [14, л. 108 об.]. Их не обвиняли в филетизме, не объявляли схизматиками и не предавали анафеме. В связи с этим, в аналогичном случае, необходимо ли отлучение болгар? «Все говорит о том, что Константинопольский патриарх должен был пойти навстречу болгарам и дать им церковную независимость или хотя бы широкую автономию. Беспринципное отношение к Болгарской нации повлекло ожесточение распри и полный разрыв всех отношений между двумя православными церквями и народами» [14, л. 109], – заключил Святейший Синод.

В целом, именно после данного официального ответа Синода Русской церкви, напряженность начала снижаться, причем с двух сторон. Святейший Синод фиксировал в 1879 г., что совместное совершение священнодействий не практикуется. Подобные наблюдения фиксирует случай 27 июля 1879 г., когда во время приезда в Санкт-Петербург болгарской делегации, архиереи Болгарского экзархата лишь присутствовали на богослужении в Александро-Невской лавре, непосредственно не участвуя в священнодействии и не заходя в алтарь. В свою очередь, Константинопольский патриархат 22 февраля 1879 г. выпустил послание, не запрещающее сослужение русских и болгарских священников. В дальнейшем, по крайней мере, в официальной форме, Вселенская церковь больше не выражала решительных протестов в подобных ситуациях, к примеру, после 15 сентября 1902 г., когда в виде исключения, во время освящения храма-памятника Рождества Христова на Шипке, русские и болгарские священники все же оказались за одним церковным престолом в алтаре [9, с. 143]. Тем не менее, Константинопольская патриархия

ограничилась лишь выражением «озабоченности» и «беспокойства», поскольку русская дипломатическая сторона объяснила, что сослужившие болгарским, полковые русские священники подчинялись военному министру, и совершили литургию только под давлением светской власти [14].

Таким образом, следует заключить, что скандал 1878–1879 гг. впервые заставил руководство Святейшего Синода впервые официально высказаться по поводу греко-болгарской церковной распри, и морально поддержать не только единоверных, но и единокровных братьев-болгар. Русская церковь, в итоге отказалась признать болгар схизматиками, отказалась допустить нарушение ими каких-либо церковных установлений, однако впоследствии, с целью снижения межцерковной напряжённости всё же старалась пресекать сослужение с болгарскими священниками, таким образом, проявив свою человеколюбивую и миротворческую функцию в межцерковных взаимоотношениях.

Библиографический список

1. *Архипов С.В.* Благотворительность Русской православной церкви во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Вестник Московского областного государственного университета. Серия: История и политические науки. 2015. № 3. С. 125–133.
2. *Архипов С.В.* Вклад Русской православной церкви в освобождение балканских славян от османского владычества во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Ради жизни на земле: 75-летие победы советского народа в Великой Отечественной Войне 1941–1945 гг.: сборник научных статей по материалам научно-практической конференции. М., 2020. С. 35–44.
3. *Архипов С.В.* Памятник Героям Плевны // Вопросы культурологии. 2014. № 3. С. 51–57.
4. *Архипов С.В.* Роль военного духовенства в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Текст в языковом, историческом, философском пространстве: сборник научных трудов / отв. ред. В.В. Никульцева. М., 2020. С. 24–31.
5. *Архипов С.В.* Русская Православная Церковь и Восточный кризис 1875–1878 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 2016.
6. *Архипов С.В.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в церковной периодической печати (по материалам газеты «Московские Епархиальные Ведомости») // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2015. № 4. С. 86–94.

7. *Архипов С.В.* Церковная благотворительность Московской епархии во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Научные труды института непрерывного профессионального образования. 2015. № 5 (5). С. 29–33.
8. *Венедиктов В.Ю.* Этноконфессиональный диалог России и Константинопольского Патриархата во второй половине XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008.
9. *Герд Л.А.* Константинопольский Патриархат и Россия. 1901–1914. М., 2012.
10. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 14. Д. 631.
11. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 498. Д. 22.
12. Правила Карфагенского собора, каноны Православной Церкви. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/pravila/kanony-pravoslavnoj-tserkvi-grabbe/12> (дата обращения: 16.01.2021).
13. Правила святых Апостол. URL: http://www.odinblago.ru/pravila_apostolov_i_soborov/74 (дата обращения: 16.01.2021).
14. Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 159. Д. 920.
15. Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 160. Д. 1108.
16. Российский государственный исторический архив. Ф. 797. Оп. 48. Отд. 2. Ст. 3. Д. 156.
17. Российский государственный исторический архив. Ф. 797. Оп. 97. Д. 620.
18. Часовня Александра Невского при Музее современного искусства // Рублёв. URL: <http://rublev.com/hramy/chasovnja-aleksandra-nevskogo-pri-muzee-sovremennogo-isk-moskva> (дата обращения: 16.01.2021).

Станислав Витальевич АРХИПОВ

кандидат исторических наук

старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных

и общеправовых дисциплин

Московский финансово-юридический университет МФЮА

УДК 94(470)

А.М. Соегова

ПОЛКОВНИК ЦАРСКОЙ АРМИИ О ХАНАХ И СЕРДАРАХ (БАТЫРАХ) ТУРКМЕН-ТЕКИНЦЕВ АХАЛА, СРАЖАВШИХСЯ ПРОТИВ РУССКИХ В 1879 И 1880–1881 ГГ. (ПО ТЕКСТУ ГАЗЕТЫ «КАВКАЗ»)*

Аннотация. Статья посвящена изложению основного содержания брошюры полковника Царской Армии Николая Николаевича Сполатбога (1847–1888) «Покорение Ахал-Теке», которая впервые была обнародована на страницах восьми номеров газеты «Кавказ» за октябрь и ноябрь месяцы 1884 г. Ссылаясь на газетный вариант этой книжки, автор статьи пересказывает сведения о ханах и сердарах туркмен-текинцев Ахала с добавлением важных данных о них из других источников и вносит необходимые коррективы.

Ключевые слова: брошюра, ее газетный вариант, покорение, защитники.

А.М. Soyegova

COLONEL OF IMPERIAL ARMY ABOUT KHANS AND ERDARS (BATYRS) OF TURKMEN-TEKE OF AKHAL, STRIKING AGAINST RUSSIAN IN 1879 AND 1880–1881 (UNDER TEXT OF NEWSPAPER «CAUCASUS»)

Abstract. Article is devoted a statement of the basic maintenance of the brochure of the colonel of Imperial Army of Nikolay Nikolaevich Spolatbog (1847–1888) «Conquest Akhal-Teke» which has been published for the first time on pages of eight numbers of the newspaper «Caucasus» for October and November, 1884. Referring to a newspaper variant of this book, the author of article retells data on Khans and Serdars of Turkmen-Teke of Akhal with addition of the important data about them from other sources and introduces necessary corrective amendments.

Keywords: the brochure, its newspaper variant, conquest, defenders.

В последней странице книжки участника Ахалтекинской экспедиции 1880–1881 гг., полковника Николая Николаевича Сполатбога (1847–1888), выпущенной в Тифлисе под названием

*Выражаю сердечную благодарность и признательность академику Мурадгелди Соегову за его подсказку о годе, а также предварительно о месяцах выхода соответствующих номеров газеты «Кавказ», где была напечатана статья Н.Н. Сполатбога.

«Покорение Ахал-Теке» в объеме 25 страниц (тираж неизвестен), написано: «Перепечатано из №№ 232, 233, 234, 237, 238, 243, 244 и 245 газеты «Кавказ» за 1884 год» и «Дозволено цензурой: Тифлис, 16, 17. 18, 23, 24, 29, 30 окт. и 1-го ноября 1884 года» [8]. Даты, указанные во втором замыкающем предложении, скорее всего, относятся не к самой брошюре, а номерам «Кавказа», на страницах которых впервые была помещено это сочинение Н.Н. Сполатбога.

В брошюре сохранен колоночный набор текста, присущий газетам: каждая ее страница разделена на две колонки. В ходе сравнительной работы нами не выявлено каких-либо существенных отклонений между газетным и самостоятельным текстами данного сочинения. Его газетный заголовок «Покорение Ахаль-Теке (изъ записокъ полковника Сполатбога)» оставлен без изменения также в брошюре.

Кратко описанная нами брошюра «Покорение Ахал-Теке» Н.Н. Сполатбога давно известна исследователям и используется в качестве одного из источников при изучении событий, проходивших в Закаспийском крае в 1879 и 1880–1881 гг. [1, с. 70, 83–84 и др.]. Мы в данном сообщении, пользуясь ее газетным оригиналом, хотели бы рассматривать и в какой-то мере обобщить сведения о туркменских ханах и сердарах, содержащиеся в них. Здесь же отметим, что боевое народное звание (чин) «сердар», являясь персидским заимствованием, в текинском диалекте почти полностью заменило ранее использованное в этом значении слово «батыр» (бахадур / бахадыр / богатырь <туркм. буга 'бык' + перс. тур 'бык'>). Сердары, как и древние батыры, не только отличались личной храбростью, но и командовали отрядом, как правило, с немалым количеством себе подобных храбрецов. Иными словами, сердар это тот батыр, который личным примером мог собрать вокруг себя большой отряд храбрецов-добровольцев для решения той или иной боевой задачи.

С целью соблюдения хронологии, начнем с 243-го номера газеты от 31 октября 1884 г., где излагается как туркмены-текинцы осели в Ахалском оазисе. По распространенным среди народа сведениям, собранным Н.Н. Сполатбогом, текинцы поселились в Ахале от 150-ти до 160-ти лет тому назад, если исходить от первой половины 80-х гг. XIX в. Двигались они от Мангышлака, некоторое время кочевали у Балканских гор, затем спускались в долину. Занятие ими

Ахала хронологически и территориально происходило в следующих 5-и периодах:

1. Двинулись на Кизил-арват (Gyzylarwat, нынешний Serdar) против иомудов, обогнули пески и вышли в Геок-тепе (Gökdepe), вытеснили племя емрели (гемерали?), подданных Персии. Предпринял это Анна-сеид (Annaseýit), племени векил. Он же занял Вами (Vamy) и Беурму (Bögme), двигаясь от Кизил-Арвата, вытеснив тех же емрели (гемерали?). В этот же период Ходжа-Гельды-хан (Hoĵageldi han) занял Арчман, вытеснив персидских арабов (хан арабов был Отгур).
2. Аллиар-Бакши (Аллауар bagşy) и Гассан-оглян (Hasan oglan) заняли Мигин (Mehin) со стороны песков, вытеснив емрели (гемерали?).
3. Овас-Невес-сардар (Owezneser serdar) и Карра-Оглан-Он-Беги (Garaoglan onbegi) заняли Дурун, вытеснив также емрели (гемерали) и курдов.
4. Баба-Он-Беги (Baba on begi) и Махмед-Гассан (Mämmet Hasan) заняли Асхабад (Aşgabat) и прилегающие в сторону к Геок-тепе аулы, вытеснив алилинцев (аллелинцев) и курдов.
5. 21 год назад, в отсутствие Нур-Верды-хана (Nurberdi han), бывшего в Мерве, Ораз-Махмед-хан (Orazmämmet han) и Тенгри-Верды-хан (Таһгыберди han) заняли Аннауи Гяурс, вытеснив алилинцев (аллелинцев) и курдов [7].

Обращает внимание на себя тот факт, что среди перечисленных выше лиц отсутствует имя Кеймиркёра (Keýmir kör), образ которого в народных легендах, представленных Ходжали-моллой Муратберди-оглы в начале XX в. А.Н. Самойловичу, доведен чуть ли до главного и единственного фигуранта в овладении и освоении Ахала текинцами [12, с. 281–282]. Может быть, информаторы Н.Н. Сполатбога, рассказали о нем, пользуясь его настоящим именем, а Кеймиркёр – его прозвище. Не исключено и то, что он является обобщенным героем фольклора – продуктом богатой народной фантазии.

Все текинцы Ахала признавали покровительство Хивы и платили подать Хивинскому хану. После поражения и смерти Махмед-Эмин-хана (Mädemin han) под Сарахсом, текинцы перестали платить подать Хиве и ничего уже покровительства не признавали.

По словам Н.Н. Сполатбога, текинцы помнят ханов Ахала, начиная с Карача-сердара Арчманского (Arçmanly Garaĵa serdar);

после его смерти, был сын его Саалих-сердар (Salyh serdar), потом был избран Оглан-Он-Беги-хан (Oglan onbegi han) (взял Дурун), после его смерти вновь был избран Ак-Мамед-сардар (Akmämmet serdar), но в непродолжительное время сменен и избран брат его, Эвас-Саалих-сердар (Öwez Salyh serdar); после ограбления Арчмана Джаафаром (Ĵararguly han?), он удален, как опозорившийся, и избран Нур-Верды-хан (Nurberdi han). Текинцы признают заслуги только двух ханов, которые и действительно были долгое время в этом звании: Карра-Оглан-Он-Беги (Gara Oglan onbegi) и Нур-Верды-хан (Nurberdi han).

В этом же номере газеты автор статьи пишет о представителях мусульманского духовенства следующее: «Духовенство особого значения не имело. Некоторые ишаны, которых считали за святых, как, напр., Керим-Берды-ишан (старец убит) и Курбан-Мурад-ишан – молодой, умный, воинственный, были близкими людьми к ханам и всегда участвовали на советах, в которых их речи, конечно, почитались, но прав никаких эти лица не имели» [7].

Первая часть статьи, напечатанной в 232-м номере газеты от 19 октября 1884 г., начинается повествованием о Первой экспедиции русских в Ахал в 1879 г. под командованием генерала И.Д. Лазарева (1820–1879), а после его внезапной смерти командование войсками перешло на генерала Н.П. Ломакина (1830–1902). Нурберди-хан во время нападения русских на Ахал был в Мерве у жены Гюльджемал; место его в Ахале занимал старший сын его Берды-Мурад-хан (Berdimurat han), под руководством, вследствие молодости лет, двух влиятельных и самых близких к Нурберди-хану лиц: Ораз-Махмед-хана (Orazmämmet han) и Курбан-Мурад-ишана (Gurbanmurat işan). На совете в Ашхабаде решено было не допускать русских к переходу в долину. Вскоре после этих совещаний было получена письмо-прокламация генерала Лазарева, извещающая, что он прислан покорить текинцев Русскому Царю. Вместо ответа на письмо Бердимурат-хан совместно с Оразмаммет-ханом и Курбан-мурат-ишаном отправился с четырьмя тысячами кавалерии и двумя тысячами пехоты к Бенденскому перевалу, где выжидал движения русских. Туркменская кавалерия, руководимая тем же Бердимурат-ханом и Тыкма-сердаром, вышла на встречу с русскими и впервые встретила с ними в Ходжам-кале.

Затем вернулись в Беурме, где состоялся совет, на котором решено было собраться всем жителям Ахала в центральной для всех крепости Геок-тепе. На этом же совете для того, чтобы дать возможность народу собраться и успеть подготовиться к наступлению русских, было предложено Тыкма-сердару (Dykma serdar) и Софи-хану (Sopy han) отправиться к русским под предлогом изъявления покорности и этим удержат их от движения хотябы дней на 10, а также и ознакомиться с русскими, узнать их дальнейшее намерения. Тыкма-сердар и Софи-хан, после долгих колебаний и опасений, что русские их задержать на долго, решились, наконец, принять это предложение и отправились к генералу Ломакину, под предлогом изъявления от своих родов (а не всего населения Ахала) покорности. Их хитрость заключалась в том, что жители Кизил-Арвата принадлежали к родам Софи-хана и беурминцы – Тыкма-сердара, в Геок-тепе не пошли, а ушли в пески. Но их опасение подтвердилось: пришлось им оставаться у русских сравнительно долго, притом в последующем в качестве плененных.

В это же время постройкой новой оборонительной крепости Денгиль-тепе в Геок-тепе распоряжались Бердимурат-хан и Оразмаммет-хан, в помощь которым были назначены Хезрет-Кули-хан (Hезretguly han) и Оваз-Дурды-хан (Owezduurdy han). Когда русские в августе 1879 г. подошли к крепости Денгиль-тепе, то она не была еще окончена. Тем не менее, бой 28 августа завершился с неудачей для русских. Победа была достигнута туркменами большой ценой: до трех тысяч человек ранеными и убитыми. Ранен был и сам Бердимурат-хан, через два дня умерший от полученной раны. Вместо его ханом и распорядителем признали Оразмаммет-хана.

Примерно через месяц спустя этого сражения, в сентябре, вернулся в Ахал Нурберди-хан (он находился в Мерве, не мог лично участвовать в сражении – он свинул там себе ноги), которого встречали в Ызганте и вернули ему все полномочия общего хана текинцев-ахалцев. Он созвал совет, на котором высказано было мнение, что русские вернутся вновь в Геок-тепе для наказания текинцев. Поэтому Нурберди-хан приказал тысяч почетных и богатых семейств поселиться в Денгиль-тепе, с тем чтобы старшины и ханы могли бы требовать туда рабочих для окончания и увеличения начатой крепости Денгиль-тепе. По его получению для охранения границ Ахала

и для исполнения полицейской и аванпостной службы был создан отряд, состоящий из 1 тыс. всадников, которые в разделе с 200 по 300 чел. находились под командованием следующих родовых ханов:

1. Овездурды-хан (род сычмаз).
2. Оразмаммет-хан (род бек).
3. Мурад-хан (род векил).
4. Хезреткули-хан (род багшидашаяк). Отряд находился в полном материальном обеспечении у населения этих родов [2].

Нурберди-хан, находясь в Ызканте, зимой заболел и, будучи уже больным, прибыл в конце марта 1880 г. в Денгиль-тепе и там умер. Через четыре дня после его смерти был признан ханом Ахала его сын Махтум-Кули-хан (Magtymguly han). Когда русские заняли Бами, в Денгиль-тепе состоялся совет, на котором многие требовали удаления населения в пески, но имеющие влияние на окончательное решение Курбанмурад-ишан, Керимберди-ишан (в оригинале: Рахимберди-ишан) и Махтумкули-хан своими доводами заставили желающих мира молчать и согласиться оставаться в крепости для защиты. Вследствие молодости и слабохарактерности Махтумкули-хана, на которого вообще мало надеялись, появились между племенами разногласия: племена сычмаз и бек требовали выхода в пески, а багшидашаяк и векил – войны. В результате племенными ханами избраны были сторонники войны, а именно: сычмаз – Мамметкули-хан, бек – Оразмаммет-хан (убитый), векил – Махтумкули-хан и багшидашаяк – Хезреткули-хан (убит). Племя сычмаз наиболее настаивало на выходе из крепости, а потому избрание Мамметкули-хана, сторонника войны, произошло под сильным давлением Тыкма-сердара и Курбанмурад-ишана. За Махтумкули-ханом оставался только почетный титул единого хана [3].

Примечательно то, что в той части статьи, которая помещена в 238-м номере газеты от 25 октября 1884 г., излагается краткая биография Овезмурата Тыкма (Дыкма)-сердара, одного из главных руководителей текинского ополчения, взявшего в руки оружия для защиты родной земли от войск русской регулярной армии, хотя о Дыкма-сердаре фигурирует также в остальных ее частях, где описываются вооруженные события. Сын богатого животновода Маммет-назара из Беурме родился в год свиньи, что в сравнении с данными из других источников (газетное сообщение от 15.V-1881 г.: «бывший

начальник вооруженных сил текинцев Тыкма-сердар, 55-ти лет») [13] соответствует на 1827 год по христианскому летосчислению (в литературе указывается и на 1825 год). Осиротев а 7-летнем возрасте, остался в попечении своих старших братьев Атта-Мурада (Atamyrat) и Оваз-Дурды (Öwezdurdy), которые, разделив между собой наследия отца, оставили ему только один надел земли и воды. Став храбрым подростком, он с 13-ти лет ходил на аламаны (грабежи), а в 15-летнем возрасте во время одного из таких аламанов (от туркм. глагола ал-‘бери’, ‘возьми’, ‘принимай’) попал в плен Буджнурдским курдам, из которого освободили односельчане-беурминцы, оплатив за него выкуп в размере 1 тысяч туманов. В 17-ти лет Тыкма-сердар составил свой отряд аламанщиков из 100 человек. Далее Н.Н. Сполатбог в своей статье описывает становление Тыкма-сердара в качестве крупного главаря грабителей, подробно и увлеченно рассказывая о его больших и малых аламанах. В итоге он оценивает сердара следующими словами: «Тыкма-сердар малых, то есть на одиночных людей, или на незначительную добычу, аламанов не делал, считался человеком храбрым и лучшим сердаром, но многими был не любим, держал себя независимо и не отличался справедливостью» [6].

После нападения русских на земли туркмен-текинцев и особенно после неудачного боя для них в Геок-тепе летом 1879 г. отряд Тыкма-сердара, как и отряды других туркменских сердаров, постоянно беспокоили русские войска с целью побольше вредить им и узнавать их дальнейшие действия. Так, Тыкма-сердар с кавалерией в 800 человек и пехотой в 1 тысячу человек хотел напасть на русских, находившихся в Кизил-Арвате. Ночевая в песках у колодцев Кара-Сангир (Garaseññir), на рассвете Тыкма-сердар увидел приближение русской кавалерии и со своей кавалерией напал на нее и заставил отступать. В последующем угнал несколько верблюдов у них, которые служили основным видом транспорта для материального снабжения русских войск [4].

Тыкма-сердар по возвращении Нурберда-хана в Ахал взялся делать непрерывные нападения на русские позиции, на транспорты и вообще следить за всем ходом дела впереди: беспокоить войска, наносить им вред, захватывать казаков и узнавать новости. Так, в июле 1880 г. Тыкма-сердар уже приобрел большое доверие после вынужденного нахождения у русских и был главным руководителем

защиты крепости Денгиль-тепе. Он ночью 6-го июля с кавалерией 1,5 тысяч человек вместе с отрядом Кульбатыр-сердара устроил засаду в дороге отступления русских войск. Когда Тыкма-сердар занял с кавалерией намеченные пункты, он дал знать в крепость ханам о высылке пехоты, которая и выступила из крепости двумя колоннами: одна со стороны песков под начальством Эваз-Дурды-Серче-сердара (Öwezłurdy serçe serdar), а другая – со стороны гор под начальством Нур-Махмед-сердара (Nurmämmet serdar). Тыкма-сердар, спешив кавалерию, повел ее, одновременно с пехотой на то место, где расположены были русские. В конце июля Тыкма-сердар с пятьюстами человек напал на Хаджам-калу, но русские их отбили [3].

Другим отважным батыром-командиром туркмен-текинцев по описанию Н.Н. Сполатбога был упомянутый выше Кульбатыр-сердар (Gulbatyr serdar), который сделал нападение на Айдын с целью занять колодцы и не давать русскому гарнизону воды. Занял и держал их некоторое время. Отступал лишь тогда, когда огонь русских усилился и начал достигать местоположение его отряда [4].

В другой раз, в период защиты Денгиль-тепе в конце 1880 и начале 1881 г. нападение текинцы предприняли сделать с двух сторон. Текинцев-утамышцев повел сын Тыкма-сердара, Ох-Верды (Akberdi? Hakberdi?) (убит) с южной стороны. Текинцев-тохтамышцев с северной стороны повели Коджар-Топас-хан (Gajar Topaz han) и Кульбатыр-сердар. Кавалерия выехала сзади пехоты и имела сделать вслед за последней атаку и уничтожать бежавших, но она много потеряла от русского артиллерийского огня, который заставил ее уйти в крепость. К тохтамышцам отправился сам Тыкма-сердар и заставил их еще некоторое время держаться, но броситься в шашки против артиллерии уже было невозможно.

Когда в крепость проник слух, вышедший из русского лагеря, что русские роются в земле с целью взорвать порохом стены, Тыкма-сердар и многие ханы, хотя и предполагали вероятным, но сами не могли уяснить себе, какая может произойти опасность от подобного взрыва, и потому подкопам особого значения не придавали. Наоборот, текинцы даже желали, чтобы русские поскорее, хотя бы разломавши стену, шли в крепость, где их рассчитывали уничтожить шашками [5]. Это была ошибочная оценка сложившейся боевой ситуации, которая и привела, в конечном счете, к падению крепости.

Из всего вышеизложенного вытекает вывод о том, что ополченцы-текинцы под руководством своих ханов и сердаров (батыров) отчаянно сражались против регулярных войск в 1879 и 1880–1881 гг. во время Первой и Второй Ахалтекинских экспедиций. Полковник Царской Армии Н.Н. Сполатбог, участвовавший в них в чине майора, в отличие других участников этих событий (генерал Гродеков, генерал Куропаткин и др.), которые рассказали в своих воспоминаниях о подвигах русских, описывал события, проходившие как бы на той стороне фронта, то есть о боевых действиях, проводимыми туркменами-текинцами. Ценными являются также материалы русского автора, содержащие конкретные сведения о ханах и сердарах, под руководством которых туркмены-текинцы поселились в Ахалском оазисе. Это – во-первых.

Во-вторых, в газете «Кавказ», изданной в 1846–1918 гг. в Тифлисе – административном центре Кавказского края (наместничестве, генерал-губернаторстве) Российской империи, наряду с многочисленными другими материалами напечатаны статьи, содержащие ценные сведения о русско-туркменских отношениях в последние десятилетия XIX столетия [10, с. 111–128; 11, с. 25–34], и она представляет собой одним из достоверных, но малоизученных источников по этому направлению. Более того, газета оперативно напечатала разоблачительную рецензию на книжку Григория Градовского, который предпринял необоснованную попытку унизить боевые заслуги генерала М.Д. Скобелева перед Россией. Как пишет анонимный рецензент, автор книжки «решительно не признает в Скобелеве легендарного героя, мифического богатыря, народного гения. Мало того: он подвергает сомнению славу его даже просто, как более или менее крупного и заметного военачальника»* [9].

Библиографический список

1. Аннанпесов М. Присоединение Туркменистана к России: правда истории // Вопросы истории. 1989. № 11. С. 70, 83–84.
2. Кавказ (газета). 1884. 17 октября. № 232.
3. Кавказ (газета). 1884. 18 октября. № 233.
4. Кавказ (газета). 1884. 19 октября. № 234.
5. Кавказ (газета). 1884. 24 октября. № 237.
6. Кавказ (газета). 1884. 25 октября. № 238.
7. Кавказ (газета). 1884. 31 октября. № 243.

8. Покорение Ахал-Теке (из записок полковника Сполатбога). Тифлис, 1884.
9. Скобелев пред судом Гр. Градовского // Кавказ (газета). 1884. 27 апреля. № 95.
10. Соегов М. О генерале Н.Г. Петрусевице и его трудах // Кавказология. 2020. № 3. С. 111–128. URL: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2020-3-111-128>
11. Соегов М. О Закаспийских событиях января 1881 года и их последствиях (по материалам газеты «Кавказ» за первое полугодие 1881 года) // Вестник Казахстанско-Американского свободного университета. 2020. Вып. 2. С. 25–34.
12. Кеймиркёр // Туркмен Совет Энциклопедиясы. Ашгабат, 1982. Т. 4. С. 281–282.
13. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/M.Asien/XIX/1860-1880/Russ_turkmenII/Razdel_V/68.htm (дата обращения: 27.08.2020).

Айна Мурадгелдиевна СОЕГОВА

старший преподаватель, и.о. заведующей кафедрой русской литературы
Туркменский национальный институт мировых языков
им. Довлетмаммеда Азади, г. Ашхабад

УДК 93/94

И.А. Бителёв

ОТРАЖЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИСКУССИИ В РОССИИ В КОНЦЕ XIX ВЕКА В ТЕКСТАХ ВЕДУЩИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

Аннотация. В данной статье изучается отражение экономической дискуссии в России в конце XIX в ведущих периодических изданиях того времени, представляющих различные политические идейные направления. Изучены материалы либерального журнала «Вестника Европы», консервативного «Русского Вестника», социалистического «Русского богатства».

Ключевые слова: история прессы, общественное мнение, экономическая дискуссия, история России, «Вестник Европы», «Русский вестник», «Русское богатство».

I.A. Bitelev

REFLECTION OF THE ECONOMIC DEBATE IN RUSSIA AT THE END OF THE 19TH CENTURY IN THE TEXTS OF LEADING PERIODICALS

Abstract. This article examines the reflection of the economic debate in Russia at the end of the 19th century in the leading periodicals of that time, representing various political ideological trends. The materials of the liberal magazine «Vestnik Evropy», the conservative «Russkiy Vestnik», the socialist «Russkoye Bogatstvo» are researched.

Keywords: Press history, Public opinion, Economic discussion, History of Russia, Vestnik Evropy, Russkiy Vestnik, Russkoye Bogatstvo.

Пресса конца XIX в. не только отражала общественное мнение ключевых групп общества, но и в значительной мере формировала его. Конец столетия ознаменовался серьезной дискуссией между представителями разных идейно-политических групп, вылившийся в обсуждение будущей экономической стратегии страны. Представители либеральных кругов настаивали на сохранении и углублении курса на фритред, свободу торговли и в тот период во многом кооперировались с помещиками, заинтересованными в отсутствии таможенных препятствий к экспорту сельхозпродукции. Данная позиция преподносилась как защита свободы личности. Представители

консервативных кругов, связанные с российскими промышленниками, настаивали на усилении протекционизма, покровительства российской индустрии через введение заградительных пошлин на иностранную продукцию. Данная позиция преподносилась как защита национальных интересов и ослабление зависимости от других государств. Немногочисленные издания, симпатизирующие социализму, основной акцент делали на интересах и соблюдении прав простых трудящихся и одинаковую угрозу видели как в чрезмерном экспорте зерновых, подвергающему страну риску дефицита, так и в чрезмерной экономической изоляции, которая могла бы и не привести к социально-экономическому развитию [10, с. 61]. К концу XIX в. усилилось финансирование прессы со стороны государства и крупного капитала и её связанность с политическими и экономическими дискуссиями [3, с. 89]. Экономические и политические процессы оказывали значительное влияние на публицистов и нередко направлялись при их участии, что особенно было интенсифицировалось вследствие коммерциализации СМИ к концу XIX в. [1, с. 4].

Представляется интересным изучение мнений, отражающих данные концепции в наиболее репрезентативных аналитических изданиях. В качестве основного материала использованы журналы, в которых, в отличие от газет, публиковалось больше аналитических материалов, отражающих больше идейную, нежели сиюминутную эмоциональную реакцию.

В качестве объекта исследования выбран период 1893–1894 гг., связанный с эскалацией таможенной войны между Россией и Германией, а затем с относительной нормализацией экономических отношений и заключением торгового договора, что явилось ключевым этапом в череде фритредерских и протекционистских решений правительств обеих стран [2, с. 105]. Предметом исследования является отражение данных экономических процессов в журналах «Вестник Европы», «Русский вестник», «Русское богатство», как наиболее репрезентативно представляющие различные политические спектры общественного мнения [8, с. 88].

Дискуссия о путях экономического развития России резко активизировалась в 1893 г., в связи с таможенной войной между Россией и Германией, вызванной отсутствием на тот момент торгового договора и взаимным повышением таможенных пошлин.

Причиной таможенной войны «Вестник Европы» считал саму политику протекционизма: «таможенная война с Германией – это неизбежный эпизод в истории протекционизма» [16, с. 357]. Полагалось, что отказ от подобной политики будет способствовать нормализации международных отношений: «разумеется, само собой, что справедливое, чуждое национальному эгоизму, отношение к интересам соседей совершенно несовместимо с односторонней покровительственной политикой, и если бы такое справедливое отношение существовало в международных делах, то не было бы ни высоких тарифов, ни таможенной войны» [6, с. 799]. «Вестник Европы» подчёркивал ущерб, причиняемый сельскому хозяйству России и считал опыт таможенного конфликта негативным [16, с. 357]. При этом, журнал указывал на отсутствие пользы для российской промышленности, считая, что это лишь привело к росту цен внутри страны и не мотивировало осуществлять модернизацию оборудования [15, с. 765]. Наиболее опасным последствием журнал считал усиление вследствие данных процессов монополий, которые и становились выгодополучателями [15, с. 767]. Таможенный конфликт «вестник Европы» считал неконструктивным в принципе, ведь «стеснением внешней торговли наносишь удары не только противникам, но и самому себе» [6, с. 798].

Журнал «Русский вестник» считал действия России в ходе таможенной войны вынужденными: «нам пришлось усилить свою таможенную оборону» [4, с. 361]. Издание призывало к решительному отстаиванию национальных интересов и утверждало об обязанности всех жителей России поддерживать российское правительство в данном вопросе и «быть готовыми всегда на борьбу, не на одни дни и месяцы, а на долгие годы, если этого потребует интерес и достоинство страны» [9, с. 343]. Журнал утверждал об относительно благоприятной роли торгового разрыва для возможностей к стимулированию развития российской промышленности [9, с. 341].

Журнал «Русское богатство» уходил от ответа на вопрос, кто является главным виновником торгового разрыва, но указывал на агрессивные действия немецкой стороны, которая стала «теснить нашу торговлю, давая преимущества торговле других стран» [13, с. 129]. «Русское богатство» считало политику российского правительства односторонней и упрекало его за несоблюдение интересов всех групп населения: «Государство не может ставить своей целью

преследование интересов небольшой группы предпринимателей в ущерб интересам всего народа» [11, с. 93]. Причиной торговой войны издание считало политику протекционизма: «значение таможенной войны в том и заключается, что она, будучи последним словом протекционизма, обнаруживает все отрицательные стороны его» [11, с. 94]. Издание считало, что прибыль от таможенной войны получает лишь часть представителей промышленности, стремящихся лишь «сбывать подороже и приготовить похуже» [12, с. 116]. Поведение данной группы журналом резко осуждалось как лицемерное и налагающее бремя на простых крестьян, при требовании для самих себя «всё новых льгот» [12, с. 117]. При этом протекционизм не решал, по мнению издания, проблему модернизации российской промышленности, связанной более с проблемой квалифицированных кадров – «всероссийское купечество хлопочет только о повышении пошлин, забывая, что 92 % из числа заведующих фабриками и заводами, как известно, не обладают никакими техническими знаниями» [12, с. 118]. Издание подчёркивало комплексный урон российской экономике и полагало прибыли промышленников временными, что для них самих в дальнейшем обернётся убытками, ведь «всё наше товарное обращение и весь наш транспорт соотносится с внешними рынками» [13, с. 129]. Рассуждая о недалёковидности промышленников и купцов, издание указывало на взаимосвязанность различных секторов экономики: «внешний рынок для сбыта земледельческих продуктов явился, таким образом, первым возбудителем капитализации доходов и промышленности в России. Он же является и их неперемным условием» [17, с. 203] и «процветание промышленности возможно только наряду с улучшением земледелия, собственно – земледельцев, как главных в России потребителей» [12, с. 116]. Таким образом, журнал «Русское богатство» связывал улучшение положения трудящихся с общим ростом экономики, который невозможен без повышения потребительской активности, возрастающей при общем росте доходов населения, который был бы обеспечен активизацией международной и внутренней торговли и производства.

Таможенная война завершилась в 1894 г. подписанием российско-германского договора и возобновлением двусторонних экономических связей.

«Вестник Европы» приветствовал подписание договора и считал, что это благополучное «событие, встреченное с живейшим со-

чувствием всеми сторонниками мирного развития международных сношений» [7, с. 502]. Договор этот, по мнению издания, является провозвестником всеевропейского примирения и «заставляет даже ярых националистов вспомнить об общих условиях культурных международных сношений в Европе, об обширных и сложных интересах, требующих постоянного взаимного обмена услуг и грубо нарушаемых бесцельной системой злобного соперничества. Принципы договора не имеют ничего общего с идеями вражды и недоверия» [7, с. 508] и знаменуют собой победу свободы торговли, важную для либерального издания. Вместе с тем, «Вестник Европы» выявил тревожную тенденцию формирования двух лоббистских группировок в Германии – промышленников, сторонников мирной конвенциональной политики и аграриев, сторонников жёстких мер в отношении других стран, резко выступавших против торгового соглашения, «заинтересованных в безусловном устранении, или подрыве иностранной конкуренции» [7, с. 503], что в дальнейшем могло бы иметь негативные последствия для свободы торговли в частности, и свободы человека в целом.

«Русский вестник» с удовлетворением констатировал, что «восстановление добрых соседских сношений с Германией – факт совершившийся. Двести дней таможенной привели обе стороны к убеждению, что состязания в реторсиях причиняет только потери и, как всякое насилие над природой вещей, не помогает развитию производительных сил, а вносит одним замешательство за другим в торгово-промышленную жизнь народов» [5, с. 324]. Таким образом, консервативное издание особое внимание уделяло не столько победе ценностей свободы, сколько возможностям для национального экономического развития.

«Русское богатство» с воодушевлением приветствовало утверждение соглашения, считая его началом более гуманной и эффективной экономической политики – «главное значение проявившегося в Германии ослабления протекционизма состоит не в той прямой пользе, которую немедленно получит немецкий народ, а в том, что заключение торговых договоров с Россией и другими европейскими государствами – первый шаг по более рациональному экономическому пути» [14, с. 78]. Таким образом, издание социалистической ориентации ключевое значение придавало именно изменению поло-

жения трудящихся, которые напрямую зависело от геоэкономической конъюнктуры.

Таким образом, на примере данных изданий мы видим, с одной стороны, проявление поляризации российского общества, но с другой стороны, умение находить точки соприкосновения и общих интересов, что вылились в относительно единодушное принятие торгового договора между Россией и Германией.

Библиографический список

1. *Бережной А.Ф.* К истории печати России (конец XIX – начало XX в.). СПб., 1992.
2. *Ерешко Е.В.* Симбиоз протекционизма и либеральных таможенно-тарифных мер в Российской таможенной политике XIX в. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2009. № 2. С. 100–105.
3. *Есин Б.И.* Русская газета и газетное дело в России. М., 1981.
4. Из жизни и печати // Русский вестник. 1893. № 8. С. 353–368.
5. Из жизни и печати // Русский вестник. 1894. № 4. С. 323–338.
6. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1893. № 10. С. 797–811.
7. Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1894. № 3. С. 488–516.
8. *Махонина С.Я.* История русской журналистики начала XX в. М., 2000.
9. *Милютин И.Н.* Как у нас отразится договор с Германией // Русский вестник. 1893. № 9. С. 341–356.
10. *Субботин Ю.Ф.* Россия и Германия: партнеры и противники (Торговые отношения в конце XIX в. – 1914 г.). М., 1996.
11. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1893. № 10. С. 91–107.
12. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1893. № 9. С. 113–132.
13. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1894. № 2. С. 125–145.
14. Хроника заграничной жизни // Русское богатство. 1894. № 3. С. 75–95.
15. Хроника. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1893. № 10. С. 764–796.
16. Хроника. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1893. № 9. С. 344–366.
17. *Южаков С.Н.* Вопросы экономического развития России // Русское богатство. 1893. № 12. С. 186–209.

Иван Александрович БИТЕЛЁВ

преподаватель кафедры социально-гуманитарных
и общеправовых дисциплин

Московский финансово-юридический университет МФЮА

УДК 93/93.338

Т.Б. Лозбенева, И.Н. Лозбенев

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДЕЛОВОЙ ПЕРЕПИСКИ НАРОДНОГО КОМИССАРА СССР Г.Я. СОКОЛЬНИКОВА ПО ВОПРОСАМ ПРОВЕДЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ РЕФОРМЫ В 1922–1924 ГГ.

Аннотация. В статье анализируются документы, подготовленные Народным комиссаром финансов СССР в период проведения финансовой реформы 1922–1924 гг. Авторы анализируют текст документов с точки зрения их исторического значения и особенностей языка написания. В статье делается попытка рассмотреть особенности личности автора с точки зрения подготовленных им текстов.

Ключевые слова: Новая экономическая политика, финансовая реформа, денежная политика, инфляция.

T.B. Lozbeneva, I.N. Lozbenev

HISTORICAL AND PHILOLOGICAL ANALYSIS OF THE BUSINESS CORRESPONDENCE OF THE PEOPLE'S COMMISSAR OF THE USSR G.YA. SOKOLNIKOV ON THE ISSUES OF FINANCIAL REFORM IN 1922–1924

Abstract. The article analyzes the documents prepared by the People's Commissar of Finance of the USSR during the financial reform of 1922–1924. The authors analyze the text of documents from the point of view of their historical significance and features of the writing language. The article attempts to consider the features of the author's personality from the point of view of the texts prepared by him.

Keywords: New economic policy, financial reform, monetary policy, inflation.

В марте 2021 г. научная общественность нашей страны будет отмечать 100-летие введения в России Новой экономической политики. Период проведения НЭПа стал временем восстановления экономики после окончания Первой мировой и Гражданской войн. Восстановительные процессы оказались достаточно сложными и потребовали перестройки советской экономики от эпохи «Военного коммунизма» к рынку. Особое место в формировании советского

рынка имела реформа финансов 1922–1924 гг., фактически увенчавшая всё здание рыночных реформ начального этапа НЭПа. В том, что реформа не только удалась, но и стала образцом для проведения подобных преобразований, большую роль сыграла личность ее вдохновителя и организатора Григория Яковлевича Сокольникова. К моменту проведения реформы он был еще относительно молодым – ему исполнилось 34 года, но достаточно опытным политиком. Практически все события бурного начала XX в. отразились в его биографии. Сокольников был участником Первой русской революции, Октябрьской революции, в марте 1918 г. он подписывал Брестский мир с Германией, в 1919 г. во главе 8-й армии Южного фронта РККА он участвует в разгроме Деникина, в 1920 г. участвует в установлении Советской власти в Туркестане. Среди всей этой череды событий чем-то невероятным выглядит его учеба в Сорбонне, где он должен был защитить диссертацию по финансам, чего однако не успел сделать, так как был выслан властями Франции за антивоенную позицию, которую отстаивал после начала Первой мировой войны. Как представляется, документы, которые анализируются в данной работе, в полной мере отразили не только характер, но перипетии жизни политика и экономиста. Авторами статьи для анализа были выбраны частные письма, хранящиеся в фонде Г.Я. Сокольникова в Российском Государственном архиве социально-политической истории.

1. Записка Г.Я. Сокольникова – М.И. Калинину от 6 февраля 1922 г.

Смета ЦК РКП (б) сократилась с 44 млн. руб. до 19 млн. руб. в которые входя стоимость пайков ответственных работников и стоимость бумаги всей партийной прессы. Таким образом тут удалось добиться значительного сокращения.

Но это лишь один эпизод.

Если сравнить, что получили все наши комиссариат в прошлом году за 9 месяцев (январь – сентябрь 1921 г.) и что им назначено, денежными знаками, по бюджету на 9 месяцев 1922 г., то оказывается, что в этом году им причитается в четыре раза больше (в 1921 г. в довоенных рублях 84,5 млн. рублей, в 1922 г. – 380 млн. рублей). А мы, как будто, с прошлого года не разбогатели в чет-

веро. В прошлом году была продрозверстка, но ведь, фактически госснабжение в этом году не на столько уж сокращено, если брать выдачу на человека. С другой стороны, должно быть произведено сокращение штатов военных и гражданских. Где же оно?

Мы приближаемся к трудным месяцам – на рынке продовольствия будет меньше. Нужно сокращать штаты (в том числе армейские тылы) не на словах, а на деле. Нужно снять с госснабжения все предприятия, которые могут существовать за счет рынка. Нужно впустить на рынок товары, которые мы бессмысленно держим под спудом: соль, керосин, продукцию трестов, для того, чтобы поддержать производство и воспроизводство и извлечь крестьянскую продукцию не путем принуждения, а путем удовлетворения крестьянства. Нужно радикально перестроить нашу систему внешней торговли и разрешить до нового урожая свободный ввоз продовольствия из-за границы со скромным обложением таможенной пошлины.

Вот основные меры. Они не новы, но других нет [1; 8–10].

2. Письмо Мирону Константиновичу? (Владимирову?), написанное в Бад-Вальдунгене 2 сентября 1923 г.

Несомненно, что в области валютных проблем мы имеем перемещение на сторону червонца центра тяжести, подобно тому, как в денежном обращении он практически занял первое место. И вот мне представляется, что и теоретически и практически мы совершим трудно – поправимую ошибку если капитулируем перед кредитным нажимом на Госбанк. Без каких-либо колебаний, даже самонаименьших, я утверждаю, что доведение червонной эмиссии в сентябре до 240 млн. зол. рублей – есть начало конца червонца. Я считаю максимально возможным дойти до 180–185 млн. рублей. При осуществлении банковской эмиссии в 240 млн. зол. рублей мы будем иметь в октябре 1) реакцию обесценения червонца; 2) полную невозможность дальнейшего выпуска. Предположим, что сентябрьские кредиты нужны, ну а в октябре они не будут нужны? Если Госбанк так размахнет свою сентябрьскую эмиссию, он съест свои эмиссионные возможности трех последующих месяцев и ухудшит будущую конъюнктуру, колебнув положение червонца. Если возражение состоит в том, что мы на любом уровне товарной покупатель-

ной силы червонца можем обеспечить его золотой паритет, то это возражение неправильно, ибо за известным пределом, стабилизации червонца на золото превращается в искусственное обесценение золота. В таком случае мы будем иметь: 1) убыток от продажи инвалюты по низкой цене; 2) сокращение экспорта вследствие его коммерческой невыгодности и следовательно, сокращение притока иностранной валюты, что делает в конце концов невозможным поддержание валютного паритета червонца; 3) усиленную реализацию червонцев на инвалюту, что будет поднимать курс инвалюты и требовать от нас либо больших валютных жертв, либо примирения с отрицательным лажем червонца, то есть с его валютным обесценением.

Государственная промышленность должна реализовывать, а не кредитоваться под товарный затор. ...Правда, в этом случае возможен ряд кризисов или критических положений в той или иной отрасли промышленности или торговли, но это будут частные кризисы, а кризис червонца будет генеральным кризисом. Лучший частный кризис – поражение на одном участке, потом можно будет помочь, заткнув дыру, сохранив главные силы. Гораздо хуже – превратить частную неудачу в поражение по всему фронту.

Практические меры для предотвращения катастрофы с червонцем могут быть примерно следующие:

- 1) Оттяжка всех сроков закупки хлеба и сырья;
- 2) Оттяжка сроков действительной расплаты по подобным закупкам;
- 3) отказ в отсрочках и пересрочка платежей по ссудам Госбанку;
- 4) энергичнейшие понудительные меры по продажам трестами продукции со включением сюда понижения продажных цен;
- 5) предоставление в виде компенсации по понижению цен более значительных золотых кредитов по импорту сырья для промышленной переработки;
- 6) понижение всеми возможными методами товарных цен вплоть до импорта за границу готовых товаров в целях некоторой конкуренции;
- 7) перенесение тяжести кредитования частично на госбюджет. Это последнее предпочтительнее, чем крах червонца, неизбежны при программе предсмертного раздувания банковской эмиссии.

Высвобождение бюджетных средств возможно:

1. Путем предоставления эмиссии совзнаков на кредитование промышленности через Госбанк;
2. Если абсолютно невозможно путем проведения, как совершенно крайней меры постановления ВЦИК о разрешении НКФ единовременно эмитировать 10 млн. рублей золотом совзнаками на закупку хлеба, а освободившиеся 10 млн. рублей в ссуду Госбанку.
3. Путем доведения эмиссии транспортных сертификатов до 10 млн. рублей и передачи высвободившихся средств в ссуду Госбанку.
4. Увеличение бюджетных средств для ссуды Госбанку путем повышения цены на уголь (не менее чем до 20 копеек) и на нефть, и соответственно сокращением бюджетных ассигнований по нефти и углю.
5. Выпуск трехмесячного сахарного займа на 2,5 млн. пудов сахара в виде сахарных сертификатов (примерно на сумму 20 млн. зол. рублей) за подписями Центрсоюза, Всекобанка, Госбанка.
6. Максимального сокращения расходов и максимального напряжения всех доходных (уже наличных) источников.

Может быть мы найдем другие меры – но думаю, никоим образом нельзя примириться с увеличением банковской эмиссии за предел 18,5 млн. рублей, который я считаю крайне и крайне опасным. В моих письмах в ЦК, которые я Вам адресовал в копии, я упоминаю о том, что считаю, что быстрое развертывание банковской эмиссии уже более невозможно. Перед нами может скоро встать задача ее свертывания, то есть, даже выкупа из обращения некоторой части банкнот (например, в январе – декабре). Если банкнота широко пойдет в деревню и будет там отлагаться, то есть, не будет немедленно предъявляться на товарном рынке – положение будет более легким. Но нам нужно обязательно выждать и дать банкноте в самом деле внедриться в деревню – тогда вновь настанет возможность более широкой эмиссии червонцев.

Еще два – три месяца благополучного существования червонца – и перед нами откроется гораздо большая возможность заграничных кредитов. Вы не представляете себе того международного эффекта, который производит наша финансовая политика. Она прокладывает теперь путь к признанию Советской России

и установлению действительно коммерческих и финансовых отношений с Москвой не в меньшей мере, чем вся наша дипломатическая работа. Капиталисты расценивают червонец, как показатель всей политической и экономической конъюнктуры Советской страны [1, л. 55–57].

Два частных письма, между которыми полтора года динамичной экономической реформы. За это время изменилась страна, изменились финансы Советской России, стал другим и сам автор документов. В начале 1922 г. Сокольников, пройдя курс долгого лечения, приступил к делам и сразу включился в работу по стабилизации финансовой системы страны. Первая записка хорошо показывает все трудности этой работы. Недавно разбитая ходом Гражданской войны на отдельные части, страна имела после ее окончания «лоскутное одеяло» финансовой системы. Фактически в 1922 г. еще не было единого денежного обращения. За разрушение экономики Советская Россия платила гиперинфляцией, продолжавшейся весь 1922 г. Все эти события в той или иной форме прослеживаются в записке Сокольникова, направленной Председателю ВЦИК М.И. Калинину в феврале 1922 г. В ней Григорий Яковлевич предстает как рационально-жесткий экономист – рыночник. Он прекрасно понимает, что чудес не бывает, и невозможно победить инфляцию при слабой экономике и постоянных государственных расходах. Методы борьбы с инфляцией он предлагает самые жесткие: сокращение штатов всех ведомств, в том числе и военного; снятие с государственного снабжения государственных предприятий при разрешении им свободно выходить на рынок со своей продукцией; частичное «приоткрытие» монополии внешней торговли, для того чтобы допустить в Советскую Россию столь необходимое ей продовольствие, – меры, которые нужны для создания устойчивой системы финансов.

Во втором документе Народный Комиссар финансов СССР похож на полководца почти выигранной войны (до успешного завершения реформы оставалось полгода). За прошедшие полтора года удалось стабилизировать советские финансы. Был введен «Золотой червонец», который стал устойчивой валютой и свободно принимался, как внутри страны, так и за пределами СССР. Письмо, написанное своему заместителю М.К. Владимирову, показывает, что Сокольникову удалось твердой рукой стабилизировать финансы. Он

уже видит работу различных финансовых инструментов и четко их прописывает (эмиссия нефинансовых транспортных сертификатов, выпуск займов). В письме Г.Я. Сокольников остается верным проводником рыночных процессов, жестко требуя повышения цен и сокращения расходов. Интересно и то, что письмо отразило довольно непростой «финансовый зигзаг», который едва не стоил потери всей реформы. В 1923 г. под влиянием успехов на финансовом рынке «Золотого червонца», этой денежной единицей пытались заместить все прочие денежные знаки, в том числе и «совзнаки». «Золотой червонец» изначально создавался как крупная денежная единица. «Совзнак» был при нем разменной мелочью. Однако, в отличие от червонца, «совзнак» был подвержен эмиссии, что приводило к постоянному снижению его покупательной способности. И в политике, и в экономике всегда есть «горячие головы», которые хотят форсировать наметившиеся успехи и ускорить победные шаги. Возможно, именно они смогли провести идею о том, что червонец может заместить «совзнак», что потребовало его дополнительного выпуска, а соответственно привело к эмиссии и снижению покупательной способности «Золотого червонца». Письмо Владимирову хорошо показывает, что Сокольников видел все негативные черты такого подхода к деньгам. Примером тому является его фраза из письма, где он указывает, что «доведение червонной эмиссии в сентябре до 240 миллионов золотых рублей – есть начало конца червонца». Уже проведенную эмиссию он сравнивает с проигрышем сражения, но не войны. Григорий Яковлевич понимает, что победа близка и возможна, но ее нельзя приблизить, нарушая законы рынка. Он видит, что цель достижима, что еще несколько месяцев – и советская валюта получит признание на международных рынках.

Оба текста можно отнести к деловой переписке. Деловая переписка подразумевает тонкое балансирование на грани. Приятельское общение тут неуместно, но и подчеркнута суровое не подходит.

Рассмотрим особенности лексики, морфологии и синтаксиса данных документов. Словарная система, кроме общеизвестных (под спудом, конъюнктура, отлагаться, начало конца, ассигнования) и нейтральных (копия, думать, возможность) слов, включает языковые штампы (сокращение штатов, генеральный кризис, поражение по всем фронтам). Будучи профессиональным финансистом, Г.Я. Со-

кольников в совершенстве владеет необходимой терминологией: эмиссия, пошлина, лаж, затор, инфляция, паритет. Деловая речь отражает не индивидуальный, а социальный опыт, поэтому лексика предельно обобщена: денежные знаки.

К морфологическим признакам относится многократное использование сложных слов: продрозверстка, госснабжение, инвалют, Госбанк, Центросоюз, Всекобанк. Преобладают инфинитивные конструкции: сокращать штаты, добиться сокращения, снять с госснабжения. Используются отглагольные существительные: ввоз, оттяжка, отказ. Использование указанных форм объясняет стремление делового языка к точности в передаче смысла и однозначности толкования.

Деловая переписка соответствует нормам синтаксиса. Распространены сложноподчиненные предложения с придаточными условными: *1. Если сравнить, что получили все наши комиссары в прошлом году за 9 месяцев (январь – сентябрь 1921 г.) и что им назначено, денежными знаками, по бюджету на 9 месяцев 1922 г., то оказывается, что в этом году им причитается в четыре раза больше (в 1921 г. в довоенных рублях 84,5 млн. рублей, в 1922 г. – 380 млн. рублей).* *2. Если Госбанк так размахнет свою сентябрьскую эмиссию, он съест свои эмиссионные возможности трех последующих месяцев и ухудшит будущую конъюнктуру, колебнув положение червонца.* Употребляются цепочки имен существительных в творительном падеже: *Высвобождение бюджетных средств возможно:*

- 1) Путем предоставления эмиссии совзнаков на кредитование промышленности через Госбанк;*
- 2) Если абсолютно невозможно путем проведения, как совершенно крайней меры постановления ВЦИК о разрешении НКФ одновременно эмитировать 10 млн. рублей золотом совзнаками на закупку хлеба, а освободившиеся 10 млн. рублей в ссуду Госбанку.*
- 3) Путем доведения эмиссии транспортных сертификатов до 10 млн. рублей и передачи высвободившихся средств в ссуду Госбанку.*

Используются предложения с однородными членами, причем ряды этих однородных членов весьма распространенные: *Нужно впустить на рынок товары, которые мы бессмысленно держим под спудом: соль, керосин, продукцию трестов...*

Несмотря на точность и ясность текста, без логических ошибок, четкость и продуманность формулировок, данные деловые документы несут в себе черты личности автора, его убежденность в правильности выбранного пути экономического развития страны. Григорий Яковлевич смог передать это и статистическими данными, и выразительными средствами. Встречается эмоциональное слово самое маленькое, гораздо, Вы не представляете, авторское – колебнувшись, метафоры «предсмертное колебание», «может встать задача», «политика прокладывает путь к признанию». Обращает на себя внимание особенность подбора языкового материала Г.Я. Сокольниковым. Он явно эмоционален, но свои эмоции оформляет четкими, логическими формулами, которые делают текст понятным.

Сегодня, спустя сто лет после начала денежной реформы, мы видим не только выдающегося финансиста, но и яркую личность, талант которой проявился и в профессиональной сфере, и в умении литературным языком описать сложности управления финансами. История оказалась благосклонна к выдающемуся финансисту. Он успешно завершил финансовую реформу в 1924 г. созданием устойчивых советских денег, чем вписал свое имя в ряд выдающихся финансистов мировой истории.

Библиографический список

1. Российский Государственный архив социально-политической истории. Ф. 670. Оп. 1. Д. 23.

Татьяна Борисовна ЛОЗБЕНЕВА

*преподаватель кафедры социально-гуманитарных
и общеправовых дисциплин*

Московский финансово-юридический университет МФЮА

Игорь Николаевич ЛОЗБЕНЕВ

*доктор исторических наук
учитель истории*

Академическая школа № 1534, г. Москва

УДК 93

Л.Н. Складар

РОЛЬ МОЛОДЕЖИ ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье рассматривается роль молодежи в период Великой Отечественной войны. Материал дает характеристику комсомолу, которому была отведена ведущая роль в мобилизации молодежи. В работе дан анализ партии по формированию подполья и партизанских отрядов в тылу врага.

Ключевые слова: война, молодежь, фронт, комсомол, патриотизм.

L.N. Sklyar

THE ROLE OF YOUTH DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Abstract. The article examines the role of young people during the Great Patriotic War. The material characterizes the Komsomol, which was assigned a leading role in the mobilization of young people. The paper presents an analysis of the party on the formation of the underground and party detachments in the rear of the enemy.

Keywords: war, youth, front, Komsomol, patriotism.

Великая Отечественная война с первых дней приобрела характер национальной борьбы за Отечество, за свою страну. Миллионы людей, в том числе молодежь, встали на защиту Родины по зову своего сердца.

Желание молодых патриотов помочь стране выразилось в их непреодолимом желании отправиться на фронт. Сразу после начала войны тысячи юношей и девушек обратились с просьбой о направлении в военные части действующей армии в комиссариаты, в комсомольские организации городских и районных комитетов. Только в первые дни войны в общей сложности более 900 000 молодых людей ушли в вооруженные силы. Молодежное движение за добровольное вступление в армию было поистине массовым. В него вошли все города, села и республики нашей страны без исключения.

Комсомол, который охватил все слои и категории советской молодежи своим идеологическим и организационным влиянием, стал его настоящим авангардом. В годы войны местные комсомольские

организации направили в армию и на флот более 3,5 миллионов комсомольцев. Члены ВЛКСМ составляли от 20 до 25 % личного состава Красной Армии и Военно-Морского Флота [3, с. 140].

Комсомолу была отведена ведущая роль в мобилизации молодежи. Она определялась его местом в политической организации советского общества, характером и масштабами его идеологического влияния на молодежь, огромными организаторскими способностями и огромным авторитетом среди миллионов молодых юношей и девушек.

Во время войны советская молодежь героически сражалась с врагом и демонстрировала чудеса мужества и отваги. Комсомольцы всегда были безрассудно смелыми в бою. Они шли на самые опасные и трудные дела, увлекая тем самым за собой остальных бойцов. Молодые люди знали, что у них есть Родина, которую нужно отстоять любой ценой. Это высокое чувство патриотизма было пробуждено в них комсомолом и партией.

Комсомол внес большой вклад в комплектование Воздушно-десантных частей. Этому были специально посвящены четыре больших призыва для молодежи. Ответственным делом ВЛКСМ было участие в формировании минометных частей. Их личный состав состоял в основном из коммунистов и комсомольцев. Особое внимание было уделено политическим, моральным и волевым качествам будущих миномётчиков. Большое количество юных комсомольцев были направлены в войска ПВО, части связи, лыжные спецподразделения. Много было сделано для укрепления вооруженных сил снайперами. В частности, большое количество юношей и девушек обучалось меткой стрельбе в снайперской школе, которая была основана по инициативе ЦК ВЛКСМ в Вишняках под Москвой.

В борьбе против нацистских захватчиков молодые воины проявили самоотверженность, доблесть, совершили подвиги, которые навсегда вошли в историю нашей страны и, несомненно, стали примером для будущих поколений.

С деятельностью партии по формированию подполья и партизанских отрядов в тылу врага была органически связана организация патриотического молодежного движения. Проверенные, преданные Родине коммунисты и комсомольцы были выбраны для этой опасной работы. Для выполнения ответственных и крайне важных заданий будущие подпольщики обучались правилам конспирации и связи. В самых разных районах были созданы конспиративные базы, где

закладывалось оружие, а также множительные аппараты, бумага и пропагандистская литература.

Одновременно с подготовкой подполья большое количество молодежи было отправлено в партизанские отряды. Серьезные испытания выпали на долю комсомольцев, оставленных для этой цели в тылу врага. Гитлеровское командование создало хорошо скоординированный, многочисленный и опытный аппарат карательных органов. Войска СС, армейские чиновники, полицейские и солдаты гарнизона устраивали обыски и облавы, направленные против сторонников подпольного движения. Однако невидимый фронт сопротивления фашистскому режиму, несмотря ни на что, расширялся и укреплялся.

Члены комсомола и молодежь сыграли важную роль в повышении эффективности партизанских дивизий и усилении их атак против врага. Десятки тысяч нацистов были уничтожены, разнообразная военная техника выведена из строя, эскадрильи сорваны, объекты взорваны – это результат боевых действий молодых людей, партизанских отрядов, молодежных групп и подразделений. Одновременно с партизанами молодые подпольщики из городов и сел вели свою героическую борьбу.

Многим известно о бессмертном подвиге краснодонской подпольной организации «Молодая гвардия», которая насчитывала около 110 юношей и девушек. Самому молодому участнику было всего четырнадцать лет. Молодая гвардия воплотила в себе лучшие качества советской молодежи. Их имена стали священными для комсомола, как и все имена героев, погибших в борьбе с фашизмом за свободу родной страны. Дата 16 января 1943 г. вошла в историю города Краснодона на Донбассе и в историю всей Великой Отечественной войны. В тот день 49 членов подпольной организации «Молодая гвардия», действовавшей с сентября 1942 г., и еще 22 члена подпольной группы были брошены в шахту № 5. Красная Армия освободила Краснодон 14 февраля 1943 г., родители погибших и активисты подняли тела на поверхность. В это время вся страна узнала о подвиге молодых патриотов и их жестоком убийстве. Из всех молодогвардейцев только тринадцать человек пережили поражение организации [1, с. 252].

Советская молодежь не только героически сражалась с врагом на фронтах войны, в партизанских отрядах и подполье, но и была в первых рядах тех, кто ковал победу в тылу.

Юноши и девушки прифронтовых городов и сел принимали активное участие в строительстве оборонительных рубежей и укреплений, которое осуществлялось по постановлению Государственного Комитета Оборона на Южном и Юго-Западном фронтах.

Была построена 55-километровая линия обороны, в глубине которой старые фортификационные объекты укреплялись 30-километровыми противотанковыми рвами, 15-километровыми крутыми внутренними откосами и 750 новыми дзотами.

Позже около 50 тысяч молодых людей были отправлены на строительство укреплений на ближних и дальних подступах к Москве. Только эта часть строителей оборонных сооружений выкопала около двух миллионов кубометров земли. 23 комсомольца за возведение оборонительных сооружений были награждены орденами и медалями.

Молодое поколение внесло достойный вклад в укрепление и развитие военной экономики страны. Их роль в обеспечении военного производства сложно переоценить. Уже в первые дни войны тысячи юношей и девушек обратились в отделы кадров фабрик и заводов с просьбой направить их на производство.

За счет студенческой молодежи активно пополнялся рабочий класс страны. Целыми потоками и курсами приходили они на предприятия. В общей сложности 150 000 студентов начали работать в народном хозяйстве по всей стране.

В грозные осенние дни 1941 г., когда враг всеми силами хотел захватить столицу нашей Родины, комсомольцы обратились с призывом: «От рекордов отдельных к рекордам коллективов». Многие молодежные бригады из комсомола встали на фронтовые вахты. Они решили работать по-фронтовому, именно так, как дерутся защитники Москвы. Звание «фронтовой бригады» присваивалось тем, кто достигал самых высоких темпов производства, самых высоких показателей (выполнение плана на 150–200 %). Молодые люди работали с девизом: «На работе, как в бою!».

Патриотический подъём юношей и девушек, выразившийся в массовом пополнении рядов рабочего класса, не только в значительной степени обеспечивал военное производство рабочей силой, но и приводил к резкому повышению роли молодежи в экономической жизни страны.

Активность молодых людей в борьбе за урожай, сельскохозяйственную продукцию проявлялась в самых разнообразных формах

организации труда и соревнованиях. Юные патриоты создавали посты по охране хлеба, организовывали ночную пахоту, проводили массовые рейды, чтобы проверить готовность колхозов к полевым работам. Большое внимание было уделено борьбе с потерями урожая. Юноши и девушки оборудовали комбайны зерновыми ловушками, а в свободное от работы время собирали с полей оставшиеся после уборки колосья. Из года в год количество комсомольско-молодежных звеньев увеличивалось. К концу войны на полях колхозов и совхозов работало 96 тысяч звеньев высокого урожая. Почти полмиллиона юношей и девушек вели упорную борьбу за урожай. Опыт лучших звеньев передавался из бригады в бригаду, становясь достоянием колхоза, района, области.

Патриотизм молодых воинов нашел свое яркое проявление в массовом героизме. Среди Героев Советского Союза, удостоенных этого звания в годы Великой Отечественной войны, люди в возрасте до 25 лет составляли 52 % [1, с. 199].

Во время войны юноши и девушки демонстрировали примеры мужественной борьбы за честь, свободу и независимость нашей Родины на фронте, в тылу, в армии, на флоте и в авиации. Их имена вписаны в летопись героической борьбы советских людей и Вооруженных сил против фашистских захватчиков. Трудовой и военный подвиг молодежи в годы Великой Отечественной войны является примером объединения усилий многих людей, подчинения личных интересов общему делу, объединения судьбы большинства молодых людей с судьбой собственного государства.

Библиографический список

1. *Зубкова Е.Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 2000.
2. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 / ред. комиссия П.Н. Пospelов и др. М., 1985.
3. *Митрофанова А.В.* Героический труд комсомольцев и молодежи военных лет в советской историографии // Ленинский комсомол в Великой Отечественной войне. М., 1975. С. 140–141.

Лидия Николаевна СКЛЯР

кандидат исторических наук, доцент

доцент кафедры философии, истории и межкультурных коммуникаций
Московский технический университет связи и информатики

УДК 9.930.1

В.М. Гильфанова

НАРРАТИВНЫЙ ПОВОРОТ В ИСТОРИИ

Аннотация. Данная статья раскрывает сущность нарратива в истории в рамках произошедшего «лингвистического поворота» XX в. Описывается особенность возрастающего интереса к истории как к произведению искусства повествовательного характера, что является актуальным в настоящее время.

Ключевые слова: нарратив, исторический текст, прошлое.

V.M. Gilfanova

NARRATIVE TURN IN HISTORY

Abstract. This article reveals the essence of narrative in history within the framework of the «linguistic turn» of the XX century. The peculiarity of the growing interest in history as a work of art of a narrative character, which is relevant at the present time, is described.

Keywords: narrative, historical text, past.

Для современного этапа развития общественных отношений характерно формирование представления об исторической науке, как повествовательного рассказа, который в большинстве своем выступает художественным нарративом историка. Причиной этому служит изменение представлений об истории в XX в. формируется новое понимание исторического текста, который является как предметом, так и средством исследования исторической науки, а не просто отражением прошлого. Рассмотрим исторический текст в контексте «нарративного поворота» постмодернизма. Для постмодернистских теорий конца XX в. характерна «текстуализация» прошлого, когда прошлое не существует вне рассказа, а представлено в нарративном понимании.

Американский историограф Д. Иггерс, выделяет две тенденции характерные для историографии XX в.: первая связана с продолжением тех традиций, которые сложились в эпоху «классического» историзма в XIX в. (реальность, интенциональность, временная последовательность); вторая – приближает историю к литературе как по используемым методам, так и по задачам, ориентирует на изучение условий и опыта повседневности [5, с. 76]. Само название исторической науки происходит от *story* – рассказ, повествование.

Ш. Ланглуа и Ш. Сеньобос сводили задачу историка к сбору фактов в архивах и их сборку в единый рассказ, при котором должно получиться целостное описание о прошлом. Они отводят значительную роль в данном процессе письменным источникам. Историк не создает прошлое, а всего лишь отражает его, воссоздаёт на основании источников прошлого. К его задаче относится воссоздание истории как можно точнее. Нет сомнений, что литературный аспект играет важную роль при написании истории.

В связи с лингвистическим поворотом в конце XX в., в историографии значительный гносеологический характер приобретает лингвистика, литературная критика, признание роли языка. Концепции исторического дискурса приводят к формированию новых научных установок в историописании. Лингвистический поворот в историческом исследовании ярко раскрывает в своих работах М. Кукарцева, с поворотом к языку период классической науки в понимании прошлого заканчивается и появляется новая парадигма. Старая парадигма, обязывала историка к сбору и анализу информации об объекте изучения, новая парадигма концентрирует внимание на чтении и интерпретации исторических текстов, на так называемой нарративизации истории [4, с. 46]. История представляется как текст, при этом всякая наука – это наука о тексте или форма деятельности, порождающая текст [4, с. 49]. Ключевая идея заключается в интерпретации исторических текстов, о том какой скрытый смысл заключен в самом тексте.

Методы поиска скрытых смыслов в текстах абсолютно любых видов сочетаются с представлениями о мире как тексте в целом, о том значении, которое имеет в человеческом существовании язык, и о том, каким образом языковые системы оказывают влияние на познание [5, с. 82]. Скрытый и неосознанный смысл придает тексту силу. Данные представления существенно влияют на руководящие начала исторического исследования, меняют историческое сознание. Многие современные историки опираются на концепцию, что с одной стороны использование языка – это реальность наших дней, с другой стороны это констатация самой нашей жизни. В данном понимании история – это продукт осмысления сегодняшним историческим сознанием людей исторического опыта прошлого.

В историческом сознании закрепляется идея, что каждое исследование исторических источников, в настоящее время представляет

собой интерпретацию историком их истинности и объективности, некая расшифровка скрытых в них значений. Следует учитывать, что каждое раскодирование – это очередная кодировка. Любая интерпретация основывается на собственных установках, мировоззрении, они пронизаны кодировкой времени, в котором жили люди, составители источника, его редакторы, и те, кто пытается раскрыть сущность в настоящее время, поэтому не замечаем скрытых смыслов. Отсюда вытекает, что история – это субъективный нарратив, который создается историками. Использование нарративного метода в исторических текстах – это реалии сегодняшнего дня. Поскольку концепция о том, что в историографии ключевая идея «объективности», в постмодернистском обществе развевается. Прошлого нет здесь и сейчас, мы не можем к нему обратиться, оно отсутствует в настоящий момент времени, мы его не воспринимаем, но можем вообразить и интерпретировать в своем сознании.

Большинство историков в период постмодернизма склоняются к использованию нарративного метода (описательно-повествовательный), как ключевого. Именно ему отводится значительная роль в современном процессе исторического исследования. Ярким представителем нарративного поворота является голландский философ Ф.Р. Анкерсмит, который дает определение «исторического нарратива» – как особого повествовательного жанра, историографическая презентация прошлого в котором коренным образом отличается от всех форм повествовательной литературы, в частности, от ближайшего собрата нарратива – исторического романа [1, с. 38]. Следует так же учитывать, что нарратив не исключает фактов на основании которых строится картина прошлого, которая отражает действительность событий, в этом заключается особенность истории и то, что отличает ее от литературы. Исторический язык представляет собой определённый вид повествовательного жанра. Язык историка – это то, что его объединяет и разделяет с прошлым.

Исторический нарратив как одна из форм повествования, служит с одной стороны развлечением благодаря тому, что держит читателя в напряжении и вызывает у него эмоции. С другой стороны, он выступает как метод используемый историком, когда он излагает материал, так, как будто бы сам является участником описываемых им событий прошлого. Успешным будет повествование, которое наиболее полно позволит воссоздать прошлое, передав ощущения времени:

«...мы словно отсчитываем час за часом, если речь идет о сражении, день за днем, когда идет описание политического кризиса, или год за годом в случае ознакомления с той или иной биографией» [2, с. 68].

Историки античности, Средневековья и эпохи Возрождения использовали описательно-повествовательный метод в историческом исследовании, они воссоздавали прошлое мастерски используя драматизм и повествование. Тематика логографов в античной Греции сводилась к описанию конкретных греческих полисов и областей. История Геродота строится из случаев – сон, стечение обстоятельств, воля людей и богов. То есть история сводится к описанию всего, что случается изо дня в день, лишь более прочего влияя на ход событий [3, с. 35].

Современная классика нарративной истории включает «Историю Крестовых походов» Стивена Рансимена (3 тома, 1951–1954) и две книги К.В. Веджвуд о правлении Карла I: «Мир короля» (1955) и «Война короля» (1958) [2, с. 68]. В данных работах ярко проявляется положительная сторона исторического повествования: точная хронология, иронии судьбы, реальная сложность событий. Наше прошлое представляет собой хаос до тех пор, пока его не затрагивает историк, для которого процесс написания истории требует осмысленного подхода к историческим фактам, событиям, личностям при чем он видит историю под углом зрения своего времени. Отсюда многие и утверждают, что история – это вид творчества, который нельзя причислять к научному. Деятельность историка схожа с деятельностью литератора, но их отличие в осознании исторических оснований, элементов реальности исторического прошлого. Историк имеет дело с фактами прошлого, которыми он распоряжается в качестве практического материала, литератор же, использует плоды фантазии. В качестве литературных методов, используемых историками, являются описание, повествование и анализ – их можно сочетать различными способами. Не существует единой литературной формы, способной выразить все аспекты человеческого прошлого [6, с. 131]. Воссоздание прошлого представляет собой не просто интеллектуальную задачу, это литературная форма: «описание» событий происходящих когда-то в настоящее время. Используя данные методы историк пытается создать у читателя иллюзию непосредственного присутствия, для этого требуется игра воображения и способность замечать детали, что характерно для писателей и поэтов. Разбираться в исторических источниках важный навык, которым должен обладать

историк, но наличие воображения позволяет рассказывать о прошлом во всем многообразии явлений.

Во многих европейских языках «история» обозначает исторический процесс, так и рассказ. Историческая работа в идеале представляет собой рассказ, который основан на фактах и содержит в себе научное объяснение. Для современных историков предъявляются эстетические требования, на той стадии, когда он сообщает о достигнутых результатах своего исследования, тогда история сближается с искусством. В своих работах Х. Уайт, говорит о том, что каждое повествование придает событиям форму, которая им самим не присуща, но раскрывает, что они значат [6, с. 232]. Для исторического творчества значима эстетичность и интеллектуальная целостность. До Х.Уайта историописание ограничивалось перечислением великих историков прошлого и кратким изложением их репрезентаций, исторические тексты никогда не анализировались на лингвистическом уровне. Х. Уайт формулирует идею, которая основывается на том, чтобы создать «историческую поэтику», он представляет историю как целое, состоящее из частей воображение. Под процессами воображения он понимает те, что «составляют род мышления образами и фигуративными типами ассоциаций, свойственной поэтической речи и мифологическому мышлению. Он говорит об истории как процессе «творения, скорее литературного и поэтического, чем научного» [7, с. 24]. Выходит, что с его точки зрения повествование о прошлом в рамках нарратива невозможно без использования поэтических методов. Не следует использовать столь критический подход, поскольку исторический нарратив не должен сводиться только к поэтическому дискурсу, это говорит об односторонне позиции рассматриваемого явления, но таким образом Уайт завершает «лингвистический поворот» в историописании.

При этом многие современники достаточно критически относятся к нарративному методу, обосновывая свое негативное отношение, тем, что он ограничивает любые систематические попытки научного объяснения истории. Правильно расставленные события это еще не означает раскрытие их взаимосвязей. Тоуни писал: «Время и порядок событий во времени – лишь один ключ к разгадке; задача историка состоит в том, чтобы выявить более существенные связи между ними, чем чисто хронологические» [6, с. 136]. Многие про-

блемы, которые возникли на основании отношения к историческим событиям как к произведению искусства затрагивают историков современности, которые не готовы были к ним и продолжают искать пути дальнейшего развития исторической мысли. Неопределённая ситуация, сложившаяся на сегодняшний день может быть дальнейшим ориентиром в попытках преодоления крайних позиций по отношению к нарративному подходу в истории. На сегодняшний момент можем сказать, что прослеживается необходимость в том, чтобы переосмыслить сущность нарратива и возможность его применения к истории.

Ясно, что новый взгляд на прошлое невозможен без освобождения от прежних шор, без восстановления утраченных балансов [2, с. 235].

Возврат нарратива в историю связывают с различными причинами: это и возникновение новых областей в исследовательских работах, стремление вернуть утраченную популярность «человека» в истории, и популярность истории, как таковой. Использование нарратива при написании истории остается реалию сегодняшнего дня, важной задачей является переосмотр сущности нарратива при использовании его в истории.

Библиографический список

1. Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М., 2003.
2. Бордюгов Г.А. Вместо заключения. Каждое поколение пишет свою историю // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996.
3. Историки Античности: в 2 т. М., 1989. Т. 2: Древняя Греция.
4. Кукарцева М.А. Лингвистический поворот в историописании: эволюция, сущность и основные принципы // Вопросы философии. 2006. № 4. С. 44–55.
5. Сидорцов В.Н. Методологические проблемы истории. М., 2006.
6. Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М., 2000.
8. Уайт Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург, 2002. Т. VIII.

Вивьен Махмутовна ГИЛЬФАНОВА

преподаватель кафедры социально-гуманитарных
и общеправовых дисциплин

Московский финансово-юридический университет МФЮА

РАЗДЕЛ 3. ФИЛОСОФИЯ ТЕКСТА И ТЕКСТ ФИЛОСОФИИ

SECTION 3. PHILOSOPHY OF THE TEXT AND THE TEXT OF PHILOSOPHY

УДК 1(091); 165

Д.В. Солодухин

К ПРОБЛЕМЕ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОГО КОММЕНТАРИЯ В ГУМАНИТАРНОМ МЫШЛЕНИИ

Аннотация. В статье рассматривается герменевтический комментарий. С опорой на М.М. Бахтина, В. Дильтея, Г.-Г. Гадамера и, в особенности, В.Л. Махлина предпринята попытка обосновать перспективность понимающего комментария.

Ключевые слова: герменевтический комментарий, Г.-Г. Гадамер, М.М. Бахтин, В. Дильтей, В.Л. Махлин, второе сознание, понимание, филологизация философии, гуманитарные науки.

D.V. Solodukhin

ON THE PROBLEM OF HERMENEUTIC COMMENTARY IN HUMANITARIAN THINKING

Abstract. The article deals with the hermeneutic commentary in the light of H.-G. Gadamer, Mikhail Bakhtin and Wilhelm Dilthey and Vitaly Makhlina approaches. It is attempt to comprehend this approach as valuable to overcome the scientism and bottlenecks of interpretation as well.

Keywords: Hermeneutical commentary, H.-G. Gadamer, M.M. Bakhtin, W. Dilthey, V.L. Makhlina, Second consciousness, Understanding, Philologization of philosophy, Humanities.

Любопытные размышления встретил по поводу герменевтического комментария, обладающего немалым эвристическим потенциалом. Что особенно актуально в нынешней ситуации конца Нового времени с крушением его основных проектов – прежде всего науки и образования. Подобно интерпретации как способу освоения

и истолкования текстов, такой комментарий представляется альтернативой вызовам сциентизма. С другой стороны, он позволяет преодолеть узости самой интерпретации. По мысли авторитетного исследователя-бахтиноведа В.Л. Махлина, одного из современных исследователей-герменевтов, понимающий комментарий связан со «вторым сознанием»¹ – в противоположность «первому».

Термины учёный заимствует у М.М. Бахтина (1895–1975) [1], применяющего их в контексте гуманитарной эпистемологии. В ней «*первое сознание*» есть само изображаемое; а также – авторское, творческое сознание, тогда как «*второе*» – это изображающее, подражающее, исследователь. Говоря иначе, под последним понимается воссоздание, репродукция, освоение содержания «первого». При этом «второе» сознание «не может быть только повторением, простым механическим отпечатком, копией оригинала», здесь требуется «*сотворческая мобилизация* культурноречевого потенциала родной речи» [5, с. 478] (курсив мой. – Авт.)

Надо сказать, упоминание «сотворческой мобилизации» отвечает тезису Г.-Г. Гадамера (1900–2002) об эвристической важности изучения истории понятий и выявления мета-вербального (лежащего по ту сторону языка) *истока* словопонятий, недостаточного самого по себе. По Гадамеру, высвобождая изначальную «*смысловую направленность* слов», *усилие* породившей их *мысли*, историческое прояснение понятий, оказывается принципиальным для «возобновления мыслительного напряжения» [2, с. 40, 41]. В этом смысле понимающее комментирование, отчасти переводящее понимаемое в наш собственный интеллектуальный и социокультурный горизонт, и через это вводящее нас в сферу разговора, показывая «образцы» мысли и словоупотребления, призвано «пробудить», нашу мысль, дать творческий импульс уже нашим *собственным* поискам.

По-видимому, именно в этом ключе следует понимать мысль о своего рода миметической «промежуточности» исследователя, «второго сознания» – между исходным «первым» (изображаемым) и «третьим» – сознанием воспринимающего реципиента – читателя, зрителя, слушателя, – фактически наличной или возможной аудитории, «участвующей» в событии «подражания» (помимо прочего это означает, что «второе сознание» связано с неким «педагогическим» моментом: исследуемое плодотворно «питает» исследователя).

Здесь мы выходим на проблему специфики гуманитарных наук. Словопонятие «второе сознание» применяется к гуманитарным дисциплинам – «наукам о духе» (*Geistwissenschaftslehre*), в терминологии В. Дильтея (1833–1911), то есть наукам, предмет которых – исторически-социальная действительность и плоды духовной деятельности человека: независимо выражаются ли они в тексте, живописи, музыке, поэзии или иных сферах человеческого жизненного мира – на всём лежит этот своеобразный отпечаток. «Эти факты духовного порядка... составляют действительность, подлежащую не овладению, но прежде всего нашему осмыслению... Сегодняшнее общество живёт, так сказать, на наслоениях и обломках прошлого; отложения прошлой работы культуры в языке и народных суевериях, в нравах и правовых установлениях, а также в материальных изменениях, не поддающихся письменному учету, – всё это составляет живое предание, которое неопределимым образом подкрепляет собой письменную традицию» [4, с. 281, 301–302]. Соответственно, исследование здесь будет иметь дело с этим «отпечатком», а значит, неизбежно будет как бы «вторичным».

В естественных науках этот «духовный след» вынесен за скобки, не играет существенной роли, что позволяет здесь пренебречь им. В результате здесь «каждое “второе” сознание действует как “первое” сознание, потому что естественнонаучное мышление в принципе одно». Напротив, в гуманитарной сфере предшествующее «первое сознание» предстаёт условием возможности историко-филологического мышления и исследования. Вот почему в науках исторического опыта существует «нечто высшее, чему второе сознание... служит, – и перед чем оно всегда само себя может только стыдиться», и это – предшествующий значимый текст. По словам Гёте, по-настоящему мы учимся «только из тех книг, о которых не в состоянии судить. Автору книги, о которой мы могли бы судить, следовало бы учиться у нас» [3, с. 425]. В этом смысле «читая (и, скажем, комментируя прочитанное), я вхожу в некую неисчерпаемую бесконечность данного автора (а не просто беру готовые знания и истины у “авторитета”). Если же я беру на себя смелость “судить” об авторе, значит, я стал для себя авторитетнее его, превзошёл и “преодолею” другого, став другим для него – как бы первым сознанием» [5, с. 560–561].

Вот почему релевантно «умалившись и вырастая в этом умалении в качестве “второго сознания”, отличающегося от источника и оправданного в этом отличии» [5, с. 561].

По Махлину, происшедшая «филологизация философии» с тематизацией общественно-исторического мира жизни положила предел притязаниям научно-технического подхода². Одним из проявлений этого стала интерпретация³. Но то, что изначально «было средством понимания, то есть понимания исторического опыта, – вместе с ростом моды на «интерпретацию» стало выдавать себя за цель и суть дела» [5, с. 556].

В отличие от интерпретации, понимающее комментирование позволяет избежать «самоутверждения» интерпретатора «за счёт интерпретируемого», ставшего со временем оборотной стороны интерпретации. В научном комментарии его «ино-научной предпосылкой» является «приоритет комментируемого над комментатором». Иными словами, комментирование предстаёт как «ограничение “интерпретации” в пользу “понимания” СС» [5, с. 558].

Говоря иначе, понимающий комментарий «позволяет *продолжать и развивать* первоэлемент-первоимпульс гуманитарно-филологического мышления вообще» [5, с. 559].

Именно поэтому герменевтическое комментирование может оказаться продуктивным для практики преподавания. При этом оно одновременно предстаёт как «способ самоограничения, возвращающий нас к первичной, “керигматической”, сократически-кьеркегоровской ситуации “учитель-ученик”, когда способность “учиться” у прошлого, у текста, у *другого* освобождает от наивного и ставшего бесплодным “реальность – это мы” (чистая современность, чистое начало “из ничего”))» [5, с. 559–560].

Стоит отметить, что на Западе «интерпретация» и «комментарий» как философские понятия стали употребляться достаточно давно: первая в связи с герменевтической традицией Нового времени, второй – ещё с античности. В отечественный философский дискурс они вошли позднее.

Так в 60-е гг. XX в. в «Философской энциклопедии» интерпретация истолковывается исключительно в связи с естествознанием, математикой и логикой, а по комментарию отдельная статья вовсе отсутствует [6, с. 206–207]. Схожая ситуация наблюдается

также в «Философском словаре» под ред. И.Т. Фролова: даже в его седьмой (2001 г.) [11, с. 213] и восьмой редакции (2009) [12, с. 252] «интерпретация» соединена в одной статье с «моделью» (зато в нём присутствует статья «Герменевтика» В.С. Малахова).

В философский обиход, широкое словоупотребление, фиксируемое в словарях и энциклопедиях, понятие «комментарий» начинает входить уже ближе к двухтысячным в связи с появлением упоминания о герменевтике.

В «Новой философской энциклопедии» (2001.), хотя акцент на естествознании и логике сохраняется, наряду с ним в самом конце статьи всё же допускается его употребление и в гуманитарном знании. «В качестве специального понятия методологии науки, опирающейся на семиотический анализ языка науки интерпретация означает процедуру придания смысла формальным конструкциям языка науки, в результате которой последние превращаются в содержательные термины или утверждения... В гуманитарном знании, в науках о культуре понятие «интерпретация» употребляется в значении, близком к понятию понимания, в котором, начиная с Дильтея, стремятся выразить специфику гуманитарного и культурологического познания... В философской герменевтике (Э. Бетти, Х. Гадамер) проблематика интерпретации выходит за рамки постижения смыслов текстов, оказываясь связанной с познанием бытия человека в мире» [13, с. 134–135].

В словаре «Современная западная философия» (1998) [8, с. 169–170], позднее – в одноимённом энциклопедическом словаре (2009) «интерпретация» употребляется не только в связи с математической логикой, естествознанием и философией науки, но распространяется также на гуманитарные науки и понимание текстов (причём, упоминаются имена Ф. Шлейермахера и В. Дильтея, Р. Унгера, Э. Эрмантингера, Г. Миша, Г. Башляра, В. Кайзера, Э. Штайгера и др.). Констатируется складывание на Западе с 1960-х гг. противостояния двух основных подходов к интерпретации – экзистенциально-герменевтического и структурно-семиотического. «Методологическую основу структурно-семиотической и. составляет трактовка текста как совокупности определенным образом взаимосвязанных элементов (знаков); смыслообразующими компонентами здесь выступают независимые от субъекта “порядки”, по которым

эти знаки организованы. В герменевтике интерпретации направлена на постижение смысла текста как сообщения, адресованного потенциальному читателю, в структурализме – на расшифровку кода, обуславливающего взаимодействие знаков, а тем самым и смыслопорождение. В постструктурализме и, в частности, в деконструкции Ж. Деррида ставится под сомнение сама возможность интерпретации как адекватного прочтения текста. В 1970–1980-е гг. полемика между сторонниками герменевтической и структуральной интерпретации выходит за пределы размежевания “понимающей” и “объясняющей” методологии и обнаруживает тенденцию к сближению обеих позиций (П. Рикер, М. Франк и др.)» [9, с. 146].

Таким образом, как можно видеть, в научной мысли нашей страны произошла эволюция от естественнонаучного истолкования понятия «интерпретация» к признанию её гуманитарных смыслов. А на Западе из альтернативы сциентистскому подходу интерпретация со временем превратилась в самодовлеющий феномен ограниченным эвристическим потенциалом. Любопытно обратиться к словопонятию «комментарий»: схожая эволюция от отсутствия и признания исключительно историко-философских смыслов к тематизированию его «эвристичности» как эпистемологической категории.

К примеру, «Новая философская энциклопедия» термин «комментарий», происходящий от лат. *commentarius* – «заметки», «толкование», в древнегреческой традиции иногда именовавшийся «схолиями» (σχόλια), связывает с эпохами господства сакрального знания, основанного на истинах, данных либо в собственно сакральных текстах. «В античности комментарий возникает в период окончательного утверждения письменного характера греческой культуры в VI в. до н.э. и института школы, основанного на отношении “учитель-ученик”, и получает развитие в рамках религиозных союзов, философских школ, церковного предания» [14, с. 278]. В Средние века положение меняется. «Средневековый комментарий развертывал иную перспективу видения: человеческий разум, ориентированный на постижение Бога Откровения, совершенствовал способы причастия Верховному Субъекту и соответственно возможности претворения собственной природы; Божественное просвещение (иллюминация) человека через Откровение высвечивало его смертность и конечность. Напряженное комментаторское философство-

вание, характерное для Средних веков, усиливается своеобразным переворачиванием направленности познания: здесь не ответ следует за вопросом, а вопрос обременен ответом, уже данным в Слове Священного Писания». В Новое время, «когда любой текст стал рассматриваться как авторский, а дисциплинарное знание должно быть обосновано экспериментом, комментарий перестает быть жанром научной литературы, сохраняя свою значимость в качестве учебно-дидактического пояснения, примечаний к трудным местам в оригинале и ссылок на цитируемые труды. В структуралистской и особенно постмодернистской литературе, понимающей текст как “комбинирование и систематическую организацию элементов”, нет места комментарию или, напротив, вся литература понимается как комментарий, призванный освободить мир от тотальности языка. “Всё новое, всё беспокоящее воспринимается не в виде фактов, но в виде знаков, которые необходимо истолковать”» [11, с. 278–279].

Схожий подход выражен в энциклопедическом словаре «Философия» под ред. А.А. Ивина (2006) [7, с. 384–385].

Таким образом, как видим, в современности понятие «комментарий» приобретает значимый смысл и связывается с гуманитарными науками. Герменевтическая традиция XX в. и опирающийся на неё В.Л. Махлин ставят вопрос о гносеологическом статусе комментария. Иными словами, как представляется эвристический потенциал герменевтического комментария оказывается значим и как в научно-исследовательском, так и в своего рода «педагогическом» плане, пробуждая способность и умение давать ответы на стоящие перед нами вызовы времени.

Примечания

¹ «Выражение “второе сознание” употребляется М.М. Бахтиным в лабораторных записях 1959–60 гг., опубликованных впоследствии под заголовком “Проблема текста”; оно встречается также в поздних записях Бахтина 1960–70-х гг., имевших в перспективе так и не осуществленные замыслы («Очерки по философской антропологии», «Очерки по металингвистике», «К методологии гуманитарных наук»), варьиовавшие основные темы бахтинской мысли, начиная с 1920-х гг.» [1; 5, с. 39]

² «Именно сегодня несоответствие между знанием об истории и историческим опытом, между эмпирической “научностью” и философской “истиной” – обнажилось радикально. На почве методологических проблем «текста» и «интерпретации» филология со своей стороны, а философия – со своей – *вынуждены выходить на и за собственные границы*» [5, с. 554].

³ Поворот к «интерпретации» – особенно «после Хайдеггера и Витгенштейна, после Гадамера и Деррида» – означает обращение «с одной стороны, к *logoi* («речам»), или «дискурсу», – с другой стороны – это общий пункт, объединяющий три ведущих направления современной философии, конкурирующих между собой, именно – немецкую герменевтику, французский нео- или постструктурализм и англосаксонскую «аналитическую» философию» [5, с. 555].

Библиографический список

1. *Бахтин М.М.* Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа. URL: <http://www.infoliolib.info/philol/bahtin/probltext.html> (дата обращения: 21.02.2020).
2. *Гадамер Г.-Г.* История понятий как философия // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. С. 26–43. URL: http://psylib.org.ua/books/_gadam01.htm (дата обращения: 2021.02.10)
3. *Гёте И.В.* Максимы и рефлексии // Гёте И.В. Собрание сочинений: в 10 т. / под ред. А. Аникста, Н. Вильмонта. М., 1980. Т. 10: Об искусстве и литературе
4. *Дильтей В.* Введение в науки о духе // Дильтей В. Собрание сочинений: в 6 т. / под ред. А.В. Михайлова и Н.С. Плотникова. М., 2000. Т. 1: Введение в науки о духе.
5. *Махлин В.Л.* Второе сознание: Подступы к гуманитарной эпистемологии. М., 2009.
6. *Гастев Ю.* Интерпретация // Философская энциклопедия / гл. ред. Ф.В. Константинов. М., 1962. Т. 2.
7. Комментарий // Философия: энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. М., 2006.
8. *Малахов В.С.* Интерпретация // Современная западная философия: энциклопедический словарь / под ред. О. Хеффе, В.С. Малахова. М., 2009. // URL: <http://ponjatija.ru/node/13799> (дата обращения: 21.02.2020).
9. *Малахов В.С.* Интерпретация // Современная западная философия: словарь. / Сост. и отв. ред. В.С. Малахов, В.П. Филатов. М., 1998.
10. *Неретина С.С.* Комментарий // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2001. Т. II. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0163c3eaf78936fcccac1e763> (дата обращения: 21.02.2020).
11. *Финн В.К.* Интерпретация и модель // Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. М., 2001. // URL: https://vk.com/doc138421901_139994756 (дата обращения: 21.02.2020).
12. *Финн В.К.* Интерпретация и модель // Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. М., 2009.

13. Швырев В.С. Интерпретация // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2001. Т. II. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0163c3eaf78936fccac1e763> (дата обращения: 21.02.2020).
14. Шичалин Ю.А. Комментарий // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М., 2001. Т. II. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0163c3eaf78936fccac1e763> (дата обращения: 21.02.2020).

Денис Витальевич СОЛОДУХИН

кандидат философских наук, доцент

преподаватель кафедры социально-гуманитарных
и общеправовых дисциплин

Московский финансово-юридический университет МФЮА

доцент кафедры гуманитарных и общественных наук

РТУ МИРЭА

УДК 81

А.В. Рачинский, А.Е. Фёдоров

РУССКАЯ ДОХРИСТИАНСКАЯ САКРАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА

Аннотация. Исследование русской сакральной лексики доказывает её связь с арийской лексикой. Это свидетельствует о возникновении русской сакральной лексики задолго до официального крещения Руси.

Ключевые слова: сакральная лексика, арии, культура.

A.V. Ratchinski, A.E. Fedorov

RUSSIAN PRE-CHRISTIAN SACRAL VOCABULARY

Abstract. It is shown that Russian sacred vocabulary is associated with Aryan. This indicates its origin long before the official baptism of Russia.

Keywords: sacred words, arias, and culture.

По данным ДНК-генеалогии, русские люди живут на Русской равнине уже более 4900 лет и в большинстве своём имеют в Y-хромосоме общеродовую гаплогруппу R1a. Около 4000 лет назад часть носителей гаплогруппы R1a, живших на территории Русской равнины, начала движение на юг. От этой группы произошли арийские народы. Оставшаяся часть стала предками русского народа [4; 6]. Таким образом, народами, наиболее близкими русскому народу, являются арийские.

Культура, созданная носителями гаплогруппы R1a, после распада их общности продолжала развиваться на Русской равнине и отдельно на Индостане и Иранском нагорье, став впоследствии русской и арийской (индийской, иранской) культурами. Все ценности, религиозные, этические, эстетические представления, стереотипы поведения, язык (в том числе символы) – всё то, что включала культура носителей гаплогруппы R1a, составило основу русской и арийской культур. В число носителей этих новых культур вошли люди с самыми разными гаплогруппами, принявшие эти культуры в качестве своих. Соответственно, их потомки и потомки носителей гаплогруппы R1a стали впоследствии русами и ариями.

Сравнение русской и индийской архитектуры, а также строительной и сакральной лексики показало, что на момент ухода части

носителей гаплогруппы R1a на Русской равнине существовала высокоразвитая культура: существовали многочисленные типы храмов, гражданских сооружений, были слова и выражения для обозначения высоких религиозных понятий, была письменность (см. [6; 8–10]).

Среди главных ценностей русов и ариев следует назвать представление о Вселенской Правде, стоящей надо всем, в том числе и над законами [14]. Слова Александра Невского «Не в силе Бог, но в Правде» являются выражением этого Вселенского Закона. Аналогичные представления мы находим в энциклопедии индийской культуры «Махабхарате»: «На чьей стороне правда, на той и будет победа» (кн. 6, гл. 2). С законом Правды и с жизнью по этому закону неразрывно связаны такие понятия, как долг, совесть (инд. *дхарма*), честность, воздаяние (инд. *карма*) (см. [14]). Ложь была главным грехом у славян и ариев [14].

Очевидно, глубоко укоренённые в русской культуре древние представления о едином Боге, о Его Троичности, о Правде, долге, честности, совести, воздаянии и были причиной всеобщего и мирного принятия христианства на Руси. Как писал в «Слове о Законе и Благодати» заставший людей, крещённых святым князем Владимиром, митрополит Иларион (†1053 г.), Русь не крестили, а она сама крестилась.

Принятие христианства на Руси не привело к изменению основного нравственного закона: Иисус Христос и есть Истина, говорится в Евангелии. Господь сказал ученикам: «Аз есмь путь и истина, и живот» (Ин. 14: 6). Евангелие раскрывает во всей полноте Закон Правды / Истины.

Христианство, придя на смену «старой вере» (народной религии), не упразднило те верования (и традиции), которые не противоречили Евангелию. Так, почитание предков (Красная горка, Радоница), космические циклы (Коляда, Святки, Иван-Купала, Масленица) были приурочены к христианским праздникам (Рождество Христово, Рождество Иоанна Крестителя, Благовещение, Воскресение Христово) и сохранились в церковной традиции. Произошло «воцерковление» народной культуры, а не упразднение её.

Народ по традиции продолжал печь блины на Масленицу и куличи на Пасху, красить яйца, жечь костры на Ивана Купала, купаться в «живой воде» (реках, озёрах, источниках), наряжать

берёзку на Троицу, варить быков на Ильин день. Практически неизменными остались свадебный и поминальный обряды. С этими традициями Церковь не боролась, а только переставляла акценты. Зато церковь боролась с бесовщиной, чёрной магией, колдовством, идолослужением, кровавыми жертвами (ритуальными убийствами, в том числе младенцев, самосожжением вдов, убийством престарелых родителей), то есть с изуверством староверов всех толков, кровавыми и оргиастическими культами.

Поразительным образом именно Русская Церковь оказалась хранительницей, «консерваторией» русской культуры, сохранив не только до-христианские народные традиции, но и сакральную архитектуру.

Русь не отказалась и от своего родного языка в пользу греческого (или латинского, как это сделало большинство народов Европы). У славян уже в дохристианский период существовали слова и выражения для обозначения высоких религиозных понятий, потому не было нужды при принятии христианства заимствовать соответствующие понятия и слова из греческого языка. Началась переписка христианских книг на сакральном языке славян, который сегодня мы называем церковнославянским. Благодаря Церкви язык этот сохранился до наших дней. Сакральный язык – это язык, на котором говорят с Богом. На этом языке не существует бранной лексики, и значение его слов не меняется со временем. Этот язык не служит для общения в быту и не поддаётся идеологическим манипуляциям, его нельзя исказить или извратить.

Святые равноапостольные Кирилл и Мефодий не выдумывали нового языка со всей его сакральной лексикой, а только оформили и систематизировали то, что уже существовало, переведя с греческого Евангелие и основные литургические тексты. Сакральный язык не заимствуется, и его невозможно «выдумать». Невозможно придумать слово *совесть*, потому что нельзя объяснить значение этого слова окружающим. Нет слова – нет совести.

Весь понятийный аппарат, вся сакральная лексика церковнославянского языка существовали задолго до миссии первоучителей словенских. Такие ключевые понятия, как *Бог*, *святость*, *святой*, *истина*, *правда*, *грех*, *совесть*, *кара*, *исповедь*, *исповедание*, *причастие*, *хвала*, *пророк* (*пророчество*), *благовестие*, *воплощение*,

преображение, воскресение, рай, ад, сатана, существовали в языке в дохристианское время и органично вошли в церковный язык. Русский язык до Крещения Руси не был «языческим» [10].

Как отмечает известный лингвист Ф.П. Филин, в общеславянском и иранском языках «особое место занимает религиозно-культурная лексика. Наличие общности не в тематически разрозненных словах, а в большой семантически связанной группе лексики говорит о многом. Общность большой группы культовых терминов вряд ли может рассматриваться как случайное совпадение или как результат параллельного независимого развития в обеих группах языков. <...> Лингвистические данные ясно показывают, что племена, говорящие на общеславянском языке, имели непосредственную связь с иранскими племенами» [15, с. 140–142].

Широко распространённое на Руси выражение *Бога ради* употреблялось и в Древней Персии. Бехистунская надпись Дария (VI в. до Р. Х.) содержит это выражение *bagahja radi* [багахья ради] в том же смысле [16, с. 35]. В русском языке, так же как в иранских, Бог именуется «Свет», «Истина», «Сущий», «Солнце» (Солнце Правды).

Ниже приведены некоторые часто употребляемые в современной церковной лексике слова, полностью совпадающие с арийскими или имеющие с ними общие корни¹ (подробнее см. [10]).

Семантические связи слов выявлялись с помощью фонетико-семантического анализа², который основывается на выделении устойчивых групп согласных (так называемые «ядра» слов). Например, фонетико-семантическая группа {млк} (семантика – *молоко*)

I	Б, П В, Ф М
II	Г, К, Х Д, Т З, Ц, С Ж, Ч, Ш, Щ
III	М, Н
IV	Р, Л
V	Л, В, У

Рисунок 1. Группы переходящих друг в друга звуков [7]

образует фонетико-семантическое «ядро» таких слов, как: ц.-слав. *млеко*, русск. *молоко*, белорусск. *малако*, болг. *мякло*, хорв. *mliko* / *mlijeko*, англ. *mil*k, голланд. *melk*.

Чередующиеся согласные³ считаются равнозначными (*рисунок 1*).

Звуки внутри каждой группы легко переходят друг в друга. При этом наиболее легко переходят друг в друга звуки, стоящие в строках, несколько труднее – звуки, стоящие в столбцах.

Например, фонетико-семантическая группа {р-к/ц/ч} (семантика – *рука*) образует «ядро» таких слов, как: русск. *рука*, *ручной*, др.-русск. *руцы*, польск. *ręka* [ре^нка], *rusy* [руцы].

Слова, имеющие одно и то же «ядро», образуют фонетико-семантические ряды. В национальных языках исконные (древние) слова входят в длинные фонетико-семантические ряды. Заимствованные слова либо вообще не входят ни в какие ряды, либо входят в очень короткие. Слова родственных языков входят в ряды общие для этих языков.

Нижеприведённые слова не являются заимствованными, так как не оторваны от остального массива русской / славянской лексики и входят в чрезвычайно обширные фонетико-семантические ряды как в русском, так и в других славянских языках. Фонетико-семантическое сходство этих слов с индоиранскими словами объясняется тем, что и славянские, и арийские слова происходят из одного источника – языка древних ариев.

Ад. Санскр. *adha* [адха] – внизу, под; *adhaloka* [адхалока] – Нижний мир, Ад (*loka* – место); *ad* [ад] – поглощать, пожирать, уничтожать; поглощающий; *adhama* [адхама] – самый наихудший; самый подлый; тадж. *adu* – враг, недруг.

Благо, благодать, Благовестие, благословить, благой, благодеяние. Санскр. *bhāga* [бхага] – (вед.) счастливая доля, удача, благая судьба; тадж. *балог* – совершенство; авест. *barəg-* [бэрэг] – религиозный обряд, ритуал [15, с. 141].

Бог. Др.-перс. *bagā* [бага] – Бог; авест. *baγa* [бага] – Бог; санскр. *bāha* [баха] – сильный, крепкий; *bhaga* [бхага] – милосердный владыка. «Говорить о заимствовании корня *bog- славянами у индоиранцев не представляется возможным. Однако только на славяно-индоиранской почве у этого корня развивается новое значение “бог”» [15, с. 140–141].

Божница (храм). Согд. «багн» (βγν) [бгн] – храм.

Ведь, совесть, заповедь, исповедь, исповедание, проповедь, праведник, правда, вещей, ведун, ведение, справедливость и др. (см. [14]). Санскр. *veda* – 1) знание, 2) верное знание, 3) священное знание, вера, 4) знание ритуалов, 5) Веды – священное знание о Мире.

Слова *ведать* и *знать* являются контекстными синонимами. В славянских языках изначально *ведение*, в отличие от *знания*, означало высшую мудрость, то есть высшее, откровенное, божественное знание.

Др.-русск. «**ведь**» – гносис («*Премудрости и веди Божия*») (то есть «ведь» – это Божественное знание. – Авт.); «**ведение**» – знание («*Веденье мудрости Божия*»); «**ведовство**» – чародейство; «**ведунь**» – колдун, «**ведьма**» – колдунья, волшебница, «**ведьство**» – колдовство; «**вещий**» – 1) сведущий, мудрый, 2) знающий то, что другим не дано знать, волшебник, 3) колдунья, лат. *мага*, 4) волшебный; «**сведение = съвидение**» – 1) знание, ведение, 2) откровение Божие; данное посредством откровения учение божественное («*Ковчег свиденья*»); 3) Ковчег Завета; 4) **совесть**; 5) связь, общее; «**сведетельный**» – 1) относящийся к откровению, к Завету («*Сведетельная скиния*» – скиния, в которой хранился ковчег Завета), 2) понимать, знать; «**свесть = совесть**» – 1) разумение, понимание, 2) знание, ведение, согласие, 3) указание, воля, 4) **совесть**, 5) чистота» [11].

В отличие от славянских языков и от санскрита, в языках Западной Европы, и в греческом, *совесть* – это не голос Бога в душе, а сознание, соглашение, убеждение – результат работы ума [14].

Так, в английском, французском, испанском языках нет эквивалента нашей «совести». Англ. *conscience*, франц. *conscience*, исп. *Conciencia* – сознание. Слова эти происходят от лат. *conscientia* – 1) совместное знание, соглашение, 2) совершенное знание, убеждение, сознание, и лишь в частности, сознание правого и неправого дела, то есть совесть.

Таким же «знанием» являются и немецк. *Gewissen* – совесть, происходящее от *Wissen* – знать, и греч. *συνείδηση* [синэидиси] – 1) сознание, сознательность; 2) совесть (греч. *συν* [син] – приставка, обозначающая совместность, одновременность; *είδηση* [эйдиси] – известие; сообщение; осведомлённость, знание).

Все эти слова могут переводиться на русский язык как «совесть» лишь исходя из контекста, но, в сущности, представляют

собой «знание». Соответственно, в западноевропейских языках основой *совести* являются ум, рассудок, а не религиозное чувство.

Невозможно перевести ни на один из западноевропейских языков выражение «Он потерял совесть» – оно всегда будет звучать как «Он потерял сознание» (подробнее см. [14]).

Вера. Авест. *var* [вар] – верить; *varəna* [варэна] – вера; санскр. *vara* [вара] – выбирающий; *vāra* [вара] – выбор.

Вина. Ср.-перс. *vināh* [винах] – грех; санскр. *vinā* [вина] – без, кроме, мимо; *vinīkar* [виникар] – действовать плохо по отношению к кому-либо; дурно обращаться; обижать, огорчать, вредить.

Возмездие. Тадж. *музд* – плата за труд; санскр. *mas* [мас] – мерить, отмерять, взвешивать.

Волхв, волх, волшебник. Санскр. *valaga* [валага] – тайное заклинание или заговор; *valagin* [валагин] – сведущий в тайнах колдовства.

Гатати, гадать. Др.-слав. *gamati* – гадать; авест. *gāḍā* [гата] – религиозная песнь, гимн; др.-инд. *gāthā* [гатха] – песнь, связанная речь [18].

Говеть, благоговеть. Санскр. *hava* [хава] – подношение, жертва, сжигаемая жертва; обряд жертвоприношения; огонь; Владыка огня (Агни); тадж. *Хува* – Он, Он Сам (о Боге); Бог; *кувва(т)*; *куво* – сила; мощь; энергия.

Грех. Санскр. *garhya* [гархйа] – заслуживающий порицания или осуждения; о чём следует сожалеть или раскаиваться; *garh* [гарх] – обвинять, порицать; быть виноватым; жалеть; сожалеть, раскаиваться в чём-либо; *garhā* [гарха] – неодобрение, осуждение; упрёк, порицание.

Дар. Санскр. *dar* [дар] – уважать, почитать, поклоняться; *dhar* [дхар] – даровать кому-либо; *dā* [да] – дающий, дарящий; жертвовать.

Дворище (др.-русск. «церковь»). Тадж. *довар* – судья; кн. правитель; перен. Бог, *девор* – стена, ограда; санскр. *dvar* [двар] – заграждать, укрывать, прятать.

Дивный, диво. Санскр. *deva* [дева] – небесный, божественный; бог, божество; *div* [див] – небо; др.-инд. *devas* [девас] – бог; авест. *daēva* [даева] – демон; др.-русск. «Дый – отец неба (языческое божество древних славян). Старинные памятники упоминают бога Дыя

(Дива) наравне с Перуном и Хоросом: “*ов Дыю жьрет, а другый Дивий*”, “*Требу кладут... Диве* (женская форма), *Перуну, Хорсу*” <...>» [2, с. 972].

Дух, душа, духовенство. Тадж. *духон* – кн. дым; санскр. *dhūta* [дхума] – дым, пар; *dhī* [дхи] – мысль (особ. религиозная); медитация; молитва, прославление (божества); ум, разум; думать, понимать; *dhuā* [дхйа] – думать; медитировать; мышление.

Духовенство – слово дохристианское: словенск. *duhoven* [духовен] – духовный; священник; *duhovnik* [духовник] – священник; *duhovščina* [духовщина], *duhovništvo* [духовништво] – духовенство, клир; *duh* [дух] – дух, ум.

Жертва, жертвенник, жрец, жрети. Др.-русск. *жрети* – приносить в жертву; санскр. *gir* [гир] – заклинающий; прославляющий; заклинание, обращение с мольбой; хвала, восхваление; голос; речь; песня (хвалебная); *gar* [гар] – кропить; проглатывать, жрать, есть; призывать, вызывать, пробуждать; восхвалять, прославлять; произносить, читать, петь; учить; знать; авест. *gar-* [гар] – проглатывающий, поглощающий; *gar* [гар] – хвала, награда, хвалебная песня.

Истина. Санскр. *asti* [асти] – есть, будучи, являясь; *satya* [сатъя] – истина (ср. русск. *суть*).

Капище (сень⁶, храм-балдахин). Основа «кап» имеет семантику «покрытие»: южно-русск. *капа* – крыша над печью, польск. *czapka* [чапка] – декоративная округлая либо многоугольная крышечка («зонтик»), расположенная на башенке или шпиле (букв. «шапка»); русск. *капа, капка* – шапка [1]; тадж. *капта* – шалаш; *капнадор* – покрытый («доро» – имеющий, обладающий); санскр. *kapāla* [капала] – крышка, оболочка.

Кара. Санскр. *kar* [кар] – ранить; убивать; *kārā* [кара] – тюрьма; тюремное заключение; боль, страдание; *kāra* [кара] – убийство; исполняющий что-либо; действие; религиозный ритуал.

Каяться, окаянный. Авест. *kaṃa-* [кайа] – каяться (приносить покаяние); наказывать; мстить; *kāṃa-* [ката] – расплата (на Страшном Суде) [18]; *kāy* [кай] – оплатить, каяться; др.-инд. *caṃyatē* [чайате] – мстит, наказывает; тадж. *Ҳай* – кн. живой; Бог.

Ков (заговор), **кобь** (волхование, гадание), **кобник** (гадатель, знахарь). Тадж. *қувва(т)* [кювва] – 1) сила, мощь, энергия; *қуф* – заклинания; санскр. *kāvya* [кавья] – мудрость, огромная сила или

искусность в чём-либо; *кавуа* [кавья] – мудрый, тот, кто совершает жертвоприношение, жрец на жертвоприношении. В комментариях к «Махабхарате» сказано: «“<...> хавьей и кавьей поддерживается существование небожителей”. – Хавья – приношения, сжигаемые на жертвенном огне для богов; кавья – приношения предкам» [5, с. 658].

Колдун, каляда (коледа), калхань (заговор, ворожба) (подробнее см. [10]). Санскр. *kālaṃjña* [каладжна] – астролог; знающий время (*kāla* – точное время; подходящее время; срок; время (в общем), период; судьба; *jña* – знающий что-либо).

Фонетико-семантическое ядро {kld} несёт смыслы *время, измерение, астрономия / астрология, тайное знание*: русск., славянск. **коляда** (приходится на зимнее солнцестояние и Новый год), санскр. *kālādika* (месяц равноденствия и Нового года), *kālādhyakṣa* (Солнце); русск. **колдун**, санскр. *kālaṃjña* (астролог), вавилонское слово *калду* – маг-звездочёт (в греческой традиции «халдей»). К тому же ряду, очевидно, следует отнести др.-русск. **колядьникъ** (отреченная книга, то есть неканоническая). Именование арийским словом звездочётов в Месопотамии связано с тем, что в III тыс. до Р.Х., по данным ДНК-генеалогии, отдельные волны ариев (носителей гаплогруппы R1a) достигли Месопотамии [4] и принесли туда свою культуру. Таким образом, *колдун* – это звездочёт, а *коляда*, сопровождающаяся хождением со звездой, – праздник Полярной звезды и Солнца, в котором принимали участие *колдуны*.

Крес, воскресенье, кресение, крещение. *Крѣс, воскрѣс, вкрес, воскресение* – оживление, восстание из мёртвых; *крес* – огонь на праздник Купалы, *воскресение* – восход солнца, возгорание. Др.-русск. *крес* – поворот солнечный [11]; словенск. *kres* – костёр; санскр. *çriṣ* [шриш] – гореть; *çreṣati* [шрешати] – гореть.

Молитва. Хетск. *mald* [малд], *maltāi* [малтаи] – просить, говорить; арм. *mat̄ṡem* [малтоем] – умоляю; санскр. *mīl* [мил; герунд. *mīlitvā* (милитва)] – быть соединённым чем-либо.

Мощи, помощь. Тадж. *маҷол* – сила, мочь; *маҷус* – огнепоклонник; зороастриец; *маҷд* – кн. величие; слава; *муассир* – воздействующий, влияющий; *мўъҷиза* – чудо, чудеса; санскр. *mah* [мах], *maha* [маха] – большой, сильный; *mahatā* [махата] – величие, сила, власть; мощь; *мосака* [мочака] – освобождающий; спасающий

от чего-либо; аскетический; *mokṣ* [мокш] – освобождаться от цикла перерождений.; *mokṣa* [мокша] – избавление; окончательное освобождение или спасение (души от цепи перерождений); произнесение (проклятия); *muc* [муч] – освобождать; даровать; освобождающий; освобождение; спасение.

Огонь. Санскр. *agni* [агни] – огонь, ритуальный огонь; Агни (Владыка огненной стихии).

Праведник, правда, справедливость (см. *Ведь*). Санскр. *pravedin* [праведин] – знающий точно или определённо (приставка *pra-* – прежде, перед; вперёд; при существительных усиливает значение, при прилагательных выражает обилие, множественность, избыточность).

Рай. Др.-иранск., авест. *rāy* [рай] – богатство, счастье; санскр. *rayi* [райи] – богатство; др.-инд. *rāy* [рай] – состояние, сокровище, богатство; *rayis* [райис] – дар; владение.

Рота, ротиться. «Только в общеславянском и индоиранских языках слово «рота» и соответствующие ему слова (санскр. «рита», иранск. «арта» – Авт.) имеют значение *клятвы*. У древних славян и индоиранцев (как впрочем и у других племён и народов) обряд клятвы был одновременно одним из религиозных обрядов» [15, с. 141]. Санскр. *ṛta* [рита] – правильный, истинный; честный; освящённый; понятный, ясный; установленный порядок; закон, порядок, правило (особ. религиозное); священное правило или обычай; правда, истина; обещание, обет.

Саван. Санскр. *śavācchādna* [шаваччхадна] – саван; *śavya* [шавья] – кремация трупа, похоронный обряд; *śava* [шава] – труп, мёртвое тело; *savana* [савана] – огонь; выжатый сок сомы и его подношение в качестве жертвы; жертвенный обряд; *śavānna* [шаванна] – погребальная пища (ритуальная); *hava* [хава] – подношение, жертва, сжигаемая жертва, обряд жертвоприношения; огонь; *havana* – огонь, очаг. Очевидно, *саван* – это та одежда, в которую в древности славяне облачали мёртвого перед сожжением.

Сатана. Др.-русск. *сотона*; санскр. *śātana* [шатана] – вынуждающий упасть, сбивающий; разрубающий; уничтожающий, разрушающий; отрубание, отсечение; уничтожение, разрушение; средство или инструмент уничтожения или разрушения; *śaṅant* [шантант] – делящий, раскалывающий; *śāta* [шата] – 1) острый, заточен-

ный; резкий; 2) красивый, статный, яркий; *śaṅant* [шатхант] (от *śaṅh*) – обманывающий; причиняющий боль; убивающий; страдающий; *śaṅh* [шатх] – 1) обманывать, ранить; причинять боль; убивать; страдать; 2) восхвалять, льстить, обнадёживать; 3) дурно говорить о ком-либо; 4) украшать; *śaṅhata* [шатхата] – мошенничество; порочность; безнравственность; злоба; греховность; *śātha* [шатха] – ложный, коварный; злобный; обманщик; негодяй; тадж. *шайтон* – чёрт, дьявол, сатана, *шатх* – кощунство, святотатство; *шатр* – кн. часть, половина; *шатта* – удар; *перен.* обида; неудача, неприятность.

О.Н. Трубачёв отмечает, что форма «сотона» первична, и лишь впоследствии под влиянием греческого языка перешла в «сатана» [13].

Свет, святой, святость, святить, свят, свеча, светилище / святилище, священник. «“Светь” – так называется Сын Божий в Евангелии <...> Слова “светь” (светить) и “святъ” (святить) филологически тождественны; по древнейшему убеждению святой (серб. “свет”, иллир. “svet”) есть светлый, белый». <...> Святъ – (церк.-слав.) = святой; санскр. *ṣvi* [шви] – блестеть, сиять; *ṣvit* [швит] – быть белым; <...> таким образом, святой значит сияющий или очищающий» (подробнее см. [2, с. 582–584]. Авест. *spānta-* [спэнта] – святой [18]; санскр. *Śvit* [швит] (формы: *Śvetate*, *Śvetita*) – стать белым, побледнеть; *Śvita* [швита] – белый; белизна, белый цвет; *Śveta* [швети] – белый; светлый, блестящий, белый свет.

Священник (см. *Свет*). Слово дохристианское – ср.: др.-русск. *Священикъ* – священнослужитель; священник; жрец [11]; словенск. *svečenica* [свеченица] – жрица; *svečenik* [свеченик] – священник, жрец; *svečeništvo* [свечеништво] – священство, духовенство. Слово *svečenica* (жрица) могло появиться только в дохристианское время, поскольку ни в католицизме, ни в православии женщин-священников не существует. Свет, как и свеча, семантически связаны с огнём и священник / священник первоначально – служитель огня.

Слава. Др.-инд. *śravah* [шравах] – слава [18]; *śravas* [шравас] – хвала, слава; авест. *sravah* [сравах] – слово, учёное изречение.

Срам, сором. Нов-перс. *šarm* [шарм], тадж. *шарм* – стыд; авест. *fšarəta* [фшарэма] – стыд; санскр. *śarman* [шарман] – убежище, дом, охрана, защита; зонт, ширма.

Суть, Сущий, насыщенный, пресуществление. Санскр. *asti* [асти] – есть, будучи, являясь.

Таинство, тайна. Авест. *taua* [тайа] – тайный; санскр. *tau* [тай; формы: *tauate* (тайате), *taye* (тайе)] – защищать; др.-инд. *stāyati* [стайати] – является тайным.

Теремец. Др.-русск. *теремец* – 1) уменьшит. от «дворец», 2) сень, 3) часовня, небольшой храм без алтаря [11]; *терем* – 1) высокий дом, дворец, 2) сень, балдахин, 3) купол [11]; тадж. *торум* – кн. свод, купол; палатка, шатёр; *поэт.* небо, небеса; санскр. *trāṇa* [трана] – защита, охрана, покровительство; *trāman* [траман] – защита, охрана.

Треба (жертвоприношение), **требище, требница.** Др.-русск. *требище* – жертвенник; алтарь, часовня; капище; *требница* – капище, храм [11]; санскр. *tarpaṇa* [тарпана] – насыщение, подкрепление (особ. богов жертвами); пища; топливо; поддержка; *tarpa* [тарп; формы: *trpyati* (трипйати)] – насыщаться; довольствоваться чем-либо; радоваться от чего-либо; *trpra* [трипра] – жертвенное подношение едой; топленое масло или подношение из него.

Тьма. Санскр. *tama* [тама] – темнота.

Хвала. Др.-русск. *хвала* – восхваление, хвала; слава; молва; благодарение; евхаристия [11]; санскр. *hava* [хава] – подношение, жертва; обряд жертвоприношения; огонь; Владыка огня (Агни); *hvā* [хва; формы: *hvaayati* (хвайати), ср. русск. *звати*⁷] – звать; призывать, вызывать, пробуждать (в том числе божества); *hava* [хава] – зовущий, кричащий; призыв; *kav* [кав] – восхвалять; *kavya* [кавьа] – мудрый; тот, кто совершает жертвоприношение; тадж. *хаво* – любовь; стремление, желание.

Храм. Ц.-слав. *храм* – дом; церковь; хеттск. *karimmi* [каримми] – храм; санскр. *hartika* [хармика] – небесный алтарь; *harmya* [хармйа] – дворец, крепость, большой дом, скала; *śarman* [шарман] – убежище, дом, защита; зонт, ширма; иранск. *xāram*⁸ – запретное, священное место.

Хула, охальство; проклятие, клятва, зачатие. Др.-русск. *клятва* – 1) клятва, 2) присяга, 3) проклятие, 4) зачатие [11]; санскр. *khalatva* [кхалатва] – злоба, злобность; злодейство; *helā, heli* [хела, хели] – неуважение, презрение, *hala* [хала] – ссора, перебранка, *khala* [кхала] – прения, спор; *kal* [кал] – звучать; издавать звук (ср. русск. *калякать* – говорить; польск. *halas* [халас] – шум; русск. *голос*); побуждать, заставлять; *kāla* [кала] – фиксированное, точное время; промежуток времени, срок, время; судьба; смерть.

Чары, чародей, чаровател. Авест. *čārā* [чара] – средство; нов.-перс. *čār* [чар] – средство; *čāra* [чара] – средство, помощь, хитрость; праkrit, *cara* [чара] – колдовство, чародей, тайный агент, ведущий невидимую войну; *abhicara* – атакующая магия (осуждается законом Ману (XI, 64). Ману признаёт только ведическую магию); санскр. *car* [чар; формы: *ceriva* (черива)] – двигаться; проникать; действовать; пожирать, съесть что-либо; *cara* [чара] –двигающийся, передвигающийся.

Чудо, чудеса, кудь (волхованье), **кудесник, кудесы** (чудеса, чары). Тадж. *чоду* [чоду] – колдовство, магия; заговор; заклинание; чары; волшебство.

Примечания

¹ Слова, относящиеся к иранской группе, и древнеиндийские слова приводятся по [13], санскритские – по санскритским словарям [3; 17], таджикские – по [12]. Кроме того, использованы другие источники (см. [10]).

² Предложен А.С. Шишковым (1754–1841) в книге «Славянорусский корнеслов».

³ О чередовании согласных см. [7]. Исключение из рассмотрения гласных связано с тем, что они неустойчивы, могут позиционно чередоваться и выпадать.

⁴ «“Вещий” – др.-слав – мудрый, знающий. Слово “вещий” есть не что иное, как сокращённая форма причастия “ведущий”, где звук “д” выпал (ср. “вемь”, “веси”, “весть” с выпадением того же звука)» [2].

⁵ Здесь и далее «ъ» – гласный звук «ерь».

⁶ Как заметил Л.А. Динцес, в Начальной летописи медные кивории (то есть сени-балдахины), привезённые из Корсуна в Киев князем Владимиром, обозначены словом «капище» (см. [10]).

⁷ Санскр. «х» соответствует русск. «з».

⁸ В этот же ряд входят заимствованные из иранских языков: араб. «харам» (*религ.* запретное), иврит. «херем» (*религ.* запрет).

Библиографический список

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1955.
2. Дьяченко Г., *прот.* Полный церковно-славянский словарь. М., 1900.
3. Ефимовский С.В. Новый санскритско-русский словарь. М., 2012.
4. Клёсов А.А. История ариев и эрбинов. Европейский Запад против европейского Востока. М., 2017.
5. Махабхарата. Книга третья. Лесная (Араньякапарва). М., 1987.
6. О чём молчат храмы: документальный фильм, реж. Алексей Некто; телеканал «Культура», 2017. URL: https://tvkultura.ru/brand/show/brand_id/61678/ (дата обращения: 10.03.2017).

7. Павский Г., прот. Филологические наблюдения над составом русского языка. Первое рассуждение. СПб., 1841.
8. Рачинский А.В., Фёдоров А.Е. Ещё одно доказательство древности русской культуры // Сайт Переформат. URL: <http://pereformat.ru/2014/03/rachinsky-fedorov-lexicon/> (дата обращения: 10.03.2014).
9. Рачинский А.В., Фёдоров А.Е. Славяно-арийские истоки русской архитектуры. М., 2016.
10. Рачинский А.В., Фёдоров А.Е. Русская церковь – хранительница народной дохристианской культуры. М., 2016.
11. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. СПб., 1893–1912.
12. Таджикско-русский словарь (70 000 слов и выражений) / ред. Д. Саймиддинов и др. Душанбе, 2006.
13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 1986–1987.
14. Фёдоров А.Е. Славяно-Арийский мир и Западная Европа: противостояние культур // ЭКО-потенциал: журнал мультидисциплинарных научных публикаций. 2017. № 2 (18). С. 145–175. URL: <http://managementusfeu.ru/GurnalEkoPotenzials>
15. Филин Ф.П. Образование языка восточных славян. М.; Л., 1962.
16. Gieysztor A. Mitologia Słowian. Warszawa, 1982.
17. Monier-Williams M. Sanskrit-English Dictionary. Oxford, 1960.
18. Rozwadowski J. Stosunki leksykalne między językami słowiańskimi a irańskimi // Rocznik orientalistyczny. Kraków, 1914–1915. Cz. 1.

Андрей Владиславович РАЧИНСКИЙ

доктор истории, доцент

Парижский институт восточных языков и цивилизаций

Александр Евгеньевич ФЁДОРОВ

кандидат геолого-минералогических наук

РАЗДЕЛ 4. ТЕКСТ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

SECTION 4. TEXT IN THE LINGUOCULTURAL ASPECT

УДК 81'373

Т.В. Бахвалова

ТЕКСТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ КАК ИМПУЛЬС К ИЗУЧЕНИЮ ОСОБЕННОСТЕЙ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА (СЛОВО ОБЛЫЙ)

Аннотация. В статье анализируется устаревшее в современном языке, но активно употреблявшееся в прошлом слово *облый*. Описывается своеобразие его семантической структуры и состав производных в разные периоды развития языка.

Ключевые слова: лексическая единица, *облый*, семантика, развитие, состав производных, статус в языке.

Т.В. Bakhvalova

THE TEXT OF A WORK OF ART AS IMPULSE TO THE STUDY OF THE RUSSIAN LANGUAGE'S VOCABULARY FEATURES (THE WORD OBLYJ)

Abstract. The obsolescence in the modern language is analysed, but also the word *oblyj* actively used in the past. The originality of its semantic structure and the composition of derivatives in the different periods of the linguistic development are described.

Keywords: lexical item, *oblyj*, semantics, development, composition of the derivatives, status in the language.

И.С. Тургенев, зная родное орловское наречие «превосходно, тонко и глубоко», владея им «как художник разборчиво и отчетливо» [13, с. 232], одним из первых в русской литературе в своих художественных произведениях активно использовал слова област-

ные, диалектные. Пример введения таких слов, «представленный «Записками охотника», был нов, смел и имел великое значение для последующих произведений литературы. Тургенев проложил путь, по которому пошли все русские писатели» [13, с. 227].

Вводя диалектные слова в ткань рассказов, повестей, романов, писатель, заботясь о восприятии читаемого, нередко дает пояснения к ним. Это могут быть как пояснения в самом тексте, например, *лядящего, как говорится у нас в Орле, «живальи» (как у нас в Орле говорится)*, так и в Примечаниях: *казюли – По-орловскому змеи; предвиденье небесное – Так мужики называют у нас солнечное затмение; площади – Площадями называются в Орловской губернии большие сплошные массы кустов. Иногда же И.С. Тургенев отмечает не только употребительность отдельных слов, выражений в орловских говорах, но и их статус в языке с точки зрения их временной отнесенности.*

Наше внимание привлекло одно из множества «своебытных» и «метких» слов, которыми, по словам И.С. Тургенева, отличаются орловские говоры. В повести «Два приятеля», написанной в 1853 г., читаем: *Это был человек весьма обширный, или, говоря старинным словом, уцелевшим в наших краях, облыи, с большим лицом, с большими глазами и губами.*

Слово *облыи* «толстый, огромный» уже в Словаре академии Российской 1793 г. снабжено пометой старинное, дана иллюстрация Чудовище обло [7, с. 587].

В таком значении оно встречается в эпитафии к произведению А.Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790 г.): *Чудовище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй.* Эпитафия представляет собой видоизмененную строку *Чудовище обло, озорно, огромно с тризевной и лаей* из 514-го стиха эпической поэмы В. Третьяковского «Телемахида» (1766), являющейся вольным стихотворным переводом прозаического романа «Приключения Телемака» французского писателя Франсуа Фенелона. Этот факт свидетельствует о том, что слово *облыи* было употребительно и в середине, и в конце XVIII в.

В Словаре церковно-славянского и русского языка 1847 г. прилагательное *облыи* представлено с пометой *Стар.* с двумя значениями «круглый», «толстый, неуклюжий» [11, с. 19].

К середине XIX в. слово не только выходит из активного запаса, но и осознается как ареально ограниченное в своём употреблении.

Так, в Опыте областного великорусского словаря (1852 г.) оно зафиксировано в двух значениях «круглый» (*Облое дерево*), «толстый» и отмечено как курское [5, с. 133]. В словаре В.И. Даля (1863 г.) слово *облыи* представлено в значениях «полный, плотный, толстый» (*Она человек сырой, облыи*) с пометами *кур., орл.* и «выпуклый, рельефный» (*Облое изваянье*) – без географических помет. Заметим, что исторически первичное значение «шарообразный, округлый» в словаре не нашло отражения. Сужение сферы употребления слова *облыи*, в этот период отмечает Т.А. Никонова. В работе «Лексикологические заметки к текстам И.С. Тургенева» она замечает, что встречающееся в произведениях церковной литературы в XV–XVII вв. в значениях «шарообразный, шаровидный», «круглый», «полный, совершенный» прилагательное *облыи* в XIX в. «сохранилось лишь в отдельных южнорусских говорах – курских, орловских» [4, с. 35].

О происхождении прилагательного *облыи* у этимологов нет единого мнения. Интересной представляется версия Н.В. Горяева, изложенная в словаре А. Преображенского, согласно которой *облыи*, как и *подлыи*, исторически восходят к предлогам *объ*, *подъ*. «Предположение это, может быть, не лишено основания, ибо *объ*, *объ* первоначально значит *около, кругом, с двух сторон*» [6, с. 626].

В древнерусском языке прилагательное *облыи*, называющее предмет по форме – одной из основных характеристик реалий, к тому же очень яркой (шаровидный, округлый), визуально воспринимаемой, было достаточно широко распространено. Об этом свидетельствует прежде всего развитость семантической структуры слова. В Словаре русского языка XI–XVII вв. отмечены как прямые, так и переносные значения: «имеющий форму круга, шара, сферы; напоминающий по форме круг, шар, сферу» (XII, XVII вв.), «имеющий закругленные формы, округлый» (XIV, XV, XVII вв.), «круглый, нерасколотый (о дереве, бревне)» (XVII в.), «полный, плотный, толстый» (XII, XV в.) [10, вып. 12, с. 89].

Показателем активности функционирования слова *облыи* в прошлом является не только его многозначность, но и объём, состав словообразовательного гнезда. Качественное прилагательное *облыи*, передающее одну из основных характеристик многих предметов, конечно же, не могло не выступить в качестве производящего для существительных. Обращают на себя внимание зафиксированные

в историческом словаре лексемы, каждая из которых тем или иным образом связана с обозначением реалий, имеющих закругленные, округлые, шаровидные формы: *обло* «шар», *облоликий* «круглолицый», *облак* и *облако* «облако, туча», *облок* «облако», *облость* «небесная сфера», *облук* «свод, арка», «дуга», «изогнутая жердь, огибающая сани спереди и с боков», *обляк* «шкурка округлой формы» и др. Заметим, что среди перечисленных нами единиц содержатся и слова *облак*, *облако*, *облок* в значении «облако».

Происхождение существительного *облако* обычно связывают с глаголом *обволакивать*: «заимств. из ст.-сл. яз., где оно является производным от *облакати* «одевать, окружать» (<**obvolcati*; *bv*>*б, ol*>*ла*)» [14, с. 207]. М. Фасмер отмечает, что *облако*, известное в славянских языках как *облак*, восходит к **ob-volkъ* от *волоку́*, *влеку́* [12, т. 3, с. 105].

Наименование предмета, находящегося высоко, по форме более реально, чем название его по функции. Первое, что бросается в глаза при виде облака, это внешний вид этого предмета – объёмный, округлый, с размытыми очертаниями, то есть *облый*. Тексты художественных произведений это ярко демонстрируют:

Около полудня обыкновенно появляется множество круглых высоких облаков, золотисто-серых, с нежными белыми краями (И.С. Тургенев. «Бежин луг»).

Солнце уже далеко за домом, за садом... Плывет и, крулясь, медленно меняет очертания, тает в этой вогнутой бездне высокое, высокое белое облако (И.А. Бунин. «Жизнь Арсеньева»).

К тому же обращает на себя внимание полное отсутствие в древнерусском языке [10, вып. 12] и в живых говорах [9, вып. 12] существительного *облако*, которое имело бы в своем составе звук [в], что в определенной степени свидетельствует об отсутствии связи с глаголом *обволакивать*. Нет этого звука и в составе данного слова, известного в славянских языках – болгарском *облак*, сербохорватском *облак*, словенском *oblak*, чешском *oblak* и др. [12, т. 3, с. 105].

А. Преображенский, говоря об этимологии слова *облако*, замечает: «Интересно севское *болоки* с утратой начального *о*; очевидно, происхождение из **обволоко* не осознается» [6, с. 626].

Существительное *болоки*, *болóки* (ед. *болоко*, *болóко*) встречается и в живых орловских говорах – *Больки* *наплыли тёмные, зъганяй цыплят* [8, вып. 1, с. 85].

О том, что именно форма предмета с размытыми краями была положена в основу образования существительного *облако/облак*, говорит и дальнейшее семантическое развитие данного слова: вторичные значения возникли на основе переноса данного наименования на предметы, сходные с облаком по внешнему виду – форме, очертаниям, а не по функции. Так, в живых говорах существительное *облак* имеет, кроме основного «облако, туча», следующие значения: «небольшой воз сена» в пензенских говорах, «большое веретё (род мешка), наполненного чем-либо» в курских говорах [9, вып. 22, с. 83].

В пользу данного предположения свидетельствует также и реализация словообразовательного потенциала слова *облако*, которое, как замечает В.А. Меркулова, является производящим для глагола *заоболáчивать* «покрываться облаками, тучами». Автор работы приводит целую группу синонимичных существительных и производных от них глаголов с одним и тем же типом семантических отношений: *хмáра* → *захмáрить*, «затянуть тучами», *тúча* → *тúчиться*, *натúчиваться*, *мóрок* «туча» → *морочáть* «затягиваться тучами» и др. [3, с. 55]. Как видим, первичным здесь является не глагол, а существительное, глагол же со значением «затягиваться, заволокаться облаками, тучами» является производным.

Активность употребления прилагательного *облый* для обозначения предметов округлых, изогнутых по форме подтверждается и материалами народных говоров, где зафиксирована целая группа суффиксальных производных: *обляк* «отпиленная часть бревна, круглое нерасколотое полено», «круглый полоз саней, на которых летом возят тяжести», *облéц* «бревно, круглое нерасколотое полено, чурка», *облецы́* «санные полозья из цельного нерасколотого дерева с загнутыми носами», *облы́ши* «кругляш, окатыш, галька, голыш», *обло́нок* «кружок, диск» и др. [9, вып. 12]. Как и от большинства качественных прилагательных, от адъектива *облый* образовано существительное с абстрактным значением *облость* «круглина, округлость долгого тела, цилиндричность», «тучность, полнота тела», «выпуклость, рельефность» [2, т. 2, с. 598].

Образовав многие суффиксальные производные, прилагательное *облый* вышло из употребления в литературном языке, да и в народных говорах, судя по времени фиксации, сопровождающем данные слова в Словаре русских народных говоров, его употребление весьма ограничено: большинство примеров относится к XIX в.

В современном языке слово *облый* имеет статус *устар.* и *обл.* Семантическая структура его включает в себя одно оценочное значение «круглый, толстый; тучный» [1, т. 13, с. 169]. Примечательно, что в качестве иллюстрации, подтверждающей статус *устар.*, в Большом академическом словаре русского языка дан приведенный выше пример из повести И.С. Тургенева «Два приятеля».

Показательно развитие семантической структуры слова *облый* в языке. Произошла полная утрата номинативно-денотативных значений; факт наличия их в прошлом подтверждается многочисленными сохранившимися производными, называющими предметы округлые, шарообразные по форме. Своё существование в языке слово продолжает в качестве устаревшего оценочного наименования. Следует отметить, что такой путь развития семантики прошло немало лексических единиц, употребляющихся в современном языке, особенно в живых говорах.

Хорошо известно, что характер членения окружающего мира языковым сознанием в разные периоды развития общества не одинаков. Отдельные «кусочки» реальной действительности оказываются номинированными языковыми средствами в одних периодах и вербально не маркированными в других. Так произошло и с прилагательным *облый*, известном в прошлом в значении «имеющий форму круга, шара, сферы», но не сохранившимся в этом значении.

Изменения в системе номинаций обычно сопровождаются перестройкой семантических отношений между словами. Ещё В.И. Даль заметил: «Покинув слово *облый*, цилиндрический, и *баный*, полушаром, мы ограничили себя словом *круглый*; то же сделали мы и со словом *басá* (краса), и то же, говоря *острие*, *острый*, не различая *лезвья* от *жала* и пр.» [2, т. 2, с. 598].

Библиографический список

1. Большой академический словарь русского языка. Т. 1–25. М., СПб., 2004–2019.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М., 1955.
3. Меркулова В.А. И-е **ten* «тянуть, натягивать», «плести» в славянских языках // Этимология 1975. М., 1977. С. 52–64.
4. Никонова Т.А. Лексикологические заметки к текстам И.С. Тургенева // Тургеневский сборник: материалы к Полному собранию сочинений и писем И.С. Тургенева. Л., 1969. С. 333–344. Вып. 5.

5. Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук / ред. А.Х. Востоков. СПб., 1852. [2], XII. URL: <https://www.prlib.ru/item/355160> (дата обращения: 02.01.2021).
6. Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–3. М., Л., 1949.
7. Словарь Академии Российской. СПб., 1793. Т. IV: М – П. URL: <https://imwerden.de/publ-2257.html> (дата обращения: 02.01.2021).
8. Словарь орловских говоров / под ред. Т.В. Бахваловой. Вып. 1–4. Ярославль, 1989–1991; Вып. 5–17. Орел, 1992–2016.
9. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–51. М., Л.: СПб., 1965–2019.
10. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30. М., 1975–2015.
11. Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской Академии наук. СПб., 1847. Т. 3: О – П. URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/8464-t-3-o-p-1847#mode/inspect/page/29/zoom/5> (дата обращения: 02.01.2021).
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1964–1973.
13. Чернышев В.И. Русский язык в произведениях И.С. Тургенева // Чернышев В.И. Избранные труды. М., 1970. Т. 2. С. 222–247.
14. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. М., 1994.

Татьяна Васильевна БАХВАЛОВА

доктор филологических наук, профессор

профессор кафедры русского языка

Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева,
Институт филологии

УДК 821.161.1

И.А. Некрасов

ПРОИЗВЕДЕНИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ

Аннотация. В статье автор рассматривает отражение исторических событий в произведениях известных русских писателей рубежа XIX–XX в.

Ключевые слова: Русско-японская война, Китай, Манчжурия, Л. Андреев «Красный смех», В. Вересаев, Российская империя.

I.A. Nekrasov

WORKS OF RUSSIAN LITERATURE AS A REFLECTION OF HISTORICAL EVENTS

Abstract. In the article, the author considers the reflection of historical events in the works of famous Russian writers of the turn of the XIX–XX centuries.

Keywords: Russo-Japanese War, China, Manchuria, L. Andreev «Red Laughter», V. Veresaev, Russian Empire.

Выдающиеся русские писатели XIX – начала XX вв. посвятили ряд своих произведений событиям русской истории XIX столетия. Крупнейшее историческое событие XIX в., поход Наполеона в Россию в 1812 г., стало темой таких литературных произведений, как «Рославлев, или Русские в 1812 году» М.Н. Загоскина, «Бородино» М.Ю. Лермонтова, «Война и мир» Л.Н. Толстого, «Сожженная Москва» Г.П. Данилевского и некоторых других; война России на Кавказе в 1820–1860-е гг. нашла отражение в произведениях М.Ю. Лермонтова («Валерик»), Я.П. Полонского («Делибаштала»), А.А. Бестужева-Марлинского («Аммалат-Бек»), Л.Н. Толстого («Кавказский пленник»); события русско-японской войны – в произведениях Л. Андреева «Красный смех», В.В. Вересаева «На японской войне» и др. Русские писатели и поэты не стремились с документальной точностью отразить описываемые ими исторические события. Главное, что их интересовало при описании того или иного события, – это человеческие судьбы, героические поступки, примеры самоотверженного служения Родине (подвиг батареи капитана Тушина («Война и мир»), простые солдаты и офицеры в «Севастопольских рассказах» Л.Н. Толстого).

Хотелось бы более подробно остановиться на событиях русско-японской войны 1904–1905 гг., так как после Отечественной войны 1812 г. и Крымской войны это были самые масштабные боевые действия русской армии, нашедшие отражение в произведениях русских писателей начала XX в. В первую очередь это относится к повести Л. Андреева «Красный смех», очеркам В.В. Вересаева «На японской войне».

Л. Андреев в своем знаменитом произведении «Красный смех» (отрывки из найденной рукописи) показывает события русско-японской войны через атмосферу безнадежности, непонимания смысла происходящих событий и всепроникающего безумия, которое постепенно подчиняет себе сознание рядовых и офицеров. Характер боевых действий вызывал ощущение потерянности, отчаяния, ненужности и в конечном счете – абсурда всего происходящего. У воевавших постоянно возникает желание бросить службу, воинскую часть, уйти домой. Фраза, брошенная студентом-медиком: «Много сумасшедших. Больше, чем раненых» [1, с. 35], символизирует атмосферу боевых действий.

Безумие и непонимание происходящего столь сильно воздействует на психику человека, что, как пишет Л. Андреев, никто «не боялся смерти, так как никто не понимал, что такое смерть» [1, с. 26]. Автор не называет в своем произведении ни имен, ни званий офицеров русской армии, отсутствуют также наименования тех мест, где происходят боевые действия. Герой этого произведения, от лица которого ведется повествование, с самого начала будто бы погружен в бездну событий, смысл и значение которых понять невозможно. Человек превращен в некий безмолвный призрак, безропотно выполняющий абсурдные приказы командиров. На вопрос: «Где мы?» – звучит ответ: «На войне», после которого ответивший громко смеется [1, с. 31]. Постепенно у автора записок появляется уверенность в том, что над всеми участниками боевых действий смеется некая мистическая сила извне – «красный смех». Этот смех подобен инфекционному заболеванию, подчиняющему себе как своих солдат, так и силы противника.

Герой повести не называет какие-либо сражения, в которых участвует русская армия, нигде не сказано, что противником являются японцы, а боевые действия идут в Манчжурии, на севере Китая.

Окружающий мир воспринимается враждебно: «... все было чужое. Дерево было чужое, и закат чужой, и вода чужая, с особым запахом и вкусом, как будто вместе с умершими мы оставили землю и перешли в какой-то другой мир – мир таинственных явлений и зловещих пасмурных теней» [1, с. 36]. Апофеозом происходящего абсурда становится страшное ранение главного героя, в результате которого гранатой ему отрывает обе ноги. Позднее выясняется, что это была граната, выпущенная из своего же орудия своим солдатом: «Что-то произошло, что-то затемнило взоры, и два полка одной армии, стоя в версте один против другого, целый час взаимно истребляли друг друга, в полной уверенности, что имеют дело с неприятелем» [1, с. 39]. Этим предложением Л. Андреев в очередной раз дает оценку бессмысленности и абсурду происходящего на этой войне.

Постепенно повествование принимает фантастический, неправдоподобный характер. Например, описание сцены с колючей проволокой, которая обвиняет солдат, привязывая их к себе, и тем самым умерщвляет [1, с. 28].

В повести Л. Андреева мало места уделено сценам героизма, боевых действий, война показана с позиции ее глубокого внутреннего неприятия, отторжения, непонимания смысла войны. В единственном бою, помещенном в отрывок шестой, главному герою отрывает обе ноги, и он отправляется домой. Но и дома не прекращается атмосфера давящей тревоги, растущего кошмара и постоянного присутствия в окружающей действительности «красного смеха». При этом «красным смехом» заражены толпы людей, которые протестуют против войны, так как они применяют оружие и насилие, чтобы расправиться со своими врагами: «Это пустыки, что много людей и много умов, – у человечества один разум, и он начинает мутиться» [1, с. 44].

«Когда земля сходит с ума, она начинает так смеяться. ... земля сошла с ума. На ней нет ни цветов, ни песен, она стала круглая, гладкая и красная, как голова, с которой содрали кожу» [1, с. 68].

Другой известный писатель и публицист конца XIX – первой трети XX в. В.В. Вересаев был призван в армию в качестве военного врача и находился в полевом госпитале почти с самого начала войны и до ее завершения. Результатом его пребывания в армии и многочисленных наблюдений и впечатлений от происходящих событий

стали записки «На японской войне», изданные в 1907–1908 гг. В отличие от повести Л. Андреева «Красный смех», Вересаев в своих «Записках» подробно описывает атмосферу в стране в начале войны. Вересаев, как и Андреев, на вопрос, из-за чего эта война, дает ответ: «Никто не знал». Вересаев говорит о раздувании антияпонской истерии в прессе и в обществе, об организации властями патриотических манифестаций, с участием переодетых в штатское полицейских: «Было трогательно то примерное послушание, с каким население соразмеряло высоту своего душевного подъема с мановениями горячо любимого начальства» [2, с. 5]. Пресса, пишет Вересаев, невольно передавала «призрак какой-то огромной, еще невиданной в мире бойни» [2, с. 6]. Всеобщая неразбериха, отсутствие организации при формировании госпиталей и крайне слабое снабжение госпиталей необходимыми лекарствами и инвентарем пронизывают атмосферу записок военного врача.

Обстановка бессмысленности войны в чем-то является созвучной восприятию этой войны героями «Красного смеха» Л. Андреева: отсутствие идеи, непонимание смысла военных действий, высказанные в начале произведения офицером пограничной службы были главной глубокой проблемой: «Господа, ведь идеи у нас никакой нет в этой войне, вот в чем главный ужас! За что мы боремся, за что льем кровь? Ни я не понимаю, ни вы, ни тем более солдаты». И, завершая свой монолог, он заявляет, что «побеждают сплоченные между собой люди, зажженные идеей» [2, с. 43]. Как и в повести Л. Андреева «Красный смех», в произведении Вересаева при отступлении русских войск распространяются панические настроения, охватившие сознание солдат и младших чинов. Паника, охватившая части войск, была следствием плохого командования и безволия руководства войсками со стороны генералитета и штабов. Так, например, один солдат был уверен, что против русской армии воюет «пять держав», так как высокая активность и напор японских войск при наступлении создавали иллюзию их численного превосходства.

Война постоянно показывала негативные стороны повседневной жизни России, которые проявлялись на фронте: неразбериха и несогласованность приказов, путаница при их исполнении, бесполезность присутствия в войсках членов царской семьи, великих князей. Не было результативным и использование новых даль-

бойных артиллерийских орудий: опасаясь их потерять на передовой, выделяли большое количество солдат для их охраны, что в свою очередь приводило к большим жертвам со стороны русской армии.

Тот энтузиазм, который наблюдал Вересаев в самом начале войны, быстро сменился разочарованием у многих ее участников из-за плохой организации всей военной компании и отсутствия серьезной стратегии. Крупнейшие сухопутные сражения с участием русской армии (битва на реке Шахэ и Мукденское сражение), из которых Россия не вышла победителем, способствовали упадку дисциплины, росту пьянства, воровства, хаоса в войсках.

Особенность русско-японской войны состояла в том, что это была война империалистическая, колонизаторская, а Россия к такому характеру войны была не готова. Автор приводит слова одного из офицеров, который ставит в пример Англию и ее армию, где во время колониальных войн все дружно, сплоченно добиваются поставленной цели. В общем ходе неудачной для России войны с Японией отзывы о конкретных сражениях их участников являются не главным, не определяющим ход повествования. Обстановка растущего хаоса, безверия в действия высшего командования, падение дисциплины, непонимание текущих задач – все это постепенно превращало армию в собрание озлобленных вооруженных людей. Вересаев, оценивая психологическое состояние армии на завершающем этапе боевых действий, писал: «Везде была безмерная, ждущая самого худшего осторожность. Не осторожность холодной, всё взвешивающей отваги. Осторожность трусости, боязнь риска...» [2, с. 174].

У автора записок создавалось впечатление, что такое тяжелое испытание, как русско-японская война, врасплох заставши народ и всю страну, показала, что почти все предыдущие реформы второй половины XIX столетия слабо поколебали основы бюрократического аппарата страны, не изжили в полной мере рутинный характер работы чиновников на всех уровнях управления, почти не создали новых, передовых подходов к решению насущных вопросов: «Въявь вставали перед нами уродливые образы «Ревизора», «Мертвых душ», «Губернских очерков» [2, с. 185].

В документально-художественных очерках Вересаева отсутствуют завязка сюжета, кульминация и развязка, по сути дела с первых десяти-пятнадцати страниц и сам автор, и читатели его

произведения готовятся к описанию малоперспективного и, судя по характеру происходящих событий, печального рассказа о действиях русской армии в Манчжурии.

Писателя интересует состояние русской армии и русских людей вообще (не только военных) на этой войне так вначале пылко и страстно стремившихся в бой с незнакомым противником, а затем, вследствие ужасающей дезорганизованности и плохой стратегии, быстро разочаровавшихся в военной экспедиции против японской армии.

Внешнеполитические амбиции царя, его окружения на Дальнем Востоке не находили серьезного и профессионального их выполнения со стороны командования армии и рядовых солдат.

Если Андреев писал в «Красном смехе» о растущем безумии, абсурде происходящего на передовой, то Вересаев отмечал безразличие, равнодушие к происходящему и даже трусость у некоторых отступавших солдат.

Сведения о начавшихся мирных переговорах между воюющими сторонами глубоко и неоднозначно воспринимались в войсках. Так, некоторые генералы открыто призывали: «Бей того прямо в морду!», если услышат о заключении мира. Нежелание заключать мир, стремление довести войну до победы исходило от царского окружения и разделялось местными органами власти, например, Хабаровской думой.

Вересаев был свидетелем деморализации и почти полного упадка армии, проигравшей войну: «Армия на глазах трещала и разваливалась. Собственно говоря, никакой армии уже не было, – было огромное скопище озлобленных людей, не хотевших признавать над собой никакой власти» [2, с. 222].

К концу записок Вересаев все чаще говорит о «невидимых, неосязаемых» связях, бывших между солдатами и офицерами и их разрушении к концу проигранной войны. Разрушение основ не только воинской дисциплины, но, прежде всего, доверия к общему делу, приводимого к высвобождению темной и разрушительной энергии, накопившейся в душах простых солдат.

Сведения из России об октябрьской стачке и царском манифесте от 17 октября еще больше усилили брожение в армии и расшатали воинскую дисциплину. Как писал автор, «все это наполняло солдат-

ские души смутно хаотической злобою, жаждой мести кому-то, желанием что-то разрушать, желанием всю жизнь взместить в одном воющем, грозном, пьяно-вольном урагане». И, наконец, уже на территории России по ходу движения поезда, везшего домой участников русско-японской войны, автор увидел в созданных революционных комитетах признаки рождения новой России.

Война показала плохую подготовку России к таким масштабным боевым действиям на Дальнем Востоке, как начавшаяся война с Японией. Теперь врагом России выступила японская армия, всесторонне подготовленная и стремившаяся добиться победы над неприятелем. Во время боевых действий в Манчжурии солдаты, а порой и офицеры русской армии, все чаще осознают неготовность России к войне с Японией, не видят смысла в войне, которая идет за границами русского государства. Слова министра внутренних дел Д.Ф. Трепова о том, что «нам нужна маленькая победоносная война», привели Россию к внешнеполитической катастрофе.

Таким образом, произведения русских писателей об исторических событиях, порой не охватывая всех подробностей этих событий, отражают восприятие их участниками, что очень важно при оценке исторического процесса.

Библиографический список

1. Андреев Л.Н. Собрание сочинений: в 6 т. / сост. и подгот. текста Е. Жезловой. М., 1990. Т. 2. Рассказы; Пьесы. 1904–1907.
2. Вересаев В. Собрание сочинений: в 5 т. М., 1961. Т. 3.

Игорь Анатольевич НЕКРАСОВ

кандидат философских наук, доцент

преподаватель кафедры социально-гуманитарных

и общеправовых дисциплин

Московский финансово-юридический университет МФЮА

УДК 801.73

А.М. Шилин, С.А. Шилина

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛЕКСЕМЫ «ВЛАСТЬ» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (ПО ПЬЕСЕ Л.Н. ТОЛСТОГО «ВЛАСТЬ ТЬМЫ, ИЛИ “КОГОТОК УВЯЗ, ВСЕЙ ПТИЧКЕ ПРОПАСТЬ”»)

Аннотация. В статье рассматриваются дискурсивные аспекты репрезентации лексемы «власть» в пьесе «Власть тьмы, или “Коготок увяз, всей птичке пропасть”» Л.Н. Толстого. Обосновывается необходимость рассмотрения социокультурных оснований для многомерного раскрытия смыслового содержания драмы, представляющей собой фрагмент художественного мира Л.Н. Толстого, где как в капле воды отразились важные мировоззренческие постулаты языковой личности великого русского писателя.

Ключевые слова: власть, Л.Н. Толстой, концепт, художественный текст, дискурс.

A.M. Shilin, S.A. Shilina

REPRESENTATION OF THE LEXEME «POWER» IN A LITERARY TEXT (BASED ON THE PLAY BY L.N. TOLSTOY «THE POWER OF DARKNESS, OR “THE CLAW IS STUCK, THE WHOLE BIRD IS LOST”»)

Abstract. The article deals with the discursive aspects of the representation of the lexeme «power» in the play «The Power of Darkness, or “The Claw is stuck, the whole bird is lost”» by L.N. Tolstoy. The article substantiates the necessity of considering the socio-cultural grounds for the multidimensional disclosure of the semantic content of the drama, which is a fragment of the artistic world of Leo Tolstoy, where important ideological postulates of the linguistic personality of the great Russian writer were reflected like a drop of water.

Keywords: power, L. Tolstoy, concept, artistic text, discourse.

В свете актуального сейчас антропоцентрического направления в языкознании несомненный интерес вызывает исследование именно тех аспектов дискурса [38; 1; 15], которые способствуют восстановлению социокультурной основы [10; 13; 39] создания того или иного художественного произведения. В свете социальных трансформаций, обусловленных пандемией и переходом в связи с этим

на дистанционное обучение [17–19], важными являются вопросы эффективности образовательного процесса (волновали социум во все времена [3; 4; 6], но приобретшие особое звучание в настоящее время), получения необходимой суммы знаний для успешной социализации личности в непростое время становления информационного общества [11; 12; 14]. Особую значимость приобретает классическая русская литература [24; 25; 27], миссия которой – создание духовности общества, воспитание в личности лучших гуманистических качеств. Поэтому так актуально обращаться к анализу шедевров наших великих поэтов и писателей [20; 21; 7] с различных аспектов [5; 22; 23].

Лексема *власть*, вынесенная в заголовок пьесы Л.Н. Толстого, как нам представляется, является ключевой для рассмотрения дискурсивного аспекта драмы «Власть тьмы, или “Коготок увяз, всей птичке пропасть”».

Обратимся к репрезентации лексемы *власть* в словарях и в пьесе.

В словарях встретились следующие значения. 1. «Власть, господство. Верховная власть, правление, владычество. Деятельность заместителя, управителя, должностного административного лица, ведающих, распоряжающихся чем-л. на местах». 2. «мн. Органы власти, духовные и гражданские лица, облеченные властью». 3. «Область, находящаяся под одной верховной властью (княжество, удел, волость)». 4. «Властность, возможность, право поступать по своей воле. Сила, основанная на предоставляемом законом праве что-л. делать» [30, с. 221–222]. В словаре П.Я. Черных толкуется слово «владеть» следующим образом: «осуществлять право собственности в отношении чего-л.; обладать чем-л.; управлять». «Власть» дано в этой же словарной статье как отглагольное существительное. По происхождению: из индоевропейского *ua1- – «иметь силу, быть сильным» [35, с. 156–157]. У Срезневского такие значения: «сила, могущество; власть, свобода, право; власть, господство; управление; страна, область» [32, т. 1, ч. 1, стб. 273–274]. Этимология ее очень прозрачна: идет она от сохранившегося до наших дней глагола *владеть, обладать*, вместо исконно русского ВОЛОСТЬ это слово заимствовано из церковнославянского, где оно, как и во многих других славянских языках, означало «область, территория, государство» [34, с. 344]. В.И. Даль в своем словаре приводит эти два слова

как отдельные, самостоятельные лексемы, отмечая, что *власть* – это «право, сила и воля над чем, свобода действий и распоряжений» [9, с. 213], *волость* – «стар. власть, правительственная сила... область, край, часть земли, государства...» [9, с. 234].

Более поздние словари русского языка уже представляют слово *власть* как многозначное, в качестве первого значения указывая обычно «Право управления государством, политическое господство. Прийти к власти» [32, с. 184], но далее указывается еще два значения: «Органы государственного управления, правительство. В городе долго существовало две власти; Право и возможность распоряжаться, повелевать, управлять кем-, чем-либо. *Власть председателя*»; и одно переносное: «Могущество, господство, сила. *Власть слова*» [31, с. 184].

Обращаются к данному понятию и в других источниках [36].

Для текста Л.Н. Толстого характерно, что лексема «власть» употреблена всего 3 раза: в названии и в речи Никиты.

Выражение «власть тьмы» из Библии стало частью названия драмы. В Евангелии от Луки (гл. 22, ст. 53) приведены слова Иисуса Христа, обращенные к тем, кто пришел брать его под стражу: «Каждый день бывал Я с вами в храме, и вы не поднимали на Меня рук, но теперь – ваше время и **власть тьмы**» (выделено нами. – Авт.).

Как говорится в «Энциклопедическом словаре крылатых слов и выражений», словосочетание стало очень популярным после появления драмы Л.Н. Толстого «Власть тьмы, или “Коготок увяз – всей птичке пропасть”» (1886), которая чаще называлась кратко: «Власть тьмы». «Сообразно содержанию пьесы, где описывается уклад жизни в русской деревне, это выражение стало символом агрессивного невежества и культурной отсталости. Название этой пьесы подвигло известного журналиста и острослова своего времени Владимира Гиляровского (1853–1935) написать (1886) знаменитый экспромт.

В России две напасти:

Внизу – власть тьмы.

А наверху – тьма власти» [29].

С нашей точки зрения, данные экстралингвистические сведения свидетельствуют о концептуализации выражения «власть тьмы» ввиду его многослойности и в силу того, что оно приобрело в сознании носителей языка символичность.

Обратимся к тексту драмы.

Во-первых, приведем контексты, в которых непосредственно употреблена лексема «власть» (рисунки 1).

Никита. Да буде. Чего тебе с ней делить? Ты на нее не гляди. На меня гляди. Я хозяин. Что хочу, то и делаю. Ее разлюбил, тебя полюбил. Кого хочу, того люблю. **Моя власть.** А ей арест. Она у меня вот где. (Показывает под ноги.) Эх, гармошки нет! [с. 67]

Никита. Отравил я отца, погубил я, пес, и дочь. **Моя над ней власть была,** погубил ее и ребеночка [с. 99].

Рисунок 1. Л.Н. Толстой «Власть тьмы, или “Коготок увяз, всей птичке пропасть”» [33, с. 67, 99]

В данных контекстах реализуется третье словарное значение: «3. Право и возможность распоряжаться, повелевать, управлять кем-, чем-либо» [31, с. 184].

Интересно, что в рассказе Анисьи о ее взаимоотношениях с покойным мужем и с Никитой слово «власть» не употреблено, но говорится именно о силе влияния на женщину со стороны мужчин, о власти Никиты над чувствами и поступками Анисьи (рисунки 2).

Анисья. Ох, кумушка милая! С сердцем своим что сделаю. Покойник на что строг был, а все ж я как хотела, так и вертела, а тут не могу, кумушка. Как увижу его, так и сердце все сойдет. Нет у меня против него и смелости никакой. Хожу перед ним, как куренок мокрый.

Кума. О-о, кума! Да это, видно, сделано над тобой что. Матрена-то, сказывают, этими делами занимается. Должно, она.

Анисья. Да уж я и сама, кума, думаю. Ведь как обидно другой раз. Кажется, разорвала б его. А увижу его, — нет, не поднимается на него сердце.

Кума. Видимое дело, напущено. Долго ль, матушка моя, испортить человека. То-то, погляжу я на тебя, куда что делось.

Рисунок 2. Л.Н. Толстой «Власть тьмы, или “Коготок увяз, всей птичке пропасть”» [33, с. 57]

Рассмотрим другие лексемы, репрезентирующие то же значение в пьесе Л.Н. Толстого.

Слово «супротив» в нижеприведенном отрывке демонстрирует невозможность идти вопреки воле отца, а само слово «воля» передает непререкаемую власть над сыном (рисунки 3).

Анисья. Очень ты мне нужен женатый-то.

Никита. Да как же, братец ты мой, — **из отцовской воли опять-таки невозможно никак.**

Анисья. На отца сворачиваешь, а умыслы — твои всё. Давно ты подлаживаешь с мазихой своей, с Маринкой. Она тебе это намазала. Недаром наемни прибежала.

Никита. Маринка?! Очень она мне нужна!.. Мало их вешаются-то!..

Анисья. Зачем же отец приехал? Ты велел! Обманывал ты!.. (Плачет.)

Никита. Анисья! веришь ты богу аль нет? Ничего-то я и во сне не видал. Окончательно знать не знаю, ведать не ведаю. Всё мой старик с своей головы уздумал.

Анисья. Сам не захочешь, так кто ж тебя, оселом, что ль, притянет?

Никита. Тоже, рассчитываю, невозможно **супротив** родителя будет сделать. А неохота мне.

Анисья. Упрись, да и всё.

Никита. Уперся один такой-то, так его в волостной так вспрыснули. Очень просто. Тоже не хочется. Сказывают — щекотно.

Рисунок 3. Л.Н. Толстой «Власть тьмы, или “Коготок увяз, всей птичке пропасть”» [33, с. 27]

Обратимся к словарю [32, с. 623]. Слово «сопротивный (супротивный)» имело в древнерусском языке очень важный и зловещий смысл. Оказывается, сопротивным называли дьявола. Таким образом, в сознании крестьянина неблагочестивое поведение карается не просто отцом, а Богом. И поэтому для Никиты выйти из воли отца равносильно восстать против Господа, что неприемлемо для религиозного сознания.

И только хитрость матери Никиты помогает парню избежать нежелательной женитьбы на Маринке.

Обратимся к лексеме «воля», через которую репрезентируется чисто русский (по А. Вежбицкой) концепт «воля» (рисунк 4).

Матрена (к Петру). Вот так-то всё. Петр Игнатьич. Баламутный он у меня, втемяшит что в башку, не выбьешь никак; только даром тебя потревожиш. А как жил малый, так пусть и живет. Держи малого — твой слуга.

Петр. Так как же, дядя Аким?

Аким. Что ж, я, тае, **воли** с малого не снимал, только бы не тае. Хотелось было, значит, тае...

Матрена. И что путаешь, сам не знаешь. Пусть живет, как жил. Малому и самому сходить неохота. Да и куда нам его, сами управим.

Рисунок 4. Л.Н. Толстой «Власть тьмы, или “Коготок увяз, всей птичке пропасть”» [33, с. 36]

Слово «воля» полисеманлично. Среди значений слова «воля» отчетливо выделяются два смысловых инварианта:

- способность осуществлять свои желания, поставленные перед собой цели;
- свобода в проявлении чего-нибудь.

Анализ слов (на материале толковых словарей русского языка В.И. Даля, Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой) показал, что семема слова *воля* объединяет семы «желание», «выбор», «власть», «право», и определяется как «состояние, характеризующееся отсутствием стеснений, ограничений». Например, один из словарей трактует волю как «способность осуществлять свои желания» [28, с. 99].

Этимологический словарь М. Фасмера дает следующую референцию:

Воля 1 <...> // Связано чередованием гласных с *велеть*, *довлеть*. Родственно лит. *valia* «воля», лтш. *vala* «сила, власть», д.-в.-н. *wala* (ж. р.) «выбор», нов.-в.-н. *wahl* – то же, *wollen* «хотеть», др.-инд. *varas* «желание, выбор», авест. *vara* – «воля», «отбор» [34, с. 347].

Велеть, *велю*; чередование гласных: *воля*, *довлеть* // Родственно лит. *velti*, *pavelti* «хотеть» «позволять» <...> лат. *volo* «хотеть» <...> др.-инд. *vrnati* «выбирает себе, что предпочитает» [34, с. 288].

Таким образом, видно, что лексема *воля* принадлежит индоевропейскому словарному фонду. В ее лексическом значении интегрированы семы «желание», «выбор», «власть». В древнерусском языке «воля, волити – это скорей обозначения усилий разума, предполагающих рациональный выбор между несколькими возможностями» [8, с. 51]. Значение *воля* – «формируется отчетливо только в старорусском языке, когда социально зависимые люди начинают восприниматься не только как работающие или невзрослые (рабы, холопы, чадь, детеныши и под.) по отношению к властному субъекту, но и как прикрепленные, закрепленные, лишенные свободы» [8, с. 56]. В.В. Колесов писал по данному поводу: «Говоря о власти и праве <...> а также о личной воле («своя воля»), русский человек до конца XVI в. не связывал понятие «воля» с независимым состоянием; слово *воля* не было социальным термином» [16, с. 56].

Можно говорить о концептуализации лексемы [2]. Концепту «воля» присущи следующие смысловые характеристики «стихийная», «ввергающая человека в сферу инстинктов, лишаящая его человеческого облика», «открыто проявляющаяся», «присущая, свойственная немногим», «оказывающая разрушающее влияние на кого-что-либо»; «являющаяся причиной каких-либо негативных последствий»; «необходимая для жизни, представляющая ценность для человека», «любимая / дорогая», «причастная к мятежу / бунту», «отличающаяся силой / мощью проявления», «имеющая отношение к душе», «предполагающая бедность» и др.

С точки зрения персонажей пьесы Л.Н. Толстого, лексема «воля» синонимична лексеме «власть» в значении «Право и возможность распоряжаться, повелевать, управлять кем-, чем-либо». Непрекращаемым авторитетом религиозного сознания русского крестьянина является, естественно, Божественная воля (рисунк 5).

Матрена. Бог души не вынет, сама душа не выйдет. В смерти и животе **бог волен**. Петр Игнатьич.

Рисунок 5. Л.Н. Толстой «Власть тьмы, или “Коготок увяз, всей птичке пропасть”» [33, с. 48]

Таким образом, рассмотрев репрезентацию лексемы «власть» и лексем, передающих то же содержание, мы увидели, как нам пред-

ставляется, важные для понимания психологической составляющей поступков героев аспекты: архаичность сознания русского крестьянина, для которого власть понимается как самоуправство, безраздельное господство над теми, кто зависит от власти предрержащего (будь то в семейных отношениях или на уровне общества).

Итак, дискурсивные аспекты репрезентации лексемы «власть» в пьесе «Власть тьмы, или “Коготок увяз, всей птичке пропасть”» Л.Н. Толстого демонстрируют необходимость лингвистического анализа текста для раскрытия смыслового содержания драмы, представляющей собой фрагмент художественного мира Л.Н. Толстого, где как в капле воды отразились важные мировоззренческие постулаты языковой личности [37; 26] великого русского писателя.

Библиографический список

1. Бокова С.С., Воронов К.А., Харлашина Е.В., Шилина С.А. Дискурс-анализ языковой личности // Научный журнал «Дискурс». 2018. № 4 (18). С. 85–95.
2. Глазкова Е.А. К вопросу о концепте *тюрьма* в русской национальной картине мира // Современное русское языкознание и лингводидактика: сборник научных трудов, посвящённый 95-летию со дня рождения академика РАО Н.М. Шанского / науч. ред. В.В. Никульцева. М., 2018. С. 59–67.
3. Голенкова О.В., Лифанова Т.Е., Шилина С.А. Педагогические кадры в Брянском уезде Орловской губернии на рубеже XIX–XX веков: социально-социологический анализ // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2020. № 2 (43). С. 9–13.
4. Голенкова О.В., Лифанова Т.Е., Шилина С.А. Развитие образования в Брянском уезде Орловской губернии в XIX – начале XX веков: историко-социологический аспект // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2020. № 1 (42). С. 9–14.
5. Головачева О.А. Окказионализмы как средство выражения авторской оценки (на примере очерка Н.С. Лескова «Искандер и ходящие о нем толки») // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 11 (91). С. 11–17.
6. Головачева О.А., Шилина С.А. Современный русский язык. Словообразование: учебник для квалификации «бакалавр» направления подготовки 44.03.05 «Педагогическое образование» профиль «Русский язык и литература» (по специальности 32900 – русский язык и литература). Брянск, 2018.
7. Головачева О.А. Эвфемизмы в статье Н.С. Лескова «Заметка о зданиях» // Российско-белорусско-украинское пограничье: научное взаимодей-

- ствие в контексте единого социокультурного пространства: материалы Международной научной конференции: в 2 ч. / под ред. В.В. Мищенко, В.Н. Пустовойтова, С.Н. Стародубец. 2014. С. 213–217.
8. Гребенщикова Н. Понятие *воля* в русском языковом сознании // Вопросы функциональной грамматики. Гродно, 1998. С. 76–83.
 9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1999. Т. 1: А – З.
 10. Ефимочкина Н.Б., Коркин Э.Д., Коркия Э.Д., Мамедов А.К. Роскошь в культурных контекстах: вариативность развития. М., 2020.
 11. Киричек П.Н. Алогичное Зазеркалье Вселенной Гуттенберга // Журналист. Социальные коммуникации. 2012. № 3. С. 43–49.
 12. Киричек П.Н. Культуры никогда не бывает в избытке // Государственная служба. 2009. № 1. С. 61–65.
 13. Киричек П.Н. Лексические аномалии публичной сферы // Поливановские чтения. 2016. № 11. С. 93–97.
 14. Киричек П.Н. Медиатекст и культура речи // Поливановские чтения. 2018. № 12. С. 40–47.
 15. Киселев А.Г., Шилина С.А. Дискурс диалектной лексики как выражение идентичности народа // Вопросы культурологии. 2020. № 5. С. 26–31.
 16. Колесов В.В. Жизнь происходит от слова. СПб., 1999.
 17. Мамедов А.К. Виртуальная личность: социальный эскапизм или новое поле креативности // Экономика. Социология. Право. 2019. № 1 (13). С. 68–75.
 18. Мамедов А.К. Проблема оснований социального знания (полемика заметки) // Экономика. Социология. Право. 2016. № 3. С. 68–80.
 19. Мельников С.Л., Шилин А.М. Управление образовательной деятельностью в режиме дистанционного обучения в свете современной социальной политики // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2020. № 5 (46). С. 24–30.
 20. Никульцева В.В. «В жизни безмятежной твои глаза пускай не ведают слезы...» (Лингвотекстологический анализ экспромтов Фёдора Сологуба, посвящённых О.А. Глебовой-Судейкиной) // Слово. Словарь. Словесность: к столетию кафедры русского языка и 95-летию профессора Сакмары Георгиевны Ильенко: сборник научных статей. Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, филологический факультет, кафедра русского языка. 2019. СПб., С. 87–93.
 21. Никульцева В.В. «Лица, которого бесчестны неуловимые черты...» (Образ О.А. Глебовой-Судейкиной в творчестве Игоря-Северянина) // Текст в культурном, историческом, языковом пространстве: материалы Международной заочной научно-практической конференции. М., 2017. С. 100–114.

22. *Никульцева В.В.* Индивидуально-авторская трансформация фразеологизмов в поэтическом языке Игоря-Северянина // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке: материалы международной научной конференции. М., 2018. С. 265–274.
23. *Никульцева В.В.* Лексические неологизмы Игоря-Северянина (деривация, значение, употребление): дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.
24. *Никульцева В.В.* Лингвистический анализ стихотворения М. Цветаевой «Вчера ещё в глаза глядел...» // Русский язык в школе. 2000. № 3. С. 71–74.
25. *Никульцева В.В.* Несколько рассуждений об оригинальности неолоксикона Евгения Евтушенко // Современное русское языкознание и лингводидактика: сборник научных трудов, посвящённый 95-летию со дня рождения академика РАО Н.М. Шанского / науч. ред. В.В. Никульцева. М., 2018. С. 361–380.
26. *Никульцева В.В.* Об академике РАО Н.М. Шанском (1922–2005) // Современное русское языкознание и лингводидактика: сборник научных трудов, посвящённый 95-летию со дня рождения академика РАО Н.М. Шанского / науч. ред. В.В. Никульцева. М., 2018. С. 3–7.
27. *Никульцева В.В.* Филологический анализ сонета Игоря-Северянина «Тургенев» // Русский язык: исторические судьбы и современность: VI Международный конгресс исследователей русского языка: труды и материалы. М., 2019. С. 248–249.
28. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М, 2006.
29. *Серов В.* Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М., 2005.
30. Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. С.Г. Бархударов. М., 1975. Вып. 2.
31. Словарь русского языка: в 4 т. / гл. ред. А.П. Евгеньева. М., 1981. Т. I. А – Й.
32. *Срезневский И.И.* Словарь древнерусского языка: в 3 т. М., 1989.
33. *Толстой Л.Н.* Собрание сочинений: в 22 т. М., 1982. Т. 11: Драматические произведения 1864–1910 гг. С. 23–101.
34. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Б.А. Ларина. СПб., 1996. Т. 1: А – Д.
35. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М., 2007. Т. 1.
36. *Шилина С.А.* Анализ социолингвистического кода субъекта власти как социальной характеристики коммуникационного процесса // Социология власти. 2009. № 6. С. 88–95.
37. *Шилина С.А.* Дискурс русской языковой личности советской и постсоветской эпох // Текст в культурном, историческом, языковом про-

- странстве: материалы Международной заочной научно-практической конференции. М., 2017. С. 510–515.
38. *Шилина С.А.* Становление управленческого дискурса в системе властных отношений (репрезентация языковой личности Ивана Грозного). Saarbrücken, Germany, 2011.
 39. *Lifanova T.E., Shilina S.A.* Socio-ecological ministry of the Russian Orthodox church (end of the 19th-beginning of the 20thcenturies) // Turismo-estudos e praticas. Brazil, 2020. URL: <https://ores.su/ru/journals/turismoestudos-e-praticas/> (дата обращения: 09.11.2020).

Антон Михайлович ШИЛИН

магистрант

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Светлана Александровна ШИЛИНА

доктор социологических наук

доцент кафедры социологии и социальной работы

Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского

УДК 94(470.5).084.9:070.3

В.В. Шаповал

«УЧИТЬ ЩЕБЕТАТЬ»: РЕГУЛЯЦИЯ ТВОРЧЕСТВА СОВЕТСКИХ РОМСКИХ ЛИТЕРАТОРОВ (1927–1938 ГГ.)*

Аннотация. Анализ текстов регулирующих документов, сохранившихся в рукописном виде, призван уточнить принципы и приемы регуляции результатов литературного творчества и управленческие и контрольные механизмы, действовавшие в короткий период существования ромского книгоиздания в СССР.

Ключевые слова: ромский (цыганский) язык, литературная критика, цензура, воспитание писателя.

V.V. Shapoval

«TEACH TO TWIT»: REGULATION OF THE CREATIVITY OF SOVIET ROMANI WRITERS (1927–1938)

Abstract. Analysing the texts of regulatory documents saved in handwritten form is aimed to clarify the principles and methods correcting the results of literary creativity and the management and control mechanisms that were used in the short period of Romani book publishing in the USSR between two world wars.

Keywords: Romani (Gypsy) language, literary criticism, censorship, creation of writers.

Лингвокультурологический анализ рукописных отзывов обличенных властью лиц на произведения ромских писателей открывают новое измерение, важное для понимания процедуры прохождения рукописи по пути превращения в книгу. Масштаб заявленной проблемы столь велик, что в данной статье целесообразно ограничиться несколькими документами и комментарием к ним.

* Статья написана в рамках исследовательского проекта «Roma Interbellum. Roma Civic Emancipation between the Two World Wars» (Principal Investigator Elena Marushiakova), который получил финансирование от агентства European Research Council (ERC) в рамках программы Европейского союза по исследованиям и инновациям Horizon 2020 (грантовое соглашение № 694656). Данный текст отражает только точку зрения автора, и агентство не несет ответственности за любое использование информации, которая в нем содержится.

Интерес к этой проблеме вызван тем, что в новую литературу рекрутировались люди с самыми разными уровнями образования и читательским опытом. Требовалось в кратчайший срок не только добиться приемлемого уровня литературной продукции, но и донести до авторов критерии, которые в идеале должны были быть глубоко усвоены. Реконструировать механизм воспитания писателя помогают сохранившиеся отзывы.

Трудность решения поставленной задачи обусловлена «герметичностью» тогдашнего критического дискурса о литературе эпохи, проявлявшейся, думается, во всех его регистрах. Приведем пример из дневника К. Чуковского, который пытался повысить проходимость романа своего сына, в котором подозревал какой-то идеологический изъян, поскольку ряд редакций его отвергли. 3 декабря его принял Г.М. Шульц (руководитель издательства «Федерация», 1891–1938), сказавший, что вторая часть романа – «гадкая». Но объяснение удалось получить только от К.Л. Зелинского (1896–1970), указавшего уязвимые места [9, с. 40–41]. В описании этой ситуации ясно видно, что издателей что-то смущало, но они не говорили об этом автору прямо. Это можно было обсуждать, вероятно, только со своими. Свободный дискурс блокируется, опыт узнавания опасности перекодируется в нерасчлененную негативную эмоцию («гадкая»). Поведение собеседников говорит не только о герметичности, но и о сакральности. Когда собеседником Чуковского была Крупская, а не Зеленский, его аргументы вообще не были приняты во внимание, а попытка их выдвинуть была расценена как наглость, поскольку в этом диалоге автор «галиматы о крокодиле» [5], по мнению собеседницы, должен был только внимать и не имел права на аргументацию.

Примечательно, что будущий основоположник цыганской советской литературы А. Герман имел смиренно конформистскую по отношению к официальной педагогической теории сказки позицию, а замаскированную тоску по запрещенной фантазии выразил лишь очень робко в частном письме от 16 марта 1924 г. своему коллеге И.Ф. Каллиникову, прося прислать чешские детские сказки: «Старые же <сказки> – или фигурируют лешие, русалки, которые не могут быть преломляемы [?] в нашей идеологии [далее зачеркнуто: а так же], или от сказки требуется практичность, зов к труду, дисциплине [поверх букв *ьщип* крупнее надписано *Ц П*], коллективу» [2, л. 1]. Скрытая полемика с Крупской и другими прагматиками едва

видна в этом воспроизведении акцентированного комиссарского произношения слова *дисциплина*.

Комиссарская позиция пародировала (быть может, подсознательно) дискурс и позицию священника, спорить с ними как-то не приходилось. Среди русских по происхождению авторов цыганских книг выделялся Иван Поликарпович Кузьмин. Прежде сведения о нем были чрезвычайно краткие: «Кузьмин Иван – поэт. Активный корреспондент цыганских журналов в 30-е гг. XX в.» [4, с. 204]. Родился он в 1908 г. в с. Абатское (ныне райцентр Тюменской области), где закончил семилетку, а после Ишимского педагогического техникума стал учителем, работал в родных местах, в с. Озерное [7, л. 1 об., 2], с. Викулово [6, с. 24]; «цыганскому языку Иван Поликарпович научился у местных цыган», воевал в артиллерии и погиб «13 марта 1944 года» [8].

И.П. Кузьмин опубликовал оригинальный учебник цыганского языка [6]. Можно предположить, что в 1933 г. он был в Москве. Корректуры учебника, по всей вероятности, потребовали его присутствия. Подготовил он и сборник стихотворений, часть из которых была уже опубликована в журнале «Нэво дром» и перепечатана в учебных изданиях. Сборник получил отрицательный отзыв коммуниста И.П. Токмакова (1888–1941/2?), ответ работника, ведавшего на союзном уровне работой среди цыган. Текст отзыва таков:

1 экз. [указание машинистке, рукой А. Германо?]

О стихах И. Кузьмина на цыганском языке

Размер большинства слишком сбивчивый и хотя рифмовка иногда удачна, но она сделана в ущерб строю фразы.

Встречаются фразы, которые звучат не по-цыгански то есть исходят из русского построения предложения. Характерно еще то, что в некоторых стихах чувствуется, незаметно для автора, а для цыгана это выпирает это то, что автор становится наблюдателем со стороны другой народности, и выходит так, что русский поэт рассказывает о цыганах. Например: о переходе цыган от кочевья к оседлости, автор сопоставляя старую жизнь с новой, берет показ, обращаясь к кочующим цыганам, говорит, что, цыганы плохо одеты, сидят в лесу у костра, порою голодают. Едва ли для кочевого цыган это будет убедительно и т.д.

Главная слабость стихов это то, что в них нет достаточной художественной образности, а если и встречаются образы, то они восприняты из известных стихов цыганских поэтов.

Заключение: Стихи в таком виде представляют еще сырой материал. Требуется еще большая работа над ними. А пока в таком виде стихи не пригодны к печати.

21/IV 33 г. Токмаков [7, л. 6].

Примечательно, что автор отзыва не приводит конкретных примеров неудачного «строения фразы», не цитирует то, что «выпирает», по его мнению, не доказывает факт заимствования «образности». Можно предполагать, что тексты русского по происхождению автора были рассмотрены более пристально. Далее приводится отзыв о поэзии А. Германо, который тоже не был цыганом. В нем национальная принадлежность поэта никак не акцентируется. Хотя под конец и была выражена надежда на то, что в дальнейшем автор станет писать лучше, это скорее было обычным дежурным способом смягчить отказ.

Вообще говоря, отзывы того времени далеки от ложного представления о деликатности. Автор отзыва разделял с автором ответственность за успех публикации, поэтому старался быть осторожным и объективным. Приведем два примера. Профессор МГУ М.В. Сергиевский, крестный отец советской цыганской письменности, 5 февраля 1937 г. о попытке А. Германо перевести произведения Пушкина «Моцарт и Сальери», «Скупой рыцарь» заключил, что «перевод не передает с должной полнотой оригинал» [3, л. 3], о работе драматурга И.И. Ром-Лебедева он отозвался столь же категорично: «Последняя пьеса... в настоящем виде представляется мне недостаточно сценичной» [3, л. 52].

Отзыв на последнюю книгу стихотворений А. Германо, напечатанную на цыганском языке [1], был написан почерком ее редактора, Алексея Александровича Светлова (1897–1961), но подписан ответ работником А.С. Тарановым (1890–1967), озаглавлен словом рецензия.

Рецензия

Сборник стихов А. Германо на цыганском языке в сравнении с предыдущими его сборниками является большим шагом вперед. Видно что автор добросовестно отнесся к своему творчеству. По те-

матике – сборник актуальный. Переход цыган на организованный труд. Переделка кочевника в нового человека, воспевается новый труд цыган, выборы в Верховный совет <а (комментарии автора статьи приведены ниже, отсылки к ним с буквенными индексами даны в ломаных скобках. – Авт.)>, Красная армия, Испанские события и т.п. Лучшими стихами надо признать: «Баллада о коне» и «Испанская песенка» <б>. Довольно интересно задумано и совершенно ново для цыганской литературы драматическая поэма. «Цыган Гарпако» <в>. Тема о счастье. Важно отметить, что весь сюжет построен на особенностях цыганского народа. В этой поэме мы видим ряд типов-кочевников, пришедших к организованному труду.

Но есть у тов. Германо и некоторые недочеты на ряду с образными строчками следует ему исправить следующие места, так на 3 стр. – Про Бубно явяьпэ. Надо – явя тыро Бубно <г>; 4 стр. Мро грай сыгиритко – Про грай о цылдари <д>; 4 стр. пшала – бойцы <е>; 15 стр. Э фалды буглэ – о костры лолэ <ж>; 18 стр. прияндя – лаяндя <з>; 23 стр. пхагирдя – чюрдыя <и>; 25 стр. И кэ мэ явэса – Ту явэса пэскрэ <к>; 26 стр. екхори – екхджины <л>; 32 стр. Жыко гав – Пашыл гав <м>; 41 стр. Попрастандыя – Ёв урняндыя <н>; 54 стр. Э стремятыр – Э знятыр <о>; 56 стр. Мануша прияндлэ – дро савари яндлэ <п>.

Целиком изменить на 33 стр.

Кай прастала гиляса балвал,

Ёй багала шоляса фэлдытко

надо:

Кай дживэла дрэ шатра тро пшал,

Со багала балвал – марибнытко <р>.

Выбросить плохо сказанную строку на

см. на обороте [3, л. 9].

<окончание предложения> 96 стр.

Палсо тэ ракирэс на лэса манца <с>. Необходимо снять стихотворение «Лыл». Весьма непонятное, туманное, ненужное <т>.

Тематически следует передвинуть в начало сборника четыре стихотворения: «Джибэн парувэлапэ, Дадэскэ, Ганка, Мири э весна багиптытко – эти стихи поставить после «На урдо фэлдытко джяла (на 12 стр.) Необходимо переставить к концу «Пушкиноскэ», «Испанское гилы» после «Ту пучьян романэ поэтостыр» <у>.

После исправления этих недочетов сборник стихов заслуживает печати.

А. Таранов

1/IV-38 г. [3, л. 9а].

Конечно, эта рецензия выгодно отличается по уровню детализации претензий от предыдущего отзыва. Видна рука профессионального редактора, по некоторым признакам лучшего стилиста среди цыганских писателей этого времени, или уступавшего только М.А. Ильинскому.

Комментарии:

<а> Здесь пропуск части строки, возможно, предыдущие 3–4 слова были вписаны позднее. Выборы депутатов в Верховный Совет СССР состоялись 12 декабря 1937 г., о них и написал Германо в приличествующей теме эпической тональности [1, с. 15]. Другие выборы происходили 26 июня 1938 г. с 6 часов утра до 12 часов ночи. Вряд ли Германо выборы в ВС СССР воспел бы авансом. Но было бы неплохо. А. Светлов должен был согласовать вопрос, о каких выборах писать в отзыве, и было принято решение не конкретизировать.

<б> См. [1, с. 5, 50].

<в> См. [1, с. 90–178].

Германо принял все исправления Светлова с полным пиететом:

<г> На Бубно [имя героя] пришлось – пришел твой Бубно;

<д> Мой конь быстроногий – На коня иноходца;

<е> братья – бойцы;

<ж> поле широкое – костры красные (в рукописи ошибочный повтор рифмующегося конца строки);

<з> привел – ее привел;

<и> сломал – бросил (о кнуте);

<к> И ко мне придешь – Ты придешь к своим;

<л> одна – единственная;

<м> До села – У села;

<н> Побежал – Он полетел;

<о> русское название стремени заменено на исконное;

<п> Люди привели – на узде привели.

<р> Где бежит с песней ветер, Он поет со свистом степным. – Где живет в шатре твой брат, Что поет ветер – буйный.

<с> Почему говорить не будешь со мной. Понимается также: Почему не говорить не с ним – со мной.

<т> Объяснение, почему стихотворение «Лыл» (Письмо) плохое, оперирует эмоциональными категориями (туманное), что вполне в духе времени. Стихотворение было убрано, рукопись не сохранилась.

<у> Все перестановки сделаны по рекомендации автора отзыва:

«Жизнь меняется» [1, с. 19],

«Отцу» [1, с. 23],

«Ганка» (имя героини) [1, с. 25],

«Моя весна певучая» [1, с. 27],

Стихотворение без названия (“На урдо фэлдытко джяла...” – Не повозка степная едет..) переместилось в начало группы из четырех перемещенных вверх по рекомендации рецензента [1, с. 18],

«Пушкину» [1, с. 40],

«Испанская песня» [1, с. 50],

«Ты спросила цыганского поэта» [1, с. 47].

Таковы конкретные примеры работы редакторов и рецензентов с авторами цыганских текстов перед принятием решения об их опубликовании или отклонении. Можно сказать, что процедуры принятия решения и шаги по доведению рукописи до кондиции были достаточно ясно прописаны и формализованы, хотя нормативные требования и критерии не имели письменного закрепления и в основном применялись ответственными лицами по прецеденту или на основании издательского опыта работы. Они являлись инструментами управления творческим процессом и воспитания творцов, осуществлявшими индивидуальную «доводку» после общей подготовки писателей из народа на литературных курсах, семинарах и кружках.

Библиографический список

1. Германо А.В. Нэвэ гила. М., 1938.
2. Германо А.В. Письма Германа Александра Вячеславовича Каллиникову Иосифу Федоровичу // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 267. Оп. 2. Д. 96.
3. Договора и переписка с Лебедевым И., Ильинским и др. об издании литературы на цыганском языке // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 613. Оп. 1. Д. 4777.

4. Калинин В.И. и др. Загадка балтийских цыган. Минск, 2005.
5. Крупская Н.К. О «Крокодиле» Чуковского // Правда. 1928. 1 февраля. URL: <https://www.chukfamily.ru/kornei/pro-et-contra/borba-za-skazku/nk-kрупская-о-крокодиле-чуковского> (дата обращения: 10.01.2021).
6. Кузьмино И.П. Романы чиб: граматика, орфография и чибакиро рокс-хуибэн: бутитко лылвари пиро родно чиб: вашо II бэрш ськляибэн. М., 1933.
7. Переписка с И. Кузьминым об издании его сборника стихотворений на цыганском языке и отзыв об этих стихах // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 613. Оп. 1. Д. 4870.
8. Учитель, поэт, военный // Сельская новь. 2016. 15 марта. URL: <https://abatskinfo.ru/news/189872.html> (дата обращения: 10.01.2021).
9. Чуковский К.И. Дневник. 1930–1969. М., 1991.

Виктор Васильевич ШАПОВАЛ

кандидат филологических наук, доцент

доцент кафедры методики преподавания истории, обществознания и права института гуманитарных наук

Московский городской педагогический университет

УДК 7.011.26

Ю.С. Зобков

ОБРАЗ Г.И. НЕВЕЛЬСКОГО В ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНАХ Н.П. ЗАДОРНОВА

Аннотация. В статье рассматривается образ русского выдающегося адмирала, исследователя Дальнего Востока, путешественника Г.И. Невельского в романах советского писателя Николая Павловича Задорнова.

Ключевые слова: Г.И. Невельской, Н.П. Задорнов, Дальний Восток, русские первопроходцы, освоение территорий Дальнего Востока.

Y.S. Zobkov

THE IMAGE OF G.I. NEVELSKOY IN THE HISTORICAL NOVELS OF N.P. ZADORNOVA

Abstract. The article examines the image of the outstanding Russian admiral, explorer of the Far East, traveler G.I. Nevelskoy in the novels of the Soviet writer Nikolai Pavlovich Zadornov.

Keywords: G.I. Nevelskoy, N.P. Zadornov, Far East, Russian pioneers, development of the territories of the Far East.

«Есть личности, которые неотразимо действуют на окружающих. Как бы они не страдали, они дела свои делают спокойно, не терзая своим стоном...»

Вера Венд*

Вот уже много лет идут споры о загадочной русской душе, о смысле жизни русского человека, его предназначении. Давайте попробуем разобраться с такими вопросами, как: «каковы же черты загадочной русской души», «в чем её необъяснимость».

В первом приближении, можно говорить о таких качествах русской души, как сострадание, милосердие, культурная терпимость

* Вера Венд – псевдоним дочери адмирала Г.И. Невельского, выпустившая в Париже очерк о своих родителях – отце Г.И. Невельском и матери Е.И. Ельчаниновой (Невельской).

и отзывчивость, голос совести и прямодушие, о которых написано и сказано многое. Но, если погружаться в данный вопрос глубже, то возникает много вопросов. Например, зов дальних морей – вот уж самая странная, почти необъяснимая черта, заставляющая нас сегодняшних, ехать, плыть, идти пешком, сплавляется на байдарках и взбираться на горные кручи, преодолевать сотни километров, возможно только для того, чтобы застыть на мгновение где-нибудь на вершине Хибинского хребта, и окунуться в «увертюру цветов» полярного сияния или незабываемого, почти мистического восхода Солнца, почувствовав себя на мгновение языческим солнцепоклонником. Что это? Просто любопытство? Или все же часть нашего духа, духа свободы и постоянной борьбы.

Не от этого ли так много было и есть в русской истории у нас путешественников, первооткрывателей, «каликов переходящих», упоминаемых еще в древнейших русских былинах. Так, русские калики упоминаются в «Хождении Даниила игумена в Иерусалим» [7] и в записках Стефана Новгородца [8]. Былины повествуют о каликах, державших путь «из монастыря Боголюбова к славному городу Иерусалиму». Не в том же ключе, можно говорить и «хождении за три моря» Афанасия Никитина [9], раньше, чем легендарный Марко Поло, побывавший в Индии, или новгородский былинный гусляр Садко, веселивший морского царя.

Невольно возникают вопросы: Какими же чертами должен обладать русский моряк, путешественник? Каков русский герой?

К образам русских первопроходцев, географов обращались многие русские писатели. В данной статье хотелось бы остановиться на трудах выдающегося советского писателя Николая Павловича Задорнова, создававшего целую плеяду образов российских флотоводцев, военных, географов, закрывших множество белых пятен на мировой карте, таких как Н.Н. Муравьев-Амурский, И.Ф. Крузенштерн, Ф.П. Литке, Г.И. Невельском и др.

Н.П. Задорнов посвятил тетралогии об адмирале Невельском – «Далекий край», «Первое открытие», «Капитан Невельской», «Война за океан». Время действия произведений Задорнова относится к середине XIX в., пропитанному романтикой и героизмом русских мореходов.

О Г.И. Невельском как о человеке с «прямой душой» написано немало мемуаров, таких как: «Амурский щит», «Путешествие по Приамурью Китая и Японии», «Случаи и заметки на винтовой

шхуне «Восток» (из воспоминаний командира)), «Невельской Геннадий Иванович» и др.

Перед Задорновым стояла непростая задача – наиболее правдиво передать непреклонную волю, особые черточки характера легендарного адмирала, при этом, не исказив исторической достоверности.

По воспоминаниям самого автора: «Личность Невельского меня весьма заинтересовала. Он действовал как передовой человек, как патриот и мыслитель, который отчетливо видит будущее своей родины, как страны, находящейся в теснейшей связи со всеми великими странами, лежащими в бассейне Тихого океана. Невельской создал целую школу моряков, практическую школу, и его экспедиция по своему значению была важнее всех до того совершенных экспедиций на Восток и на Север нашей родины» [5].

«Далекий край» – первое произведение об адмирале Невельском, о первых русских, пришедших в Приамурье, этот величественный, неведомый, богатый край, населенный полудикими местными племенами.

Обращаясь к образу Геннадия Ивановича Невельского, можно охарактеризовать как человека, наделенного от природы обширным кругозором и многочисленными талантами, политически грамотного, за что еще во время учебы в морском училище получил лестное прозвище «Архимед». Он ясно видел, к чему ведёт стремление колониальных стран Англии и Америки, угрозу захвата Дальнего Востока, столь стратегически важного для будущего России.

В своих произведениях Задорнов показывает Невельского как человека радеющего за техническую революцию в своей родине, в силу того, что Россия в то время обладала лишь парусным флотом, обреченным быть запертым в замерзающих северных портах. Говоря о Невельском Задорнов констатирует, что он лишь с горечью, мог наблюдать как хозяйничали в устье Амура иностранные китобойцы.

При этом перед нами вырисовывается образ Невельского не только как патриота, но и бунтаря, способного рискнуть своей репутацией, положением и даже жизнью, чтобы убедить чиновников прислушаться к его словам, понять выгоду для страны в занятии и освоении этих территорий.

Все говорит о том, что капитан Невельской – яркая, неординарная личность, настолько увлекающаяся, что своей настойчивой активной жизненной позицией легко и без усилий заинтересовывает

людей своими мыслями и идеями, обладает даром убеждения и покоряет своим неиссякаемым энтузиазмом и верой.

Все величие этого человека Н.П. Задорнов раскрывает в его неукротимой воле, акцентируя внимание на волевых чертах его лица: «ясно видно крупный нос под фуражкой и загоревшее лицо», «капитан невысок, но в нем что-то богатырское...», «Невельской загорел и на вид очень молод. Из-под черного лакированного козырька гордо сверкают юные синие глаза, ...пылкая душа бушует и рвется еще сильнее. Голова его приподнята с решительным и энергичным выражением. Черты лица крупны и приятны, ...чувствовалось, что это человек твердый и с характером», «...тёмно-синие глаза остро и живо поблескивали как у бойца перед боем... большой лоб, прямой нос с горбинкой, глаза, запавшие под светлые брови, жесткие морщинки у губ – все выражало суровый фанатизм, так необычайно преобразивший лицо капитана» [4, с. 67].

Также Задорнов удивительно точно уловил в чертах Невельского и характер моряка. Он пишет: «что-то глубоко славянское, степенное и вдохновенное было в нем, хотя быть может, в тоже время походил он несколько и на какого-то жителя Северной Европы, на ирландца или норвежца или... было что-то от немецкого капитана», «Черт знает, как он меняется...несмотря, что вышколенный, а кажется кипяток...» [5, с. 72].

В романе «Капитан Невельской» Задорнов образ адмирала передает глазами женщины, будущей его супруги Катерины Ивановны. При первой встрече она отмечает, что Невельской «невысок, ...но этот человек – огонь! ...Наполеон». Она же добавляет, что он «стройный. У него выгоревшие добела брови, приподнятая голова и рассеянный взгляд» [2, с. 21].

Говоря о характерных чертах характера, стоит отметить, что Невельской пылкий, упрямый, порывистый, нетерпимый до крайности, но в то же время в глубине души, он любопытен, большой фантазер и застенчивый романтик.

Русский адмирал раскрывается перед читателем иногда с неожиданных ракурсов, как вдохновенный эстет, певец, историк, инженер, картограф.

Невельской ради любимой отчизны готов пожертвовать самым дорогим, что есть в его жизни – жизнью своей маленькой дочери и супруги. У него нежное, любящее, настоящее русское сердце,

взрывная, порой доходящая до безрассудства душа. В своих словах и суждениях, он бывает не сдержан, произносит быстро, остро, иногда не думая о последствиях, они ему приносят много огорчений. После же, как настоящий русский «емеля», сокрушенно печалится о сказанном. Об этом, своеобразной ремаркой пишет Задорнов: «... дернул меня черт заговорить про славян – подумал Невельской, сообразивши, что дал маху» [4, с. 186].

Его бунтарский характер и усилия как бы мягко сопоставляются с действиями декабристов, участвовавших в восстании более двадцати лет тому назад. Писатель вводит их в сюжет, знакомя в сибирских землях настойчивого капитана с семьей Волконских. А юная жена Невельского подобно женам декабристов бесстрашно следует за мужем в незнакомые ей места. Любовь капитана и Кати преподнесена читателю деликатно, без мелодраматических перегибов.

Уезжая в Петербург на встречу с императором Николаем Павловичем, встреча с которым не сулила ему ничего хорошего, в беседе с губернатором Николаем Муравьевым, он убежден в своей правоте: «Мы – великий народ! Россия и на Тихом океане должна выступить, как ей подобает, смело заявить о себе, ее величие нас обязывает».

Еще с учебы в морском кадетском корпусе, а затем и в Морской Академии, за свой упрямый характер получил прозвище «неистовый Геннадий». В романе «Капитан Невельской», его ласково называют «наш Генаша» [4, с. 266], подчеркивая тем самым его добрый нрав, открытую душу, но при этом в нем скрыт «другой» дух неистового Геннадия, раскрывающегося в общении с людьми власть предержащими и, даже с императором.

В книгах Задорнова образ выдающегося морского адмирала обрастает былинными, почти сказочными чертами. Автор равняет Невельского в своих метафорах с хтоническими русскими героями, Ильей Муромцем, Добрыней Никитичем, или Алешей Поповичем, называя его «удалой добрый молодец, богатырь наш» [4, с. 373].

Сочинения Задорнова об адмирале Невельском позволяет нам современным людям проникнуться духом великих морских открытий, нестигаемостью русского матроса перед всеми испытаниями и верой в будущее России.

Имя Г.И. Невельского сегодня не забыто – его именем назван пролив между материком Евразия и островом Сахалин, бухта в Охот-

ском море, Амурском лимане, аэропорт в городе Хабаровске. Ему установлены несколько памятников во Владивостоке, Хабаровске, Николаевске-на-Амуре, на его родине в Солигаличе. Также в его честь назван Морской университет в городе Владивостоке.

Библиографический список

1. Задорнов Н.П. Война за океан: роман. М., 2009.
2. Задорнов Н.П. Далекий край: роман. М., 2010.
3. Задорнов Н.П. Капитан Невельской. М., 2008.
4. Задорнов Н.П. Как я работал над моими книгами // Советская литература и вопросы мастерства. М., 1957.
5. Невельской Г.И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России (1849–1855 г.). URL: https://librebook.me/podvigi_russkih_morskikh_oficerov_na_krainem_vostoke_rossii__1849_1855_g (дата обращения: 04.05.2021).
6. Хожение игумена Даниила. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4 // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4934> (дата обращения: 04.05.2021).
7. Из странствия Стефана Новгородца // Средневековые исторические источники Востока и Запада. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus2/Hozeni-ja/XIV/Stefan_Novg/text.phtml?id=1700 (дата обращения: 04.05.2021).
8. Афанасий Никитин. Хожение за три моря. СПб., 1857. URL: https://books.google.ru/books/about/%D0%A5%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D1%96%D0%B5_%D0%B7%D0%B0_%D1%82%D1%80%D0%B8_%D0%BC%D0%BE%D1%80%D1%8F_%D0%90%D1%B3.html?id=IkYoAAAYAAJ&printsec=frontcover&source=kp_read_button&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 04.05.2021).

Юрий Сергеевич ЗОБКОВ

кандидат культурологи
старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных
и общеправовых дисциплин
Московский финансово-юридический университет МФЮА

УДК 8 – 91: 8.07

О.Н. Румянцева

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОМПОЗИЦИИ АВАРСКОГО И ВЕТЛУЖСКОГО ВАРИАНТОВ СКАЗКИ С ГЛАВНЫМ ПЕРСОНАЖЕМ «МЕДВЕЖЬИ УШИ»

Аннотация. В статье раскрыты и описаны отличительные композиционные особенности и семантические свойства текстов аварского и ветлужского вариантов сказки с главным персонажем «Медвежьи Уши», использован метод комплексного анализа текста.

Ключевые слова: фольклор, волшебная, богатырская, архаическая сказки, главный персонаж «Медвежьи Уши», вариантность сюжетных линий.

O.N. Rumyantseva

DISTINCTIVE FEATURES OF THE COMPOSITION OF THE AVAR AND VETLUZHSKY VERSIONS TALES WITH THE MAIN CHARACTER «BEAR EARS»

Abstract. The article reveals and describes the distinctive compositional features and semantic properties of the texts of the Avar and Vetluzhsky versions of the fairy tale with the main character of Bear Ears, and uses the method of complex analysis of the text.

Keywords: folklore, magical, heroic, archaic tales, the main character of «Bear Ears», variant storylines.

В процессе изучения сказочного материала нами выявлены две ранее не введённые в научный оборот сказки: аварская, с названием «Медвежьи Уши», представленная в сборнике «Свод памятников фольклора народов Дагестана» (2011), и «Иван “Медвежьи Уши”», ветлужская, опубликованная в 1911 г. В. Каминским (см. работу К. Прохазковой [8]).

Фольклорный памятник народов Дагестана (аварцев) и населения Костромской земли (ветлужан) иллюстрируют бродячий сюжет, объединяющий устно-поэтическим творчеством жителей Российской империи.

Для анализа сказочного материала использован метод комплексного анализа текста (см. работу З.И. Комаровой [2]).

Оба варианта сказки переданы в форме монолога, характерной для всех видов повествовательного фольклора.

Фабула (структура) в двух сказках остаётся морфологически одинаковой на протяжении всего повествования: рождение богатыря от медведя и земной красавицы, освобождение (охотниками / сыном «Медвежье Ухо») матери из берлоги, уход богатыря в поисках лучшей доли, обретение двух попутчиков (Жернововращающего и Деревонесущего / двух Леших – Лесовика и Дубовика), встреча и борьба с вредителем/антагонистом (пачахом, коротышкой / Ягой-Бабой); предательство попутчиков, оставляющих главного героя в подземном царстве; победа в подземном царстве над антогонистом (коротышкой, аджахой / Ягой-Бабой); использование в борьбе с вредителем волшебных предметов (сильной воды и алмазной сабли / сильной воды и кистеня); возвращение на землю с помощью птицы-помощника. В конце пути женитьба богатыря “Медвежьи Уши”. Из взаиморасположения частей следует, что рождение, странствия и женитьба главного персонажа «Медвежьи Уши» становятся ядерно-семантической основой текста обоих вариантов сказки.

Результат столкновения двух миров (реального и нереального), двух типов сюжетных ситуаций (вероятных и невероятных) «это уже не отдельный мотив или сюжет, а композиционная основа» [7, с. 240]. В обоих вариантах сказки герой переносится в иное царство, но начинаются и заканчиваются события на реальной Земле [3, с. 25].

Оба варианта сказки соответственно структуре и композиции могут быть причислены к волшебным сказкам, согласно классификации В.Я. Проппа (см, например, работы В.Я. Проппа [5–7]). Исследователь Камила Прохазкова относит сказку с персонажем «Медвежьи Уши» к отдельной группе – архаическим сказкам [8]. Авторами-составителями свода памятников фольклора народов Дагестана сказка «Медвежье Ухо» определена как богатырская [1, с. 10].

Для классификации сказок «важен вопрос, что делают сказочные персонажи», а «вопросы, кто делает и как делает, – это вопросы, привходящего изучения» [6, с. 22], помогающие различить особенности композиции одного сюжета.

Не являясь функцией, исходная ситуация представляет собою «важный морфологический элемент» [6, с. 22].

Как правило, действие волшебных сказок начинается в незнакомом для крестьянина царском дворце, а затем переносится в фантастический мир [3, с. 20].

Первоначальное условие не выполнено в ветлужском варианте, маркируя двуходовость «Сказки о Лукерье и Иване “Медвежьи Уши”»: текст делится на две части – «Лукерья» и «Странствования Ивана “Медвежьи Уши”», где первая часть посвящена рождению сына.

В волшебной сказке разработана специальная поэтика создания необыкновенного героя. Одним из приёмов этой поэтики является рассказ о необычном, чудесном рождении будущего героя [3, с. 20].

Описание рождения особенного героя (персонажа ветлужской сказки) от земной женщины (самой красивой замужней женщины селения) и медведя фиксируется в имени ребёнка *Иван*, воспроизведённое в тексте обеих частей «Сказки о Лукерье и Иване “Медвежьи Уши”» 57 раз, и повторяемым полным словосочетанием *Иван «Медвежьи Уши»* – 5 раз. При определении частоты вербальных репрезентаций была сделана выборка контекстов со словоупотреблением *Иван, Иван «Медвежьи Уши», «Медвежьи Уши»*. Повтор имени *Иван* – 52 раза, *Иванушка* – 2, *Ваня* – 1, *Иванка* – 1, *Ванюшко* – 1. В имени *Иван* содержатся признаки: мужского пола (отражающий бинарную оппозицию мужской/женский) и семейного положения – рождён замужней женщиной в своём доме.

Прозвище «*Медвежьи Уши*», ставшее именем богатыря в аварской сказке, воспроизведенное в тексте 87 раз, указывает на необычного отца – медведя и рождение в пещере, продолжая ряд традиционных для мифологических героев оппозиций: необычный/типичный. Данная оппозиция, согласно мнению К. Прохазковой, является одним из оснований определения сказки как архаичной [8]. Необыкновенный рост героя богатырской аварской сказки подчёркивается традиционной эпической формулой: «*он быстро рос, день пройдёт для него – что месяц, месяц – что год, стал он большим и сильным*» [9, с. 51]. Аналогом в русской сказке стала изменённая публикатором В. Каминским фольклорная медиальная формула:

Рос не днями, не часами.

Скоро стал и сам с усами.

Начал в первый день ходить.

На другой стал говорить.

А на третий – без заботы

С отцом вышел на работы [10, с. 18].

Так в исходной ситуации проявляются внешние атрибуты будущего героя.

Первоначальная оценка сил богатыря определяет использование приёма гиперболизации [3, с. 38], применяющегося в описании возросшего героя сказки (в ветлужском варианте):

Ловко стал он работать!

Дубы с корнем вырывать! [10, с. 18].

Наш Иван, мужик удалый,

Здоровеннейший был малый [10, с. 19].

Образ героя-богатыря аварской сказки, восходящий к «*великано-богатырской и эпической традиции*» [1, с. 9–10], существующей у многих кавказских народов, характеризуется аналогичными основными признаками – «*огромный рост, непомерная сила, способность съесть невероятное количество пищи*» [1, с. 10], невероятным количеством выполненной работы. Огромная сила соотносится со способностью поглощать большой объём еды: «*Дайте мне еду на 100 работников и столько же верёвок*», он обвязал верёвками каждое дерево, потянул и вырвал с корнями сто деревьев ...из-за горы деревьев не видать света» [9, с. 51].

Сундук величиной с дом, куда харт хотела затолкать героя: *Закинул <сундук> за спину* [9, с. 52].

Семантический план сказки разворачивает в сюжете те семантические признаки, которыми обладает персонаж. Среди них главенствуют признаки пола (оппозиция мужское/женское), возраста (старый/молодой), внешнего состояния (оппозиция сильный/слабый) (см. работу Е.С. Новик [4]). Таким образом, медвежья сила главного героя представляет собой коллизию данного сюжета^а обоих вариантах сказки.

Отличительная черта композиционного строя волшебной сказки – «*многособытийность: герой должен пройти ряд испытаний, победить вредителя-антагониста*» [3, с. 23]. В аварской сказке Медвежье Ухо встречает трёх антагонистов – пачаха (властелина города), персонажа реального мира, коротышку и аджаху (дракона) – мифические силы, в русском варианте – мифологическое существо Ягу-Бабу. Противопоставление главного героя – властелину нашло отражение только в аварском варианте сказки, что маркирует Медвежье Ухо как богатыря. Былинные богатыри и их иноземные враги противопоставляются по «*духовному облику, морально-нравственным качествам*» [1, с. 10], поэтому пачаха Медвежье Ухо побеждает

без какой-либо посторонней помощи. Следовательно, индивидуальный статус дагестанского героя «*Медвежье Ухо*» представлен не только через оппозицию *сильный-слабый*, но и через светский статус – через оппозицию *светский-простолюдин*, вербально выраженную отношениями контраста.

Через описание лексико-семантической парадигматики и синтагматики имён «*Медвежье Ухо*» и пачах представим отмеченные в сказке отношения контраста в организации сюжета

Вербальные репрезентации богатыря «*Медвежьи Уши*»: *Сын с человеческим лицом, но с медвежьими ушами* [9, с. 51], Старуха: «*Что ты, сын мой, не ходи на верную смерть...* [9, с. 55], *Эй, сынок, – крикнул аждаха¹⁵, – первый раз я пропустил тебя как гостя, второй раз как друга* [9, с. 56] – отражают юношеский возраст богатыря и воссоздают свойственные архаическому мышлению бинарные оппозиции: взрослый/ребёнок, старый/молодой.

Дополнительные оппозиции характеризуют модусы внутреннего и внешнего состояний героя – оппозицию *сильный/слабый*: *Богатырь*. (*Окружив Медвежье Ухо со всех сторон, осыпали богатыря тучами калёных стрел* [9, с. 53]. Старуха: «*...богатыри, которых он (аджаха. – Авт.) убил, не уступали тебе в силе!*» [9, с. 55]); Слух о *смельчаке Медвежье Ухо* дошёл до пачаха подземного царства [9, с. 55].

Оппозиция *добрый/злой* маркирует правила поведения действующих лиц: в обоих вариантах сказки главный герой спасает птенцов, определяя взаимоотношение с птицей – матерью птенцов: *Почему хромаешь, друг мой?* [10, с. 57.]

Следовательно, основным средством сцепления речевых актов в целое является коференция (множественная референция), выраженная словами: существительными – *Медвежье Ухо, богатырь, сын, смельчак, друг; местоимениями который, он.*

Апеллятив *пачах* воспроизведён в тексте аварской сказки 36 раз, что свидетельствует о значимости этого персонажа в развитии сюжета.

Лексико-тематические линии богатыря *Медвежье Ухо* и пачаха объединены функцией главного героя.

Синтагматические связи, построенные по следующим моделям: глагол + пачах, где властелин – логический субъект действия;

глагол + пачах, где властелин – объект, на которое направлено действие – представляют когнитивные признаки, отражающие психологические характеристики пачаха:

- глагол + лед: *прослышал пачах, вышел пачах, посмотрел* [9, с. 51], *закричал пачах* [9, с. 52]; *закричал пачах (выглядывая из-за спины воинов)* [9, с. 53];
- лед + глагол: *пачах испугался; тот побледнел; пачах задрожал (от страха), пачах заметался (в разные стороны)* [9, с. 52]; *пачах вовсе впал в отчаяние; спина согнулась (от горя)* [9, с. 53]; *тот убежал* [9, с. 53]. Данные сочетания отмечают трусость, слабость, боязливость пачаха верхнего царства.

Модель лед + глагол + объект осуществляет характеризацию субъектов, воспроизводя изменение отношений между богатырём «*Медвежьи Уши*» и пачахом верхнего города: *Я буду тебя содержать...* [9, с. 51]; *он решил погубить Медвежье Ухо* [9, с. 52]; *умолял пачах Медвежье Ухо* [9, с. 52] *отправил он Медвежье Ухо* [9, с. 52]. *Тот (от испуга) побледнел... и крикнул Медвежьему Уху* [9, с. 52].

Выделенные группы лексико-семантических вариантов (ЛСВ) исследуемой единицы *пачах*, способствуя индивидуализации главного героя «*Медвежье Ухо*» в столкновении с облечённым властью противником, обуславливают использование контраста в организации сюжета и определяют отличие в композиции вариантов сказки.

С добрым пачахом (властелином) герой аварской сказки встречается дважды (в подземельном царстве и на земле), в русском варианте – встречи с царём не происходит. Приём повторений, служащий в ветлужской сказке «средством усиления её занимательности», в аварском варианте сказки согласно былинной традиции «замедляет действие» [3, с. 40].

Таким образом, отличие вариантов сказок с главным персонажем «*Медвежьи Уши*» находим в композиции, которую определяют глаголы [7, с. 88] и в сюжете, который обуславливают подлежащие, дополнения, что является характерным для волшебных сказок.

Вербальной номинацией главного персонажа в аварском варианте сказки является словосочетание, построенное по модели: притяжательное прилагательное *Медвежьи* + существительное *Уши*, в ветлужском – существительное *Иван*, дополненное эпитетом «*Медвежьи Уши*». Прозвище *Медвежьи (Уши)* в обоих вариантах

текста выделяет новорожденного среди других детей и богатырей. Оба варианта онима эксплицируют одну смысловую единицу – богатыря, рождённого от медведя, наделённого идеальными чертами человека (невероятной физической силой, смелостью, высокими нравственными качествами). Когнитивные признаки, отражающие психологические характеристики главного героя, представляют собой бинарные оппозиции: взрослый/ребёнок, старый/молодой, сильный/слабый, определяя отношения контраста между богатырём *Медвежьей Уши* и другими персонажами.

Если в ветлужской сказке одержать победу над врагом помогают герою всевозможные волшебные предметы, то в аварской сказке врага земного мира (пачаха) побеждает герой без какой-либо посторонней помощи, маркируя великано-богатырскую и эпическую традиции кавказских сказок. Богатырь аварской сказки, побеждая вредителей, получает право стать женихом дочери достойного (нетрусливого) пачаха. *Иван «Медвежьей Уши»*, дополнительно должен проявить бескорыстную доброту, в результате получить приглашение от самой птицы-девицы стать мужем.

Через описание лексико-семантической прагматики и синтагматики слов (онима) *Медвежьей Уши* и (апеллятива) *пачах* было определено применение антитезы в организации сюжета аварского варианта сказки. Основными средствами когезии стали коференция и лексико-тематические линии.

Вариантность сюжетных линий сказочного текста способствовали получению объективных данных об образе главного персонажа «Медвежьей Уши», о культурно значимых признаках правителя и претендента на власть, главными из которых в аварском варианте сказки являются смелость и сила, в ветлужском – сила и доброта героя. Предикативные отношения, подчеркивая характерные особенности главного героя, определяют поступки действующего лица с точки зрения его значимости для хода действия: замедляя ход в аварском варианте сказки и усиливая драматизм – в ветлужском.

Таким образом, на материале текстов аварской и ветлужской народных сказок мы увидели, что сказка, представляя собой бродячий сюжет, трансформирована в соответствии с традиционными этническими нормами. В обоих вариантах сказки сохраняется фабула (структура), акцентируя внимание на общих для обоих главных ге-

роев сказки качествах – физической силе и смелости, и изменяется сюжет, чтобы включить добавочный признак – доброту героя в ветлужском варианте сказки.

Библиографический список

1. *Ганиева А.М.* Волшебные сказки народов Дагестана // Свод памятников фольклора народов Дагестана: в 20 т. / под ред. Г.Г. Гамзатова. М., 2011. Т. 2: Волшебные сказки Дагестана / отв. ред. А.М. Аджиев. С. 9–20.
2. *Комарова З.И.* Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике. М., 2017.
3. *Лазутин С.Г.* Поэтика русского фольклора: учебное пособие для вузов. М., 1989.
4. *Новик Е.С.* Системы персонажей русской волшебной сказки // Типологические исследования по фольклору: сборник статей памяти В.Я. Проппа. М., 1975. С. 214–246.
5. *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. СПб., 1996.
6. *Пропп В.Я.* Морфология волшебной сказки. М., 2003.
7. *Пропп В.Я.* Русская сказка / вступ. ст. К.В. Чистова. Л., 1984.
8. *Прохазкова К.* Роль и позиция персонажа Ивана Медвежье ушко в русской волшебной сказке. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/prohazkova2.htm> (дата обращения: 13.12.2020).
9. Сказка «Медвежьей Уши» // Свод памятников фольклора народов Дагестана: в 20 т. / под ред. Г.Г. Гамзатова. М., 2011. Т. 2: Волшебные сказки Дагестана / отв. ред. А.М. Аджиев. С. 50–57.
10. Сказка о Лукерье и Иване «Медвежьей Уши». СПб., 1911.

Ольга Николаевна РУМЯНЦЕВА

кандидат культурологи

учёный секретарь

Костромской историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

УДК 81.119

Т.В. Азарова

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ КАК ОСОБЫЙ ТИП ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ КОНСТАНТЫ-КОНЦЕПТА ПРАЗДНИК)

Аннотация. Данная статья рассматривает условия формирования лингвокультурологического комментария в особый текст на примере константы-концепта *праздник*. Структура и свойства такого текста напоминает культурологическое описание языковых феноменов, при этом имеют существенные отличия и специфические характеристики.

Ключевые слова: культурно-языковая интерпретация, лингвокультурологический комментарий, пласты культуры.

Т. V. Azarova

LINGVO-CULTURAL COMMENT IN SPECIAL KIND OF TEXT ON THE EXAMPLE OF WORD CONSTANT HOLIDAY

Abstract. This article consider the terms of forming lingvo-cultural comment in a special kind of text. Structure and characteristics of this comment resemble simple cultural description but have differences and special references.

Keywords: cultural and linguistic's interpretation, lingvo-cultural comment, stratum of culture.

Культурологический комментарий феноменов окружающего мира в чистом виде не всегда понятен носителю языка: большая часть людей на глубоком уровне интересуется историей, возникновением, бытованием тех или иных форм народного сознания. Большинство же довольствуется интуитивными знаниями и базовым пониманием уклада и традиций. Зачастую привычки и способы решения определенных задач формируются по принципу семейной преемственности: как учили и поступали бабушки, дедушки. В то время как лингвокультурологический комментарий (в дальнейшем ЛКК) связан с каждым носителем языка и смысл выделения структурообразующих элементов состоит во взаимовлиянии носителя и лингвокультурной среды. В первую очередь ЛКК возникает в связи с описанием фразеологических единиц языка [4,

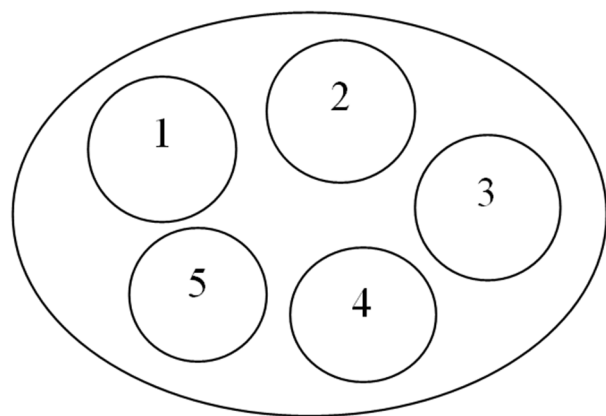
с. 88]. Пословицы, поговорки, фразеологизмы являются основными смыслообразующими объектами таких текстов-комментариев [6; 7]. Именно фразеологические знаки требуют комментирования в силу ряда причин: исторические процессы, при которых даже носители языка не всегда воспринимают и правильно употребляют устойчивые сочетания в речи; ошибочные толкования, которые появились в результате исторических изменений; наконец, сторонние объяснения значений не носителям языка. Есть система комментирования фразеологизмов, которая состоит из трех блоков-уровней: *мифологического, научно-познавательного, наивного* [4, с. 89]. Для их анализа требуется особый уровень владения информацией, а для понимания достаточно минимального объема культурных и языковых знаний, присущих рядовому носителю языка.

В данной статье рассмотрим, насколько важен ЛКК не только фразеологизмов, но и констант-феноменов (констант-концептов) языка. Это понятие отмечается как константа-концепт, в связи с принятой для данной статьи классификацией [2, с. 144], в которой понятие константы вбирает в себя и более узкое поле концепта. Так как в рамках данного материала нас больше интересует описание структуры ЛКК, а не разграничение понятий константа и концепт, то вкратце обозначим, что помимо основных характеристик *комплексности бытования, размытости, ментальной природы* [3, с. 77], концепт определяется возможностью оценивания его со стороны носителя языка. Как концепт понятие *праздник* невозможно однозначно оценить положительно или отрицательно, существуют праздники, которые получают в определенной языковой среде негативную оценку, а в другой – положительную. Например, праздник *halloween* в американской системе ценностей – важный для понимания традиций страны лингвокультурный концепт, в то время как русская реальность дает скорее отрицательную характеристику этому феномену, несмотря на любовь ко всему западному. Но как константа *праздник* – феномен, очевидно связанный с отдыхом, весельем, радостью.

Если принять во внимание, что культурный комментарий вбирает в себя этимологию, лингвострановедческий комментарий и культурологический комментарий [4, с. 87], то попытаемся сделать некое обобщение двух последних типов комментария, соединив их в текстовый формат на примере константы *праздник*. К перечис-

ленным уровням следует добавить и семантический пласт, который обозначит поле функционирования общеязыковых феноменов и в частности константы *праздник*.

Таким образом, ЛКК можно рассматривать как своего рода метатекст, доступный на всех уровнях. Текст в рамках ЛКК – это (событийно-) описательная структура феноменов-констант части культурного наследия. Такой текст отличается от обычной характеристики или определения. В частности функционирует в журналистской среде, в сфере туризма и всего, что относится к сопровождению иностранцев, знакомящихся с культурой новой страны. Неотъемлемой характеристикой путешествий считается посещение музеев, парков, усадеб, немного иначе обстоит дело, когда речь идет о культурном досуге местных жителей. По данным опроса 50 % россиян не ходят в музеи из-за усталости и отсутствия времени, а 15 % считают это неинтересным времяпрепровождением (результаты исследования Министерства культуры и «РОСИЗО» 2019). Гораздо больше энтузиазма вызывают мероприятия бытового характера: и здесь особое место отводится праздникам и фестивалям. Местные

1. Культурная коннотация
2. Культурно значимые смыслы
3. Ценностные представления
4. Стереотипные образы
5. Символьные смыслы

Рисунок 1. Структура ЛКК

жители стремятся узнать свою историю, погрузиться в привычную атмосферу празднования для предков. А для туристов это возможность, находясь в среде народа изучить быт, обычаи, ментальность, познакомиться с традициями и основными составляющими богатой культуры той или иной страны.

Понятие метатекста выбрано неслучайно: каждое звено в таком описании раскрывается в зависимости от уровня владения языком. Разность в понимании и оценке таких текстов зависит от пола, возраста, рода занятий, уровня подготовленности к оценке и анализу содержащейся в них информации. Это и не вполне культурная коннотация, которая возникает как часть знания о языковом феномене. Схематически систему основных составляющих поля ЛКК можно представить так (рисунок 1).

В систему ЛКК входят такие понятия как культурная коннотация, культурно значимые смыслы, ценностные представления, стереотипные образы, символные смыслы. В свернутом виде при чтении ЛКК константы *праздник* транслируются понятия отдыха от работы, повседневного труда. В научной литературе подробно описан праздник как феномен культуры, включая этимологическую составляющую, приводятся определения словарей и научных трудов [5, с. 9; 10]. В формате статьи нас больше интересует так называемое *трехмерное пространство языка* (Ю.С. Степанов) [8], которое формирует философию течения мысли при обработке речевой константы. Разберем константу *праздник* с позиций основных структурно-смысловых элементов системы ЛКК (рисунок 1). Коннотативный потенциал константы-концепта *праздник* состоит из таких понятий, как соотнесенность образов с древнейшими пластами культуры, фольклорно-литературными источниками, с кодами культуры, с языком культуры. Закономерно при этом учитывать, что коннотация дополняет и фокусирует культурно значимые смыслы в определенных контекстах, не всякая коннотация всегда уместна и понятна. Если рассмотреть праздник Яблочный Спас, то можно отметить как минимум три коннотации. Первая – это народное восприятие, наивное по сути, принимается по обычаям переходящим из поколения в поколение, когда в семье и в обществе было принято отмечать особым образом созревание плодов и их освящение, вторая коннотация религиозная, православная традиция празднует

Преображение Иисуса Христа, призывая паству к работе над своим обновлением, и третий контекст это *значимый ноль*, утрата всякого смысла для части населения, непонимание обрядовой стороны события и значимости празднований. Похожий результат и с праздником Рождества [1, с. 58].

При выявлении контекста какого-либо феномена есть возможность определить его культурно значимую ценность, которая идентифицируется также не на всех уровнях. Соответственно, если некоторая часть аудитории не видит культурного феномена в каком-либо празднике, это не отрицает общенародной его ценности. С расшифровкой таких смыслов связаны ценностные представления о празднике. Система ценностей также сегментируется в зависимости от мировоззрения и частной системы координат, например, отдельной семьи или общины. При этом важная отличительная черта именно ценностных представлений – возможность их акцентуации и формирования. Можно отметить пример 8 Марта и еще ряда праздников, которые стали отмечаться в результате внедрения определенных установок в общество в течение большевистского режима. В тот период появились и соответствующие языковые единицы: *эмансипация, равноправие, условия*, а в текстуальном пространстве описания праздника возникает идейная установка. Насколько укоренен тот или иной праздник в народной среде можно определить по наличию символических смыслов: здесь возникает архетипическое представление о значении традиций и обрядов. Праздник – это еще и коллективная память, та информация, которая утрачивается в силу определенных обстоятельств, чаще всего исторических. Так, изменение образа жизни лишило народ аграрных празднеств и обычаев. В случае забвения, опустошения тех смыслов, которые нашим предкам были важны и казались базовыми хранениями уклада, происходит смещение жизненных ориентиров: например, отношение к семье и браку. Утерян институт сватовства, потому что произошла подмена понятия *сакральности*, почитания семьи и родительского благословения, современный человек претендует на автономное управление своей жизнью, авторитетом для него служит общественное мнение, но не указания родителей, поэтому и праздник помолвки, смотрин растворился за ненужностью. Все понятия в структуре ЛКК обрамляются единой многослойной атмос-

ферой, которая состоит из *пластов культуры* [4, с. 107], на данном этапе особую роль играет интернет-оболочка, новая сфера, которая обволакивает привычные смыслы, создает новые и в отдельных случаях деформирует, смещает акценты. Как пример можно отметить праздники поисковой системы Google, которая в качестве новости и фона дня выставляет практически ежедневно новый праздник из профессионального, тематического, спортивного календаря: день радиста, дань пианиста, штангиста, день билума и другие. В современных условиях ЛКК возникает в интернет – текстах, которые становятся все более воспринимаемыми, так как каждый носитель языка по-своему влияет на их формирование в процессе написания блогов, комментариев, аннотаций. Как пользователи проводят праздники, какие активности придумывают себе, зачастую комментарии в Instagram или на Facebook напоминают эссе. Современный автор Юрий Каракур, лауреат премии «Рукопись года – 2020» утверждает, что свой творческий путь он начал именно с написания коротких текстов в социальных сетях.

ЛКК поможет поменять отношение к забытым праздникам или потерявшим в сознании людей свою значимость и первоначальный смысл. В этом и можно усмотреть шаги по восстановлению преемственности, поиску и утверждению народной идеи, о которой часто говорит президент и идет столько разговоров. В силу специфического строения ЛКК поможет восстановить связь поколений, времен с традицией, вызвать интерес к укладу, традициям. Сформирует желание у молодых людей строить концепции наших древних праздников, чтобы противостоять западному влиянию, иногда пагубному или рекламизированному. ЛКК может служить и вариантом оформления ознакомительной, справочной информации для сферы туризма, школы гидов и сопровождающих туристические группы.

Библиографический список

1. Григорьева М.А. Концепт «рождество» как фактор осознания русской духовной культуры // Интерэкспро Гео-Сибирь. 2016.
2. Зыкова И.В. Метаязык лингвокультурологии: константы и варианты. М., 2017.
3. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как элемент языкового сознания // Методология современной психолингвистики: сборник статей. М.; Барнаул, 2003. С. 75–80.

4. Ковинова М.Л. Словарь лингвокультурологических терминов. М., 2017.
5. Лазарева Л.Н. История и теория праздников: учебное пособие. Челябинск, 2015.
6. Никульцева В.В. Индивидуально-авторская трансформация фразеологизмов в поэтическом языке Игоря-Северянина // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке: материалы международной научной конференции. М., 2018. С. 265–274.
7. Никульцева В.В. Индивидуально-авторская трансформация фразеологизмов в произведениях С. Есенина // Сергей Есенин и литературный процесс: традиции, творческие связи: сборник научных трудов. Рязань, 2006. С. 192–215.
8. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка. М., 1985.

Татьяна Викторовна АЗАРОВА

преподаватель кафедры социально-гуманитарных

и общеправовых дисциплин

Московский финансово-юридический университет МФЮА

УДК 882

А.О. Привальская, Л.С. Журбина

**ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ИСТОРИЯ
СКЕПТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ
В ИЗУЧЕНИИ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»**

Аннотация. В статье рассматривается проблема возникновения и история развития скептической школы филологов, считающих «Слово о полку Игоре» не памятником древнерусской литературы XII в., а подделкой более позднего времени.

Ключевые слова: древнерусская литература, скептики, литературная школа, памятник письменности, Древняя Русь.

A.O. Privalskaya, L.S. Zhurbina

**THE CAUSES AND HISTORY
OF THE SKEPTICAL SCHOOL
IN THE STUDY OF «THE LAY OF IGOR'S HOST»**

Abstract. The article examines the problem of the emergence and history of the development of the skeptical school of philologists, who consider «The Lay of Igor's Host» not a monument of ancient Russian literature of the 12th century, but a fake of a later time.

Keywords: Old Russian literature, skeptics, literary school, writing monument, Ancient Russia.

Нынешняя эпоха – век развития новых технологий и выдвижения новых гипотез. Это время, когда человек по-новому смотрит на свою историю и нередко оспаривает теории своих предшественников в гуманитарных науках. Владея обширным арсеналом знаний, накопленных поколениями учёных (историков, культурологов, лингвистов, литературоведов), современный человек нередко сомневается в подлинности того или иного произведения, особенно если это произведение было написано много веков назад.

Споры о подлинности «Слова о полку Игоре» родились сразу после обнаружения его древнейшего списка в конце XVIII в. И, надо отметить, что причины для возникновения таких споров были, так как история текста «Слова» загадочна.

Современная филологическая наука проявляет огромный интерес к подлинности древнерусских произведений, а в особен-

ности к «Слову о полку Игореве». Это заставляет систематизировать накопленные многолетними трудами знания отечественных и зарубежных специалистов и выявить наиболее правдоподобную теорию возникновения этого древнейшего литературного памятника.

«Слово о полку Игореве» по праву считается одним из величайших произведений русской и мировой литературы [4]. В Древней Руси, наверное, не было другого такого памятника, который можно было бы поставить в один ряд со «Словом» по красоте, образности, поэтичности, патриотизму и даже эмоциональности. «Сколько гениальных творцов русской культуры и науки обращали свои взоры к торжественно прекрасной Песни о ратных подвигах русских воинов во время трагичной по своим последствиям битвы при Каяле в 1185 г.! Слову о полку Игореве посвятили многие страницы своих творений Пушкин и Гоголь, Шевченко и Франко, Жуковский и Радищев, Белинский и Бородин», – говорит один из исследователей «Слова» А.А. Зимин [2, с. 8].

История открытия «Слова» до настоящего времени не выяснена во всех подробностях, так как учёные располагают лишь косвенными сведениями, которые кажутся противоречивыми. Как пишет «Энциклопедия “Слова о полку Игореве”», первым сообщением об обретении памятника считают статью Н.М. Карамзина в октябрьском номере журнала «Spectateur du Nord» за 1797 г. под заглавием «Письма о русской литературе» [4].

Первым владельцем памятника древнерусской письменности был Алексей Иванович Мусин-Пушкин, археограф – любитель, коллекционер, издатель древнерусских памятников. Он купил сборник, содержащий, кроме «Слова» другие литературные памятники, не позднее марта 1789 г., а издание было в 1800 г. Было установлено, что Мусин-Пушкин приобрел не оригинал, а список XV–XVI вв. В первом издании владелец рукописи лишь сообщил, что она хранится у него в библиотеке под определённым номером. Позже коллекционер рассказал К.Ф. Калайдовичу, что приобрел у архимандрита Иоила в Спасо-Ярославского монастыре некоторые русские книги. В одной из них – книге «Хронограф», в конце было помещено «Слово о полку Игореве» [4]. Считается, что через 12 лет после издания сборник сторел в московском пожаре. Однако существование и иных версий об источнике приобретения сборника Мусиным-Пушкиным и недоверие к его информации стали причиной зарождения споров о подлинности «Слова».

На протяжении всей истории исследования «Слова» большинство учёных воспринимали его как подлинное произведение древнерусской литературы. Однако А.А. Зализняк подчеркивает «то особое обстоятельство, что в СССР в этом вопросе свободная конкуренция версий была невозможна: версия подлинности «Слова» была фактически включена в число официальных научных постулатов, сомнение в которых было равнозначно политической нелояльности» [1, с. 11].

Однако с самого момента открытия «Слова» возникли сомнения в подлинности этого великого литературного памятника. И это послужило возникновению скептической школы в изучении «Слова».

Однако А.А. Зализняк, который занимается изучением языка «Слова», считает, что «у сочинителя XII века нет ровно никакой заслуги в том, что он написал своё сочинение языком этого века, с диалектными особенностями той области, откуда он был родом... Но имитатор, который хочет достичь того же результата через несколько веков, должен каким-то образом узнать и ни в какой момент не упускать сотни вещей, о которых сочинитель никогда даже не задумывался» [1, с. 28].

Также учёный перечисляет задачи имитатора «Слова» по части подделки языка. К ним относится создание идеального для грамматики и лексики XII в. текста, эмитация эффектов морфологического, фонетического и иного порядка, например, ошибки, сопровождающие нередко переписывание средневекового текста, а также подделка диалектных особенностей северо-западных переписчиков средневековой Руси. Но совершенно невозможно, чтобы имитатор решал такие задачи просто наугад, он должен был обладать в этих вопросах непосредственно обширными и достоверными знаниями [1, с. 32].

История скептических высказываний по поводу возникновения «Слова о полку Игореве» на пять периодов.

Первый этап истории скептической школы – это время «скептиков пушкинской эпохи». Они появились сразу же после выхода памятника в печать и в основном выражали личное мнение при непосредственном обсуждении стиля, а иногда и отдельных слов.

Второй этап развития скептической школы принадлежит более поздней эпохе. Основной представитель этого периода – Андре Мазон (работы 1938–1944 гг.), а предтечами этого этапа стали Луи Леже (работы 1890-х гг.) и М.И. Успенский (исследования 1920-х гг.).

По мнению Леже, оригинал «Слова» вероятно не был создан в XVIII в. под влиянием оссиановских поэм, однако он совершенно не современен описываемым событиям [4].

Также Леже считал, что «независимо от того, относится ли рукопись к XVIII в. или XV в., «Слово» не может расцениваться ни как поэма, ни как произведение народного творчества».

Михаил Иванович Успенский считал «Слово» подделкой конца XVIII в. Он утверждал, что фальсификацией являлся «Тмутараканский камень», и А.И. Мусин-Пушкин осуществил подделку «Слова», чтобы подтвердить якобы мнимую подлинность «камня».

Андре Мазон – французский филолог-славист, президент Института славяноведения в Париже, один из видных зарубежных исследователей «Слова», стоящий на скептической позиции. Он аргументировал свою точку зрения следующим образом. Аутентичность «Слова» мотивировалась до потери в пожаре уникальностью рукописи, а после уничтожения в пожаре сохранилась только единственная копия и самое первое издание. К тому же рукопись была приобретена при невыясненных до конца обстоятельствах и история её происхождения полна противоречивых фактов и данных. Другие списки «Слова» обнаружены не были, поэтому у некоторых ученых остаются подозрения и сомнения. Мазон говорит о «несостоятельности рукописной традиции» [4].

Третий этап развития скептической школы – исследования А.А. Зимина. Центральная идея его работ состоит в мысли о том, что «Слово» – сочинение архимандрита Спасо-Ярославского монастыря Иоила Быковского (1726–1798). Но это не задуманная изначально подделка, а как произведение, исторически стилизованное. А А.И. Мусин-Пушкин уже впоследствии принял решение выдать за памятник древней письменности [1, с. 12].

Четвертый этап развития скептической школы – это 1970–1990-е гг. Основными в это время являются работы К. Троста, М. Хендлера, Р. Айтцетмюллера и др. К. Трост утверждал, что автором «Слова» был Н.М. Карамзин.

В последние годы появилась версия Эдварда Кинана, который считает, что «Слово» – это подделка, создатель которой – чешский лингвист Йосеф Добровский (1753–1829) [5].

Итак, скептики не признают «Слово» памятником XII – начала XIII в., «считая его поздней (XVI в.) записью устного предания, либо – и чаще всего – созданием писателя XVIII века» [4].

На протяжении всей истории изучения «Слова о полку Игореве» рождались и развивались теории и гипотезы о том, что этот литературный памятник является подделкой. Ученые обстоятельно аргументировали свои мнения, доказывали их текстуально и исторически. По этому поводу было написано большое количество исследований, содержание которых проанализировано в работе. Не только наши соотечественники, но и зарубежные лингвисты и литературоведы занимаются проблемами, связанными с авторством и временем написания «Слова». Однако господствующим в науке было и остается мнение о том, что «Слово» – памятник литературы Древней Руси, написанный в конце XII в., почти сразу после описываемых в нем событий. Но множество тайн и неясностей, окружающих «Слово», не проясненная до конца история его рукописи и анонимность его автора служат стимулом для рождения все новых и новых теорий, которые выдвигаются представителями скептической школы.

Библиографический список

1. Зализняк А.А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. М., 2008.
2. Зимин А.А. Слово о полку Игореве. СПб., 2006.
3. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2. Вторая половина XIV–XVI вв. Ч. 1: А – К.
4. Слово о полку Игореве / древнерусский текст, пер. Д. Лихачева, поэтические переложения Л. Дмитриева, В. Жуковского, Н. Заболоцкого, объяснительный перевод Д. Лихачева. М., 1987.
5. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». URL: <http://feb-web.ru/feb/slovoss/ss-abc/> (дата обращения: 29.12.2020).

Анна Олеговна ПРИВАЛЬСКАЯ

*преподаватель кафедры социально-гуманитарных и общеправовых дисциплин
Московский финансово-юридический университет МФЮА*

Любовь Сергеевна ЖУРБИНА

*преподаватель кафедры социально-гуманитарных и общеправовых дисциплин
Московский финансово-юридический университет МФЮА*

УДК 811.111'255.2:6

Д.М. Соегова

О ГАЗЕТНОМ ТЕКСТЕ РУССКОГО ПЕРЕВОДА ЭПОСА О ТУРКМЕНСКОМ БОГАТЫРЕ КЕРОГЛЫ – ЗАСТУПНИКЕ ОБЕЗДОЛЕННЫХ (К 165-ЛЕТИЮ ПУБЛИКАЦИИ)

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с уточнением конкретных дат публикации первых русских переводов глав народного эпоса о Кероглы на страницах газеты «Кавказ» в 1856 г. со стороны переводчика С. Пенна, которые в том же году были изданы им же в виде отдельной книга под названием «Кёр-Оглу, восточный поэт-наездник (Полное собрание импровизаций с присовокуплением его биографии)».

Ключевые слова: народный эпос, газета «Кавказ», переводы на русский язык.

D.M. Soyegova

ABOUT NEWSPAPER TEXT OF RUSSIAN TRANSLATION OF EPOS ABOUT TURKMEN ATHLETE KEROGLY – DEFENDER MADE DESTITUTE (TO THE PUBLICATION 165 ANNIVERSARY)

Abstract. In article the questions connected with specification of concrete date of the publication of the first Russian translations of head of the national epos about Kerogly on page of the newspaper «Caucasus» in 1856 from translator S. Penn which the same year have been published by it in the form of separate the book under the name «Ker-Oglu, eastpoet-equestrian (Full meeting of improvisations with its biographies)» are reconsidered.

Keywords: the national epos, the newspaper «Caucasus», translations into Russian.

Мы неслучайно делаем акцент в своем сообщении на национальную принадлежность народного героя, ибо Александр Ходзько (в 1831–1841 гг. служил в консульстве России в г. Тебризе, Иран), издавший свой английский перевод эпоса в 1842 г. в Лондоне, вводящую статью к нему начинает со словами «The hero of the narrative of our work is Kurroglou, a Turkman Tuka» ('Герой всех рассказов в этом произведении – Кёроглу, и он туркмен-текинец'), которые

им же заимствованы из начала текста самого эпоса: «Kurroglou was a Turkman of the tribe of Tuka» ('Кёроглу был туркменом из племени теке'). Эти же утверждения присутствуют во французских переводах произведения, осуществленных Жорж Санд и Адольфом Брюлье [5, с. 292–294].

Сравнительное исследование, проведенное академиком Б.А. Каррыевым в монографии «Эпические сказания о Кер-оглы у тюркоязычных народов» (М., 1968), построено на основе анализа переводной книги С. Пенна «Кер-Оглу – восточный поэт-наездник» 1856 г. издания [4]. При этом вне поля зрения исследователей остаются первые русские переводы эпоса, хотя отдельные авторы ссылаются на номера газеты «Кавказ» [2, с. 91; 1, с. 50; 6, с. 213 и др.], где были они напечатаны. Но подобные ссылки вызывает справедливое нареkanie, то есть законный вопрос у искушенного читателя: не переходят ли они механически от одной работы в другую и являются ли де визу?

Учитывая вышеизложенное обстоятельство, мы решили внести ясность в этом вопросе. С этой целью через посредства Интернета лично ознакомились непосредственно с теми номерами газеты «Кавказ» за 1856 г. из ее подшивки, хранящейся в Российской Национальной Библиотеке, на страницах которых впервые были печатаны русские переводы С. Пенна из книги А. Ходзько под общим названием «Кёр-Оглу, восточный поэт-наездник (Полное собрание импровизаций с присовокуплением его биографии)». В 21-м номере газеты, вышедшем 11 марта 1856 г., русским читателям было сначала представлено предисловие А. Ходзько к своему английскому переводу.

Как известно, эпос о «Кероглу», переведенный А. Ходзько на английский язык и изданный им же в Лондоне в 1842 г., состоит из 13-и глав, которые названы в переводах «меджлисами». Начиная с середины марта и до конца мая 1856 г. газета «Кавказ» в своих 17-и номерах под рубрикой «Литературный отдел» ознакомила своих читателей самим текстом эпоса о «Кероглу». Следует также отметить, что эта газета в те годы выходила по четвергам и воскресения недели, и то не всех. Более того, в № 25, 28, 29 и 35 она не печатала этот эпос, а на рассмотрение своих читателей внесла другие произведения. В целом по интересующему нас вопросу вырисовывается следующая картина:

1. Предисловие (Вводная статья А. Ходзько) – № 21 от 11 марта 1856 г.
2. Меджлис I и Меджлис II – № 22 от 15 марта 1856 г.
3. Меджлис III (начало) – № 23 от 18 марта 1856 г.
4. [Меджлис III] (окончание) – № 24 от 22 марта 1856 г.
5. Меджлис IV (начало) – № 26 от 29 марта 1856 г.
6. [Меджлис IV] (окончание) – № 27 от 1 апреля 1856 г.
7. Меджлис V (начало) – № 30 от 12 апреля 1856 г.
8. [Меджлис V] (окончание) – № 31 от 15 апреля 1856 г.
9. Меджлис VI (начала) – № 32 от 26 апреля 1856 г.
10. [Меджлис VI] (окончание) – № 33 от 29 апреля 1856 г.
11. Меджлис VII – № 34 от 3 мая 1856 г.
12. Меджлис VIII – № 36 от 10 мая 1856 г.
13. Меджлис IX (начало) – № 37 от 15 мая 1856 г.
14. [Меджлис IX] (окончание) – № 38 от 17 мая 1856 г.
15. Меджлис X – № 39 от 20 мая 1856 г.
16. Меджлис XI – № 40 от 24 мая 1856 г.
17. Меджлис XII (начало) – № 41 от 27 мая 1856 г.
18. [Меджлис XII] (окончание) и Меджлис XIII – № 42 от 31 мая 1856 г.

Если «Предисловие» А. Ходзько в переводе С. Пенна начинается с предложения «Герой настоящего рассказа Кёр-оглу, туркмен из племени тека, уроженец Северного Хорасана, жившего второй половине XVII столетия», то заключительный 13-й меджлис эпоса завершается словами: «Так кончается повесть о Кер-Оглу, и бедный ашик, рассказывая ее, не упускает случая пропеть слушателю панегирик собственного своего сочинения: он жалуется на преследования кокетливой судьбы, советует вам мудрость и воздержание и, в заключение, желает вам прожить 1999 лет, по примеру праотца Ноя, с тем конечно условием, чтобы облако свободы вашей излило поток золота в тощий карман ашнка. С. Пенн».

В конце отметим, что главный герой народного эпоса, изданного А. Ходзько в 1842 г. в Лондоне и переведенного на русский язык С. Пенном в 1856 г. в Тифлисе, по вероисповеданию является мусульманином-шиитом в отличие от туркменского и других среднеазиатских версий эпоса, в которых Кероглы выступает яростным мусульманином-суннитом. Это связано с тем, что А. Ходзько приобрел рукопись версии эпоса, получившего распространение среди тогдашнего туркменского населения в Северном Иране, которое

исповедало ислам шиитского толка. В этой связи уместно вспомнить хотя бы название исторического Туркменчайского договора, заключенного в феврале 1828 г. между Россией и Персией (нынешним Ираном) в селении Туркменчай вблизи г. Тебриза.

Несколько слов о С. Пенне – переводчике эпоса с английского на русский язык, о котором до последнего времени было известно очень мало. Теперь же на сайте «Пермский край. Энциклопедия» можем, в частности, прочитать следующее: Пенн Самуил Самуилович (1828 – после 1889), чиновник, журналист, краевед. Из семьи англичанина, приехавшего в 1836 г. для работы на Воткинский завод. В 1850-е гг. жил в Закавказье, занимаясь переводческой деятельностью. В частности, впервые перевел на русский язык тюркский эпос «Кероглы» [7].

Русский перевод 12 глав (шаха) туркменской версии эпоса «Кероглы», записанной в 1937 г. из уст багши-сказителя Палванбагши, был издан совместно с оригиналом в Москве в 1983 г. под названием «Героглы» в исполнении Б.А. Каррыева при участии Е.А. Поцелуевского [3].

С целью ознакомления современных читателей с первым русским переводом эпоса «Кероглы» в качестве приложения к данной статье восстанавливаем его замыкающую и самую меньшую по объему 13-ю главу (Меджлис XIII), которая опубликована на страницах газеты «Кавказ» в конце мая 1856 г., переводя текст из старого русского правописания на современную орфографию. При этом отдельные имена собственные и этнонимы, переданные с английского на русский язык с грубыми ошибками, подвергались к исправлению: *Кэрат* – Кырат, *Тюркоман* – туркмен, *Тука* – теке. Нами также опущены примечания переводчика.

Библиографический список

1. Грицкевич В.П. Александр Ходзько (1804–1891) и его вклад в развитие иранистики и тюркологии // Страны и народы Востока. Вып. XXV. География. Этнография. История. М., 1987. С. 41–52.
2. Грицкевич В.П. Вклад воспитанника Вильнюсского университета Александра Ходзько в развитие востоковедения // Научные труды высших учебных заведений Литовской ССР. История. XX (1). 1980. С. 85–96.
3. Героглы. Туркменский героический эпос / сост., авт. исследования, ком. и пояснит. словаря Б.А. Каррыев; пер. Б.А. Каррыева при участии Е.А. Поцелуевского. М., 1983.

4. Каррыев Б.А. Эпические сказания о Кёр-оглы у тюркоязычных народов. М., 1968.
5. Чарыев Ш.П. О западноевропейских переводах и переводчиках эпоса о народном герое Кероглу – туркмене-текинце родом с берегов р. Джейхун (Океус) // Россия, Запад, Восток: Диалог культур и цивилизаций: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. 25 октября 2018 г. Стерлитамак, 2018. С. 291–295.
6. Фараджова Э.И. Эпос «Кёр-оглу» в русскоязычных источниках // Научный вестник кафедры Юнеско КНЛУ. Серия: Филология. Педагогика. Психология. Вып. 25. 2012. С. 209–214.
7. Шумилов Е.Н. Пенн Самуил Самуилович. URL: <http://enc.permculture.ru/showObject.do?object=1803700584&idParentObject=> (дата обращения: 29.10.2020).

Приложение

МЕДЖЛИС XIII

Молва о деяниях и импровизациях Кёр-оглу часто доходила до шаха Аббаса II, царствовавшего в Персии с 1051 по 1077 хиджры (или с 1641 по 1666 по Р.Х.). Шах этот несколько раз приглашал наездника к своему двору, обещая ему достоинство главнокомандующего (*сердар*) всеми персидскими войсками. Но мы уже видели, что Кёр-оглу поклялся своему отцу перед смертью никогда не поднимать оружия против шаха персидского; он сдержал клятву, но, тем не менее, отказывался от всех предложений. Шах Аббас, обиженный его отказом, раз, на публичном *селяме* (приветствии) обещал возложить достоинство сердара на того, кто доставит к нему голову Кёр-оглу.

Теперь перенесёмтесь в Шамли-билл и посмотрим, что там делается. Однажды утром цирюльник Кёр-оглу явился, по обыкновению, чтобы обрить ему голову, и поставил перед ним зеркало. Герой наш как-то обратил внимание на свою физиономию в зеркале и, увидя на себе совершенно поседелые усы и бороду, глубоко вздохнул и стал горевать в душе своей. Исса-балли и Айваз, находившиеся при этом, спросили его о причине скорби.

– Как же мне не скорбеть? сказал он: посмотрите, я не имею ни одного черного волоса. Голова моя смотрит уже в могилу, и холодное сердце не горит желанием насладиться мирскими удовольствиями. Жалею только, что во всю жизнь не исполнились два мои желания: первое, посетить Мекку, и второе иметь наследника от одной из жен моих.

Затем Кёр-оглу созвал всех своих слуг и воинов, и провозгласил Айваза преемником своего звания и наследником. «Я стар, сказал он, и клянусь Аллахом, что с этого дня ни разу уж не обнажу моей шашки». Тут он передал свой любимый палаш и велел заколотить его гвоздями с обеих сторон так, чтобы его нельзя было вынимать.

– Я никогда, во всю жизнь мою, – продолжал он, ни одному из земных владык не изъявлял покорности. Шах персидский не раз приглашал меня к себе, но я отказывался. Теперь я желал-бы угодить не какому-нибудь земному царю, но Богу. В Персии ныне царствует Аббас II, из династии Сефи. Без всякой пышности я отправлюсь, один одинёхонек, на своем Кырате, ко дворцу шаха в Испаган, а оттуда в Мекку. Иншаллах, я возвращусь к вам и в уединении, вдали от мира и его преследований, буду ожидать смерти, восхваляя Аллаха и моля его о прощении.

Наконец настал грустный день разлуки. Женщины плакали в гаремах, мужчины на улицах. Кёр-оглу простился со всеми; лишь не мог он разлучиться со своим палашом, и не смотря на то, что уж не мог владеть им, прицепил его к поясу. Затем они пустились в путь-дорогу.

Кёр-оглу скоро своротил с большой дороги и поехал в горы. Здесь он остановился и сказал сопровождавшей его шайке: «Сердце мое полно грусти, я должен пропеть вам что-нибудь на прощанье.

Импровиз. «Весна уже близко; снег тает на горах. Горы – стрелы мои, обнажают свои поверхности, как-бы улыбаясь мне. Вот здесь мой египетский палаш не раз купался в крови. О горы мои! Боевой гул вечно будет раздаваться в ваших эхо! Как я был счастлив, когда блуждал на лонах ваших! Скрываясь в ваших скалах, я выжидал, пока тяжелый караван не появлялся на тех равнинах. О горы мои, вы никогда не выдавали моей тайны. Привет вам, привет!»

При этом все воины горько заплакали. Наездник продолжал.

Импровиз. «Спускаясь с Айвазом в Шамли-билл, мы пили красное вино, бежавшее струями. О горы мои! благодаря вас, я зачастую наполнял свой щит бирюзой, жемчугом, золотом и драгоценностями всего Мира. Я разбил Скутари, высокую, как вы, султанскую крепость. Прощайте, милые горы мои! На ваших высотах я отрывал молодых ягнят от груди матерей их; но сегодня я готов истребить волков ваших и выть подобно им».

Импровиз. «Кёр-оглу говорит: я пришел в этот мир и узнал цену минувших дней. – Я умер в тот самый день, когда мать произвела меня на свет. У меня два брата, это палаш и конь мой; а вы, горы, вы сестры мои». Кёр-оглу простился с своей шайкой в Газлн-гулле, наказав им жить между собой в мире и согласии.

Импровиз. «О воины! не предавайтесь отчаянно, не шадите обоюдной помощи и дружбы. Говорите правду без лицемерия и никогда не переступайте границ вашего долга.

Импровиз. «Я готов пасть жертвой прямодушного человека. Да погибнет весь род мошенников и лицемеров; да пошлет Аллах страдания трусу. О человек! когда нет охотника купить у тебя товар не развязывай тюков своих. Люди зовут меня Кёр-оглу; я уже сто лет живу на свете, и знаю, как идут мирские дела!»

После этого герой наш обнял своих воинов и, обещав им возвратиться через год, поехал один в Испаган.

Мы сказали выше, что шах Аббас прогневался на Кёр-оглу; но еще не говорили, что шах этот удалил от службы двух придворных, за дурное поведение; имена их – Алмас-хан и Бехрам-хан...

На ночь Кер-оглу остановился в Кухруде, небольшом городке между Испаганом и Кашаном. Случилось, что упомянутые ханы, охотясь в здешних окрестностях, заметили всадника с седою бородой. Старость не могла лишить его выражения силы и мужества; но в особенности конь привлек внимание ханов. Алмас-хан приблизился к наезднику и, низко кланяясь, спросил, откуда он.

– Я еду из Шамли-билля в Испаган для изъявления покорности шаху. Я туркмен, родом из теке, и называюсь Кёр-оглу.

Алмас-хан струсил, услышав знаменитое имя, и произнес: воин! шах несколько раз приглашал тебя к своему двору, но ты всегда отказывался; а теперь ты идешь туда один, без всякой пышности, с побелевшей бородою.

– В этом мире всему есть конец, отвечал наездник. Я клянусь не проливать более крови, и желаю спокойно провести остаток дней моих, прославляя Аллаха. Я еду в Мекку, чтобы там и спросит себе прощение.

– Но воин, будь добр ко мне и сотоварищу моему, Бехрам-хану, останься переночевать с нами. А в душе своей Алмас-хан думал: вот прекрасный случай вновь снискать шахскую милость. Мы его уьем

и голову отвезем в Испаган; шах, конечно, сдержит свое обещание и сделает меня сердаром, или хоть возвратит нам прежние места.

Кёр-оглу согласился. Бехрам-хан и Алмас-хан оказывали ему все знаки дружбы и уважения. И после ужина герой наш, утомленный долгим путем, лег и заснул крепким сном.

Первым действием ханов было то, что они вырезали у Кырата жилы на ногах, и потом с своими невольниками, в числе 30 человек, бросились на спящего Кер-оглу. Скоро он пробудился, и кулаками пробив себе дорогу, побежал в конюшню; тут он увидел своего верного Кырата, купавшегося в крови, схватился руками за голову и стал кричать и впитать как ребенок. – Злодеи! говорил он, подойдите поближе! Вы убили моего коня, – вот вам и грудь моя. Я не буду защищаться более, лишите и меня жизни. Без Кырата я ничто в этом мире.

Импровиз. «О непостоянная судьба! Как не высказать мне перед лицом всего света о твоём коварстве? Ты никогда и никому не благоприятствовал до последней минуты. Смерть, всегда и везде, – последняя твоя награда. Скольких владык уподобила ты змее, пресмыкающейся на земле? Разве ты не сказала еврею Иосифу: «ты должен быть рабом», и затем продала его как негодный товар? А что сделала ты со владыкам всего мира? Где этот Сулейман, повелитель дивов и пери? Не потерял ли падишах Кау-каун, этот второй Рустем, жизнь свою в игре со смертью?»

После этого, обращаясь к Алмас-хану, он сказал: ты не только злодей, но и дурак безмозглый. Если ты желал шахских милостей, тебе стоило только попросить меня об этом.

Импровиз. «Истинный воин должен сложить свою голову на поле битвы. Ружья и карабины поют ему предсмертную песню. О смерть! Кого пощадила ты? Самый хитрый из людей Бабай-Амир, раз ускользнувший из когтей твоих, думал, что навсегда избавился тебя, но не поймала ли ты его, когда он скрывался в засаде? Сердце Кер-оглу-барана не боится тебя, в надежде, что обеты его будут приятны Аллаху. Пощадила ли ты даже Гассана и Гусейна, этих подножий престола Божия на седьмом небе? Нет! Ты сделала их мучениками».

Окончив песню, Кер-оглу благочестиво совершил свой намаз и без сопротивления отдался в руки злодеев. Алмас-хан и Бехрам-хан отрубили ему голову, содрали кожу с черепа и, набив ее соломой,

отправились в Испаган. Шах, узнав об этом, собрал селямь; голова Кер-оглу была внесена на золотом подносе и поставлена перед тронном, как вдруг из ней брызнула капля крови и упала на край шахской одежды. Шах подумал: «кровь эта, вероятно, пролита невинно», и вскоре убедился в справедливости своего подозрения.

Оба злодея были скованы и брошены в яму; в Шамлин-билл отправился курьер с шахским фирманом, чтобы узнать все подробности смерти Кёр-оглу

Спустя несколько дней, Айваз, Дали-Ахмед, Иссабалли, Демурчи-оглу и Кимчи-оглу – прибыли с ответом ко двору. Шах принял их весьма ласково, и со вниманием выслушал рассказ их о своем начальнике. Удрученные горем, они бросились на землю и своими рыданиями заставили плакать всех жителей Испагана. – Алмас-хан и Бехрам-хан понесли достойную казнь. Сверх того, шах, в воспоминание их преступления, совершенного в городке Кухруде освободил тамошних жителей от всех пошлин, с той целью, чтобы они всегда молились Аллаху о помиловании души Кер-оглу, По шахскому же фирману тело Кер-оглу вместе с головою было предано земле со всеми почестями. Хорошенький мавзолей, сооруженный на том месте, виден и в настоящее время. Айвазу был пожалован почетный халат и звание шамлибильского правителя.

(Газета «Кавказ» от 31 мая 1856 г. № 42.)

Дуния Мурадгелдиевна СОЕГОВА

преподаватель, член кафедры русского языка

Туркменский государственный университет им. Махтумкули, г. Ашхабад

УДК 81

С.В. Тыранова

ИССЛЕДОВАНИЕ КОНЦЕПТА И КОНЦЕПТОСФЕРЫ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы исследования концептов и концептосферы на современном этапе развития отечественного языкознания. Описаны многообразные направления в области изучения концептов и концептосферы.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концепт, концептосфера.

S.V. Tyranova

RESEARCH OF THE CONCEPT AND THE CONCEPT SPHERE IN MODERN RUSSIAN LINGUISTICS

Abstract. The article deals with topical issues of research of concepts and the concept sphere at the present stage of development of Russian linguistics. Various directions in the field of studying concepts and the concept sphere are described.

Keywords: cognitive linguistics, concept, conceptosphere.

Значительную роль в развитии современной лингвистики играют когнитивные исследования в свете антропоцентрической парадигмы.

Термин «концепт» прочно вошёл в терминологическую систему таких научных направлений, как лингвокультурология, когнитивистика, семантика. Современными языковедами была предпринята попытка определить специфику концепта, его определяющую роль в языковедческих дисциплинах. Наметилось общее представление о концепте как о единице языка и культуры в их взаимосвязи и взаимодействии (Н.Д. Арутюнова, А.П. Бабушкин, А. Вежбицкая, В.В. Колесов, Д.С. Лихачев, Ю.С. Степанов и др.). Однако понимание этого термина в современных исследованиях представлено поразному. В одних случаях концепт отождествляется с традиционным языковым значением [7, с. 73]. В других он может быть истолкован как явление того же порядка, что и понятие [14, с. 42]. Уместно будет процитировать Д.С. Лихачева, который указывал: «В современной научной литературе концепт и понятие – явления не «того же порядка,

что и значение слова», – как уже отмечалось, – концепт значительно шире значения» [11, с. 281]. Из чего следует общий вывод о неоднозначности трактовки термина «концепт», обусловленный сложностью самого феномена.

Цель данной статьи – представить вопрос о проблеме концепта и концептосферы в современной отечественной лингвистике.

Первым из мировых лингвистов, обратившихся к исследованию концептов, является Сергей Алексеевич Аскольдов. Им была выделена и обозначена наиболее важная функция концептов – функция заместительства [2, с. 268]. Концепт, являясь результатом мыслительного процесса, замещает множество предметов одного и того же рода. Он способен замещать как реально существующие вещи, так и некоторые стороны предмета или реальных действий.

В дальнейшем Д.С. Лихачев, опираясь на труды С.А. Аскольдова, полагал, что концепт существует не для самого слова, а для каждого основного (словарного) значения слова отдельно, и предложил считать концепт «алгебраическим» выражением значения, которым мы оперируем в своей письменной и устной речи, ибо охватить значение во всей его сложности человек просто не успевает, иногда не может, а иногда по-своему интерпретирует его (в зависимости от своего образования, личного опыта, принадлежности к определенной среде, профессии и т.д.) [11, с. 151].

Исходя из представлений о концепте и исследований процессов их образования, становление концепта можно представить как процесс упрощения действительности до определенного минимума, налагаемого ограниченностью ресурсов человеческой памяти и сознания.

Сложность в выборе конкретной трактовки концепта, многообразии их определений объясняется выбором подхода, которого придерживаются учёные. В современной науке существуют два основных подхода к изучению концептов: лингвокогнитивный и лингвокультурологический.

К представителям когнитивной лингвистики относят А.П. Бабушкина, Н.Н. Болдырева, Е.С. Кубрякову, И.А. Стернина и др. В рамках данного направления концепт определяется как единица оперативного сознания, которая является отражением факта действительности [9, с. 58]. В процессе мыслительного конструирования

предметов и явлений окружающего мира концепты отражают содержание полученных знаний.

Представителями лингвокультурологического направления являются Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, С.Х. Ляпин, Д.С. Лихачев, Ю.С. Степанов, Л.О. Чернейко и др. С этой точки зрения концепт рассматривается как ментальное образование с этносемантической спецификой.

Н.Д. Арутюнова и Р.И. Павиленис предложили логическое направление в исследовании концептов, специфика его заключается в трактовке понятия концепта как понятия практической (обыденной) философии, являющейся результатом взаимодействия таких факторов, как национальная традиция, фольклор, религия, идеология, жизненный опыт, образы искусства, ощущения и система ценностей. Концепты образуют «своего рода культурный слой, посредничающий между человеком и миром» [1, с. 37].

В настоящее время в лингвистике активно происходит развитие когнитивного направления, цель которого заключается не только в исследовании языка, но и в исследовании когниции, подразумевающей исследование познавательного процесса (умственные, интеллектуальные способности человека).

В современной лингвистике без когнитивного направления трудно представить изучение лексического уровня языка. Когнитивное направление является плодотворным по причине того, что позволяет систематизировать словарный состав по-новому с помощью концептов. При концептуальном анализе языка возможны новые интерпретации лексических значений, выделение общих, универсальных понятийных категорий, которые могут формироваться в концепты.

Представления и общие понятия впоследствии объединяются в систему знаний о мире. Данная система состоит из различных концептов, имеющих разный уровень сложности и абстракции, сформированных различными способами. Обозначим, что в когнитологии используется понятие «концептуальная картина мира» [4, с. 45], а для отдельных её частей – понятия «концептуальная область или сфера» (концептосфера языка, концептосфера человека и т.д.). Концептосфера или совокупность концептов раскрывает ментальную модель действительности, отражающуюся в языке вообще и в языковом сознании конкретных носителей языка, в частности.

В настоящее время исследование концептов приобретает всё большую популярность. Более того, значительно возрастает интерес к изучению межязыковых связей, поэтому когнитивные исследования с каждым годом расширяют тематику за счёт языковой интеграции. Анализ материалов Международного конгресса по когнитивной лингвистике 12–18 октября 2018 года» Когнитивные исследования языка» выпуск XXXIV [5, с. 57–455] обширно представил разные исследования, в которых предметом анализа являются концепты. Большое количество научных статей по тематике вербализации концептов в семантике английских лексем; анализы концептов в других лингвокультурах, например, в удмуртской, татарской и т.д.; историческое развитие концепта и его смыслообразующие роли в дискурсах; особенности репрезентаций концептов в русской и английской лингвокультуре и выявление их когнитивно-функциональных особенностей. Широко представлены исследования различных концептов в аспекте профессиональной коммуникации и терминологии (медицина, наномедицина, экономика). Материалы Международного конгресса по когнитивной лингвистике 17–18 сентября 2020 г. «Когнитивные исследования языка» выпуск 2 (41) [6, с. 30–520] наглядным образом демонстрируют, что когнитивные исследования не только не потеряли своей актуальности, но и расширили научно-исследовательское поле, обнаружив новые объекты для изучения. Межкультурное взаимодействие положительно отразилось в научной деятельности учёных-лингвистов, поэтому наиболее популярными в настоящее время являются темы о репрезентации различных концептов в рамках межкультурного диалога. По причине активного интереса к изучению русского языка как иностранного увеличилось количество публикаций на тему концептуализации образа России в учебниках русского языка как иностранного и т.п. Кроме того, внимание к концептосфере русского языка при обучении иностранцев значительно увеличивает потенциал когнитивной лингвистики, дающей богатые возможности в использовании языка как средства эффективной межкультурной коммуникации.

Важно обозначить, что актуальными остаются темы о сопоставлении концептов в языковой картине мира в разных лингвокультурах, лингвистам интересно рассматривать способы репрезентаций (лингвистические, метафорические и т.д.) концептов в иностранных

дискурсах, отечественной прозе и в рекламе, также следует выделить исследования, связанные с моделированием концептов на основе русского национального корпуса.

Ряд монографий последних лет посвящен актуальным проблемам когнитивной лингвистики [3, с. 1–229], рассматриваются основные направления и тенденции развития лингвоконцептологии как одного из ключевых разделов когнитивной лингвистики [10, с. 1–624]. Исследователи-языковеды в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы выделяют и анализируют концепты в структуре картины мира, их языковой репрезентации в разных типах дискурса [13]. Исследуется динамика концептов и концептосфер, изучается специфика их взаимодействия сквозь призму лингвосомиотики, лингвокультурологии и социолингвистики. Разрабатываются макроконцепты, обобщаются лингвистические взгляды на концепт как на ментальное образование, отмеченное этнокультурной спецификой и находящее языковое выражение. На базе различных материалов (русский язык, художественные произведения и т.д.) исследуются понятийная, метафорическая, образная составляющие семантики того или иного концепта. В авторефератах кандидатских диссертаций излагаются вопросы современной концептуальной лингвистики, с помощью комплексных методов исследования обширно анализируются концепты.

В заключение важно отметить значимость и актуальность когнитивной лингвистики в настоящее время. Неугасаемый интерес учёных-лингвистов к изучению концептов и концептосфер, многообразие научного материала, демонстрирующее широкое научно-исследовательское поле когнитивной лингвистики, взаимодействие культур и укрепление межнациональных связей позволяют говорить о дальнейшем перспективном будущем когнитивной лингвистики в масштабах как современной отечественной науки, так и мировой.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
2. Аскольдов С.А. Русская словесность: От теории словесности к структуре текста: антология / под общ. ред. В.П. Нерознака. М., 1997. С. 267–279.
3. Бабушкин А.П., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика и семасиология. Когнитивная лингвистика и семасиология. Воронеж, 2018.
4. Болдырев Н.Н. Концепт и значение слова. Воронеж, 2001.

5. Codnitio и Communicatio в современном глобальном мире: материалы VII Международного конгресса по когнитивной лингвистике. Вып. XXXIV. 10–12 октября 2018 г. / отв. ред. Л.А. Манерко. М., 2018.
6. Когнитивно-дискурсивная парадигма в лингвистике и смежных науках: современные проблемы и методология исследования: материалы X Международного конгресса по когнитивной лингвистике. Вып. № 2 (41). 17–20 сентября 2020 г. / отв. ред. вып. А.П. Чудинов. Екатеринбург, 2020.
7. *Гажева И.Д.* Опыт концептуального анализа имени игра // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2000. № 4. С. 73–81.
8. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты. Дискурс. М., 2004.
9. *Кубрякова Е.С.* Обеспечение внутренней деятельности и проблемы внутреннего лексикона // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. М., 1991. С. 278.
10. *Левицкий А.Э., Потапенко С.И., Воробьева О.П и др.* Лингвоконцептология: перспективные направления. Луганск, 2013.
11. *Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: антология / под общ. ред. В.П. Нерознака. М., 1997. С. 280–287.
12. *Маслова В.А.* Введение в когнитивную лингвистику. М., 2007.
13. *Никольцева В.В.* К вопросу о лексической реализации концептов в неолексиконах Игоря-Северянина и Давида Бурлюка // Филологи земли орловской: истоки и развитие направлений исследования: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (23–24 октября 2020 года) / под ред. Ж.А. Зубовой. Орел, 2020. С. 223–235.
14. *Степанов Ю.С.* Константы: словарь русской культуры. М., 2004.

Софья Валерьевна ТЫРАНОВА

студент

Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского

УДК 81

П.Ю. Красильникова

НАСЫЩЕННОСТЬ КОННОТАТИВНОЙ СЕМАНТИКИ СЛОВ РАЗНЫХ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ГРУПП

Аннотация. В статье поднимается вопрос о разной степени и разном типе коннотативной насыщенности слов, принадлежащих к разным частям речи и лексико-семантическим группам. Механизм возникновения коннотативных элементов значения существительных связывается с критериями значимости называемого словом предмета или явления. Подробно рассмотрены абстрактные существительные, обозначающие человеческие чувства и состояния, выдвинуто предположения о специфическом типе их семантики. Обоснована целесообразность исследования коннотаций лексем, называющих предметы или явления, доступные человеку для осмысления в период становления культурной традиции, среди таких слов выделена лексико-семантическая группа зоонимов.

Ключевые слова: коннотация, абстрактные существительные, зоонимы, вторичные моделирующие системы, мифопоэтическое, мифологический символ, язык художественной литературы, философия языка.

P.Y. Krasilnikova

CONNOTATIVE SEMANTICS INTENSITY OF THE WORDS OF DIFFERENT LEXICAL-SEMANTIC GROUPS

Abstract. The article raises the question of different degrees and different types of connotative intensity of words belonging to different parts of speech and lexical-semantic groups. The mechanism of the connotative elements of the meaning of nouns associated with the criteria of nominated object's or phenomenon's significance. Abstract nouns denoting human feelings and states of mind are considered in detail, and an assumptions about the specific type of their semantics are put forward: the division of denotative and connotative sides of the meaning becomes even more difficult, and therefore the analysis of the connotative component is also difficult. The reasonability of the study of the connotations of lexemes that call objects or phenomena available to man for understanding in the period of the formation of cultural tradition is substantiated. The lexical-semantic group of zoonyms is singled out among these words and it is exemplified by the history of use of the lexeme cow in the poetic language. The contextual implementation of this lexeme's connotative elements of semantics is described in details.

Keywords: connotation, abstract nouns, secondary modeling systems, mythological symbol, the language of literature, philosophy of language.

Рассуждение об определённых типах коннотированности лексем неизбежно приводит нас к той мысли, что все стороны коннотации как явления разнятся как для разных частей речи, так и для разных лексико-семантических групп.

Мы предполагаем, что коннотация как таковая появляется у того или иного слова в момент пересечения обозначаемым им объектом или явлением определённого порога значимости для языкового сознания или, что более актуально для современной информационной ситуации, при возрастании частоты употребления слова в схожих контекстах. Значимость эта может быть как практической (относительно практической, поскольку поклонение тотему племени тоже несло для исполняющих его чисто практический смысл), так и эмоциональной.

Понимая под самим фактом коннотированности противопоставление денотации, следует признать, например, что для таких слов, как абстрактные существительные и наречия, обозначающие чувства и оттенки человеческих чувств, проблема разграничения разных компонентов значения одной лексемы и её внешних связей (например, отношений синонимии и антонимии) не может иметь решения как таковая. Этот тезис продиктован нам неопределённостью денотата как такового, а следовательно, и лабильностью всех сторон семантики слова. Иначе говоря, если исходить из сформулированного выше представления о формировании коннотации на основе увеличения значимости, то слова, называющие состояния души человека и незримые абстракции, являются, скорее, названием суммы коннотаций, суммы оттенков значений одного неопределимого понятия.

Языковые способы выражения и описания состояний души, как и соответствующие этим состояниям ритуалы культуры (оплакивания, поздравления и т.п.), будучи закреплены в определённой форме, слабо связаны с содержанием чувства. Так, рассуждая о слагаемых ритуала скорби, М. Мамардашвили говорит, что «они, действуя на человеческое существо, переводят, интенсифицируя, его обычные состояния в другой режим жизни и бытия, в тот режим, в котором уже есть память, есть преемственность, есть длительность во времени, не подверженные отклонениям и распаду (которым они были бы подвержены, если бы были предоставлены естественному ходу самих натуральных процессов). Мы помним, мы любим, мы

привязаны, имеем совесть (эти чисто человеческие состояния), когда мы прошли, как мясо, через формообразующую или делающую фарш машину» [5, с. 17–18].

«Целью изучения любой знаковой системы является определение её содержания» [4, с. 22]. Реальное же содержание называемых словами чувств никакими научными методами проанализировано быть не может, но лингвистическая сторона этого вопроса, естественно, может иметь решение, связанное с рассмотрением существующих языковых структур, а не гипотетических построений, «потому что любая попытка детерминистского осознания начальных условий уже содержит в себе в скрытом виде сами эти начальные условия <...> генетически предшествующее начальное условие исчезло и не восстановимо» [6]. Невозможен даже метаязык для содержательного описания тех оттенков чувств, которые проявляются в человеке вне традиционного контекста употребления таких слов, как *боль*, *тоска*, *любовь*, то есть они создают свои значения сами, входя в концептуальную картину мира человека с детства и регулируя его представления о себе и мире на протяжении всей жизни. Примечателен в этом контексте миф о древнеиндийской богине речи Вач. В посвящённом ей гимне она описывает себя сама и сама же называет своё имя в анаграмме. «В. выше неба и шире земли. Она – владычица и собирательница богатств, наделяет ими всех; кого она любит, тот становится сильным, мудрым. <...> Она порождает споры между людьми и насыщает тех, кто слышит сказанное ею. <...> Её называют божественной, царицей богов. <...> Шат.-бр. говорит о ней как об одной из жён Праджапати, создавшего воды из мира в образе речи. <...> Образ В. сложился на основе др.-инд. представлений о триаде мысль–слово–дело» [9, с. 72–73]. В толковании сложных понятий, выраженных, например, абстрактными существительными, не имеющими вещественного значения, вопрос о разграничении языка-объекта и языка метаописания нам не представляется разрешимым. Если неопределима область денотации, то и судить об объёме и границах коннотации кажется невозможным, само разделение этих макрокомпонентов в структуре значения до некоторой степени условно.

Единственная область, в рамках которой возможно говорить о коннотациях подобных лексем – вторичные моделирующие си-

стемы художественного, этического, идеологического или иного типа [4, с. 23]. Коннотативные элементы развиваются на основе денотации в результате включения слова в определённые отношения с другими элементами вторичной моделирующей системы. Так, М.Ю. Лотман приводит яркий пример вычленения контекстуальной коннотации лексемы *гений*, называемой им «значением понятия в системе романтизма» [4, с. 25], на основе антитезы *гений – толпа*, накладывающейся на оппозиции «величие – ничтожество»; «исключительность, необычность – пошлость, заурядность»; «духовность – материальность»; «творчество – животность»; «мятеж – покорность» и т.п., то есть, все первые и все вторые члены оппозиций являются «вариантами некоего архизначения» [4, с. 26], которое для нас и становится направлением и характером актуальной коннотации этих лексем. «Значение элементов возникает в их отношении» [4, с. 29], а для исследования коннотации отношение друг к другу таких лексем, как абстрактные существительные, позволяет не только наблюдать проявление их значения, но и разделять коннотативный и денотативный макрокомпоненты значения, а также анализировать содержание этих компонентов. Однако нельзя упускать из виду тот факт, что реляционные элементы значений по очевидным причинам не должны переноситься в другие системы без дополнительного рассмотрения, то есть они остаются актуальными только в рамках своей или схожих вторичных моделирующих систем.

Примером, иллюстрирующим наше предположение, является эссе М. Аморузо о семантике португальского слова *saudade*, в котором автор описывает бытование этого понятия в национальных культурах и множество его нюансов: «Обычно под *saudade* имеют в виду смесь грусти, томления и любви. Сами португальцы утверждают, что это особое чувство “тоски по несбыточному и безвозвратно ушедшему”. <...> Человек может испытывать *saudades* (формы единственного и множественного числа взаимозаменяемы) по людям или местам, а также по звукам, запахам, вкусам и еде. Можно даже испытывать *saudades* по самой *saudade*. <...> В 1912 году португальский поэт Тейшейра де Пашкуайш определил *saudade* как “жажду чего-то любимого, обернувшуюся болью отсутствия”. <...> Большинство специалистов сходятся во мнении, что эта форма происходит от латинского *solitudo* (“одиночество”), на которое позже оказало влияние португальское слово *saudar* (“приветствовать”), прежде чем обрести

свою нынешнюю форму. Но некоторые исследователи предлагают альтернативные этимологии – так, согласно одной из версий, *saudade* восходит к арабскому слову *sawdā*, которое означает мрачное или меланхоличное настроение. Это полемика с высокими ставками: *saudade* неотъемлема от португальского самопонимания, а вопрос о происхождении этого слова сопряжён с более глубокими факторами в определении португальской этнической принадлежности и идентичности. <...> Бразильские интеллектуалы часто проводят различие между собственной *saudade* и португальской. В 1940 году бразильский писатель Освальдо Орико описал бразильскую *saudade* как “более радость, чем печаль, более воображение, чем боль... это *saudade*, которая не плачет, а поет”. <...> Но *saudade* также может отличаться неодобрением или возмущением» [1].

Так и русские слова *тоска*, *тревога*, *тщета*, *отчаяние* могут иметь функционально-стилистически ограниченное употребление, могут характеризоваться определённой традицией использования, однако структурные вопросы коннотированности для лексем такого рода не могут быть решены, как мы уже отмечали выше, из-за их в буквальном смысле слова метафизической отнесённости, то есть умозрительности денотации.

Вопрос соотношения сторон языкового знака интересен применительно к оценочным словам, принадлежащим к разным частям речи. Спорная во многом гипотеза Сепира-Уорфа подкрепляется рассмотрением элементарного вопроса «Что такое хорошо и что такое плохо?». Точный и не требующий доказательств ответ на этот вопрос возможен только при лингвистическом подходе: это антонимичные друг другу наречия, соответствующие противоположным точкам на оценочной шкале. Человек с рождения слышит характеристики чего-либо в рамках этой оппозиции и считает её полностью реальной и доступной для осмысления, хотя сама оппозиция не существует нигде, кроме как в языке. Существует, конечно, и крайность в стремлении относить даже самые ясные из основных значений к условным: «По примышлению – сладкое, по примышлению – горькое, а в действительности атомы и пустота» [5, с. 89], но мы ограничимся выводом об отсутствии у абстрактных существительных возможности развивать систему коннотативных значений, так как их семантика уже перенасыщена примышлением большого количества разнородных признаков. Так, на наш взгляд, слово *горе*

не имеет собственных коннотаций, в него включён неизмеримо широкий и детализированный диапазон человеческих чувств и оценок, которые сами по себе и являются источниками коннотированности в языке, но фразеологизм *горе луковое*, где этот диапазон сужен благодаря иронической окраске, может реализовывать в контексте дополнительные оттенки значения.

Совершенно иная природа семантики у тех лексико-семантических групп существительных, которые обозначают предметы и явления, близкие человеку в период становления языковой традиции. К ним относятся пространственные характеристики, явления и объекты неживой природы, растения, животные, элементарные предметы обихода, части человеческого тела и детали облика (невербальные средства коммуникации). Коннотативная семантика этих слов очень богата, имеет по большей части культурную обусловленность и, в отличие от абстрактных существительных, определённым образом прямо или косвенно связана с денотатом. Так, даже полностью, казалось бы, нейтральные понятия ориентационных признаков имеют сложную систему сопутствующих значений, что подробно описано в широко известной книге «Метафоры, которыми мы живём» Дж. Лакоффа и М. Джонсона [2, с. 35–46].

Мы не имеем цели в данной работе тщательно анализировать коннотативную нагруженность всех частей речи и лексико-семантических групп, но и при поверхностном рассмотрении становится очевидной перспектива плодотворного изучения системы дополнительных культурных коннотаций именно той лексики, с предметами номинации которой у языкового сознания самые долгие и самые глубокие отношения. Человеческая фантазия и способность к абстрактному мышлению способствовали развитию сложной культуры. В языке эта динамика отразилась на всех уровнях, на грамматическом – эксплицитно, в виде появления грамматических категорий и изменения структуры предложения [3, с. 280–408], на лексическом – имплицитно, в форме разветвлённой коннотативной системы слов. Лексемы, обозначающие доступные человеку для осмысления объекты, вобрали в свою семантику всё, что было менее доступным, но привлекало к себе внимание, опережая позитивное знание происходящего в мире. Так, человеческое тело и его части вобрали в себя не только все процессы мироздания и социальную

организацию, но и происхождение всего сущего в мифе о перво-человеке Пуруше [10, с. 184–186]. Лексико-семантическая группа зоонимов, выступавшая в давние времена как один из основных мифологических кодов [9, с. 170], сохранила в своей активной, то есть интерпретируемой и сейчас, коннотативной семантике множество элементов – осколков более древних представлений о мире. В этом вопросе преимущество зоонимов перед названиями бытовых предметов и фитонимов обусловлено неязыковыми факторами.

В настоящей работе мы обращаемся к исследованиям В.Н. Топорова о мифопоэтическом, так как общие мифы и коннотации, закрепляющие фрагменты мифов, сохраняются в языке и мышлении дольше всего. Таким образом, именно коннотации оказываются той частью семантической сферы языка, которая не только вмещает значимые для определённой культуры свойства номинируемого предмета или явления, но, что более важно, позволяет составить представление о том, как и почему у тех или иных языковых коллективов складывалась определённая система ценностей. Элементарным примером в данном случае является слово *корова*, коннотированное в русском языке достаточно узко и даже несущее пейоративную семантику в переносном значении. В поэтической речи примеров такого употребления мало по понятным причинам, зато в разговорной речи человека низкой культуры их представить несложно. Здесь мы сталкиваемся с любопытной особенностью русского языкового сознания, которая заключается в тенденции к присвоению одомашненным, полезным в хозяйстве животным негативных характеристик, относимых обычно к людям (глупость, нечистоплотность, упрямство, лень и т.п.). Напротив, заимствованные из мифов других народов мифологические представления, которые воплотились в коннотациях, присутствующих во фразеологизме *священная корова* (индуизм, джайнизм, зороастризм) и порождённых представлением о *небесной корове* (древнеегипетская мифология), отличаются мелиоративными оттенками или отражают нейтральные свойства: «то, о чём не следует говорить, или обладание правовым иммунитетом» [8]. Интересно, что такое употребление, основанное на заимствованной мифологии, становится характерным для языка русской поэзии начала XX века, что, на наш взгляд, объясняется волной популярности экзотических древних культур и религий Вос-

тока среди образованных людей. Ср.: *Я смиренная корова; / Нраву я была простова; / Грех мой, право, не велик: / Ободрал меня мясник* (В.А. Жуковский, 1815) [7]; *Один из них был тот, чей бык намнясь пропал, / Другой, – корова чья намнясь с двора пропала* (А.П. Сумароков, 1755) [7]; *Зашла раз корова к отцу за погост, / Махнул я её через крышу за хвост* (А.К. Толстой, 1867) [7] и *Бык на цепи золотой, / В небе высоко ревет... / Вон и корова плывёт* (А.Н. Толстой, 1909) [7]; *Стихны, ветер, / Не лай, водяное стекло. / С небес через красные сети / Дождит молоко. / Мудростью пухнет слово, / Вязью колося поля, / Над тучами, как корова, / Хвост задрала заря* (С.А. Есенин, 1917) [7]; *И Великий Сфинкс, как корова, / На Сахару прольет удой* (Н.А. Клюев, 1921) [7].

Наиболее ярко мифопоэтическая образность раскрывается лексемой *корова* в поэзии Н.А. Заболоцкого: *Я спал, овчиною закутан, / и вдруг открылся небосклон / С большим животным институтом. / Там жизнь была всегда здорова / И среди большого зданья / Стояла стройная корова / В венце неполного сознания <...> Там кони, химии друзья, / Хлебали щи из ста молекул, / Иные, в воздухе вися, / Смотрели, кто с небес приехал. / Корова в формулах и ленгах / Пекла пирог из элементов, / И перед нею в банке рос / Большой химический овёс* (Начало науки, 1931) [7]; *Послушайте, деревья, речь / О том, как появляется корова* (Пир в доме Бомбеева, 1933) [7].

Связь с общеиндоевропейскими представлениями о мировом древе особенно отчётливо проявляется в стихотворении Н.А. Заболоцкого «Искусство»:

Дерево растёт, напоминая
Естественную деревянную колонну.
От неё расходятся члены,
Одетые в круглые листья.
Собранье таких деревьев
Образует лес, дубраву.
Но определение леса неточно,
Если указать на одно формальное строенье.
Толстое тело **коровы**,
Поставленное на четыре окончания,
Увенчанное хромовидной головою
И двумя рогами (словно луна в первой четверти).

Тоже будет непонятно,
Также будет непостижимо,
Если забудем о его значенье
На карте живущих всего мира.
Дом, деревянная постройка,
Составленная как кладбище деревьев,
Сложенная как шалаш из трупов,
Словно беседка из мертвецов, –
Кому он из смертных понятен,
Кому из живущих доступен,
Если забудем человека,
Кто строил его и рубил?
Человек, владыка планеты,
Государь деревянного леса,
Император коровьего мяса,
Саваоф двухэтажного дома, –
Он и планетою правит,
Он и леса вырубает,
Он и **корову** зарежет,
А вымолвить слова не может.
Но я, однообразный человек,
Взял в рот длинную сияющую дудку,
Дул, и, подчинённые дыханию,
Слова вылетали в мир, становясь предметами.
Корова мне кашу варила,
Дерево сказку читало,
А мёртвые домики мира
Прыгали, словно живые (1930) [7].

Дерево символизирует общечеловеческую культуру, но оно подчинено и бытовой функции, поскольку из него построено множество домов; так же и небесная корова, орошающая мир своим молоком, изменила своё место в иерархии. Образ человека-мясника, разрушившего естественный порядок жизни и расчленившего небесную корову, встречается в уже упомянутом стихотворении «Пир в доме Бомбеева»:

Послушайте, деревья, речь
О том, как появляется мясник.

Его топор сверкает, словно меч,
 И он к убийству издавна привык.
 Ещё растеньями бока **коровы** полны,
 Но уж кровавые из тела хлещут волны,
 И, хлопая глазами, голова
 Летит по воздуху, и мёртвая **корова**
 Лежит в пыли, для щей вполне готова,
 И мускулами двигает едва.
 А печка жизни всё пылает,
 Горит, трещит элементар,
 И человек ладонью подсыпает
 В мясное варево сияющий кристалл.
 В желудке нашем исчезают звери,
 Животные, растения, цветы,
 И печки – жизни выпуклые двери
 Для наших мыслей крепко заперты [7].

Так как мы считаем основным способом реализации коннотативного значения контекст употребления, можно составить своеобразный график глубины и распространённости той или иной коннотации, исходя из частоты и характера её проявления. Инструментами такого анализа являются Национальный корпус русского языка и разнообразные словари и энциклопедии. Отчасти литературоведческое описание бытования лексемы *корова* в поэтических текстах служит для демонстрации параметра глубины, который к первой четверти XX в. достиг своего максимального значения, то есть структура и свойства мифопоэтического образа реализовались в контекстуальных коннотациях, отсылающих к «мифологическому образу космической зоны» [9, с. 182] наиболее полно. До этого времени отличные от основного номинативного значения связывались только с денотативными характеристиками (*дойная корова, бодливой корове Бог рогов не дал, как на корове седло*) и с инвективной семантикой в переносном употреблении. В советской поэзии и поэзии последних десятилетий в большинстве случаев лексема *корова* встречается в своём основном значении, мифопоэтическая коннотация присутствует в нём или косвенно, возможно, вне авторской интенции, напр.: *Там, словно под тенью священного лавра, / Корова лежит с головой Минотавра, / Египетским богом там кажется дятел /*

И я наблюдаю, простой наблюдатель (И.В. Чиннов, 1978) [7]; или поверхностно, напр.: *Корова ли в калошах, / священная корова, / индийская богиня, / помчалась прогуляться / со скотного двора?* (С.В. Петров, 1940) [7], *И венки из вьюнков и камелий / На рогах у священных коров* (А.Е. Адалис, 1947) [7]; или соответствует библейскому мотиву, как у И.А. Бродского: *Звезда блещит, но ты далека. / Корова мычит, и дух молока / мешается с запахом козьей мочи, / и громко блеет овца в ночи. / Шнурки башмаков и манжеты брюк, / а вовсе не то, что есть вокруг, / мешает почувствовать мне наяву / себя – младенцем в хлеву* (1964) [7].

Если механизм коннотирования в сознании человека сам по себе – следствие его эволюции и средство развития общества как такового и разных объединений людей согласно определённому «воображаемому порядку», то содержание, то есть та информация, которая сопутствует денотативным значениям слов, позволяет на уровне семантики отличить один тип культуры, одну религию, один идеологический порядок в обществе и бытующие в определённый момент культурные установки от других.

Коннотативная насыщенность слов, принадлежащих к разным лексико-семантическим группам, неодинакова, а степень глубины возможной коннотации обратно пропорционально связана с такими качествами значения лексемы, как степень его абстрактности, детализированности и наличием в денотации эмоционального компонента.

Зоонимическая лексика оказывается одной из наиболее интересных и целесообразных групп языкового материала для анализа культурно обусловленного коннотативного значения. Рассмотрение же абстрактной лексики, которое приведено в начале работы, напротив, демонстрирует сложность выработки научного подхода к описанию семантики абстрактных лексем. Исследование динамики актуализации определённых коннотативных компонентов в семантике лексемы в хронологическом аспекте позволяет делать выводы о различных внеязыковых процессах на основании количественных и качественных критериев проявления коннотаций.

Библиографический список

1. *Аморузо М.* Тайна saudade. Непереводимое слово для обозначения «наличия отсутствия» / пер. с англ. Ю. Волошина. URL: <http://concepture.club/post/obrazovanie/untranslatable-saudade> (дата обращения: 21.11.2018).

2. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живём / под ред. А.Н. Баранова. М., 2004.
3. *Лосев А.Ф.* Знак. Символ. Миф. М., 1982.
4. *Лотман Ю.М.* О проблеме значений во вторичных моделирующих системах // Учёные записки Тартуского государственного университета. Тарту, 1965. Т. 2: Труды по знаковым системам. С. 22–37.
5. *Мамардашвили М.К.* Лекции по античной философии. СПб., 2018.
6. *Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М.* Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке / под общ. ред. Ю.П. Сенокосова. М., 1997. URL: <http://psylib.org.ua/books/mamprg02/index.htm> (дата обращения: 14.12.2018).
7. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/index.html> (дата обращения: 26.11.2018).
8. Словари и энциклопедии на Академике. URL: <https://dic.academic.ru/> (дата обращения: 03.12.2018).
9. *Топоров В.Н.* Мифология: статьи для мифологических энциклопедий / предисл. Вяч.Вс. Иванова; ред.-сост. А. Григорян. М., 2011. Т. 1.
10. *Топоров В.Н.* Мифология: статьи для мифологических энциклопедий / ред.-сост. А. Григорян. М., 2014. Т. 2.

Пелагея Юрьевна КРАСИЛЬНИКОВА

старший преподаватель кафедры лингвистики

Московский государственный университет геодезии и картографии

РАЗДЕЛ 5. МЕДИАТЕКСТ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ, ИСТОРИЧЕСКИЙ, ФИЛОСОФСКИЙ, СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ, ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ

SECTION 5. MEDIA TEXT: CULTURAL, HISTORICAL, PHILOSOPHICAL, SOCIOLOGICAL, LINGUISTIC ASPECTS OF THE STUDY

УДК 81-139

Ж.Р. Сладкевич, М. Ноиньска

МУЛЬТИМОДАЛЬНЫЙ ПОДХОД В СОВРЕМЕННЫХ ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ*

Аннотация. Сложный синкретический характер текстуализации в медиaprостранстве и современных социальных практиках имплицитно гетерогенность методологии анализа эмпирического материала и дискуссионный характер терминологической номенклатуры. Учет различных модусов в процессе смыслообразования, их взаимоотношений, моно- и мультисенсорности их восприятия, а также социокультурных конвенций, связанных с использованием модусов, обусловлен поиском методологии комплексного анализа семиотически диффузных форм коммуникации.

Ключевые слова: мультимодальность, поликодовость, семиотическая система, модус, коммуникативное пространство.

Zh.R. Sladkevich, M. Noiniska

MULTIMODAL APPROACH IN MODERN HUMANITIES: TERMINOLOGICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS

Abstract. The complex syncretic nature of the textualization in the media space and modern social practices implicates a heterogeneous methodology

* Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ (проект № 18-18-00442, «Механизмы смыслообразования и текстуализации в нарративных и перформативных дискурсах и практиках») в Балтийском федеральном университете им. И. Канта (Калининград).

for analyzing empirical material and a disputed terminological nomenclature. The search for a methodology enabling one to thoroughly describe modern semiotically diffuse forms of communication entails consideration of various modes and their interaction in the process of meaning making, mono- and multisensory perceptions, as well as sociocultural conventions associated with the use of modes.

Keywords: multimodality, multimodal, semiotic system, mode, communicative space.

К счастью, наши органы чувств сотрудничают один с другим, и мы можем успешно взаимодействовать с окружающим миром – не сенсорным, а мультисенсорным.

Барри Смит

Проблема мультимодальности как рецептивно-психологического феномена восприятия информации, а также мультимодальной методологии в исследовании современных социальных и медиапрактик является одной из ключевых в гуманитарных науках, прежде всего семиотике. В силу интенсивного развития цифровых технологий и новых медиаплатформ, приведших к изменению общего характера коммуникации, передача и восприятие информации происходят посредством различных систем и каналов, способных порождать значения и синхронно взаимодействовать. Мономодальность уступает место более сложному, симбиотическому способу формирования и трансляции смысла. Тенденция к визуализации контента в масс-медиа [26; 27; 29; 31; 34; 36], а также возрастающая взаимосвязанность символов различных семиотических систем в поликодовых текстах приводят к тому, что чисто лингвистические методы анализа в настоящее время являются недостаточными для описания коммуникативной интеракции. Набравшая размах экспансия визуальных образов соответствует стремлению современного общества увеличить информативность и суггестивность сообщения через редукцию вербальных средств. Альдона Скуджик в этой связи приводит несколько оценочных определений современной коммуникации: *иконизация семиосферы, надстройка иконосферы за счет логосферы, идеографическая lingua franca* и др. [20, с. 109]. При этом исследователи указывают на общие изменения рецептивного характера, отмечая постепенное превращение *homo sapiens* в *homo videns*, то есть человека, воспринимающего мир преимущественно через зрительный канал [16, с. 47].

Ежедневно мы сталкиваемся с текстовыми комплексами знаков, характеризующимися высокой семиотической сложностью и сочетающимися вербальный язык, изображение, голосовые характеристики, паузацию, акустическое оформление, в связи с чем качественное описание имплицитного и эксплицитного смыслового наполнения этих комплексов возможно лишь с учетом всех их составляющих [15; 34]. Соответствующая теория текста и практика анализа все еще находятся в стадии доработки и публичного обсуждения [22, с. 25–28], о чем свидетельствует хотя бы широкая вариативность номенклатуры: *tekst wielokodowy, multikanalowy, multimodalny, wideowerbalny, intersemiotyczny, semiotycznieskomplikowany, semiotyczniewzbozaczony, heterogeniczny, synkretycznytekst; поликодовый, многоканальный, полимодальный, видеовербальный, лингвовизуальный, интерсемиотический, семиотически осложненный, креолизованный, гетерогенный, изовербальный, контаминированный, синкретический текст, изоверб* [5, с. 170–171; 21, с. 115].

Отметим, что иконические сообщения являются мультикультурными, их редупликация и тиражирование в цифровой среде происходят почти мгновенно, что обеспечивает практически неограниченное распространение. В современном мире, ориентированном на преодоление границ, визуальные сообщения приобретают особую ценность. Примером может послужить классическая уже кампания бренда Absolut под названием «Города мира», представляющая собой цикл коллажей, демонстрирующих характерную форму бутылки водки Absolut в различных культурных контекстах. В качестве фона используются типичные элементы, своеобразные визитные карточки городов (*рисунки 1–2*). Эта серия реклам иллюстрирует проблему

Рисунок 1

Рисунок 2

Рисунок 3

Рисунок 4

использования визуальных кодов в качестве своеобразного языка, некоего интернационального кода:

С одной стороны, такое сообщение несет в себе информацию о том, что бренд присутствует в местных культурах, с другой же, показывает, что отправитель функционирует глобально и известен всему миру. Визуальный опыт в значительной степени колонизирован текстами культуры, которые формируют наше мировосприятие, нашу культурную и коммуникативную идентичность [18, с. 57]. В этой связи чрезвычайное значение в восприятии семиотически обогащенных текстов приобретают категории бэкграунда (фоновых знаний), ценностно-культурной матрицы, интертекстуальности и интервизуальности. Так, лимитированная серия бренда Absolut – «AbsolutPolakom» – посвящена чествованию польского народа за его свободолюбие и стремление к независимости (рисунки 3). Absolut пригласил к сотрудничеству графического дизайнера Павла Сванского, который на этикетке визуализировал ценный для поляков концепт «свободы и независимости» – в жесте Виктории, соотносимом с Лехом Валенсой и движением «Солидарности», на фоне буйной растительности как символа возрождающейся и динамично развивающейся страны. В свою очередь, коллекционная серия 2013 г. – «Absolut Moscow» – призвана отразить современную Москву с богатым наследием ее традиционной культуры (рисунки 4). Дизайн бутылок лимитированной серии разработала модельер Алена Ахмадулина, причудливо соединив на опоясывающей этикетке храм Василия Блаженного и высотки Москва-Сити, стилизованные под «гжель». Пестрая и оригинальная этикетка знаменует собой многообразие обликов России, ее этнических культур, органичной эклектики старого и нового.

Все чаще при анализе культурных артефактов появляется постулат частичного исключения языкового кода из процесса коммуникации, что связано с постепенным размыванием понятия естественного языка (особенно в креолизованных сообщениях) и с возрастающим использованием других семиотических систем и их метаязыка для описания новых сфер действительности. Это обусловлено несколькими причинами. Во-первых, технологическим и цивилизационным развитием и, как следствие, возникновением новых областей исследований, касающихся генерирования и передачи сложных комплексов значений, образования новых жанров

и субжанров (как, к примеру, мультимедийные учебники, интерактивные детские книги, интернет-мемы, гифы и др.). Во-вторых, гетерогенным характером появляющихся дисциплин и их методологий, пытающихся отреагировать на быстрое развитие науки в данной области [7, с. 297].

Сегодня не представляется возможным анализировать по аналогии с мономодальными текстами сложные синкретические нарративы, основанные на традиционном художественном мастерстве авторов и на возможностях современных интернет-технологий. К таким прототипическим мультимодальным текстам можно отнести, к примеру, песочные анимации актуального белорусского протестного дискурса в исполнении Александры Конофальской [37–40]. Это трехминутные ролики, необычайно богатые элементами социальной символики и являющие собой своеобразный перформанс, сплав динамично меняющейся визуализации в руках талантливой художницы-sandart, проникновенной музыки, плача новорожденного ребенка, композиции горящих свечей, капель краски или воды и появляющихся на фоне бчб-флага вербальных элементов, соотносимых с яркими слоганами протеста (рисунки 5–6). В этих эстетических, мультисенсорных композициях обеспечено полное сочетание пространственно-временной синхронизации звука, динамичной текстурно-иконической составляющей и в конце – оязыковления идеи перформанса.

Второй пример – интернет-мемы, трактуемые сегодня как основная структурная единица современного медиапространства, базовая единица культурной памяти, квинтэссенция коллективного представления о каком-либо фрагменте действительности, включающая отношение к нему коммуникантов, выделяющаяся лаконичностью, смыслоемкостью, мобильностью и широкой валентностью.

Рисунок 5

Рисунок 6

Анализируя серию мемов, их нескончаемую редупликацию, неправомерно говорить о вторичности иконического компонента, обе составляющие равнозначны в образовании смысла. При восприятии на первый план выходят интертекстуальная компетентность и общность фонового знания сокоммуникантов, то есть знание широкого социально-политического контекста, а также предыдущих версий мемов, как в гиперпопулярном в 2020 г. меме о Наташе и котах. Генерируя новый смысл, интернавты используют определенную палитру модусов, «упаковывая» в узнаваемую рамку данного мема (рисунки 7) осмысление изоляционной политики, коронавирусной угрозы и мер по ее предотвращению, прецедентное апрельское высказывание гла-

Рисунок 1

Рисунок 1

Рисунок 1

Рисунок 1

Рисунок 1

Рисунок 1

вы государства о «печенгах и половцах, терзавших Россию», идею с обнулением президентских сроков и др. (рисунки 8–12).

Необходимость качественного анализа таких текстов имплицитно ищет поиск соответствующей методологии. Именно в период экспансии интернет-коммуникаций и интенсификации обмена неречевыми формами сообщений в коммуникативистике активизировалась разработка теории мультимодальности, хотя сам феномен поликодовой коммуникации отмечался уже в античности и рассматривался в рамках классической риторики. Понятие же *поликодовость* и более позднее – *мультимодальность* вошли в научный обиход сравнительно недавно [13, с. 33].

В конце 1980 – начале 1990-х гг. оптика лингвистических исследований переместилась на анализ взаимодействия разных семиотических систем в процессе генерирования и передачи значения, что, в свою очередь, имплицитно разработку новых моделей полисемиотического анализа [12, с. 1]. Данное направление исследований в «англофонном» мире получило название мультимодального анализа / *multimodal analysis* [8; 10]. В последнее время заимствованные термины *мультимодальность* / *multimodalność*, *мультимодальный* / *multimodalny* активно вошли в научный обиход как в Польше, так и в России. Отметим, что в польском научном дискурсе вышеуказанные определения нередко подвергаются жесткой критике в рамках защиты устоявшегося в лингвистике употребления термина *модальность* в его традиционном значении [13, с. 35–36].

Не вдаваясь в этимологию понятия *multimodality* и его первых употреблений в науке, отметим, что термин возник в нескольких отраслях знания: философии, транспортной логистике, психологии, языкознании. Каждая из этих дисциплин формировала терминологический аппарат независимо друг от друга, поэтому нейтральное латинское слово *modus* оказалось приемлемым для возникновения терминологических омонимов. Стоит отметить, что в английском языке, на почве которого был введен термин *multimodality*, также функционирует лингвистический термин *modality*, что еще больше осложняет поиск подходящего эквивалента при переводе. Попутно отметим, что устоявшееся лингвистическое значение *модальности* как «отношения говорящего к сказанному» не является единственной трактовкой данного термина. В философии лексема *модальность*

понимается в категориях «явленности» (ср.: «способ существования какого-либо объекта или протекания какого-либо явления (онтологическая модальность)» [28, с. 390], в то время как в психологии за термином модальность закрепилось значение «сенсориальности», то есть восприятия каждого органа чувств как отдельной модальности [см. подробнее: 30, с. 183].

Кристаллизацию терминологической базы в лингвистике осложняет факт отсутствия точного и однозначного перевода на славянские языки мотивирующих английских лексем *mode* и *modus*. Так, к примеру, какой эквивалент точнее к слову *mode* – код и субкод (эти понятия предполагают высокую степень упорядоченности) или же семиотическая система (здесь, однако возникают сомнения, относительно того, образует ли систему, скажем, тональность, другие голосовые характеристики)?

Однако достоинства употребления термина *мультимодальность* – его интернациональный характер, узнаваемость и сочетаемость – превышают недостатки, связанные с некоторым размыванием границ устоявшегося терминологического аппарата. Более того, введение данного термина представляется нам обоснованным, поскольку значительно расширяет границы традиционного для славянской лингвистической терминологии понятия *поликодовость*. Мультимодальность позволяет операционализировать и включить в исследование как знаки, имеющие системный характер, так и те, которые системы не образуют, но определенным образом организуются под воздействием длительного коллективного использования [8, с. 84–88]. Мультимодальность, понимаемая как одновременное использование различных комплексов знаков, связанных семантически, структурно и функционально, взаимно контекстуализирующихся и создающих связное по содержанию и форме сообщение, в настоящее время считается имманентной чертой текста [2–4; 19; 23–25].

Под *модусом* Гюнтер Кресс понимает социально сформированный и культурно заданный ресурс, используемый для создания значения («a socially shaped and culturally given resource form a king meaning») [9, с. 54]. В качестве примеров модусов, используемых в текстуализации, исследователь приводит изображение, письмо, лейаут (макет), музыку, жесты, речь, движущееся изображение, саундтрек [9, с. 54]. Иными словами, модус – это единица мульти-

модального сообщения, которая трактуется неодинаково: изображение включает его форму, цветовую гамму, расположение; слово подразумевает дифференциацию на устное / письменное, описание шрифта, стиля; звуковую составляющую характеризует громкость, шум, мелодия, голосовые характеристики и т.п.). Часть исследователей критикует излишнее раздробление модусов, которое неизбежно ведет к препарированию целостного сообщения. Более того, отмечается, что часть модусов не существует самостоятельно (например, цвет; с другой же стороны, даже монохром определенным образом организует общий смысл сообщения, ведь черно-белая гамма – это также цветовое решение). Западные лингвисты отмечают, что цвет образует систему, но лишь тогда, когда речь идет о колоремах-символах, в остальных случаях он вызывает некие ощущения несистемного характера, которые, в свою очередь, также формируют общий смысл текста и влияют на его восприятие.

Теоретики мультимодального подхода подчеркивают, что мономодальная коммуникация в чистом виде крайне редка. Обычно одновременно используется несколько модусов, среди которых можно выделить один-два, несущие основную смыслообразующую нагрузку, а остальные дополняют и обогащают общий смысл сообщения. Выбор модусов зависит от аффордансов, то есть способности данного модуса передавать определенные значения и выполнять намеченные коммуникативные задачи [8, с. 95 и далее]. Так, речь в некоторой степени может отражать мелодию, но музыка, для которой мелодия является основным аффордансом, сделает это эффективнее. Нередко говорится об окраске музыкального звука, но цвет является ключевым аффордансом живописи и фотографии, поэтому информация о физически наблюдаемом цвете явления будет более точной при использовании изобразительного модуса. Естественный язык, в свою очередь, в силу своих возможностей (аффордансов), является оптимальным инструментом для определения и передачи абстрактных понятий, в связи с чем сложно было бы указать другой модус, который справился бы с этой задачей более полно и детально, с учетом всех понятийных нюансов [11, с. 148–149].

Важным аспектом рассуждений о мультимодальности является вопрос определения статуса современных коммуникационных технологий. Можем ли мы сказать, что технология сама по себе

является модусом? Некоторые исследователи придают ей именно такой статус [8, с. 96–101], подчеркивая, что безтехнологических инструментов невозможной была бы передача столь многообразного контента. Нам, однако, ближе суждение М. Лисовской-Магдяз, определяющей технологию как своего рода метамодус, создающий возможности эффективного использования модусов, сформированных вне пределов технологий, которые сами по себе не способны выполнять идеационные и семиотические функции [11, с. 150–151].

Итак, мультимодальный подход (англ. *multimodal approach*) – это попытка предложить инструментарий оптимального изучения поликодовых сообщений, стратегий их реализации в данном культурно-языковом сообществе и способов воздействия на адресата. Модальное описание, сосредоточенное лишь на лингвистическом аспекте в изоляции от других значимых семиотических ресурсов, заменяется описанием различных модусов, их отношений, взаимоналожения и взаимозависимости, моно- и мультисенсорности восприятия, статичности и динамичности сообщения, а также социокультурных конвенций, связанных с использованием модусов. При этом значение сообщения понимается не как сумма значений отдельных модусов, а как комплекс, своеобразный сплав, симфония, исполняемая оркестром. О взаимоналожении каналов и модусов мультисенсорного восприятия свидетельствуют многочисленные психологические эксперименты, наиболее убедительным из которых представляется эксперимент, зафиксированный в научной литературе как «эффект Мак-Гурка». Этот феномен демонстрируют взаимодействие между слухом и зрением в восприятии речи. Проводя исследование, Мак-Гурк и Мак-Дональд создали такие условия, при которых слуховые сигналы произносимого слога не соответствовали соответствующим движениям губ: испытуемым предъявлялась видеозапись человека, многократно произносившего губами слоги *ga-ga*, в то время как фонограмма воспроизводила слоги *ba-ba*. С закрытыми глазами, испытуемые точно распознавали слоги, а с выключенной фонограммой по движениям губ правильно идентифицировали произносимые звуки. Однако когда им предъявлялись противоречащие друг другу слуховые и зрительные стимулы, испытуемые слышали звуки, которых не было в записи (звук-«посредник» – *da-da*), в большинстве своем не осознавая несоответствия слуховой и зрительной

стимуляций [14]. Мультисенсорное взаимодействие при восприятии гетерогенных текстов запускает сложные рецептивные механизмы, обеспечивающие комплексное, холистическое понимание смысла сообщения. В отличие от поликодовости, традиционной для лингвистики, мультимодальный подход не логоцентричен, он не акцентирует примарность словесного ряда как доминирующей в смыслообразовании семиотической системы, а трактует все знаки как равноправные (это имеет ключевое значение для анализа коммуникативного взаимодействия, например, в сетевых сообществах, где значительное количество респонсивных реплик может состоять исключительно из стикеров, гиф-анимаций и эмодиконов, а само речевое общение функционирует в сложных структурах цифрового гипертекста).

Следует отметить, что семиотический диапазон модусов (*semiotic reach of modes*), то есть их способность к передаче определенного значения, вариативен и зависит от культуры. Кресс полагает, что если в культуре А данное значение передается с помощью речи, то нельзя предполагать, что в культуре Б оно будет выражаться посредством того же модуса. Возможно, что в другой культуре вместо речи для выражения данного значения используется жест или изображение [9, с. 57–58]. Более того, определенное значение в целевой культуре может отсутствовать, что приводит к возникновению «семиотических пробелов» (*semiotic gaps*) [33, с. 84].

Ввиду вышесказанного, отметим, что термин *мультимодальность* связан с пониманием коммуникации как сложного многогранного процесса, происходящего с использованием различных каналов связи, и, следовательно, с необходимостью комплексного описания различных семиотических средств и их взаимоотношений в процессе смыслообразования.

Основу мультимодального подхода составляют следующие теоретические предпосылки, см. [1; 6, с. 17]:

1. Коммуницирование основано на многих модусах, которые являются носителями смысла. Мультимодальный подход учитывает полный репертуар ресурсов, используемых для создания значений (*meaning making*), а также способ их организации.
2. Мультимодальность предполагает, что ресурсы формируются в социуме, со временем становясь носителями смысла, и вы-

- ражают значения, соответствующие потребностям отдельных сообществ. Организованные наборы семиотических ресурсов, которые являются носителями смысла, определяются как модусы, которые выполняют коммуникативные задачи различными способами, делая выбор модуса центральным аспектом интеракции. Чем больший комплекс ресурсов используется в коммуникации данного сообщества, тем более полно и точно он будет сформулирован. Для того, чтобы определенный набор семиотических ресурсов и способ его реализации определялся как модус, он должен быть культурно «встроен» и узнаваем в данном социуме.
3. Значение конструируется путем выбора и конфигурации модусов. Взаимодействие между модусами играет огромную роль. Вся коммуникационная деятельность формируется не только посредством норм и правил, действующих в момент создания знаков, но и посредством мотивации, интересов и устремлений людей в конкретном социальном контексте.

Таким образом, коммуникация – это сложный процесс порождения и передачи смыслов посредством разных семиотических систем. Развитие новых технологий привело не только к увеличению объема и значимости гетерогенных сообщений в коммуникативном пространстве, в том числе медийном, но и к фокусировке гуманитарных изысканий вокруг проблем поликодовости. Мультимодальный подход, учитывающий взаимодействие различных семиотических систем, является попыткой ответить на вызовы, связанные с анализом современной семиотически осложненной коммуникации. Его ключевая черта – симультанность воздействия, отход от расчленения дискурса, требующий интерпретационного подхода (который часто критикуется за его высокую субъективность). В свете представленного выше, отметим, что «стремление сделать мультимодальный курс-анализ строго соответствующим принципам лингвистического анализа (с выделением соответствующих единиц и рассмотрения закономерностей их функционирования) выглядит задачей исполнимой, но чрезвычайно трудоемкой» [30, с. 185].

Библиографический список

1. *Bezemer J.* What is multimodality? 2012. URL: <https://mode.ioe.ac.uk/2012/02/16/what-is-multimodality/> (дата обращения: 10.01.2021).

2. *Bucher H.-J.* Multimodalität – eine Universalie des Medienwandels: Problemstellungen und Theorien der Multimodalität sforschung // *Neue Medien – Neue Formate. Ausdifferenzierung und Konvergenz in der Medienkommunikation.* Frankfurt a. M.; New York, 2010, S. 41–79.
3. *Bucher H.-J.* Multimodalität – einuniverselles Merkmal der Medienkommunikation: Zum Verhältnis von Medienangebot und Medienrezeption // *Interaktionale Rezeptionsforschung. Theorie und Methode der Blickaufzeichnung in der Medienforschung.* Wiesbaden, 2012. S. 51–82.
4. *Bucher H.-J.* Rozumienie multimodalne lub recepcja jako interakcja. Teoretyczne i empiryczne podstawy systematycznej analizy multimodalności // *Lingwistyka mediów. Antologia tłumaczeń.* Wrocław; Dresden, 2015. S. 79–110.
5. *Hojka B.* Język i pismo w kontekście powiązań interdyscyplinarnych nauki o książce // *Seria III: ePublikacje Instytutu INiB UJ.* 2010. № 7. S. 170–171.
6. *Jedema R.* Multimodalna analiza dyskursu: Resemiotyzacja na potrzeby dyskursów użytkowych // *Systemowo-funkcjonalna analiza dyskursu.* Kraków: Universitas, 2013. S. 197–227.
7. *Kawka M.* Dyskurs multimodalny – nowa kategoria badawcza? // *Zeszyty prasoznawcze.* 2016. T. 59. № 2 (226), S. 294–303.
8. *Kress G.* Multimodality. A social semiotic approach to contemporary communication. London; New York, 2010.
9. *Kress G.* What is mode? // *The Routledge Handbook of Multimodal Analysis,* New York, 2011. P. 54–67.
10. *Kress G., van Leeuwen T.* Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication. London; New York, 2001.
11. *Lisowska-Magdziarz M.* Badanie wielomodalnych przekazów w mediach masowych // *Metody badań medioznawczych i ich zastosowanie.* Kraków, 2018. S. 143–164.
12. *Machin D., Mayr A.* How to Do Critical Discourse Analysis. A Multimodal Introduction. London, 2012.
13. *Maćkiewicz J.* Badanie mediów multimodalnych – multimodalne badanie mediów // *Studia Medioznawcze.* 2017. № 2 (69). S. 33–42.
14. *McGurk H., MacDonald J.* Hearing lips and seeing voices // *Nature.* Vol. 264 (5588), P. 746–748.
15. *Mediolingwistyka. Rozmowanatematstatusumediolingwistyki z prof. Ewą Marthą Eckkrammer, prof. MartinemLuginbühlem i prof. BogusławemSkowronkiem* URL: https://www.google.pl/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0ahUKEwjruI0mjNLXAhWRo6QKHZTSCJ4QFggtMAA&url=http%3A%2F%2Fwww.tdk.ur.edu.pl%2Fp-liku%2FROZMOWA_NA_TEMAT_STATUSU_MEDIOLINGWISTYKI.pdf&usq=AOvVaw1exTt00X2TVV084WTiMrpT (дата обращения: 10.01.2021).

16. *Morbiter J.* Media – zniewolić umysł? // *Konspekt*. 2002. № 11, S. 45–49.
17. *Noińska M.* O zasadności podejścia multimodalnego w analizie przemówień politycznych na przykładzie wybranych fragmentów polskich, rosyjskich i niemieckich orędzi noworocznych // *Socjolingwistyczne badania w teorii i praktyce*. T. 5. Gdańsk, 2018. S. 125–138.
18. *Ogonowska A.* Kultura, komunikacja i kompetencja wizualna w kontekście wybranych zagadnień współczesnej humanistyki // *Komunikologia: teoria i praktyka komunikacji*. Poznań, 2012. S. 53–67.
19. *Schmitz U.* Badanie płaszczyzn wizualnych. Wprowadzenie // *Lingwistyka mediów. Antologiatłumaczeń*. Wrocław; Dresden, 2015. S. 55–77.
20. *Skudrzyk A.* Czy zmierzchni kultury pisma? O synestezji i analfabetyzmie funkcjonalnym. Katowice, 2005..
21. *Śladkiewicz Ż.* Społeczeństwo «oka» i tekst wielokodowy (na przykładzie rosyjskiej satyry politycznej) // *Przegląd Rusycystyczny*. 2014. № 3. S. 111–124.
22. *Stöckl H.* Medienlinguistik. Zu Status und Methoden eines (noch) emergenten Forschungsfeldes // *Presstextsorten jenseits der ‚News‘. Medienlinguistische Perspektiven auf journalistische Kreativität*. Frankfurt am Main, 2012. S. 13–34.
23. *Stöckl H.* Die Sprache im Bild – Das Bild in der Sprache: Zur Verknüpfung von Sprache und Bild im massenmedialen Text. Konzepte. Theorien. Analysemethoden. Berlin, 2004.
24. *Stöckl H.* Finanzenverbalisieren – Die Text-Bild-Sorte Infographik // *OBST. Osnabrücker Beiträge zur Sprachtheorie*. 2012. № 81. S. 177–199.
25. *Stöckl H.* Typographie: Gewand und Körper des Textes – Linguistische Überlegungen zur typographischen Gestaltung // *Zeitschrift für Angewandte Linguistik*. 2004. № 41. S. 5–48.
26. *Аванесов С.С.* Визуальность и коммуникация // *ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики*. 2014. № 2. С. 11–25.
27. *Габова М.В.* Визуальная культура современного общества (опыт типологии) // *Человек. Культура. Образование*. 2017. № 2 (24). С. 30–40.
28. *Гастев Ю.А.* Модальность // *Большая советская энциклопедия: в 30 т. М., 1974. С. 390.*
29. *Горбачева А.Г.* Обмен визуальной информацией и короткими сообщениями как современный вид сетевых коммуникаций // *ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики*. 2015. № 1 (3). С. 133–139.
30. *Загидуллина М.В.* Мультиmodalность: к вопросу о терминологической определенности // *Знак: проблемное поле медиаобразования*. 2019. № 1 (31). С. 181–188.
31. *Казарина Т.Ю.* Современная визуальная культура в контексте системного подхода // *Актуальные проблемы социокультурных исследований*. Кемерово, 2014. С. 113–120.

32. *Константинова Д.* «Наташ, вставай, мы всё уронили»: откуда взялись мемы про Наташу и котов, которые теперь буквально везде. 2020. URL: <https://twizz.ru/natash-vstavaj-my-vsyo-uronili-otkuda-311229/> (дата обращения: 10.01.2021).
33. *Кресс Г.* Социальная семиотика и вызовы мультиmodalности // *Политическая наука*. 2016. № 3: Политическая семиотика. С. 77–100.
34. *Симакова С.И.* Тенденции визуализации журналистского контента в современных СМИ // *Вестник Северо-Осетинского университета им. К.Л. Хетагурова*. 2015. № 3. С. 213–218.
35. *Сладкевич Ж., Нои́нская М.* Мультиmodalный подход в современных гуманитарных науках // *Наука как общественное благо: сборник научных статей: в 7 т. М., 2020. Т. 2. С. 50–54.*
36. *Терентьева И.Н.* Визуальное, слишком визуальное... (к характеристике иконического поворота в современных медиа и актуальных медиаисследованиях) // *Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева*. 2012. № 2. С. 29–35.

Источники

37. Жыве Беларусь! URL: <https://www.youtube.com/watch?v=VD6YTAkVTZY> (дата обращения: 10.01.2021).
38. Жыве Беларусь! Part 2. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Ahyct1YDnlw> (дата обращения: 10.01.2021).
39. Жыве Беларусь! Part 3. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=-uMNU4QWQ0U> (дата обращения: 10.01.2021).
40. Жыве Беларусь! Part 4. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=glv8wCKYneQa> (дата обращения: 10.01.2021).

Жанна Ромуальдовна СЛАДКЕВИЧ

доктор филологических наук
 профессор кафедры прагматики коммуникации
 и дидактики русского языка
 Гданьский университет
 директор
 Института русистики и востоковедения

Марта НОИ́НСКА

кандидат филологических наук
 адъюнкт кафедры прагматики коммуникации
 и дидактики русского языка
 Гданьский университет

УДК 318.779.36

В.В. Пашков

БЛОГОСФЕРА КАК ЭЛЕМЕНТ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА: ПРОТИВОРЕЧИЯ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ (СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ)

Аннотация. В статье освещены особенности блогосферы как элемента информационного общества. Автором проведен социально-философский анализ противоречий и тенденций развития этого социального явления.

Ключевые слова: блог, блогосфера, информационное общество, текст, элемент.

V.V. Pashkov

THE BLOGOSPHERE AS AN ELEMENT OF INFORMATION SOCIETY: CONTRADICTIONS AND TRENDS OF DEVELOPMENT (SOCIO-PHILOSOPHICAL ASPECT)

Abstract. The article highlights the features of the blogosphere as an element of the information society. The author provides socio-philosophical analysis of the contradictions and development trends of this social phenomenon.

Keywords: blog, blogosphere, internet, information society, text, element.

С начала XXI в. воздействие интернет-медиа на социальные процессы и общественное сознание многократно возросло. В информационном обществе часть информации, которая сохраняется, передается и интерпретируется в Интернете, становится доминирующей, а Интернет предстает как новое коммуникативное пространство, способное как объединять, так и разъединять народы. Принципиальной новацией Интернета является возможность для пользователей создавать собственный информационный продукт и распространять его на предельно обширную аудиторию, что в полной мере нашло воплощение в стремительно развивающейся блогосфере. Ведение блога как вольное, неформальное информирование через социальные сети Интернета не без основания стали называть «гражданской, народной, альтернативной журналистикой». Блогосфера ныне выступает не только как информационный сегмент интерне-коммуникации,

но и как эффективный инструмент формирования облика постиндустриального общества потребления. Растущая популярность блогов обусловила как потребительский спрос, так и научный интерес. Очевидна необходимость углубленного изучения блогосферы как социального феномена и неотъемлемого и важного составляющего элемента формирующегося информационного общества.

По форме, содержанию и функциям блог является жанром письменного ежедневника («блог» в переводе с английского языка означает «ежедневник», соответственно «блогосфера» – это совокупность интернет-ежедневников) [2, с. 234–235]. Природа Интернета определяет особенности развития блогосферы, поэтому блог как составная часть коммуникационного пространства характеризуется рядом специфических черт: глобальностью, легкостью публикации, доступностью, открытостью для общения. Форма блога дает возможность фиксировать события и мысли, комментировать, становится частью любого сообщества, таким образом люди приобретают возможность высказывать свое мнение, вступать в диалоги с авторами блогов. «В совокупности блоги образуют особую коммуникационную среду, которая называется блогосферой. Это означает, что блоги представляют собой единую, взаимосвязанную структуру внутри сети Интернет» [1]. Блогосфера предоставляет в распоряжение людей сигнальную систему и практики, обслуживающие потребность в коммуникации, проявляющейся как в сближении, так и в обособлении и даже изоляции. Причем эффективность этой сигнальной системы зависит от скорости, трудоемкости и полноты виртуальных взаимоотношений. А это, в свою очередь, влияет на количество и качество окружения, в котором живут люди, на качество коммуникаций и, в конечном счете, на качество жизни и формирования нового образа жизни.

За последние несколько десятилетий много работ написано о развитии информационного общества и о разнообразных последствиях «революции средств коммуникации», основанной на новых технологиях и средствах передачи информации. Широкую известность приобрели работы Д. Белла, З. Бжезинского, Г. Кана, М. Кастельса, И. Масуды, Ф. Махлупа, Дж. Нейсбита, М. Постера, Э. Тоффлера, из советских и российских ученых следует назвать имена Р.Ф. Абдеева, И.Ю. Алексеевой, О.Н. Вершинской,

В.М. Глушкова, Т.В. Ершовой, В.Л. Иноземцева, К.К. Колина, И.С. Мелюхина, Н.Н. Моисеева, А.И. Ракитова, Л.В. Скворцова, А.В. Соколова, А.Д. Урсула, Р.М. Юсупова. Несмотря на большое число публикаций, посвященных информационному обществу, его общепризнанного определения до сих пор не существует [6, с. 8]. Не утихают научные споры и по вопросу о типе этого общества. Британский философ Ф. Уэбстер аргументированно утверждает, что информационно-технологическая революция ускорила процессы информатизации общества, но не сделала его принципиально иным. «Я стараюсь обратить ваше внимание, – пишет Уэбстер, – на новые черты капитализма, и мне кажется существенным подчеркнуть, что основные его принципы остались прежними, они только укрепились и применяются более широко. Глобальная экономика сегодняшнего дня – результат использования уже известных методов: рыночных механизмов, производства товаров и услуг частными, а не общественными структурами, получения прибыли как основной движущей силы, использования наемного труда и принципа платности услуг и товаров. Короче говоря, глобальное сетевое общество, в котором мы сегодня оказались, – более полное воплощение, или, если угодно, трансмутация, хорошо известных принципов капиталистического общества» [8, с. 369–370].

Информационное общество большинством исследователей рассматривается как следующий шаг после постиндустриального общества, которое само было наследником индустриального общества, основанного на добыче полезных ископаемых и крупном промышленном производстве. Новую форму общества в научных исследованиях все чаще определяют информационной из-за перехода к формированию в экономике индустрии услуг и производстве, основанном на информации, а не на физическом труде. Основу этого типа общества составляет «информационная экономика», поскольку для повышения производительности труда и создания потребительских товаров стали широко применяться знания. Информационное общество развивается дальше, и теперь в центре внимания сама информация, а не просто ее применение. Блогосфера, являясь его составным элементом, как поле деятельности, род занятий и как бизнес, неизбежно вовлечена в него и все больше сама испытывает его воздействие. Кроме того, блогосфера является представителем

расширяющегося спектра информационных продуктов. Самым главным явлением информационного общества стал экспоненциальный рост производства и передачи всех форм информации (частной и публичной) многочисленными средствами, в первую очередь телекоммуникационными, а затем цифровыми, превышающими человеческую способность ее зафиксировать или обработать. Рост числа форм публичных средств коммуникации и межличностная связанность – это только одна рядовая черта «информационной революции». Но и она сыграла свою роль в стимулировании изменений и теперь, в свою очередь, сама все больше испытывает их влияние. Это воздействие сводится к двум главным формам – с одной стороны, обращение информации о событиях в мире вышло из-под контроля новостных медиа, поскольку существует много альтернативных онлайн-источников, которые часто бывают более специализированными и оперативными. С другой стороны, капиталистическое общество потребления сталкивается с необходимостью обработки и осмысления огромного массива данных, потенциально значимых или представляющих интерес для потребителя, который теряется от такого изобилия. О.В. Машитько пишет: «Функционирование капиталистической системы строится на постоянной эмиссии денег и принципе пониженного срока износа товаров. Без этих факторов функционирование системы невозможно. На лингвистическом уровне симметричным процессом является своего рода «эмиссия слов»: искажения, появление все новых и новых сленгов, особенно в интернет-среде. В теории постструктурализма этот процесс нашел отображение в рамках концепции пустоты знака. Оборот ничем не обеспеченных денег приводит к функционированию ничем не обеспеченных слов» [4, с. 83].

Вполне справедливо представить потребление как чтение и восприятие текста, вхождение в виртуальное бытие и погружение в пространство гиперреальности. Поведение человека – это набор символов и знаков, текст, который мы читаем, исходя из определенной системы координат. Человек общества потребления стремится приобрести черты знаковости, текстуальности, читаемости. Поскольку в основе потребления лежит кодекс знаков и отличий, то потребление выступает носителем языка нашего общества и способом коммуникации. «Виртуальное бытие человека локализуется

в пространстве гиперреальности, элементами которой являются симулякры – эмансипированные символы (заметим, что человек тоже является элементом гиперреальности, следовательно, выступает как симулякр). Бытие человека в гиперреальности характеризуется символическим потреблением. Именно символическому потреблению оказывается подчинена значительная часть деятельности человека, его душевных сил. Именно через символическое потребление в значительной степени происходит самоидентификация и социализация человека в информационном обществе, то есть аксиология информационного общества оказывается имманентно привязана к системе ценностей консьюмеризма» [9, с. 45].

Суть рассматриваемой проблемы потребления в информационном обществе заключается в специфике ключевых ролей, которые блогосфера выполняет в этом процессе, причем все они связаны со сбором и публичным распространением информации в самом широком смысле. Некоторые из этих ролей взяты на себя добровольно, а некоторые – нет. Речь идет в первую очередь о множестве производителей и потребителей новостной информации и в этом смысле рассматривается как элемент общества потребления. Потребителями новостей блогов выступают отдельные граждане, а также организованные группы, которые могут действовать и как источники информации. Блогосфера является органичной частью информационного общества, активно участвуя в конструировании общего знания, сознания и памяти, а также чувства идентичности. Она также выступает необходимым компонентом в процессе взаимодействия участников многочисленных сетей, составляющих весь комплекс социальной жизни. Правительства, власть в целом также заинтересованы в функционировании блогосферы, как источнике сведений о состоянии общественного мнения, предоставляющем непрерывное поток информации о текущих событиях.

По мере развития блогосферы, новые возможности онлайн-новых новостей приветствовались как прорыв к свободе и как средство коммуникации на местном и групповом уровнях. Эти идеи развиваются и являются основой деятельности современных «народных или гражданских журналистов», особенно тех, кто использует Интернет для публикации и обмена новостями и мнениями, которые могут быть альтернативой содержанию медиа мейнстрима. Теории бло-

госферы в Интернете находятся в процессе становления, положения о возможной правовой ответственности блогеров за дезинформацию пока не сформулированы, причем взгляды на этот счет расходятся. В ранних предположениях содержалось предвидение разрыва с прошлым, когда преобладал поток новостей «сверху вниз». Появление блогосферы как нового вида публичной сферы, отмеченной изобилием информации, множественными новостными потоками, полной свободой, повышенным уровнем гражданского участия и новыми проявлениями демократии приветствовалось. Все это вызывало дискуссии и активный обмен мнениями и могло послужить противодействием для утверждений о вреде, который якобы наносит отчуждение граждан от политики и активной общественной жизни как реакция на манипулирование и цинизм в публичной сфере. Следует отметить, что наблюдаемые ныне взаимоотношения блогосферы с традиционными СМИ не столь драматичны, хотя в каких-то процессах и обстоятельствах они оказались напряженными.

Развитие блогосферы привело к тому, что информации стало гораздо больше, она стала оперативнее и интереснее. Однако, этот процесс вызвал и падение качества информации. Раньше публично доступный контент создавало ограниченное число авторов, издательств, теле- и радиокomпаний. Сегодня их роль могут примерить на себя практически любой человек, у которого есть доступ в Интернет с компьютера или любого другого гаджета. В бумажную эпоху публично доступные тексты создавали, как правило, наиболее образованные, компетентные и сознающие свою ответственность люди. Прежде чем появиться в публичном пространстве, информация проходила через сито отбора в издательствах. Информация, созданная одними квалифицированными людьми, сначала оценивалась, а потом тщательно выверялась другими квалифицированными людьми – рецензентами, редакторами, корректорами, бюро проверки, наконец, цензорами. Графоманы издательствами отсекались. Имена авторов и издателей были хорошо известны. В настоящее время почти во всем мире признано право человека на самовыражение. В результате в электронной информационной среде активно действует огромное количество графоманов, необразованных, безответственных людей, которые в большом количестве создают общественно доступный контент, свободно распространяют его и даже навязывают. Поэтому

информационная среда, прежде всего блогосфера, полна не только качественной и полезной информацией, но и бесполезной, бессмысленной, вредной, дезориентирующей. В подобном контенте гуманистические ценности полностью отсутствуют. Такие контрасты и несоответствия отражают разнообразие целей блогосферы, а также тот факт, что «реальность» и человеческие слабости всегда сталкиваются с идеалистическими мотивациями. Нормальное или среднее – это не то, что имеет большее значение (даже когда его можно вычислить или сравнить), а то, что отдельные «гражданские журналисты» действительно живут в соответствии с избранными ценностями, когда это необходимо. Общество нуждается в эффективных и талантливых блогерах и их работе. Блогосфера, в свою очередь, требует признания и защиты, а также структурных предпосылок для обеспечения условий для своего функционирования [3]. В результате в блогосфере наблюдается противоречивый процесс как переосмысления и наполнения новым содержанием, так и профанации понятий идеала и нормы – и в поведении в киберпространстве, и в содержании высказываний.

Анализ функционирования блогосферы позволяет выявить и систематизировать социально-коммуникативные особенности блогосферы, которые используются этой средой при создании и трансляции контента:

Во-первых, доступность блога и роли блогера любому рядовому пользователю Интернета. Для создания блога и использования этого инструмента интернет-коммуникации не требуется больших технических знаний и материальных затрат.

Во-вторых, это неограниченность в параметрах коммуникационной работы. Сообщения в блогах не лимитируются ни тиражом, ни объемами, ни видом используемой информации (текст, видео, фото, аудио).

В-третьих, соучастие аудитории в создании контента. Возможность оставлять комментарии позволяет установить в блогах двустороннюю коммуникацию. Тем самым блогосфера создала новую схему взаимоотношений между автором и аудиторией: создавая блог, пользователь становится одновременно и автором, и аудиторией для блогов других пользователей.

В-четвертых; блоги персонифицированы, поэтому существуют в контексте личности автора.

В-пятых, включенность блогосферы в процесс социализации: создавая блоги, их авторы стремятся устанавливать связи, объединяться в сообщества по тематическим или другим критериям. Сообщества, в свою очередь, налаживают контакты между собой [7, с. 8–9].

Указанные особенности блогосферы как социально-коммуникационного феномена делают ее не просто платформой для общения или площадкой для общественных дискуссий и обмена идеями, но и особым виртуальным сообществом и нередко альтернативным источником информации. А за счет того, что по блогосфере информация распространяется очень быстро и неконтролируемо, ускоряется и реакция общественного мнения и властей по различным вопросам. О росте влияния и популярности блогосферы свидетельствует, в частности, то, что сегодня практически все политические, культурные, общественные и прочие деятели ведут блоги.

Противоречивость развития блогосферы вызвала неоднозначность мнения о роли блогов в социальных процессах. По мнению одних, блогосфера способствует смягчению социальной напряженности, поскольку позволяет человеку самореализоваться, уходя и увводя других в виртуальную реальность. Противоположное мнение сводится к тому, что блогосфера радикализирует социальные процессы, поскольку доступность и неконтролируемость информации приводит к тому, что радикальные идеи быстро распространяются по блогосфере. Бесконтрольность информации дестабилизирует существующие режимы, причем, как демократические, так и авторитарные. Яркими примерами, подкрепляющими эту позицию, являются «арабская весна», бунт «желтых жилетов» во Франции, расовые столкновения в США и др. [5].

Блогосфера не может изменить общество, неотъемлемым элементом которого она является, может лишь обеспечить информационные каналы и мотивацию для общества самому инициировать изменения. Противоречия и ограничения возникают из конкретных обстоятельств информационного общества капиталистического типа и диктуются разнообразием перспектив и вовлеченных интересов. Законодательная и исполнительная власть не ослабили и эффективно направляют свою активность на сферу онлайн-медиа всех видов, которые, оказывается, не обладают таким иммунитетом от контроля, как это когда-то предполагалось, и в целом не обладают ясными

способами защиты своих прав. Значительной трансформации модели публичной коммуникации, которая по существу является моделью массовой коммуникации, еще не произошло, несмотря на возникновение большой степени интерактивности, участия и открытости для большего числа источников контента. Блогосфера находится в процессе бурного и противоречивого становления, и ее онлайн-формы адаптируются к старым и новым целям в условиях цифровизации общества. Вместе с тем нельзя не заметить, что гуманистическая идея совместного использования информации в виде знания всеми странами и народами планеты входит в противоречие с ценностями главного субъекта глобальных изменений – техногенной цивилизации и ее ядра в виде транснациональных корпораций, которые ориентированы не на внутреннее совершенствование человека, а на активное преобразование мира технологическими средствами с целью получения прибыли.

Библиографический список

1. *Ганский П.Н.* Блогосфера и социальные сети как элемент современного политического процесса. URL: <http://blogosfera-i-sotsialnye-seti-kak-elementy-sovremennogo-politicheskogo-protsessawww.nop-dipo.ru/ru/node/329> (дата обращения: 07.01.2021).
2. *Евсюкова Т.В., Гермашева Т.М.* Основные подходы к определению понятия «блог» и «блогосфера» в лингвистике // Гуманитарные, социально-гуманитарные и общественные науки. 2015. № 11-2. С. 234–239.
3. *Максимова Т.О.* Блог в интернет-коммуникации: структура, функции, литературный потенциал // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. № 1. С. 125–132.
4. *Мащитько О.В.* Потребление как пустота и насилие в современных концепциях философии культуры // Вестник полоцкого государственного университета. Сер. Е: педагогические науки. 2014. № 15. С. 82–85.
5. *Савенков В.Д.* Функции блогосферы в РФ и США в XXI веке: сходства и различия // Социодинамика. 2018. № 3. С. 16–26.
6. *Соколов А.В.* Информационное общество в виртуальной и социальной реальности. СПб., 2012.
7. *Ушанов П.В.* Блоги как зона информационных рисков власти и ядро новой политической технологии // Бизнес. Общество. Власть. 2013. № 14. С. 8–14.
8. *Уэбстер Ф.* Теории информационного общества / пер. с англ. Н.В. Арапова; под ред. Е.Л. Варгановой. М., 2004. С. 369–370.

9. *Фуркин Б.А.* Символическое потребление и человек в информационном обществе // Вестник МГУКИ. 2012. № 6 (50). С. 45–50.

Владимир Васильевич ПАШКОВ

доктор философских наук, доцент

профессор кафедры социально-гуманитарных

и общеправовых дисциплин

Московский финансово-юридический университет МФЮА

УДК 811.161.1

В.Е. Замальдинов, В.В. Замальдинова

ЛЕКСЕМА БАЙДЕН КАК МАРКЕР НОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ

Аннотация. В статье рассматривается лексема *Байден* как маркер новой политической эпохи. Материалом для анализа послужили медийные тексты. Авторы делают вывод о том, что на базе данной лексемы создаются новообразования, связанные с политической ситуацией в США.

Ключевые слова: язык СМИ, лексема *Байден*, новообразования, способы словообразования.

V.E. Zamaldinov, V.V. Zamaldinova

LEXEME BAJDEN AS A MARKER OF A NEW POLITICAL ERA

Abstract. The article considers the word *Bajden* as a marker of a new political era. The material for the analysis was media texts. The authors conclude that innovations related to the political situation in the United States are created on the basis of this word.

Keywords: media language, word *Biden*, innovations, ways of word-formation.

Президентские выборы в США 2020 г. завершились победой Джо Байдена. Избирательная кампания сопровождалась низкими рейтингами одобрения Дональда Трампа и угрозой его импичмента, взаимными обвинениями политиков во лжи и коррумпированности, расколом американской общественности на несколько лагерей, оспариванием итогов выборов. Как справедливо отмечает В.О. Печатнов, «накал страстей и уровень взаимной враждебности противоборствующих сторон создают опасность того, что ни одна из них не смирится со своим поражением и не признает легитимность исхода предстоящих выборов» [5, с. 14].

Политическая ситуация в США нашла отражение в языке современных российских СМИ. Во-первых, это связано с тем, что выборы президента – это значимое событие не только для отдельно взятой страны, но и для всего мирового сообщества. Во-вторых, в медиакommunikации регулярно поднимается тема вмешательства России в процесс голосования. В период предвыборной гонки не-

которые американские политики намеренно создают в обществе отрицательный образ Российской Федерации для укрепления собственных позиций. Й. Сипко пишет: «Не стоит особого труда заметить, что любое политическое событие в современном мире регулярно оценивается СМИ с созданием отрицательного образа России. То, что прозападные авторы высказывают антироссийские оценки по любому поводу, приводит даже к парадоксам» [8, с. 45].

В медийных текстах встречаются новообразования (словообразовательные неологизмы) на базе слова *Байден*. Данную лексему можно отнести к ключевому слову социокультурного пространства. На это указывают такие признаки ключевого слова, как появление новых производных от данной лексемы, частотность ее употребления, использование слова в заголовках. «“Лавинообразное словотворчество” (термин С.В. Ильясовой) направлено на игру с ключевыми элементами, маркерами эпохи, то есть высокочастотными и концептуальными лексемами» [2, с. 199].

Медийные новообразования могут создаваться узуальными и незузуальными способами словообразования. Так, в языке СМИ журналисты используют такой узуальный способ деривации, как префиксация. Активность в медийных текстах проявляют приставки **анти-** с семантикой отрицания, **недо-** со значением неполноты: *И касаться она (встреча. – Авт.) будет разблокирования американской помощи Украине в обмен на, возможно, операцию «Антибайден», продолжение расследования дела «Буризмы», определенные заявления на эту тему со стороны официальных расследователей. Словом, в обмен на все, что будет служить отбеливанию Трампа и, соответственно, очернению Байдена* (112.ua, 05.12.2019); *Пост-Трамп и недо-Байден: в новые времена со старыми рецептами* (заголовки).<...> *Байден в этом смысле не вызывает у меня особого оптимизма именно потому, что он обещает вернуть Штаты в русло прежней «системной» политики* (Макспарк, 08.11.2020). Как видно из примеров, для подобных префиксальных новообразований характерна негативная оценочность, которая усиливается контекстом. По мнению А.И. Приходько, «оценивая определенный объект, субъект опирается, с одной стороны, на свое отношение к нему, а с другой – на стереотипные представления об объекте и его место в ценностной картине мира» [6, с. 79].

Частотны в медийных текстах новообразования на базе лексемы *Байден* с суффиксами *-оид* со значением подобия, *-ец* со значением «сторонник кого-либо или чего-либо», *-щин(а)* с оттенком неодобрения: «*Байденоиды*» же в ответ <...>развернули кампанию «Нет скандалу Украина-Байден». Во всяком случае газета «*Вашингтон Пост*» выпустила редакционную статью «Нет, скандала Байден-Украина не будет» (E-News.su, 04.06.2020); В одном только *Детройте* злоеущие *байденцы* ~~1488~~ 4788 раз дважды (а то и трижды) зарегистрировались для голосования, наклепали на 32519 «голосов из *Ада*» больше, чем было зарегистрировано избирателей (LiveJournal, 06.11.2020); *Байденовица* выявила со всей яркой иллюстративностью, что граждане США тоже никого и ничего не выбирают. Они тоже заложники власти, которую выбирает... кто?! Ни Трамп, ни Байден верховной властью не являются (Конт, 12.12.2020). Негативная оценочность суффиксальных инноваций обусловлена контекстом, отношением журналиста к тому лицу, которое названо мотивирующим существительным, словообразовательным формантом.

Востребованы в медийных текстах новообразования, созданные с помощью аффиксоидации. Необходимо отметить, что не все исследователи выделяют данный класс морфем. Однако мы рассматриваем аффиксоидацию как продуктивный способ словообразования. Е.И. Коряковцева отмечает, что «действуя наряду со словосложением и аффиксацией, аффиксоидация все интенсивнее развивается в славянских языках, свидетельствуя о динамизме их словообразовательных систем» [4, с. 128]. Для обозначения данных морфем лингвисты чаще всего используют термин «аффиксоиды». Под аффиксоидами мы будем понимать «компоненты, похожие на корни, но не являющиеся корнями» [9, с. 357].

Разновидностью аффиксоидации является префиксоидация. Префиксоид – «аффиксоид, выполняющий функции приставки» [7, с. 149]: *Евромайдан* – *евробайден* (заголовок). *На поминки дам стакан. Славься мой ЕвроБайдан!* (Проза.ру, 21.11.2014); *Центральное разведывательное управление (ЦРУ) по поручению администрации президента США Барака Обамы готовит беспрецедентную кибератаку против России.* <...>*Киберобаме и Кибербайдену посвящается* (LiveJournal, 15.10.2016). Как видно из примеров, в медийных текстах активность проявляют префиксоиды *евро-* с семантикой ‘европей-

ский’ [3, с. 89] и *кибер-* с семантикой ‘связанный с использованием компьютеров, компьютерной сети (Интернета), основанный на их применении’ [3, с. 115]. Необходимо отметить, что под влиянием контекста новообразования с префиксоидами *евро-* и *кибер-* приобретают отрицательную оценочность.

Другой разновидностью аффиксоидации является суффиксоидация. Суффиксоид – это аффиксоид, употребляющийся в функции суффикса. Отметим, что «суффиксоиды в системе неогенных аффиксоидов представлены в меньшей степени» [1, с. 28]. Так, в медийных текстах востребованным остается суффиксоид *-гейт* с семантикой ‘скандал’: «*Байденгейт*» набирает обороты. Судя по всему, сейчас на президентских выборах США только началась реальная битва компроматов (т/к «Звезда», 24.05.2020). Новообразования с интернациональным суффиксоидом *-гейт* участвуют в распространении негативной информации, обозначают громкие чаще всего политические скандалы.

Достаточно распространены в медийных текстах новообразования, созданные незуальными способами словообразования. Так, журналисты активно используют в СМИ контаминированные инновации: *Лос-Анджелес. 2029 г. Шел девятый год подсчета голосов на выборах 2020 года... Байденаторы наступали на силы сопротивления* (Twitter, 03.11.2020) ← *Байден + (терми)наторы*; *Как «байденомика» может объединить разделенную нацию* (заголовок). *Президентские выборы в США – одно из главных событий «коронавирусного» 2020 года, которое привлекло внимание даже тех, кто далек от политики* (Mind.ua, 19.11.2020) ← *Байден + (эко)номика*. Контаминированные новообразования характеризуют различные стороны социальной жизни, участвуют в создании комического эффекта. Особого внимания заслуживают незуальные новообразования на базе обценной лексики: *Байден байданулся и назвал демократов дерьмокартами!* (Anekdot.ru, 12.11.2020); *Если Бляйден действительно победил и доживёт до коронации, то я социально удаляюсь на 4 года* (Twitter, 14.11.2020). Подобные номинации провоцируют ответную речевую агрессию, негативно влияют на языковой вкус читателя, нарушают этические нормы.

Итак, лексема *Байден* является маркером новой политической эпохи. Данное слово выступает в роли производящей основы для новообразований, связанных с политической ситуацией в США.

Инновации на базе лексемы *Байден* чаще всего обладают негативной экспрессией. Это связано с тем, что в обществе неоднозначно воспринимают результаты президентских выборов.

Библиографический список

1. Григоренко О.В. Неогенные аффиксоиды в русском языке последних десятилетий // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в ВУЗе и школе. 2020. № 30. С. 24–30.
2. Замальдинов В.Е. Ключевые элементы в современном медийном словотворчестве // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2017. № 1. С. 199–204.
3. Козулина Н.А., Левашов Е.А., Шагалова Е.Н. Аффиксоиды русского языка. Опыт словаря-справочника / отв. ред. Е.А. Левашов. СПб., 2009..
4. Коряковцева Е.И. Очерки о языке современных славянских СМИ (семантико-словообразовательный и лингвокультурологический аспекты). Siedlce, 2016. 152 с.
5. Печатнов В.О. США в тисках кризисов // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 10. С. 5–16.
6. Приходько А.И. Оценочность как социокультурный признак журналистского текста // Медиалингвистика. 2016. № 1 (11). С. 73–81.
7. Сенько Е.В. Современные процессы в лексике русского литературного языка: учебное пособие / под ред. Б.В. Кунавина. Владикавказ, 2016.
8. Сипко Й. Образ России в контексте американских президентских выборов (на материале словацких СМИ) // Политическая лингвистика. 2017. № 2 (62). С. 41–46.
9. Янко-Триницкая Н.А. Словообразование в современном русском языке. М., 2001.

Владислав Евгеньевич ЗАМАЛЬДИНОВ

кандидат филологических наук
преподаватель кафедры иностранного языка и культуры речи
Нижегородская академия МВД России

Виктория Валентиновна ЗАМАЛЬДИНОВА

заместитель директора по учебно-воспитательной работе
Средняя общеобразовательная школа № 4, г. Балахна

УДК 81'373.45:811.161.1 + 811.133.1: [81'42:327]

И.Б. Чернышева

РУССКОЕ СЛОВО ВО ФРАНЦУЗСКИХ СМИ КАК КОМПОНЕНТА СУБЪЕКТИВНОГО ОБРАЗА СИТУАЦИИ

Аннотация. Исследуются коннотации слова, заимствованного из русского, получающего то отрицательную, то положительную оценку в политическом дискурсе, что, в эпоху медиатизации политических событий, связано с эволюцией обобщенной когнитивной системы носителей языка и зависит от поколения, контекста коммуникативной ситуации и контекста в тексте.

Ключевые слова: политический дискурс, заимствования, французский язык, русский язык.

I.B. Chernysheva

A RUSSIAN WORD IN THE FRENCH MEDIA AS A COMPONENT OF THE SUBJECTIVE IMAGE OF THE SITUATION

Abstract. The connotations of a word borrowed from Russian are investigated showing that it receives either negative or positive evaluative meanings in political discourse, which, in the era of mediatization of political events, is associated with the evolution of the generalized cognitive system of native speakers and depends on generation, the context of the communicative situation, and the context in the text.

Keywords: political discourse, borrowings, French, Russian.

Знак не является устойчивой ригидной системой, его составляющие находятся в постоянном развитии, которое определяется как изменением событийных референтов, так и эволюцией когнитивной системы как отдельного, так и обобщенного пользователя.

Мы исходим из понимания слова как знака, который имеет как денотативное, так и коннотативное значение, причем второе может либо быть изначально включено в его семантическую структуру (например, бранные или уменьшительно-ласкательные), либо проявляться при его функционировании в определенном контексте и определенной коммуникативной ситуации.

Вслед за А.Н. Барановым [4] мы понимаем когнитивную систему как непрерывно формирующуюся сложную систему кон-

цептов и образов, обладает определенными модальными оценками, включая эпистемические. Образуются конфигурации разной степени абстракции, которые включают информацию о мире, о языке и о речи, имеющие особенности в эпоху медиатизации политических событий [8]. Основываясь на этом подходе, мы различаем в когнитивной системе человека две взаимосвязанные подсистемы: 1) систему образов, понятий, представлений как единиц информации и 2) систему интенций, оценок, логических связей, эмоций, составляющую логико-оценочный концепт.

Предметом исследования на данном этапе являлись полностью ассимилированные во французском языке заимствования из русского языка, употребляющиеся его носителями в отрыве от контекста русской культуры.

Целью данного исследования является рассмотрение субъективного образа ситуации коммуникации посредством анализа контекстуальной семантики одного слова в текстах на политическую тематику.

Методика данного исследования включает контекстуально-ситуативный, семантический и сравнительный анализ.

Материалом работы послужили тексты франкоязычных СМИ последнего десятилетия и словарные статьи толковых словарей Larousse [10], Robert [9] и Исторического словаря французского языка [11].

Изменения статуса каждого конкретного заимствования из русского языка по критерию ассимиляции исследуется в работах М.Ю. Авдониной [3], в которых выделяются пять этапов вхождения иноязычного слова: этап ксенизма, этап соотнесения понятия чужой культуры с понятием своей культуры, этап присвоения формы (фонической, графической, грамматической), этап внесения слова в толковые словари и, наконец, этап полной ассимиляции слова. Мы разделяем понимание М.Ю. Авдониной о том, каковы критерии полного присвоения слова системой языка: слово в таком случае становится полисемичным [1] и приобретает деривационный потенциал (например, *tchernobylique*) [7]. Некоторые хорошо известные французам слова вносятся в словари через многие годы. В последние десять лет французские словари включили такие единицы как *polynie*, *pavlova*, *malossol*, *bérézina* и поменяли пометы к некоторым словам,

например, слово *voïvode*, наконец-то, было признано русским. Еще одним критерием, по мнению автора, является отсутствие комментариев при употреблении заимствования в письменном неформальном общении (например, *pouchka*, *Russkoff*) так же, как и понимание вторичных значений (например, *salade russe*) и коннотаций, не указанных в словарях. и обнаружены производные, не включенные в словарь. В то же время, в системе языка-приемника происходят грамматические (*un kalach / une kalach*) и графические (*kopeck / kopek*) изменения слов, а также меняется семантическая структура слова, что приводит к трудностям его интерпретации при переводе [2]. М.Ю. Авдониной выявлены несколько десятков русских слов, полностью ассимилированных в современном французском языке: *agit-prop*, *apparatchik*, *intelligentsia*, *niet*, *oukase*, *refuznik* (*tech-refuzniks*), *stakhanoviste*.

В текстах на политическую тематику особенно частотным и значимым для семантики текста является лексическое заимствование из русского языка *apparatchik*. Анализ его функционирования во французском языке в оценочных высказываниях по И.П. Сусову [5] наглядно демонстрирует непрочность и нестабильность связи его денотативного и коннотативного значений, их быстрое развитие как в связке, как и по отдельности.

Все указанные выше и многие другие толковые словари французского языка фиксируют два значения этого слова:

- историзм, партийный функционер эпохи СССР или союзной страны;
- современное значение: *уничижит.* функционер-бюрократ, часто карьерист, пользующийся своим положением.

Например:

1. Larousse

- Anciennement, membre salarié à temps plein du parti communiste de l'U.R.S.S. ou d'une démocratie populaire.
- Péjoratif. Membre de l'appareil d'un parti, d'un syndicat.

2. Wiktionnaire apparatchik

- (Histoire) Dignitaire du parti communiste soviétique en Russie ou ailleurs.
- (Par extension) (Péjoratif) Dignitaire, cadre, d'une bureaucratie administrative, d'un parti politique.

То есть, в соответствии со словарным значением слово *apparatchik* относится к таким словам, чье современное значение кроме денотативного заведомо включает и коннотативное – отрицательную оценку. Причиной является исторически отрицательное отношение общественного мнения к политической системе СССР, в частности, в интернет-дискурсе [6].

В настоящее время функционирование его меняется.

1. Остается контекст историзма с культурологической соотнесенностью с СССР: денотат – российский/советский чиновник, например, при цитировании высказывания Марин Ле Пен, в котором увязывается поддержка экономических взглядов В.В. Путина, укрощение бюрократов и патриотический уклон мер по развитию экономики Франции:

Je partage avec Vladimir Poutine en tous cas une partie de sa vision économique <...>. Nous avons regardé plutôt d'un bon œil l'arrivée d'un gouvernement qui a mis au pas les apparatchiks et qui a développé un patriotisme économique (<https://fr.euronews.com/2014/12/01/marine-le-pen-presidente-du-fn-je-suis-la-pour-sauver-la-peau-du-peuple-francais>).

2. Сохраняется сема идеологии коммунизма, левых взглядов, в том числе, профсоюзного движения, например, в швейцарской газете Ла Круа о судебном процессе в Ханое над Чинь Суан Тхань (Trinh Xuan Thanh): «*Cet ancien apparatchik du régime communiste vietnamien*» (<https://www.la-croix.com/2018-01-18-1200906991>) или о мэре Марселя как активном члене социалистической партии: *Présenté comme un apparatchik du PS par ses adversaires, Benoît Payan est habité par la passion de Marseille* (<https://www.lefigaro.fr/politique/20201220>).

3. Слово обозначает современного чиновника как бюрократа, функционера партии или другой структуры, при этом для установления наличия уничижительного значения необходим контекстуальный анализ:

За – В журнале *Нувель Обсерватер* публикуется письмо *Je ne suis pas une apparatchik du parti socialiste* («Я не аппаратчик социалистической партии» – здесь далее перевод наш. – Авт.) Lucile Schmid <...> *nous a écrit pour nous faire part de son étonnement d'être qualifiée d'«apparatchik»* (www.nouvelobs.com/rue89/rue89-politique/20090629) – член социалистической партии удивлена тем,

что ее назвали *apparatchik* и публикует письмо-опровержение. В ее восприятии денотат слова *apparatchik* – не член социалистической партии, но бюрократ, коннотация (отрицательная оценка) для нее стоит на первом месте;

3б – «*Qui est Joe Biden ? <...> un apparatchik de Washington, une créature du Sénat qui a passé quarante-sept ans dans le 'marais' de la politique américaine* – «Кто такой Джо Байден? <...> функционер госструктур Вашингтона, ставленник Сената, просидевший сорок семь лет в политическом «болоте»», <https://www.courtierinternational.com/>, 06/10/2020). Аппаратчиком здесь назван Д. Байден, фигура, совершенно не коррелирующая с левыми структурами. Денотат – функционер, коннотация (отрицательная оценка) связана с контекстом: «политическое болото»;

3в – Автор книги *La République des apparatchiks* (Изд-во Fayard, 2017) Ж.Б. Форей (Jean-Baptiste Forray) свое интервью *En marche est une entreprise de recyclage d'apparatchiks* (Партия «Вперед!» это предприятие по вторичному использованию бюрократов) начинает с трактовки современного значения этого слова (www.mediatices.fr/2017/06/06/):

L'apparatchik, c'est celui qui n'a jamais fait autre chose que de la politique. Le mot désignait d'abord les bureaucrates de l'appareil soviétique, connus pour leur poigne de fer et leur grande vélocité dans les jeux de pouvoir. En France, il est passé dans le langage politique courant depuis quinze à vingt ans. On reconnaît les apparatchiks à deux caractéristiques: ils sont plongés dans le marigot politique depuis toujours, et sont portés avant tout sur les jeux d'appareils et la tambouille politicienne. Le mot possède une connotation très négative... (Аппаратчик – это тот, кто никогда не занимался ничем, кроме политики. Это слово относилось сначала к бюрократам советского аппарата, прославившимся своим железным кулаком и проворностью в борьбе за власть. Во Франции это слово вошло в политический обиход лет пятнадцать-двадцать назад. Аппаратчиков можно узнать по двум качествам: они всегда погружены в политическое болото и ориентированы, прежде всего, на аппаратные игры и политическую возню. У этого слова очень отрицательный оттенок). Для автора в самом слове уже содержится отрицательная оценка, вне зависимости от контекста, в котором оно используется. Денотат – любой политик.

3г – В газете Коммунистической партии Юманите один из деятелей правых сил назван **apparatchik de la droite, mo** есть **правым** функционером. Коннотативное значение – резко отрицательная оценка, что подчеркивается контекстом (<https://www.humanite.fr/node/427502>)

4. Слово **apparatchik** теряет свою коннотацию (оценку, приближенную к крайнему значению «минус») и употребляется без какого-либо добавочного коннотативного значения: денотативное значение (любой чиновник-бюрократ) остается и расширяется.

4а – Описание карьеры политика, начинавшего как функционера и ставшего представителем по связям с общественностью партии: ...*cet apparatchik a été élu conseiller régional d'Occitanie, puis nommé président du groupe RN composé de 38 élus, avant de devenir le porte-parole national de son parti* (<https://ledoc-info.com/2019/06/20/>). Перечисляются посты, негативная оценка отсутствует.

4б – Характеристика персоналий кабинета с нейтральной оценочной составляющей (здесь – об администрации Трампа): *Donald Trump a choisi une bonne partie de son administration. Au programme, des grands patrons, plusieurs apparatchiks du parti Républicain et un bon nombre de généraux à la retraite* (<https://www.challenges.fr/437743>).

5. Парадоксально, но мы обнаружили постепенное движение оценочного поля к полюсу «плюс». Коннотативное значение слово **apparatchik** меняется, слово используется как заведомо включающее положительную коннотацию. Денотативное, следовательно, тоже меняется – не просто чиновник, а чиновник, знающий, как надо, имеющий опыт, умения, отличающийся дисциплиной, организованностью.

5.1. 5а – Бывшие чиновники пишут книги, в заглавиях которых называют себя **apparatchik**, используя слово как носитель положительной коннотации. Например, Бернар Жиру в 2013 г. в издательстве Archipel издал книгу *Confidences d'un apparatchik* (Откровения функционера).

В автобиографии бывшего премьер-министра Франции Эдуара Филиппа (Edouard Philippe, *Dans l'ombre*, 2011) это слово «звучит гордо»:

Je suis un apparatchik. Dans mon monde, les politiques et les apparatchiks vivent ensemble. Ni les uns, ni les autres ne peuvent survivre

seuls. L'apparatchik, c'est un guerrier qui sert un maître, un professionnel qui connaît son milieu, qui utilise ses armes, qui pare les coups qu'on veut porter à son patron. C'est un mécanicien, un organisateur, un inspirateur, un souffleur. C'est le bras, les oreilles, les jambes et parfois le cerveau du politique (Я аппаратчик. В моем мире политики и аппаратчики живут вместе. Ни те, ни другие не могут выжить друг без друга. Аппаратчик – это рыцарь, служащий господину, профессионал, знающий сферу своей деятельности, использующий свое оружие, отражающий удары, которые хотят нанести его господину. Он механик, организатор, вдохновитель, суфлер. Это руки, уши, ноги, а иногда и мозг политика).

Денотативное значение и положительная коннотация образуют единство, противоположное зафиксированному в словарях. Контекст подчеркивает положительную оценку, которая заключена в слове.

5б – В условиях пандемии, когда напряжение в управляющих сферах очень высоко и требуется именно профессионализм, скрупулезность, умение договариваться, увязывать и соблюдать интересы в межведомственных вопросах, слово **apparatchik** постоянно характеризует с самой лучшей стороны управленцев, неожиданно для всех занимающих не посты советников, а посты мэров, президентов и премьер-министров, например:

Benoît Payan élu maire de Marseille: la revanche d'un "apparatchik" socialiste (www.lci.fr/2172918, 21.12.2020); *Apparatchik éternel du parti socialiste catalan, Illa a été appelé à Madrid pour se convertir en ministre espagnol de la Santé* (*Equinox magazine* от 12 декабря 2020 г., в статье подчеркивается роль министра здравоохранения в условиях пандемии как третьего лица Каталонии после премьер-министра и министра внутренних дел);

5в – В портрете идеального брюссельского чиновника международного уровня во франкоязычном журнале «Балканский курьер» (www.courrierdesbalkans.fr/): *Neven Mimica, un apparatchik à Bruxelles. Le 1er juillet, la Croatie intègre l'UE et son premier Commissaire entre en fonction. Neven Mimica a un CV idéal: Européen convaincu, responsable politique chevronné* (Невен Мимика, функционер в Европарламенте. 1 июля Хорватия присоединяется к ЕС, и ее первый комиссар вступает в должность. У Невена Мимики идеальное резюме: убежденный европеец, опытный политик).

5.2. Слово *apparatchik* в положительной коннотации в заголовке употреблено даже без опоры на контекст, и в тексте, при перечислении необходимых для такой работы качеств, раскрывается его значение.

6. Для закрепления новой коннотации тексте содержатся дополнительные оценочные слова со знаком плюс, например (о Ж.-Л. Меланшоне, <https://www.franceculture.fr/emissions/la-conclusion/jean-luc-melenchon>):

Ce pourrait-il au fond que cet apparatchik devenu révolutionnaire soit en fait un formidable dandy de la politique, et le véritable esthète de ces années ambiguës de la Cinquième tardive? (Этот функционер стал революционером и потрясает политические круги своей элегантностью. Он – истинный эстет наших неоднозначных лет позднего периода Пятой Республики?)

7. Из сферы политической слово перемещается в другие сферы человеческой деятельности, например, в спорт (о хоккее на юге США):

Cet apparatchik, qui s'obstine à imposer sous le soleil du sud des États-Unis un sport d'hiver par excellence... (www.journaldequebec.com/2020/08/04/).

Однако восприятие слова как носителя положительной коннотации зависит от когнитивной системы пользователя. Те, на кого наложила отпечаток коммуникативная ситуация, в которой это слово использовалось как носитель негативно оценочной коннотации, продолжают воспринимать его в словарном пейоративном значении. Молодое поколение воспринимает его скорее с нейтральной и положительной коннотацией, судя по текстам последних двадцати лет.

Следующий пример демонстрирует расхождение в восприятии этого слова разными группами общества в пределах одной коммуникативной ситуации. Упрекая Лионскую ассоциацию «Город на велосипеде», некий депутат назвал ее руководителей *apparatchiks*. Ассоциация назвала этот выпад подарком и стала называть себя в сетях и в газете Трибюн де Лион *apparatchiks du vélo* (<https://tribunedelyon.fr/2018/07/09/>):

1. *Vélo: être un apparatchik, c'est fantastique. L'occasion de profiter d'un autre «cadeau» d'un élu. «On nous a traités d'« apparatchiks » du vélo ! C'est faux, mais c'est aussi une marque de fabrique, c'est cadeau !» Depuis, l'association n'hésite pas à ironiser avec ce terme sur les réseaux. De quoi cultiver à la fois l'image d'une asso de com-*

bat... en ménageant le dialogue. (Велоспорт: Быть аппаратчиком – это фантастика. Это возможность насладиться очередным «подарком» от муниципального депутата. «Нас обзывали «чиновниками велоспорта»! Это неправда, но ведь это торговая марка, это подарок! С тех пор ассоциация иронизирует по поводу этого слова в сети. Получается, что мы одновременно создаем образ боевой ассоциации... при сохранении диалога).

2. Выводы.
3. Анализ контекстов использования русского заимствования *apparatchik* в современном французском политическом дискурсе позволяет нам уверенно говорить о высшей степени ассимиляции этого заимствования.
4. Являясь продуктом когнитивной системы адресанта, положительное коннотативное значение принадлежало ранее когнитивной системе отдельных носителей языка, то теперь можно говорить о том, что оно стало элементом этого слова в обобщенной когнитивной системе носителей языка, что пока не зафиксировано словарями французского языка.

В настоящее время изменение коннотативного значения слова *apparatchik* это еще одно доказательство его освоения – функционально-семантическое. Расширение коннотаций, во-первых, связано с изменением коммуникативной ситуации, во-вторых, новые значения не вытесняют старые, но существуют параллельно.

Слово *apparatchik* теперь имеет в своей семантической структуре коннотативное значение положительной оценки независимо от контекста.

Эта коннотация связана с эволюцией обобщенной когнитивной системы носителей языка и зависит от поколения, контекста коммуникативной ситуации и контекста текста.

Отражение состояния языковых средств отдельного языка – задача, требующая гибкости и взвешенности решений, патриотической историчности и открытости.

Библиографический список

1. Авдонина М.Ю. Полисемия заимствованных русских слов в английском и французском языках // Мова. Науково-теоретичний часопис з мовознавства. Одесса, 2011. № 16. С. 100–106.

2. Авдонина М.Ю. Проблемы обратного перевода с английского и французского языков заимствований из русского языка // Университетское переводоведение: материалы XI международной научной конференции по переводоведению «Федоровские чтения». 2011. С. 11–18.
3. Авдонина М.Ю., Жабо Н.И., Сдобнова Ю.Н. Предмет, понятие и образ: русские слова во французской культуре XXI века // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 11 (804). С. 11–23.
4. Баранов А.Н. Функционально-прагматическая концепция текста: дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 1993.
5. Сусов И.П. Оценочные когнитивно-коммуникативные акты // Языковой дискурс в социальной практике. Тверь, 2007. С. 297–301.
6. Черненко С.В. Digital Humanities в контексте современного гуманитарного знания // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки. 2020. № 2 (34). С. 61–66.
7. Avdonina M.Yu., Zhabo N.I. Russian lexical units outside the context of Russian culture in modern French // IV Фирсовские чтения. Язык в современных дискурсивных практиках: материалы докладов и сообщений Международной научно-практической конференции. М., 2019. С. 375–380.
8. Buralkin M.Yu., Chernenkaya S.V. The problem of the scientific status theory of mediatization // 11th International Scientific and Theoretical Conference – Communicative Strategies of Information Society. Editors: O.D. Shipunova, and all. 2019. P. 272–280.
9. Dictionnaire Le Robert illustré 2015
10. Larousse. Dictionnaire. URL: www.larousse.fr/dictionnaires/francais/ (дата обращения: 30.07.2021).
11. Rey A. Dictionnaire historique de la langue française, en trois volumes. Paris, 2010.

Ирина Борисовна ЧЕРНЫШЕВА

кандидат филологических наук

доцент кафедры французского языка

Высшие курсы иностранных языков Министерства иностранных дел Российской Федерации

УДК 81'272

О.А. Давыдова

ЖЕЛТАЯ ПРЕССА И ДРУГИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ЖЕЛТИЗНЫ НАШЕЙ ЖИЗНИ

Аннотация. Фразеологизм *желтая пресса*, возникнув в языке американских СМИ, очень быстро был заимствован русским языком и широко употреблялся и продолжает употребляться в современной публицистике. Однако он не отражен во фразеологических словарях русского языка. Уже с начала XX в. фразеологизм как бы передал значение прилагательному *желтый*, которое развило переносное значение, включающее сему 'продажный'. В конце XX – начале XXI в. значение прилагательного *желтый* значительно изменилось, преобладающей семой стала сема 'скандальный'. Расширилась сочетаемость этого значения. В языке современных СМИ образовано значительное количество дериватов, реализующих это переносное значение прилагательного *желтый*.

Ключевые слова: желтый, желтизна, фразеологизм, семантика, язык СМИ, словарь.

О.А. Davydova

YELLOW PRESS AND OTHER MANIFESTATIONS OF THE YELLOWNESS OF OUR LIFE

Abstract. The phrase *yellow press*, which originated in the language of the American media, was very quickly borrowed by the Russian language and was widely used and continues to be used in modern journalism. However, it is not reflected in the phraseological dictionaries of the Russian language. Already from the beginning of the twentieth century: phraseology as it passed the meaning of the adjective *yellow*, which developed a figurative meaning, including this 'corrupt'. In the late XX – early XXI the meaning of the adjective *yellow* has changed significantly, the prevailing sema has become 'scandalous'. The valency of the figurative meaning of the adjective has significantly expanded. From this LSV (meaning of the word), a significant number of derivatives are formed that implement the figurative meaning of the adjective *yellow*.

Keywords: yellow, yellowness, phraseology, media language, dictionary.

История фразеологизма *желтая пресса*, появившегося в американских газетах в конце XIX в. (этимология его довольно детально описана в нескольких источниках, прежде всего в словаре В.В. Серова [10, с. 193]), связана с соперничеством двух американских из-

даний (New York Journal и New York World) и их издателей (William Randolph Hearst и Joseph Pulitzer) за обладание серией комиксов художника Richard F. Outcault под название «Желтый малыш» («Yellow Kid»). В 1896 г. редактор «New York Press», Эрвин Уордман (Erwin Wardman) презрительно назвал обе конкурировавшие газеты «желтой прессой». Точнее, он использовал фразы «жёлтая журналистика» и «школа журналистики жёлтого малыша» («yellow journalism» и «school of yellow kid journalism»). Фраза перешла в разряд крылатых, «жёлтый малыш» (*желтая пресса*) стал символом изданий, для которых главное – прибыль, которую можно получить публикацией материалов разного (весьма сомнительного) содержания.

Считается, что поддержанию популярности выражения способствовало и то, что «жёлтые газеты» печатались на дешевой бумаге с желтоватым оттенком и ради популярности готовы были опубликовать любую самую скандальную по содержанию информацию [10].

В начале XX в., по данным национального корпуса русского языка, устойчивое сочетание активно использовалось на страницах русских газет (приведем только некоторые из примеров): «*Berliner Tageblatt*» сообщает из достоверного источника, что содержание этого интервью от начала до конца – ложь, изобретенная **американской желтой прессой** в целях сенсации (Русское слово, 1908); Выступивший со стороны Хандамирова присяжный поверенный Алейников произнес речь о деятелях **желтой прессы** (Русское слово, 1911); В конце статьи указывается на «специфических условия», в которых новой газете придется работать, в виду травли со стороны **желтой уличной прессы** (Новая газета, 1914, 6 мая). ФЕ была известна А.М. Горькому, который дважды употребил ее в статье «О современности» 1912 г.: «*Рыцари слова*» из **желтой прессы** причиняют обществу вред непоправимый. Как червь, разрушают они изо дня в день этические оценки, выработанные русской интеллигенцией с таким трудом, с такой затратой сил. <...> Это (оправдание предательства Иуды Искариота. – Авт.) называется переоценкой ценностей и, составляя основное занятие **желтой прессы**, постепенно просачивается в серьезную литературу [5].

Использовал ФЕ А.А. Блок в первой редакции поэмы «Возмездие» (1921): *Пусть будет прост и скуден храм, Где небо кроют мглою бесы, Где слышен хохот желтой прессы, Жаргон газет*

и визг реклам [3]. И на протяжении XX в. и писатели, и журналисты активно использовали фразеологизм (приведем только некоторые из многочисленных примеров разного времени): *Оставаясь спокойными и хладнокровными, не поддаваясь на провокацию агентов и слуг контрреволюции, не веря ни одному слову продажной желтой буржуазной прессы, посылайте от всех заводов и фабрик и мастерских, от всех казарм, всех полков и воинских частей делегации с наказаниями, содержащими ваши требования* (Суханов Н.Н. Записки о революции. 1918. Кн. 6); *Одним из первых появился М.М. Гаккебуш, не брезговавший никакими средствами, чтобы поднять розницу и заставить москвича читать «Русский листок». Сенсации придумывались, сплетни печатались, и газета явилась в Москве первой представительницей желтой прессы. Разухабистовел в ней театральные отчеты Ф.Д. Гриднин, явился из Одессы некий Редер, к характеристике деятельности которого можно сказать, что впоследствии он был выслан из Москвы за газетные шантажи. Менялись редакторы – менялось лицо газеты* (Гиляровский В.А. Москва газетная. 1934); *Дело происходило в 1910 году, когда в России расцвела буйным цветом так называемая жёлтая пресса, которая ради дешёвой сенсации публиковала интимнейшие фотоснимки с известных и полуизвестных писателей, изображавшие их то на пляже, то в дачном гамаке, то в бильярдной, то за бутылкой вина* (Чуковский К.И. Короленко в кругу друзей. 1940); *Выдумка желтой прессы до революции, а позже белых эмигрантов о том, что Горький живет в роскоши, что у него миллионы и виллы, всегда были только выдумкой* (Берберова Н.Н. Железная женщина. 1978); *Книга эта под названием «The Russians» («Русские») сразу стала очень популярной на Западе, чем-то вроде краткой энциклопедии по антисоветизму. И именно потому, что она не была оголтело антисоветской, как это наблюдалось в «желтой» прессе. Она произвела на западное общество впечатление серьезной работы* (Козлов А. Козел на саксе. 1998); *Особенно отличается этим канал РЕН ТВ, в последние годы ставший телевизионным аналогом желтой прессы* (Городницкий А.М. Тайны и мифы науки. В поисках истины. 2014) и др.

Парадокс существования ФЕ *желтая пресса* состоит в том, что он не отражен в большинстве фразеологических словарей рус-

ского языка. В добросовестном в отношении предыдущих фиксаций словаре В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной: *Желтая пресса*. Публ. *Неодобр.* О низкопробной лживой, падкой на дешёвые сенсации печати. Калька с англ. *yellow press* [8, с. 532] – указаны лишь три источника: ФЕ отражена в словарях [2, с. 471; 7, с. 380]. Правда, ФЕ отражена в некоторых из современных толковых словарей: \diamond Ж е л т а я пресса. ‘О прессе, публикующей в погоне за сенсацией скандальные сообщения, рассчитанные на обывательские, мещанские вкусы’ [2; 5, с. 601].

Почему так случилось и где в русских словарях «прячется» широко употребляемое выражение *желтая пресса*?

Уже в первом из вышедших в XX в. полных толковых словарей [14] фразеологизм передал одну из сем своего значения прилагательному *желтый* (компоненту ФЕ): 3. ‘Беспринципный, бульварно-сенсационный (о периодической печати); *публиц. Презрит.*). *Желтая пресса* [14, 1, с. 855] ФЕ используется как речение. Эта традиции сохранилась и в других толковых словарях: 2. *перен.* ‘Соглашательский, реформистский; продажный, предательский’. *Желтая буржуазная пресса* [11, 1, с. 426]; 2. ‘Продажный, соглашательский; низкопробный’. *Ж-ая пресса, печать* [4, с. 302] IV предик. разг. ‘О бульварной сенсационности периодической печати’ [6].

По-видимому, сразу же состав ФЕ начал варьироваться, и наряду с ФЕ *желтая пресса* начали широко употребляться варианты: *желтая газета*: В американской печати насифистскую пропаганду поддерживают только *желтые газеты* Херста, которые подкуплены немцами (Раннее утро, 09.01.1917); Они выбрали для этого опыта великолепную типографию *сумбурно-желтой газеты* «Русская воля», основанной еще царским министром внутренних дел Протопоповым (Суханов Н.Н. Записки о революции 1918. Кн. 4); Я полагаю, что «Петербургский листок» *самая желтая, самая скандальная газета в мире* (Шишков В.Я. Угрюм-река. 1913. Ч. 5–8); Кто-то пойдёт и купит книгу, посмотрит, почитает и скажет: «Не такая уж она и сука, эта Соломатина, как показалось из *жёлтой газеты* «Комсомольская правда» (Соломатина Т. Мой одесский язык. 2011) и др.; *желтое издание*: После «Человека с бульвара Капуцинов». Они взяли у меня интервью, но как *желтому изданию* им требовалось чего-нибудь соленого. И от себя они добавили, что я дочь крупного кинематографического начальника. Имелся в виду

Александр Суриков, директор «Совинфильма», который моложе меня на год (Сурикова А. Любовь со второго взгляда. 2001); *Однажды некое желтое издание* воскликнуло примерно следующее: «Ну чего ждать от пизжона в белом смокинге, с тросточкой, да еще сына цареубийцы!» (Шергова Г. ...Об известных всем. 2002) и др.; желтая передача: *Но ведь вы серьезная радиостанция? У вас ведь нет «желтых» передач? Как же это согласуется с тезисом о четырех «С»?* (Однако, 2010).

Видимо, у выражения *желтая пресса* в начале XX в. был синоним *уличная пресса*. В той же, уже упомянутой статье М. Горького несколько раз употребляется это выражение: *Несомненно, что даже и крупные литераторы находятся в сильном подчинении подленьким интересам все растущей уличной прессы и вольно или невольно служат ей, непоправимо компрометируя себя в глазах читателя-демократа – самого ценного в стране.* <...> *Не надо было воображать, что Россия ограничивается Петербургом, Москвою, их уличной прессой, трактиром «Вена»; редакционными кружками и тому подобными местами самовольного заключения* (Горький М.) О современности. Еще несколько примеров находим в национальном корпусе: В конце статьи указывается на «специфических условия», в которых новой газете придется работать, в виду травли со стороны *желтой уличной прессы* (Новая газета, 06.05.1914); Письмо Ризова с соответствующей припиской М. Горького было напечатано в «Новой жизни» и вызвало величайшую сенсацию, которой питалась вся *уличная пресса* несколько дней... (Суханов Н.Н. Записки о революции. 1918. Кн. 4); Он покупает и читает всю *уличную прессу* – это чувствуется в его разговоре, «Огонек», «Красный перец», «Ворон», «Прожектор» – его настольные книги (Чуковский К.И. Дневник. 1924); Во всяком случае, это значение отражено в словаре Д.Н. Ушакова: ‘Свойственный улице (см. улица в 4 знач.), низкопробный, низкого пошиба, пошлый’ (*презр. устар.*). *Уличные нравы. Уличная пресса* [14, 4, с. 931], в БАСе: ‘Удовлетворяющий вкусам, запросам малокультурной части общества; низкопробный, низкого пошиба’. *Уличная пресса. Ленька никогда не был поклонником этой копеечной уличной литературы, хотя, поддавшись моде, пробовал и сам писать приключенческие рассказы* (Пантелеев. Ленька Пантелеев, 2) [13, 16, с. 548]. И в современных

словарях: 3. 'Удовлетворяющий вкусам, запросам малокультурной части общества; пошлый'. *У-ая литература. У-ые нравы. У-ые песни. У-ые слова, выражения* [14, с. 1383]. В.В. Серов уверял, что до появления выражения *желтая пресса* европейские, в том числе и русские СМИ активно использовали выражение *револьверная пресса* (с немецкого «Revolverpresse») «по отношению к газетам, которые существовали за счет скандальных разоблачений, шантажа и т.п.» [10, с. 194]. Косвенным подтверждением этого служит единственный пример из корпуса русского языка – цитата из А.Н. Толстого *Где-то в парижской револьверной газеточке помещают три строчки об этом и какую-то фантастическую фотографию с бакенбардами, – «генераль Деникин»!* (Толстой А.Н. *Хождение по мукам*. Кн. 3. Хмурое утро. 1941).

Гораздо более употребительно синонимическое выражение *бульварная пресса, бульварная газета*. Видимо, впервые оно отражено в академическом словаре начала XX в. Грота-Шахматова: *бульварный* 'Годный для гуляющих по бульварам, празднующихся'. *Б. фронт, пресса, романы* [12, 1, с. 290]. Значение отражено во всех толковых словарях XX в.: 2. 'Рассчитанный на вкусы и интересы обывательской массы (о печатных произведениях)'. *Бульварный роман. Бульварная пресса* [14, 1, с. 203]; 2. *перен.* 'Рассчитанный на обывательские, мещанские вкусы'. *Б. роман. Бульварная литература* [9, с. 61]; 2. *Пренебр.* 'Рассчитанный на невзыскательный вкус; низкопробный, пошлый (о произведениях литературы)'. *Б-ая литература, пресса* [5, с. 102]; в качестве самостоятельного выделено в новом выходящем издании академического словаря: 2. *Перен. Разг.* 'Рассчитанный на невзыскательный вкус.; низкопробный, пошлый (о произведениях литературы, журналах, газетах и т.п.)'. *Бульварная газета, пресса. Бульварный роман. Бульварная литература* [4, 2, с. 250]. Там же отражено и слово *бульварщина*, впервые отмеченное словарем С.И. Ожегова в 1960 г.: *бульварщина. Собир. Разг.* 'Бульварная литература' [4, 2, с. 250]. Употребительность выражений отмечает национальный корпус: *Мы хорошо знаем типы бульварной прессы: кровавые убийства, грабеж, насилия, невероятные происшествия, лубочные романы, гоготанье по поводу всего, к чему только прикасается перо лубочного писателя* (Серафимович А.С. *Заметки обо всем*. 1902); *Даже бульварная пресса не особенно распростра-*

нялась об энтузиазме войск (Суханов Н.Н. *Записки о революции*. 1918. Кн. 4); *Баррелл недорого взял за свою месть – всего 500 тысяч евро. Именно во столько он оценил свои воспоминания о Диане, проданные бульварной прессе. Он мог запросить и втрое больше, настолько сенсационными являются факты, которые он сообщил публике* (И., 22.11.2002) и др.; *...в нервирование люди втягиваются так же, как в запой), страстью к бульварному обществу – к бульварной праздности, бульварным шатунам-товарищам, бульварным девицам, бульварной газете с бульварным романом-фельетоном* (Амфитеатров А.В. *Уголовная чернь* (из сборника «Бабы и дамы»). 1892); *В бульварных московских газетах уже появилось об этом известие, произведшее сенсацию* (Гиляровский В.А. *Тайна одного привидения*. 1905); *Политических шпионов оказалось в Петербурге около трехсот человек, шпионивших большею частью среди рабочих, затем среди молодежи, а несколько, получавших особенно большое жалованье и имевших титул «советников», вращались в либеральном обществе, и между ними был редактор одной петербургской бульварной газеты* (Морозов Н.А. *Повести моей жизни / «Земля и воля»*. 1913); *Не устаешь удивляться: почему так много людей предпочитают бульварную газету «Нью-Йорк дейлиньос» гораздо более содержательной и серьезной «Нью-Йорк таймс»?* (Овчинников В.В. *Своими глазами*. 2006) и др. В какое-то время в русском языке употреблялось несколько фразеологических синонимов: *уличная пресса, револьверная пресса, бульварная пресса, желтая пресса*. Победили два последних выражения.

Заметим, что компоненты синонимических устойчивых сочетаний нередко употребляются в одних узких контекстах: *В конце статьи указывается на «специфических условия», в которых новой газете придется работать, в виду травли со стороны желтой уличной прессы* (Новая газета, 06.05.2014); *Только шантажистские газеты да желтая бульварная пресса позволяют себе брать плату за разного рода статьи и заметки в тексте...* (Бонч-Бруевич В.Д. *Знамение времени – убийство Андрея Ющинского и дело Бейлиса* (Впечатления Киевского процесса). 1921); *Что мы? Желтая пресса! Бульварные журналисты! Вы угробите всех* (Паустовский К.Г. *Повесть о жизни. Время больших ожиданий*. 1958); *Это удел только бульварной, или, как иногда говорят, жёлтой, прессы* (Гинз-

бург В.Л. Астрология и лженаука // «Наука и жизнь», 2008) и др. А в словаре под редакцией Д.Н. Ушакова эта близость отражена даже в дефиниции: 3. ‘Беспринципный, **бульварно-сенсационный**’ (о периодической печати; *публиц. презрит.*). *Желтая пресса* [14, 1, с. 855].

Подводя итог, можно сказать, что под влиянием ФЕ *желтая пресса*, быстро заимствованного русским языком из английского, у прилагательного *желтый* в XX в. развилось фразеологически связанное значение ‘Скандалный, оперирующий непроверенными данными, рассчитанными на вкус невзыскательных читателей’, которое в той или иной форме было отражено почти во всех толковых словарях русского языка XX в. Наиболее полно значение оформлено в «Активном словаре русского языка»: ‘Такой, который стремится привлечь внимание аудитории сообщениями о скандалах и интимных подробностях жизни известных людей, пренебрегая нормами морали (о средствах массовой информации)’ [1, с. 381]. Наблюдения над употреблением последних лет показывают, что претерпело изменение и значение, которое выражает проявление признака в большей или меньшей степени, и сочетаемость данного ЛСВ: сочетаемость все время расширяется и вышло за пределы слов поля СМИ: *Один просвещенный топ-менеджер придумал себе империю, желтую-желтую. Потому как считал, что народу только это и подавай* (МК, 25.08.2017); *Примаков всегда приносил в боковом кармане «МК» – тогда газета считалась ужасно желтой* (МК, 21.12.2019); *А если Наташа Королевой такой грамотный пиар-ход не по душе, она всегда может... его усилить: прийти на ток-шоу и дать в морду ведущим желтых передач* (МК, 20.10.2020); *И это интервью действительно о судьбе. И еще оно совсем не желтое. Нет, это самое что ни на есть человечье интервью* (МК, 29.03.2019); *Человек (Корчевников. – Авт.) нашел себя. Или его нашли, подобрали, обогрели и указали путь. Он очень хороший интервьюер. Чуткий, внимательный, психологически точный, корректный, не слащавый, не желтый. Он человечный* (МК, 13.11.2017); *Меня (Елену Воробей. – Авт.) часто зовут на всякого рода желтые и скандальные эфиры* (КП, 24–31.01.2019); *История с Дзюбой абсолютно желтая. <...> Для программ, где обсуждаются абсолютно желтые вещи, это подходит* (МН, 16.11.2020) и др.

Изменились дериваты, в которых реализуется это значение. Если в «Активном словаре» указаны только *желтизна* и *желтеть*,

что соответствует действительности: *И я произношу длинную тираду о безнравственности журнала, его желтизне и невежественных редакторах* (Катанян В. Лоскутное одеяло. 1990); *Сегодня на экране очень часто появляется желтая, скандальная, а порой грязная документалистика, претендующая на достоверность. «Россия» – государственный канал, и потому мы не можем позволить себе такую желтизну по статусу* (Т., 02.02.2006); *Нынешний НТВ прилагает огромные усилия, чтобы сойти с колеи желтизны и повышенной brutality* (МК, 12.10.2018); *И ладно бы за Дзюбу ухватились корифеи «желтизны» типа «Пусть говорят» или «Прямой эфир». Так нет же!* (МН, 18.11.2020) и др.

Значительно меньше примеров с глаголом *желтеть*, реализующем это переносное значение прилагательного *желтый*: *Информационный поток так называемой светской жизни становится ныне неотъемлемой частью нашей желтеющей газетно-журнальной действительности и смело вторгается в электронные СМИ...* (И., 18.03.2005); *В России так и не появилось модели социально ответственного телевидения. Погоня за прибылью привела к тому, что программы начали стремительно желтеть* (Т., 07.10.2006); *Система не восстала... Зрелая система не позволяет политике желтеть до такой степени* (МК, 25.10.2017).

В последние годы круг дериватов значительно расширился: во-первых, как мы уже сказали, появились лексемы, выражающие степени проявления признака (*желтый – желтый, абсолютно желтый, ужасно желтый*): *После смерти Вицина его дочь Наталья дала всего одно интервью. Думается, она не простила настырного внедрения в жизнь отца тех, кто, кто, возможно, искренне любил его, но большие жаждал полужелтых новостей и душещипательных подробностей о жизни великого артиста* (ВМ, 15/2017). Появилось наречие *желто*: *Как же он (Борис Корчевников. – Авт.) глубоко копает, и не пошло, и не желто, хотя все о личном* (МК, 29.12.2017). Самой частотной из такого рода лексем является лексема *желтенький*: *Я и сам иногда могу взять в руки какую-нибудь желтенькую газетку, перелистать, улыбнуться и отложить в сторону* (Т., 02.07.2004); *Сейчас у некоторых публицистов хватает наглости утверждать, что в советских картинах война сильно приукрашалась, а зрителей обманывали. Ошибаются эти критики желтенькие. Снимавшие те фильмы режиссеры сами были участ-*

никами войны (Т., 07.02.2005); *Атмосфера – самое главное на ТВ. Конечно, она бывает разной. В политических шоу – это атмосфера ненависти и глума, в гламурных – желтенькая атмосфера подглядывания в замочную скважину* (МК, 22.12.2017); *Раньше, когда он (Борис Корчевников. – Авт.) вел «Прямой эфир», – нет, не по праву. Выполнял заказ (например, про женицин Бориса Немцова), был он порой желтеньким* (МК, 29.03.2019) и даже субстантив: *Тако-о-ое услышишь, наговорят черт-те что, чего и в жизни не бывало! Как передача – обязательно подпустят желтенького. Я и перестала их смотреть* (КП, 27.11.2006) и др.

За последние годы число лексем расширилось за счет слов *желтушный*: *Или истории побед маленького человека без «желтушного» налета на самом деле никого не интересуют?* (КП, 14.10.2008); *Это не желтушное подсматривание за игроками с видеокамерой, высывающейся из-за кустов или двери туалета* (СС, 02.09.2010); *Помните, когда Андрей Малахов вдруг перестал вести желтушную «Большую стирку» и поменял формат* (МК, 01.12.2020); *А на ТВ прошел день траура. Когда отменили рекламу. Когда не было ничего желтушного, ни-ни* (МК, 30.03.2018); *Фильм (о Балабанове. – Авт.), надо сказать, желтушный, с претензией на сенсационность, с похабным закадровым голосом непонятного диктора. Дураки, испортили песню* (МК, 25.05.2018) и др. и *желтуха*: *В газете «Труд» есть все, но нет чернухи, нет желтухи, хотя она и поднимает самые непростые проблемы, но без ажиотажа и объективно* (Т., 19.02.2001); *И как же хотелось заклеить всю эту шумиху, поднятую спортивными журналистами, просто злопыхательством и желтухой* (Т., 26.07.2007); *Галкин также не забыл назвать программу «Прямой эфир» желтухой и заявил, что звездный ведущий ушел на «Россию 1» совсем не «из-за денег, как некоторые»* (lenta.ru, 21.08.2017); *Я (А. Макаревич. – Авт.) люблю эту газету* (МК. – Авт.) *за то, что она никогда не скатывалась в желтуху, в занудство, в излишнее политиканство* (МК, 11.12.2019) и др., появляются и другие дериваты: *Ознакомившись с очередной порцией обывательских предположений, подкрепленных публикациями в бульварной прессе о стоимости фальсифицированных заключений (желтоцветные коллеги называют суммы от 3 до 5 тысяч долларов, но источника этой информации, как всегда, не указывают), мы решили изучить проблему самостоятельно* (Петербургский Час пик, 24.09.2003).

Естественно, что ни у одного из дериватов: *желтенький, желтеть, желтизна, желтушный, желтуха* – это значение не отражено ни в одном из современных толковых словарей.

Итак, в публицистических текстах активно употребляется прилагательное *желтый* в переносном, негативно оценочном значении, реализуемом семами ‘скандальный’, ‘рассчитанный на успех (хайп) у невзыскательной публики’; в толковых словарях следует уточнить дефиницию прилагательного *желтый*. Это значение проявляется и в дериватах: *желтенький, желтеть, желтизна, желтушный, желтуха*. Однако ФЕ *желтая пресса* продолжает активно употребляться в современном русском языке, чаще в языке СМИ: *Я (иеромонах Фотий. – Авт.) думаю, что это неправильно интерпретированные журналистами какое-то мое высказывание, какие-то вольности «желтой прессы»* (МК, 30.09.2016); *Стараюсь (Юрия Пересильд. – Авт.) читать рецензии на фильмы и спектакли, где играю, все остальное не читаю. А желтую прессу вообще не люблю* (ВМ, 01–08.02.2018); *Думала только у нас желтая пресса может позволить себе писать все что угодно* (МК, 27.05.2019) и др., и поэтому фразеологизм следует поместить во фразеологические словари русского языка и указывать в толковых.

Библиографический список

1. Активный словарь русского языка / под общ. ред. Ю.Д. Апресяна. М.: СПб., 2017. Т. 3.
2. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русский фразеологии: историко-этимологический справочник / под ред. В.М. Мокиенко. СПб., 1998.
3. Блок А.А. Возмездие. Первая редакция поэмы (Варшавская поэма). URL: <https://rustih.ru/aleksandr-blok-vozmezdie-pervaya-redakciya-poemy-varshavskaya-poema> (дата обращения: 13.08.2020).
3. Большой академический словарь русского языка / отв. ред. К.С. Горбачевич. М.: СПб., 2004.
4. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 1998.
5. Горький М. О современности // Горький М. Статьи 1905–1916 гг. Пгг., 1918. URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_006735048?page=39&rotate=0&theme=white (дата обращения: 13.08.2020).
6. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. URL: <https://gufo.me/dict/efremova/%D0%B6%D1%91%D0%BB%D1%82%D0%BE> (дата обращения: 13.08.2020).

7. Зимин В.И., Спириин А.С. Пословицы и поговорки русского народа. М., 1996.
8. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М., 2007.
9. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1993.
10. Серов В.В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М., 2005.
11. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1980–1984.
12. Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук / ред. Я.К. Грот. СПб., 1891–1895.
13. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л., 1948–1965.
14. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935–1940.

Список сокращений названий источников

И. – Известия

ВМ – Вечерняя Москва

КП – Комсомольская правда

МН – Мир новостей

МК – Московский комсомолец

СС – Советский спорт

Т. – Труд-7

НКРЯ – Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru)

Ольга Андреевна ДАВЫДОВА

кандидат филологических наук, доцент

доцент кафедры русского языка

Московский педагогический государственный университет

УДК 801.83

Е.О. Борзенко

ИНТЕРНЕТ-ТЕКСТ КАК ПРОДУКТИВНАЯ СРЕДА ДЛЯ НЕСТАНДАРТНЫХ ФОРМ СРАВНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье описываются тексты, существующие в интернет-пространстве, с точки зрения возможностей использования в них нестандартных форм степеней сравнения. Анализируется процесс воздействия данных форм на реципиента и делается вывод о причинах всё большего распространения новых компаративов и суперлативов в интернет-текстах.

Ключевые слова: интернет-тексты, степени сравнения, окказионализм.

Е.О. Borzenko

INTERNET TEXT AS A PRODUCTIVE ENVIRONMENT FOR NON-STANDARD FORMS OF COMPARISON IN MODERN RUSSIAN

Abstract. The article describes the texts that exist in the Internet, in terms of the possibilities of using non-standard forms of degrees of comparison in them. The author analyzes the process of the impact of these forms on the recipient and concludes about the reasons for the increasing spread of new comparatives and superlatives in Internet texts.

Keywords: Internet texts, degrees of comparison, occasionalism.

Современное развитие интернет-технологий стало импульсом для широкого распространения нестандартных форм самовыражения. Закономерным итогом стало то, что «любая мысль, малейшее событие запечатлевается в вербальной форме и отправляется в Интернет, становясь частью гипертекста, объединенного сознания» [5, с. 143]. Благодаря этому интернет-текст сближается с разговорной речью – в том числе потому, что по крайней мере часть интернет-текстов почти так же спонтанна, как и разговорная речь.

Однако существует и важное отличие от разговорной речи. Интернет-текст представляет собой письменный текст, и его создатель и реципиент могут быть разделены во времени и пространстве (кроме чатов, где адресат сообщения имеет возможность реагировать почти мгновенно). Кроме того, создатель текста в принципе

может быть огражден от отрицательной реакции на свой текст (например, если он использует техническую возможность отключить комментарии к своему сообщению). Это создает психологические предпосылки для даже большей, чем в разговорной речи, свободы самовыражения – свободы, которая базируется на общих тенденциях демократизации языка, обусловленных, в свою очередь, демократизацией общества [1, с. 36].

Таким образом, интернет-тексты становятся идеальной средой для самовыражения, существующей в едином контексте с общими тенденциями развития российского социума.

Самовыражение как психологический механизм предполагает определенную оценку чего бы то ни было: себя, мира, окружающих, известной существующей (или воображаемой) личности. Даже в текстах, которые изначально не направлены на оценивание (например, лирические размышления о жизни), оценка присутствует как способ видения мира, в соответствии с которым носитель языка – зачастую неосознанно – оценивает события как нормальные или ненормальные, допустимые или недопустимые и т.д.

В русском языке существует много способов выражения оценки. Один из грамматических способов для этого – использование сравнительной и превосходной степени прилагательных, наречий и слов категории состояния.

Зафиксированные в справочниках и академических грамматиках способы образования таких нормативных степеней сравнения не всегда отвечают стремлению носителя языка к более яркому выражению своей индивидуальности. Более того, иногда значение компаратива или суперлатива, существующее в сознании носителя языка, может быть выражено с помощью нормативных способов сравнения только описательной фразой, что не отвечает принципу экономии речевых усилий. Также зачастую со стремлением выразить основную оценку соединяется стремление указать на какой-либо дополнительный оттенок значения или же особое отношение пишущего к данному явлению: юмор, презрение, восхищение, умиление и т.д.

Совокупность этих тенденций приводит к тому, что в интернет-текстах появляются нестандартные формы степеней сравнения. Это, во-первых, формы прилагательных и наречий, которые не способны к образованию степеней сравнения в принципе (например,

шерстяной) или же не имеют только конкретных форм компаратива и суперлатива (*невкусный*):

*Не ожидала от кафе здорового питания такого, обычно чем здоровее, тем **невкуснее!***

*И вообще, судя по сайту, есть большие сомнения в их японскости – очень уж они японские, **японские** некуда...*

*То чувство, когда ты **шерстянее** кота.*

*Как же я хочу научиться **чаще** и **вовремя** молчать в ответ на разные фразы...*

Носители языка образуют также формы степеней сравнения от существительных, числительных, местоимений, глаголов и служебных частей речи [2; 3 и др.]:

*Ал Гор и Джон Керри выглядели куда **«президентнее»**, чем Буш.*

А в итоге, французы поменяли одно НИЧТО, на НИЧТО другое.

*Моё мнение. Второе ничто всегда ещё **ничтеее** первого.*

*Запись третья (не **четвертее** второй и не **вторее** четвертой) и т.д.*

Анализ таких форм показывает, что любое явление по сути может быть поставлено на шкалу оценки как соответствующее в большей или меньшей степени представлениям носителя языка об «идеальном» явлении такого плана.

Безусловно, у ряда таких форм вовсе нет никакого реального оценочного значения. Они имеют характер чистой языковой игры, когда создатель текста ради юмористического и экспрессивного эффекта образует несуществующую с точки зрения литературного языка сравнительную форму, ставя ее, по выражению Е.Р. Добрушиной и Д.В. Сичинавы, «в мысленные кавычки» [4, с. 52]. Так, форма *жизнее* в следующем примере идентична по значению форме *жизненнее*:

*Не могу не сравнить с идущим параллельно «Вавилоном». Так вот, заявляю – Бангкок лучше. **Жизнее**, реалистичнее, убедительнее, как хотите.*

Порой у нестандартной формы, напротив, нет литературного синонима:

*Поэтому и Ефремова в иерархии как бы выше, как бы **четвертее** всех трёх в иерархии (с Пидгрушной и Яковлевой).*

Превосходная степень, употребленная здесь, заменяет собой описательную фразу со значением уступки: «хотя Ефремова и чет-

вертая в иерархии, однако она выше по статусу / имеет больше очков / больше шансов на победу и т.д.». Кроме того, такая форма выражает уважение автора к Ефремовой и восхищение ею.

Нестандартные формы степеней сравнения существуют и в других формах бытования текстов, и появились они раньше возникновения интернета. Так, В. Хлебников использует форму *небее*, образованную от существительного *небо*, В. Маяковский – формы *сделаннее* и *запоминаемее* (надо сказать, что использование окказионализмов-неологизмов в целом очень характерно для художественной литературы рубежа XIX–XX вв. [6–9 и др.]). В советских анекдотах есть форма *равнее*, в современных публицистических текстах – *монстрее*, а в разговорной речи зафиксированы формы *центре* и *дурее*. Есть такие слова и в детской речи (*слонее*), и в диалектах (*скотее*). Однако ни в одной из этих сфер не зафиксировано столько сравнительных форм, как в текстах, созданных в интернете.

Однако интернет-текст представляет собой не только пассивную среду для фиксации и последующего исследования описываемых форм. Это активная среда, где, что очевидно, читатель может отреагировать на сообщение, в котором использованы нестандартные формы степеней сравнения. Такие последующие комментарии отражают ощущение носителями языка «неправильного» с точки зрения грамматики характера такой формы и ее юмористического эффекта. Осознание «ненормативности» формы отражено уже в самом повторении ее, а понимание ее экспрессивного эффекта – в эмодзи, которые могут употребить читатели-комментаторы:

Илья Доронин: будет ещё нечтее;)

Алексей Орлов: нечтее =)

Более того, порой читатели «перенимают эстафету» и сами образуют варианты нестандартной формы сравнения, первоначально употребленной автором, или нестандартные формы сравнения от другой производящей базы, но по тому же образцу.

JuLiKo: прям центрейший центр)))))))))) и пусть попробуют не приехать все те, кто «кричит» про «встречи на окраинах не удобны»))))))))))))))

MrD: Это да. Центрее некуда.

– Ну да, мы здесь спокон веку были, а потом понаехали они, да как начали!

– «Они и еще *онее*». Название, только непонятно, чего.

– Продолжение романа «Мы»?

– Часть первая: «Мы и еще *мее*». Часть вторая: «Они и еще *онее*».

leah_tln: Первые лица стали еще первее.:))))

bergberg: А вторые – еще вторее:)

Общение здесь переходит, по сути, в игру, где каждый участник приносит что-то свое для увеличения экспрессивного (юмористического) эффекта. Авторское высказывание и первые комментарии к нему становятся источниками экспрессии для следующих реципиентов, которые будут воспринимать это как своего рода единый текст-диалог.

Таким образом, восприятие текста, в котором употреблена нестандартная форма сравнения, может проходить несколько стадий:

1. Автор и первые читатели-комментаторы, играющие с формой.
2. Остальные читатели, воспринимающие формат «высказывание – комментарии» как единое целое.

Безусловно, последующие читатели также могут оставлять комментарии, однако их эффект (и вероятность того, что их прочтут) гораздо ниже, поскольку на практике обычно читают первые 5–10 комментариев.

Описанные процессы способствуют все большему распространению нестандартных сравнительных форм в интернет-текстах. Употребление таких форм обусловлено желанием выделиться и произвести экспрессивный эффект, а также возможностью оградить себя от негативной обратной реакции. Кроме того, использование нестандартной формы одним интернет-пользователем зачастую влечет за собой использование такой же или подобной формы другим пользователем, благодаря чему окказионализмы становятся все популярнее в интернет-пространстве.

Библиографический список

1. *Бальшева К.А.* Демократизация языка в массовой художественной литературе рубежа XX–XXI веков: дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 2010.
2. *Борзенко Е.О.* Они и еще *онее*: семантика сравнительных форм, образованных от местоимений, в русском языке XXI века // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2016. III: 3 (48). С. 45–60.

3. Борзенко Е.О., Добрушина Е.Р. Интенсификаторы семантики предикатов: окказиональные формы сравнительной степени от глагола в современном русском узусе (люблю люблее) // Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2017. № 1 (15). С. 26–39.
4. Добрушина Е.Р., Сичинава М.В. Кочующая норма или микродиахронические похождения слова ихний в русском, украинском и белорусском языках // Вопросы языкознания. 2015. № 2. С. 41–54.
5. Лебедева М.Н. Интернет как среда бытования текстов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2016. № 1. Т. 2. С. 143–148.
6. Никульцева В.В. Деривационное гнездо как фундамент словотворчества русского футуризма // Семантика слова и семантика текста: сборник научных трудов, посвященный 20-летию кафедры стилистики русского языка, культуры речи и риторики. М., 2011. Вып. XI. С. 50–58.
7. Никульцева В.В. Индивидуально-авторская трансформация фразеологизмов в поэтическом языке Игоря-Северянина // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке: материалы международной научной конференции. М., 2018. С. 265–274.
8. Никульцева В.В. Лексические неологизмы Игоря-Северянина (деривация, значение, употребление): дис. ... канд. филол. наук: в 2 т. М., 2004.
9. Никульцева В.В. Об индивидуальном поэтическом стиле Игоря Северянина // Русский язык в школе. 2001. № 6. С. 64–69.

Екатерина Олеговна БОРЗЕНКО

кандидат филологических наук

старший преподаватель кафедры славянской филологии

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
г. Москва

преподаватель кафедры социально-гуманитарных
и общеправовых дисциплин

Московский финансово-юридический университет МФЮА

УДК 808.5; 659.1

Т.И. Бочарова

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОВТОРА В НЕПОДГОТОВЛЕННЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЯХ

Аннотация. В статье обосновывается актуальность изучения неподготовленного высказывания, формулируется определение неподготовленной устной речи, характеризуется специфика спонтанности в устных разговорных монологических текстах. Особый акцент в работе отводится повторяющимся лексическим единицам как элементам проявления спонтанности, называются их функции и разновидности. Кроме того, в данной работе приводится иллюстративный материал, демонстрирующий неподготовленные спонтанные высказывания. Статья адресована студентам, аспирантам и преподавателям, изучающим устную разговорную речь.

Ключевые слова: неподготовленная речь, устная речь, спонтанность, повтор языковых единиц, функции повторов, виды повторов.

T.I. Bocharova

FEATURES OF THE USE OF REPEATS IN UNCOMPOSABLE STATEMENTS

Abstract. The article substantiates the relevance of studying unprepared utterances, formulates the definition of unprepared oral speech, characterizes the specificity of spontaneity in spoken monologic texts. Special emphasis in the work is given to recurring lexical units as elements of the manifestation of spontaneity, their functions and types are given. In addition, this paper provides illustrative material demonstrating unprepared spontaneous utterances. The article is addressed to students, graduate students and teachers who study spoken language.

Keywords: unprepared speech, oral speech, spontaneity, repetition of language units, repetition functions, types of repetitions.

Живое неподготовленное общение в последние десятилетия приобретает все большую популярность не только в устной, но и в письменной формах речи, как в ситуациях обиходного характера, так и в профессиональной сфере деятельности. Огромные информационные потоки, в которых вынужден находиться современный человек, создают условия для интерактивной пространственно-временной среды взаимодействия в них. Необходимость

переработки больших по объему потоков информации и реагирования на них в режиме реального времени посредством современных мессенджеров создают условия для активного функционирования неподготовленной устной речи, как звучащей, так и зафиксированной в письменном тексте. Данная ситуация обусловила актуальность изучения механизмов создания неподготовленной речи и спонтанных ее проявлений.

Неподготовленная (импровизированная) речь – это естественная речевая деятельность, возникающая в момент совпадения процессов внутренней и внешней речи, то есть в ситуации временного лимита при осуществлении мыслительной и коммуникативной видов деятельности, необходимость совершения которых связана с реальными речевыми потребностями людей: сообщить определенную информацию, поделиться чувствами, убедить в совершении каких-то действий, поздравить, выказать претензию, напутствовать. Она предполагает владение определенным уровнем коммуникативной подготовки, знание особенностей устной формы речи, опору в своем общении не только на собственный опыт, но и на фактический материал прочитанных и услышанных текстов, которые сохранились в долговременной памяти.

Кроме того, существенную роль при создании текстов неподготовленной речи играет предрасположенность индивида к подобного рода высказываниям, его социальное развитие, уровень образования, коммуникативные характеристики, умение оформлять речь в ограниченном промежутке времени и многое другое.

Неподготовленный дискурс не предполагает предварительную подготовку, не продумывается заранее и с учетом разговорной специфики произносится или фиксируется в соответствующей форме речи.

При этом доля подготовленности варьируется в зависимости от лингвистических и экстралингвистических условий реализации общения.

Неподготовленная речь может содержать явно выраженные признаки спонтанности – категории в большей мере психологического уровня, отражающей процесс создания текста во внутренней речи и особенности его функционирования во внешней речи в зависимости от эрудиции, уровня коммуникативной подготовки го-

ворящего. Это находит свое выражение как правило в случайности коммуникативного события, в слабо контролируемой устной речи, определяемой, в том числе тем, что называется прерывистостью устной речи, возникающей из-за хезитаций (паузы, «слова-паразиты», речевые запинки и пр.), ошибках (употребление лексем в несвойственных им значениях, неправильно выбранные формы слов, неверно построенные синтаксические конструкции и пр.) и мн. др.

Элементы любого спонтанного текста могут варьироваться и проявляться как лексическая и семантическая повторяемость языковых средств речи, ее смысловая и структурная незавершенность, самоперебивание, прерванность, корректировка сказанного ранее, нарушение связности элементов текста [4, с. 262].

Неспонтанное неподготовленное высказывание – речь, доведенная до автоматизма, звучащая естественно, в основе которой лежат хорошие коммуникативные навыки, отличное знание предмета разговора, практически не содержащая признаков спонтанности и позволяющая максимально результативно решать поставленные задачи.

Безусловно, процесс создания неподготовленной спонтанной речи тесно связан с тем, насколько высока степень нервно-психических процессов у говорящего или пишущего, в какой степени легко и быстро он может воспринимать необходимую полезную фактическую информацию, декодировать, а затем, в зависимости от коммуникативной ситуации, воспроизводить, дополняя собственным словесным оформлением.

Повторы в разговорном неподготовленном дискурсе представляют собой неоднократное использовании разнообразных элементов вербальной структуры текста с определенной заданной или незаданной (спонтанной) целью.

В зависимости от типа языковых ученые единицы выделяют следующие типы повторов: звуковые, морфемные, словообразовательные, лексические, синтаксические, семантические [1, с. 81]. В зависимости от расположения повторяющихся единиц типология повторов: дистантные, предполагающие разделение повторов другими языковыми средствами; контактные, предполагающие близкое расположение повторяющихся единиц.

Функциональная направленность повторов разного порядка в ситуации неподготовленного дискурса может быть следующей:

- выражение повышенной экспрессии в отношении чьего-либо высказывания или какой-либо ситуации;
- последовательность одинаковых (сходных) действий;
- акцентирование внимание на ключевых словах или фразах высказывания, несущих важную семантическую нагрузку;
- средство заполнения неудобных пауз при исчерпанности темы высказывания или бедности словарного запаса;
- механический повтор как фактор индивидуальной авторской манеры, характеризующий избыточность устной разговорной речи.
- средство связи слов в предложении.

Проиллюстрируем образцы неподготовленной речи.

Например, в комментариях к видеороликам на Youtube.Com того или иного блогера повторы – частое явление, которое демонстрирует не только особенности словарного запаса пишущих неподготовленный текст, но и отражает их эмоциональное состояние, а также желание зрителей канала подчеркнуть важность значения, заключенного в словах или синтаксических конструкциях. И это удается благодаря использованию различных видов повторов: звукового, лексического, синтаксического:

LuMiliAn

помню как любила гадать по книгам, но меня больше всего удивило, когда мы прямо на уроке литературы гадали по Пушкину, это было странно

V-Alex

Очень крутая идея, первый раз такое вижу, круто!!

Lemon grista

Очень крутое видео! Мне очень понравилось. Сама люблю гадать так на книгах, но я также даю на выбор всю библиотеку, и человек называет полку и номер книги, а дальше уже страницу и строчку. Можешь так попробовать. Было бы круто, только чтобы человек не видел какую книгу выбирает

Веточка Сирени

Очень клёвое видеоооо. Больше бы таких видео, и зови всех своих друзей-блоггеров и не только блоггеров!!!! [5].

Или еще пример, взятый из интернета:

юля юля

Спасибо вам всем, люди!!! Спасибо Самвелу, он же Савелий, его прекрасной маме, коту, и всем комментируются это видео! Я

так смеялась, даже в окно подышать высовывалась, смеялась полчаса без остановок, а потом даж всплакнула, поняв, что я давно уже не смеюсь, вот так от души прям... уф, спасибо вам [6].

В приведенном тексте повтор однокоренных слов лексемы «смех» в разговорно-просторечном контексте подчеркивает повышенное эмоциональное состояние человека, который испытывает положительные переживания и хочет ими поделиться. В данном случае повтор, с одной стороны, демонстрирует последовательность одинаковых (сходных) действий, которые совершались во время просмотра видеоролика, с другой – повтор – «это экспрессивное средство, служащее выделению наиболее важного в коммуникативном процессе» [3, с. 64].

В следующем примере разговаривают две студентки о своих отметках по 100-балльной системе:

– Ты думаешь Сиг..ов ей поставит 95?

– Ну если сдаст!

– Но, я думаю, он ей и 93 не поставит!

– Ну нам то он 95 поставит!

– А мы что сдавать будем что ли?!

– Нет, не будем!

– И так поставит... поставит, поставит, «автоматом»!

(диалог студенток).

В данном диалоге намеренное использование лексических контактных и дистантных повторов слова «поставит» указывает на спонтанность и выполняет функцию акцентирования внимания на ключевых словах или фразах высказывания, а также служит средством демонстрации успешности и превосходства над сокурсницей, закрепляя уверенность на будущее, что им точно поставят экзамен «автоматом».

Как видим, спонтанные проявления различных видов повторов в неподготовленных высказываниях не подчиняются четким причинно-следственным связям, отождествляются с забеганием вперед [2, с. 240] и выполняют определенные коммуникативные задачи, обусловленные спецификой речевой ситуации.

Таким образом, языковые средства в конструкциях неподготовленного высказывания, содержащие повтор, указывают на проявление спонтанности в неподготовленных высказываниях адресанта, обладающего определенными психолого-коммуникативными на-

выками, выполняя при этом разнообразные функции (выражение экспрессии, акцентирование внимание на ключевых словах и др.), облегчающие коммуникацию говорящему или пишущему в ситуации реального времени.

Библиографический список

1. Москвин В.П. Типология повторов как стилистической фигуры // Русский язык в школе. 2000. № 2. С. 81–85.
2. Налимов В.В. Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М., 1989.
3. Свиридова Т.М. Языковые формы с повтором как экспрессивное средство выражения речевых актов согласия и несогласия // Филологос. 2010. № 17 (2). С. 64–69.
4. Сошников А.О. Основания для построения моделей спонтанных монологических текстов повествования и рассуждения // Известия Юго-Западного государственного университета. 2012. № 4 (43). Ч. 1. С. 261–264.
5. Костя Пак о смысле жизни... URL: <https://www.youtube.com/watch?v=0Qc-CAb-030> (дата обращения: 20.12.2018).
6. Шокирующий салат на новый 2020 год... URL: <https://www.youtube.com/watch?v=1HRhyDI674&lc=Ugw0J3mgpaNZxPCvIcN4AaABAq> НОВЫЙ 2020 ГОД – YouTube (дата обращения: 10.01.2021).

Татьяна Ивановна БОЧАРОВА

кандидат педагогических наук

доцент кафедры философии, истории и межкультурных коммуникаций
Московский технический университет связи и информатики

РАЗДЕЛ 6. ТЕКСТ В СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

SECTION 6. TEXT IN SOCIAL SPACE

УДК 94(47)

М. Соегов

ТЕКСТ ДОКЛАДА Б. КУЛЬБЕШЕРОВА О ВЗАИМНЫХ ПРЕТЕНЗИЯХ РСФСР И УЗССР В СВЕТЕ НОВЫХ СВЕДЕНИЙ ИЗ ЕГО БИОБИБЛИОГРАФИИ (К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ БУМАЖНОГО ТИРАЖИРОВАНИЯ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ)

Аннотация. Статья посвящена освещению тех сторон обширной деятельности Секретаря Совета Национальностей ЦИК Союза ССР Башима Кульбешерова (1898–1938) в 1925–1931 гг., которые не вошли еще в научных обиход и не получили должной оценки из-за секретности до недавнего времени отдельных архивных документов того периода.

Ключевые слова: взаимные претензии, латинизированный алфавит, приложение.

М. Soegov

THE TEXT OF THE REPORT OF B. KULBESHEROV ABOUT MUTUAL CLAIMS OF RSFSR AND UZSSR IN THE LIGHT OF NEW DATA FROM ITS BIOBIBLIOGRAPHY (TO A QUESTION ON NECESSITY OF PAPER DUPLICATING OF ARCHIVAL DOCUMENTS)

Abstract. Article is devoted illumination of the separties of extensive activity of the Secretary of Soviet of Nationalities of the Central Electoral Committee of USSR by Bashim Kulbeshеров (1898–1938) in 1925–1931 which have not entered stillins cientific use and have notreceived a dueestimation because of secrecyuntil recently separate archival documents of that period.

Keywords: mutual claims, the latinize alphabet, the appendix.

У каждого исследователя со временем накапливаются новые материалы, не использованные в его ранее изданных работах. Этот

процесс значительно усилился в результате вынесения интернет-пользователями в электронные ресурсы ранее недоступных материалов из архивов разных стран. Подобное обстоятельство не только позволяет, но и настоятельно требует от ученого на основе анализа накопленных новых материалов подготовить работу в дополнение к прежним обобщениям по той или иной теме. Вместе с тем, иногда эти материалы сопровождаются недостоверными, противоречащими к истине утверждениями, которые также требуют соответствующих уточнений и исправлений. Все это относится и к историческим личностям недавней нашей общей истории, в нашем случае Бяшиму Кульбешерову (по-туркменски: Bāşim Gulbeşerow, 1898–1938), занимавшему в 1925–1931 гг. пост Секретаря Совета Национальностей ЦИК Союза ССР, о жизни и деятельности которого мы выступали в 2014 г. сначала со статей на страницах научного журнала в Казани [8, с. 82–89], затем текст нашего доклада был выключен в том же году в сборник материалов конференции, изданный в Уфе [9, с. 115–124]. Это, во-первых.

Вторая сторона вопроса заключается в следующем: при подготовке к печати настоящих записей мы исходили из того, что отнюдь не все документы, вынесенные в последнее время через интернет для всеобщего обозрения, имели раньше или вряд получат в последующем свой большой тираж в бумажном выражении, в то время, когда отдельные русскоязычные сайты, содержавшие эти документы, по разным причинам подвергаются к закрытию законодательно, а некоторые из них уделаются самими их создателями. Подобное обстоятельство настоятельно требует с целью сохранения этих документов для будущих исследователей размножить их в более доступной форме, то есть, как бы, продлить их жизнь путем бумажного тиражирования. Иначе говоря, предложить эти документы к читателям не только в свободном доступе, но и на постоянной основе.

В данном случае мы имеем в виду доклад Бяшима Кульбешерова о работе Паритетной Комиссии по обследованию взаимных претензий РСФСР и УзССР в отношении некоторых волостей и населенных пунктов, образованной 21 декабря 1926 г. Президиумом ЦИК Союза ССР. Первое заседание этой комиссии проходило под председательством Б. Кульбешерова 19 января 1927 г. [13]. Упомянутый доклад председателя Паритетной Комиссии стал доступный всем интернет-пользователям после того как он был выложен в сайт «Russian

Perspectives on Islam». Ниже мы еще вернемся к этому вопросу.

С целью избежать и в дальнейшем нежелательных повторов тех биографических данных о Б. Кульбешерове, которые нами были изложены в бывших публикациях, продолжаем приводить лишь отдельные новые или же уточняющие уже известные сведения. Проиллюстрируем последнее утверждение соответствующим примером. В «Справочнике по истории Коммунистической партии и Советского Союза 1898–1991» сообщается, что Кульбешеров Бяшим занимал должность Секретаря Совета Национальностей ЦИК СССР с 27 апреля 1927 г. по май 1929 г. [10]. Это сообщение не соответствует действительности, ибо все газеты страны еще в мае 1925 г. распространили по всему Союзу официальную информацию под названием «Новый состав президиума совета национальностей». Цитируем ее по газету «Красное Знамя», ежедневного печатного органа Томского губкома РКП(б), губисполкома и губпрофсовета, согласно номеру от 24 мая 1925 г.: *Москва, 21 мая. (Роста). 21 мая состоялось первое заседание нового совета национальностей СССР. В президиум совета национальностей избраны: т.т. Андреев, Угланов, Кульбиширов, Скрыпных, Старый, Цхакая, Кушаев, Евдокимов, Жолунович. Секретарем тов. Кульбиширов* [5, с. 1].

Обращает на себя внимание то, что в таком кратком сообщении фамилия Кульбешерова в обоих написаниях передана неточно. Скорее всего, важная оперативная информация по Российскому Телеграфному Агентству (Роста) была передана первоначально в устной (голосовой) форме, в результате чего произошли указанные искажения. Но уже газета «Советская Сибирь» от 29 апреля 1927 г. (ежедневный печатный орган Сибкрайкома ВКП(б), Сибирского крайисполкома советов, Новосибирского окружкома ВКП(б) и окрисполкома), поместившая на своей первой странице официальное сообщение ТАСС «Первая сессия ЦИК СССР четвертого созыва», фамилию вновь избранного в состав президиума совета национальностей и его секретарем Кульбешерова передает согласно принятому правописанию [6, с. 1].

Секретарь Совета Национальностей ЦИК Союза ССР Бяшим Кульбешеров занимался непростыми вопросами внутреннего национально-государственного устройства многонациональной страны. Приходилось оперативно решать эти порою болезненные межнациональные вопросы. Так, например, в недавно рассекреченной

докладной записке Шотемора Сталину «О культурном и социально-экономическом положении таджиков на территории Узбекской республики», копия которой была отправлена в Средне-Азиатское Бюро ЦК ВКП(б) тов. Зеленскому и подотдел нацменьшинств ЦК ВКП(б), сделаны Б. Кульбешеровым следующие записи-резолюции с 12-дневным промежутком: *Ср. тов. Сотскову запросит [ь] Средне-Азиатское бюро ЦК В.К.П.(б), какие меры приняты ими по данному вопросу. 25/VI 26г. Кульбешеров. В архив 7/VII 26г. Кульбешеров* [См.: 11].

Перед тем как переходить к рассмотрению еще одного подобного вопроса, отметим, что в своих предыдущих публикациях мы говорили об одной публикации Б. Кульбешерова, появившейся на страницах журнала по государственной строительству того периода [4]. Теперь можем вносить на рассмотрение современных

Рисунок 1. Б. Кульбешеров

Рисунок 2. Б. Кульбешеров (стоит слева) среди туркменской делегации, прибывшей в Москву на 3 сессию ЦИК СССР 3 созыва в 1927 г. Сидит (в середине) Председатель ЦИК Туркменской ССР Недирбай Айтаков

читателей еще два библиографическое описание его работ из того же журнала [1; 3]. Наиболее полное библиографическое описание получила его статья, опубликованная во второй книге сборника «Культура и письменность Востока» [2], который издавался Всесоюзным Центральным Комитетом Нового Тюркского Алфавита (ВЦК НТА) в Москве в 1928–1931 гг.

В этой связи следует отметить, что были периоды, когда Б. Кульбешеров руководил работой ВЦК НТА. Об этом свидетельствует следующий рапорт, отправленный 30 мая 1930 г. в адрес ЦИК СССР, в оформлении которого он имел право на первой подписи (приводим с выдержками):

Четвертый пленум Всесоюзного комитета нового алфавита, практический осуществляющий латинизацию письменности Советского Востока, только что закончивший свою работу в столице Казакстана в городе Алма-Ата и подытожив свою трехлетнюю работу, рапортует Вам, что... за это время перешло на новый алфавит 36 народностей Союза и около 3 500 000 населения уже ликвидировало свою неграмотность на новом алфавите. Пленум нового алфавита заверяет Вас не слагать свое оружие до полной победы на культурном фронте и способствовать стопроцентному охвату грамотностью на этом фронте...

*По поручению IV пленума ВЦК нового алфавита
Кульбешеров, Умар Алиев, Камшибек* [12].

В качестве приложения к настоящему сообщению нами воспроизводится текст одного доклада Б. Кульбешерова, который, как уже отмечали выше, обнародован на сайте «Russian Perspectives on Islam» под названием «Письмо председателя Паритетной комиссии по обследованию взаимных претензий РСФСР и УзССР в отношении некоторых населенных пунктов, образованной 21 декабря 1926 г. (о нац. отношениях и пр.) Б. Кульбешерова зам. председателя СНК РСФСР Рыскулову (с докладом)» [13]. В приложении текст доклада, который имеет большое значение при исследовании национально-территориальных отношений между образованными в последующем союзными республиками и их областями, приводится с сохранением орфографии оригинала. Исключены лишь некоторые краткие второстепенные добавления, не связанные с содержанием основного текста доклада Б. Кульбешерова.

Библиографический список

1. *Кульбешеров Б.* Второй пленум Всесоюзного центрального комитета нового тюркского алфавита и очередные задачи введения этого алфавита // Советское строительство. 1928. № 4 (Апрель). С. 17–32.
2. *Кульбешеров К.* Итоги 2-го пленума Всесоюзного Центрального Комитета Нового Тюркского Алфавита и очередные задачи дела введения этого алфавита // Культура и письменность Востока: сборник Всесоюзного Центрального Комитета Нового Тюркского Алфавита. М., 1928. Кн. 2. С. 6–21.
3. *Кульбешеров Б.* К реорганизации аппарата в автономных республиках // Советское строительство. 1927. № 1 (январь). С. 18–22.
4. *Кульбешеров Б.* О плане работ президиума Совета Национальностей на декабрь 1927 г. – июль 1928 г. // Советское строительство. 1927. № 12 (Декабрь). С. 13–16.
5. Новый состав президиума совета национальностей // Красное Знамя (газета), 1925, 24 мая, № 116.
6. Первая сессия ЦИК СССР четверного созыва // Советская Сибирь. 1927. 29 апреля. № 96.
7. Протокол № 1 заседания Паритетной комиссии ЦИК СССР по уточнению границ между УзССР и КАО // URL: <http://islamperspectives.org/rpi/items/show/12892> (дата обращения 13.03.2019).
8. *Соегов М.* Отстаивая коренные интересы и суверенные права народов // Научный Татарстан. Гуманитарные науки. № 1. Казань, 2014. С. 82–89.
9. *Соегов М.* Штрихи к портрету Секретаря Совета Национальностей ВЦИК Бяшим Кульбешерова в 1925–1931 гг. и о последующих катаклизмах // Роль личности в историко-культурном пространстве: материалы Международной научно-практической конференции (4 июня 2014 г.). Уфа, 2014. С. 115–124.
10. URL: <http://www.knowbysight.info/KKK/00710.asp> (дата обращения: 11.03.2019).
11. URL: <http://islamperspectives.org/rpi/items/show/12937> (дата обращения: 10.03.2019).
12. URL: <http://islamperspectives.org/rpi/items/show/22034> (дата обращения: 12.03.2019).
13. Russian Perspectives on Islam. URL: <http://islamperspectives.org/rpi/items/show/12891> (дата обращения: 10.03.2019).

Приложение

13 апреля 1927 г.

Тов. Рыскулову

Препровождаю Вам для ознакомления протоколы и доклад о работе Паритетной Комиссии по обследованию взаимных пре-

тензий РСФСР и УзССР в отношении некоторых волостей и населенных пунктов, образованной 21-го декабря 1926 г. Президиумом ЦИК Союза ССР.

Постановления Паритетной Комиссии будут рассмотрены во время 4-го Всесоюзного Съезда Советов.

Председатель Паритетной Комиссии Б. Кульбешеров

**Доклад т. Кульбешерова
О работе Паритетной Комиссии**

21 декабря 1926 г. Президиум ЦИК Союза ССР постановил образовать под моим председательством Паритетную Комиссию в составе представителей от РСФСР и УзССР для обследования на месте взаимных претензий РСФСР и УзССР в отношении населенных пунктов Варзык, Заркент, ж.ст. Уч-Курган и сел. Уч-Курган Аувальской вол., Вуадиль и Чимион, а также в отношении волостей Исфарийской, Сохской, Аимской, Араванской и угольных копей Сулюкты Бакса-Исфанейской волости.

Ввиду этого в начале января 1927 г. я выбыл в Среднюю Азию для выполнения этого поручения. В состав Паритетной Комиссии, кроме меня, вошли представители: от РСФСР – т. Мендешев, от УзССР – т. Али-Ходжаев. Комиссия там, где это представлялось целесообразным, выезжала в спорные районы, выявляя как объективные хозяйственные и национальные условия, так и мнение местного населения о том, в границах какой республики следует укрепить тот или иной населенный пункт, волость или часть волости. Работа комиссии в отношении отдельных спорных пунктов представляется в следующем виде: /данные о количестве и национальном составе населения, кроме копей Сулюкта, приводятся по переписи 1917 г., данные о количестве посевов, скота и проч. – по переписи 1925 г./.

1. Селение Заркент Нанайской волости Наманганского уезда. По национальным признакам Заркент является неотъемлемой составной частью узбекской Нанайской волости; в ирригационном отношении Заркент лежит в Паша-Атинской системе, которой орошается вся Нанайская волость. Сельское общество Заркент является крайним пунктом для распространения хлопковых посевов; присоединение его в К.А.Р. вызвало бы перерождение хлопковых культур в зерновые, ибо в киргизских волостях, примыкающих к Нанайской, не имеется хлопковых посевов. Далее, между Заркентом и террито-

рией Киргизской Авт. Респ. находится ряд кишлаков с населением преимущественно узбекским /Нанай, Мамай, Кзыл-Язы, Ак-Та, Кок-Яр/. Кишлаки эти тесно связаны с Заркентом, и их судьбу необходимо соединить с судьбой Заркента: с передачей Заркента КирАССР надо было бы передать Киргизии и ряд этих кишлаков, то есть значительную территорию с узбекским населением. В селении Заркент имеется 161 хозяйство с населением 881 чел. исключительно узбеков. Посевная площадь равна 457 десятинам, из коих 86.7 % на поливных и 13.3 % на богарных землях, причем из всех посевов 66.8 % зерновых, 12.3 % джугары, 8.3 % хлопка и 12.6 % прочих посевов.

Селение Заркент, являющееся земледельческим селением, органически и целостно связанным с окружающими районами, было бы нецелесообразно передавать в КирАССР, население которой в этом районе скотоводческое, тем более что с Киргизией Заркент ничем не связан, с Узбекистаном же он связан в земледельческом, ирригационном, национальном и торговом отношении.

К Заркенту экономически тяготеют Нанайская вол. /в северной и южной своих частях/, Пишкорайская вол. и северная часть Кассанской волости. В смысле же административного управления передача Заркента КАР поставит Заркент в административное подчинение Джалаль-Абаду, который находится на расстоянии 300 верст.

По всем изложенным соображениям Паритетная Комиссия постановила оставить Заркент в УзССР. Т. Мендешев представил по этому вопросу особое мнение, сущность которого сводится к тому, что земли Заркентского с.о. вклиниваются в киргизскую территорию длинной и узкой полосой; что в с. Заркент сходятся скотопрогонные дороги, в нем имеется большой базар и оно является пунктом, снабжающим окружающие киргизские волости с населением свыше 50.000 человек; что являясь единственным экономическим центром для большого киргизского района, с. Заркент живет за счет торговли с киргизским населением, причем доходы, получаемые от киргизов, идут на улучшение жизни не киргизов, а узбеков; что никакой целостности с узбекскими районами у Заркента нет, так как его земли отделены от других узбекских земель широкой необитаемой полосой.

Соображения эти не являются убедительными.

Прежде Заркент, где киргизы продавали скот, имел для Киргизской республики большое значение. В настоящее время в связи

с образованием на территории Кирреспублики базара для сбыта скота в Афлатуме Заркент потерял для киргизов свое прежнее значение. Раньше в Заркенте имелся большой базар, где киргизы продавали, а узбеки покупали скот. Теперь же скот идет в Афлатум и лишь оттуда через Заркент направляется далее. Заркент превратился из рынка сбыта в скотопрогонный пункт.

Там не совершается торговых сделок, и ни о каких доходах по торговле, за счет которых якобы Заркент живет в ущерб киргизских интересов, совершенно не приходится говорить.

2. Ст. Уч-Курган Наманганского уезда расположена в долине р. Нарын. На расстоянии 1 версты от нее имеется кишлак того же наименования, объединяющий до 500 хозяйств. Расположение станции таково, что если ее передать КирАССР, то получится клин, искривляющий границу. Станция находится на территории Какул-Абадской вол. УзССР, земли ее находились и находятся в пользовании узбекского населения; по национальному составу население станции узбекское, в экономическом отношении станция связала по преимуществу с узбекскими селениями.

Всего в Какул-Абадской волости 28.077 человек, из них узбеков – 21.296 чел., в сельском обществе Уч-Курган насчитывается 5.517 человек исключительно узбеков. Кишлак Уч-Курган имеет 10.860 десятин поливной земли, из которых 2.085 дес. – под хлопком. У кишлака находится голова арыка Уч-Курган, разветвляющегося на арыки, орошающие Какул-Абадскую волость /свыше 11.000 десятин/. Передача станции Уч-Курган КАР разрушит единство оросительной системы и сократит площадь хлопковых посевов, ибо в смежной территории КАР хлопковых посевов не имеется. При станции Уч-Курган имеется хлопкоочистительный завод и скупной пункт, обслуживающий ряд узбекских районов. Кроме этого, Уч-Курган находится от Джалаль-Абада на расстоянии 220 верст, и администрирование оттуда представляет явное неудобство.

Представители КирАССР сообщили, что ст. Уч-Курган является удобным кантонным центром для ближних селений, но ввиду дальности расстояния от кишлаков /25 верст и больше/ для этой роли расположение станции не подходит.

Ввиду изложенного Комиссия постановила оставить ст. Уч-Курган в границах УзССР.

3. О селении Варзык. Селение Варзык Варзыкской вол. Наманганского уезда имеет 779 хозяйств с населением 3501 человек исключительно таджиков. Посевная площадь – 1034 десятин поливных земель. Из культур преобладают зерновые /47.4 %/, а также хлопок /34.7 %/, скота 1644 голов с преобладанием мелкого скота.

В экономическом отношении сел. Варзык связано с близлежащими узбекскими районами. Всеми промтоварами Варзык снабжается из г. Чуста. Земли кишлака Варзык, как и всей волости того же наименования, орошаются Кок-Серек-Саем. Если бы Варзык был передан в Кир. АССР, то единство оросительной системы было бы нарушено. В случае такого перехода Варзык должен был бы административно управляться из Джалаль-Абада, до которого от него свыше 250 верст. Торговое значение с. Варзык для некоторых аулов Чаткальской и Кудук-Сеидской вол. К.А.Р. еще не дает оснований выделять сел. Варзык из территории УзССР.

По изложенным основаниям Комиссия постановила оставить сел. Варзык в пределах УзССР.

4. О сел. Вуадиль. Селение Вуадиль Чимионской вол. Ферганского уезда имеет 806 хозяйств с 4425 жителей. Посевная площадь – 1432 десятин, почти целиком /на 99.3 %/ на поливных землях. Под зерновыми культурами имеется 27.4 %, под хлопком – 39.3 %, под джугарой – 24.8 %. Голов скота 1847, по преимуществу крупного рогатого скота. Население с. Вуадиль сплошь узбекское, занятие жителей – земледелие. Весь Чимионский район орошается Шахмарданской водной системой, причем при выходе из ущелья Шахмардан-Сай делится на два канала /Маргелан-Сай и Алты-Арык-Сай/, которые в дальнейшем разбиваются на 70 мелких арыков. У кишлака Вуадиль находится регулятор, служащий целям вододеления. Если этот регулятор окажется в пределах КирАССР, то часть земель Кокандского уезда и половина Маргеланского уезда с хлопковыми посевами 26.000 десятин будут в ирригационном отношении зависеть от Киргизии, что является нецелесообразным.

В Вуадиле имеются лавки Узбекторга с оборотом свыше 45.000 р., снабжающиеся промтоварами из г. Маргелана, а мануфактурой и сельскохозяйственными орудиями из Коканда; имеется также Вуадильский ширкат Ферганского райсельсовета. Передача Вуадиль Киргизии создала бы отрыв Вуадильского хлопкового ширката и изолирование его в чужом киргизском районе.

Тяготение к Вуадиллю соседних киргизских волостей и расположение вокруг с. Вуадиль киргизских селений с общим количеством населения до 1000 чел. не могли явиться решающим доводом в пользу включения этого чисто узбекского села в пределы РСФСР.

Ввиду этого Комиссия постановила оставить село Вуадиль в УзССР.

5. О сел. Чимион. Селение Чимион Чимионской волости Ферганского уезда имеет 630 хозяйств с 2944 чел. жителей. Посевная площадь – 1359 десятин поливных земель. Направление полеводства – хлопково-зерново-джугаровое /процентное отношение культур то же, что и в сел. Вуадиль/. Количество скота такое же, как и в сел. Вуадиль, с преобладанием крупного рогатого скота.

Население с. Чимион сплошь узбекское. Вблизи с. Чимион находятся промыслы нефти, причем большая часть нефтяных складов, промысловая контора, промышленные предприятия и пр. находятся в Чимионской волости, а меньшая часть промыслов – в соседней Яукесек-Бостонской волости. Из 239 чел. рабочих на промыслах Чимион узбеков – 108, киргиз – 23 и европейцев – 108 чел.

Промыслы обслуживаются г. Кокандом. Продукция промыслов обслуживает предприятия местной узбекской промышленности. Указания представителей Кирреспублики, что сел. Чимион жизненно связано с окружающими его киргизскими волостями, не могло поколебать убеждение Комиссии в том, что как со стороны экономической, так и национальной не имеется основания для передачи сел. Чимион Кирреспублике.

По изложенным основаниям сел. Чимион оставлено в границах УзССР.

6. О сел. Уч-Курган. Сел. Уч-Курган Аувальской волости Ферганского уезда, расположенное по р. Исфайрам, имеет 1186 хозяйств с 1687 дес. полевой площади, почти целиком на поливных землях /98 % поливных, 2 % богарных/. Из посевной площади 34.6 % зерновых посевов, 31 % хлопка, 18.2 % джугары. Скота – 1767 голов с преобладанием крупного рогатого скота. Население – 5674 чел., сплошь таджикское.

Сел. Уч-Курган, состоящее из трех частей: Верхнего и Нижнего Уч-Кургана и Мойна, является единственным экономическим центром для окружающего его с трех сторон киргизского населения Ичкилийской и Исфайрамской киргизских волостей /20.000 чел./.

Никаких других экономических центров в этом районе не имеется. Базар этого селения обслуживает киргизское население по всей территории вышеуказанных волостей. Утверждение, что Уч-Курган является центром узбекского населения Аувальской волости, не подтвердилось: в Аувальской волости имеются свои базары. Уч-Курган живет за счет торговли с окружающим киргизским населением.

Далее, сел. Уч-Курган имеет большое значение для развития угольных копей Кызыл-Кия, находящихся в пределах КирАССР на расстоянии 8 верст от Уч-Кургана. Это обстоятельство значительно облегчает задачу электрификации копей.

Кроме того, при передаче селения в Киргизию выпрямляется граница с Узбекистаном. Что же касается указания представителя Узбекистана на таджикское население Уч-Кургана, то надо заметить, что во всем рассматриваемом районе Узбекистана таджики представляют из себя нацменьшинство, притом очень слабо обслуживаемое в смысле удовлетворения культурных нужд. В качестве нацменьшинства таджикское население Уч-Кургана может находиться и в пределах Киргизстана. По изложенным соображениям

Комиссия постановила присоединить сел. Уч-Курган к КирАССР.

Представитель УзССР представил по этому вопросу особое мнение, сводящееся к следующим соображениям: в Аувальской волости 73.2 % таджикского населения и только 3.3 % киргиз, в Уч-Кургане же все 100 % таджикского населения, которое языком, обычаями, культурой и направлением хозяйства ничем не отличается от узбеков; таким образом, отрыв Уч-Кургана от Аувальской волости и присоединение к киргизам-кочевникам невозможны. Далее говорится, что оставления Уч-Кургана в Аувальской волости требует также единство ирригационной системы, так как у Уч-Кургана лежат головы арыков, орошающих Аувальскую и другие узбекские волости, и передача Уч-Кургана Киргизии создаст угрозу узбекским хлопковым полям. Окружающие Уч-Курган киргизские волости имеют самостоятельные базары, и Уч-Курган не является для них единственным экономическим центром. Далее, в Уч-Кургане имеется магазин Узбекторга, снабжающийся промтоварами из Ферганы, а мануфактурой из Коканда; при отходе Уч-Кургана в КирАССР базисным пунктом для этого магазина явится г. Ош, до которого прямым путем через горы 75 верст, а окружным – 170 в. Кроме того, вблизи Уч-

Кургана начаты работы по устройству гидроэлектростанции, причем Уч-Курган входит в замкнутое кольцо электропередачи, охватывающее ряд отраслей промышленности, сельского хозяйства, транспорт и пр. Из общего количества электрической энергии, вырабатываемой на Исфайрам-Сае, только 6.6 % пойдут на нужды Киргизии, а 93.4 % будут обслуживать предприятия Узбекистана. Нахождение такого крупного экономического фактора на территории другой республики явно нецелесообразно. Кроме того, в районе Уч-Кургана находятся военные лагеря, на устройство которых УзССР потратила большие средства. Уч-Курган отстоит от Ферганы на 20 верст, если же он будет передан КирАССР, он должен будет управляться из отдаленного г. Оша, что создает большие неудобства в смысле административного управления.

Эти соображения представителя УзССР не являются убедительными. Если можно согласиться, что таджики имеют много общих обычаев с узбеками, то таджикский язык резко отличается от узбекского. Правда, это различие языка не мешает узбекам и таджикам понимать друг друга, но точно такое же взаимное понимание наблюдается и между таджиками и киргизами. С точки зрения ирригационной – присоединение сел. Уч-Курган к КирАССР не причинит неудобства в водопользовании по системе р. Исфайрам ввиду того, что главные разветвления системы находятся ниже сел. Уч-Курган. Магазин Узбекторга, находящийся в Уч-Кургане, может снабжаться, как и прежде, товарами из Ферганы и Коканда, и этот вопрос вообще не является особо существенным. Вопрос о системе электрификации этого района еще не решен окончательно, но во всяком случае этот вопрос должен разрешаться по соображениям целесообразности, причем в интересах общесоюзных, безотносительно к нахождению того или иного селения в пределах Узбекистана или Киргизии. Точно также не представляется существенным, какая именно из союзных республик потратила суммы на сооружения военного характера /в данном случае военные лагеря в районе Уч-Кургана/, ибо интересы Красной Армии совершенно в такой же степени дороги для Узбекистана, как и для Киргизии: это есть общесоюзное дело, и каждая республика вкладывает в это общее дело все, что может.

7. О копиях Сулюкты. Копи Сулюкты находятся на западной границе Бакса-Исфанейской волости Ходженского уезда. В районе Сулюктинских копей имеется, по данным на 1 января 1927 г., 1094 тру-

дящихся, из коих узбеков и таджиков вместе взятых – 113 чел., киргиз – 323 чел., русских – 390 чел., остальные – других национальностей /чехи, татары, персы и др./.

Производство на 1925–26 г. 2.258.527 пуд., по плану на 1926–27 г. – 3.500.000 пуд. От копей Сулюкты до границы Узбекистана 14 верст. К западу от копей расположены киргизские селения: Котыр-Булак, Чалды-Балды, Чакмакташ и Чимкент. Если бы копи Сулюкты были оставлены в Узбекистане, то от Киргизстана была бы отрезана территория с киргизским населением. Принимая во внимание, что копи находятся на территории Бакса-Исфанейской волости, отошедшей к КирАССР вместе с окружающими копи киргизскими селениями, и что, имея большинство рабочих киргиз, копи входят в одно объединение с киргизскими копиями Кызыл-Кия, Комиссия постановила присоединить копи Сулюкты к КирАССР.

Представитель УзССР представил по этому вопросу особое мнение, в котором изложены следующие соображения: от ст. Драгомилово к копиям Сулюкты проходит узкоколейка протяжением в 22 версты, а на расстоянии 6 верст – подвесная дорога.

По всей территории, через которую проходят узкоколейка и подвесная дорога, не имеется ни одного киргизского аула, и вся эта пустынная территория непосредственно примыкает к УзССР. Трест Феруголь вложил на восстановление копий огромные капиталы, добился снижения себестоимости угля и возможности повысить заработную плату. Восстановительные работы на Сулюкте потребовали в 1925–26 году затрат в сумме 248.000 руб., а в 26–27 г. будет затрачено 593.585 руб. Дефицит копей в 1925–26 г. выразился в сумме 49.000 р. Киргизия не имеет своей промышленности и не нуждается в угле, и, как в свое время указывали представители КирАССР, копи как убыточные будут закрыты, как только перейдут в Киргизию. Между тем развитие промышленности УзССР немислимо без Сулюктинского угля, единственным потребителем которого является Узбекистан, крайне нуждающийся в угле. Кроме того, КирАССР не имеет ближе чем на 300 в. ни одного центра для администрирования Сулюкского района.

Однако утверждение, что между копиями Сулюкты и границей Узбекистана не имеется киргизских селений, не является точным, как сказано выше. Что же касается убыточности копий, то соображения о том, что Киргизское правительство не заинтересовано в том, чтобы

сохранить это убыточное предприятие, опровергаются ходатайством представителя Киргизии о передаче копей КирАССР. Убыточность копей не подвергается сомнениям, но так как копи Кызыл-Кия являются рентабельными, возможно покрывать дефицит, даваемый Сулюктой, прибылью Кызыл-Кия, что и производится в настоящее время трестом Феруголь. Представители Киргизстана не заявляли Паритетной Комиссии о намерении КирАССР ликвидировать копи в случае их передачи в КирАССР. Что же касается до неудобств администрирования, то район копей в этом отношении окажется в таких же условиях, как и вся эта часть Бакса-Исфанейской волости, отходящей к Киргизии.

8. Об Аимской волости. Аимская волость Джалаль-Абадского округа КирССР расположена в восточном углу Ферганской долины в районе реки Кара-Дарья. УзССР претендует на шесть сельских обществ Аимской волости, расположенных на левом берегу Кара-Дарьи, а именно на сельские об-ва Аимское, Дардакское, Кызыл-Такайское, Курут-Куйское, Ташлакское и Тиших-Ташское.

В Аимской волости имеется 4375 хозяйств с 22.890 чел. жителей. Национальный состав – 50.6 % киргиз, 43.2 % узбеков, 6.2 % прочих. Посевная площадь – 8098 десятин, из коих 94.7 % на поливных и 5.3 % на богарных землях. Из всей площади 55.2 % под хлопком, 34.6 % под рисом, остальное – под прочими посевами. Скота – 2966 голов с преобладанием крупного рогатого скота. В национальном составе всей волости в целом наблюдается преобладание киргиз над узбеками, но в указанных выше 6 сельских обществах левобережной части наблюдается преобладание узбеков /59.8 %/. Северная часть волости, естественно отделенная от южной рекой Кара-Дарьей, тяготеет по направлению торговых путей и по национальному составу к КирАССР, южная часть, которую надо рассматривать как единый район, – к УзССР. Вся территория южной части волости прорезана верхним течением арыка Андижан-Сай и спаяна между собою общностью ирригационных интересов. Узбекское и киргизское общества расположены чересполосно, и не представляется возможным их выделять.

При постановке вопроса о переходе в УзССР на общих собраниях указанных селений узбекская часть населения голосовала за переход в УзССР, киргизская – за оставление селений в КирАССР.

Узбеки основывают свое желание на экономическом тяготении к Андижану и хозяйственной связи с узбекским хлопковым районом, а также на лучшей постановке школьного дела в соседних узбекских селениях. Лишь в одном селении Тишик-Таше узбекское население голосовало за оставление в КирАССР, мотивируя это связью с Киробластью в отношении пастбищ.

Принимая во внимание, что перечисленные 6 обществ левобережной части Аимской волости представляют из себя единое целое, отделенное от остальных сельских обществ рекой Кара-Дарьей и связанное общностью водопользования, с экономическим тяготением к Андижану, а также что в этих обществах преобладает узбекское население, Паритетная Комиссия по изложенным соображениям и в целях прекращения национальных распрей, мешающих развитию народного хозяйства, признала необходимым присоединить сельские общества левобережной части Аимской волости к УзССР.

Т. Мендешев представил особое мнение, сущность которого сводится к следующему: отделение указанных 6 селений от остальной части волости р. Кара-Дарьей не может служить основанием для разделения волости, ибо в этом районе Кара-Дарья легко переходима верхом и на арбах и два правобережные селения Ак-Мечеть и Чангыр-Таш, занимаясь теми же видами хозяйства, должны иметь общую судьбу с левобережными селениями; между тем такое искусственное разделение волости дает в левобережной части узбекское большинство, тогда как большинство населения всей волости – киргизское. Далее указывается, что киргизское население, переданное в УзССР, будет как менее культурное поглощено узбеками, тогда как узбеки, находясь в Киргизстане, могут сохранить свое национальное развитие. Четыре чисто киргизских и два смешанных селения, находящиеся в Аимской волости, необходимы в качестве очагов советского строительства, культурно влияющих на соседний кочевой район, тогда как для УзССР Аимская волость такого значения иметь не может. Т. Мендешев, отмечая отсутствие у дехканских масс активного интереса к этому вопросу, указывает на агитационную роль нетрудового элемента, обостряющего национальные чувства в своих личных интересах. Что же касается связанности Аимской волости с узбекскими районами в отношении водопользования, то Т. Мендешев указывает, что за все время нахождения волости в КирАССР никаких споров по водопользованию не происходило. В смысле

удобства сношения с центрами расстояние от Аима до Андижана такое же, как и до Джалаль-Абада. В отношении скотоводства жители Аимской волости имеют связь с Киргизией, пользуясь по летам ее горными пастбищами. По этим основаниям Т. Мендешев считает целесообразным оставить всю Аимскую волость в РСФСР.

Однако все эти соображения Т. Мендешева мало убедительны. Утверждение, что р. Кара-Дарья легко переходима, относится к тому периоду, когда в ней мало воды, но явление это вовсе не характерно для Кара-Дарьи. В разделении волости, население которой по национальному составу явно сгруппировано так, что на севере сосредоточены преимущественно киргизы, а на юге – узбеки, нет никакой искусственности. Разделение это вполне естественно и отвечает национальным интересам. Напротив, совершенно искусственным является административное объединение двух частей территории, резко отличающихся друг от друга, в национальном отношении. Точно также неубедительно указание, что киргизское население южной части волости будет поглощено узбеками, тогда как при закреплении волости в КирАССР узбеки могут сохранить свое развитие. Киргизская часть населения, вкрапленная в толщу узбеков и обслуживаемая узбекскими культурными учреждениями, работающими при весьма значительном бюджете, будет подниматься в своем развитии, а не опускаться. Между тем узбекская часть населения, находящаяся в ведении гораздо более слабых по бюджету и менее культурных органов Киргизии, будет обречена на понижение своего культурного уровня. Таким образом, оставление всей волости в КирАССР вызовет понижение, а передача левобережной части в УзССР – повышение некоторых групп населения.

Что же касается указаний на агитационную роль нетрудового элемента, то в этом повинны в равной степени как узбеки, так и киргизы. В отношении водоснабжения – нельзя утверждать, что при существующем положении вещей /то есть когда вся Аимская волость находится в КирАССР/ споров на этой почве не происходит. Споры за воду всегда имели и будут иметь место независимо от единства или смешанности национального состава. Споры эти замирают лишь при одном условии – когда воды хватает на всех.

Наконец, относительно пастбищ надо сказать, что те узбеки Аимской волости, которые занимаются скотоводством, и при разделении волости имеют полную возможность на договорных началах пользоваться горными пастбищами Киргизии.

9. Об Араванской волости. В Араванской волости Ошского округа имеется 3425 хозяйств. Посевная площадь исчисляется в 4.841 дес., из коих 95.7 % – на поливных землях. Преимущественные культуры – хлопок /59.1 %/, зерновые /17.6 %/ и джугара /12.4 %/. Общее количество скота – 3.660 голов, из которых 37.7 % крупного рогатого скота и 35,3 % – лошадей. Экономическое тяготение Араванской волости направлено к городу Ошу, находящемуся в пределах КирАССР. Селения Араванской волости имеют общие источники орошения. В ирригационном отношении эти селения связаны с Наукатской волостью Киргизстана, каковая волость расположена выше р. Араван-Сай. Рассматривать интересы каждого селения Араванской волости в отдельности нецелесообразно ввиду общности их землепользования и водопользования.

По указанным соображениям Комиссия постановила оставить Араванскую волость в Киргизии.

Т. Али-Ходжаев представил по этому вопросу особое мнение. Согласно этому особому мнению, основаниями, по которым сельские общества Андижанское, Араванское, Дуст-Маст-Хальфинское, Лянгарское и Тепе-Курганское Араванской волости необходимо присоединить к КирАССР, является следующее: по национальному составу в пяти указанных сельских советах находится 10.874 жителя, из которых 8.354 чел. узбеков. Таким образом, за присоединение говорят соображения национального характера.

Далее присоединение диктуется необходимостью сохранить единство ирригационной системы. Араван-Сай, выходя из ущелья у кишлака Араван, разделяется на три арыка, орошающие земли кишлаков Ферганы. Нахождение голов арыков в КирАССР препятствует правильному распределению воды и вызывает национальную вражду. Земли, расположенные у Араван-Сая, засеваются киргизами рисом, требующим большого количества воды на низовьях. Это губительно отражается на хлопковых посевах Узбекистана в районе Араван-Сая, чего избежать возможно лишь путем создания единства ирригационной системы, достигаемого при присоединении к УзССР указанных 5 сельских обществ.

Эти сельские общества в южной части соприкасаются с полукочевыми киргизскими волостями, а в северной – прилегают к границе УзССР и связаны с УзССР торговым и административным

тяготением. Население указанных сельских обществ занимается земледелием, отличаясь от киргизов языком, обычаями и культурой, и неоднократно ходатайствовало о присоединении к УзССР.

Эти соображения представителя УзССР мало убедительны. Прежде всего, о соображениях национального характера. По данным Средне-азиатской комиссии по районированию /по переписи 1917 г./, в Араванской волости значится 17.051 человек с преобладанием узбеков /10.899 чел./. По данным КирАССР на 1 марта 1927 г., в волости 13.816 человек, из коих узбеков – 6.572 чел. Киргизы с тюрками и уйгурами /последние две национальности нейтральны по отношению к тому, будут ли находиться в Киргизии или Узбекистане/ численно равны узбекскому населению Араванской волости.

Соображения о том, что если Араванская волость будет оставлена в Киргизии, то это губительно отзовется на узбекских хлопковых посевах, неосновательны.

Араванская волость сама сеет преимущественно хлопок, как это видно из приведенных выше цифр. Рис сеется лишь в незначительном количестве. Если бы киргизы задавались целью повредить узбекским хлопковым полям, то и при нахождении Араванской волости в Узбекистане они могли бы это сделать, перехватив Араван-Сай выше Араванской волости. Указание на национальную вражду на почве распределения воды в корне неправильно. Вражда из-за воды, являющейся самым необходимым фактором хозяйства в Средней Азии, происходит вне связи с национальными ориентировками: она вспыхивает всюду, где воды мало, как между узбеками и киргизами, так и между узбеками одного района с узбеками другого района. Эти водные споры разрешаются не тем, на чьей территории будет находиться та или иная волость, а согласительной работой комиссий, в которых участвуют представители заинтересованных районов.

10. О Сохской волости. Сохская волость Кокандского уезда Ферганской области насчитывает 1536 хозяйств при 8723 жителей, из которых 96.1 % таджиков, 3.8 % киргиз и 0.1 % узбеков. Посевная площадь – 2536 дес., из которых 83.9 % на поливных землях и 16.1 % – на богарных. Главные культуры – зерновые /56.0 %/, джугара /18.7 %/, рис /9.2 %/. Скот исчисляется в 5140 голов с преобладанием крупного рогатого скота. Комиссия приняла во внимание, что к Сохской волости тяготеют окружающие ее киргизские волости – Кульдынская

и Боткан-Бужунская, насчитывающие 20.000 человек населения и не имеющие на своей территории ни одного экономического центра. Далее, в этом районе, окруженном горами, не имеется свободной, годной для полеводства земли, использованы все 100 % годной для этой цели земли и не предвидится дальнейшего расширения полевого полеводства /может быть лишь расширена, и то только за счет других культур, площадь рисовых полей/.

Что же касается ирригационных соображений, то имеющиеся в районе зерновые культуры требуют воды в то время года, когда вода для хлопка не нужна. Вода реки Сох почти вся используется для орошения узбекских хлопковых полей Кокандского округа. В пределах Сохской волости не имеется каких-либо сооружений, регулирующих водоснабжение. Такие сооружения имеются ниже в пределах Узбекистана, причем неправильности водоснабжения зависят не от задержки воды в верховьях реки, а от недостаточно рационального устройства ирригационных сооружений в соответствующих районах Узбекистана.

По этим соображениям Комиссия постановила присоединить Сохскую волость к КирАССР. Вместе с тем Комиссия признала необходимым обеспечить водоснабжение хлопковых районов Кокандского округа водой р. Сох путем централизации системы р. Сох в ведение Узбекводхоза, а также предложить Правительству КирАССР не допускать увеличения рисовых полей в Сохской волости. Затем, принимая во внимание, что Сохская волость окружена с севера частями территории волостей Яукесек-Бостонской и Найгут-Кипчакской, население каковой территории киргизское, хозяйственно связанное с окружающими Сохскую волость киргизскими волостями, Комиссия постановила указанную территорию также присоединить к КирАССР.

При этом Комиссия постановила ту часть указанной территории, на которой обнаружены нефтяные источники, оставить в УзССР.

По вопросу о нефтяных источниках на указанной территории представил особое мнение т. Мендешев, указывая, что постановление о недрах вносит путаницу в решение вопроса о границах и что эксплуатация недр должна производиться по соображениям хозяйственной выгоды, независимо от того, на территории какой части Союза они обнаружены. Т. Али-Ходжаев, со своей стороны, также

представил особое мнение, в котором говорится, что присоединение Сохской волости к КирАССР обусловит невозможность развития хлопководства в 17 волостях Кокандского уезда. Сохская волость и 17 волостей Кокандского уезда орошаются рекой Сох-Сай, которая в 1925–26 г. оросила 96.000 десятин, из которых на Сохскую волость приходится 2.618 десятин. Сохская ирригационная сеть, оросив Сохскую волость, выходит в долину 107 арыками, которые и орошают 96.000 дес. Кокандской долины. Вследствие стремительного стока воды при малейшей неправильности водораспределения одни арыки переполняются, а остальная часть населения остается без воды. Передача водораспределения в ведение Узводхоза не даст желаемых результатов. Сохская система не удовлетворяет потребности в воде, ввиду чего в Сохской волости начаты изыскания по устройству огромного водохранилища, для устройства которого потребуются отчуждение дехканских земель, что будет трудно произвести, если они будут в ведении КирАССР. Кроме водохранилища и распределителя к КирАССР должны будут отойти водомерный пункт и сооружаемая Сохская метеорологическая станция.

Недостаток воды в р. Сох требует сокращения рисовых посевов, что реально не может быть осуществимо Узводхозом на чужой территории. Узбекистан же проводит замену рисовых посевов садовыми культурами из Канибадамского посадочного и маточного материала.

В Сохской волости по переписи 1926 г. 10028 чел., из которых таджиков 9.911 чел., узбеков 30 ч., киргиз 85 чел. и русских 2 человека. Киргизское население находится лишь в 2-х кишлаках – Чун-Кара и Янги-Арык. Направление хозяйства волости земледельческое, отличающееся от хозяйства киргиз /скотоводство/. Языком, обычаями и культурой таджикское население резко отличается от киргиз. Сох-базар неразрывно связан с Кокандом, а также и с базарами Риштан и Исфара, от которых не может быть оторван. Если Сох-базар будет передан КирАССР, то он должен будет закрыться, так как не будет снабжаться из госорганов УзССР. Для него базисным центром явится Ош /190 верст через горы, причем дорога открыта лишь в течении 3-х месяцев/. Окружным путем товары должны будут идти 300 верст, создавая огромные накладные расходы. Организованный в кишлаке Юкары-Курган ширкат развивает работу, снабжаясь товарами из Ко-

канда. Передача его Джалаль-Абадскому райсельсоюзу приведет его к несомненному упадку.

Наконец, присоединение Сохской волости и КирССР к Ошскому округу создаст условия администрирования из центра, отстоящего на 300 верст, что явно нецелесообразно.

Вместе с тем представитель УзССР представил особое мнение относительно необходимости оставления северных частей бывших Ляйлякской, Найгут-Кипчакской и Яукесек-Бостонской волостей в составе УзССР. Основания тому приводятся следующие: районы эти непосредственно прилегают к центрам Ферганы и тесно с ним связаны экономически.

В местности этой находятся озокеритовые разработки и нефтяные промыслы «Санто», рабочие которых обслуживаются базарными центрами Кучкак и Канибадам, причем последний является административно-культурным центром для этого района. В таком же положении находится Шурабский горно-промысловый район по отношению к Исфаре.

В промыслы «Санто» трест Узбекнефть вложил огромные капиталы.

Северная часть Ляйлякской волости вошла в состав Исфаринской волости УзССР, причем киргизское население составляет ничтожный процент по сравнению со всем населением этого района. Северная часть Найгут-Кипчакской волости населения почти не имеет: район этот представляет из себя пустынные горы. Наибольшее количество населения обслуживается базарными центрами Исфары и Яйпана. К югу от кишлака Карим Диван находятся нефтяные, озокеритовые и серные разработки, куда рабочие преимущественно берутся из Яйпанского района.

Северная часть Яукесек-Бостонской волости прилегает к Чимионскому и Риштанскому центрам. На территории Яукесек-Бостонской волости находится часть /меньшая/ нефтяных промыслов Чимион, в которых работает из 239 человек только 23 киргиза. Эти промыслы, как и промыслы «Санто», обслуживаются г. Кокандом. Ввиду этого т. Али-Ходжаев считает целесообразным оставить в УзССР не только Сохскую волость, но и северные части бывших Ляйлякской, Найгут-Кипчакской и Яукесек-Бостонской волостей.

Что касается возражения т. Мендешева о том, что постановление о нефтяных источниках на территории б. Яукесек-Бостонской

и Найгут-Кипчакской волостей внесет путаницу в вопрос о границах, то это предположение не имеет под собой никакой почвы. Никакого отношения к пограничным спорам эксплуатация нефтяных источников не имеет и никакой путаницы постановление Паритетной Комиссии не внесет. Постановление это как раз и вызвано теми соображениями, о которых говорит т. Мендешев, то есть соображениями об общесоюзном, а не узконациональном значении источников. Может быть, с точки зрения исключительно национальных интересов надо было бы передать эксплуатацию этих источников Киргизии, но Комиссия на эту точку зрения встать не могла и считает ее /как, очевидно, и т. Мендешев/ неправильной.

Точно также неправильны соображения, развитые в особом мнении т. Али-Ходжаева. В ирригационном отношении дело рисуется не так, как об этом пишет т. Али-Ходжаев. Как уже указано выше, сооружения, регулирующие водоснабжение, находятся не в Сохской волости, а за ее пределами, в ведении Узбекистана, органы которого и ответственны за все могущие быть неправильности при распределении воды. При этом, идя навстречу интересам Узбекистана, Комиссия постановила всю систему р. Сох передать Узбекводхозу, и непонятно, почему представитель УзССР считает, что это не даст желаемых результатов. Указания на предпринятые работы по устройству водохранилища не вполне точны: представитель Средазводхоза заявил Паритетной Комиссии, что сооружение водохранилища не предвидится. Что же касается передачи Киргизии водомерного пункта и сооружений метеорологической станции, то эта передача не представляется Паритетной Комиссии в каком-либо отношении недопустимой.

Неправильны соображения и о том, что Сох-базар должен будет закрыться при передаче его КирАССР. Поскольку Сох-базар необходим для населения, он будет сохранен, а товары для него все необязательно должны направляться через Ош: они могут быть направлены прямо через территорию Узбекистана /например, могут направляться через Коканд/.

11. Об Исфаринской волости. Ввиду снятия представителями КирАССР своей претензии на присоединение Исфаринской волости к Киргизии Комиссия постановила в соответствии с постановлениями Президиума ЦИК Союза ССР от 10/IX-26 г. оставить Исфаринскую волость в пределах УзССР. Что же касается вопроса

об угольных копях Шуруба I и Шураба II Канибадамского района, то Комиссия постановила поставить этот вопрос на обсуждение Президиума ЦИК Союза ССР.

[12]. О границах. Комиссия постановила войти в Президиум ЦИК Союза ССР с ходатайством о производстве описания границ между УзССР и РСФСР путем уточнения их в натуре специальной Паритетной Комиссией.

Из вышеизложенного видно, что Паритетная Комиссия, рассмотрев порученные ей вопросы, вынесла решения, аналогичные с выводами комиссии т. Петровского в отношении населенных пунктов Варзык, Заркент, Вуадиль, Чимион и ж.д. ст. Уч-Курган, а также относительно левобережной части Аимской и Исфанейской волостей, постановив закрепить указанные пункты и территории в границах УзССР, причем особо выделен вопрос о судьбе копей Шураб I и Шураб II Канибадамского района.

Что же касается сел. Уч-Курган /Аувальской вол./, Араванской и Сохской волостей, а также копей Сулюкты Бакса-Исфанейской волости, то Комиссия пришла к выводам, противоположным тем, к которым пришла комиссия т. Петровского, и постановила указанные пункты и территории закрепить в границах Киргизии.

Кроме того, в связи с передачей Сохской волости Киргизстану Комиссия сочла необходимым поставить вопрос о присоединении к КирАССР тех частей б. Найгут-Кипчакской и Яукесек-Бостонской волостей, которые окружают с севера Сохскую волость, причем постановила передать эту территорию Киргизии за исключением обнаруженных на этой территории нефтяных источников.

Председатель Паритетной Комиссии Б. Кульбешеров

Мурадгелди СОЕГОВ

доктор филологических наук, профессор,

академик Академии наук Туркменистана

внештатный научный консультант

Институт языка, литературы и национальных рукописей

им. Махтумкули АН Туркменистана, г. Ашхабад

УДК 81`25, 651.926.007, 347.78.034, 347.973

В. Стец

К ВОПРОСУ О ЗАВЕРЕННОМ ПЕРЕВОДЕ И СТАТУСЕ ПРИСЯЖНОГО ПЕРЕВОДЧИКА В ПОЛЬШЕ

Аннотация. В статье представлены основы заверенного письменного и устного перевода, осуществляемого присяжными переводчиками в Польше. Автором рассматриваются требования, предъявляемые к кандидатам в присяжные переводчики. Подробно анализируются формат и содержание государственного экзамена по переводу. Разъясняются статус, сфера полномочий и особенности профессии присяжного переводчика. Обсуждаются практические аспекты переводческой деятельности. Затрагиваются вопросы нотариально заверенного перевода, осуществляемого в России.

Ключевые слова: заверенный перевод, присяжный переводчик, судебный перевод, юридические документы, Польша.

W. Stec

ON CERTIFIED TRANSLATION AND THE STATUS OF A SWORN TRANSLATOR IN THE POLAND

Abstract. The paper refers to the fundamental principles of certified translation and interpretation performed by sworn translators in Poland. The author considers the requirements which prospective sworn translators must satisfy, as well as the format and content of the state-level sworn translator exam. The status, terms of reference and features of the profession of a sworn translator are explained, and the practical aspects of translation process are discussed. The problems of notarised translation carried out in Russia are touched upon.

Keywords: certified translation, sworn translator, judicial translation, legal documents, Poland.

Институт присяжных переводчиков и осуществляемого ими заверенного перевода существует во многих странах мира, в том числе в Республике Польша. Согласно законодательству Польши, официальные документы, составленные на иностранном языке, с которыми граждане обращаются в государственные или муниципальные органы и учреждения, должны подаваться вместе с их заверенным переводом на государственный, то есть польский язык. То же самое касается некоторых юридических документов на польском языке, которые отправляются (вручаются) иностранному гражданину государствен-

ными органами – они должны быть переведены на его родной язык, либо на язык, которым он, по заявлению, свободно владеет. Здесь имеются в виду процессуальные документы и письма, составляемые польскими правоохранительными органами (полиция, прокуратура, пограничная служба и пр.) и органами правосудия (суды разных инстанций) на стадиях возбуждения уголовного дела, предварительного расследования и судопроизводства в уголовном производстве.

Нужно обратить внимание на то, что заверенный перевод в Польше понимается по-иному, чем нотариально заверенный перевод в России. В Польше такой тип перевода, как в письменной, так и в устной форме, вправе выполнять и заверять только присяжные переводчики, внесенные в список реестра присяжных переводчиков, находящегося в ведении министра юстиции. Данный реестр общедоступен и размещается на сайте Министерства юстиции РП, так же, как и вся необходимая информация, касающаяся присяжных переводчиков [13]. Кроме того, переводить документы и удостоверить правильность переводов имеют право также консульские должностные лица. В случае переводов в языковой паре польский – русский, основанием для этого является п. 6 ст. 35 *Консульской конвенции между Российской Федерацией и Республикой Польша от 22 мая 1992 г.* [10]. В исключительных случаях, когда в списке реестра нет присяжного переводчика какого-либо (как правило, редкого или экзотического) языка, либо переводчик имеется, но нет возможности в короткие сроки обеспечить его явку в судебное заседание или присутствие на стадии предварительного расследования, в качестве эксперта-переводчика для участия в уголовно-процессуальных действиях может быть привлечен человек, не являющийся присяжным переводчиком, который в совершенстве владеет как иностранным, так и польским языком (ст. 195 в связи со ст. 204 § 3 *Уголовно-процессуального кодекса Республики Польша* – далее: УПК РП) [9]. Такой переводчик, назначенный в отдельном производстве «ad hoc», то есть по особому случаю, приносит присягу перед судом (ст. 197 § 1 и ст. 187 § 1 и 2 УПК РП) [9]. Однако данная практика не относится к русскому языку, так как он в Польше не считается редким и найти присяжного переводчика русского языка не представляется сложным.

По состоянию на 3 января 2021 г. в списке реестра министра юстиции РП состояли 1239 переводчиков русского языка. Для сравнения, присяжных переводчиков немецкого языка имеется 3716,

английского – 2794, французского – 1131, в то время как, например, таких языков, как: исландский, киргизский, узбекский, монгольский, амхарский, пушту – всего по одному. В настоящее время в Польше установлены присяжные переводчики для 54 языков. Нужно подчеркнуть, что русский язык считается очень востребованным (в переводческом аспекте) польскими правоохранительными органами и органами правосудия, а ведь присяжные переводчики должны осуществлять заверенный перевод, в первую очередь, именно для данных учреждений – в досудебном и судебном уголовном производстве. Это связано с *директивой Европейского Парламента и Совета Европейского Союза № 2010/64/UE от 20 октября 2010 г. о праве на устный и письменный перевод в уголовном процессе* [8], согласно которой лица, не владеющие или недостаточно владеющие языком уголовного судопроизводства, необходимо обеспечить бесплатной помощью квалифицированного переводчика, а таким в Польше, в понимании закона, является присяжный переводчик. Также *Уголовно-процессуальный кодекс РП* (ст. 72 УПК РП) накладывает на государственные органы обязанность предоставить бесплатно в уголовном производстве услуги переводчика подозреваемым, временно задержанным, обвиняемым и подсудимым, которые не владеют в достаточной степени польским языком [9].

Граждане порой не знают, что перевод их документов, выполненный на родине, на территории других стран может не признаваться в качестве официального и, следовательно, не приниматься сотрудниками государственной или муниципальной администрации. Такова ситуация имеет место, в частности, в Польше, где перевод на государственный язык документов иностранного происхождения, предназначенных для внутреннего правового оборота, должен быть осуществлен и заверен присяжным переводчиком, установленным в Польше. Иные переводы документов не имеют юридической силы. К сожалению, о таком требовании не информируют некоторые переводческие агентства, убеждая своих клиентов, что предлагаемый ими нотариально заверенный перевод действителен за (любой) границей, и тем самым вводя их в заблуждение. Следствием неосведомленности граждан по данному вопросу являются стресс, а также дополнительные расходы на выполнение официально заверенного перевода документов уже на территории иностранного государства (в данном случае в Польше).

Практика нотариально заверенного перевода документов, подтвержденная законодательством, имеет место не только в России, но и в других странах бывшего СССР, за исключением Эстонии, где исключительной компетенцией на выполнение заверенных переводов наделены присяжные переводчики, деятельность которых регулируется законом от 11 декабря 2013 г. В случае нотариально заверенного перевода документов в России, согласно ст. 81 и ст. 80 закона от 11 февраля 1993 г. «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» [4], нотариус свидетельствует верность перевода с одного языка на другой тогда, если сам владеет соответствующими языками, и, следовательно, лично выполнил перевод. В ином случае перевод осуществляется переводчиком, подлинность подписи которого свидетельствует нотариус, то есть нотариус удостоверяет то, что подпись на переведенном документе сделана определенным лицом, но не удостоверяет фактов, изложенных в этом документе. Если нотариус не обладает ни языком перевода, ни переводческими навыками, тогда не может удостоверить также и того, что перевод выполнен профессиональным переводчиком.

Стоит упомянуть, что российские исследователи, прежде всего, юристы, но также и лингвисты, являющиеся практикующими переводчиками, все чаще обращают внимание общественности на необходимость создать в России институт присяжных или судебных переводчиков на законодательном уровне [ср. 1; 6; 2]. С этой целью инициативной группой специалистов из Нижнего Новгорода к Летней школе перевода Союза переводчиков России в 2015 г. был разработан, а затем опубликован проект *Положения о судебном переводчике* [5]. Однако, несмотря на проблемы, о которых в течение многих лет заявляет переводческое общество, в том числе нерешенный вопрос юридической ответственности за точность и правильность нотариально заверенного перевода, и связанные с этим правовые последствия, до настоящего времени в российском законодательстве не введены какие-либо изменения в этой сфере.

История присяжных переводчиков в Польше берет свое начало в 1920 г., когда были приняты первые после восстановления независимости государства нормативные правовые акты, касающиеся данной профессиональной группы. Функционирующее до настоящего времени наименование профессии *tłumaczprzysięgły* (эквивалент на русском языке – *присяжный переводчик*) было вклю-

чено в правовую систему указом Президента Польской Республики от 6 февраля 1928 г. о введении *Закона об устройстве судов общей юрисдикции* [11, с. 19–21]. В 1928 г. также вступило в силу распоряжение министра юстиции, определяющее правила установления и деятельности присяжных переводчиков. В последующие десятилетия прошлого века законоположения, относящиеся к заверенному переводу, подвергались изменениям и дополнениям (соответствующие распоряжения от 1953, 1968, 1987 гг.).

В настоящее время правовую основу заверенного перевода в Польше составляет закон РП от 25 ноября 2004 г. *О профессии присяжного переводчика*, действующая редакция которого опубликована на сайте польского Сейма (интернет-система нормативных правовых актов) и доступна, так же, как и все исполнительные подзаконные акты (распоряжения), на сайте Министерства юстиции РП [14]. Нужно упомянуть, что иногда на сайтах бюро переводов и в СМИ, как польских, так и российских, можем встретиться с употреблением ошибочного, по своей сути, словосочетания *tłumaczenie przysięgłe* / 'присяжный перевод'. Языковеды обращают внимание на то, что 'присяжных переводов' (*tłumaczeń przysięgłych*) нет, зато есть *заверенные переводы* (по-польски: *tłumaczenia poświadczane* или *tłumaczenia uwierzytelnione*), выполняемые присяжными переводчиками, которые приносят присягу министру юстиции.

Дополнением к указанному выше закону являются подзаконные нормативные акты в виде распоряжений министра юстиции РП, в которых определяются подробности и условия проведения экзамена по переводу в письменной и устной формах, размер оплаты, взимаемой за проведение экзамена, состав и организация деятельности экзаменационной комиссии, а также устанавливаются размеры вознаграждения, выплачиваемого переводчику за исполнение им своих обязанностей по поручению государственных органов, в разделении на языковые группы. В случае устного перевода ставка предусматривается за час работы (каждый начавшийся), при письменном переводе вычисляется из расчета за один лист письменного перевода текста (составляющий 1125 текстовых знаков, в том числе буквы, цифры, знаки препинания и пробелы), при чем ставки разные, в зависимости от того, какой язык является исходным – польский либо иностранный. Размер вознаграждения за выполнение заверенного перевода для заказчика, являющегося частным лицом или предпри-

нимателем, законодателем не определяется, так как данные тарифы регулирует рыночная цена на переводы, а также индивидуальная договоренность между переводчиком и заказчиком. Тем не менее, цена в любом случае не может быть ниже установленной распоряжением.

Согласно *Закону о профессии присяжного переводчика*, в компетенции присяжного переводчика в Польше входят, прежде всего, выполнение и заверение (своей подписью и печатью) письменных переводов с иностранного языка на польский и с польского языка на иностранный, а также осуществление устных переводов. Кроме того, присяжный переводчик может проверять и подтверждать правильность, то есть удостоверяет переводы, выполненные другими лицами (если они осуществлены по его языковому направлению), составлять заверенные копии документов на иностранном языке, проверять и удостоверить копии документов, сделанные другими лицами [14].

Исполняя свои обязанности, присяжный переводчик должен быть беспристрастным и добросовестным, соблюдая нейтральность и объективизм, обязуясь руководствоваться профессиональной этикой и нравственными нормами, хранить государственную и иную тайну. Кроме упомянутого, присяжный переводчик обязан гарантировать строжайшую верность и точность выполняемого перевода, а заверяя письменный перевод, свидетельствовать его соответствие исходному тексту представленного документа, ставя внизу каждой страницы свою подпись и печать под формулировкой заверения. Чтобы обеспечить высокий уровень переводческих услуг, присяжные переводчики должны постоянно совершенствоваться и повышать свою профессиональную квалификацию, что даже предписано законом – ст. 14 [14]. Данное требование имеет большое практическое значение, как для начинающих, так и для опытных переводчиков, при чем имеются в виду не только развитие языковых способностей и улучшение переводческих навыков, но также приобретение и расширение знаний в сфере законодательства и социально-экономических реалий страны исходного языка и страны перевода. Без знания и понимания особенностей правовой системы и характерных для нее правовых понятий и категорий сложно, а порой даже невозможно переводить юридические тексты, особенно в устной форме.

Согласно законодательству, присяжный переводчик несет личную юридическую ответственность за правильность своих переводов и надлежащее выполнение возложенных на него обязанностей. *Зако-*

ном о профессии присяжного переводчика (раздел 4) предусмотрена профессиональная (дисциплинарная) ответственность и перечислены виды дисциплинарных взысканий, которые могут применяться в отношении переводчика за нарушение им положений [14]. Кроме того, присяжный переводчик, в соответствии с действующим законодательством, за неправильный и неточный перевод может быть привлечен к уголовной или гражданско-правовой ответственности. Данная профессия трудна и ответственна, но заодно востребована и пользуется в обществе большой престижностью, а ее представители считаются «лицами общественного доверия».

Перечень документов, перевод которых должен быть заверенным и, следовательно, его могут осуществлять исключительно присяжные переводчики, достаточно обширен. Это, в первую очередь, разного типа юридические документы, переводимые по требованию органов юстиции, правоохранительных органов и государственной администрации, а именно процессуальные документы, составляемые в производстве, осуществляемом судами разных инстанций, прокуратурой, полицией, пограничными и таможенными службами, налоговой инспекцией и пр. Кроме того, заверенный перевод выполняется также для частных и корпоративных клиентов, являющихся как физическими, так и юридическими лицами. В данном случае переводятся и заверяются нотариальные и судебные документы (акты, справки, доверенности, заявления, удостоверения, выписки из разных реестров, учредительные документы компаний), документы гражданского состояния, документы об образовании, коммерческая документация, транспортные и таможенные документы, страховые документы, медицинские документы, бухгалтерская отчетность, банковская и финансовая документация, техническая документация и пр. Устный заверенный перевод осуществляется присяжными переводчиками преимущественно в судах, прокуратуре, полиции, подразделениях пограничной или таможенной службы, но также в нотариальных конторах, в ЗАГС-е, при заключении международных контрактов и соглашений, во время официальных встреч на уровне государственной или муниципальной администрации и пр.

Согласно п. 1 ст. 2 *Закона о профессии присяжного переводчика* [14], для того чтобы в Польше получить статус и обладать правомочиями присяжного переводчика, кандидат в присяжные переводчики должен выполнить ряд требований (все перечисленные):

- иметь гражданство Польши либо одного из государств-членов Европейского Союза, Европейской ассоциации свободной торговли – сторон договора о Европейской экономической зоне, Швейцарской Конфедерации либо иного государства, если согласно законодательству Европейского Союза может он трудоустроиться в качестве наемного работника или в качестве самозанятого, или по принципу взаимности, гражданство иного государства;
- владеть польским языком, подтверждением чему является сдача экзамена на присяжного переводчика;
- быть полностью дееспособным;
- не иметь в прошлом судимости за преступление совершенное умышленно, налоговое преступление или преступление совершенное по неосторожности, угрожающее экономической безопасности;
- иметь высшее образование;
- сдать государственный экзамен на присяжного переводчика, в ходе которого проверяются навыки перевода с польского языка на иностранный и с иностранного языка на польский. Экзаменационные расходы оплачиваются самим кандидатом в присяжные переводчики. Плата за экзамен в размере 800,00 польских злотых (ок. 200 USD) была введена распоряжением министра юстиции в 2005 г. и с тех пор не повышалась.

Стоит упомянуть, что отношение законодателя к вопросу требуемого образования менялось, что нашло свое отражение в изменениях закона о присяжных переводчиках. В настоящее время в действующей редакции этого закона не указывается, какое именно образование должен иметь кандидат, то есть не определяется ни профиль образования, ни его ступень – бакалавриат либо магистратура. Это значит, что законом допускается любое высшее образование. В случае редких языков, переводчики которых особо востребованы органами правосудия, возможны даже некоторые исключения из правила, но решение отступить от соблюдения данного требования принимается министром юстиции в индивидуальном порядке. В предыдущих редакциях закона обязательным был критерий в виде наличия филологического (лингвистического) магистерского образования или дополнительного образования – последипломных переводческих курсов. Вследствие таких записей к экзамену не мог-

ли приступить выпускники факультетов иных чем филологический (юридических, экономических и др.), в совершенстве владеющие как польским, так и иностранными языками, иногда опытные и хорошие переводчики, являющиеся потенциально наиболее востребованными органами правосудия специалистами по юридическому переводу. Согласно законоположениям, они были обязаны дополнительно окончить специализированные подготовительные курсы для присяжных переводчиков, цена которых была очень высокой, к тому же данные курсы организовывались только для переводчиков нескольких самых распространённых языков.

Таким образом, в настоящее время законным основанием для подтверждения уровня языковых знаний и переводческих умений и навыков не является сам факт получения диплома о высшем филологическом образовании, а положительный результат сдачи комплексного государственного экзамена по специальному переводу. Упомянутый экзамен одинаков для всех кандидатов, то есть одинаковы формат, требования, принципы и критерии оценки, тип переводимых текстов, а различие состоит в том, что экзамены проводятся по разным языкам отдельно. Данный экзамен считается очень трудным, в связи с чем польские исследователи перевода выдвигают разные предложения по его усовершенствованию [7]. Статистические данные показывают, что доля кандидатов в присяжные переводчики, успешно сдавших экзамен (то есть обе его части) колеблется в пределах между 20 и 30 %, при чем некоторые из них на протяжении лет приступают к экзамену несколько раз (нет ограничений), что, однако, связано с необходимостью каждый раз вносить плату за экзамен в Государственную казну. Тем не менее, такой способ оценки квалификации и профессиональной пригодности кандидатов в присяжные переводчики, как экзамен, кажется наиболее справедливым объективным, ибо может быть и так, как пишет О.В. Максютин, когда «и компетентные, и некомпетентные специалисты обладают дипломами, в которых указана одна и та же квалификация ‘переводчик’» [3, 124], а ведь присяжный переводчик должен отличаться настоящим мастерством перевода специальных текстов, главным образом юридических.

Экзамен на присяжного переводчика проводится в двух этапах (частях), первый из которых представляет собой письменный перевод, второй – устный. Условия проведения и подробное описание

хода экзамена определяются распоряжением министра юстиции РП от 24 января 2005 г. [14]. Во время письменного экзамена кандидаты могут пользоваться принесенными ими словарями, глоссариями, лексиконами и энциклопедиями – но только в печатном виде. В случае возникновения каких-либо сомнений решение о допуске отдельных словарей и других справочных материалов принимается экзаменационной комиссией в индивидуальном порядке. К примеру, не разрешено пользоваться текстами нормативно-правовых актов, их переводами, а также аналоговыми текстами, сопоставимыми образцами документов, образцами процессуальных писем, учебниками и пр. Также не разрешено иметь с собой ноутбук, телефон и иное цифровое оборудование. Перевод осуществляется рукописно.

В ходе письменного экзамена, который длится 4 часа, кандидаты переводят 4 текста, в том числе 2 с польского языка на иностранный и 2 с иностранного языка на польский. В каждой из языковых пар один текст должен представлять собой судебный или процессуальный документ, административный документ или юридическое письмо. Иногда это отрывок большего документа. Второй текст – общего характера и является, чаще всего, экономическим текстом, но может быть ним также публицистический текст, затрагивающий правовые, социальные, политические вопросы. Объем каждого из переводимых текстов – одна страница листа бумаги в формате А4, включающая от 1600 до 1800 печатных знаков. Оценка проводится экспертами анонимно, так как письменные работы не подписываются именем и фамилией кандидата, только шифруются.

Итоговая оценка письменной части экзамена является суммой баллов, признаваемых каждому из переведенных 4 текстов по отдельности, при этом как за овладение навыками перевода, так и за овладение языковыми знаниями и умениями кандидату может быть признано до 25 баллов. Языковая оформленность текста включает, в особенности, соблюдение грамматических, орфографических, пунктуационных, синтаксических, лексических (общая лексика) и стилистических норм языка перевода. Под переводческими навыками подразумеваются такие аспекты как:

- соответствие содержания перевода содержанию исходного текста;
- терминологическая сторона перевода (проявляющаяся в знании, понимании юридической терминологии и фразеологии и,

- что за этим следует, правильном употреблении переводческих эквивалентов терминов и коллокаций);
- формально-правовые принципы выполнения заверенного перевода.

Нужно подчеркнуть, что первый из перечисленных выше переводческих аспектов, представляющий собой эквивалентность оригиналу, и заключающийся в предельно точной передаче в переводе смысла и содержания исходного текста – это, по существу, главный критерий оценки качества заверенного перевода юридических текстов. В распоряжении министра юстиции РП [14] даже выделяется так называемая *критическая ошибка* в переводе (ориг. *blądkrytyczny*), то есть наиболее серьезная переводческая ошибка, совершение которой может привести к грубому нарушению или искажению смысла исходного текста. В п. 1а § 8 данного распоряжения предусматривается, что сумма баллов в этой категории может быть уменьшена не более чем на 10 за одну такую смысловую ошибку.

Ко второму этапу экзамена на присяжного переводчика – устному переводу, могут приступить лишь те кандидаты, которые сдали первый этап, то есть на письменном экзамене набрали не менее 150 баллов на 200 возможных (как минимум 75 %). По аналогии к письменному экзамену, в этой части тоже имеются 4 текста, в том числе 2 с польского языка на иностранный переводятся путем устного последовательного перевода (экзаменатор читает или воспроизводит текст, делая в речи соответствующие паузы для перевода), и 2 с иностранного языка на польский – путем устного перевода с листа (кандидату вручают распечатанные тексты, для подготовки у него всего 2 минуты). Категории, объем и тематическая направленность переводимых текстов такие же, как и на письменном экзамене (но тексты не могут повторяться). На устном экзамене пользоваться какими-либо вспомогательными справочными материалами запрещено. Однако при выполнении устного последовательного перевода кандидаты могут использовать переводческую скоропись. Устная часть экзамена фиксируется с помощью звукозаписывающего оборудования, с целью последующего воспроизведения и оценки. Критерии оценки качества устного перевода похожи на критерии, применяемые при письменном переводе. Расхождение состоит в том, что здесь не принимаются во внимание формально-правовые принципы, в соответствии с которыми выполняется заверенный пере-

вод, а вместо орфографических и пунктуационных норм, языковая правильность перевода предполагает соблюдение фонетических и акцентологических норм языка перевода (соответствующей интонации, правильного ударения, произношения, плавности речи).

Исходя из вышеизложенного, можно прийти к выводу, что для того, чтобы в Польше стать присяжным переводчиком и выполнять заверенные переводы разного типа судебных писем, юридических текстов и официальных документов, нужен достаточно обширный запас знаний и умений, и к тому же необходима практика осуществления как письменного, так и устного перевода. Кроме владения в совершенстве двумя языками (польским и иностранным), кандидаты в присяжные переводчики должны обладать знаниями из области системы и понятий законодательства и хотя бы основ экономики двух стран (Польши и страны языка перевода/исходного языка), знать специальную лексику (юридические термины и коллокации) и ее эквиваленты на языке перевода, знать и применять на практике разные переводческие техники и стратегии, а также знать и безукоризненно соблюдать формальные принципы и законоположения, согласно которым осуществляется заверенный перевод. Лишь тогда смогут сдать государственный экзамен, принести присягу министру юстиции РП и быть наделенными полномочиями на выполнение профессиональных обязанностей, получить свидетельство и именную печать присяжного переводчика, быть внесенными в реестр, а затем успешно осуществлять переводческую деятельность.

Библиографический список

1. *Киц А.* Отсутствие института присяжных переводчиков в России порождает конфликты // Юрист. 2008. № 10. С. 48–53.
2. *Ларин А.А., Обидина Л.Б.* Участие переводчика в суде и на досудебных стадиях процесса: проблемы и пути их решения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского: Право. 2016. № 3. С. 143–147.
3. *Максютина О.В.* Сертификационные экзамены и подготовка переводчиков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 4 (34). Ч. 3. С. 124–127.
4. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате: Закон РФ от 11 февраля 1993 г. № 4462-1. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/ (дата обращения: 03.01.2021).
5. Положение о судебном переводчике (проект). 2015. URL: <http://www.translation-school.ru/index.php/ru/archive/2015/sworntranslator> (дата обращения: 03.01.2021).

6. *Швец С.В.* Легализация и перевод иностранных документов в судопроизводстве // Наука и современность: Юридические науки. 2012. № 15-4. С. 195–199.
7. *Biel Ł.* Egzamin na tłumacza przysięgłego a realia wykonywania zawodu: głos krytyczny w sprawie weryfikowania kompetencji kandydatów na tłumacza przysięgłego // Rocznik Przekładoznawczy. Studia nad teorią, praktyką i dydaktyką przekładu. 2017. № 12. С. 33–46.
8. Dyrektywa Parlamentu Europejskiego i Rady 2010/64/UE z dnia 20 października 2010 r. w sprawie prawa do tłumaczenia ustnego i tłumaczenia pisemnego w postępowaniu karnym. URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/PL/TXT/?uri=CELEX %3A32010L0064](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/PL/TXT/?uri=CELEX%3A32010L0064) (дата обращения: 03.01.2021).
9. Kodeks postępowania karnego. Ustawaz dnia 6 czerwca 1997 r. (Dz. U. 1997 Nr 89 poz. 555). URL: <http://prawo.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU19970890555/U/D19970555Lj.pdf> (дата обращения: 03.01.2021).
10. Konwencja konsularnamiędzy Rzeczpospolitą Polską a Federacją Rosyjską, Moskwa, 22.05.1992 r. (Dz. U. 1995 Nr 140 poz. 687). URL: <http://prawo.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU19951400687/O/D19950687.pdf> (дата обращения: 03.01.2021). Русскоязычная версия *Конвенции* доступна на сайте Консульского департамента МИД России.
11. *Kubacki A.D.* Tłumaczenie poświadczone. Status, kształcenie, warsztat i odpowiedzialność tłumacza przysięgłego. Warszawa, 2012.
12. Rozporządzenie Ministra Sprawiedliwości w sprawie szczegółowego sposobu przeprowadzenia egzaminu na tłumacza przysięgłego z dn. 24 stycznia 2005. (Dz.U. Nr 15. poz. 129) URL: <https://www.gov.pl/web/sprawiedliwosc/akty-prawne> (дата обращения: 03.01.2021).
13. Tłumaczeprzysięgli. Ministerstwo Sprawiedliwości Rzeczypospolitej Polskiej URL: <https://www.gov.pl/web/sprawiedliwosc/tlumacze-przysiegli> (дата обращения: 03.01.2021).
14. Ustawa z dnia 25 listopada 2004 o zawodzie tłumacza przysięgłego (Dz. U. 2004. Nr 273. poz. 2702) URL: <https://www.gov.pl/web/sprawiedliwosc/akty-prawne> (дата обращения: 03.01.2021).

Ванда СТЕЦ

кандидат гуманитарных наук в области языкознания
адъюнкт института русистики и востоковедения
Гданьский университет
присяжный переводчик русского языка в Польше

УДК 81.33

P.T. Садуов

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ОПРОСЫ КАК ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВОГО ЛАНДШАФТА ГОРОДА*

Аннотация. В статье рассматривается возможность использования социологических опросов как инструмента исследования языкового ландшафта. Приведены примеры того, каких результатов можно достичь, если дополнить традиционную методику анализа языкового ландшафта опросами местного населения.

Ключевые слова: социологический опрос, языковой ландшафт, текст, городская коммуникация.

R.T. Saduov

SURVEYS AS AN AUXILIARY TOOL TO RESEARCH THE CITY LANGUAGE LANDSCAPE

Abstract. The author investigates the use of surveys as a tool to research the language landscape. They give examples of the results attainable if the traditional field methodology of language landscape analysis is supplemented with the surveys of the local population.

Keywords: survey, linguistic landscape, text, urban communication.

Языковой ландшафт – это «визуально доминирующие в общественных местах и на коммерческих вывесках проявления языка на заданной территории или в данном регионе» [4, с. 23]. Особенно популярны исследования языкового ландшафта в регионах, где одновременно проживают несколько этносов. В этом случае вербально-визуальное оформление города может включать в себя более одного языка, на которых говорит местное население. Соотношение и взаимопроникновение данных языков, а также их функции могут

быть тщательно проанализированы на материале, который предлагает языковой ландшафт. В частности, можно судить об идентичности местного населения на основании того, каким образом население пользуется имеющимися языками [2]. Кроме того, имеется возможность определения языковой ситуации в городе или регионе и соблюдение законодательства в сфере языковой политики [3].

Основной принцип исследования языкового ландшафта заключается в анализе его формальной и содержательной сторон. Исследователь принимает во внимание, какие языки представлены, как и в каком соотношении они используются, а также для каких целей. Анализируются факты языковой интерференции и межязыкового творчества.

Тем не менее, анализ языкового материала на визуальном ландшафте не позволяет узнать мнения жителей о том, насколько данный ландшафт отражает их предпочтения. Кроме того, любое население состоит из разнородной массы индивидуальностей. Например, можно выделить определенные возрастные группы, которые по-разному смотрят на языковой ландшафт, различные категории по происхождению, образованию и т.д. Все они имеют свои представления о том, как выглядит существующий ландшафт и как он должен выглядеть в их представлении. Для выяснения данных сведений возможно проведение социологического опроса. Благодаря ему широкая общественность способна обрести «голос».

В рамках исследования языкового ландшафта в столице Республики Башкортостан, городе Уфа, нами было проведено несколько пилотных социологических опросов, в результате которых сведения о языковом ландшафте были дополнены по нескольким важным вопросам: отношение к языкам, используемым на вербально-визуальном ландшафте, отношение к рекламе и к языкам рекламы, а также к наследию и тому, как оно отражено (или должно быть отражено) на улицах города.

Указанные исследования нельзя в полной мере назвать репрезентативными по разным причинам: незначительное количество респондентов, малая репрезентативность некоторых возрастных и прочих категорий респондентов, сложности восприятия некоторых вопросов в опросниках.

При этом даже нерепрезентативные опросы являются достаточно информативными. Например, результаты проведенных

* Исследование выполняется при поддержке гранта Президента РФ по теме «Культурно-языковой ландшафт города в национальной республике» МК-1450.2020.6

исследований показали, что более молодые респонденты предпочитают русский язык в рекламных сообщениях и на визуальном ландшафте по сравнению с местными национальными языками (башкирским и татарским). Более того, они преимущественно нейтрально или положительно относятся к присутствию иностранных языков на ландшафте.

Данные результаты соотносятся с результатами, полученными при анализе языкового ландшафта города Уфа в рамках других исследований [1]. Так, очевидно, что русский язык превалирует на языковом ландшафте города. Национальный язык (башкирский) используется преимущественно для соблюдения законодательства. При этом, чем дальше от центра города, тем меньше данное правило выполняется. На периферии (в населенных пунктах около города Уфа) немало примеров игнорирования местного законодательства в области языковой политики, а также ошибок его исполнения. Более того, национальный язык не используется местным населением для коммуникации (например, частных объявлений). Информация, важная для жизни, такая как запрещающие знаки, также только на русском языке.

Результаты анализа современного состояния языкового ландшафта, а также опросов могут означать, что с течением времени, по мере смены поколений, национальный язык может перестать частью языкового ландшафта города, так как потеряет свою актуальность. Без сомнения, это повлияет на идентичность и местный колорит, который перестанет отражать многонациональный состав населения республики.

Еще одно очевидное преимущество социологических методов исследования – возможность прогнозирования социальной напряженности в виду несоответствия запросов населения (или его части) возможности более свободно определять язык коммуникации. Так, один из опросов показал, что респонденты имеют полярные мнения о том, какой язык должен в большей степени использоваться на визуальном ландшафте города. Молодое поколение, как мы писали, в большей степени поддерживает коммуникацию на русском языке, тогда как значительная часть более старшего поколения придерживается мнения, что национальный язык должен использоваться на улицах города в большей степени.

Ситуация полярных мнений по поводу предпочтительного использования языков может послужить очагом социальной напряженности. Язык – это часть этнической идентичности. Если значимая роль языка в национальной республике не очевидна для его носителей, то это может поставить под вопрос целостность их идентичности, нарушить их привычную картину мира. Знание о потенциальной возможности возникновения подобной напряженности очень ценно, так как позволяет предвидеть и предупредить последствия.

В связи с этим мы можем говорить о том, что использование методов анализа языкового ландшафта совместно с социологическими методами позволяет заблаговременно делать выводы о языковой ситуации в том или ином регионе. В целом, социологический опрос помогает увидеть более полную картину.

Разумеется, использование социологических методов не может заменить процедуру анализа языкового ландшафта. В первую очередь, необходимо понимать, что опрос – это сумма субъективных мнений, в то время как ландшафт – объективная данность, которая независимо от непосредственного наблюдателя (исследователя) раскрывает сведения о языковой ситуации. Во-вторых, опрос помогает узнать мнение о языке и его использовании, но не позволяет отследить и проанализировать непосредственную практику его использования. В то же время, ландшафт – это застывший срез языковой практики, который демонстрирует все случаи языковой интерференции и межязыкового творчества. Помимо этого, сам по себе социологический опрос – это довольно грубый не в полной мере сбалансированный инструмент. Для повышения качества его результатов необходимо проведение серии интервью с жителями города, чтобы узнать более глубокие сведения о том, что жители думают по поводу языкового ландшафта. Наконец, проведение социологических опросов непросто, поскольку требуется достаточное количество участников. Особенно сложно находить респондентов для интервью.

Таким образом, социологический опрос – это важное дополнение к исследованию языкового ландшафта. Его использование желательно во всех случаях, когда необходимы более глубокие знания о языковой ситуации на определенной территории.

Библиографический список

1. Садуов Р.Т. Восприятие языкового ландшафта жителями города Уфа по результатам пилотного опроса // Наука: общество, экономика, право. 2020. Вып. № 5.
2. Садуов Р.Т. Идентичность сквозь призму многоязычного ландшафта в многонациональной республике (на примере Республики Башкортостан) // Modern Humanities Success. 2021a. № 2 (В печати).
3. Садуов Р.Т. Языковой ландшафт как перспективное направление исследований языковой ситуации в регионе (на примере Республики Башкортостан) // Modern Humanities Success. 2021б. № 3 (В печати).
4. Landry R., Bourhis R.Y. Linguistic Landscape and Ethnolinguistic Vitality. An Empirical Study // Journal of Language and Social Psychology. 1997. № 16. P. 23–49.

Руслан Талгатович САДУОВ

кандидат филологических наук

доцент кафедры английского языка и межкультурной коммуникации

Башкирский государственный университет, г. Уфа

УДК 316.776.32

Н.А. Стародубцева

ЯЗЫКОВЫЕ АСПЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, ставшие особенно актуальными в современном обществе под влиянием пандемии коронавируса. Приведены результаты социологического исследования, проведенного с целью узнать, произошла ли трансформация электоральных предпочтений и каковы языковые аспекты этого процесса.

Ключевые слова: дискурс, электорат, информационное общество, социологическое исследование, социальное пространство.

N.A. Starodubtseva

LINGUISTIC ASPECTS OF THE TRANSFORMATION OF ELECTORAL PREFERENCES IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF SOCIAL SPACE

Abstract. The article deals with the problems that have become particularly relevant in modern society under the influence of the coronavirus pandemic. The article presents the results of a sociological study conducted to find out whether there has been a transformation of electoral preferences and what are the linguistic aspects of this process.

Keywords: discourse, electorate, information society, sociological research, social space.

Актуальность темы статьи обусловлена необычной ситуацией, сложившейся в мире из-за пандемии коронавируса. Ускорилась цифровизация практически всех сфер общественной жизни: образование перешло на рельсы дистанционного обучения [20; 28; 19], сфера услуг прочно обосновалась в онлайн, даже удовлетворение духовных потребностей, за которые отвечает культура, происходит в Интернет-музеях, онлайн-театрах и на виртуальных концертах [10; 12; 14], не говоря уже о социальном обслуживании [16; 17] и здравоохранении, когда люди, нуждающиеся в медицинской помощи, могут получить услуги, не выходя из дома (с помощью онлайн-консультаций пациент, имеющий симптомы ОРВИ, может не посещать

лично поликлинику, являясь распространителем опасного вируса, достаточно позвонить по номеру телефона для вызова компетентного специалиста на дом, кроме того, активно внедряется заказ лекарственных препаратов онлайн [2; 3]).

Цифровизация оказала влияние на многие процессы в обществе, в том числе такие, где и предположить раньше нельзя было использования информационных технологий. Это касается, например, литературоведческих и лингвистических исследований [15; 23; 24], изучение персоналий тех или иных личностей [1; 25; 27], характеристика образовательного процесса [4; 5; 29], издание учебных пособий [7; 11] и анализ текстов [6; 8].

Информационные технологии изменили и взаимодействие власти и общества. Успех коммуникации между государством и людьми во многом зависит от того, как считывается коммуникативный код, такой ли смысл языковых элементов распознаётся получателями информации, какой вкладывали адресанты в свои высказывания. Многие представители власти не вполне ещё осознают, что из-за цифровизации всех процессов мгновенно распространяется любая информация, становится общественным достоянием любое высказывание (не будем напоминать печально известные слова о «макарошках», о неответственности государства за рождение маленьких граждан и тому подобные).

Очень важным нам представляется проследить, как в политической сфере происходит внедрение информационных технологий, как политические процессы приобретают новые формы. Сегодня мы видим, что собрания органов власти различного уровня все чаще проходят в режиме онлайн [9; 18], поэтому повышается требование к языковому оформлению высказываний.

Многие представители политических партий, органов власти имеют личные аккаунты в социальных сетях, где к ним могут обратиться различные слои населения. Поэтому необходимо учитывать языковой аспект при взаимодействии онлайн представителей власти и народа. Во время данного взаимодействия при наличии обратной связи наблюдается и такой эффект, соучастие электората в политических процессах [21; 22].

Существует и такой вид электорального поведения, как участие в общественных слушаниях в формате онлайн посредством использования видеоконференции с возможностью голосования [26; 13].

Например, 17 декабря 2020 г. состоялась ежегодная пресс-конференция Президента Российской Федерации Владимира Путина в режиме видеоконференции. Глава государства вышел на видеосвязь из своей резиденции в Ново-Огарево, а представители федеральных и зарубежных СМИ работали в зале Центра международной торговли.

Возможно, мы стоим на пороге внедрения онлайн-голосования на выборах и референдумах.

Ниже представлены результаты социологического исследования на тему «Электоральные предпочтения в условиях цифровизации политических процессов во время пандемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19)».

Цель и задачи исследования: рассмотреть, как относится электорат к политике, проводимой органами власти в целях предупреждения распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19; проанализировать, произошли изменения в политических предпочтениях населения или нет (за время пандемии); установить, как оценивается эффективность мер Правительства РФ по борьбе с коронавирусной инфекцией и поддержке экономики; узнать, владеют ли жители города Брянска актуальной информацией о мерах Правительства РФ по борьбе с коронавирусной инфекцией и поддержке экономики; рассмотреть, каково отношение электората к ускорению цифровой трансформации политических процессов и к онлайн-голосованию на выборах, к подписанию петиций онлайн.

Исследование было проведено в ноябре 2020 г. онлайн. В нём приняли участие 65 респондентов женского пола (52 %) и 60 (48 %) – мужского (рисунок 1).

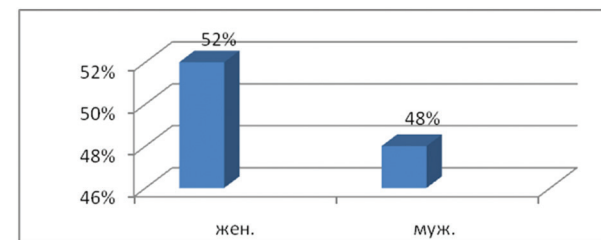

Рисунок 1. Гендерное распределение респондентов

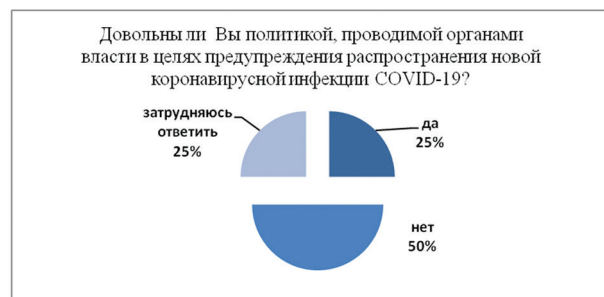

Рисунок 2. Отношение электората к политике, проводимой органами власти в целях предупреждения распространения COVID-19

Ниже приведены данные, отображенные в диаграмме, – результаты ответа на вопрос «Довольны ли Вы политикой, проводимой органами власти в целях предупреждения распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19?». Из диаграммы становится понятным, что каждый второй респондент, принявший участие в опросе, не доволен данной политикой, каждый четвертый отметил, что доволен, и столько же не смогли определиться с ответом (рисунок 2).

Результаты ответов на вопрос могут являться индикатором оппозиционных настроений в обществе, которые подпитываются, с нашей точки зрения, неумением четко и ясно передать в вербальной форме важность проводимых мероприятий.

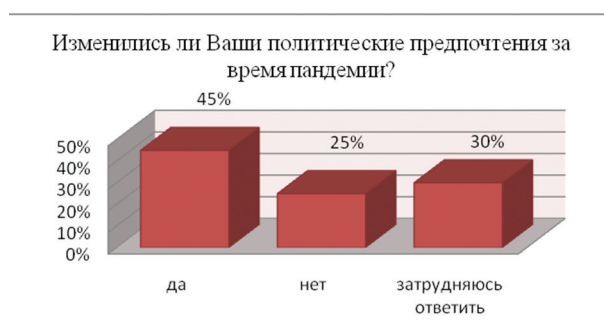

Рисунок 3. Политические предпочтения электората

Рисунок 4. Оценка эффективности мер Правительства РФ по борьбе с коронавирусной инфекцией и поддержке экономики

О том, подверглись ли изменениям политические предпочтения электората с момента возникновения пандемии, говорит диаграмма на рисунке № 3. Политические предпочтения большей части опрошенных претерпели изменения (так ответили 45 % опрошенных), 30 % затруднились ответить на данный вопрос (рисунок 3).

Оценка эффективности мер Правительства РФ по борьбе с коронавирусом и поддержке экономики отражена ниже (рисунок 4).

Максимально высокую оценку мер поставил каждый второй участник опроса, на балл ниже меры оценил каждый пятый, оценку в три балла выставили 12 % опрошенных, 18 % респондентов дали оценку в два балла, минимальный балл никто из опрошенных не поставил. Можно сделать вывод, что население высоко оценивает меры Правительства РФ по борьбе с коронавирусной инфекцией и поддержке экономики.

О том, способствует ли пандемия ускорению цифровой трансформации политических процессов, говорит диаграмма на рисунке № 5. Так большинство опрошенных (73 %) ответили, что пандемия способствует цифровизации политики (рисунок 5).

Обратимся к диаграмме на рисунке № 6, где представлены результаты ответов на вопрос «Как вы считаете, будет ли целесообразной замена стандартной процедуры голосования на выборах

Рисунок 5. Пандемия и цифровая трансформация политических процессов

онлайн-голосованием?» Можно сделать вывод, что подавляющее большинство опрошенных считают целесообразной замену стандартной процедуры голосования на выборах онлайн-голосованием (рисунок 6).

В условиях пандемии растет количество онлайн-петиций. «Известно ли вам, что существуют интернет-платформы с возможностью подписания петиций онлайн?» Так звучит следующий вопрос анкеты,

Рисунок 6. Замена стандартной процедуры голосования на выборах онлайн-голосованием

Рисунок 7. Существование интернет-платформ с возможностью подписания петиций онлайн

ответы на который отражены в диаграмме на рисунке 7. Каждый второй респондент знает о возможности подписания петиций в режиме онлайн, 30 % респондентов не знают о таких возможностях, остальные опрошенные затруднились ответить на данный вопрос.

В результате проведения социологического исследования были получены следующие результаты. Каждый второй, принявший участие в опросе, не доволен данной политикой, проводимой органами власти в целях предупреждения распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19, каждый четвертый доволен. Было выявлено, что политические предпочтения большей части опрошенных претерпели изменения.

Электорат дал высокую оценку эффективности мер Правительства РФ по борьбе с коронавирусной инфекцией и поддержке экономики. Большинство опрошенных отметили, что пандемия способствует цифровизации политики. Участники опроса отметили, что целесообразна замена стандартной процедуры голосования на выборах онлайн-голосованием.

Каждый второй респондент знает о возможности подписания петиций в режиме онлайн. Также большинство опрошенных видят недостатки в цифровизации политических процессов. В ходе исследования респондентами были выделены следующие формы трансформации политических процессов: онлайн-голосование, подписание петиций онлайн, проведение собраний политических партий, органов власти, организаций в формате видеоконференции.

Результаты ответов на вопросы анкеты могут являться индикатором оппозиционных настроений в обществе. Они, по нашему мнению, подпитываются несформированностью коммуникационного кода взаимодействия между властью и обществом. В условиях цифровизации общения наглядно демонстрируется неумение четко и ясно передать в вербальной форме необходимость и целесообразность проводимых мероприятий. Данная проблема требует пристального внимания и скорейшего разрешения.

Библиографический список

1. *Бокова С.С., Воронов К.А., Харлашина Е.В., Шилина С.А.* Дискурс-анализ языковой личности // Научный журнал «Дискурс». 2018. № 4 (18). С. 85–95.
2. *Воронов К.А. и др.* Социальное проектирование по устранению социальной проблемы алкоголизма (Часть I) // Дискурс. 2018. № 5 (19). С. 125–133.
3. *Воронов К.А. и др.* Устранение социальной проблемы алкоголизма: социальное проектирование (Часть II) // Дискурс. 2018. № 5 (19). С. 134–144.
4. *Голенкова О.В., Лифанова Т.Е., Шилина С.А.* Педагогические кадры в Брянском уезде Орловской губернии на рубеже XIX–XX веков: социально-социологический анализ // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2020. № 2 (43). С. 9–13.
5. *Голенкова О.В., Лифанова Т.Е., Шилина С.А.* Развитие образования в Брянском уезде Орловской губернии в XIX – начале XX веков: историко-социологический аспект // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2020. № 1 (42). С. 9–14.
3. *Головачева О.А.* Окказионализмы как средство выражения авторской оценки (на примере очерка Н.С. Лескова «Искандер и ходящие о нем толки») // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 11 (91). С. 11–17.
7. *Головачева О.А., Шилина С.А.* Современный русский язык. Словообразование: учебник для квалификации «бакалавр» направления подготовки 44.03.05 «Педагогическое образование» профиль «Русский язык и литература» (по специальности 32900 – русский язык и литература). Брянск, 2018.
8. *Головачева О.А.* Эвфемизмы в статье Н.С. Лескова «Заметка о зданиях» // Российско-белорусско-украинское пограничье: научное взаимодействие в контексте единого социокультурного пространства: материалы Международной научной конференции: в 2 ч. / под ред. В.В. Мищенко, В.Н. Пустовойтова, С.Н. Стародубец. 2014. С. 213–217.

9. *Гостенина В.И., Мамедов А.К., Шилина С.А.* Коммуникативные основания управления мегаполисом (на материале управленческого дискурса): учебно-методическое пособие по спецкурсу для магистратуры по направлению подготовки «Коммуникативное пространство современного мегаполиса». М., 2016.
10. *Ефимочкина Н.Б., Коркин Э.Д., Коркия Э.Д., Мамедов А.К.* Роскошь в культурных контекстах: вариативность развития. М., 2020.
11. *Киричек П.Н.* Алогичное Зазеркалье Вселенной Гуттенберга // Журналист. Социальные коммуникации. 2012. № 3. С. 43–49.
12. *Киричек П.Н.* Культуры никогда не бывает в избытке // Государственная служба. 2009. № 1. С. 61–65.
13. *Киричек П.Н.* Лексические аномалии публичной сферы // Поливановские чтения. 2016. № 11. С. 93–97.
14. *Киричек П.Н.* Медиатекст и культура речи // Поливановские чтения. 2018. № 12. С. 40–47.
15. *Киселев А.Г., Шилина С.А.* Дискурс диалектной лексики как выражение идентичности народа // Вопросы культурологии. 2020. № 5. С. 26–31.
16. *Лифанова Т.Е., Шилина С.А.* Технологии социальной работы в специализированных учреждениях социального обслуживания: учебно-методическое пособие для бакалавриата по направлению подготовки 39.03.02 «Социальная работа». Брянск, 2020. Ч. 2.
17. *Лифанова Т.Е., Шилина С.А.* Технологии социальной работы в специализированных учреждениях социального обслуживания: учебно-методическое пособие для бакалавриата по направлению подготовки 39.03.02 «Социальная работа». Брянск, 2019. Ч. 1.
18. *Мамедов А.К.* Виртуальная личность: социальный эскапизм или новое поле креативности // Экономика. Социология. Право. 2019. № 1 (13). С. 68–75.
19. *Мамедов А.К.* Проблема оснований социального знания (полемика заметки) // Экономика. Социология. Право. 2016. № 3. С. 68–80.
20. *Мельников С.Л., Шилин А.М.* Управление образовательной деятельностью в режиме дистанционного обучения в свете современной социальной политики // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2020. № 5 (46). С. 24–30.
21. *Моисеенко Н.А., Шилина С.А.* Социальные технологии практического дискурса пропаганды и рекламы в современном мире: их влияние на электоральное поведение // Практический дискурс высшей школы: сборник докладов Международной научно-практической конференции. М., 2016. С. 132–136.
22. *Моисеенко Н.А., Шилина С.А.* Социологическое исследование мотивов выбора в дискурсе электората // Научный журнал Дискурс. 2017. № 8 (10). С. 94–112.

23. *Никульцева В.В.* Индивидуально-авторская трансформация фразеологизмов в поэтическом языке Игоря-Северянина // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке: материалы международной научной конференции. М., 2018. С. 265–274.
24. *Никульцева В.В.* Лексические неологизмы Игоря-Северянина (деривация, значение, употребление): дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.
25. *Никульцева В.В.* Об академике РАО Н.М. Шанском (1922–2005) // Современное русское языкознание и лингводидактика: сборник научных трудов, посвященный 95-летию со дня рождения академика РАО Н.М. Шанского / науч. ред. В.В. Никульцева. М., 2018. С. 3–7.
26. *Шилина С.А.* Анализ социолингвистического кода субъекта власти как социальной характеристики коммуникационного процесса // Социология власти. 2009. № 6. С. 88–95.
27. *Шилина С.А.* Дискурс русской языковой личности советской и постсоветской эпох // Текст в культурном, историческом, языковом пространстве: материалы Международной заочной научно-практической конференции. М., 2017. С. 510–515.
28. *Шилина С.А., Боброва С.А., Лученинова Е.С.* Формирование коммуникативной культуры в процессе внедрения инклюзивного образования в России // Высшее образование для XXI века: роль гуманитарного образования в контексте технологических и социокультурных изменений. XV Международная научная конференция: доклады и материалы: в 2 ч. / под общ. ред. И.М. Ильинского. М., 2019. С. 226–234.
29. *Lifanova T.E., Shilina S.A.* Socio-ecological ministry of the Russian Orthodox church (endofthe 19th-beginning of the 20thcenturies) // Turismo-estudos e praticas. Brazil, 2020. URL: <https://ores.su/ru/journals/turismoestudos-e-praticas/> (дата обращения: 12.12.2020).

Наталья Анатольевна СТАРОДУБЦЕВА

аспирант

Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского

УДК 316.334.3

Т.В. Епремян

РОЛЬ ТЕКСТА СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ В РАЗВИТИИ КОММУНИКАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы значения социальной рекламы для развития социума, вступившего в эпоху информационных технологий. Коммуникативные технологии создания текстов, используемые в данном виде дискурса, призваны обеспечить эффективность постулируемых положений в воздействии на реципиента.

Ключевые слова: социальная реклама, дискурс, цифровизация, общественные отношения, технологии коммуникации, текст.

T.V. Yepremyan

THE ROLE OF THE TEXT OF SOCIAL ADVERTISING IN THE DEVELOPMENT OF COMMUNICATIVE INTERACTION IN THE ERA OF DIGITALIZATION

Abstract. The article deals with topical issues of the importance of social advertising for the development of society, which has entered the era of information technology. The communicative technologies of text creation used in this type of discourse are designed to ensure the effectiveness of the postulated provisions in influencing the recipient.

Keywords: social advertising, discourse, digitalization, public relations, communication technologies, text.

Актуальность обращения к социальной рекламе, её роли в эпоху цифровизации не вызывает сомнений: именно данный вид дискурса призван воздействовать на людей с целью пробуждения лучших качеств личности (доброты, милосердия, заботы об окружающем мире и о сохранении собственного здоровья и других) [32; 27; 9]. Традиционно эту миссию выполняла художественная литература [23–25], что обосновывается во многих публикациях [20–22], а также пресса в её лучших образцах [3; 5; 12]. Но сегодня на первый план выходит реклама [11]. Задачи, решаемые социальной рекламой, способствуют развитию общественных отношений в плане их гармонизации. Взаимодействие личности и социума в эпоху цифрови-

зации вызывает множество препятствий: социальные последствия «виртуализации личности» [17; 15] порой крайне негативны: человек отчуждается от социума, процесс социализации стопорится [18; 31], переход образовательного процесса на дистант [19] усугубляет негативные тенденции. Поэтому важно в любых сферах, в том числе в области социальной рекламы, прилагать усилия, чтобы нейтрализовать те последствия цифровизации, которые отрицательно воздействуют на человека и общество в целом [29; 30; 8].

Рассмотрим, что понимается под социальной рекламой. Это «вид коммуникации, нацеленный на привлечение внимания реципиента к насущнейшим проблемам людей и их нравственным ценностям» [28], а также направленный на выявление реперных точек социума. Особенно это наглядно в эпоху цифровизации, когда именно через данный вид рекламного дискурса можно проследить, какие проблемы вызывают особую тревогу. Ещё стоит отметить, что одно из предназначений этого вида рекламного дискурса – «гуманизация общества и формирование его нравственных ценностей» [27].

Хочется подчеркнуть, что миссией соцрекламы является «изменение поведенческой модели» [28] как отдельной личности, так и общества в целом, что предполагает рассмотрение управленческого аспекта рекламного дискурса [26].

Так, в период коронавируса именно дискурс социальной рекламы способствует пропаганде тех норм поведения, которые уменьшают опасность заражения коронавирусом: соблюдение дистанции, ношение масок и перчаток, самоизоляция. В пандемию сформировались условия, когда коммуникация между людьми в большинстве случаев приобрела опосредованный информационными технологиями характер. И здесь свою важную роль играет социальная реклама, призванная напомнить о важности многих общечеловеческих ценностей, таких как жизнь, здоровье, забота о родных и близких, охрана окружающей среды, важным компонентом которой является природа [10; 13; 14].

Чтобы яснее обозначить функции соцрекламы, проведем сравнительные анализ коммерческой и социальной разновидностей рекламного дискурса.

Первый вид из обозначенных нами дискурсов представляет собой «неличные формы коммуникации, осуществляемые с помощью

платных средств распространения информации с четким указанием на источник финансирования» [7].

Такая трактовка коммерческой рекламы, как нам представляется, четко обозначает её отличие от соцрекламы.

Ведь различно и предназначение у этих видов рекламы: у коммерческой это «продвижение на рынке бренда/товара/услуги» [7], а у социальной – «гуманизация общества и формирование его нравственных ценностей» [7].

Коммерческий вид рекламы и социальный играют разные роли: у первого вида это «маркетинговая, экономическая, социальная, коммуникационная, информационная» [7], а у второго – «образовательная, воспитательная, агитационная, коммуникационная, информационная» [7].

Предметом дискурса коммерческой рекламы являются «товар, услуга, объект (компания, бренд)» [7], а дискурса социальной – «идея, обладающая определенной социальной ценностью» [7]. Причем нужно учитывать, что большую роль в эффективности воздействия является текстовое оформление рекламы. Недаром говорят: «Слово лечит».

К типам/видам коммерческой рекламы относятся «потребительская (торгово-розничная), политическая, имиджевая, адресно-справочная, корпоративная, социальная (общественная), а социальной – некоммерческая, общественная, государственная, социальная» [7].

Рассмотрим цели каждого из рекламных дискурсов. У коммерческой рекламы это создать осведомленность, предоставить информацию, убедить, напомнить, склонить к решению о покупке, а у социальной – «привлечь внимание к назревшим социальным проблемам, изменить отношение населения к какой-либо проблеме» [33].

Конечно, те сайты, которые посвящены социальным проблемам, найти в Интернете нелегко. В данном ракурсе «идет речь не о том, что необходимо воспользоваться поисковыми системами. Необходимо создавать такое виртуальное пространство, когда баннеры социальных сайтов должны встречаться на наиболее популярных, высокопосещаемых порталах наподобие того, как встречаются на каждом шагу щиты наружной рекламы» [33].

Как нам представляется, интересным является следующее наблюдение: в период пандемии коронавируса российская коммер-

ческая реклама продвигала необходимость покупки медицинских масок и антисептиков, а социальная – меры защиты от заражения. Побуждение человека к социально значимым действиям, к заботе об окружающих делает рассматриваемый нами вид рекламного дискурса одним из важных элементов социальных отношений в эпоху цифровизации. Чем больше люди вынуждены находиться в виртуальном пространстве, тем важнее как можно чаще напоминать им о важности ценностей непосредственного общения, контактной, а не дистантной коммуникации, в этом большую роль может сыграть именно социальная реклама.

Учитывая выделенные нами различия, необходимо создавать эффективную социальную рекламу, отвечающую потребностям современного социума.

Приведем один пример. Вопросы образования были всегда реперными точками общества [1; 2; 16], в наше же время особую важность приобрела проблема облучения детей с ограниченными возможностями здоровья. Это вызывает много разногласий как у родителей, так и в психолого-педагогической среде. Ведь обычная программа может быть такому ребенку не по силам из-за имеющихся заболеваний. «С одной стороны, таким детям показаны специфические программы для игр и развития, с другой – нахождение в группе

Рисунок 1. Пример социальной рекламы [34]

наравне со здоровыми ребятами поможет быстрее социализироваться» [34].

Большую роль в социализации таких детей может сыграть социальная реклама. Необходимо сделать всё, чтобы дети с ОВЗ смогли адаптироваться в традиционной среде и не подвергались насмешкам и издевательствам со стороны других детей.

На рисунке, стилизованном под детское творчество, особенно важным для реализации миссии социальной рекламы, с нашей точки зрения, является именно текст [4] (рисунок 1).

Очень доходчивым является текстовое оформление: «Каждый ребёнок особенный. Все дети – равные» [34]. Обыгрываются значения слова «особенный» – «необычный, одаренный какими-то неординарными способностями» [4], с одной стороны, и «с отклоняющимися от нормы патологиями», с другой. В столкновении этих смыслов заложена основа привлечения внимания реципиента к социальной проблеме. И логично вытекает вывод: несмотря на различия, все дети равны в правах.

Виртуализация социального пространства, цифровизация – настоящая необходимость современности, как показал период пандемии коронавируса в 2020 г. Это касается в числе прочего и дискурса социальной рекламы, призванной освещать реперные точки современности и напоминать людям о тех проблемах, разрешение которых способно увеличить уровень гуманизации общества [35], нацелено на создания комфортных и безопасных условий жизнедеятельности как индивида, так и всего социума. Эпоха цифровизации не оставляет шансов человеку обойтись без информационных технологий, но миссия социальной рекламы, по нашему мнению, заключается в том, чтобы не давать человеку забыть о том, кто он есть, каково его предназначение.

Библиографический список

1. Голенкова О.В., Лифанова Т.Е., Шилина С.А. Педагогические кадры в Брянском уезде Орловской губернии на рубеже XIX–XX веков: социально-социологический анализ // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2020. № 2 (43). С. 9–13.
2. Голенкова О.В., Лифанова Т.Е., Шилина С.А. Развитие образования в Брянском уезде Орловской губернии в XIX – начале XX веков: историко-социологический аспект // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2020. № 1 (42). С. 9–14.

3. Головачева О.А. Окказионализмы как средство выражения авторской оценки (на примере очерка Н.С. Лескова «Искандер и ходящие о нем толки») // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 11 (91). С. 11–17.
4. Головачева О.А., Шилина С.А. Современный русский язык. Словообразование: учебник для квалификации «бакалавр» направления подготовки 44.03.05 «Педагогическое образование» профиль «Русский язык и литература» (по специальности 32900 – русский язык и литература). Брянск, 2018.
5. Головачева О.А. Эвфемизмы в статье Н.С. Лескова «Заметка о зданиях» // Российско-белорусско-украинское пограничье: научное взаимодействие в контексте единого социокультурного пространства: материалы Международной научной конференции: в 2 ч. / под ред. В.В. Мищенко, В.Н. Пустовойтова, С.Н. Стародубец. 2014. С. 213–217.
6. Епремян Т.В., Шилина С.А. Дискурс-анализ управленческого потенциала рекламы // Журналистика-2020: стан, проблемы і перспективы. 2020. С. 383–386.
7. Епремян Т.В., Траханов А.В. Рекламный дискурс в аспекте виртуализации социального пространства в период пандемии 2020 года // Влияние качества жизни на формирование ценностной структуры населения России: материалы научной онлайн-конференции с международным участием. М., 2020. С. 96–97.
8. Ефимочкина Н.Б., Коркин Э.Д., Коркия Э.Д., Мамедов А.К. Роскошь в культурных контекстах: вариативность развития. М., 2020.
9. Киричек П.Н. Алогичное Зазеркалье Вселенной Гуттенберга // Журналист. Социальные коммуникации. 2012. № 3. С. 43–49.
10. Киричек П.Н. Культуры никогда не бывает в избытке // Государственная служба. 2009. № 1. С. 61–65.
11. Киричек П.Н. Лексические аномалии публичной сферы // Поливановские чтения. 2016. № 11. С. 93–97.
12. Киричек П.Н. Медиатекст и культура речи // Поливановские чтения. 2018. № 12. С. 40–47.
13. Киселев А.Г., Шилина С.А. Дискурс диалектной лексики как выражение идентичности народа // Вопросы культурологии. 2020. № 5. С. 26–31.
14. Киселев А.Г., Шилина С.А. Социокультурный аспект сохранения самобытности переселенцев в Россию // Международная научно-практическая конференция «Русский язык как основа межкультурного диалога славянских народов на территориях приграничных с Россией государств». 25–26 октября 2017 г. (Новозыбков, Россия). Брянск, 2017. С. 45–53.
15. Мамедов А.К. Виртуальная личность: социальный эскапизм или новое поле креативности // Экономика. Социология. Право. 2019. № 1 (13). С. 68–75.

16. Мамедов А.К. Проблема оснований социального знания (полемиические заметки) // Экономика. Социология. Право. 2016. № 3. С. 68–80.
17. Мамедов А.К. Социальные последствия виртуализации личности // Коммуникативное пространство современного мегаполиса: диалог программ: материалы научной онлайн-конференции с международным участием. М., 2019. С. 44–48.
18. Мамедов А.К. Эскапизм в виртуальную реальность: новые поля социализации // Социология. 2018. № 3. С. 56–66.
19. Мельников С.Л., Шилин А.М. Управление образовательной деятельностью в режиме дистанционного обучения в свете современной социальной политики // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2020. № 5 (46). С. 24–30.
20. Никутьцева В.В. «В жизни безмятежной твои глаза пускай не ведают слезы...» (Лингвотекстологический анализ экспромтов Фёдора Сологуба, посвящённых О.А. Глебовой-Судейкиной) // Слово. Словарь. Словесность: к столетию кафедры русского языка и 95-летию профессора Сакмары Георгиевны Ильенко: сборник научных статей. Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, филологический факультет, кафедра русского языка. 2019. СПб., С. 87–93.
21. Никутьцева В.В. «Лица, которого бесчестны неуловимые черты...» (Образ О.А. Глебовой-Судейкиной в творчестве Игоря-Северянина) // Текст в культурном, историческом, языковом пространстве: материалы Международной заочной научно-практической конференции. М., 2017. С. 100–114.
22. Никутьцева В.В. Индивидуально-авторская трансформация фразеологизмов в поэтическом языке Игоря-Северянина // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке: материалы международной научной конференции. М., 2018. С. 265–274.
23. Никутьцева В.В. Лексические неологизмы Игоря-Северянина (деривация, значение, употребление): дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.
24. Никутьцева В.В. Лингвистический анализ стихотворения М. Цветаевой «Вчера ещё в глаза глядел...» // Русский язык в школе. 2000. № 3. С. 71–74.
25. Никутьцева В.В. Филологический анализ сонета Игоря-Северянина «Тургенев» // Русский язык: исторические судьбы и современность: VI Международный конгресс исследователей русского языка: труды и материалы. М., 2019. С. 248–249.
26. Траханов А.В., Шилина С.А. Дискурс-анализ управленческого потенциала рекламы // Журналистика-2019: стан, проблемы і перспективы. 2019. С. 364–367.
27. Траханов А.В. Рекламный дискурс как медиатекст: управленческие аспекты // Текст в социальном, политическом, культурном простран-

- стве. сборник научных статей / отв. ред. В.В. Никульцева. М., 2020. С. 225–233.
28. Траханов А.В. Социологическое исследование управленческого потенциала рекламного дискурса // Экономика. Социология. Право. 2020. № 1 (17). С. 97–108.
29. Шилина С.А. Анализ социолингвистического кода субъекта власти как социальной характеристики коммуникационного процесса // Социология власти. 2009. № 6. С. 88–95.
30. Шилина С.А. Дискурс русской языковой личности советской и постсоветской эпох // Текст в культурном, историческом, языковом пространстве: материалы Международной заочной научно-практической конференции. М., 2017. С. 510–515.
31. Шилина С.А. Дискурсивные технологии в социологических исследованиях языковой личности (Пётр Николаевич Киричёр) // Научный журнал «Дискурс». 2018. № 1 (15). С. 180–191.
32. Шилина С.А. Рекламный текст как объект социологических исследований дискурса // Текст в культурном, историческом, языковом пространстве: материалы Международной заочной научно-практической конференции. М., 2017. С. 502–509.
33. Шилина С.А. Роль рекламного дискурса в позиционировании региона: стратегия развития бренда Брянщины // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество: ежегодник. 2019. С. 632–635.
34. Дети с ОВЗ. URL: <https://yandex.ru/turbo/psylogik.ru/s/119-deti-s-ovz.html> (дата обращения: 09.11.2020).
35. Lifanova T.E., Shilina S.A. Socio-ecological ministry of the Russian Orthodox church (end of the 19th-beginning of the 20thcenturies) // Turismo-estudos e praticas. Brazil, 2020. URL: <https://ores.su/ru/journals/turismoestudos-e-praticas/> (дата обращения: 09.11.2020).

Татьяна Владимировна ЕПРЕМЯН

аспирант

Брянский государственный университет имени академика

И.Г. Петровского

УДК 811.161.1

Зоя Наженьхуа

РЕКЛАМНЫЕ ШТАМПЫ КАК РЕСУРСЫ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В РОССИИ И КИТАЕ

Аннотация. Противостояние своего и чужого исторически заложено в культурной традиции человеческого общества. Сегодня коммуникативное пространство изменилось под влиянием глобализации. Это повлияло на формат социальной информации, которая сжалась до рекламы. В ней используются формально-содержательные стереотипы и штампы. Но несмотря на это, социокультурная среда включает не только тождественные механизмы глобальной коммуникации, но и жесткое разграничение своего и чужого как в России, так и в Китае. Сравнение рекламных текстов показывает сходство и отличия разной социокультурной среды.

Ключевые слова: коммуникация в глобализации, свой и чужой, противостояние, универсальные штампы, самоидентификация.

Zoya Nazhen'khua

ADVERTISING STAMPS AS RESOURCES OF SOCIAL COMMUNICATION IN RUSSIA AND IN CHINA

Abstract. The confrontation between «the own» and «the alien» is historically inherent in the cultural tradition of human society. Today, the communication space has changed under the influence of globalization. This influenced the format of social media, which shrank into advertising. It uses formal content stereotypes and clichés. Despite it the socio-cultural environment includes not only identical mechanisms of global communication but also a strict distinction between «the own» and «the alien» both in Russia and in China. Comparison of advertising texts shows the similarities and differences in different sociocultural environments.

Keywords: communication in globalization, confrontation, «the own» and «the alien», universal clichés, self-identification.

Современная цивилизация подчиняется новым законам, главный из которых – глобализация. Глобализация поддерживается интернет-сетью, которая вошла во все сферы человеческой коммуникации. Мы решили разобраться, как на фоне глобализации меняется противостояние своего и чужого, и какую роль в этом процессе играет социальная реклама. Этим определяется актуальность нашей статьи.

Сколько существует человечество, столько существует деление мира на «свой» и «чужой», поэтому противостояние «своих» и «чужих» остаётся одним из центральных понятий культуры. Адаптация русского человека, попавшего в Азию, как и азиата, попавшего в Россию, не может изменить его ментальность. Если в русской языковой картине мира традиционно доминируют такие характерные понятия, как *судьба* и *тоска*, то в восточной традиции этого нет. Сосуществование «свое-чужое» не ограничено только этими понятиями и проявляется по-разному. Сегодня из-за усиления глобализации в мире «уникальные особенности» [2, с. 72] коммуникантов в межкультурной коммуникации теряются на фоне рекламных стандартов. Этим определяется новизна нашей работы. Цель состоит в том, чтобы на примере механизмов создания и использования рекламы в России и Китае выявить ее сходства и различия в бинарном сопоставлении своё/чужое.

Еще со времен Афанасия Никитина считалось: если русский человек, попадает в другую среду, даже в «благоженную землю», расположенную недалеко от рая, возникает чувство отчужденности, резкого разделения *своего* и *чужого* не только в плане культуры, обычаев и традиций, но и в общении. Скорее всего, это свойство отстраненности носит универсальный характер для всех людей, но не во все времена.

В последнее время бинарность мировосприятия критикуется. Антропологический бинаризм «свой – чужой» совсем еще не преодолен культурой. Он проявляется не только в художественном и научном творчестве, но и в бытовом мышлении. Чтобы переработать «чужое в свое», нельзя ограничиться только повседневными культурными практиками. Граница «чуждости» проходит по сакральному ядру культуры, с которым связана родовая память и самоидентификация личности. Социальная же причина разграничения на *своих* и *чужих* кроется в ограниченных ресурсах коммуникации. Языковой барьер ограничивает доступ «чужаков» к культурной и социальной адаптации.

Оппозиции «свое-другое», «свое-чужое» начинаются с оппозиции «мы-они», которая является одной из первичных оппозиций в обществе и тесно связана с социологией и психологией. Различия этих оппозиций можно понять только в позиции наблюдателя. В первом случае наблюдатель присоединяет себя к группе, отождествляя себя со «своим». Во втором, наоборот, сопоставляет и противопоставляет

себя «чужим». Процессы глобализации не повлияли на то, что в этом бинарном противостоянии «свое – чужое», слово *свое* рассматривается только в одном из своих значений, а именно, *свое* как *особое*. Это *особое* может выражать суть конфессиональной культуры, в которой совмещаются вера и религия. С другой стороны, *особое* может непосредственно (либо опосредованно) отражаться в интеллектуальных возможностях или эстетической предрасположенности.

Традиционно считается, что *свое* и *чужое* – входит в ядро концептов культурологии. Личность, которая погружается в чужую культурную среду для этической и эстетической адаптации, постепенно понимает, как «...правильная расстановка акцентов делает узнаваемым» [4, с. 194] то, что раньше было непонятным и неприемлемым. Любое погружение в социокультурную среду обязательно строится на сравнении и сопоставлении, в основе которых лежат механизмы тождества и различия *своего* и *чужого*. Эти механизмы присущи как художественному творчеству, так и научному мышлению.

Явлением, ставшим нейтрализатором бинарного противостояния в разных культурных средах, считается современная реклама, которая узнаётся во всех концах света по набору стереотипных штампов. «Новое явление в коммуникации было определено как социальная реклама – это позитивная пропаганда какого-либо явления без получения прибыли...» [5, с. 247]. Что общего можно выделить в русской и китайской рекламе? Прежде всего, – это то, что «...сегодня социальная реклама остаётся основным инструментом гуманизации и информирования общественности о наиболее актуальных проблемах общества для привлечения внимания к нравственным ценностям» [5, с. 247].

Современная реклама в Китае называется «социалистической рекламой». Это значит то, что реклама в Китае должна служить строительству социализма. На конференции «Всекитайского рекламного академического диспута» в 1985 г. была определена роль рекламы в строительстве социалистической материальной и духовной цивилизации Китая.

Характер «социалистической рекламы» строится на основных принципах:

1. Реклама должна пропагандировать лучшие качества социализма, способствовать строительству материальной и духовной цивилизации.

2. Рекламную деятельность следует проводить под единой ведущей силой государственного сектора.
3. Реклама является важным инструментом, передающим экономическую информацию, вместе с пропагандой социалистической политики, идеи, культуры и искусства.
4. Значение социалистической рекламы состоит не только в получении экономической прибыли, но и в создании здорового общества с образцовыми нравами и обычаями.
5. Любая реклама местной или иностранной компании, выходящая на территории Китая в любом виде, не должна противоречить ни структурно, ни содержательно, нижеследующим положениям, которые были утверждены китайским рекламным союзом для самодисциплины всех китайских рекламистов:
 - «политичность», то есть соответствие рекламного контента политическому курсу страны;
 - «идеологичность», то есть не противоречие устоявшейся идеологии, включающей понятие национального менталитета и социокультурных форм поведения, общения и мышления, а также культуру повседневности;
 - «подлинность», что подразумевает соответствие представленных характеристик товаров и сервиса действительности, чтобы избежать обмана потребителя или введения его в заблуждение, что может повлечь за собой негативное влияние на его психофизическое здоровье;
 - «художественность», что подразумевает использование художественных средств выразительности рекламного текста;
 - «национализированность», что подразумевает ориентацию на китайский национальный характер, традицию и культурные особенности в китайской рекламе [1].

Надо отметить, что в июне 1983 г. Сямэньский университет стал первым вузом в Китае, который открыл специальность «Реклама» по подготовке кадров в соответствии с принятой идеологией [3].

В России реклама стала усиливать свои позиции после развала Советского Союза. Некоммерческая реклама в России всегда ассоциируется с социальной рекламой. «Виды социальной рекламы можно классифицировать следующим образом:

- а) Реклама здорового образа жизни направлена против негативных проявлений в обществе (курения, наркомании, алкоголизма,

- сексуальной распушенности), и одновременно – на поддержку здорового образа жизни: укрепления семьи, защиты от СПИДа, занятий спортом, гигиены и правильного питания (например, поощрение грудного вскармливания, употребления свежих овощей и фруктов, активного отдыха).
- б) Реклама законности и правопорядка направлена на развитие правосознания, защиту институтов гражданского общества, конституционных прав и свобод человека, образования детей и соблюдения налоговых обязательств.
- в) Адресная реклама информирует о местоположении и координатах специальных служб государства и общественных организаций (противопожарные службы, службы спасения, службы охраны порядка, службы психологической поддержки).
- г) Событийная реклама несет пропаганду общественно-значимых событий, ориентированных на национальное сплочение посредством гуманистических идей и знаменательных дат (праздники, торжества, спортивные мероприятия).
- д) Реклама милосердия и благотворительности ориентирует граждан на сбор средств для восстановления храмов, культурно значимых исторических объектов, проведения дорогостоящих операций детям, открытия столовых для бездомных, строительства питомников для брошенных домашних животных и т.д.» [5, с. 247–248].

Несмотря на разность ментальности, социальная реклама тиражирует общечеловеческие ценности, которые пока еще нужны людям. В различных науках ментальность понимается по-разному. В философии ментальность – это определенная внутренняя готовность социального субъекта мыслить, чувствовать, действовать и воспринимать мир в соответствии со своеобразными установками и национальными предрасположенностями. Психологи утверждают, что ментальность обусловлена изменениями сознания и реалиями бытия современного человека. Это требует изучения психологических механизмов репрезентации действительности в сознании людей, принадлежащих к определенной исторической общности. «Для культурологов в этом понятии принципиален фактор воздействия на обычаи, традиции, верования, знания, способы и приемы действия и прочие составляющие духовной и материальной культуры» [5, с. 249].

Если в социальной рекламе попытаться выделить ее отличия, связанные с ментальностью, то механизмы «языкового кодирования

и декодирования ...нельзя приравнять к затёртым «чужим» штампам» [4, с. 194] даже в стандартной рекламе. Гуманные принципы, которые отражаются в социальной рекламе, для всех одинаковые. Однако существует своя определенная градация человеческих ценностей для каждой страны. Сравнивая их, можно выявить, как из противостояния *свое – чужое* появляются узнаваемые универсальные штампы. «Однако анализ... «штампов» в сопоставлении» [4, с. 194] показывает, какие существуют особенности, связанные с национальными приоритетами.

Следовательно, чтобы определить сходство и различие китайской и русской социальной рекламы в соответствии с национальными запросами, необходимо выявить основные структурно-содержательные принципы ее создания. В этом мы видим *перспективу* нашего исследования. Базовые гуманитарные ценности, которые являются общими для всех, то есть «своими», могут по-разному рекламироваться, делая их «чужими».

Библиографический список

1. Закон Китая (КНР) «О рекламе». URL: <http://law.uglc.ru/advertisement.htm> (дата обращения: 15.12.2020).
2. Лебедева И.В., Приорова И.В., Лебедева Л.К., Бичарова М.М. Уникальные особенности речи русских мигрантов // Вопросы элитологии: филология, культура, политика: альманах Астраханского элитологического сообщества. Астрахань, 2011. С. 72–76.
3. Лин Шэнлянь. Межкультурная рекламная коммуникация. Сямынь, 2011.
4. Приорова И.В. К вопросу об эстетике слова и креативе мысли: от Пушкина до ... // Актуальные проблемы современного языкознания и методики преподавания языка: сборник мат. Всерос. конференции, посвящённой 115-ию со дня рождения проф. И.А. Фигуровского. Елец, 2014. С. 189–194.
5. Приорова И.В., Дудникова М.В., Бичарова М.М. Зависимость «своей» социальной рекламы от «чужой» свободы восприятия // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 3 (34). С. 246–254.
6. Хуан Сяопин. Рекламный язык – карнавал в языковом искусстве. Гуан Чжоу, 2012. С. 14–25.

Зоя НАЖЕНЬХУА

магистрант

Сямыньский университет, Сямынь, Китай

РАЗДЕЛ 7. ТЕКСТ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

SECTION 7. TEXT IN MODERN CULTURE

УДК 80

Н.В. Летаева

МЕТАФОРИЗАЦИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ: «СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК», «ПАРИЖСКАЯ НОТА», «НЕЗАМЕЧЕННОЕ ПОКОЛЕНИЕ»

Аннотация. В статье актуализируется вопрос метафоризации литературоведческой терминологии. Обращается внимание на такие метафорические образования, как «серебряный век», «парижская нота», «незамеченное поколение».

Ключевые слова: серебряный век, парижская нота, незамеченное поколение, русское зарубежье, термин.

N.V. Letaeva

METAPHORICAL TERMS «SILVER AGE», «PARISIAN NOTE», «UNNOTICED GENERATION»

Abstract. The article is devoted to the question of the literary metaphorical terms. Attention is focused on the such metaphorical terms as the «silver age», the «Parisian note», the «unnoticed generation».

Keywords: silver age, Parisian note, unnoticed generation, Russian Diaspora, term.

В научном мире обращается внимание на проблемные ситуации в современной литературоведческой терминологии. Как пишет Л. Полякова, «сегодня ни одну литературоведческую проблему невозможно решить без обязательного уточнения терминологии» [21, с. 15]. В этом аспекте в данной работе рассматриваются привычные для литературоведения терминологические сочетания «серебряный век», «парижская нота», «незамеченное поколение».

История сочетания «серебряный век» достаточно хорошо известна: в 1933 г. в парижском журнале «Числа» была опубликована статья «Серебряный век» Н. Оцуа, претендовавшего на авторство

«сих слов». В письме Ю. Иваску от 19 ноября 1958 г. Н. Оцуп писал: «Кстати, не напишете ли Вы, когда и где Бердяев назвал “серебряным веком” – наш: я, мне кажется, вправе претендовать на авторство сих слов»; а уже в письме от 9 декабря 1958 г. Н. Оцуп благодарил Ю. Иваску за то, что приоритет «взят под защиту» [18, с. 609].

Н. Оцуп был прав: Н. Бердяев называл рубеж веков не иначе как русским культурным ренессансом [7], на что в своё время указывал, к примеру, О. Ронен, написавший практически научный детектив «Серебряный век как умысел и вымысел», где убедительно доказал правоту Н. Бердяева и сомнительность утверждений Н. Оцупа.

Следует отметить, что метафора «серебряный век» употреблялась и ранее 1933 г.: в своих «Встречах» В. Пяст выдвинул гипотезу (впрочем, по утверждению автора, ни на что не претендовавшую) разграничения золотых и серебряных веков в искусстве. В. Пяст полагал, что творческие люди рождаются, «так сказать, “кустами”, в периоды, отделённые друг от друга промежутками в чётное число десятков лет» [24, с. 6]. Так возникла теория, что поэты золотого века (Пушкин, Баратынский, Языков, Тютчев и пр.) родились в 1800-е гг., а поэты серебряного века (А. Толстой, Полонский, Майков, Фет, Некрасов и пр.) с 1817 по 1824 гг. К этой «блестящей плеяде» В. Пяст присоединил «имена творцов» русской прозы, «из которых некоторые были не меньшими величинами и как “поэты” в широком смысле этого слова», – Тургенева, Достоевского, Салтыкова-Щедрина. Следующее поколение поэтов, по мнению В. Пяста, «густо» родилось в 1860-е и 1880-е гг., и хотя автор своего рода теории деления периодов искусства на золотые и серебряные века подчёркивает, что далёк от претензии сравнивать «восьмидесятников» «с представителями какого-нибудь “Серебряного века” русского <...> “модернизма”» [24, с. 7], тем не менее всем ходом изложения намекает, что не против такого определения.

Однако вернёмся к статье Н. Оцупа. Опубликованная в «Числах», она после смерти автора вошла в его сборник 1961 г. «Современники» в расширенном варианте под названием «“Серебряный век” русской поэзии», где Н. Оцуп, как и В. Пяст, определил соотношение понятия «серебряный век» с «модернистической» русской литературой и обозначил «демаркационную линию», разделившую век золотой и век серебряный, – 80-е гг. XIX в. Трудно однозначно

утверждать, был ли знаком Н. Оцуп с теорией В. Пяста или такое единение явилось следствием творческого порыва каждого из них дать определение своего времени, чтобы вписать его в историю русской культуры, но явственного сходства размышлений не заметить невозможно, как нельзя не заметить и того, что в опубликованной при жизни статье Н. Оцуп не дал сколько-нибудь внятного представления о том периоде русской литературы, который он обозначил понятием «серебряный век».

Действительно, при внимательном прочтении текста 1933 г. очевиден парадоксальный финал рассуждений автора: «Нет, разумеется, никакой возможности с точностью определить границы века золотого и века серебряного. Всего проще, быть может, считать золотым веком два – три лучших десятилетия жизни “свой век увлекающего гения”. Золотой век русской поэзии прошлого столетия <...> – жизнь и стихи Пушкина. Благодаря Баратынскому, серебряный век существует одновременно с золотым. <...> золотой век для двадцатого столетия – Тютчев и Блок» [20, с. 177]. Очевидно, что для Н. Оцупа золотой и серебряный век не суть исторические периоды, то есть XIX и XX столетия, а явление художественного гения искусства и его последователей в конкретное историческое время.

Квинтэссенцией определения «серебряного века» являются заключительные фразы статьи: «С исчезновением своего гения (Блокаю – Авт.) время теряет голос, он кажется сдавленным, охрипшим. Но и в нём та же тема и даже её как бы подземное углубление. Хочется верить, что именно это присутствует в современной послеблоковской поэзии и что это послужит рано или поздно её оправданием» [20, с. 177–178]. Здесь, думается, речь идёт о новом русском искусстве, родившемся в условиях вынужденной эмиграции, то есть искусстве русского зарубежья, оказавшемся «вне России» и её золотого века, но всё-таки с Россией и в «веке серебряном». И речь здесь идёт прежде всего (и, вероятно, только о нём) об искусстве младшего поколения русских писателей первой волны эмиграции, о той самой «модернистической» литературе, с которой связано понятие «серебряный век». Иными словами, «серебряный век» в понимании Н. Оцупа имел отношение не к дореволюционной русской литературе, а к пореволюционной литературе так называемого «незамеченного поколения» (В. Варшавский) русских писателей-эми-

грантов [13]. Сравним слова Н. Оцуа с высказываниями критиков русского зарубежья и самих представителей младшего поколения русских писателей первой волны эмиграции: в творчестве «незамеченного поколения» отмечались «приглушённая интонация» [5, с. 3], отсутствие различного рода «украшений», «скромность, сухость, обесцвеченность, но не бесцветность», переход от высокопарных фраз к негромким, серьёзным, «честным и скудным» словам [28, с. 76]. Кроме того, Б. Поплавский называл младшее поколение русских писателей и поэтов первой волны эмиграции авангардистами «новой послевоенной формации» [22, с. 205].

Однако эту зарождающуюся мысль, которая в большей степени соответствовала реалиям творческой жизни русского Парижа, Н. Оцуп не оформил в полной мере, и с его лёгкой руки столь дорогая ему словесная конструкция получила широкое распространение по отношению к русскому искусству дореволюционного периода, причём употреблялась она преимущественно с оттенком умаления этого периода по сравнению с предшествующим веком. Так, в своей статье «Три России» В. Вейдле, который, в отличие от Н. Оцуа, точно определил серебряный век как двадцатилетие, предшествовавшее революции, отмечал, что «сияние его – как и подобает серебряным векам – было в известной мере отражённым <...> он не столько творил, сколько воскрешал и открывал. <...> и как бы мы строго ни судили то, что было создано за эти двадцать лет, нам придётся их признать одной из вершин русской культуры» [9, с. 317–318].

Нечто подобное произошло с претендующим на дефиницию сочетанием «парижская нота», возникшим в результате семантического стяжения известной фразы Б. Поплавского, рассуждающего об искусстве русского зарубежья довоенного периода: «<...> существует только одна *парижская* школа, одна метафизическая *нота*, всё время растущая – торжественная, светлая и безнадежная» [23 с. 310–311] (курсивом выделено мной. – Авт.). Попытки вписать творчество младшего поколения русских писателей первой волны эмиграции в современное литературоведение, разумеется, были. Так, Г. Мосешвили [16, с. 6], вслед за Ю. Терапиано [27, с. 98], назвал «парижскую школу» литературным течением. М. Васильева [8, с. 68], О. Коростелев [11, с. 300], О. Михайлов солидарны с Б. Поплавским, хотя О. Михайлов делает существенную оговорку: формально

не было никакой литературной группы, поэтому «парижскую школу» можно было бы назвать «товариществом» [15, с. 83]. Е. Менегальдо определила возникшую «школу» как литературное направление [14, с. 26]. Тем не менее нельзя не признать, что творчество младшего поколения русских писателей первой волны эмиграции до сих пор никто из исследователей не вписал в историю русской литературы ни как течение, ни как направление, ни как школу [12, с. 166–169], на которую указывал не только Б. Поплавский, но и его современники, например Г. Адамович, В. Яновский, определяя, однако, её границы по-разному: Г. Адамович сводил её к парижской школе русской поэзии [1, с. 1], а В. Яновский объединял в рамках одной школы прозу, поэзию, публицистику, философию, теологию [29, с. 54]. Понятие «парижская нота», и это следует признать, умаляет достоинства целого поколения, остающегося на периферии отечественного литературоведения. Подмена понятий привела к тому, что уже в послевоенное время «парижская школа» была низведена до уровня «парижской нотки» [19].

Отметим, что и само младшее поколение русских писателей первой волны эмиграции не имеет устоявшегося терминологического определения в современном литературоведении. Исследователи часто используют квазинаучные метафорические сочетания «незамеченное поколение», «потерянное поколение», «поколение полутора», «поколение потерянных», «молодые эмигрантские писатели», «эмигрантские сыновья», «дети эмиграции». Это во многом объясняется апелляцией к тому, что термин «молодые эмигрантские писатели» раскрыли сами представители первой волны эмиграции. Приведём ряд определений.

«Прежде всего следовало бы условиться насчёт самого термина “молодые писатели”. Очевидно, речь идёт о лицах, начавших свою литературную деятельность в эмиграции и принадлежащих к поколению, не достигшему или едва перешагнувшему за третий десяток» [25, с. 105].

«<...> молодость и молодёжь – в наши дни понятие относительное и условное... Молодыми писателями принято у нас называть тех, кто лишь здесь, в эмиграции, начал печататься. Возраст: с 25-ти до 35-ти лет, а порой и до 40. Но возрастные различия не мешают духовному объединению по общему признаку “после России”» [2, с. 2].

«Молодыми у нас, кажется, признаются писатели, не достигшие 50-летнего возраста по паспорту и 25-летнего по литературному цензу» [3, с. 402].

«<...> понятие “молодой писатель”, как оно применялось в те годы, было очень условно: речь собственно шла о тех, кто не успел начать своей литературной деятельности до эмиграции; большая часть их принадлежала к родившимся в самом конце XIX или в самом начале XX века, но были среди них люди и постарше, в нормальный ход жизни которых вторглись война и революция. Словом, разделение на “молодых” и “старших” было разделением на писателей с каким-то именем или какой-то известностью в литературной среде до эмиграции и писателей совсем без имени» [26, с. 67].

«Когда я говорю «из молодых», то я говорю о поэтах и писателях второго поколения, то есть о тех, что родились в самом начале этого века или в конце предыдущего (моложе не было). И особенно о тех, что пришли в литературу после 1920 г., то есть вне России» [6, с. 314].

«Молодыми поэтами считались те, кто начал свою поэтическую карьеру уже за рубежом, хотя некоторые были старше “маститого” Георгия Иванова и даже Адамовича» [17, с. 145].

Данные определения указывают, по меньшей мере, на двуплановость термина «молодые эмигрантские писатели»: таковыми называли и тех писателей, кто не достиг зрелого возраста, и тех, кто начал литературную деятельность после революции 1917 г. в эмиграции. Следовательно, понятие это объединяло, по сути, разноплановых и разновозрастных писателей и поэтов, коих в эмиграции было немало. Однако подобная многоаспектность терминологического концепта определила его условность и относительность, на которые указывали представители первой волны эмиграции, поэтому целесообразнее в современном литературоведении использовать понятие «младшее поколение русских писателей первой волны эмиграции», что вполне логично выглядит на фоне сопоставления с понятием «старшее поколение русских писателей первой волны эмиграции» и устраняет полисемию термина.

Терминологический концепт «эмигрантские сыновья», думается, также имеет не один семантический уровень. Безусловно, на первый план выходит соотношение понятий «эмигрантские сы-

новья» и «эмигрантские отцы», которые интересовались судьбой представителей младшего поколения русских писателей первой волны эмиграции. Например, В. Ходасевич в первые годы своего пребывания в Париже руководил кружком начинающих поэтов «Перекрёсток», старался как можно чаще помещать их произведения в газете «Дни», литературным отделом которой он заведовал с 1926 г. М. Слоним весной 1928 г., поддерживая начинающих поэтов, организовал литературное объединение «Кочевье», с 1920 по 1932 гг. предоставлял младшему поколению русских писателей страницы пражского журнала «Воля России». И. Фондаминский в 1930-е гг. создал для так называемых молодых писателей литературный альманах «Круг» и организовал одноимённое литературное общество, помогал публиковать сборники молодых поэтов. С 1923 по 1928 г. выходила газета, а потом журнал «Звено» младшего поколения русских писателей под редакцией М. Винавера (он же был издателем), организовавшего в 1925–1926 гг. «салон», где с докладами выступали оба поколения эмигрантских писателей и поэтов. Значительную роль в жизни представителей младшего поколения сыграла З. Гиппиус, которая вместе с Д. Мережковским организовала собрания «Зелёной лампы», помогала, как и В. Ходасевич, открывать начинающим писателям и поэтам доступ в «Современные записки».

Тем не менее «эмигрантские сыновья» чувствовали, что внимание к ним литературных «отцов» – часть той работы, которую осуществляло старшее поколение для поддержания жизни литературы в эмиграции в целом. Издатели, как правило, равнодушно относились к творчеству младшего поколения эмигрантских писателей и поэтов, поэтому большую часть своих произведений «эмигрантские сыновья» публиковали на страницах периодических изданий, однако многие «солидные» журналы (как «Современные записки») и газеты (как «Последние новости» и «Возрождение») ориентировались на творчество писателей старшего поколения и неохотно брали художественные произведения «молодых». Критики (например, М. Цетлин, Г. Федотов, А. Бем), не верившие в возможность появления в эмиграции достойной смены старшему поколению русских писателей, проявляли скептицизм по отношению к новому поколению писателей-эмигрантов, обвиняя их в оторванности от исторической и культурной преемственности, от национальной

почвы и быта, в антисоциальности, упадочничестве. Положительные отзывы о творчестве писателей и поэтов младшего поколения были весьма немногочисленны.

Метафорический термин «незамеченное поколение» потому и возник, что, создавая литературу в таких условиях, названную В. Яновским «чудом эмиграции» [29, с. 163], «эмигрантские сыновья» совершали литературный подвиг, «мало кому заметный» (М. Алданов), причём до такой степени, что молодой романист Г. Газданов, по возрасту и творческому мировоззрению относившийся к младшему поколению русских писателей первой волны эмиграции, заявил в статье «О молодой эмигрантской литературе» [10], что молодой эмигрантской литературы не существует, назвав её мифом, условностью, в то время как «именно молодёжь и представляла собою наиболее живую силу в литературной эмиграции» [25, с. 104], активно воспринимала новые тенденции, наметившиеся как в русской, так и в западной литературе, не забывая о традициях русской литературы классической и начала XX в., проверяла свои собственные творческие возможности, искала новых путей. Успешно развивались контакты младшего поколения русских писателей-эмигрантов с европейской художественной интеллигенцией, решающие проблему синтеза, взаимопроникновения русской и европейской культур в условиях эмиграции. Начиная свою творческую деятельность в эмиграции авторы, воплощая на страницах своих произведений новое творческое мироощущение (названное впоследствии «парижской нотой»), создавшее в русской эмиграции 1920–1930-х гг. особый художественный стиль, писали по-новому, что давало возможность назвать их «самым выдающимся явлением за пять лет для русской литературы», русскими писателями «с западной закваской» (А. Ремизов) [4, с. 1], и при этом они, несмотря на недостаток читателей, разрушение всех «мировоззрений», «миросозерцаний», «мироощущений», «отсутствии морального знания» [10, с. 404], сохранили память о том, чем была и должна быть отечественная литература в жизни человека. Всё вышесказанное позволяет думать, что метафорическое понятие «эмигрантские сыновья» имеет и второй семантический план, определённый высокой стилистической окраской слова «сыновья»: представители младшего поколения русских писателей первой волны эмиграции действительно были носителями характерных черт своего народа, своей среды.

Удивительно, но творчество младшего поколения эмигрантских писателей и поэтов остаётся незамеченным и до сих пор, потому что такие имена, как С. Горный, Г. Раевский, Б. Сосинский, Н. Татищев, А. Гершельман, А. Гингер, А. Алфёров, А. Штейгер, И. Кнорринг, Н. Гронский, И. Болдырев, М. Горлин, Б. Буткевич, Р. Блох, В. Диксон и др., действительно остаются в стороне от масштабных научных исследований. Думается, в современном литературоведении терминологическая полисемия и синонимия по отношению к младшему поколению русских писателей первой волны эмиграции будет существовать до тех пор, пока каждый представитель этого поколения не войдёт в историю русской литературы XX в. как отдельная творческая личность.

Таким образом, следует признать, что широко употребляемые в научном сообществе метафорические терминологические образования «серебряный век», «парижская нота», «незамеченное поколение» не выполняют адекватной содержанию номинативной функции, что не может не порождать разнопланового отношения литературоведов к этим сочетаниям. Памятуя о том, что терминология как составляющая научного текста должна отвечать в том числе таким требованиям, как точность и однозначность, полагаем, что вынесенные в заглавие статьи метафорические сочетания должны оставаться на периферии употребления в научной литературе, не вытесняя и не подменяя понятий «русская литература конца XIX – начала XX века», «литературная школа» / «литературное течение», «младшее поколение русских писателей и поэтов первой волны эмиграции». Следует, однако, признать и тот факт, что вышеуказанные метафорические квазинаучные терминологические конструкции являются, с одной стороны, более ёмкими, с другой – экспрессивными в плане формы выражения дефиниции, что делает их, по всей видимости, привлекательными для использования в научных работах.

Библиографический список

1. *Адамович Г.В.* Литературные беседы // Звено. Париж, 1927. 23 января.
2. *Адамович Г.В.* Парижские впечатления // Последние новости. Париж, 1934. 12 апреля.
3. *Алданов М.А.* О положении эмигрантской литературы // Современные записки. Париж, 1936. Т. 61. С. 400–409.
4. Анкета «О наиболее значительном и интересном произведении русской литературы за последние пять лет» // Новая газета. Париж, 1931. 1 апреля.
5. *Бем А.Л.* Поэзия Л. Червинской // Меч. Варшава, 1938. 1 мая.

6. Берберова Н.Н. Курсив мой: автобиография. Мюнхен, 1972.
7. Бердяев Н.А. Русский культурный ренессанс начала XX века. Встречи с людьми // Бердяев Н.А. Собрание сочинений. Т. 1. Париж, 1949. С. 156–190.
8. Васильева М. Неудачи «Чисел»... // Литературное обозрение. М., 1996. № 2. С. 63–69.
9. Вейдле В. Три России // Современные записки. Париж, 1937. № 65. С. 304–322.
10. Газданов Г. О молодой эмигрантской литературе // Современные записки. Париж, 1936. Т. 60. С. 404–408.
11. Коростелев О.А. «Парижская нога» // Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940. М., 2000. Т. 2: Периодика и литературные центры. С. 300–303.
12. Летаева Н.В. Незамеченное поколение: К вопросу об исследовании творческого наследия младшего поколения русских писателей и поэтов первой волны эмиграции // Научное обозрение. Сер. 2. Гуманитарные науки. М., 2013. № 3–4. С. 166–169.
13. Летаева Н.В. Серебряный век на страницах журнала «Числа» // Словесное искусство Серебряного века и Русского зарубежья в контексте эпохи («Смирновские чтения»): сборник статей по итогам Международной научной конференции (Москва, МГОУ, 16–17 сентября 2013 г.) / сост. и ред. Л.Ф. Алексеева и др. М., 2015. С. 204–209.
14. Менегальдо Е. Воображаемая вселенная Бориса Поплавского (1903–1935) // Литературное обозрение. М., 1996. № 2. С. 16–28.
15. Михайлов О.Н. Литература русского Зарубежья. М., 1995.
16. Мосеивили Г. «Между человеком и звёздным небом» // Литературное обозрение. М., 1996. № 2. С. 4–7.
17. Одоевцева И.В. На берегах Сены. Париж, 1983.
18. Оцуп Н.А. Океан времени: Стихотворения; Дневник в стихах; статьи и воспоминания / сост., вступ. ст. Л. Аллена; коммент. Р. Тименчика. СПб., 1994.
19. Оцуп Н.А. Персонализм как явление литературы // Грани. Нью-Йорк, 1956. № 32. С. 187–198.
20. Оцуп Н.А. Серебряный век // Числа. Париж, 1933. № 7/8. С. 174–183.
21. Полякова Л.В. Проблемные ситуации в современной литературоведческой терминологии // Русская литература XX–XXI веков как единый процесс: проблемы теории и методологии изучения: материалы IV Международной научной конференции (Москва, филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 4–5 декабря 2014 года) / ред.-сост. П.Е. Спиваковский. М., 2014. С. 15–20.
22. Поплавский Б. Вокруг «Чисел» // Числа. Париж, 1934. № 10. С. 204–209.

23. Поплавский Б. О мистической атмосфере молодой литературы в эмиграции // Числа. Париж, 1930. № 2/3. С. 308–311.
24. Пяст В. Встречи. М., 1929.
25. Слоним М.Л. Литературный дневник: Молодые писатели за рубежом // Воля России. Прага, 1929. № 10/11.
26. Струве Г.П. Русская литература в изгнании: Опыт исторического обзора зарубежной литературы. Нью-Йорк, 1956.
27. Терапиано Ю. Встречи. Нью-Йорк, 1953.
28. Фельзен Ю. Письма о Лермонтове. Письмо шестое // Числа. Париж, 1930. № 4. С. 75–87.
29. Яновский В.С. Поля Елисейские: Книга памяти. Нью-Йорк, 1983.

Наталья Викторовна ЛЕТАЕВА

кандидат филологических наук, доцент

доцент кафедры русского языка

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации

УДК 82.09

А.Е. Чернова

ЛИРИКА НИКОЛАЯ РУБЦОВА: ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Аннотация. В статье рассматриваются принципы художественного изображения идеального царства в фольклорном тексте, элементы фольклорного двоемирия, пронизывающие как произведения устного народного творчества, так и лирику поэтов XX столетия. Методология статьи определяется приемами филологического, сравнительно-сопоставительного, мифопоэтического и комплексного анализа, позволяющего установить генетические и типологические связи лирики Рубцова с фольклорной традицией.

Ключевые слова: устное народное творчество, художественный конфликт, категория прекрасного, константы, фольклорная идеальность мира.

A.E. Chernova

LYRICS OF NIKOLAI RUBTSOV: PRINCIPLES OF FORMATION IDEAL SPACE IN POETIC TEXTS

Abstract. The article examines the principles of the artistic representation of the ideal kingdom in the folklore text, the elements of the folklore double world, permeating both the works of oral folk art and the lyrics of the poets of the 20th century. The methodology of the article is determined by the methods of philological, comparative-comparative, mythopoetic and complex analysis, which makes it possible to establish the genetic and typological connections of Rubtsov's lyrics with folk tradition.

Keywords: oral folk art, artistic conflict, the category of beauty, constants, folklore ideality of the world.

В фольклорной и литературной традиции идеальное пространство возникает, как правило, из особой аксиологической устремленности к преодолению бытового осмысления событий. Так реализуется фольклорный принцип двоемирия. Однако сверхъестественные явления могут восприниматься человеком не только на сакральном уровне, но и на бытовом. И это естественно, так как чудесное видение подразумевает откровение и прозрение в материальном некоей высшей, нематериальной основы мироустройства.

Внимание рассказчика на бытовом уровне художественного изображения концентрируется на событийных аспектах: встреча человека с нечистой силой, например, описывается ради занимательности, удовлетворения врожденного интереса человека ко всему необычному, страшному и непознанному.

В фольклорной быличке герой сталкивается со сверхъестественными персонажами или явлениями. Это случается не в любое время, но в сумерках или ночью, и не везде, но именно в пустынном и безлюдном месте. В стихотворении Н. Рубцова «Вечернее происшествие» пугающая встреча происходит поздно вечером, когда лирический герой оказывается один среди лесной глуши или на болоте, словом, в «местах тревожных» и отдаленных от человеческого жилья. Позднее время уже само по себе рождает страх:

А было поздно.
В любой воде таился страх,
В любом сарае сенокосном... [7, с. 368].

В стихотворении «Осенние этюды» подчеркивается, что «ужасы» начинают окружать лирического героя именно в тот момент, когда он остается один:

И понял я, что это не случайно,
Что весь на свете ужас и отравы
Тебя тотчас открыто окружают,
Когда увидят вдруг, что ты один.
Я понял это как предупрежденье, –
Мол, хватит, хватит шляться по болоту!
Да, да, я понял их предупрежденье, –
Один за клюквой больше не пойду [7, с. 383].

Однако, в отличие от демонологических рассказов, в стихотворениях Н. Рубцова потусторонняя сила представляется не в виде того или иного мифического персонажа – черта, лешего, домового – но в облике животного. Характерно, что так же, как и в быличке, встреча происходит неожиданно. Внезапность происходящего принципиально важна.

«Как хорошо! – я думал. – Как прекрасно!»
И вздрогнул вдруг, как будто пробудился,
Услышав странный посторонний звук [7, с. 382–383].

Явление потустороннего мира начинается со звука. Далее лирический герой видит змею, болотную гадюку, а над его головой кружатся и кричат птицы. Если вдуматься, в этих событиях нет ничего странного и сверхъестественного: ведь появляется всего лишь змея, а не леший или водяной. Однако, несмотря на это, прекрасный и светлый мир (названный в стихотворении миражом) исчезает, лес неожиданно становится зловещим и мрачным, а лирического героя охватывает тревожное настроение:

Змея! Да, да! Болотная гадюка
 За мной все это время наблюдала
 И все ждала, шипя и извиваясь...
 Мираж пропал. Я весь похолодел.
 И прочь пошел, дрожа от омерзенья,
 Но в этот миг, как туча, над болотом
 Взлетели с криком яростные птицы,
 Они так низко начали кружиться
 Над головой моею одинокой,
 Что стало мне опять не по себе... [7, с. 383].

Тревожное настроение рождает предчувствие неизвестной беды:

«С чего бы это птицы взбеленились? –
 Подумал я, все больше беспокоясь. –
 С чего бы змеи начали шипеть?» [7, с. 383].

В русском фольклоре образ змеи наделяется, как правило, демоническими свойствами. Еще в былинах змей является нечистым существом, воплощением зла, врага и чуждого начала. По свидетельству Е. Рогачевской, «змей всегда связан с «иным миром», чаще всего – он антагонист героя, чудовище, которое должен победить богатырь...» [6, с. 329]. Подобная трактовка змея восходит к библейско-христианской традиции, рассматривающей змею как воплощение сатаны. В народе змея часто воспринимается как «дьявольская тварь». Еще большей отрицательностью наделяется змея женского рода – гадюка. По наблюдениям А.В. Гуры, «отрицательное начало сосредотачивается в женском образе змеи (или, более конкретно, ядовитой змеи, гадюки), а носителем положительного начала (прежде всего, различных покровительственных функций) становится уж как мужской персонаж» [6, с. 329]. В стихотворении Н. Рубцова «Осенние этюды» именно болотная гадюка навевает на лирического героя ужас

и омерзенье. Взбеленившиеся птицы, несмотря на принадлежность к верхней пространственной сфере, по своему значению родственны шипящим болотным змеям. Такое восприятие свойственно народу: «народные представления дают немало фактов, свидетельствующих о близости птиц и гадов. Так, по одним поверьям, ласточки и лягушки, по другим – воробьи и мыши, или жаворонки и мыши, способны превращаться друг в друга; имеются представления о летающих гадах – змее и черепахе; <...> в легендах кукушка, ласточка и змея – три обращенные сестры Лазаря, кукушка – жена мужа-ужа, а соловей и лягушка – их дети и т.д.» [6, с. 529].

Мы видим, что ужас, внушаемый гадюкой и птицами, не случаен, его психологические корни уходят в фольклорное мировосприятие.

Показательно и то, что пугающая встреча происходит именно на болоте. В волшебных сказках болото обычно выступает в роли постоянной среды обитания сверхъестественных существ, оно рассматривается как «плохое», опасное для человека место.

В стихотворении Н. Рубцова «Вечернее происшествие» встреча с непознанным существом происходит в отдаленном месте – в глуши. Хотя лирический герой видит перед собой всего лишь обычную лошадь, для него это не случайная встреча, но именно «явление», которое может что-то предвещать:

Зачем она в такой глуши
 Явилась мне в такую пору? [7, с. 368]

Всего в нескольких строках раскрывается психологическая причина страха. Страшными могут быть не только откровенные картины из «фильма ужасов», живописующие упырей и крылатых монстров, но и простая лошадь, которая неожиданно встретилась поздно вечером в пустынном месте. Не случайно в русской пословице говорится, что «у страха глаза велики». Поздно вечером, в темноте, все пугает и настораживает; обычная лошадь представляется непознанным фантастическим существом:

Мы были две живых души,
 Но не способных к разговору.
 Мы были разных два лица,
 Хотя имели по два глаза.

Мы жутко так, не до конца,
 Переглянулись по два раза.
 И я спешил – признаюсь вам –
 С одною мыслью к домочадцам:
 Что лучше разным существам
 В местах тревожных –
 не встречаться! [7, с. 368]

Похожий страх перед лошадьё испытывает герой И.А. Бунина в рассказе «Ужас»: «Я проснулся сразу, от какого-то стука. Кто-то громко стучал ко мне снаружи, в верхнюю половину оконной рамы. Стук был так страшен, что я вне себя вскочил на кровати. А вскочив, увидел, что за окном, все его затемняя, стоял кто-то громадный, черный, длинный и покатый, лез и стучал, стараясь пробить верхние стекла. Я схватил двустволку, дико крикнул: «Кто это? Стрелять буду!» Он, не отвечая, вытянулся еще выше, надвинулся на окно еще плотнее и застучал еще громче... Это была старая, худая лошадь, беспризору шатавшаяся ночью по усадьбе. Она пришла к дому и стала чесаться об оконный наличник, вытянув шею и – стуча головой в раму» [3, с. 432]. Страх, который испытывает лирический герой Н. Рубцова, скорее мистического, чем бытового, характера. Это ужас перед непознаваемой тайной всего мироустройства в целом, а не перед каким-то частным пугающим явлением, изображенным в рассказе И.А. Бунина, которое достаточно устранить или объяснить, чтобы реальность вновь обрела привычные свойства.

Похожие образы раскрываются в стихотворениях Н. Рубцова «Ночное ощущение», «Зимовье на хуторе», «Наступление ночи». Подчеркнем, страх здесь – это не привидевшийся ночной кошмар, но удивленность души перед вечными неразрешимыми вопросами бытия:

Когда стою во мгле,
 Душе покоя нет:
 И омуты страшней,
 И резче дух болотный,
 Миры глядят с небес,
 Свой излучая свет,
 Свой открывая лик,
 Прекрасный, но холодный [7, с. 204].

Метафизические вопросы рождаются именно ночью, когда человек предоставлен сам себе, а вокруг темно и пустынно. Если в быличках ночь – это время выхода на земную поверхность нечистой силы, то в литературной традиции тот же самый мистический смысл преобразуется в тревожное раздумье о смысле мироздания:

И горная передо мной
 Вдруг возникает цепь,
 Как сумрачная цепь
 Загадок и вопросов...
 С тревогою в душе,
 С раздумьем на лице,
 Я чуток, как поэт,
 Бессилен, как философ [7, с. 204].

Еще Ф. Тютчев определял ночь как бездну, наполненную страхом и мглой, перед лицом которой человек ощущает себя совершенно беспомощным:

Но меркнет день – настала ночь;
 Пришла – и, с мира рокового
 Ткань благодатную покрова
 Сорвав, отбрасывает прочь...
 И бездна нам обнажена
 С своими страхами и мглами,
 И нет преград меж ей и нами –
 Вот отчего нам ночь страшна! [9, с. 121]

В стихотворениях Н. Рубцова между человеком и ночной бездной иногда существует некоторая видимая тонкая преграда: оконное стекло. «Ужас ночи» лирический герой наблюдает, укрывшись в теплом доме:

Короткий день.
 А вечер долгий.
 И непременно перед сном
 Весь ужас ночи за окном
 Встаёт. Кладбищенские ёлки
 Скрипят. Окно покрыто льдом.
 Порой без мысли и без воли
 Смотрю в оттаявший глазок.

И вдруг очнусь – как дико в поле!
Как лес и грозен, и высок! [7, с. 426]

В стихотворении «Наступление ночи» воспроизводится та же самая поэтическая ситуация, причем совпадение почти дословное:

И, поднимаясь,
В гаснущей дали,
Весь ужас ночи
Прямо за окошком
Как будто встанет
Вдруг из-под земли! [7, с. 398].

Страх, граничащий с ужасом, перед непознанным миром природы свойственен сознанию древнего человека, который «чувствовал, что есть что-то могучее, постоянно влияющее на его собственное существование» [1, с. 30]. Об этом писал исследователь древних воззрений славян А.Н. Афанасьев. Если человек слаб и беспомощен, то природа, напротив, сильна и свободна в своих проявлениях: «Отделив себя от остального мира, человек увидел всю свою слабость и ничтожность пред тою неодолимою силою, которая заставляла его испытывать свет и мрак, жар и холод, наделяла его насущною пищею или карала голодом, посылала ему и беды, и радости» [1, с. 30].

Веками человек ограждал себя от враждебной природы, от всего темного и непознанного, возводил города, прокладывая дороги, вывел искусственный электрический свет, но мрак внешнего, «неокультуренного» пространства, сжавшись до «ужаса ночи», все же продолжал существовать, готовый вот-вот «встать из-под земли». Такое древнее мироощущение послужило духовным стрежнем аксиологической константы страха перед темнотой. По словам А.Н. Афанасьева, «за темнотою до сих пор удерживается в простонародье представление чего-то таинственно страшного» [1, с. 52].

В стихотворениях Н. Рубцова ночь нередко сравнивается с омутом: заря тонет «в омутной ночи» («Наступление ночи»), с улицы доносится «редкий звук с ночного омута» («Бессонница»). В ночном омуте исчезает видимый мир. В стихотворении «На вокзале» лирический герой замечает:

Вижу я: избушки и деревья,
Словно в омут, канувшие в ночь [7, с. 198].

Тот же самый образ в стихотворении «Острова свои обогреваем»:
Ночь придет – родимая окрестность,
Словно в омут, канет в темноту!
Темнота, забытость, неизвестность
У ворот, как стража на посту [7, с. 135].

По своему значению ночь приближена к смерти, не случайно ее тишина в стихотворении «Когда заря...» названа «гробовой».

Ночному омуту, втягивающему в свои непознанные глубины всё живое и привычное, противостоит, защищая человека от неведомых угроз, теплое и светлое место – пространство жилой комнаты, в которой, как правило, горит в печи огонь. Например, в стихотворении Н.И. Тряпкина «А жизнь прошла. Закончены ристанья» лирический герой, исправив печь, встречает холода:

И перед древним сумраком природы
Горит свеча – окошечко мое [8, с. 21].

Косвенным образом такая параллель прослеживается в стихотворении Н. Рубцова «Осенние этюды». В первой части, предваряющей описание страшной встречи, создается поэтическая зарисовка, наполненная умиротворением и сказочной неторопливостью:

Огонь в печи не спит,
перекликаясь
С глухим дождем, струящимся по крыше...
А возле ветхой сказочной часовни
Стоит береза старая, как Русь... [7, с. 381].

Противопоставление темного природного мира и светлого жилища человека наблюдается в стихотворении «На ночлеге»:

Лошадь белая в поле темном.
Воет ветер, бурлит овраг.
Светит лампа в избе укропной,
Освещая осенний мрак [7, с. 360].

Одна единственная лампа освещает и «поле темное», и «осенний мрак». Если она погаснет, мир погрузится уже в полную неизвестность и темноту, в древний, мифологический «хаос». В стихотворении «Зимовье на хуторе» такое противостояние кажется почти неравным: ночной омут вот-вот поглотит слабый участок света, кладбищенский «ужас ночи» приближается к человеку вплотную:

И вдруг очнусь – как дико в поле!
 Как лес и грозен, и высок! [7, с. 426]
 И все-таки лирический герой чувствует себя защищенным:
 Сердце стынет
 В такую ночь. Но всё равно
 Мне хорошо в моей пустыне,
 Не страшно мне, когда темно.

Я не один во всей Вселенной,
 Со мною книги, и гармонь,
 И друг поэзии нетленной –
 В печи берёзовый огонь... [7, с. 426].

Огонь в печи, лампа, книги и гармонь образуют особое художественное измерение, приближенное по своему значению к фольклорной идеальности мира. Тихий, упорядоченный быт, налаженный внутри избы, отстоит от страшного вихря ночной непогоды. Создается своего рода личная «пустыня» лирического героя, огражденная от нападения враждебной человеку силы неярким светом и теплом.

Нечистая сила в художественном мире Н. Рубцова кроется в темных лесах, на болотах, и обступает человека со всех сторон (не случайно, на земле, у ног, шипит гадюка, а над головой кричат зловещие птицы), как только он окажется один вне дома в позднее время. Подобный принцип разделения пространства на «свое» и «чужое» свойственен фольклорному сознанию. В славянской мифологии лес – это «локус, наделенный признаками удаленности, непроходимости, необъятности, сближаемый с “тем светом” и понимаемый как место обитания хозяина леса и других мифологических существ (русалок и т.д.), а также как пространство небытия (наряду с морем и горами). Лес противопоставлен дому/двору/саду» [6, с. 97]. Вспомним, что такие же свойства определяют и образ болота. Чужеродное, отдаленное от человека, пространство леса и болота одновременно противопоставлено и далекому «иному царству». Пространственные особенности здесь оказываются не главными. «Иное царство» формируют, прежде всего, аксиологические свойства божественного мира.

В ряде фольклорных текстов лес напрямую связывается с «тем светом» и смертью. Следовательно, лес и болото – «тот свет» – заключают в себе небытие, тогда как вневременность сказочного

«иноного царства» вбирает признаки живой вечности. Этнопоэтическая константа, возникающая в противопоставлении «укромной избы» и пугающего «ужаса ночи», обобщается до уровня универсальной оппозиции «жизнь – смерть».

При этом внутри оппозиции существуют свои смысловые нюансы и противопоставления: важно, что укромная изба – это не просто некоторый деревянный дом, но именно дом лирического героя, его личное жилище, которое соответствует состоянию души: «моя пустыня». Если светло в душе, то светло и в доме, и, напротив, неустроенность внутреннего мира приводит к открытости и незащитности перед холодом и темнотой мира внешнего. Не случайно, родной дом – очаг жизни – в стихотворении Н. Рубцова отождествляется со спасительной пустыней: «Мне хорошо в моей пустыне». Имеется в виду не обычная замкнутость пространства, обособленность от людей, но сердечная сосредоточенность, пустыня внутреннего мира.

Так вновь проявляется, несмотря на сходство некоторых внешних свойств, бытийное различие духовных реалий. И одно, и другое пространство – пустынное, обособленное от человека, однако направленность их энергии противоположна: в первом случае – к жизни, во втором – к смерти.

В духовных стихах пустыня связана с «пустынным житием», которое противостоит повседневной суете. Уединяясь, подвижники совершают в пустыне особые, невидимые миру, подвиги. Для этого вовсе не обязательно куда-то далеко ехать: пустыня может быть и внутренней.

И.В. Поздеева в книге «Кому повем печаль мою...» рассказывает о традициях верхокамской старообрядческой общины, полноправным членом которой «мог быть только человек, исполняющий монашеский устав и соблюдающий многочисленные запреты» [5, с. 29]. Хотя внешне, физически, такой человек и оставался в миру, но внутренне, духовно, пребывал в «незримой пустыне». Подобная религиозная направленность жизненного уклада, безусловно, сформировала особый тип сознания, определяющий художественные образы духовных стихов. Константа, основу которой составляет аксиологический принцип различения внешней и внутренней пустыни, пронизывает не только поэтику духовных стихов, но и многие

сюжеты русской литературы. Причудливое сочетание разных типов пустыни создает в художественных произведениях новые смыслы. Можно долгие годы беспечно пребывать в уединении, душой соединяясь с мирским. А можно и в миру быть в пустыне, искать и обрести высшую правду.

О пустынном жителстве повествуется во многих духовных стихах, что свидетельствует о важности темы: «Уж полно тебе, человеку, в мире жити...», «О, прекрасная пустыня, и сам Господь пустыню похваляет...», «Прекрасная мати-пустыня, любезная моя дружина...», «Прими мя, пустыня...», «Монастырь верхней издавна стоит...» и др.

Можно было бы предположить, что истинное или ложное уединение формирует духовный облик пустыни, определенным смыслом ее наполняет сам человек. Однако в духовных стихах раскрывается иная, небесная, реальность, в которой происходит всё наоборот: именно пустыня учит, направляя человека к благу, разумеется, не без его желания:

О, прекрасная пустыня!
Приими мя, яко мати свое чадо,
Научи мя на все благо, – говорится в духовном стихе [5, с. 94].

Это происходит не случайно, ведь пустыня содержит Божественное измерение:

О, прекрасная пустыня!
И сам Господь
пустыню похваляет.
Отцы в пустыни ся скитают,
И ангели отцем помогают.
Апостоли отцев
Ублажают,
Пророцы прославляют,
И мученицы величают,
И вси святии похваляют!
Отцы в тебе ся скитают [5, с. 93].

Ничего общего с пустынным местом такая пустыня не имеет. Напротив, в пустыне обильно произрастают цветы и деревья, в ветвях, весело порхая, поют райские птицы, всё овеяно небесным светом и радостью:

Древа в пустыни процветают,
И птицы к древам прилетают.
На кудрявые ветви посадают
И красные они песни воспевают... [5, с. 93].

Или:

Во прекрасной ли во пустынюшке,
во зеленой во дубравушке,
Как прекрасен сад:
при реке древа, при древах етех
мелки пташечки,
Они райские поют песенки,
утешают же они
иноков монастырских [5, с. 74].

Мы видим, что «во всех стихах воспевается красота нетронутой человеком природы, поэтические образы которой близки к описаниям Рая и создают впечатление единства духовной и внешней жизни пустытника» [5, с. 29]. Именно цельность внутреннего и внешнего образует константу фольклорной идеальности мира в духовных стихах. Мирская жизнь, напротив, расщеплена грехом.

В лирике Н. Рубцова «пустыня» проявляется в ночное время, когда мир оказывается разделенным на неприютную темноту леса, болот и полей и на то, что внутри дома: небольшое пространство света и тепла. Если вне дома бушует ветер или воев вьюга, в канавах бурлит вода, безжизненно леденеют поля, то внутри наблюдается тишина и душевная гармония: разложены книги, в печь подброшены березовые дрова. Конечно, в отличие от прекрасной пустыни духовных стихов, которая напрямую связана с чудом, вбирает в себя небесное измерение, образ избы лишен таких высоких, запредельных, смыслов. И все-таки, ограждая от непознанной, а потому и страшной ночной темноты, изба по-своему содействует спасению души. Божественные атрибуты духовных стихов замещаются поэтическими символами. Если в пустыне присутствует Бог, святые, ангелы, райские птицы, то в избе – книги и гармонь, в печи – березовый огонь. Книги и гармонь, березовый огонь свидетельствуют об особенностях внутреннего мира лирического героя, ведь именно он принес и разложил эти предметы, обустроил свое личное пространство. Как и в духовных стихах, светлое место не может образоваться само

по себе, но является результатом сердечной расположенности, приводящей к определенным поступкам.

Особое значение в духовных стихах обретает категория прекрасного, которая прилагается к ограниченному числу объектов: это рай и пустыня, иногда сад в пустыне и, конечно, Иосиф Прекрасный. Все прекрасное этически совершенно. Прекрасное противостоит прелестному и злему: *прекрасная мати-пустыня*, где спасается человек, противопоставлена *прелестному, злему и грешному* миру.

В лирике Н. Рубцова категория прекрасного реализуется в трех значениях: с одной стороны – это что-то красивое, но абстрактно-далекое (сны Венеции, пальмы юга, далекая страна), с другой – конкретные проявления живой природы (восход солнца, весна, голубое небо, листопад). Соединяясь, разрозненные явления природы образуют прекрасный «образ мира». Прекрасное, понятое как принцип, как основа всего мироздания, составляет третье значение этой категории. В народном сознании эстетическое начало связано с этическим: красивое всегда нравственно. Приведем примеры.

Первый случай (прекрасное – это что-то конкретное, красивое, но абстрактно-далекое) хорошо иллюстрируют стихотворения «Пальмы юга» и «Приезд Тютчева». Прекрасное существует где-то далеко, за пределами Родной земли:

А где-то есть
Прекрасная страна,
Там чудно все –
И горы, и луна,
и пальмы юга... [7, с. 429]

Если Родина определяется поэтом как грустная, то Венеция, напротив, называется прекрасной. Так проявляется свойство народного сознания, сформулированное в пословице: везде хорошо, где нас нет.

И сны Венеции прекрасной,
И грустной родины привет –
Все отражалось в слове ясном
И поражало высший свет [7, с. 338].

Второй случай, когда естественные, повторяющиеся проявления живой природы – например, восход солнца, весна, голубое небо, листопад – образуют прекрасный «образ мира», представлен в стихотворениях «Жар-птица», «Прекрасно небо голубое!», «Утро

на море» и др.. В них утверждается, что прекрасна «глушь листопада» [7, с. 377–378), прекрасны небо и поезд:

Прекрасно небо голубое!
Прекрасен поезд голубой! [7, с. 123]
Прекрасна и заря:
Заря в разгаре –
как она прекрасна!
И там, где парус реет над волной,
Встречая день, мечтательно и страстно
Поет о счастье голос молодой! [7, с. 447]

Словосочетание «образ прекрасного мира» стало в лирике Н. Рубцова константой, утверждающей прекрасное принципом, основой всего мироздания. Это и есть третье значение категории прекрасного. Оно проявляет себя, например, в стихотворениях «Тот город зеленый», «Уже деревня вся в тени...»

Сей образ прекрасного мира
Мы тоже оставим навек.
Но вечно пусть будет все это,
Что свято я в жизни любил:
Тот город, и юность, и лето,
И небо с блуждающим светом
Неясных небесных светил... [7, с. 238].

Или:

И все ж прекрасен образ мира,
Когда в ночи равнинных мест
Вдруг вспыхнут все огни эфира
И льется в душу свет с небес... [7, с. 316]

Образ прекрасного мира отсылает нас к прекрасной пустыне духовных стихов. К особому измерению, в котором «город, и юность, и лето, / И небо с блуждающим светом» [7, с. 238] пребывают вечно.

Анализ творчества Рубцова сквозь призму этнопоэтических констант выявил в стихотворениях «Ночное ощущение», «Зимовье на хуторе», «Наступление ночи», «Осенние этюды», «Бессонница», «На вокзале» жанровые черты демонологических рассказов: ночное время, отдаленность от шумных и многолюдных мест определяет встречу с пугающим явлением, которая случается внезапно. При этом

духовная устремленность произведений соответствует аксиологической ткани легенд и преданий: психологическая и фатическая функции этнопоэтических констант выражают внутренний ужас лирического героя перед вечной тайной мироздания и вскрывают духовные пласты реальности.

Оппозиция родного дома, который отождествляется со светлым миром души, и омута ночи, враждебного человеку, возводится до универсального противопоставления: жизнь – смерть. Константа Рубцова «образ прекрасного мира» по своему онтологическому значению восходит к прекрасной пустыне духовных стихов, чудесному инобытию, которое противостоит болоту, пустынному месту «Осенних этюдов», выражающего полное небытие.

И это естественно, так как чудесное видение подразумевает откровение и прозрение в материальном некоей высшей, нематериальной, основы мироустройства.

Библиографический список

1. *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: В 3 т. Том 1. М.: Современный писатель, 1994.
2. *Агапкина Т.А., Пашина О.А.* Пение // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 13 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М., 2004. Т. 3. С. 660–667.
3. *Бунин И.А.* Повести и рассказы: собрание сочинений: в 9 т. М., 1966. Т. 5.
4. *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
5. «Кому повем печаль мою». Духовные стихи Верхокамья: Исследования и публикации. М., 2007.
6. *Рогачевская Е.Б.* Энциклопедия литературных героев: Русский фольклор и древнерусская литература. М., 1998.
7. *Рубцов Н.М.* Сочинения. М., 2006.
8. *Тряпкин Н.И.* Избранное. М., 1980.
9. *Тютчев Ф.И.* Стихотворения и письма. М., 1978.

Анастасия Евгеньевна ЧЕРНОВА

кандидат филологических наук
старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных
и общеправовых дисциплин
Московский финансово-юридический университет МФЮА
доцент кафедры филологии
Перервинская духовная семинария

УДК 821.61.1

О.В. Блюмина

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ САКРАЛИЗОВАННЫХ И ДЕСАКРАЛИЗОВАННЫХ СМЫСЛОВЫХ КОМПОНЕНТОВ КАК ОДНА ИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ СТИЛЯ НИКОЛАЯ ТРЯПКИНА

Аннотация. Взаимодействие сакрализованных и десакрализованных смысловых компонентов играет существенную роль в структуре произведения, помогает создать целостный художественный образ в творчестве Николая Тряпкина.

Ключевые слова: десакрализация, сакральный, духовносущностный.

O. V. Blyumina

INTERACTION OF SACRALIZED AND DESACRALIZED SEMANTIC COMPONENTS AS ONE OF THE FEATURES OF NIKOLAI TRYAPKIN'S STYLE

Abstract. The interaction of sacralized and desacralized semantic components plays an essential role in the structure of the work, helps to create a holistic artistic image in the work of Nikolai Tryapkin.

Keywords: desacralisation, sacred, spiritually essential.

Однажды, говоря о своём, личном опыте знакомства со стихами Николая Тряпкина, или вернее, о постижении этого поэта, Алексей Полубота сказал, что не сразу открыл для себя его поэзию. Или не сразу разглядел. Для этого понадобилось какое-то время. Причем проникновение это не было каким-то намеренным волевым актом: погружение в творчество Николая Тряпкина. Понимание пришло позже и как бы само собой. Интересно, что Вадим Кожинов, выдающийся литературовед, критик конца XX в., высоко ценивший творчество Николая Тряпкина, в своём исследовании «Лирическая дерзость» замечает, что «...стихи Николая Тряпкина воспринимаются не сразу, требуют серьезного вчувствования и освоения...» и далее «стихи Тряпкина, говорящие обычно о простых вещах, далеко не просты, и только после углублённого и беспристрастного вслушивания в стих читатель будет вознаграждён, ощутив, как художественная свобода

и непосредственность сочетаются в лучших стихах поэта с глубиной проникновения и образной пластикой» [1, с. 10].

Конечно, исследователи творчества Николая Ивановича заметили особенность его стиля, о которой Вадим Кожинов отозвался «... его слово может показаться случайным, стиль – слишком неровным и неслаженным, состоящим из несовместимых пластов и подробностей» [1, с. 10]. Эта якобы эклектичность стиля, подмеченная многими исследователями, на самом деле и не эклектика вовсе. Дело в том, что многоцветие русской народной образной речи у Николая Тряпкина воссоздаёт сложное бесконечное мироздание так, как его чувствует русский человек. Мы видим фрагмент этого мироздания на уровне одного произведения (миниатюра) и как целостную, широкую, неохватную поэтическую картину в его творчестве. Это эпичность поэзии Николая Тряпкина, о которой тоже пишут литературоведы.

Слово Николая Ивановича во всей полноте его взаимосвязей – то, что подлежит, на мой взгляд, внимательному рассмотрению. Не менее внимательному, чем слово других поэтов одного с ним направления. Во втором выпуске альманаха «Неизбывный вертоград», представлена работа исследователя Светланы Молчановой, которая богатую образную систему художественного мира поэта, разматывает как клубочек, пристально изучая оттенки смыслового, стилистического, культурного сияния словесной палитры стихотворений Николая Тряпкина. Например, при анализе стихотворения «**Изба**», которое, несмотря на свою малую форму, по объёму вложенных в него образов, мыслей, реалий временных, исторических и надвременных, вечных, по силе психологизма не уступает крупным стихотворным жанрам (поэме, например). Это как волшебный сосуд, который внутри больше, чем снаружи. И таких произведений в творчестве поэта немало. Вот как тонко, на мой взгляд, работает со словом Светлана Молчанова: *Мой отец был столяр, а не пожил в тесовых прохладах. / И по звонким сеням погулять нам недолго пришлось. / Непробудным глушьём зарастали отцовские гряды, / И в дорожную пыль закатилась отцовская ось.* Ощущение мальчишки – будущего поэта – передается как потеря отцовского основания, зарастающего непробудным *глушьём*. Определение «непробудным» тянет за собой не привычное «сон», а страшноватое собирательное и одновременно обезличенное слово «*глушьё*», характерное своей звукописью. Оно гасит звонкие звуки отцовского труда <...>

Только там уж – увы! – не пеклись домовитые хлебы. / Ибо в тесном бараке была коммунальная печь. / И под сенью своей не справлялись домашние требы, / И под сенью своей не звучала семейная речь. Церковнославянизмы – «спасительные кущи», «сень», «домашние требы», среди которых и словосочетание «домовитые хлебы» несет наложение иного смысла – «просфоры», хлеба для причастия, – переплетаются со словами, обозначающими новые реалии: «тесный барак», «коммунальная печь» [2, с. 69–70].

Пристальный взгляд исследователя позволяет разглядеть изумительное языковое чувство Николая Тряпкина, которое, безусловно, отзывается в нас особым звучанием, но механизм которого нам не ведом: *И возьму я свирель – и сокроюсь в колосья ржаные. / Забушуют хлеба, загремят полевые столбы. / И воссветится Песня. И схлынут все мороки злые / С наболевшего сердца. И с нашей невинной судьбы,* Светлана Молчанова говорит о том, что «песенное начало Тряпкинской музыки поэт подчеркивает удивительным словосочетанием «*воссветится Песня*». Напомним читателю, что приставка *воз-вос* имеет главным своим смыслом движение вверх, воспарение, и в таких смыслах как утверждение, объединение, созидание тоже присутствует ощущение воздвижения. А значит, песня поэта наполнится высоким небесным светом, если перевести поэтический язык на обыденный» [1, с. 72].

Безусловно, через всё творчество Николая Ивановича проходит мотив амбивалентности, напоминающий о сложном единстве двусоставного мира (духовного и материального). Мотив этот проявляется по-разному, чаще мировоззренческая православная основа актуализируется как базис русской национальной картины мира. В автобиографическом же стихотворении «**Изба**» религиозность и бытийность постоянно меняются местами в смысловых и образных пластах. Что позволяет передать очень непростую гамму чувств и событий. Действительно, здесь проявляется одна из тех самых особенностей поэтики Николая Тряпкина, о которой говорилось выше – соединение «несовместимых пластов и подробностей». Такое совмещение придаёт совершенную, законченную целостность произведению. *Это было в те дни, что приснятся и в славе грядущей. / Побросали мы всё – и, дай Боже, скорей наутёк. / Поскорее – туда, к подмосковным спасительным кущам, / Под казенную крышу, на твердый совхозный паёк! // Только там уж – увы! – не пеклись домовитые хлебы, / Ибо в тесном бараке была коммунальная печь.*

/И под сенью своей не справлялись домашние требы, /И под сенью своей не звучала семейная речь. Высокая лексика, принадлежащая к православной сфере употребления и вызывающая только высокие ассоциации, сталкивается лоб в лоб с лексикой сниженной, просторечной. И оказывается, что такие разные, казалось бы, несопоставимые понятия, сейчас, в данной ситуации, языковой и жизненной, становятся синонимами. Церковнославянизм *«грядущей»* вызывает ассоциацию – и *паки грядущего со славою судити. Его же Царствию не будет конца* – воспоминание о пакибытии, будущей жизни, которую ожидают все верующие. Плюс слово *«слава»*; вообще, это сочетание совершенно неразложимо в данном контексте на оттенки смысла: о чем идет речь, о Славе той самой, которая ждет нас при втором Пришествии, земной ли славе советского будущего, которое станет светлым несмотря ни на что, славе ли личной, человеческой, семейной, складывающейся из преданий фамилии о сильных, мужественных наших предках, просто ли об ожидающим нас все же славных днях? Мерцание всех этих смыслов подготовлено употреблением глагола *«присниться»* в сумме следующих компонентов значения: некоторого осмысления пережитого, опыта, предзнания, предвосхищения или просто мечтания. И в следующей строке вся эта неоднозначность усиливается таким бытовым *«наутёк»* и усечённым, торопливым *«скорей»* в одной строке вместе с православным просительным *«дай Боже»*. Это первое проявление десакрализации священных словесных формул. Поскольку выражение *«дай Боже»* в православном мировидении изоморфно *«подай Господи»*, но фактически не имеющее в стихотворении лексического значения и употребленное в качестве междометия. В следующей строке о *подмосковных спасительных куцах* нарочитое снижение однозначно понимаемых русским человеком слов уже очевидны. Дальше – после оборота *«спасительные кущи»* (для христианина – это все же спасение своей души через Господа Иисуса Христа, которому мы Причащаемся на Литургии) *твёрдый совхозный паёк* становится синонимом Спасения, синонимом Тела Христова, Причастия. Сакральность делается абсолютно овеществлённой, приземлённой. Выживание духовное сейчас зависит от выживания физического: не умереть от голода. И тут же подчёркнутость противоестественности этого ощущения – *только там уж – увы! – не пеклись домовитые хлебы. / Ибо в тесном бараке была коммунальная печь.*

Здесь стоит вспомнить, что образ **Избы-дома** в поэзии Николая Тряпкина имеет и священное наполнение, **дом** – это **храм**, хранитель, охранитель. Поэтому значение формулы *«домовитые хлебы»* однозначно воссоединяется со смысловым звучанием слова Причастие (см. Светлана Молчанова [2, с. 63–77]). Ну и концепт *«печь»* в лирике Николая Тряпкина имеет сакральное, православное значение. У него *«печь»* – это алтарь – духовный центр дома, а не просто центральная его часть, которая обогревала и на которой готовилась пища, печь объединяла семью: *А печка – что алтарь...* Поэтому очевидна несовместимость определения *коммунальная* по отношению к священному предмету *печи*, но здесь – десакрализованному. К тому же и не дом это, и не изба – святое место обитания семьи, а **барак** – нечто не имеющее облика, обезличенное. Горечь утраты священного смысла обиталища передана словами не *справлялись домашние требы* – *«треба»* – это богослужебный обряд, совершаемый священником по просьбе верующего. Нет здесь, в этом безликом бараке никакой ритуальности, обрядовости, нет особого, высокого смысла в повторяющихся действиях обитателей дома (поскольку они не объединены здесь, а просто собраны), подобные повторяющимся, наполненным глубоким древним смыслом действий священника и прихожан в храме. *Семейная речь*, которая не *звучит*, – это отсутствие *молитвы*, таким образом, **барак** – это **храм**, в котором не молятся и не совершают совместной духовно-сущностной деятельности. Ведь *семейная* – значит, общая, сродни Литургии, которая и переводится как «общее дело». В бараке же жизнь исключительно материальная. Традицию Николай Тряпкин понимает не как простой обычай, установившийся канон, но как преемственность, укоренённость семейного духа как части духа национального, поэтому и каноничность традиции имеет особый смысл, ритуальный.

В описании барачного жилья многократно усиливается ощущение отстояния уклада и неуклада. Противопоставленность *«дому-избе»* выражена необычайно выразительными в своей сниженной эмоциональной оценке словами *разгуляйный шалман, забулдыжное раздолье, каморок шальных, угарное застолье*, десакрализующие священное место – **дом**. Здесь уже не нашлось места ни единому высокому обороту, зато незаметно появляется языческое имя божества *«пенаты»*, которое заменяет собой наименование *«дом»*, *«изба»*.

Так вкрадывается языческая атрибутика, а православная отступает, её нет... *Разгуляйный шалман! Забулдыжное злое раздолье! / Даже кошки сбегали из наших каморок шальных. / И рыдал мой родитель за каждым угарным застольем, / Призывая на помощь забытых пенатов своих.*

И вот уже дают о себе знать – *совхозные боги*. Это у язычников «боги». У православных – БОГ, в единственном числе. И *грозовые портупей* на них. Эпитет *грозовые портупей* актуализирует образ языческого Перуна, причём Перуна Владимирового пантеона, грозного покровителя княжеской дружины: *А совхозные боги входили во всём снаряженье: / В грозных портупях, в надраенных скрип-сапогах... / И родитель кружил вечерком по окрестным селяням: / Приискать бы избёнку! Хотя бы на курьих соплях!*

На смену *избе* приходит *избёнка*. И не в уменьшительном, ласковом звучании. А в уничижительном, не для того, чтоб «жить», а для того, чтоб «выжить»: *Хоть на курьих соплях!*. Но едва лишь отец её сыскал, *избёнку*, вместе с надеждой, исконным и православным чувством одновременно, – тут же возвращаются православные чувства и оценки: *И сыскал наконец. / Да при всей вот такой благодати: / Три окошечка в мир. И на левый бочок перекош. / Домовитая печь. А при ней золотые полати.* Слово «благодать» не вполне еще полноценно звучит, имеет некоторый оттенок ироничности. Хотя «печь» – уже *домовитая*, своя. Да и окошечка *три* – священное число. Налицо православное членение мира, чуть было не позабытое. Тогда только «воспрянул отец»: *До свиданья, барак! Прощевай, коммунальный котёнок! / Принимай же, Изба, недостойных овечек своих* – в первой строке ещё слово *барак*, а во второй уже *Изба* с большой буквы, как будто название у храма. И *овечки*: «Иисусе, добрый пастырю твоих «овец», не предаждь мене крамоле змиине...». Снова коренное, сокровенное входит в мир. Жизнь обретает свой первоначальный смысл. *И я сделаю всё, чтобы печка твоя не погасла*. Это уже не «коммунальная печь» это *печь*, огонь в которой нужно сохранять.

Возможность возвращения утраченной естественной системы ценностей под давлением изменившихся условий жизни перерастает в принципиальную невозможность её утраты – основное, первичное тут же выходит наружу, как только появляется малюсенький шанс

ему проявиться. И *восветится Песня*, также с заглавной буквы. В контексте находки Светланы Молчановой [2, с. 63–77] *песня* – это *Песнь*, Песнопение: воспоим Песню, Всепетая Мати Христа Бога, то есть всеми прославляемая. *Пети* – значит, славить, таким образом, заканчивается стихотворение верой во *Спасение*, и *схлынут все мороки злые*. Спасется семья, удержится уклад – спасётся душа человека.

Вот такое тонкое взаимодействие сакрализованных и десакрализованных смысловых компонентов играет существенную роль в структуре произведения, помогает создать целостный художественный образ. При этом десакрализованные понятия не звучат кощунственно, они не оскорбляют священных чувств. Пропущенные через личную боль, они просто меркнут, но не попираются.

Многогранное Тряпкинское Слово поэтически энциклопедично. Соединяя в себе богатейшую литературную преемственность с народным, глубоко национальным песенным началом, не затмевая личного, индивидуального, не растворяясь в нём и не преобладая над ним, делает возможным для читателя пережить чувство успокоенности от сопричастности к чему-то большему, надмирному, в основе такого ощущения, на мой взгляд, лежит очень тонко понятое поэтом чувство сопереживания, исходящее от его стихотворений, непременно присутствующее в каждом из смысловых поэтических соцветий.

Библиографический список

1. *Кожин В.В.* Лирическая дерзость // Неизбывный вертоград. М., 2019. Вып. 2: Альманах, посвящённый 100-летию со дня рождения Н.И. Тряпкина. С. 7–11.
2. *Молчанова С.В.* Сцены из деревенской жизни. Крестьянская трагедия в поэзии Николая Тряпкина // Неизбывный вертоград. М., 2019. Вып. 2: Альманах, посвящённый 100-летию со дня рождения Н.И. Тряпкина. С. 63–77.
3. *Тряпкин Н.И.* Звёздное время: Избранные стихотворения / сост. и автор предисл. Г.В. Шувалов. М., 2018.

Ольга Валентиновна БЛЮМИНА

кандидат филологических наук

доцент кафедры социально-гуманитарных и общеправовых дисциплин
Московский финансово-юридический университет МФЮА

УДК 8.81.81-2.81-25

Л.К. Гоголева, О.А. Давыдова

ИМЕНОВАНИЯ АРТИСТОВ ТЕАТРОВ – ОСОБАЯ ГРУППА НЕОЛОГИЗМОВ

Аннотация. В статье рассмотрен один из способов именования театральных актеров – именование по названию театра, месту службы артиста. Как правило, эти слова пока не отражены в словарях, но в них можно найти закономерности, характерные для этой группы лексем.

Ключевые слова: артист, лексема, способ образования, язык СМИ.

L.K. Gogoleva, O.A. Davydova

THE NAMING OF THEATER ARTISTS IS A SPECIAL GROUP OF NEOLOGISMS

Abstract. The article discusses one of the ways of naming theater actors – naming by the name of the theater – the place of service of the artist. As a rule, these words have not been written in dictionaries yet, but we can find patterns characteristic of this group of tokens.

Keywords: artist, lexeme, methods of forming, language of the media.

Одной из разновидностей жанров современных СМИ являются публикации о театре. Данным текстам присущи лексические особенности, о которых пойдёт речь в данной статье. В публикациях о театральной жизни применяются слова, именующие артистов (чаще всего они используются именно в текстах о театрах и об артистах). Среди способов именования артистов можно отметить несколько: по амплуа (*трагик, комик, герой-любовник, инженер* и др.); по месту, занимаемому в труппе, например, в балете: *артист кордебалета, солист, премьер, прима* и т.д.) [2; 7; 8]. Данная публикация анализирует особый способ именования актеров, связанный с названием (официальным или неофициальным) театра, в котором служит артист. Так, артистов Государственного академического театра им. Моссовета принято называть *моссоветовцами*, артистов театра им. Е. Вахтангова – *вахтанговцами*, театра Ленинского комсомола (Ленкома) – *ленкомовцами* и т.п.: *Поговаривают, что свой юбилей моссоветовцы отпразднуют спектаклем с устрашающим названием «Палач» по пьесе Эдварда Радзинского, выбравшего именно Павла*

Хомского для постановки этой исторической саги (Т., 05.09.1907); *Но во МХАТ я не пошел. Отправился к вахтанговцам, где я учился и работал долгое время* (КП, 02.05.2013); *...в гримерке теперь уже вечного ленкомовца Абдулова всегда свежие цветы, там же хранятся подарки от поклонников* (КП, 29.05.2013 и др.).

На сегодняшний день нами собраны следующие лексемы (приведем их в алфавитном порядке): *большетеатровцы, вахтанговцы, виクトюковцы, геликоновцы, джигарханяны, ермоловцы, женовачи, камбуровцы, камерники, ленкомовцы, малотеатровцы, маяковцы, мейерхольдовцы, моссоветовцы, мтюзовцы, мхатовцы, мхтовцы, рамтовцы, сатириконовцы, сатировцы, сацевцы, современниковцы, станиславцы, табаковцы, таганковцы, тюзовцы, фоменковцы/фоменки, этсетеровцы*. Все перечисленные лексемы объединены типовой семантикой – ‘актёр, служащий при театре, названном производящей основой’.

Основной путь образования большинства данных лексем – суффиксальный: наименования артистов образуются при помощи суффикса *-ец* (например, *вахтанговец*) в единственном числе и суффикса *-цы* во множественном (например, *ермоловцы*). Попутно заметим, что абсолютное большинство собранных нами лексем употреблены в форме множественного числа. Некоторые лексемы образуются при помощи аффикса *-овец*: *тюзовец, сатировец*, либо его варианта *-евец*: *сацевец*. Существуют и непродуктивные способы (с нулевой суффиксацией): *фоменки* (артисты Московского театра «Мастерская П. Фоменко») и *женовачи* (артисты театра «Студия театрального искусства», которой руководил С.В. Женовач).

В зависимости от производящей основы лексемы можно разделить на две группы: образование именования от названия театра (Государственный академический театр имени Моссовета – *моссоветовцы*, Московский музыкальный театр «Геликон-опера» – *геликоновцы*) и от имени собственного, которое входит в название театра (Государственный академический театр имени Е.Б. Вахтангова (чаще всего имя создателя или художественного руководителя) – *вахтанговец*; Московский драматический театр под руководством Армена Джигарханяна – *джигарханяны*; Театр Музыки и Поэзии под руководством Е. Камбуровой – *камбуровцы* и др.). Обычно этим антропонимом является фамилия основателя или руководителя театра, хотя есть именование от фамилии известного человека, чье имя

носит театр: Московский академический театр имени Владимира Маяковского – *маяковцы*. Единственное именование от другого имени собственного – топонима (по месту расположения) Московский театр на Таганке – *таганковцы*. Несколько наименований образованы от аббревиатур – наименований театров: Театр юного зрителя (ТЮЗ) – *тюзовцы*; Московский Театр Юного Зрителя (МТЮЗ) – *мтюзовцы*; Российский академический Молодежный театр (РАМТ) – *рамтовцы*: именование *тюзовцы* называет актёров не только Московского театра юного зрителя, но и аналогичных театров в других городах: *Чувашиские тюзовцы организовали виртуальный Первомай* (Новости – Театр юного зрителя, 01.05.2020); а артисты такого театра из Москвы имеют собственное название: *Именно на детском спектакле становится понятным, как же МТЮЗовцы любят свою работу, свой театр!* (Афиша, 23.03.2011); *Все мы, РАМТовцы, шокированы, возмущены и озабочены происходящим с директором нашего театра Софьей Апфельбаум* (МК, 10.01.2020).

При образовании лексем *большетеатровцы* и *малотеатровцы* используются не только суффиксы *-ов* и *-и*, словообразовательной базой служат словосочетания: Большой театр – *большетеатровцы*, Малый театр – *малотеатровцы*. Особое место занимает именование *этсетеровцы*: оно образовано от названия театра Московский театр «EtCetera» под руководством Александра Калягина, но само название представляет латинское крылатое выражение ‘и другие; и тому подобное; так далее’, произношение которого записано кириллицей: *После того как «этсетеровцы» покинули сцену, зрители долго скандировали «Ещё!»* Музыкальный удар (Панорама, 29.03.2012).

Лексемы анализируемой группы имеют ряд языковых особенностей. Далекое не все театры имеют специальное наименование артистов. Так, артистов Московского Театра-студии под руководством Олега Табакова (сейчас «Театр Олега Табакова») принято называть *табаковцами*, в то время как труппа «Государственного театра наций» особого наименования не имеет; Московский театр на Таганке – *таганковцы*, а актеры Московского драматического театра на Малой Бронной не имеют подобного наименования; актеры Московского академического театра имени Владимира Маяковского – *маяковцы*, а подобное именование артистов Московского драматического театра им. А.С. Пушкина пока еще не зафиксировано.

Обнаруживаются синонимичные отношения между лексемами: *фоменковцы/фоменки*: *Только вот никак не может он переехать в новое здание, которое обещали сдать к началу сезона, но, как водится, не сдали. Ну что ж, фоменковцы ждали 15 лет и еще немножко подождут* (Т., 05.09.2007); *«Фоменки» верят в Учителя, и за этим встаёт очень многое* (И., 05.04.2002); *мхатовцы/мхтовцы* – варианты связаны с расколом театра в 1998 г. на МХАТ им. Горького и МХТ им. Чехова; вместе с разными названиями театров появляется и два обозначения их трупп – *мхатовцы* и *мхтовцы* соответственно: *...В этом смысле я, возможно, не совсем мхатовец* (Т, 12.08.2010); *Брянский зритель порадовал МХТовцев пониманием и гладиолусами* (Наш Брянск, 25.08.2014).

Лексемы – именования артистов при конкретном театре могут использоваться в текстах в кавычках и без них: *Спектакль приурочен к завершению Года Андерсена, 200-летие со дня рождения которого отмечает весь мир. А вот в Москве премьеры «геликоновцев» состоятся только весной* (Т., 23.09.2005); *Тот ночной – до открытия метро – диалог с залом «современниковцы» считают своей главной путевкой в жизнь* (И., 23.03.2006); *Продолжающаяся бесприютность не способствует праздничному настроению, и, по всей вероятности сатириконовцы отложат юбилейные торжества до такого долгожданного новоселья* (К., 30/2019); *...Начали с возобновления эпопеи «Война и мир», шесть лет назад выведшей сталиславцев в хедлайнеры московской художественной жизни* (К., 32/2018).

Лексемы-именования артистов могут противопоставляться друг другу, то есть имеют смысловые коннотации как в приведенном примере (*мхатовцы* противопоставляются *вахтанговцам* или *мейрхольдовцам*, что, видимо, связано с системой сценического искусства, которой придерживаются артисты разных театров): *Что касается МХАТа, который я окончила и в котором работаю довольно успешно, то у меня никогда не получалось что-то вспомнить такое, чтобы сразу потекли слезы. В этом смысле я, возможно, не совсем мхатовец* (Т.-7, 12.08.2010.).

Некоторые лексемы именуют артистов всех подобных театров (*тюзовец* ‘артист театра юного зрителя’, они есть в разных городах России), некоторые – совершенно конкретного театра (*РАМТовцы* – Российский государственный академический молодежный театр, *таганковцы*, *вахтанговцы*, *женовачи* и др.).

Наименования артистов конкретного театра достаточно часто встречаются в публицистических текстах. К наиболее частотным относятся следующие лексемы: *вахтанговцы*, *геликоновцы*, *ермоловцы*, *ленкомовцы*, *маяковцы*, *мейерхольдовцы*, *моссоветовцы*, *таганковцы*, *сатириконовцы*, *современниковцы*, *табаковцы*, *фоменковцы/фоменки*. Приведем некоторые примеры: *Идуций на расхват режиссер <...> осуществил постановку шекспировской «Двенадцатой ночи», в которой заняты ведущие актеры театра. В том числе художник ермоловцев, народный артист СССР Владимир Андреев, который сыграл бенефисную роль Шута* (Т., 10.08.2007); *Маяковцы традиционно, из поколения в поколение, чтят память о Великой Отечественной войне* (Театр ToGo, 07.05.2020); *На время строительства труппе пришлось переехать. Мейерхольдовцы вселились в здание давно уже забытого Театра обозрений* (И., 24.05.2004); *– В принципе, наш спектакль тоже можно было бы назвать «Павшие и живые», потому что он обо всех солдатах Таганки – о тех, кто ушел, и о тех, кто до сих пор в строю. Юрию Любимову таганковцы решили посвятить часть постановки* (И. 25.03.2014); *Ну и что, что пьеса американская – сталь она везде одинаково закаляется. Рассказывая о подготовке молодых парней-солдат перед отправкой на фронт, он, как будто нарочно, всегда был «учебкой» и для молодых табаковцев* (КП, 17.11.2013) и др.

Менее распространены, однако тоже употребляются в языке такие лексемы, как *большеатровцы*, *малотеатровцы*, *сатириковцы*, *мтюзовцы*, *камерники*. *И все его улучшали; последний раз это сделал потомственный большеатровец Алексей Фадеечев в 1999 году во время своего недолгого руководства труппой* (РГ, 08.02.2016); *Судя по всему, малотеатровцы востребованы на кинорынке – на съемках провели лето Александр Потапов и Владимир Носик* (МК.ру, 01.09.2004); *Старые сатириковцы вспоминают, что процесс репетиции он начинал словами: «Ну, давайте погнем!» Гнить у него означало работать до изнеможения* (Белан О. В смысле кислородизма. 2019); *Артистов-камерников приветствовали тёплыми аплодисментами* (К., 32/2018).

Национальный корпус русского языка [6] показывает, что какие-то лексемы употребляются давно, например, *мхатовцы* – с 1937 г., *ермоловцы* – 1978 г., *ленкомовцы* – 1988 г.: *О страховцах заговорили в районной газете и в «Советском искусстве», их расхвалили мхатовцы* (НТ, 1937); *За его столиком – ермоловцы Якут,*

Гушанский, Бернес Марк с Соловьевы-Седым (Козаков М. Актерская книга. 1978); *Задержались ленкомовцы позднее, когда гастролировали в Америке* (Захаров М. Суперпрофессия. 1988). Иные же лексемы появились в языке недавно (*этсетеровцы* – 2012 г.): *После того как «этсетеровцы» покинули сцену, зрители долго скандировали «Еще!»*. (Музыкальный удар/Панорама, 29.03.2012).

Одни из лексем широко распространены в языке СМИ (как *вахтанговцы* – Национальный корпус свидетельствует о 32 документах, 51 вхождении, *мхатовцы* – 16 документов, 24 вхождения), другие имеют единичное употребление (*таганковцы* – отражено в 1 документе), большинство приведенных в публикации слов пока еще не отражено в корпусе.

Примечательно, что большая часть из указанных лексем не отражена в словарях. Исключение составляет слово *тюзовец*: *тюзовец, м. Разг. Актер ТЮЗа. <Тюзовка, ж. [1] ТЮЗОВЕЦ, разг. Актёр ТЮЗа. [3], лексема отмечена стилевой пометой разг.*

В словаре неологизмов последнего времени зафиксирована лексема *фоменки*: *фоменки, -нок; мн. Актеры драматического театра «Мастерская П. Фоменко» (создан в 1993 г. в Москве) (разг.-проф.). Кому, как не интеллигентным «фоменкам» с их молодыми, одухотворенными лицами и вкусом к литературному слову, гениальные фрагменты инсценировать? (МН, 1998, 20); Труппа одного из самых молодых и талантливых театров Москвы возникла в 1993 году из второго поколения «фоменок» (Аф, 1999, 10–11) [4].*

Данная лексема представлена в двух значениях – именование артистов театра¹ и студенты курса П. Фоменко²; лексема *фоменки* имеет помету *разг.-проф.*, что относит её в область слов-профессионализмов.

Лишь пять лексем можно найти в современном орфографическом словаре: *вахтанговцы*, *ермоловцы*, *ленкомовцы*, *мейерхольдовцы*, *мхатовцы* [5].

Некоторые из лексем встречаются в СМИ, но не отражены ни в словарях, ни в Национальном корпусе русского языка (*большеатровцы*, *виктюковцы*, *геликоновцы*, *джигарханянцы*, *камбуровцы*, *камерники*, *малотеатровцы*, *маяковцы*, *мтюзовцы*, *мхтовцы*, *РАМТовцы*, *сатириконовцы*, *сатириковцы*, *сацевцы*, *тюзовцы*, *фоменковцы*, *этсетеровцы*). Это свидетельствует о том, что такие слова – класс новейших слов, требующих дальнейшего языкового анализа

и представляющих интерес для исследователей, занимающихся вопросами текста в культурном, языковом и социальном пространстве.

Библиографический список

1. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2000.
2. Гоголева Л.К. Лексико-семантическое поле «Артист» в современном русском языке. М., 2020.
3. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. М., 2006. URL: <https://gufo.me/dict/efremova/тюзовец> (дата обращения: 06.01.2021)
4. Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: в 3 т. / под ред. Т.Н. Буцевой и Е.А. Левашова. СПб., 2014. Т. 3.
5. Русский орфографический словарь / отв. ред. В.В. Лопатин. М., 1999. URL: <https://lopatin.academic.ru/> (дата обращения: 06.01.2021).
6. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html> (дата обращения: 06.01.2021).
7. Никульцева В.В. О профессиональном лексиконе артистов балета XXI века // Сборник статей Пятой Всероссийской конференции «Стратификация национального языка в современном российском обществе» (г. Санкт-Петербург, 28–31 ноября 2015 г.). СПб., 2015. С. 185–190.
8. Никульцева В.В. Об особенностях профессиональной речи артистов балета XXI века // Studia Rossica Gedanensia. Польша, Гданьск, 2016. № 3. С. 31–44.

Список сокращений

И – «Известия»
 К – «Культура»
 КП – «Комсомольская правда»
 МК – «Московский комсомолец»
 НТ – «Народное творчество»
 РГ – «Российская газета»
 Т – «Телек»
 Т-7 – «Труд-7»

Лиана Константиновна ГОГОЛЕВА

магистрант кафедры русского языка

Московский педагогический государственный университет

Ольга Андреевна ДАВЫДОВА

кандидат филологических наук, доцент

доцент кафедры русского языка

Московский педагогический государственный университет

УДК 82-3

С.В. Гусарова

СТАНОВЛЕНИЕ ЯЗЫКА ЖАНРА ФЭНТЕЗИ В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Аннотация. В статье рассматривается процесс зарождения жанра фэнтези в недрах русской художественной литературы XVIII–XX вв. Автор ставит перед собой цель проследить процесс становления языка жанра фэнтези в разные литературные эпохи. Указывает, что если в начале развития жанра литераторы в основном обращались к устному народному творчеству, то по мере становления жанра фэнтези, его литературной и образной основы, писатели обрели чётко выраженную индивидуальность в использовании языковых средств, что в свою очередь позволило расширить круг избираемых сюжетов. Для подтверждения этой мысли автор обращается к сравнительно-историческому методу исследования, использует анализ языковых средств, влияющих на самобытность и яркость раскрытия образов. В качестве вывода автор указывает, что развитие литературного языка жанра фэнтези есть творческий и жизненный процесс, который, с одной стороны, испытывает влияние общественных явлений, с другой стороны, сам оказывает влияние на развитие семиотики и философии современного мира.

Ключевые слова: славянская мифология, литературные жанры, жанр фэнтези, язык литературно-художественных произведений.

S.V. Gusarova

THE FORMATION OF THE LANGUAGE OF THE FANTASY GENRE IN THE HISTORY OF RUSSIAN LITERATURE

Abstract. The object of this study is to analyze the creativity of Russian writers of the XVIII–XX centuries, in order to consider the process of the origin of the fantasy genre in the depths of Russian fiction. The author sets a goal to trace the process of the formation of the language of the fantasy genre in different literary eras. Indicates that if at the beginning of the development of the genre, writers mostly turned to oral folk art and found a figurative basis in legends, rituals, epics and folk songs, then with the development of fantasy language, its literary and figurative basis, writers found a clearly expressed individuality in the use of language funds, which in turn allowed immeasurably to expand the circle of elected subjects. To confirm this thought, the author turns to the comparative historical method of research, uses the analysis of language means inherent in one or another writer, studies how with the help of artistic expressiveness writers manage to achieve originality and brightness in revealing fantasy images. As a

conclusion, the author points out that the development of the literary language of the fantasy genre is a creative and vital process that, on the one hand, is influenced by social phenomena, and on the other hand, it influences the development of semiotics and the philosophy of the modern world.

Keywords: Slavic mythology, literary genres, fantasy genre, the language of literary and artistic works.

Литературный язык, являясь важнейшим средством художественного общения, даёт не только возможность поделиться своими личными мыслями и чувствами, но и позволяет каждому взявшему в руки книгу прикоснуться к историческому и культурному опыту ушедших эпох. В этом диалоге не может быть ни пространственных, ни временных преград, поскольку иногда давно минувшее может оказаться гораздо более явственным и внятнм, чем современное.

Темой нашего исследования является универсальный жанр, где гармонично сливаются научная фантастика и мифология, мейнстрим и андеграунд, авангард и исторический роман, мистика и детектив. Это становится возможным благодаря тому, что для авторов данного жанра рамками служат исключительно правила ими же придуманного мира, а, следовательно, единственным ограничителем для них является лишь собственная фантазия. Не случайно и жанр этот называется фэнтези.

Так, например, живущий в конце XX в. поэт Сергей Гнедин, герой романа Андрея Белянина, оказывается втянут в паутину загадочных миров, где встречается с Иваном-царевичем, суровыми скандинавскими богами, китайским драконом, сэром Мэлори (автор романа о короле Артуре) и даже с представителем высших демонических сил ада Велиаром. Причём объединяет столь разноплановых героев только одно – любовь к поэзии, которая оказывается грозным оружием в борьбе с мировым Злом. На этом примере можно наблюдать смешение таких направлений, как фантастика и мифология, сатира, мистика и приключенческий роман.

Второй немаловажной причиной популярности жанра в читательской среде является лёгкий и выразительный литературный язык, которым написаны лучшие образцы этого жанра. В этой работе мы проследим и проанализируем, как формировался язык жанра фэнтези в истории русской литературы.

Сразу оговоримся, что среди части литераторов утвердился устойчивый стереотип, что жанр фэнтези зародился в отечественной

литературе в конце XX в., на волне интереса к западным образцам. Но, на наш взгляд, эта концепция не является полностью верной. И пусть назвать точную дату появления рассматриваемого жанра в нашей стране сложно, но проследить начало появления прообразов фэнтези в творчестве отечественных авторов вполне реально.

Во второй половине XVIII в., когда просветительской идее прогресса отбросить всё «устаревшее и отжившее» зародившийся романтизм противопоставил интерес к живому человеку, его корням и природе, в среде первых русских литераторов возникает устойчивый интерес к славянской древности. Выразилось это в первую очередь в собирании образцов славянского фольклора. Нам кажется, что именно здесь можно искать истоки зарождения в отечественной литературе прообраза жанра фэнтези.

Одним из первых, кто обратил свой научный и творческий интерес к загадочному миру фольклора, мифа, сказки, следует назвать Д.М. Чулкова. В 1783 г. выходит в свет важнейший труд Чулкова «Абевега русских суеверий», где автор описывает обряды, бытовые обычаи, приметы, этикет и народные праздники. Позднее на основе данного научного труда Чулков выпустит сборник этнографических материалов под названием «Пересмешник, или Славянские сказки». Примечательно, что при этом автор чаще всего не пытается дать произведениям литературную обработку, а, наоборот, стремится сохранить исходную самобытность фольклорного материала.

В этот период с Д.М. Чулковым сотрудничает М.И. Попов, автор повести «Славенские древности, или Приключения славенских князей». Свою главную, и весьма неоднозначную роль в истории русской литературы Попов сыграл произведением «Краткое описание славянского баснословия», которое увидело свет в 1768 г. В нём автор представил читателю целую систему увлекательнейшей славянской мифологии, которая на поверку оказалась весьма далёкой от достоверности. Сегодня часть литераторов сходятся во мнении, что описанные образы славянских богов частично заимствованы Поповым из малодостоверных книжных свидетельств, частично сочинены автором. Другая же часть исследователей славянской культуры, например А.С. Фаминцын, Б.А. Рыбаков, обращаясь к «Описанию» как непроверяемому источнику, создали целый пласт так называемой «кабинетной» мифологии.

Большую роль в развитии интереса к древнерусской литературе сыграло творчество В.А. Левшина. В 1780–1783 гг. вышло одно из самых значительных собраний этого автора – «Русские сказки». Открывали сборник «сказки богатырские»: «Повесть о сильном богатыре Чуриле Пленковиче», «Повесть об Алёше Поповиче, богатыре, служившем князю Владимиру», основой которых стал национальный богатырский эпос.

Изучая данные произведения, легко проследить, как в рамках одного повествования соединяются фольклорный материал и элементы волшебного-авантюрных, рыцарских романов. Заслугой Левшина было то, что он сумел найти свои приёмы синтеза этого материала: иронию и пародирование. Особенно показательна в этом отношении «Повесть об Алёше Поповиче». Вместе с тем писатель создаёт неповторимый язык сказки, объединяющий её народные корни с творческой литературной обработкой. Это было принципиальной новизной «Русских сказок» по сравнению с предшествовавшими произведениями Чулкова и Попова.

То, что «Русские сказки», действительно, стали важным этапом в развитии отечественной литературы XVIII в., подтверждает целый ряд художественных произведений, в которых авторы (И.А. Крылов, И.Ф. Богданович, Н.А. Львов, Н.А. Радищев, В.А. Жуковский), обращаясь к временам Древней Руси, использовали образы, мотивы и приёмы повествования Левшина.

Своеобразным завершением этой традиции стала поэма А.С. Пушкина «Руслан и Людмила», где поэт рассказывает о любви, преодолевающей все препятствия. Руслан попадает в самые фантастические ситуации начиная с того момента, когда кто-то «таящийся в дымной глубине» похищает его невесту. Затем встреча и битва с огромной, как холм, головой, полёт Руслана, держащегося за бороду Черномора, сражение с печенегам. Неслучайно советский фильм-сказка «Руслан и Людмила» знаменитого режиссёра Александра Птушко, основанный на одноимённой поэме Пушкина, сегодня однозначно относят к жанру фэнтези.

В этой волшебной сказке, вдохновлённой древнерусскими былинами, смело можно видеть образы эпического, мистического, романтического и даже исторического фэнтези, поскольку действие поэмы начинается в стольном Киеве, матери городов русских, отец

героини поэмы – князь Владимир – известная историческая личность. Для Пушкина непосредственным стимулом к началу работы над поэмой стал выход в 1818 г. первых томов «Истории государства российского» Н.М. Карамзина, откуда заимствованы и имена всех троих соперников Руслана (Рагдай, Ратмир и Фарлаф), и другие исторические подробности.

Но поэма вызвала не только восторженные отклики, но и много споров. И в первую очередь нападали на Пушкина за употребление простонародных слов. В. Ермилов приводит пример из рецензии журнала «Вестник Европы»: «Шутка грубая, не одобряемая вкусом просвещения, отвратительна <...> если бы в Московское Благородное Собрание как-нибудь втёрся <...> гость с бородою в армяке, в лаптях и закричал зычным голосом: “Здорово, ребята!” Неужели бы вы стали таким проказником любоваться?» А возмутили критика слова о том, как «витязь ударяет в щеку тяжкой рукавицей» [5, с. 143]. Всякое проявление простоты и реализма в стиле и языке поэмы критиком воспринималось как оскорбление нравственного чувства. Простые, общеупотребительные слова и выражения критик называл грубыми и непристойными.

С точки зрения современного автора, к жанру фэнтези можно отнести и поэму М.Ю. Лермонтова «Демон». Герой поэмы – летящий над миром «печальный Демон, дух изгнания», изгнанный из рая, не нашёл себе места ни в аду, ни во вселенской пустоте. Лермонтов стремится раскрыть внутренние переживания героя, поэтому в поэме немало монологов героя, произносимых патетически-декламационным слогом. В процессе длительной работы над поэмой поэт перенёс место действия из Испании на Кавказ, использовал предания горцев, зарисовки их быта. Описание этнографических реалий Кавказа вполне гармонично сочетается с мистическим образом главного героя. Все средства художественной выразительности: гиперболы, метафоры, эпитеты – поэт использовал, чтобы в его поэме зазвучал голос автора, утверждающего победу света и добра над коварством и злом.

Но наиболее ярко предвосхитил появление в отечественной литературе жанра фэнтези, конечно же, Н.В. Гоголь, который в цикле повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки» открыл читателям целый мир народной поэзии. Писатель почерпнул из народного

творчества не только сюжеты и художественные образы (смешного чёрта, злой бабы, мужика-простака), но и характер, приёмы народного юмора, меткие народные словечки, сам склад народной речи. Его парубки и девчата говорят языком, полным нежной силы, часто в приподнято-проникновенном тоне. Левко, вызывая свою Галю на свидание, уговаривает девушку такими словами: «Я прижму тебя поближе к сердцу, отогрею поцелуями, надену шапку свою на твои беленькие ножки».

Чтобы подчеркнуть мотивы шири, воли, красоты и полноты народной жизни, Гоголь создаёт литературные пейзажи украинской природы, сотканые из пышных, ярких словесных красок. Днепр у него «без меры в ширину, без конца в длину», леса «неподвижно встали», пруды «тихи и спокойны», небесный свод «горит и дышит». Здесь Гоголь выступает блестящим мастером в использовании средств художественной выразительности. В его «Вечерах» отражается мир народной фантазии. Иногда она может быть пугающей: дьявольская красная свитка, несчастная утопленница, погубленный ради золота ребёнок, проклятый колдун, которого даже земля не может упокоить. Но чаще эта же народная фантазия полна доброго и лукавого юмора: летающие прямо в рот вареники, староста, оглохший столь удачно, что в нужный момент всегда знает, что «главного здесь нет», ведьмы, режущиеся в «дурака». Поэтому хочется особенно отметить, что именно «Вечера на хуторе близ Диканьки» станут предтечей особого поджанра фэнтези – юмористического. На фоне подчёркнуто серьёзной российской литературы, где юмор и веселье воспринимались с большим осуждением, «Вечера» с их сказочностью, мистицизмом и непринуждённым весельем кажутся глотком свежего воздуха. «Ещё не было у нас автора с такою весёлою весёлостью, у нас на севере она великая редкость!» – напишет о них Е. Баратынский [1, с. 41].

Творчество Гоголя открывает новую страницу в литературе второй половины XIX в. Эпоха романтизма в литературе уходит в прошлое, на смену ей приходит суровый реализм. Писатели-реалисты поставят во главу угла принцип типического: типический герой, конкретное время, типические обстоятельства в абсолютно узнаваемом типичном городе N.

Но наряду с победным шествием материализма, в философии возникают концепции и учения, отрицающие исключительную роль

разума в постижении мира. Возникает новое направление мысли, предполагающее существование областей миропонимания недоступных разуму и достижимых только через такие качества, как интуиция, инстинкт, вера и откровение.

И неслучайно в это же время искусство XIX в. обращается к средневековью. Интерес к далёким «тёмным векам» вдохновил художников «праерафаэлитов», возродил в архитектуре готический стиль, заставил по-другому оценить полузабытые куртуазные романы. Более того, мистические образы, магические ритуалы, желание постигнуть мало осознанные грани человеческой души неожиданно проявляются даже в творчестве тех авторов, кого принято считать признанными классиками реалистического романа. И меньше всего мы ожидаем найти интерес к потустороннему в творчестве автора, казалось бы, обращающегося исключительно к общественно-политическим проблемам российской действительности. Таким откровением стало для нас одно из поздних произведений И.С. Тургенева – повесть «Песнь торжествующей любви».

Это необычное произведение совершенно не вписывается в контекст творчества данного автора, поскольку Тургенев известен как мастер создания совсем иных литературных типов. Подход к личности и характеристике внутреннего мира его героев всегда находится в непосредственной связи с оценкой автором социально-исторического смысла их мировоззрения.

Читая «Песнь торжествующей любви», понимаешь, что трудно найти что-либо более непохожее на классические романы Тургенева, но это придаёт всему произведению завораживающий колорит. И словно стараясь заранее оправдать себя в глазах недоумевающих критиков, автор начинает свою «Песнь» с отступления: «Вот что я вычитал в одной старинной итальянской рукописи». В запутанной истории любви и ревности нашлось место и туманным сновидениям, и убийству, и реинкарнации убитого. Сюжет держится на хрупком балансе реального и потустороннего мира, лежащем почти за гранью разумения.

Особо значима на фоне сказанного роль главной темы – мелодии «Песни торжествующей любви». Выведенная в заглавие повести, Песнь стала знаком всего сюжета. Её мелодии подчиняются все герои, но пережить «торжествующую» любовь в рамках сюжета

не дано никому. Сознание гибельности страсти только усиливает чувства эфемерности любви, которая «выше мира и страстей». Осознание этого и заставляет автора провести Фабию и Валерию через драматический опыт прикосновения к стихийно-иррациональной стороне любви. «Держай заблуждаться и мечтать!» – эти слова Ф. Шиллера Тургенев использует в качестве эпиграфа «Песни», но они звучат как напутствие всем читателям.

В конце XIX в. сложным и неоднозначным оказалось творчество художников, явно или скрытно противопоставлявших себя реализму. В литературе возникли нереалистические течения: символизм, акмеизм, футуризм, которые активно не принимали реалии капиталистического мира. Группы эти, столь неоднородные, объединяло стремление преобразовать несовершенство жизни особым, не социальным путём. Д. Мережковский, один из идеологов модернизма, открыто провозглашал, что главным для искусства является мистическое содержание, а средством его выражения он объявлял символы, выливающиеся из глубин души художника. В начале 1900-х гг. на литературную арену выступили так называемые младосимволисты: А. Белый, А. Блок, С. Соловьёв, которые продолжили поиск путей поэтического самовыражения.

Идеи философа В. Соловьёва, наряду с обращением к сочинениям И. Канта, А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, к творчеству поэтов мистиков мировой литературы, стали предтечей появления в творчестве В. Брюсова, Ф. Сологуба, З. Гиппиус и А. Грина произведений, в которых мы находим элементы будущего фэнтези [12–15]. В своих литературных экспериментах Брюсов пошёл по стопам Тургенева. Но если Тургенев начинает свою «Песнь торжествующей любви» ссылкой на старинную рукопись, то Брюсов издание своего готического романа «Огненный ангел» оформляет как литературную мистификацию. Брюсов утверждает, что в его руки попала подлинная рукопись XVI в., а сам он является лишь редактором и переводчиком её с немецкого языка.

Сегодня общепризнанная традиция гласит, что для произведения фэнтези лучше всего, если оно напоминает историко-приключенческий роман, где действие происходит в близком реальному Средневековью, но всё-таки вымышленном мире, а герои сталкиваются со сверхъестественными событиями и полусказочными

существами. Брюсов своим романом предвосхитил появление этой традиции. Стилизованный «под готику» текст романа является исповедью-воспоминанием. Главный герой – ландскнехт Рупрехт после долгих лет службы в Европе и Новом Свете возвращается на родину в Кёльн. По дороге останавливается на ночёвку в старом полуразрушенном доме, стоящем посреди глухого леса. Хозяйка дома, Рената, рассказывает Рупрехту странную историю, постепенно вовлекая его в дьявольскую мистическую круговерть.

Смелый литературный эксперимент оказался удачным. Достоянием отечественной литературы стала не просто повесть об экзотической любви в средневековом историческом обрамлении, но атмосферное, насыщенное, в высшей степени поэтическое произведение.

До сих пор мало известное читателям произведение Ф. Сологуба «Творимая легенда» написано совсем в другом стиле. Роман начинается удивительными судьбоносными строками: «Беру кусок жизни, грубой и бедной, и творю из него сладостную легенду, ибо я – поэт. Косней во тьме, тусклая, бытовая, или бушуй яростным пожаром, – над тобою, жизнь, я, поэт, воздвигну творимую мною легенду об очаровательном и прекрасном». Эти слова звучат гимном жанру фэнтези.

В первоначальной публикации роман назывался несколько пугающе – «Навьи чары». «Навьи», как пишет Б.А. Рыбаков в «Язычестве древних славян», «это мертвецы или, точнее, невидимые души мертвецов» [10, с. 91]. Образы оживших мертвецов постоянно присутствуют в романе: странные тихие дети в старинной усадьбе, тени усопших, скользящие по своим тропам сквозь мир живых, вырытый из могилы и воскресший мальчик. Но позднее Сологуб отказывается от этого названия в пользу «Творимой легенды». Герой трилогии – учитель и поэт Триродов – своею волей претворяет в жизнь свои замыслы, подменяя волю самого Бога.

Современники восприняли роман с недоумением. Слишком новаторским был жанр, в котором причудливо сочетаются мистика и острые злободневные проблемы. С одной стороны, забастовки и сходки рабочих, произвол жандармов, незаконные обыски, нелегальная литература, а с другой – непонятные химические опыты, замки и дворцы субтропического королевства, таинственные подзе-

мелья, русалки и призраки, и всё это сливается в единую творимую легенду. И сегодня, спустя более века после первой публикации, эта книга читается с острым, едва ли не болезненным интересом.

Проза З. Гиппиус, к сожалению, тоже мало известна широкому читателю. А ведь её перу принадлежат произведения, которые легко можно отнести к жанру социального фэнтези. Очень показательна с этой точки зрения повесть Гиппиус «Прошу вас...». Это рассказ о молодом белом офицере-эмигранте, питавшем органическое отвращение к насилию. Офицер получает волшебный дар воздействия на людей, произнося слова «Прошу вас...». Свой чудесный дар он решает использовать для освобождения России, едет с группой иностранцев в советскую Россию. По приезду в Москву Леонид благодаря своему дару проходит через все коридоры в Кремль, в кабинет «черноусого» и успевает выкрикнуть: «Я прошу вас... Товарищ Сталин... уйдите! Я прошу вас уйти. Прошу вас уйти от...». Но Сталин, не дослушав, выбежал из комнаты, после чего Леонид потерял сознание от тяжёлого удара по голове. Как и положено в рассказе стилия фэнтези, герой остаётся не только остаётся жив, но и возвращается в Париж.

И совершенно иной путь к новому жанру находит романтик, «рыцарь мечты», А. Грин. Мечту Грин понимает как стремление духовно богатого человека к высшим, истинно человеческим ценностям, противопоставляя их бездушию, жадности и животным удовольствиям. Фантазийные повести Грина словно пронизаны свежим ветром и скрипом корабельных мачт. Существовая одновременно в реальном мире и в мире мечты, Грин ощущал себя «переводчиком между этими двумя мирами». В «Алых парусах» автор устами Грея призывает «творить чудо» для другого человека: «Новая душа будет у него и новая у тебя». В «Блистающем мире» подобный призыв: «Введите в свою жизнь тот мир, блёстки которого уже даны вам щедрой, тайной рукой».

Один из любимых приёмов Грина – риторический вопрос. Автор как бы размышляет вслух, делая нас свидетелями рождения новой мысли. Не принимая отчуждённых, далёких от истинно прекрасных реалий первой трети XX в., Грин в своём творчестве стремится создать свою землю обетованную. И на свет появляются «Блистающий мир», «Бегущая по волнам» [16] и весь цикл о «Гринландии» в целом.

Однако после того как советское литературоведение провозглашает доминантными чертами фантастики «научность» и «классовость», элементы волшебного и мистического из отечественной литературы не для детей практически исчезают. Редким произведением, которое с оговорками можно отнести к жанру фэнтези, стал роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита», отображающий 20–30-е гг. XX в. Частые переодевания, смены масок, невероятные полёты, смена фамилий и примерка заграничных нарядов – всё это фантастическое, но предельно историческое отражение этого времени.

В повествовательной структуре романа «Мастер и Маргарита» присутствуют три линии, и у каждой свой стиль. Сатирические сцены из жизни московской литературной и театральной среды написаны языком, в котором встречаются и канцеляризм, и разговорные выражения, подробные описания действующих лиц с элементами физиологии. Автор использует иронию как средство оценки характеров и жизненных ситуаций. Возьмём, например, эпизод, когда жажда захватить квартиру № 50 на Садовой сорвала с места Поплавского; в результате он столкнулся с Азazelло и получил удар «туловищем жареной курицы».

История Понтия Пилата рассказана другим стилем – уравновешенным, красноречивым. Здесь Булгаков предстаёт как мастер иносказания, двойного плана, параллельных структур. Например, многочисленные черты сходства между Москвой и древним Иерусалимом. Автор не ограничивается описанием внешней схожести мегаполисов настоящего и прошлого, он показывает их истинное сходство, что связано с природой человека, со способами выживания под гнётом тирании, доносов, наушничества, страха. Диалог героев в этой части не только является средством характеристики Понтия Пилата и Иешуа, но и раскрывает контраст мировоззрений. Понтий Пилат живёт по своим законам. Для него мир разделен на властвующих и подчиняющихся им. И вдруг появляется человек, думающий иначе: «Человек перейдёт в царство истины и справедливости, где вообще не будет надобна никакая власть». Всесильный прокуратор в страхе, он боится доносов, боится за свою карьеру. Иешуа казнён. Но и Понтию Пилату не будет покоя.

В главах, где описываются фантастические события как хорошо поставленное театральное действие, раскрывается писательское

мастерство Булгакова, использующего все средства художественной выразительности. Апофеозом романа является бал Воланда, где описаны наиболее яркие и красочные картины, созданные творческой фантазией Булгакова.

Окончательный прорыв жанра фэнтези в отечественную литературу происходит только в конце 1980-х гг., когда появились издательства, которые начинают выпускать фэнтези. При этом в России большинство авторов фэнтези перекочевало из жанра «научной фантастики», интерес к которой постепенно сошёл на нет. Следует отметить, что отечественным писателям, работавшим в стиле фэнтези было довольно сложно найти свой литературный язык. Огромным искушением для российских авторов стала идея творить в духе английского писателя Дж. Толкина. И, когда в 1993 г. российский писатель Ник Перумов получил широкую известность после своей первой публикации эпопеи «Кольцо Тьмы» благодаря своим необычным сюжетам с непревзойденными батальными сценами, многие читатели даже не признали в нём соотечественника и искренне считали его романы переводными.

Сегодня авторы продолжают поиск своего оригинального литературного языка фэнтези, и есть те, кому это блестяще удалось: В. Панов, С. Лукьяненко, М. Фрай, А. Белянин, О. Громько и др. Когда находишь новую книгу, написанную в жанре фэнтези, заранее предвкушаешь, сколько ярких эмоций, удивительных превращений и захватывающих приключений ждет тебя впереди.

Библиографический список

1. *Гамалова А.* И Гоголь, такой молодой // Русский мир.ru. М., 2012. № 4. С. 32–35.
2. *Гусарова С.В., Коноплев М.А.* Художественно-концептуальные и компенсаторные функции литературного жанра фэнтези // Наука и образование: сохраняя прошлое, создаём будущее. Пенза, 2017. С. 133–138.
3. *Дудко Д.М.* Велесова Книга. Славянские Веды. М., 2002.
4. *Ермилов В.В.* Наш Пушкин. М., 1949.
5. *Ковский В.Е.* Реалисты и романтики: Из творческого опыта рус. сов. классики: В. Брюсов, В. Маяковский, А. Толстой, А. Грин, К. Паустовский. М., 1990.
6. *Куцебо К.А., Гусарова С.В.* Философская интерпретация темы добра и зла в художественной литературе // Научные достижения и открытия 2017:

- сборник статей III Международного научно-практического конкурса. Пенза, 2017. С. 143–147.
7. *Найдич Э.* Спор о «Демоне» // Этюды о Лермонтове. СПб., 1994. С. 164–189.
 8. *Омелько Л.В.* «Русские сказки» В.А. Левшина и проблема становления русского романа. // Художественная традиция в историко-литературном процессе. Л., 1988. С. 3–11.
 9. *Попов М.И.* Приключения славянских витязей: из русской беллетристики XVIII века. М., 1988.
 10. *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М., 1997.
 11. *Филатов Э.Н.* Тайна булгаковского «Мастера...». СПб., 2011.
 12. *Никольцева В.В.* О недостижимости человеческого счастья (повесть В.А. Жуковского «Ундина») // Литература в школе. 2002. № 8. С. 16–18.
 13. *Никольцева В.В.* Лингвистический анализ стихотворения К. Бальмонта «Тише, тише» // Текст. Структура и семантика: материалы X международной конференции. М., 2005. Т. 2. С. 318–320.
 14. *Никольцева В.В.* О проблемах изучения неолоксикона поэтических произведений Фёдора Сологуба на современном этапе (текстология, источниковедение, лингвистический анализ текста) // Актуальные проблемы теории и методологии науки о языке: материалы международной научно-практической конференции 22–23 мая 2010 г. СПб., 2010. С. 149–151.
 15. *Никольцева В.В.* Лексическая реализация семантического поля *СМЕРТЬ* в стихотворениях А. Блока «Гроб невесты лёгкой тканью...» и И.А. Бунина «Портрет» // «Начала и концы»: жизнь и судьба поэта: материалы международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня смерти А. Блока (12–14 сентября 2011 г.) / отв. ред. И.С. Приходько. М., 2013. С. 343–348.
 16. *Дружинина Е.С.* Мотив двойничества в романе А. Грина «Бегущая по волнам» // Молодая наука – 2020: сборник трудов VII Всероссийской студенческой научно-практической конференции / отв. ред. С.А. Забелина. 2020. С. 125–131.

Светлана Витальевна ГУСАРОВА

кандидат педагогических наук, доцент

Московский финансово-юридический университет МФЮА,
Калужский филиал

УДК 821.134.2

А.О. Соколова

ИСТОРИЯ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ВЫМЫСЕЛ В РОМАНАХ МАРИО ВАРГАСА ЛЬОСЫ «LA GUERRA DEL FIN DEL MUNDO» И «EL SUEÑO DEL CELTA»

Аннотация. При знакомстве с творчеством перуанского писателя и лауреата Нобелевской премии по литературе 2010 г. Марио Варгаса Льосы можно заметить, что в своих произведениях он часто обращается к историческим событиям, преломляя и освещая их в соответствии со своим литературным замыслом. В этой работе мы постараемся проследить, каким образом исторический контекст включен в романы Марио Варгаса Льосы «La guerra del fin del mundo» (1981) и «El sueño del celta» (2010), и главное, с какой целью писатель обращается к историческим эпизодам в своем литературном творчестве.

Ключевые слова: латиноамериканская литература, история, Марио Варгас Льоса, Сон кельта, Война конца света.

А.О. Sokolova

HISTORY AND ARTISTIC FICTION IN MARIO VARGAS LLOSA'S NOVELS «LA GUERRA DEL FIN DEL MUNDO» AND «EL SUEÑO DEL CELTA»

Abstract. When we read the works of Peruvian writer and Nobel laureate in Literature of 2010 Mario Vargas Llosa we can notice that in his works there are a lot of references of historical events which are described and comprehended according to Mario Vargas Llosa's idea. In this article we will pretend to examine the way the historical context is included to the Mario Vargas Llosa's novels «La guerra del fin del mundo» (1981) and «El sueño del celta» (2010), and to understand why the writer uses the historical events in his literature works.

Keywords: Latin American Literature, history, Mario Vargas Llosa, Dream of the Celt, The War of the End of the World.

Романы Марио Варгаса Льосы «La guerra del fin del mundo» (1981) и «El sueño del celta» (2010) описывают исторические события, произошедшие в конце XIX–XX вв. на территории Африки, Латинской Америки и Европы. Действие «La guerra del fin del mundo» происходит в Бразилии во время так называемого восстания в Канудусе (1896–1897) под предводительством Антониу Консельеру.

«El sueño del celta», в свою очередь, охватывает исторические эпизоды сразу нескольких континентов: присвоение королем Бельгии Леопольдом II земель Конго, деятельность каучуковых плантаций в Путумайо и Пасхальное восстание 1916 г. в Ирландии. При этом эти два романа находятся в отношении некоторой преемственности, так как действие второй части «El sueño del celta» под названием «Amasonia» происходит спустя всего десять лет после восстания в Канудусе примерно в том же географическом пространстве. Таким образом, в «El sueño del celta» М. Варгас Льоса продолжает развивать темы, начатые в более раннем романе. Спустя почти тридцать лет творческой жизни писатель глазами Роджера Кейсмента возвращается в уже когда-то описанные места, чтобы переосмыслить темы колонизации, насилия и свободы.

Прежде чем обратиться непосредственно к историческому контексту романов, необходимо заметить, что писатель в своем художественном повествовании использует элементы документального письма: обращения к точным датам и числам, расположениям войск (если речь идет о битвах), описание местностей, упоминание исторических личностей, использование путевых заметок и дневников в качестве вставных элементов. Такой тип повествования позволяет Марио Варгасу Льосе завоевать доверие читателя и полностью погрузить его в свой художественный мир, продуманный и прописанный до мельчайших деталей.

Если мы восстановим хронологический порядок действий, первыми будут события, произошедшие в Бразилии в 1896–1897 гг. После отмены рабства на пустующие земли провинции Баия стали стекаться освобожденные рабы, безземельные крестьяне, бедные индейцы и преступники. Ими было основано поселение Канудус, а их предводителем стал религиозный мистик Антониу Консельеру. Консельеру организовал религиозную коммуну, объявил себя пророком и обещал возвращение первого португальского короля Себастьяна. Коммуна выступала против республиканского строя, сравнивая ее с приходом антихриста, отказывалась платить налоги и подчиняться республиканским законам. Подавление восстания потребовало несколько месяцев, но, в результате, поселение Канудус было разбито. Подробное описание войны Канудус было сделано очевидцем событий Эуклидисом да Куньей в романе «Серганы»

(«Os sertones»). Именно ему Марио Варгас Льюса посвящает свой роман «La guerra del fin del mundo», во время работы над которым он во многом опирался на данные Экулидиса. Да Кунья детально описывает пять походов республиканцев против восставших, но делает это не только с точки зрения исторической достоверности, но и с точки зрения социологического и антропологического осмысления этого события. Хавьер Уриарте говорит о романе да Куньи: «Mezcla de tratado sociológico y antropológico, con un uso frecuente del lenguaje de la geología y la historia militar, haciendo uso de la retórica del viaje y apropiando en forma singular y contradictoria el discurso de la ciencia del momento, “Os sertões” se propone como un ensayo sobre la composición espacial, racial y social del Brasil del fin de siglo» («Он смешивает антропологический и социологический трактаты, при этом часто обращаясь к геологическим терминам и языку военной истории, великолепно и в то же время противоречиво соединяя путевые заметки с научным дискурсом того времени. “Сертаны” – это эссе о географическом, расовом и социальном устройстве Бразилии конца века» (Перевод мой. – Авт.)) [7]. Марио Варгас Льюса на основе этих исторических событий создает роман-эпопею. Писатель во многом мифологизирует историю, сталкивает вымышленных персонажей с реальными героями, смешивает религиозное безумие со страстным желанием обрести политическую и социальную свободу и независимость.

В романе «El sueño del celta», как мы уже отмечали, затрагивается сразу три исторических пласта – колонизация Конго бельгийским королем Леопольдом II, скандал Путумайо и Пасхальное восстание 1916 г. Для рассмотрения первой сюжетной линии обратимся к персонажу, который хоть и не появляется непосредственно в ходе действия романа, но упоминается главными героями, а его фигура играет важную роль в понимании идей Варгаса Льюсы. Речь идет о Джозефе Конраде. Как и Роджер Кейсмент, он имеет реального прототипа, чье настоящее имя – Юзеф Теодор Конрад Кожневский, – английский писатель польского происхождения. В 1890 г. в качестве капитана парохода «Руа-де-Белж» Конрад совершает путешествие по реке Конго, где знакомится с Роджером Кейсментом. Впечатления, полученные во время пребывания в Африке, легли в основу его романа «Сердце тьмы».

Конрад в «Сердце тьмы» описывает те же события, происходящие в Конго под короной бельгийского короля Леопольда II, что и Роджер Кейсмент в своем докладе британскому правительству. Однако эти две, казалось бы, схожие работы, абсолютно по-разному представляют колониационный террор. Это было замечено австралийским антропологом Майклом Тауссигом, который в книге «Шаманизм, колониализм и дикий человек: исследование террора и исцеления» писал: «La manera que tuvo Conrad de tratar con el terror de la bonanza cauchera en el Congo fue “El corazón de las tinieblas”. Había allí tres realidades, comenta Frederick Karl: la del rey Leopoldo, hecha de argucias y de disfraces complicados, la del estudiado realismo de Roger Casement, y la de Conrad, la que, para citar a Karl, “estaba a mitad del camino entre las otras dos, a medida que trataba de penetrar el velo y que al mismo tiempo se sentía ansioso de retenerle su calidad alucinatoria”» («Результат размышлений Конрада о терроре как о средстве достижения благополучия на каучуковых плантациях выражен в “Сердце тьмы”. В этом произведении изображены три реальности: первая – короля Леопольда, сплетенная из интриг и лицемерия, вторая – мир реалистической позиции Роджера Кейсмента и третья – реальность самого Конрада, которая, согласно Карлу, “находилась посередине между двумя другими, в которой он старался проникнуть сквозь завесу, но в то же время сохранить ее загадочность”» (Перевод мой. – Авт.)) [6, с. 33].

Конрад мифологизирует дикую землю Африки, приписывая сельве мистические, колдовские силы, некую ведьминскую сущность. Он желает раскрыть тайны этой дикой стихии, но в то же время сохранить атмосферу загадочности, внушающей европейцу мистические галлюцинации. В романе «El sueño del celta» Конрад упоминается в диалоге Роджера со своей подругой-историографом Элис Стопфорд Грин. Несмотря на дружественные отношения с Роджером, Конрад не подписывает прошения о его помиловании. Роджер вспоминает то время, когда они были друзьями, а заодно упоминает книгу, написанную им почти одновременно с докладом Роджера. Элис отмечает очевидную разницу между «Сердцем тьмы» и «Синей книгой»: «Esa novela es una parábola según la cual África vuelve bárbaros a los civilizados europeos que van allá. Tu “Informe sobre el Congo” mostró lo contrario, más bien» («Этот роман – притча о том, как

Африка превращает в варваров цивилизованных европейцев, которые прибывают туда. Твой доклад показал противоположное» (Перевод мой. – Авт.) [8, с. 45]. Сам Роджер говорит о произведении Конрада: «Conrad decía que, en el Congo, la corrupción moral del ser humano salía a la superficie. La de blancos y negros. A mí, “El corazón de las tinieblas” me desveló muchas veces Yo creo que ni describe Congo, ni la realidad, ni la historia, sino el infierno. El Congo es un pretexto para expresar esa visión atroz que tienen ciertos católicos del mal absoluto» («Конрад говорил, что в Конго моральное растрение выходит на поверхность. И белых, и черных. “Сердце тьмы” открыло мне многие тайны. Я думаю, здесь речь идет ни о Конго, ни о реальности, ни об истории, это описание ада. Конго – это повод, чтобы выразить это чудовищное видение абсолютного зла, как его видят некоторые католики» (Перевод мой. – Авт.)) [8, с. 45–46].

Тауссиг обращается к этим двум произведениям, написанным в одно и то же время об одних и тех же событиях, но таким различным по своей сути. По его мнению, «Сердце тьмы» показывает, как Африка развращает, освобождает животные инстинкты, ожесточает души людей и превращает цивилизованных европейцев в варваров. Африка здесь – мистическое место, где обитает злой дух, обращающий людей в белых и черных демонов. Роджер, в свою очередь, говорит о страданиях, принесенных самими европейцами на девственную землю коренных жителей. Варвары у него – сами европейцы, насилующие, уничтожающие, мучающие тысячи невинных аборигенов. У Роджера не существует никакого таинственного злого духа. Зло, свидетелем которого он был, – жестокость цивилизованного мира.

Это же замечание мы находим у Каролины Худ, которая анализирует произведения Конрада в контексте романов Марио Варгаса Льосы и Хуана Габриеля Васкеса: «En vez de presentar unas selvas que corrompen el alma humana a semejanza de Conrad, tanto “Historia secreta” como “El sueño” privilegian una nueva visión de los estragos del colonialismo y del imperialismo económico, pero desde perspectivas inéditas» («Вместо того, чтобы представлять сельву, которая ломает человеческие души, как это делает Конрад, как “Таинственной истории”, так и в “Сне кельта” отдают предпочтение иной, не упоминаемой ранее точке зрения на вред, причиняемый колониализмом и империализмом» (Перевод мой. – Авт.)) [3, с. 118].

Используя отсылку к роману «Сердце тьмы», Марио Варгас Льоса противопоставляет два понимания процесса колонизации и ее воздействия на человеческую душу: дикая ли земля своей магической силой заставляет европейца озвереть или же он сам, представитель цивилизации, приносит зверство и жестокость на девственную землю.

В докладе Кейсмента очевиден взгляд на колонизацию как на поругание развращенных европейцев над коренными народами и их землей. Тауссиг отмечает, что в статье, написанной для «Contemporary Review» Кейсмент пишет, что индейцы с моральной точки зрения намного более развиты, чем их европейские завоеватели. В индейцах нет духа соперничества, они не стремятся за превосходством и обладают чувством жизненного баланса, индеец – «socialista por temperamento, hábito y, posiblemente, por la memoria ancestral de los preceptos incaicos y preincaicos» («социалист по темпераменту, привычкам и, возможно, памяти предков заповедей инков и более ранних народов» (Перевод мой. – Авт.)) [3, с. 42]. Описание пыток в Конго в романе «El sueño de celta» очень схоже с описанием жизни индейцев в Путумайо.

В статье «El infierno verde. Caucho e indios, terror y muerte. Reflexiones en torno al escándalo del Putumayo» Пилар Гарсии Хордан можно найти достаточно широкий обзор того, что происходило в Амазонии в 1909–1911 гг. В этой работе мы видим следующие слова: «...y considerando al indio como un ser inferior, lo asesinan sin el menor escrúpulo. Piensan que el indio es un producto de la selva [y] tienen pesadillas de brujas y espíritus malos: los hombres de la selva tienen pesadillas de muerte, de traición y sangre. La soledad de la selva produce esta enfermedad, mezcla de valor morboso y timidez perturbadora de la imaginación y corruptora de todo sentimiento humano» («...смотря на индейцев как на низших существ, они убивают их без малейших угрызений совести. Они думают, что индеец – это продукт сельвы, они боятся ведьм и злых духов: жители сельвы боятся смерти, предательства и крови. Одиночество сельвы порождает эту болезнь, смесь садистской смелости, тревожной скромности воображения и тлетворной робости всего человеческого чувства» (Перевод мой. – Авт.)) [5, с. 36–37]. Цитата была взята Пилар Гарсией Хордан из отчета Ромула Паредеса, председателя Судебной комиссии, которой было

поручено расследовать дело, впоследствии получившее название «скандал Путумайо». Речь идет о территории примерно в 200 000 квадратных миль, омываемых рекой Путумайо и ее притоками Карпарана и Игапарана. С конца XIX в. эта земля являлась спорной территорией Перу и Колумбии, которые в 1914 г. начали переговоры по урегулированию этого вопроса. Не сумев прийти к соглашению, в сентябре 1904 г. стороны прибегли к помощи суда Пия IX. В 1906 г. вышло постановление о том, что ни Перу, ни Колумбия не имели права вторгаться на эту территорию до специального судебного решения. Земля Путумайо осталась ничьей.

С началом каучуковой лихорадки регион стал активно заселяться иностранцами, желавшими разбогатеть на материале, славившимся дешевой стоимостью производства и высокой ценой при продаже на рынке. Дешевизну ей обеспечивали рабочие руки индейцев, которых к тому времени в районе Путумайо насчитывалось примерно от 40 000 до 50 000. Коренные народы работали на фабриках практически за бесплатно, чем, несомненно, приносили большую выгоду предпринимателям.

В 1896 г. торговый дом Хулио Араны впервые сделал заказ эластичной резины у каучуковых плантаций Путумайо. Однако Арана не просто закупал резину, он открывал кредиты для своих поставщиков. Ввязываясь в долги, они понемногу подпадали под власть Араны, пока он, наконец, не сделал им выгодного предложения – объединения их каучуковых фабрик под предводительством его торгового дома. Вскоре дом Араны разросся до огромных размеров («se extendía a lo largo de 12.000 millas cuadradas» [4, с. 76]). Чтобы обеспечить будущее своей компании, Арана заручается поддержкой британской короны и основывает Перувиан Амазон Раббер Компани.

Внезапный спад цен на каучук ухудшил и без того плачевное положение индейцев. За счет жестокой эксплуатации коренных народов владельцы фабрик пытались минимизировать свои убытки. Инженер Хорхе ван Хассел в своей работе, посвященной исследованию условий жизни индейцев Амазонии и опубликованной в феврале 1905 г., писал: «ante el mundo civilizado contra los abusos y destrucción innecesaria de esos seres primitivos, que la codicia del llamado hombre civilizado ha puesto entre los productos del mercado amazónico; pues es un hecho conocido por todos que se cotizan allí como cualquier

mercadería» («Перед цивилизованным миром против произвола и уничтожения этих примитивных существ, которых алчность так называемого цивилизованного человека поставила вровень с товаром торговли Амазонии; это факт известен всем и воспринимается там как обычная торговля» (Перевод мой. – Авт.)) [10, с. 638]. Два года спустя журналист Бенджамин Сальдана Рока опубликовал серию статей, в которых он описал зверства, совершаемые на каучуковых фабриках. К нему мы еще вернемся во время нашего рассмотрения романа «El sueño del celta».

Под давлением общественного резонанса британское правительство было вынуждено отправить в Амазонию своего консула – Роджера Кейсмента (прототипа главного героя романа «El sueño del celta»). Ему было поручено расследовать дело каучуковых плантаций и проверить достоверность выдвигаемых обвинений. Результатом его поездки стал «Доклад о Путумайо». Роджер признал обвинения против дома Араны законными, описав зверские убийства, пытки и нечеловеческие условия жизни индейцев. Однако говоря о причинах этой жестокости, Роджер ограничивается немногими очевидными выводами. Пилар Гарсиа Хордан пишет: «El cónsul Casement en su informe al gobierno británico sostuvo que el empleo del terror en el Putumayo fue consecuencia directa y fundamental de que la mano de obra necesaria para la explotación del caucho era escasa» («Консул Кейсмент в своем докладе британскому правительству настаивал на том, что жестокость в Путумайо была прямым следствием недостатка рабочих рук для производства каучука» (Перевод мой. – Авт.)) [4, с. 80].

Однако существовала и иная точка зрения на деятельность каучуковых плантаций в районе реки Путумайо. Пилар Гарсиа Хордан упоминает Гилдебрандо Фуэнтеса, префекта Департамента Лоренто, который отзывался о Хулио Аране и его производстве в Путумайо как о благотворном процессе приобщения племен «людоедов» к «цивилизации»: «El notable patriota y rico comerciante de Loreto, a quien por sus cualidades personales y virtudes ciudadanas siempre llamé el Abel del Departamento, ha sido el civilizador de todo el río Putumayo y el que con su talento y capitales ha hecho florecer el comercio en sus dos más hermosos afluentes, que son el Cara Paraná y el Igara Paraná. <...> El civiliza a los indios, él los somete al trabajo, él les hace crear necesidades aunque sean las primarias del vestido y él combate los

instintos feroces de esas hordas antropófagas» («Выдающийся патриот и богатый предприниматель Лорето, которого я за его высокие моральные качества и гражданские добродетели всегда называл Авелем Департамента, был цивилизатором всего побережья реки Путумайо, который благодаря своим талантам и финансовым возможностям заставил процветать торговлю в двух самых красивых притоках этой реки, Карапарана и Игарапарана. Он цивилизует индейцев, он дает им работу, он воспитывает в них человеческие нужды, даже такие примитивные, как нужда в ношении одежды, он борется с дикими привычками этих орд людоедов» (Перевод мой. – Авт.)) [2, с. 113].

В романе «El sueño del celta» Марио Варгас Льюса смотрит на устройство компании Хулио Араны глазами главного героя Роджера Кейсмента. Среди многочисленных упоминаний пыток и убийств показательным является эпизод с молодым касике, в котором он попытался отомстить одному из начальников плантации Бартоломе Зумаэта за то, что тот изнасиловал его жену. Этот эпизод показывает, насколько бесчеловечно общество, где насилие становится основой его устройства. Касику удалось сбежать, однако его жена осталась в руках хозяев. Узнав о пытках, которыми ее подвергают, молодой индеец вернулся и сдался в руки начальника фабрики Васкеса, где его ждала страшная смерть: «Él mismo le sacó los ojos a Katenere con un alambre. Luego lo hizo quemar vivo, junto con la mujer, ante los indígenas de los alrededores formados en ronda» («Он лично выколол проволокой глаза Катенере, а потом приказал сжечь его заживо вместе с женой на глазах у всех местных индейцев, выстроенных в круг» (Перевод мой – Авт.)) [8, с. 132].

В статье Альберто Чирифа «Imaginario e imágenes de la época del caucho: los sucesos del Putumayo» также упоминается работа Майкла Тауссига. Чириф говорит о ней не столько как об историческом произведении, сколько как о культурологическом исследовании, которое рассматривает так называемую «культуру террора». Тауссиг ищет причины насилия в письменных источниках, которые описывают события тех лет. В частности, он использует уже упомянутый отчет Роджера Кейсмента. Альберт Чириф отмечает: «En el informe de Casement, Taussig encuentra una proliferación de descripciones del terror: correrías, esclavitud, desplazamientos, tortura, violación, asesinatos, hambre, enfermedades y desarticulación social que arrasaron

con la población uitoto, bora, andoke, ocaina y muinane del lugar. Pero no encuentra la razón de tanto terror» («В отчете Кейсмента, Тауссиг находит пространное описание террора: набеги, рабство, перевозки, пытки, насилие, убийства, голод, болезни и социальная дезорганизация, которые уничтожали местные народы уитото, бора, андоке, окаина и муинане. Но он не находит причину этого террора (Перевод мой – Авт.)) [1, с. 340]. Роджер считал, что причина применения насилия на фабриках кроется в недостатке рабочих рук, однако Тауссиг считает его мнение неоправданным.

Размышляя о причинах жестокости, Тауссиг обращается к словам Ромула Паредеса, судьи, отправленного правительством Перу в Путумайо: «las causas del terror residen en el terror mismo, es decir, en el establecimiento de una cultura del terror, de un espacio y un imaginario de muerte que llevó a los trabajadores de la Peruvian Amazon Rubber Company a vivir obsesionados con la muerte» («причины террора находятся в самом терроре, иначе говоря, в установлении культуры террора, пространства вымышленной смерти, которое заставило работников Перувиан Амазон Раббер Кампани жить помешанными на смерти» (Перевод мой. – Авт.)) [1, с. 340]. Тауссиг соглашается с точкой зрения Паредеса, что террор объясняется самим террором, самим существованием насилия одного человека над другим. Видимо, такого же мнения придерживается и Марио Варгас Льюса. Ни недостаток рабочих рук, ни какие-либо иные объективные причины не могли бы заставить человека превратиться в жестокое, лишенное человеческих чувств существо, способное столь зверски уничтожать себе подобных.

Пасхальное восстание в Ирландии в этом романе будто зеркально отражает повествование первых двух частей, меняя местами роли насильника и жертвы. Если в случае Путумайо Британская империя выступала в качестве субъекта воздействия, то в случае с Ирландией она становится жертвой вооруженного восстания против британских властей. М.В. Льюса переворачивает оппозицию «насильник – жертва» с ног на голову, показывая замкнутость системы насилия, где каждая сторона одновременно является и подчиняющим, и подчиняемым.

Исторические события, которые Льюса описывает в своих романах, так или иначе, касаются вопросов насилия, свободы и коло-

низации. Именно этот контекст помогает ему сшить сложную ткань романа, в котором размышления о природе жесткости в человеке, оправданности применения насилия для борьбы против завоевателей и о праве народа быть независимым сливаются в единое целое. Марио Варгас Льюса обращается к истории не случайно и не случайно выбирает столь географически удаленные, но в то же время исторически похожие друг на друга регионы. Война Канудус, колонизация Конго, каучуковые плантации Путумайо и Пасхальное восстание в Ирландии – все эти события имеют нечто общее. Во всех случаях есть две стороны: одна испытывает гнет другой и либо восстает против этой силы, либо покоряется. Противостояние насильника и жертвы очевидно во всех рассматриваемых исторических пластах.

Не претендуя на документальную точность изложенных фактов и на абсолютную достоверность повествования, М.В. Льюса преломляет историю так, чтобы его идеи были максимально наглядны и глубоки. Неприятие любых форм насилия, непримиримость к ущемлению прав народа на независимость и самобытность, признание культур разных народов как неприкосновенного достояния, – для выражения этих мыслей писатель использует вышеобозначенные события, показывая на примере частных исторических случаев глобальную закономерность.

Канудус, Путумайо, Конго и Ирландия напоминают Марио Варгасу Льюсе историю Латинской Америки, для которой печальный опыт колонизации до сих пор остается не изжит. Возможно, романы не излагают исторические факты с идеальной точностью, однако некоторая доля документальности в них, определенно, присутствует. Документальный способ изложения сюжета, который использует Льюса, помогает ему добиться эффекта присутствия для того, чтобы читатель буквально почувствовал на своей коже и увидел собственными глазами происходящее в лесах Конго, сельвах Бразилии, фабриках Путумайо. Сшитое из ярких эпизодов повествование помогает оживить прошлое, к которому возвращается писатель.

Соединение документального изложения и некоторой мифологизированности фактов придает произведениям Марио Варгаса Льюса уникальный характер. История, соединяясь с мистикой, наполняет художественный мир особыми глубиной и смыслом, с помощью которого читатель проецирует события повествования на мировой,

общечеловеческий уровень. Так, в романе «La guerra del fin del mundo» мы, с одной стороны, видим такие наполненные точными, выверенными данными эпизоды: «Lleva seis horas peleando, desde que, esta madrugada, su Batallón que iba a la vanguardia de la Columna, se vio de pronto, a la entrada del desfiladero, entre un fuego cruzado de fusilería. En la primera carga, el Sargento iba detrás de la Tercera Compañía y vio cómo los grupos de cazadores de Alfárez Sepúlveda eran segados por ráfagas que nadie localizó de dónde venían» («Они бились шесть часов, с раннего утра, когда его батальон, шедший в авангарде колонны, не оказался вскоре под плотным ружейным огнем. Во время первой атаки сержант шел за третьей ротой и видел, как солдат Альфареса Сепульведы ослепляли очереди пуль, летящих неизвестно откуда» (Перевод мой. – Авт.)) [9, с. 315]. С другой, роман изобилует философскими размышлениями героев, граничащими с мистицизмом: «Pensaba eso, que, aquí, algo distinto de la razón ordenaba las cosas, los hombres, el tiempo, la muerte, algo que sería injusto llamar locura y demasiado general llamar fe, superstición, desde la tarde en que oyó por primera vez al Consejero, inmerso en esa multitud que al escuchar la voz profunda, alta, extrañamente impersonal, había adoptado una inmovilidad granítica, un silencio que podía tocarse» («Он думал, что здесь что-то отличное от разума управляет ходом вещей, людьми, временем, смертью, что-то, что было бы несправедливо назвать безумием, но и слишком обобщенно назвать верой или предрассудком, с того самого вечера, как он впервые услышал Советника посреди толпы, которая, слыша его глубокий, громкий, до странного безличный голос, погружалась в какую-то гранитную неподвижность, тишину, которую можно было потрогать» (Перевод мой. – Авт.)) [9, с. 286].

Таким образом, в романах Марио Варгаса Льюсы история вступает в гармоничный синтез с литературным замыслом писателя. Льюса, во-первых, использует историю как фон-основу, а во-вторых, определенные исторические события, произошедшие в отдельно взятых странах, помогают Льюсе выйти на общеисторический уровень. В каком-то смысле, сама история и была замыслом писателя. Стремясь вывести всеобщие законы, по которым движется история человечества, Марио Варгас Льюса создает вселенную, где реальность предстает перед читателем в совокупности с религиозным безумием и мифологическим миропониманием.

Библиографический список

1. *Chirif A., Cornejo Chaparro M.* Imaginario e imágenes de la época del caucho: los sucesos del Putumayo. Lima, 2009.
2. *Fuentes H.* Loreto: apuntes geográficos, históricos, estadísticos, políticos y sociales. Lima, 1908. T. II.
3. *Houde C.* La razón de ser de la presencia de Joseph Conrad en El sueño del celta de Mario Vargas Llosa e Historia secreta de Costaguana de Juan Gabriel Vásquez // Universidad de Guanajuato, México: Valenciana. 2015. № 16. P. 101–123.
4. *Jordán P.G.* El infierno verde. Caucho y indios, terror y muerte. Reflexiones en torno al escándalo del Putumayo // Anuario de IEHS. 1993. VIII. C. 73–85.
5. *Paredes R.* Informe sobre el Putumayo por el juez de primera instancia. Dr. ... Presidente de la Comisión Investigadora de Crímenes. 30/9/1911. Prefectura de Loreto, Secretaría, Archivo Prefectura Departamento de Loreto.
6. *Taussig M.* Chamanismo, colonialismo y el nombre salvaje. El estudio sobre el terror y la curación // Michael Taussig; traducción de Hernando Valencia Goelkel. Bogotá, 2002.
7. *Uriarte J.* Ciudades y anti-ciudades en el fin de siglo brasileño: contagio y locura colectiva en «Os sertões» // *Amérique Latine Histoire et Mémoire. Les Cahiers ALHIM.* URL: <http://journals.openedition.org/alhim/5247> (дата обращения 15.11.2020).
8. *Vargas Llosa M.* El sueño del celta. Madrid, 2010.
9. *Vargas Llosa M.* La guerra del fin del mundo. Seix Barral, 1985.
10. *Von Hassel J.M.* Las tribus salvajes de la región amazónica del Perú // Boletín de la sociedad geográfica de Lima. Colección de leyes, decretos, resoluciones, y otros documentos oficiales referentes al departamento de Loreto formada de orden Suprema. Lima, , 1905–1909. T. VII.

А.О. СОКОЛОВА

студент

Южный федеральный университет, Институт филологии,
журналистики и межкультурной коммуникации, г. Ростов-на-Дону**Научный руководитель: А.А. БАГДАСАРОВА**

доцент, кандидат филологических наук

Южный федеральный университет, Институт филологии,
журналистики и межкультурной коммуникации, г. Ростов-на-Дону**РАЗДЕЛ 8. ПРОБЛЕМЫ
ЛИНГВОСТИЛИСТИКИ И ЛИНГВОПОЭТИКИ****SECTION 8. PROBLEMS OF LINGUISTIC
STYLISTICS AND LINGUOPOETICS**

УДК 81'42

*А.П. Романенко, З.С. Санджи-Гаряева***ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА
И РИТОРИКА****Аннотация.** В статье рассматриваются возможности и границы применения категорий риторики в лингвостилистическом анализе текста. Приводятся примеры риторического анализа топики в художественных текстах.**Ключевые слова:** стилистика, поэтика, риторика, культура, топка.*A.P. Romanenko, Z.S. Sandzhi-Garyaeva***LINGUO-STYLISTIC TEXT ANALYSIS AND RHETORIC****Abstract.** The article discusses the possibilities and limits of the use of categories of rhetoric in the linguo-stylistic analysis of the text. Examples of rhetorical analysis of topics in literary texts are analyzed.**Keywords:** stylistics, poetics, rhetoric, culture, topic.

Поэтика и риторика, как показал В.В. Виноградов, начали различаться в отечественной филологии по предмету и методам с XVIII в., а в XIX в. риторика стала пониматься как схоластика, неприемлемая для лингвостилистического анализа не только художественных, но и любых текстов [2, с. 98–120].

В XX и XXI вв. исследовательская филологическая позиция меняется. Это связано, во-первых, с пониманием того, что риторический анализ уместен даже для интерпретации художественной литературы, которая (помимо произведений «чистого искусства») ставит и решает, кроме эстетических, проблемы этики и философии.

Показательным примером такого подхода является сборник трудов, выпущенный Санкт-Петербургским университетом [5]. Во-вторых, основанием для такого понимания является развитие речеведения как комплекса филологических и лингвистических дисциплин: стилистики, поэтики, риторики, лингвистики текста, лингвистической прагматики, теории речевых актов, теории дискурса.

В этих условиях уместен вопрос о составе риторических категорий и границах их применения в лингвостилистическом анализе текста. Разрешение этого вопроса во многом дело будущего, но рассматривать некоторые элементы этой проблемы можно и нужно сейчас. В данной статье предлагается один из вариантов введения риторических терминов и понятий, а именно топики, в стилистический анализ текста. При этом лингвостилистический анализ текста мы понимаем по-виноградовски широко: это не только рассмотрение выразительных средств языка, но и связь их с композицией и содержанием текста.

Топика – это фундаментальная основа семантики культуры, речевой деятельности. Риторика различает внутренние и внешние топосы. Внутренние топосы представляют собой универсальные логико-семантические модели развертывания текста, например, родо-видовые (гипонимы и гиперонимы), причинно-следственные отношения, определение предмета речи, его свойства и. т.п.

Внешние топосы (а именно они предмет нашего рассмотрения) – это аксиоматические морально-идеологические нормативы культуры, лежащие в ее основе и регулирующие ее речевую деятельность. Они могут носить общий или частный характер. Например, топка христианской культуры представлена десятью заповедями, военная топка – присягой, врачебная – клятвой Гиппократова, семейная – своими этическими нормами и т.п. Внешняя топка является элементом культурной семантики, система которой образуется взаимодействием концептов, топосов и ключевых слов. Концепты – это номинативные речемыслительные единицы, имеющие символическое значение. Это своего рода алфавит культуры. Топосы – единицы предикативные, создаваемые на основе концептов. В отличие от концептов топосы обладают модальностью, они оценочны. В.В. Колесов заметил: «Риторическое мышление модально по существу, и в этом его отличие от мышления логического, которое модельно [4, с. 8]. Топо-

сы присутствуют в тексте либо имплицитно (как аксиоматическая информация), либо эксплицитно в виде ключевых слов (лексем с символическим значением). Таким образом, при стилистическом анализе через ключевые слова реконструируются топосы и концепты.

На топосах (и внутренних, и внешних) строятся все нехудожественные тексты. С художественными текстами дело обстоит иначе: нормы поэтики амбивалентны, и нередко само нарушение норм служит приемом. Однако топка все же присутствует, но она носит эстетический характер. С другой стороны в художественных текстах мы часто видим изображение топики, общепринятой для данной культуры. Обратимся к примерам из художественной прозы.

В статье П.Е. Бухаркина анализируется топическая структура образа Элен («Война и мир»). Автор выделяет три ключевых слова, характеризующих этот образ: 1) спокойствие, неподвижность, 2) оголенность, нагота, 3) мраморность. Анализ этих ключевых слов приводит к топосу «ожившая статуя» [1]. Этот анализ делает понятным толстовское противопоставление героинь: Элен (античность) – Наташа, Марья (русскость). Но можно выделить и другой топос, собственно толстовский – противопоставление языческой безнравственной красоты и христианской нравственности. Таким образом, элементы риторического анализа позволяют «выйти» на существенную черту образа автора.

Н.А. Гуськов строит свой анализ по-другому: он рассматривает реализацию восходящего к античности топоса «мир есть театр» в драматургии А.Н. Островского. Эту реализацию автор видит в жанровом своеобразии текстов, в героях-резонерах, в сознании и поведении героев, в «бессознательном актерстве» некоторых героев, в пространственно-временной структуре текста [3]. Ключевые слова здесь не рассматриваются. Это происходит, как представляется, из-за избранного автором дедуктивного характера анализа. Считаем, что если идти от текста, то можно через ключевые слова реконструировать данный топос (возможно, и другие).

Эти и другие статьи петербургского сборника показывают: в текстах русской литературы XVIII–XIX вв. топосы играют существенную роль, для адекватного понимания этих текстов нужен, помимо поэтологического, риторический анализ. Перейдем к примерам из русской литературы XX в.

Культурная ориентация этой литературы иная: вместо античной и христианской топики пришла топка новой советской культуры.

В работе о ключевых знаках, создающих портрет интеллигента у Зощенко, показана никчемность этого социального типа по сравнению с простым человеком. Это проявление нового советского топоса «**простое лучше сложного**», определявшего тенденцию к упрощению всей общественной и частной жизни. Этот топос проявлялся и в ключевых фразах (не *в театре*), и в речи самого автора-повествователя (*Поразительно это, как меняется жизнь и как все к простоте идет! <...> Все меняется, все идет к простоте необыкновенной. И не только это во внешней жизни, но и в человеческих отношениях*) [6]. Зощенко чутко уловил тенденцию к упрощению и изобразил соответствующий топос. Топика как риторическая категория дает возможность интерпретировать художественный текст в широком культурном контексте. Тенденция к упрощению реализовалась глобально, она характерна не только для советской, но для массовой культуры вообще. Под упрощением понимается сокращение числа элементов системы и/или числа связей между элементами. Приведем некоторые примеры.

В литературном языке – сокращается и упрощается словарь, уходит религиозно-философская лексика; упрощается орфография; усредняется стилистика, возникает канцелярит, результатом чего является стилистическая сниженность литературной речи. В словесности – на смену стилистическому разнообразию (которое наблюдалось еще в 1920-х гг.) приходит однообразие (социалистический реализм). В этикетке – упростилась система обращений (до одного обращения *товарищ*). Здесь уместно вспомнить слова Шарикова из «Собачьего сердца» Булгакова: *Вот все у вас как на параде, – заговорил он, – салфетку туда, галстук – сюда, да «извините», да «пожалуйста», «мерси», а так, чтобы по-настоящему, – это нет. Мучаете себя, как при царском режиме* [8, с. 181–182]. В социальной структуре – вместо разнообразных социальных групп формируются две – массы (трудящиеся) и эксплуататоры; классовая теория сокращает число связей между членами общества. В науке – изымаются (запрещаются или признаются неприоритетными) некоторые научные направления, часто признается «истинным» одно (например, новое учение о языке Н.Я. Марра).

В статье о семиотическом портрете нового советского человека у Булгакова выделяются три ключевых знака: *кепка, подштанники, портфель* [7]. Это, разумеется, сатирический взгляд Булгакова. Но можно предположить, что в этой сатире отражена и изображена советская топка.

Кепка, заменившая в послереволюционное время все разнообразие мужских головных уборов (картузы, все виды шляп, панамы и пр.) противопоставлялась *шляпе* как буржуазному или интеллигентскому атрибуту. Конечно, здесь сыграла роль и кепи Ленина, но культурная значимость кепки в другом – это символ демократичности, простоты. Разумеется, это ключевое слово возводится к топосу упрощения. К нему же нужно отнести и *подштанники*, но с оговоркой: кроме «простоты» здесь наличествует коннотация вульгарности, что относится к булгаковской оценке советской культуры.

Ключевое слово *портфель* – это символ приобщенности к власти, престижности. Шарик из «Собачьего сердца», еще не превратившись в человека, но обретя ошейник, возгордился и рассуждает, что ошейник это все равно что портфель. Здесь уместно вспомнить рассказ Зощенко «Обезьяний язык», герои которого, слыша на собрании непонятные им канцелярские слова, довольны и вполне их «понимают», так как чувствуют свою приобщенность к власти. С другой стороны, портфель – это символ документа как центра бюрократизированной советской логосферы. Можно говорить об **апологии документа** в советской культуре. «Нет документа, нет и человека», – сформулировал Коровьев основной принцип этой логосферы. Не случайно именно в советской культуре расцвел канцелярит как доминанта официальной словесности. Но важно помнить, что документ – это самый простой вид текста, поэтому он оказался наиболее привлекательным для массовой малограмотной части носителей языкового стандарта. Таким образом, анализируемые ключевые слова реализуют два топоса: упрощение и апология документа.

Итак, можно сделать вывод: введение в лингвостилистический анализ текста риторических категорий позволяет не ограничиваться имманентным рассмотрением стилистической структуры конкретного текста, а видеть его в контексте данной культуры.

Библиографический список

1. Бухаркин П.Е. Элен и ожившая статуя (к вопросу о роли топики в реалистическом дискурсе) // Риторическая традиция и русская литература: межвузовский сборник / под ред. П.Е. Бухаркина. СПб., 2003. С. 221–236.
2. Виноградов В.В. О языке художественной прозы: избранные труды. М., 1980.
3. Гуськов Н.А. «Весь мир – театр» (к изучению топики А.Н. Островского) // Риторическая традиция и русская литература: межвузовский сборник / под ред. П.Е. Бухаркина. СПб., 2003. С. 181–196.
4. Колесов В.В. К истории риторического мышления // Риторическая традиция и русская литература: межвузовский сборник / под ред. П.Е. Бухаркина. СПб., 2003. С. 8–27.
5. Риторическая традиция и русская литература: межвузовский сборник / под ред. П.Е. Бухаркина. СПб., 2003.
6. Романенко А.П. Семиотический портрет интеллигента у М. Зощенко // Русская интеллигенция и революция в литературе XX века: К 100-летию революции 1917 года. К 125-летию со дня рождения К.А. Федина. Саратов, 2018. С. 387–394.
7. Романенко А.П. Семиотический портрет советского человека у Булгакова // Михаил Булгаков, его время и мы. Krakow, 2012. С. 831–839.

Источники

8. Булгаков М.А. Собрание сочинений: в 5 т. М., 1992. Т. 2.

Андрей Петрович РОМАНЕНКО

доктор филологических наук
 профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики
 Института филологии и журналистики
 Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

Зоя Санджиевна САНДЖИ-ГАРЯЕВА

кандидат филологических наук
 доцент кафедры русского языка, речевой коммуникации
 и русского как иностранного Института филологии и журналистики
 Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

УДК81'42

Е.В. Маринова

КОДЫ И СИМВОЛЫ ИТ-СФЕРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ (ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Аннотация. Рассматриваются особенности использования в художественном дискурсе кодов и символов ИТ-сферы. Анализируются основные функции интеркодировости (образная, игровая, выразительная, композиционная) в структуре литературного произведения.

Ключевые слова: интеркодировость, художественный дискурс, коды ИТ-сферы, эстетическая функция.

E. V. Marinova

CODES AND SYMBOLS OF THE IT SPHERE IN ARTISTIC DISCOURSE (FUNCTIONAL ASPECT)

Аннотация. The features of using codes and symbols of the IT sphere in the artistic discourse are considered. The main functions of intercoding (figurative, ludic, expressive, compositional) in the structure of a literary work are analyzed.

Ключевые слова: intercoding, artistic discourse, IT-sphere codes, aesthetic function.

В речевой организации современного текста интеркодировость (иначе *поликодировость*), наряду с некоторыми другими тенденциями, становится всё более заметной **дискурсивной практикой**. Её реализацию связывают обычно с использованием «в определенном типе дискурса единиц разных семиотических систем» [2, с. 52]. В нашем исследовании мы обратимся к единицам одной семиотической системы – ИТ-сферы: нас будут интересовать специфические, по большей части интернациональные коды и символы, использованные **вне** своей исконной, компьютерно-интернетовской среды, а именно – в художественном дискурсе. Их включение в структуру текста литературного произведения обеспечивает определённую тематическую линию, связанную с Интернетом, придаёт тексту достоверность, почти документальность, а в некоторых случаях выполняет роль кодового переключения: информирует о смене референции из мира реального в мир виртуальный.

Идею отнесённости изображаемого явления к Интернету эксплицируют, к примеру, такие **невербальные знаки** IT-сферы, как символ-разделитель @ («собачка», «собака») и символ # (хештег). Первый из названных символов не только включается в упоминаемые в тексте адреса электронной почты героев, что вполне естественно, но и может заменять букву «а» (игровая функция). См.: название пьесы Л. Агулянского «Любовь.Собак@Точка.ру» (2012 г.). Оно стилизовано под формат электронного адреса, однако некоторые графические элементы намеренно вербализуются (*собака, точка*), вследствие чего обыгрывается омонимия обоих слов: *собака* разг. 'о ком-л. или чём-л. злом, жестоком' – в данном случае о любви; *собака* как название символа; *точка* разг. 'кончено, хватит' [1] и *точка* как графический символ, элемент электронного адреса. Таким образом, оформленное игровым способом название становится «говорящим», мотивированным (см. подзаголовок «Небанальная история банально-го интернет-знакомства»). Более ранний пример – оригинальное название культовой книги польского писателя Януша Вишневского «*S@motność w Sieci*» (в русском варианте: «Одиночество в Сети», 2010). Кстати, в этой книге символ «@» выполняет и чисто структурную функцию: обозначает начало каждой из 11-ти неименованных глав. См. также оригинальное название книги американского журналиста Ш. Харриса «@War: The Rise of the Military-Internet Complex» и перевод этого названия на русский язык: «Кибервойн@: Пятый театр военных действий» (2016 г.).

И хотя, как говорит с несколько грубоватым юмором один из пелевинских героев, ...*заменять русскую букву «а» на сучку из электронного адреса – уже прошлый век*, этот незамысловатый приём, правда уже в сатирических целях, используется и самим Пелевиным. См.: *Я увидел заполненный людьми зал и длинный подиум с надписью «Гражд@нка ГламурЪ». – Почему у вас в слове «гламур» твёрдый знак, а в слове «гражданка» – этот значок? – Ну это такие ололо из молодёжной культуры, – ответил Самарцев. – Мы их называем мемокодами <...> С помощью таких тэгов можно повысить уровень доверия к своей информации. Или понизить уровень доверия к чужой* (В. Пелевин. Бэтман Аполло. 2013). В другой фрагмент романа включены оба интернет-символа (@; #): ...*в мире не меняется ничего. Ничего и никогда... Вот... #ужебылоподсолн-*

цем. Можно подумать, мы этого не знали без ваших хэши-тэгов, п@цаны (там же). С помощью кодового переключения здесь косвенно обозначается объект иронии – современный человек, не мыслящий себя без интернет-технологий. В этой же функции – авторский хештег в романе Пелевина «Любовь к трём цукербринам» (2014 г.): ...*мы в двадцать первом веке даже римлян обогнали по жестокости. У них Колизей был один на всех, и ходили туда раз в неделю. А у нас колизей в каждом доме, работает двадцать четыре часа* (имеется в виду компьютерная игра «AngryBirds». – Авт.). *Никакой ответственности, никакой вины. И птички, чик-чирик, уходят в последний бой за наше электронное счастье. Верные тамагочи режима. Как написали бы твитерасты, #мрутнадобряке* (аллюзия на формат записи в твитах).

Можно отметить также **образное** употребление значка «собачка» в художественном тексте: *Почему я сам свернулся в своей ракушке, в этой маленькой «@» своего электронного адреса?* (Мерси Шелли. Паутина. 2002). В контексте с развёрнутой метафорой *свернуться в ракушке* (= спрятаться от внешнего мира) графический значок и сам воспринимается как метафора (форма женского рода прилагательного перед ним подсказывает прочтение «в маленькой ракушке своего электронного адреса»). Заметим, что образ ракушки у Мерси Шелли (псевдоним А.В. Андреева) имеет некоторые культурные основания, так как в ряде языков, напр. французском, итальянском, корейском, символ @ называют улиткой [3, с. 438].

Итак, функционал интернет-символов в художественном тексте расширяется. Одним из первых авторов, предпринявших попытки к такому расширению, был Андрей Вознесенский. В цикле стихов 2000 г. «www.Девочка с пирсингом.ru» он, можно сказать, продемонстрировал разнообразные эстетические возможности самых распространённых кодов Интернета. Это видно не только по названию сборника, которое сразу задаёт основные темы цикла, но и по отдельным словесным образам с участием прежде всего доменного имени «ru». См.: *Все талантливые убудки смяты гением Твоим, ru! <...> Ты, чуряющаяся пиара, нераскрученная ru, ты спасла меня, целовала...* («Я люблю Тебя, я люблю Тебя, так люблю!»). «Ru» используется в роли самостоятельного наименования (существительного женского рода) близкого и любимого лирическим героем про-

странства – Руси, России, Родины. Имя этого пространства в новом времени – по мнению поэта, *www.ru* – «гитрами» проступает на теле; с этим именем герой связывает своё будущее после ухода: *...когда умру, свою букву инициала закодирую в www.ru*. Так традиционная тема русской лирики – любовь к Родине – и традиционные образы, сопровождающие эту тему (журавлиная стая), получают новое языковое и графическое воплощение:

Пусть kURLычат они, улетая, на бескрайнем трубят миру –
Три журавлика вечной стаи –
W W W R U.

В то же время символ @, а также доменные имена, прежде всего *ru*, используются и в своей привычной функции – как элементы электронного почтового адреса, правда вымышленного, или – это касается *ru/PY* – названия (вымышленного или реального) сайта. Вот несколько иллюстраций: [Майкл] *просмотрел адресную книгу, адрес Симбы нашёлся быстро: simba@simba.inf* (А. Матвеев, К. Ткаченко. Любовь для начинающих пользователей. 2002); *Есть у Кня несколько постоянных адресатов. Самые спокойные и взвешенные письма он пишет домой на andorra@surnet.ru* (Д. Бавильский. Нодельма. 2004); *Нашёл Гмейл, гугловскую почту. Тут ворох был всего, чего он ещё не видел... И распечатанные конверты – от матери: svetlanashazina1960@mail.ru* (Д. Глуховский. Текст. 2017); *Я заготовил ящик на gmail.com...* (В. Пелевин. Искусство лёгких касаний. 2019); *Можно залезть на ЧИТЫ.PY, скачать оттуда полное прохождение или коды неуязвимости* (Н. Балашов. Zelda. Книга о новых героях. 2010); *Lenta.ru именно последние слова вынесла в заголовок* (А. Житинский. Flashmob! Государь всея Сети. 2007); *Кстати, подумал Кеша, почему наш сайт так называется – Contra.ru?* (В. Пелевин. Любовь к трём цукербринам. 2014) и т.п.

В современной прозе часто встречаются отсылки и на адреса других сервисов и услуг сетевого пространства. Напр.: *Практикант набрал адрес интернетовской страницы гостиницы www.relaisbosget.com* (Я. Вишневецкий. Одиночество в Сети. 2010); *Менялы из твоего банка, получив счёт от pinproor.com, ничего даже не заподозрят* (В. Пелевин. Акико. 2003) и др. Могут упоминаться также адреса «мест» в самом компьютере, что придаёт повествованию достоверность, а образу автора – «вездесущность». Напр.: «Ро-

берт? Raskolnikov?!» – догадалась Фаина, мысленно сличив черты брюнета с линиями и выпуклостями, запечатленными на фотографиях, которыми десять тысяч лет назад был завален ее винчестер (субдиректория flirt_neuropatolog) (А. Зорич. Пасифая.doc. 2007).

Посредством подобной фактологичности отражается, на наш взгляд, характерная для нынешней коммуникации особенность – **доминирование визуальной подачи информации**, то есть подачи, которая не **предполагает озвучивания** отдельных элементов текста. В частности, в сетевой переписке, при необходимости сообщить о каких-либо источниках информации (ресурсах), пользователи чаще оперируют не названиями, а их адресами – адресами сайтов, форумов, порталов, страниц и т.п. Так же поступают и герои книг. Напр.: *Примечание* (к инструкции, написанной в электронном письме. – Авт.): *Песню в МПЗ для разучивания мотива можно скачать здесь: https:...* (А. Житинский. Flashmob! Государь всея Сети. 2007); *Сегодня в полдень по МСК заглянуть на следующие форумы Сети: polit.ru, globalrus.ru, russ.ru* (там же); *Журналист дал ссылку и на сайт gossudar.ru, лишь вчера вывешенный в Сети местным веб-дизайнером по заказу Кирилла* (там же).

«Озвучивание» интернет-символов, помимо игровых контекстов, о которых говорилось выше, тоже возможно, но встречается реже: писатели используют вербализацию адреса, когда изображается устная речь героев в обычном, не сетевом диалоге: – *Пульни ей* (журналистке. – Авт.) *на электронный адрес: tereza.собака.pronovosti, – попросила Вика, заметив, что я полез в свою фототеку. Сама же она строчила огромный спич в формате эсэмэски на своём телефоне* (Т. Шахматова. Удар отточенным пером. 2017). В следующем примере словесное (а не только в виде символов) обозначение адреса сайта (*www.compghost.net*), полученного с анонимного электронного ящика, становится своеобразным маркером несобственно-прямой речи, включающей языковую рефлекссию персонажа (доменное имя *net* переводится главной героиней как *Сеть*, *compghost* расшифровывается в контексте ситуации с анонимностью как *компьютерный призрак*), см.:

Опять почта, опять кому-то не спится.

mailto:simba@simba.inf

В письме не было ничего, кроме ссылки.

www.compghost.net

Три даблью. Точка. Компьютерный призрак. Точка. Сеть (А. Матвеев, К. Ткаченко «Любовь для начинающих пользователей», 2002; графическое оформление текста сохранено. – Авт.).

Кроме отображения «языкового вкуса эпохи», колорита времени, смоделированные авторами книг адреса интернет-ресурсов могут быть средством создания иронического эффекта. Так, напр., в антиутопии Д. Галковского «Друг Утят» (2002 г.) герои времени от времени вынуждены отвлекаться на рекламу, причём каждый раз рекламный текст разный, хотя объект рекламы один и тот же – квадратные яйца. Абсурдность ситуации подчёркивается гротескностью рекламируемого продукта и многообразием узнаваемых штампов и клише рекламных текстов. Читателю, таким образом, предлагается ряд пародий на слишком назойливую рекламу, причём текст рекламы оформляется как описание смены кадров в видеоролике, поскольку сатирическое произведение Галковского написано в жанре сценария. Напр., герои видят, как *квадратное яйцо разрезается пополам. На желтке надпись: «www.3_egg.com.parol-ИHgJH6Ve23Blkh».* Титры: «В каждом сотом яйце... Сюр! Приз!!! Наберите пароль – и узнаете, что вас ждет». В этот пародийный текст автор включает, помимо якобы остроумной шутки «рекламщиков» (см. гендиадис *Сюр! Приз!*), интернетовский адрес с таким громоздким паролем, что ни произнести его, ни тем более запомнить не представляется возможным. Тем самым высмеиваются дешёвые приёмы и лживый характер рекламы.

Ещё одной иллюстрацией использования реалий и кодов Интернета в сатирических целях является рассказ В. Пелевина «Акико» (2003 г.). Построен он необычно: по сути, это монолог неодушевлённого предмета, сетевого продукта, а именно порносайта «Акико». Точнее форму рассказа можно определить как «неявный» диалог в режиме онлайн: читателю представлены только реплики «девушки», по отдельным особенностям которых – вопрос, переспрос, просьба и т.п. – понятно, что молчаливый адресат, завсегда сайта под ником Йцукен (об игровой природе этого имени см. [4, с. 201]), всё же рядом и его реакция и действия на слова Акико подразумеваются (*Что? А что можно назвать постоянным в мире, где всё подобно росе и облакам?; Не надо щёлкать зря... и т.п.*, – говорит Акико своему молчащему собеседнику). Понятно и то, что Йцукен не общается с приложением словесно – только через манипуляции

с курсором на мониторе, а реплики Акико, по-видимому, следуют за каждым «кликом». То есть живой человек бессловесен, а виртуальная сущность красноречива и даже поэтична. Интрига держится на том, что Акико пытается убедить пользователя потратиться за дополнительные услуги на сайте, то есть, как говорится, хочет «раскрутить клиента». Одна из повторяющихся в разных вариациях реплик Акико звучит так: *Здравствуй, ЙЦУКЕН. Мы с Мао хорошо помним тебя и твой IP-адрес 211.56.67.4.* Комизм этого утверждения строится, помимо того что обезьянка Маовряд ли может помнить IP-адрес, на приёме зевгмы – нарушении логической однородности: «хорошо помним тебя» предполагает воспоминания о личности, индивидуальных качествах человека, «хорошо помним твой IP-адрес» это исключает. Так постепенно в текст рассказа вводится его основная идея – идея тотальной слежки спецслужб за пользователями Сети (ср. мнение американского журналиста Я. Левина: «Интернет с самого начала задумывался как инструмент слежки» [5, с. 23]). Что же касается речевой организации текста, здесь мы вновь видим, как интернет-символы становятся необходимыми для выражения авторского замысла художественными элементами.

Следует подчеркнуть, что подобные элементы обновляют, оживляют и разнообразят дискурс. Свежо, необычно смотрится, напр., указание на возраст героев в рассказе А. Зорича «Пасифая. doc» (2007). Количество прожитых лет даётся в скобках (как в предыдущем предложении нами указан год издания), как правило, после первого упоминания имени персонажа. Так, героиня рассказа Фаина «флиртвала в привате с одним голландским мужчиной, Гарри (38)». Имеется в виду приватное общение на портале знакомств, где Фаина ищет нового мужа, непременно иностранца. И вот, кажется, находит: *В скобках рядом с его псевдонимом стояло число «35», что в целом отвечало представлениям Фаины (30) о возрасте своего потенциального избранника.* Таким, чисто интернетовским способом – Фаина (30) вместо тридцатилетняя Фаина – автор подчёркивает степень погружения героев, общающихся на сайте знакомств, в эту специфическую среду, где пользователи идентифицируют себя не иначе, как Пётр (36) или Ольга (38).

Итак, современный художественный дискурс отражает особенность подачи и восприятия информации, сформировавшуюся в условиях новых ИТ: кодирование, предполагающее, прежде всего,

визуализацию (а не озвучивание). И ещё один важный момент: включение в текст символов компьютерно-интернетовской сферы, специальных словесных обозначений реалий этой сферы рассчитано на читателя, знакомого с этой сферой. Так, чтобы понять, почему главному герою романа М. Шелли «Паутина» Виктору Степному снится буква «ю» (*...огромные текстовые потоки почты привели меня на грань нервного срыва. Я путал имена и даты, говорил невпопад и видел наяву сны про расплывающуюся букву «ю», которую постоянно умудрялся ставить вместо точки, забывая переключить регистр*), нужно обладать хотя бы элементарными навыками работы с компьютерной клавиатурой. Нередко от читателя требуется большее – знание азов программирования, информатики, даже если сам автор даёт некоторые подсказки к действиям своих особо продвинутых в программировании героев, как напр., В. Пелевин в романе «iPhuck 10» (2017 г.); см: *Набрала* (Мара. – Авт.) в окне интерфейса простую как мычание команду: «*опиши себя и мир: ^txt^ru^2pg*». Кавычки означают, что это исполняемый оператор, подлежащий анализу именно в таком качестве; значки после двоеточия – что ответ требуется в виде русскоязычного текста объёмом в 2 условные страницы. В связи с этим подчеркнём, что компьютерные символы и коды используются авторами весьма разнообразно. К примеру, главы в романе А. Чубарьяна «Полный root» (2006 г.), главными героями которого являются хакеры, пронумерованы так: 1, 10, 11 и т.д. (соответственно: первая, вторая, третья...), то есть с использованием двоичной системы исчисления (основной системой представления информации в памяти компьютера). А предваряющее основной текст книги оглавление стилизовано автором под формат ввода информации в интерфейсе командной строки. См.:

!! 22:40 15.04.2006! ++ Volume in drive C is Chubarian Volume
Serial Number is 191174-AACH

Directory of C:\ПОЛНЫЙ ROOT

[.]

[..]

[Исходники] 7

[Алиса] 129

[0777]* 265

[Эпилог] 373

4 File(s) 384 000 bytes.

Таким образом, можно говорить не только о появлении в современной прозе **нового героя** – пользователя компьютера и Интернета, но и **нового читателя**, имеющего представление о тех специфических денотатах, названия которых могут упоминаться в тексте и даже включаться в заглавия произведений или глав.

Библиографический список

1. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 1998.
2. *Иссерс О.С.* Дискурсивные практики нашего времени. М., 2015.
3. *Какорина Е.В.* Язык Интернет-коммуникации // Язык массовой и межличностной коммуникации. М., 2007. С. 393–478.
4. *Кронгауз М.* Самоучитель олбанского. М., 2013.
5. *Левин Я.* Интернет как оружие. Что скрывают Google, Тог и ЦРУ / пер. с англ. М. Леонович, Е. Напреенко. М., 2019.

Елена Вячеславовна МАРИНОВА

доктор филологических наук, доцент

профессор кафедры страноведения России и славистики

Нижегородский государственный лингвистический университет

им. Н.А. Добролюбова

УДК 81'373.611

А.Р. Попова

РОЛЬ АВТОРСКИХ ОККАЗИОНАЛИЗМОВ В СОЗДАНИИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО СТИЛЯ ПИСАТЕЛЯ (НА МАТЕРИАЛЕ СУФФИКСАЛЬНЫХ ПРОИЗВОДНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Т.И. ГРИБАНОВОЙ)

Аннотация. Массив прозаических текстов современной орловской писательницы Т.И. Грибановой содержит около четырёхсот окказиональных лексем, в числе которых выделяется значительная группа существительных, образованных морфологическим аффиксальным суффиксальным способом деривации. В статье исследуется состав и семантика суффиксальных морфем, значения окказиональных производных слов, причины их образования, задачи использования в художественном тексте.

Ключевые слова: авторский окказионализм, суффиксация, производное слово, идиостиль, Т.И. Грибанова.

A.R. Popova

THE ROLE OF AUTHORIAL OCCASIONALISMS IN THE CREATION OF AN INDIVIDUAL STYLE OF A WRITER (BASED ON THE MATERIAL OF SUFFIXAL DERIVATIVE NOUNS IN THE WORKS OF T.I. GRIBANOVA)

Abstract. The array of prose texts of the modern Orel writer T.I. Gribanova contains about four hundred occasional lexemes, among which there is a significant group of nouns formed by the morphological affixal suffix method of derivation. The article considers the composition and semantics of suffix morphemes, the meaning of occasional derivatives of words, the reasons for their formation and the tasks of using them in a literary text.

Keywords: author's occasionalism, suffixation, derivative word, idiostyle, T.I. Gribanova.

Идиостиль автора вырабатывается на основе общего художественного принципа единства формы и содержания произведения. Содержательные характеристики идиостиля, позволяющие квалифицировать текст как принадлежащий определенному автору, предполагают наиболее предпочтительную тематику, проблематику, внутреннюю композицию – логику и динамику сюжета, типы

и взаимоотношения персонажей, наконец, проявляющиеся в тексте особенности мировоззрения автора, его культуры, взглядов и т.п. Формальные характеристики складываются из особенностей внешней композиции – то есть приёмов членения текста на составные части (важно их количество, объём, наконец, само их наличие либо отсутствие), особенностей языка – всех его уровней, от фонетического до синтаксического, а также (факультативно) из особенностей орфографии, пунктуации, графики текста.

По словам З.К. Шовгеновой, «понятие индивидуального стиля отдельного автора формируется следующими общими параметрами: индивидуализацией словесных форм, содержания, учетом эстетической функции языка, влиянием жанра и сопоставлением с языком современников. Эти дефиниции следует считать общими, а их проявления в конкретных текстах – индивидуальными явлениями в речи каждого автора» [14, с. 6].

Тексты современной орловской писательницы Т.И. Грибановой – повести, рассказы, эссе, лирические миниатюры – узнаваемы и ярки в плане отображения и лингвистической, и содержательной стороны идиостиля. В целом произведения посвящены жизни и жителям орловской деревни XX–начала XXI вв., на долю героев Т.И. Грибановой выпадают невзгоды и тяготы прошлого века, голод, война, хаос 1990-х гг., а также разруха и бедственное положение современной деревни. Однако автор, как правило, рисует образы не сломленных жизнью, нравственно красивых, жизненно стойких людей, обретающих смысл жизни и воспринявших её нравственные уроки. Т.И. Грибанова не только красочно, но и документально точно рисует быт и уклад деревенской жизни, всё то, что впитано писательницей с детских лет. Фактически полноценным героем многих произведений выступает родная писательнице природа Орловщины.

Содержательная специфика определяет специфику лингвистическую: тексты Т.И. Грибановой включают в себя немало слов-агнонимов [9, с. 119], среди которых – историзмы, архаизмы, диалектные слова, просторечная лексика. Немало и словообразовательных окказионализмов, создающих особую колоритность языка героев и языка нарратора, повествователя. Лексико-фразеологическому составу текстов писательницы посвящён словарный проект Т.В. Бахваловой и А.Р. Поповой «Народное слово в литературно-ху-

дожественном воплощении (на материале произведений Т.И. Грибановой)», над которым в настоящий момент ведётся работа; в словнике проекта – более 2000 единиц. Ниже толкования упоминаемых единиц будут приводиться по данному источнику.

Материалом исследования послужили тексты Т.И. Грибановой, представленные в следующих изданиях [3–7], а также новые рассказы и повести 2020 г.

При создании словаря языка писательницы был выявлен состав словообразовательных инноваций – около 400, отмечена частотность использования определенных морфем для создания окказионализмов (например, префиксов *вз-/вс-/уз-, до-, за-, от-*), распространённость определенных способов словообразования (так, у автора около ста глаголов образовано префиксально-постфиксальным способом с использованием формантов *вы-ся, за-ся, из-ся, о-ся, об-ся, пере-ся, раз-ся, у-ся*).

Среди окказиональных лексем выделяется значительная группа имен существительных, образованных суффиксальным способом от разных частей речи. Заметим, что Т.И. Грибанова использует традиционные способы словообразования – в основном, морфологические – аффиксацию и сложение основ/слов, что объясняется спецификой тематики текстов. Образование существительных суффиксальным способом вообще свойственно русскому языку – см. [2, с. 86–126]. Состав суффиксов, участвующих в образовании окказиональных субстантивов, у Т.И. Грибановой богат и разнообразен, как разнообразна и их семантика, не всегда тождественная закреплённой за ними и зафиксированной в соответствующих словарях [8; 10].

1. Среди суффиксальных окказиональных дериватов наиболее распространены собирательные существительные.

В текстах отмечаются окказионализмы с суффиксом *-j-*, который является продуктивным и содержится в морфемной структуре собирательных существительных литературного языка (*вороньё, дубьё* и т.п.). В повести «Так и жили» находим лексемы *бородьё* «стебли растения, своим внешним видом напоминающие бороду» и *тряпочье* «одежда, бельё» – *Обернуться не успеешь: крот в землю уйдёт, повиснет на кустах седое бородьё повилик – уж и захладеет... На Святки встретил Василий будто бы по нечаянному случаю её у проруби, кой-какое тряпочье полоскала.*

Писательница испытывает влияние родных ей орловских говоров и потому создаёт слова согласно распространённому в них словообразовательному типу. Так, в орловских говорах (и не только в них) встречаются существительные, образованные с помощью суффикса *-ин-со* значением собирательности. Т.И. Грибанова не просто вводит в свои произведения эти диалектные слова: *огорóдина* «огородная зелень, овощи» – слово распространено на Орловщине и на близких ей территориях – ср. пометы Курск., Орл., Тул., Калуж. в «Словаре русских народных говоров» [12, вып. 22, с. 347], *садóвина* «плоды фруктовых деревьев и ягодных кустарников, растущих в саду» [11, вып. 13, с. 6]. Она встраивает в речь повествователя либо в речь персонажей структурно подобные окказиональные лексемы: *луговíна* «луговые травы», *чертополóшина* «сорные колючие растения».

Собирательное значение передаётся рядом существительных с суффиксом *-ник-*. В «Толковом словаре словообразовательных единиц русского языка» Т.Ф. Ефремовой отмечается близкое значение данной морфемы: слова, её содержащие, номинируют «...пространство или территорию, покрытые тем или содержащие то, что названо мотивирующим именем существительным (*ельник, крапивник, малинник, осинник* и т.п.)» [8]. Однако новообразования *лещíнник* «кусты лещины, орешник» и *былínник* «заросли крупностебельных сорных растений» обозначают, скорее, не пространство, а сами растительные объекты на нём. У автора читаем: *Заботливые залётные ветра, постарались и птицы, натаскали... орехи лещинника, семена* («Колыбель моя посреди земли»); *И тут же ... будто кто в присарайных сорных клёнах, где былнник да глухая крапива, стекло разбил* («Не трын-трава»). Слово *былínник* отмечается и в «Словаре русских народных говоров», но в иных, конкретных, не собирательных значениях: «сорная трава [какая?]', «лесная трава [какая?]'» [12, вып. 3, с. 344]. В орловских говорах имеется однокоренное слово с тем же суффиксом *-ник-*, но с иной основой: *бýльник* «картофельная ботва» [11, вып. 1, с. 117].

Авторский окказионализм *сморóдинник* с суффиксом *-ник-* имеет значение «листья черной смородины» – *Огурцы, пересыпаемые дубовой листвой, вишняком, смородинником...* («Колыбель моя посреди земли»). Т.И. Грибанова – тонкий стилист, она умело использует не только созданные ею, но и диалектные слова с ана-

логичной структурой и сходной семантикой. Например, существительное *хмы́зник* «небольшие сухие ветки, сучья» [11, вып. 17, с. 66] – 9 употреблений в разных произведениях. Слово *хмы́зник* образовано с помощью суффикса *-ник-* от собирательного существительного *хмы́за* «кусты, кустарник», также употребляющегося на территории Орловской области [11, вып. 17, с. 65]. Встречается в текстах и диалектное слово *кочеры́жник* «капустные кочерыжки» Яросл. [12, вып. 15, с. 128]. Безусловно, Ярославская область расположена далеко от Орловской, однако же особенностью орловских говоров является обилие в них слов северновеликорусского наречия: «в некоторых ... районах Орловщины живут потомки переселенцев с северных территорий России» [1, с. 10]. Существование подобных лексем «на территории Орловщины, прерывистость их ареала объясняется особенностями заселения края. В результате крупно-крепостнической колонизации население региона пополнилось в XVIII – первой половине XIX в. переселенцами из разных, прежде всего северных земель Русского государства. Компактность проживания создавала условия для сохранения черт родных говоров. Безусловно, происходила и ассимиляция с окружающими южными говорами» [1, с. 111–112].

В литературном русском языке собирательные существительные образуются не только от существительных, но и от других частей речи. Так, суффикс *-н-* в одном из своих типичных значений служит для образования собирательных существительных на базе глаголов: «словообразовательная единица, выделяющаяся в именах существительных женского рода, которые обозначают собирательные понятия, являющиеся объектом или результатом действия, названного мотивирующим глаголом (*дань, дрань, клёпань, рвань, ругань, ткань* и т.п.)» [8]. Но Т.И. Грибанова, используя данный суффикс с соответствующим словообразовательным значением, создает номинацию другого словообразовательного типа – на базе имени существительного, а не глагола, существительное первого, а не третьего субстантивного склонения: *плут* → *плутня́* «мошеники, плуты» – *Ежели по правде сказать, и плутни́ хватает. Люду понаехало!* («Колыбель моя посреди земли»). *Судя по газетам, кругом одна плутня́ (ежа им за пазуху!), ошкурят без зазрения совести!..* («Не трын-трава»).

За суффиксом *-ость-* в русском языке закреплено словообразовательное значение отвлеченности, абстрактности, с его помощью образуются «отвлеченные понятия качества и качественного состояния» [10, с. 44] – ср. существительные типа *верность, робость, глупость* и т.п. Т.И. Грибанова образует посредством указанной морфемы не только абстрактное существительное *хлебосо́льность* «готовность и умение радушно угостить; хлебосољство» («Колыбель моя посреди земли»), но и существительное собирательное: *домашность* «домашние вещи, мелкое имущество, скарб» – *Неужто среди слегло-прокисшего скарба: провонявших лошадиным потом хархаров, старых хламид, чугунков... и другой, прихваченной наспех, наваленной как попало домашности – ещё могло-таки затеряться что-нибудь ценное?* («Всего дороже»).

Интересно создание Т.И. Грибановой существительных с собирательной семантикой при помощи суффиксов *-к-* и *-ств-*, которые в словах литературного языка имеют иное словообразовательное значение. Так, суффикс *-к-* служит для обозначения «действия или отдельного его акта... иногда – со вторым значением орудия, результата, объекта или места действия (*мойка, приколка, указка; вышивка, заготовка, отливка...*)» [8]. Суффикс *-ств-* отмечается в существительных, называющих «деятельность или действие, характеризующиеся признаком, названным мотивирующим словом (*животноводство, рыболовство, словопроизводство* и т.п.)». Таким образом, оба вышеупомянутых суффикса передают семантику действия, процесса. У Т.И. Грибановой же в созданных ею словах *мочка* «заготовленные впрок путём мочеания плоды», *тканство* «изделия, сшитые из домотканого полотна» наблюдается своеобразный метонимический перенос – «трудовое действие → продукт, полученный с его помощью». Ср.: *Засолки-мочки – полон подвал* («Жили-были»), в приведённом контексте слово *засолка* употреблено в аналогичном переносном значении; *...полощет заядлая чистюля на лютот ветрище своё «тканство», отбивает, не переводя духу, колотит их на камушке «как следно» берёзовым, с резными завитушками, валёчком, промытым за несчётные годы до синь-бела...* («Колыбель моя посреди земли»).

Нулевой суффикс со значением собирательности содержится в авторском новообразовании *шкодь* «проделки, проказы» – В суб-

боту же под приглядом деда и отца хлестались озорные до невозможности, гораздые на всяческую шкодъ старише Алёнкины братья Степка и Егорка («Так и жили...»). Отметим, что в указанной повести встречаются другие слова с собирательным значением того же субстантивного третьего склонения, фонетически сходные, односложные, однако без нулевого суффикса: *травь* «травы» и *пчель* «пчелы и другие насекомые» – *Только затронь нечаянно её* (валериану. – Авт.), *заворожённые всяческой пчелью зонтики, колыхни высоченные стебли* – *вмиг окуришься нежными кремово-молочными соцветиями*.

2. Рассмотрим, какие ещё суффиксы с какими словообразовательными значениями использует Т.И. Грибанова при создании окказиональных существительных (в порядке убывания частотности задействованных суффиксальных морфем).

– Наиболее распространенным является полисемантический суффикс *-ин-*.

Во-первых, суффикс *-ин-*, как известно, участвует в образовании существительных с увеличительным значением (*голосина, конфетина, рыбаина*) [8]. У Т.И. Грибановой встречается существительное *погóдина* «состояние атмосферы в определённом месте, в определённое время; погода» – *По правде-то сказать, ведь и в не таковские лютые погодины вдоль его прохуdivшейся избы сикось-накось иныряли залётные сквозняки...* («Вьюжной ночью»). Само слово *погóдина* не зафиксировано в «Словаре орловских говоров» [11], однако на данной территории широко распространено производящее для него *погóда* – лексема является полисемантической, имеет два значения «ясная, теплая погода», «ненастье, дождь, метель» [11, вып. 10, с. 21]. В данном случае мотивационной базой послужил второй лексико-семантический вариант диалектного слова *погóда*. В приведенном примере суффикс *-ин-* в существительном *погóдина* также получает увеличительное значение, однако «увеличивается» признак предмета, но не сам предмет; семантика интенсивности признака подтверждается определением *лютый*.

Во-вторых, суффикс *-ин-* содержится в именах существительных, обозначающих отвлечённый признак, представленный в некоторой степени [8]; это значение присутствует и в новообразованиях Т.И. Грибановой: *горчiна* «горечь (во взгляде)», *желтинá*

«желтоватый оттенок цвета; желтизна», *жестiна* «жесткость, твёрдость (о тембре голоса)». Все эти словообразовательные инновации имеют литературные однокоренные синонимы другой морфемной структуры: не имеющее суффикса слово *горечь* и слова *желт'-изн-а*, *жестк-ость* – с иными суффиксами.

В-третьих, суффикс *-ин-* образует в языке «разговорные или просторечные синонимы мотивирующих имен существительных со значением предмета (*болотина, овражина, помидорина, сугробина*... и т.п.)» [8]. Указанные стилистические особенности свойственны и авторским лексемам *водоёмина* «водоём», а также *козьявина* «насекомое, букашка», правда, в последнем случае именуется не предмет, а живое существо. Лексема *бурелóмины*, имеющая тот же суффикс, в значении «труднопроходимый участок леса, заваленный поваленными, поломанными деревьями» употребляется писательницей только во множественном числе, что подчёркивает значительное количество предметов («поваленных, поломанных деревьев»): *Налетят неведомо откель, набьют, настреляют и – нырь в буреломины, да и сугробов поднадуло – только ховайся! – ищи их потом свищи... Может, думал закатить телегу с Аришей подальше в буреломины и пёхом сгонять в Брусничное за Романом?..* («Всего дороже»).

Кроме того, Т.И. Грибанова включает в тексты известное говорам слово с этим же суффиксом в его «предметном» значении: *колóдина* «ствол упавшего, гниющего на земле дерева» – слово территориально широко распространено [12, вып. 14, с. 156], в том числе и в орловских говорах [11, вып. 5, с. 84].

– Продуктивной морфемой, используемый Т.И. Грибановой при создании окказиональной лексики, выступает суффикс *-'ец-*. В литературном языке он активно «образует имена существительные мужского рода с уменьшительно-ласкательным или уменьшительно-уничижительным значением, сопровождающимся сильной экспрессией близости, сочувствия или издёвки (*братец, вопросец, изьянец, морозец, народец, сюжетец* и т.п.)» [8]. Важно, что в значениях подобных окказионализмов Т.И. Грибановой сема уменьшительности отсутствует, а сема ласкательности прослеживается далеко не всегда, например, она выявляется у лексемы *бутóнец* – *У горизонта, на почти истаявшем кончике просёлка, словно на молодой*

веточке, раскрывается ало-зорево́й бутонец татарницы («Просёлочной дорогой») – ср. в контексте суффиксальные образования *кончик*, *веточка*. Или у лексемы *изю́мец* «изюм» – *Добавляла самую малость еля (оливкового масла), леци́нки, изю́мцу* («Три девицы под окном») – ср. в контексте суффиксальное образование *леци́нка*. Однако чаще всего семы уменьшительности и ласкательности не актуализированы, суффиксальные образования служат для общей, сложно передаваемой словами, но ощутимой интуитивно стилизации текста, для создания особых эмоциональных оттенков слов: *граммофо́нец* – «в сравн. О цветках растения», *бу́рьянец*, *бульбо́нец*, *дива́нец*, *капка́нец*, *карма́нец*, *посу́дец*, *чула́нец*. Подобные образования присутствуют в речи персонажей, например, при обращении к родственникам, близким людям, или же в речи повествователя, по своим лингвистическим характеристикам стилизованной под речь носителя говоров, деревенского жителя. Ср. *Не горять... потухли*, – *расслышал Гриха, щипавший петуха «на бульонец для Анисы»* («Китайские фонарики»). А для *«аппетитцу»* считала она *попынный «узварец» беспроигрышным средством* («Горюнь-трава») и т.п. В последнем примере слово *аппети́тец* является авторским, одноструктурное же *взв́арец* «напиток из заваренных в кипятке трав, семян и др.» (в тексте писательница фиксирует свойственное орловским говорам произношение *узварец*) – диалектным. Слово *взв́арец* известно на территории Орловщины в следующем значении, очень близком к имеющемуся у слова *узв́арец* в контексте, – «компот из фруктов и ягод» [11, вып. 2, с. 33].

Следует отметить, что автор использует и иные суффиксы, -'ек- и -к-, которые также не обладают типичным для них значением уменьшительности/ласкательности у имён существительных [8], но привносят эмоциональные оттенки в семантику слов, которые встречаются в речи персонажей. Ср. *хво́йничек* «ветви хвойных деревьев» – слово образовано от существительного *хвойник* с суффиксом -ник-, известного в орловских говорах в значении «срубленные ветви хвойных деревьев; лапник» [11, вып. 17, с. 30] и *хмы́зничек* «небольшие сухие ветки, сучья» – дериват рассмотренного выше существительного *хмы́зник*. Или: *чертовци́нка* «бесы, черти» – *Может, и впрямь здесь чертовци́нка водится?* («Поклон просёлку») – от лексемы *чертовци́на* – «собр. По суеверным представлениям:

всё то, что связано с нечистой силой (чертями, лешими, домовыми и т.п.)» [13].

– Частотны у Т.И. Грибановой и окказиональные существительные, в структуре которых содержится суффикс -иц-. Эта морфема образует в русском языке «имена существительные женского рода с уменьшительно-ласкательным, только с уменьшительным или только с ласкательным значением (*вещи́ца*, *земли́ца*, *косу́ца*, *лужи́ца*, *сестри́ца* и т.п.)» [8]. В текстах Т.И. Грибановой уменьшительно-ласкательное значение опять же практически не реализуется, наличие суффикса не изменяет семантику производного существительного в сравнении с производящим; употребление авторских лексем с этим суффиксом более важно стилистически. Например, *благодáтица* «о состоянии природы, окружающего мира, вызывающем чувство покоя, умиротворенности, блаженства; благодать», *вёрби́ца* «дерево или кустарник верба» (6 употреблений в разных произведениях), *ма́рлица* «ткань из редко сплетённых нитей марля» (2 употребления), *сту́жица* «сильный холод, мороз; стужа», *прóволица* «провода», ср. также существительное среднего рода – *лэти́це*. Отметим также слово *стру́жица* – дериват существительного *стружка*, значение производного слова характеризуется образностью, метафоричностью: «нарезанные тонкие узкие полоски корней растений» – *Стряхиваю с огурчика хреновую стружицу и обмакиваю пупырычок в миску* («Пчелиный батька (Мыслитель)»).

Суффикс -иц- содержится и в авторских окказионализмах – существительных женского рода со значением предмета: *сливовый* → *сливо́вица* «сливовая настойка; сливянка», *жалить* → *жа́лица* «предмет, который причиняет болевые ощущения (о лозинке, используемой как розге)» и со значением лица: *хлебосольный* → *хлебосольница* «хлебосольная женщина». Снова подчеркнём, что Т.И. Грибанова использует и диалектные существительные с той же морфемой: *ра́нница* «легкие ранние морозы, морозцы», существительное зафиксировано в «Словаре русских народных говоров» [12, вып. 34, с. 103], *наря́дница* «умеющая и любящая наряжаться девушка, женщина» [12, вып. 20, с. 144], *ведёрница* «корова, дающая много молока за удой» [12, вып. 4, с. 91].

– Т.И. Грибанова «конструирует» слова по аналогии не только с диалектными, но и с литературными единицами. Так, например,

литературному языку известно слово *чащóба* – автор же создает одноструктурный, фонетически созвучный синоним *глущóба* «густой, труднопроходимый лес, чащоба». Но чаще при образовании лексем этой или близкой семантики использованы два суффикса, автор «задействует» ещё одну ступень деривации, добавляя к суффиксу *-об-* суффикс *-ин-* с упомянутым выше усилительным значением: *глущóба* → *глущóбина* «отдалённая и густо заросшая часть леса; глушь», «отдалённое от города место; захолустье, глушь», *чащóба* → *чащóбина* «густо разросшийся лес, чаща», «заросли кустарника, сорных растений с высокими стеблями». Писательницей используются и другие подобные образования с двумя суффиксами *-об'-ин-*, причём производящее слово только с одним суффиксом *-об-* не встречается в её текстах, но как бы достраивается теоретически, по аналогии с единицами данного словообразовательного типа: <*гущóба*> → *гущóбина* «густые заросли, чаща», <*кущóба*> → *кущóбина* «густые заросли растений».

– Неоднократно отмечаются суффиксальные производные с суффиксом *-ищ-* в увеличительном значении (*басище*, *бородища*, *ручища*...) [8]. В некоторых авторских дериватах это значение увеличительности явно ощутимо – ср. *льдища* «большая льдина», в контексте рисуются именно *громадные льдищи* («Паводок»). Однако увеличительное значение присуще не только окказиональной лексеме с предметным значением, что точно соответствует значению суффикса, но и вещественному существительному *водища* «о большом количестве воды в чем-либо» – *На истерзанной заре объявился, наконец-таки, – в сапогах жмыхала водища – Тишка* («Под Ильин день»). В некоторой степени значение увеличительности потенциально имеется у существительного *зимища* «время года зима», что реализуется в контексте при актуализации ассоциативных сем 'мороз, холод, сильный ветер': *Бейся, кусайся, зимища, – не страшна им ни лютость, ни стужа, видать, именно оттого и прозывается у нас цветок этот мороз-травой* («Неувядка»).

– В произведениях Т.И. Грибановой распространены существительные с суффиксом *-ениј-*, которые обозначают «предмет или явление, характеризующиеся действием, названным мотивирующим глаголом (курение, погребение...» [8]: *гундóсенье* «монотонное гудение» – ...*натужное гундосенье арендаторского комбайна* («Спелым летом»), *жундэнье* «поток звуков, возникающих при игре на бала-

лайке» – *Надо полагать, именно в такие времена и складывались под жундэнье балалайки песни...* («Колыбель моя посреди земли»), *зундэние* «монотонный звенящий звук» («На сеновале»), а также иные действия: *журэние* «ворчливый лёгкий выговор с нравочением», *гостэнье* «пребывание, нахождение где-либо в гостях».

– Народно-поэтический, фольклорный колорит придают произведениям существительные с суффиксом *-ушк* с ласкательным значением [8] – частотное у Т.И. Грибановой слово *жйстюшка* «жизнь» – от просторечной основы *жисть*, 14 употреблений в разных произведениях, *мэстюшка* «месть» – *Ай не помнишь, Яга-то ей местюшку-сухоту в самом начале состряпала...* («Петровки в Студёных Ключиках»).

– В текстах Т.И. Грибановой содержатся дериваты с суффиксом *-'уг-* («словообразовательная единица, образующая стилистически сниженные синонимы мотивирующих имен существительных (*грязюга*, *парнюга*, *тварюга*, *хватюга* и т.п.» [8]). У окказиональных субстантивов *метелюга* «сильная метель, вьюга», *пылюга* «дорога, на которой много пыли» актуальна не столько «стилистическая сниженность» (текст в целом ярко стилизован), сколько интенсификация признака 'сильная метель', 'обилие пыли'. Значение слова *пылюга*, как можно заметить, метонимично: *В ведро, по ясному летищу, нарядными луговинами, высоченной травичцей, по томной просёлочной пылюге – в хлипеньких парусиновых, с протёртыми подошвами, ходоках* («Палыч»).

– Автор использует суффикс *-ат-*, «образующий формы множественного числа имен существительных мужского рода на *-онок*, имеющих уменьшительно-ласкательное или только ласкательное значение» [8] – например, *ласточáта* «птеныцы ласточки», а также диалектные слова подобной же структуры и семантики: *гостеня́та* «гости (о детях, подростках)» [11, вып. 3, с. 20], *гусеня́та* «гусята» – ср. в орловских говорах – *гусенёнок* [11, вып. 3, с. 38]. От последнего субстантива, в свою очередь, автор создаёт производное слово *гусеня́тки*, выступающее в текстах в прямом значении «гусята» и переносном метафорическом значении «почки вербы» – ...*ещё на вербах едва-едва проклюнутся «гусенятки», выходят на свой вытяанный на припёчном взлобке огород* («Так и жили...»).

Итак, анализ субстантивной лексики, окказиональных суффиксальных инноваций в текстах Т.И. Грибановой позволил выявить следующие словообразовательные особенности языка писательницы.

Наиболее распространены существительные с собирательным значением, номинирующие совокупности растений, а также их частей (ветви, плоды, семена), что важно для обрисовки мира природы, с которым активно взаимодействует человек. Отмечаются и наименования совокупностей домашней утвари, одежды, домашних животных при описании бытовых особенностей деревенского жителя; а также совокупности мифических существ и совокупности свойственных кому-либо поведенческих особенностей.

Состав суффиксальных существительных и состав используемых суффиксов обширен и разнообразен. Явно прослеживается влияние диалектной языковой среды на образование окказионализмов: Т.И. Грибанова нередко создаёт существительные, морфемная структура которых подобна известным в говорах диалектным словам, и, кроме того, использует наряду с авторскими инновациями собственно диалектные слова с теми же суффиксами. Писательница стилистически точно, живописно воспроизводит обиходно-бытовую речь жителей деревни, а также речь народно-поэтическую, близкую к произведениям устного народного творчества.

Т.И. Грибанова расширяет семантико-словообразовательные возможности морфем: использованные ею суффиксы приобретают новые словообразовательные значения, не представленные в словарях [8; 10], морфемы используются нестандартно, однако гармонично, сообразно общей стилистике текстов. Яркие, необычные и подчас незнакомые слова, несомненно, приковывают читательское внимание. Автор передаёт нюансы значений, сверхточно именуя предметы и явления, привносит в значения единиц эмоционально-оценочные семы. Создание словообразовательных инноваций в большом количестве сообразно стилистике текста, речи героев и нарратора свидетельствует не просто об узнаваемой черте идиостиля, но и о чуткой, внимательной, филигранной работе с языком автора – Т.И. Грибановой.

Библиографический список

1. Бахвалова Т.В. Лексическое пространство народных говоров Орловщины как отражение материальной и духовной культуры жителей региона. Орёл, 2017.
2. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / под ред. Г.А. Золотовой. М., 2001.

3. Грибанова Т.И. Всего дороже. Рассказы. Орёл, 2019.
4. Грибанова Т.И. Колыбель моя посреди земли. Песнь роду-племени моему. Орёл, 2015.
5. Грибанова Т.И. Лесковка. Деревенские рассказы. Орёл, 2013.
6. Грибанова Т.И. Не трын-трава: деревенские были. Орёл, 2016.
7. Грибанова Т.И. Узелки на память. Поэма о природе. Орёл, 2017.
8. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М., 2005. URL: <https://b-ok.global/book/3301086/0e79d6> (дата обращения: 30.12.2020).
9. Морковкин В.В., Морковкина А.В. Русские агнонимы. М., 1997.
10. Потиха З.А. Как сделаны слова в русском языке. Справочник служебных морфем: пособие для учителей. Л., 1974.
11. Словарь орловских говоров / под ред. Т.В. Бахваловой. Вып. 1–4. Ярославль, 1989–1991. Вып. 5–17. Орёл, 1992–2016.
12. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–51. М.; Л.; СПб., 1965–2019.
13. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1999. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/24/ma467015.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 30.12.2020).
14. Шовгенова З.К. Авторские новообразования в публицистических текстах Е. Евтушенко: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1996.

Анна Ростиславовна ПОПОВА

доктор филологических наук, доцент

профессор кафедры русского языка Института филологии

Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева»

УДК 821.161.1

О.А. Головачева

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ БЫТОВЫХ РЕАЛИЙ В ТЕКСТЕ ПУБЛИЦИСТИКИ Н.С. ЛЕСКОВА

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы творчества классика русской литературы Николая Лескова. Его публицистические произведения как часть сверхтекста принадлежат к особому рода феноменам, совмещающим документальное и художественное, субъективное отношение к фактам, явлениям, событиям и их объективное преломление. На материале цикла очерков «Русское общество в Париже» проанализирована роль бытовых реалий.

Ключевые слова: текст, Н.С. Лесков, быт, публицистика, национальное своеобразие.

O.A. Golovacheva

REPRESENTATION OF EVERYDAY REALITIES IN THE TEXT OF N.S. LESKOV'S JOURNALISM

Abstract. The article deals with the creative work of the classic of Russian literature Nikolai Leskov. His journalistic works, as part of the supertext, belong to a special kind of phenomena that combine documentary and artistic, subjective attitude to facts, phenomena, events and their objective refraction. The role of everyday realities is analyzed on the basis of the series of essays «Russian Society in Paris».

Keywords: text, N. Leskov, everyday life, journalism, national identity.

Публицистические произведения Н.С. Лескова как часть сверхтекста принадлежат кособого рода феноменам, совмещающим документальное и художественное, субъективное отношение к фактам, явлениям, событиям и их объективное преломление. Объект исследования – язык этих произведений как средство отображения национального своеобразия русской жизни (о важности идентичности свидетельствует большой пласт работ [1; 10]). Работы данного автора демонстрируют обстоятельное владение публициста фактическим материалом, о чем свидетельствуют многочисленные статистические выкладки, объемный свод онимов, значительный по количеству корпус привлеченных, в частности, прецедентных текстов русской и мировой литературы, в том числе научных, научно-популярных, узкоспециальных. Детальный анализ, глубокие вы-

воды практического характера убедительно представляют позицию автора, который был объективен в оценках. Публикации Н.С. Лескова репрезентировали автора как яркую языковую личность, виртуозно работающую со словом, которое соотнесено с внетекстовой реальностью, обогащено смысловыми приращениями и имплицитными составляющими, свидетельствующими о пассионарности, об идейно-художественных интенциях автора. Рассмотрение данных вопросов на материале произведений многих писателей и поэтов очень актуально [16; 18; 19].

Национальная специфика находит свое проявление в устройстве быта человека. Этнокультурный подход к изучению текстов требует выделения единиц, отражающих эту составляющую в языковой картине мира их автора, так как цель публицистики – не только показать, но и направить внимание общественности на существование проблем в народном быту, причем в различных сословных группах [2; 6; 13]. Значение слова *быт* определяется как «уклад повседневной жизни, внепроизводственная сфера, включающая как удовлетворение материальных потребностей людей (в пище, одежде, жилище, поддержании здоровья), так и освоение духовных благ, культуры... Складывается и изменяется под влиянием материального производства, общественных отношений, уровня культуры, а также географических условий и оказывает огромное влияние на другие стороны жизни людей, на формирование личности» [9]. Н.С. Лесков подчеркивает, что русский человек отмечает заботу французов о слугах преклонного возраста – это вызывает раздумья по поводу того, как это установлено на родине. Прагматическая установка автора на показ лучших образцов для заимствования очевидна:

У нас ведь не то, что за границую, где добрую слугу берегут и ценят, и пенсии всякие для старых слуг, и все выдуманно; а у нас что? Одно слово, живи в лесу как дубеба, да под пнем и не дохни [12].

Показательна развернутая картина внимания европейского общества к нуждам человека, что эксплицировано в контексте словом *нет* (*нет нищих, оборванцев, калек и уродов...*):

...он едет, едет по чужеземщине и видит людей живых, хорошо одетых и здоровых. Где же это нищие, пухнувшие с голоду? Их нет: они прибраны и приютены своими приходами. На станциях поезда не осаждают оборванцы, целые версты бегающие вдогонку у нас по московско-харьковскому шоссе; нет отвратительных калек

и уродов, украшающих паперти церквей нашей самохвальной России, нет изуродованных лошадей со сбитыми маслаками... [12].

Зарисовки такого характера демонстрируют более высокий, чем в России, уровень жизни простолюдинов. Горький сарказм автора, вербализованный единицами, создающими контраст (*люди живые, хорошо одетые и здоровые – нищие, пухнувшие с голоду*), оксюморонными сцеплениями (*калеки и уроды, украшающие паперти церквей*), сочетаниями язвительного характера (*самохвальная Россия*) свидетельствует о том, что *свой* значительно ниже, а значит и хуже *другого, чужого*. Публициста это заставляет задуматься о возможности приближения России к цивилизационным достижениям Запада, о чем он неоднократно писал в статьях бытовой направленности, а героев его очерков – осознать униженность своего положения, неудовлетворенность жизнью, бесперспективность и безысходность будущего. Полезным и привлекательным для русского простолюдина представляется то, что квалифицируется им применительно к чужому как ‘удобное’, ‘человеческое’, что следует ‘беречь’, ‘ценить’.

Так, русских простолюдинов-слуг больше, чем бытовые условия, беспокоит отношение господина к прислуге. Н.С. Лесков эту оппозицию представит антонимическими коррелятами *труд – капитал; работник – капиталист; слуга, прислуга – господин, принципал*. Противопоставленность рассматривается только в кругу русских; к слуге-французу господина проявляют почтительное отношение:

...слуга-турист слышит, что <...>здесь с каждым слугою, с каждым увриером говорят на вы, соблюдая притом всю вежливость и деликатность <...>и спрашивает себя: «А у нас-то где же все это? А ведь это совсем не вредило бы, чай, и нашему брату?» И он взглядывает исподлобья на своих принципалов и спрашивает: «А вы-то что же, голубчики, о себе думаете? Вы как с нами обращаетесь?» [12].

Н.С. Лесков с помощью описательных глагольно-именных оборотов (ОГИО) показывает, как предикаты (*говорить на вы, соблюдать вежливость и деликатность*) демонстрируют подчеркнута привилегированное положение слуг-иностранцев по отношению к русским слугам. Отмечая своеобразие ОГИО «как расчлененной единицы номинации», Е.Н. Лагузова указывает на имплицитное выражение семантики одобрения / неодобрения и, таким образом, на «расширение номинативных возможностей ОГИО» [9]. Назван-

ные выше единицы лесковского текста иллюстрируют коннотацию мелиоративного диапазона в эксплицированном проявлении и в то же время наглядно указывают на негативную оценку в имплицитном, которая потенциально репрезентирована отрицательным компонентом не (русские слуги осознают несправедливость преимущества их коллег-европейцев уже по обращению господ и к тем, и к другим). Уязвленное самолюбие русских простолюдинов страдает еще и от того, что пришло понимание «скудости и безобразия <...> положения в России» [12]. Представление о европейской бедности быстро меняется на противоположные (*парижская нищета богаче московского довольства*), а воззрение на свой образ жизни претерпевает мучительную трансформацию (*батюшка, знаю, что мне теперь трудно будет жить, поглядевши, как у людей-то за границей живут*) [12]. Так размышляет колоритно обрисованная публицистом русская нянька четырехлетнего «князька» Матрена Ананьевна – «*субъект очень крупный, здоровый и живой*», характеризуемый автором с помощью лексем положительного оценочного поля (*весела, добра от природы, рассудительна, хлебосольна*) и синтагмы, подчеркивающей нравственное совершенство (*образец честности и гордости*). Женщина в возрасте (ей от сорока до сорока пяти лет), Матрена Ананьевна, по аттестации публициста, «*много научилась понимать не холопским пониманием*» [12]. Яркой характерологической единицей в контексте выступает адъективне *холопский*, значение которого можно определить как «независимый, развитый, самостоятельный», то есть стоящий выше холопов не в социальной лестнице, а в развитии.

Но и молодые русские девушки-служанки, как показывает текст, при всей культурно-цивилизационной отсталости демонстрируют чистоту помыслов и поступков в моральном и духовном отношении. О представителях простого народа, с кем по тем или иным причинам общался Н.С. Лесков за границей, он отзовется восторженно и, без сомнения, с прагматикой сравнения и побуждения к улучшению других:

Я и теперь не хочу обидеть русских людей, не бывавших за границей, когда скажу, что мне не доводилось дома встречать сплошь и рядом такого количества прекрасных русских простолюдинов, каких я узнал в Берлине, Ницце и Париже [12].

Автор отмечает прагматический подход очаровательных французенок в отношениях с молодыми людьми. Публицист затрудняется

с номинированием этого явления («Я не касаюсь того, что такое это будет за любовь и можно ли ее даже называть любовью, по классическим понятиям об этом чувстве, но все-таки любовную связь гризеты было бы жестко назвать развратом») [12], не характерного для русских девушек, разграничивающих положение содержанки и искреннюю любовь. Здесь Н.С. Лесков использует слово *гризета* (франц. *grisette*), которое справочники фиксируют как *гризетка* в следующих значениях: «молодая девушка, живущая трудами своих рук»; «молодая девушка легких нравов» «молодая девушка, не очень строго придерживающаяся нравственных правил» [9].

Мы полагаем, что в слове *гризета* контаминируется семантика ЛСВ «молодая девушка, не очень строго придерживающаяся нравственных правил» и «живущая трудами своих рук», что наглядно иллюстрируют лесковские контексты. Практицизм французских гризет показан автором через описание их сожителства с молодыми русскими мужчинами:

Начинается прежде всего расспрос: «Сколько ты получаешь денег? В какие сроки? Сколько у тебя есть? Сколько платишь за комнату, прачке, за лекцию, за вино?» <...> Деньги, нужные на житье, отбираются каким-то таким способом, что рассказать его никак нельзя. Знаю только, что это делается без всяких требований; но, как бы вы ни были круты, упрямы, это все так непременно делается. Как французы говорят: женщина сделает «крак!», и человек сломан. Недаром Матрена Ананьевна, насмотревшись на французенок, говорила: «Они небось: они не такие, как мы, глупые да простодушные» [12].

Здесь расчетливость девушек-француженок эксплицирована повтором вопросительного наречия *сколько*, употреблением глаголов и отглагольных производных, номинирующих активное воздействие на объект (*отбираться*, (*человек*) *сломан*). Названные единицы включают в семантический объем компоненты 'подчинения' 'воле субъекта': *отбирать* – «брать у кого-л. вопреки его желанию, воле» [9]; *сломать* – «подавить кого-л., одолеть» [9].

Отсутствие прагматичности у русских оконтурено предикатной лексикой (*глупые да простодушные*), представленной в речи героини очерка. Адъективы *простодушный* – «бесхитростный, доверчивый» [9] и *глупый* – «недогадливый, несообразительный; наивный (о детях)» [9] – выступают как яркое характерологическое средство репрезентации типичных качеств русской девушки: доверчивости,

откровенности, детской наивности. Эти смысловые компоненты ('доверчивость', 'сочувствие' и др.) представлены в контексте категории 'Свой' [11].

Н.С. Лесков в цикле очерков «Русское общество в Париже» демонстрирует противоположность и несовместимость европейских и русских морально-нравственных доминант. Он показывает практицизм молоденьких француженок, умеющих легко и изящно подчинить себе «крутую славянскую морду», манерность и показной артистизм французов («Как отравляются угольным чадом в Париже»), приспособленчество и подленькие поступки поляков, их кичливость, пренебрежительное отношение к русским («Скандалы, устроенные русскими в Париже»).

Идейно-прагматические установки и жанровая специфика публицистического произведения мотивируют выбор каждой единицы и обуславливают ее отношения с другими в контекстах Н.С. Лескова, однако языковой личности принадлежит приоритет в выборе предпочтительного оценочного средства выражения, таковым становится разностилевая лексика, экспрессивные единицы [17; 20], окказионализмы различных типов, разноструктурные элементы антонимических блоков-композиций, члены синонимических парадигм [21].

Н.С. Лесков в публицистических произведениях 1860-х гг. предстает как активная социальная и языковая личность, полем деятельности которой является социум, сфера межличностных отношений, что подтверждается составом языковых средств и приемов, к их числу относится языковая игра, цель ее создания – использование приемов русской смеховой культуры, отражающих стремление автора вызвать интерес к проблеме, возбудить общественные силы.

В публицистике Н.С. Лескова исследуемого периода проявляется специфическая черта – полифункциональность языковых единиц. Выбор языковых средств в системе текста определяется их адресованностью просвещенному читателю, который мог бы оценить лингвокультурологические составляющие публицистических произведений, что является авторской установкой на тип адресата.

Изучение произведений классиков русской литературы и публицистики отвечает требованиям времени – формированию средствами образования [7; 8; 4] (в частности, литературы) гармонично развитой личности [14], осознающей свою идентичность, а также устранению многих социальных проблем [3; 5; 15].

Библиографический список

1. *Валеева Е.В.* Феномен адаптивной идентичности: новые образовательные задачи // Единая российская нация: проблемы формирования её идентичности: сборник статей участников Всероссийской научно-практической конференции. Арзамас, 2017. С. 297–299.
2. *Валеева Е.В.* Формирование человека: проблемы образовательного универсума // Вопросы культурологии. 2017. № 4. С. 15–23.
3. *Воронов К.А. и др.* Социальное проектирование по устранению социальной проблемы алкоголизма (Часть I) // Дискурс. 2018. № 5 (19). С. 125–133.
4. *Воронов К.А. и др.* Социологический анализ развития профессионального образования в Орловской губернии и Брянском уезде // Дискурс. 2018. № 12 (26). С. 85–95.
5. *Воронов К.А. и др.* Устранение социальной проблемы алкоголизма: социальное проектирование (Часть II) // Дискурс. 2018. № 5 (19). С. 134–144.
6. *Голенкова О.В., Лифанова Т.Е., Шилина С.А.* Педагогические кадры в Брянском уезде Орловской губернии на рубеже XIX–XX веков: социально-социологический анализ // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2020. № 2 (43). С. 9–13.
7. *Голенкова О.В., Лифанова Т.Е., Шилина С.А.* Развитие образования в Брянском уезде Орловской губернии в XIX – начале XX веков: историко-социологический аспект // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2020. № 1 (42). С. 9–14.
8. *Голенкова О.В., Лифанова Т.Е.* Региональный фактор подготовки бакалавров социальной работы // Современное образование: содержание, технологии, качество. 2017. Т. 2. С. 149–151.
9. *Головачева О.А.* Прагматико-стилистический потенциал слова Н.С. Лескова (язык публицистики 60-х годов XIX века): дис. ... д-ра филол. наук. Смоленск, 2017.
10. *Головачева О.А., Стародубец С.Н.* Символическое значение обрядов рождения и крестин: по материалам публицистики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2015. № 5. С. 19–28.
11. *Головачева О.А., Шилина С.А.* Современный русский язык. Словообразование: учебник для квалификации «бакалавр» направления подготовки 44.03.05 «Педагогическое образование» профиль «Русский язык и литература» (по специальности 32900 – русский язык и литература). Брянск, 2018.
12. *Головачева О.А.* Устойчивые единицы как идиостилевые маркеры в цикле очерков Н.С. Лескова «Русское общество в Париже» // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 1 (27). С. 236–242.

13. *Головачева О.А.* Языковые оценочные средства в статьях Н.С. Лескова о полицейских врачах // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. № 7 (102). С. 154–159.
14. *Мамедов А.К.* Социальные последствия виртуализации личности // Коммуникативное пространство современного мегаполиса: диалог программ: материалы научной онлайн-конференции с международным участием. М., 2019. С. 44–48.
15. *Мамедов А.К., Коркия Э.К.* Социальный контекст нового медиапространства // Общество: социология, психология, педагогика. 2017. № 3. С. 9–19.
16. *Никутьцева В.В.* «В жизни безмятежной твои глаза пускай не ведают слезы...» (Лингвотекстологический анализ экспромтов Фёдора Сологуба, посвящённых О.А. Глебовой-Судейкиной) // Слово. Словарь. Словесность: к столетию кафедры русского языка и 95-летию профессора Сакмары Георгиевны Ильенко: сборник научных статей. Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, филологический факультет, кафедра русского языка. 2019. СПб., С. 87–93.
17. *Никутьцева В.В.* «Лица, которого бесчестны неуловимые черты...» (Образ О.А. Глебовой-Судейкиной в творчестве Игоря-Северянина) // Текст в культурном, историческом, языковом пространстве: материалы Международной заочной научно-практической конференции. М., 2017. С. 100–114.
18. *Никутьцева В.В.* Индивидуально-авторская трансформация фразеологизмов в поэтическом языке Игоря-Северянина // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке: материалы международной научной конференции. М., 2018. С. 265–274.
19. *Никутьцева В.В.* Лексические неологизмы Игоря-Северянина (деривация, значение, употребление): дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.
20. *Шилина С.А.* Дискурс коммуникационной культуры в свете ценностных ориентаций молодёжи // Дискурс. 2018. № 11 (25). С. 216–226.
21. *Шилина С.А.* Дискурс рекламы в социологическом управленческом аспекте // Современный дискурс-анализ. 2018. № 3-2 (20). С. 225–230.

Ольга Алексеевна ГОЛОВАЧЕВА

доктор филологических наук

профессор кафедры русского языка

Брянский государственный университет имени академика

И.Г. Петровского

УДК 81'42

Д.А. Романов

ФЕНОМЕН «СНЕГУРОЧКИ» А.Н. ОСТРОВСКОГО: ТЕКСТ В КОНТЕКСТЕ АВТОРСКОГО ТВОРЧЕСТВА (ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Аннотация. В исследовании рассматриваются содержательные, композиционные и собственно языковые новации А.Н. Островского, которые проявились при создании весенней сказки «Снегурочка» в связи с избранием условной поэтики художественного изображения.

Ключевые слова: художественный текст, поэтика, сюжет, композиция, язык, лексика.

D.A. Romanov

THE PHENOMENON OF «SNOW-MAIDEN» A.N. OSTROVSKY: TEXT IN THE CONTEXT OF THE AUTHOR'S CREATIVITY (LINGUO-POETIC ASPECT)

Abstract. The study examines the content, compositional and proper linguistic innovations of A.N. Ostrovsky, which appeared in the creation of the spring fairy tale «The Snow-maiden» in connection with the election of the conventional poetics of artistic depiction.

Keywords: literary text, poetics, plot, composition, language, vocabulary.

К 1873 г., когда была закончена весенняя сказка «Снегурочка», А.Н. Островский считался уже известным драматургом с вполне сложившимся стилем и устоявшейся творческой манерой. Широкой публикой, критиками, редакторами журналов Островский воспринимался как автор так называемой «социальной направленности», открывший для зрителя до того неведомый мир нравов и быта русского купечества во всех деталях повседневного существования, отношений и, конечно, речевых характеристик. Пьесы Островского 1850–1860-х гг. хорошо вписывались в социальный контекст эпохи великих преобразований Александра I и имели вполне узнаваемую схему развития действия, особенности конфликта, композицию, языковое оформление. Можно сказать, что «Свои люди – сочтем-

ся!», «Гроза», «Доходное место», «Не было ни гроша, да вдруг алтын» и др. произведения создали Островскому прочное положение в русской драматургии и в русской литературе. В этом аспекты мы уже писали об околотекстовом пространстве пьес Островского [4]. Помимо «социального лица», у творчества Островского в 1860-е гг. возникла еще и историческая ипостась благодаря драмам «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» и «Василиса Мелентьева», посвященным событиям конца XVI в. Драматургия Островского имела четко выстроенный внутренний мир – богатый и оригинальный, но все-таки закрепленный внутри реалистических общественных рамок, – который к началу 70-х гг. XIX в. был, если так можно выразиться, «вполне предсказуем» в своем дальнейшем развитии, ожидаемом и предугадываемом читателями и зрителями.

На этом планомерно выстраивавшемся творческом пути «Снегурочка» стала явлением совершенно необычным и неожиданным. Пятидесятилетний драматург внезапно сделал крен в своем творчестве и создал произведение абсолютно новых для него жанра и стилистики. Пьеса была настолько необычной, что многолетний редактор и друг Островского Н.А. Некрасов, издававший в это время журнал «Отечественные записки», совершенно не понял драматурга и предложил ему такой мизерный гонорар за публикацию, что драматург был вынужден изменить своим устойчивым предпочтениям и отдать «Снегурочку» в «Вестник Европы». Многие зрители, увидевшие первую постановку Малого театра, и многие критики, посмотревшие спектакль и прочитавшие текст, встретили «Снегурочку» не просто холодно, как Некрасов, а даже враждебно. «Санкт-Петербургские ведомости» в анонимной рецензии указали на скучную риторичность, натянутость, длинноты пьесы и вычурный язык. А В.П. Буренин, отличавшийся беспощадностью своих оценок и остававшийся, как правило, одиноким в их недоброжелательности, на этот раз сформулировал квинтэссенцию широкого общественного мнения по поводу пьесы: «... Из-под реального пера, нарисовавшего столько жизненных образов... начали выходить призрачно-бессмысленные образы Снегурочек, Лелей, Мизгирей и тому подобных лиц... Г. Островский всегда был только художник-сатирик. Он в своих комедиях являлся постоянно изобразителем темных сторон русской действительности... Чтоб написать поэтическую сказу,

нужно быть поэтом-лириком, нужно обладать богатством фантазии, прелестью поэтических образов и поэтического выражения... Одно, что можно похвалить в «Снегурочке», – это язык, приближающийся к народному складу. Да и тут, кажется, местами чувствуется фальшь и пересол...» [6, с. 591]. Иные мнения тонули в потоке неодобрения и возмущенного удивления отходом Островского от привычной линии его творчества.

Однако, несмотря на это, по прошествии многих лет и в контексте всего творчества Островского весенняя сказка «Снегурочка» воспринимается значительным творческим достижением драматурга и прорывом в новую поэтику.

«Снегурочка» была явлением необычным, но, как можно предположить, вполне закономерным в творчестве талантливого писателя. Будучи автором яркой творческой индивидуальности, ищущим непроторенные пути драматургии, чуждым всякой косности (в том числе жанровой и стилистической), Островский не мог не попытаться хотя бы однажды оттолкнуться от привычной для него реалистичности и испробовать поэтику совершенно иного рода – поэтику условную. Разумеется, условность «Снегурочки» совсем не такова, как условность современных ей философских драматических поэм Г. Ибсена или более поздних символистских пьес М. Метерлинка и Л. Андреева. Она, как и реалистический стиль Островского, точна и правдива, поскольку опирается на прекрасное знание национальных особенностей российской жизни, только не современной, как в других пьесах, а как бы вневременной, национально-исторической, зафиксированной пластами русского фольклора (народными песнями, преданиями, обрядами, сказками, приметам и т.д.). М.М. Стасюлевич, редактор «Вестника Европы», писал Островскому после прочтения рукописи (совместно с И.А. Гончаровым и А.Н. Пыпиным): «Мы удивлялись: и силе фантазии, и покорности ей со стороны языка. Вы превосходно изучили наш сказочный мир и воспроизвели его так искусно, что видишь и слышишь какой-то реальный мир» [6, с. 590].

Условная поэтика давала возможность Островскому ввести в пьесу такие элементы сюжета, построения и языка, которые были невозможны в реалистической драматургии, но которые представлялись автору очень важными. Можно говорить, таким образом, о со-

держательных, композиционных и языковых открытиях Островского, сделанных в «Снегурочке» (на фоне других пьес автора).

Содержательно в «Снегурочке» присутствует необычный как для Островского, так и для русской драматургии эпохи 1870-х гг. сюжет. Островский лишь формально отталкивается от мотива девушки Снегурушки, представленного в русских народных сказках (зафиксированного, например, в сборнике И.А. Худякова «Великорусские сказки», 1862 г.), а также от народных и летописных преданий о древнем племени берендеев. На самом деле он создает абсолютно оригинальную сюжетную линию, которая открывает возможности иной, чем в реализме, обрисовки героев, иной психологии и иных нравственных оценок. В «Снегурочке» представлена особая «система координат» человеческих поступков и их нравственных оценок. Движущей силой мира берендеев является живительная, созидательная любовь в ее этнически-народном понимании. Именно поэтому гибель Снегурочки и Мизгирия в финале пьесы не вызывает сожаления, а слова царя Берендея, которые были бы совершенно невозможны в пьесе реалистической направленности, воспринимаются как великая истина: «Снегурочки печальная кончина // И страшная погибель Мизгирия // Тревожить нас не могут; Солнце знает, // Кого карать и миловать. Свершился // Правдивый суд! Мороза порождение – // Холодная Снегурочка погибла. // Пятнадцать лет она жила меж нами, // Пятнадцать лет на нас сердилось Солнце. // Теперь, с ее чудесною кончиной, // Вмешательство Мороза прекратилось. // Изгоним же последней стужи след // Из наших душ и обратимся к Солнцу».

Снегурочка, которая на протяжении четырех действий пьесы рождала симпатию зрителей, таким образом, своей кончиной вызывает не чувство скорби, а чувство радостной веры в будущее, надежды на благодатное и счастливое время плодородия, довольства и торжества жизни. Такое своеобразное психологическое развитие сюжета («трагедийное, но не катастрофичное», сочетающее в развязке «трагичность и оптимистичность» [2, с. 110]) позволяет Островскому приблизиться к древнему пониманию жизни и смерти, начала и конца существования как неизбежного и вечного круговорота, характерного природе, человеческой жизни, вселенной в целом. «Однозначно оптимистическая трактовка финала создает противо-

речие с непосредственным зрительским сочувствием погибшим героям... «Снегурочка» не укладывается в жанр сказки, она приближается к мистериальному действу... Приход лета неотвратим, и Снегурочка не может не растаять. Все это не обесценивает, однако, ее выбора и жертвы» [2, с. 110].

Условный стиль «Снегурочки» позволяет Островскому оторваться от ставшей привычной, а потому отчасти обесцененной для зрителей психологической трактовки многих человеческих чувств, в первую очередь, чувства любви. Еще в «Грозе» звучали мотивы любви-покорности и любви-страсти, первая из которых укладывается в социальные институты брака и семьи, а вторая – необузданна и права во всех своих проявлениях. В «Снегурочке» Островский реконструирует дохристианское представление славян о любви как всепобеждающей силе жизни, молодости, стремления к счастью и наслаждению. Купава и Лель являются в этом отношении идеальными героями. Не случайно Купава провозглашает в рассуждении о Солнце: «Когда его встречаем, жизни сила, // Огонь любви горит у нас в очах. // Любовь и жизнь – дары Ярила-Солнца...»

Отношение к любви и ее оценка в пьесе исключительно языческие, былинные: любовь все оправдывает, все разрешает и все побеждает. Такой психологический контекст был совершенно невозможен в пьесе реалистического духа. Та же Купава говорит Лелю: «Мани меня, когда ласкать захочешь, // Гони и бей, коль ласка надоест. // Без жалобы отстану, только взглядом // Слезящимся скажу тебе, что я, мол, // Приду опять, когда поманишь». Столь же языческим является и саркастическое утверждение Елены Прекрасной, жены боярина Бермяты: «... Юноши все нагло-бессердечны, // Зато мужья и милы, и добры», осуждающее отсутствие в семейной жизни подлинных, живых страстей и искренних переживаний. Все целомудренно-застенчивое, робкое в изъяснении чувств, неполнокровное обречено на гибель – таково устройство мира берендеев. Мизгирь, осуждающий Купаву за открытое проявление любви и предпочитающий ей сдержанную, холодную Снегурочку, обречен на гибель. Здесь система оценок прямо противоположна системе оценок реалистической пьесы. Вспомним знаменитый упрек Мизгиря Купаве: «Влюбленному всего дороже скромность // И робкая оглядка у девицы; // Сам-друг она, оставшись с милым, ищет // Как будто где себе защиты взором.

// <...> Одной рукой ревниво держит друга, // Другой его отталкивает прочь. // А ты меня любила без оглядки, // Обеими руками обнимала и весело глядела. // <...> И думал я, твое бесстыдство видя, // Что ты меня сменяешь на другого». В реалистической пьесе это был бы вполне закономерный упрек, справедливый и оправданный психологией цивилизованного общества. Для нарисованного Островским мира берендеев этот упрек кощунствен, противоестествен, несправедлив по отношению к Купаве. Он содержит предвестие смертельной развязки для Мизгиря. Все в пьесе направлено на «прославление неуспокоенного «горячего сердца» русского человека» [7, с. 335].

Таким образом, Островский сумел дать совершенно иную обрисовку героев, чем это было характерно его творческой манере ранее. Не исключено, что именно к этому и стремился драматург, избирая условную поэтику жанра весенней сказки. То, что было ему недоступно ранее в силу жанрово реалистического направления его творчества, теперь стало вполне возможно. Языческая былинная сила характеров, широчайшая амплитуда чувств и переживаний, ничем не сдерживаемые страсти любви, ненависти, зависти «вылились» в сцены «Снегурочки» и показали талант Островского с новой стороны. Его наблюдения над народной жизнью, его собирание фольклорных текстов и ярких образцов простонародной и диалектной речи, его интерес к русским этническим обрядам и действиям – все это отразилось в «Снегурочке» в высшей мере, в то время как в других пьесах Островского имело ограниченное и весьма «дозированное» проявление.

Само построение «Снегурочки» резко отличается от привычных для Островского композиций. В избранном жанре драматург сумел позволить себе нарушать реалистическую соразмерность фрагментов пьесы. В драмах и комедиях 1850–1860-х гг. даже самые большие монологи героев должны были соотноситься с объемом речи других персонажей и с характером самой ситуации, требующей обязательно обмена мнениями, обсуждения, возражений, то есть диалога в широком понимании, который важен не только как реалистическое отражение правды жизненного общения, но и как необходимое условие сценичности пьесы, соблюдения законов ее существования на подмостках, привлечения интереса зрителей сменой ракурсов и т.д. В «Снегурочке» Островский предпочел отказаться от всего

этого: реалистической соразмерности здесь не требовалось. Драматург мог себе позволить «увлечься» той или иной сценой, речью того или иного героя и не вписывать ее в какие бы то ни было рамки сценических или жанровых законов. Так появился пролог пьесы с огромным монологом, который произносит Весна-Красна, хорами птиц и празднующих Масленицу берендеев. Аналогично, то есть с нарушением реалистической пропорциональности, выстроены все явления пьесы, где действует Царь берендеев: он произносит пространные монологи о стремлении сделать свой народ счастливым, о жизненной правде, идеалах и т.д. Его речь обрамляется песнями гусяров, диалогами скоморохов, криками глашатаев, хорами народа, песнями юношей и девушек.

Островский дает возможность Царю высказаться исчерпывающе полно; все, что привлекало драматурга в русских народных языческих представлениях о жизни и человеке, находит отражение в речах мудрого властителя. Именно он раньше других понимает, что Ярило карает берендеев за «сердечную остуду» («...Горячности любовной // Не вижу я давно у берендеев. // Исчезло в них служенье красоте...»); провозглашает права старшинства и мудрости судить неопытную молодость («...Стыдливость неуместна // Пред старыми потухшими глазами»); отмечает характерную сущность своего могучего народа («Во всем велик, – мешать с бездельем дело // Не станет он; трудиться, так трудиться, // Плясать и петь – так вдоволь, до упаду. // Взглянув на вас разумным оком, скажешь, // Что вы народ честной и добрый...»). Вполне очевидно, что Островский вкладывает в уста Царя многие собственные мысли о русском народе и исконных принципах существования русского мира, – и здесь какие-либо композиционные ограничения ему принципиально не нужны. Заметим, что безграничность чувств и увлеченность своими занятиями, умение отдаться им целиком в оценке русского народа роднит пьесу Островского с драматическими и стихотворными произведениями А.К. Толстого (вспомним стихотворения последнего «Коль любить, так без рассудку...»).

Характерной чертой композиции «Снегурочки» является смешение реальности и фантастики. В этом Островский также совершенно свободен. Мир людей вписан в мир природы и в мир фантастических сил и существ. С одной стороны, это отражение особого мифологического представления о жизни, которую Островский пы-

тается реконструировать в своей пьесе из языческой древности Руси. Но, с другой – это и своеобразное испытание своих драматургических возможностей, создание новых сценических принципов, когда наряду с людьми на сцене разговаривают Весна, Мороз, жалуются на холод замерзшие птицы, грозит Мизгирию охраняющий Снегурочку Леший и т.д. Островский разворачивает перед зрителями не действие, как это было у него раньше, а действие, своеобразный весенний обряд, наполненный пиршеством красок и голосов.

Наконец, еще один композиционный «поворот», который не был характерен Островскому ранее, – стремительность развития действия. В весенней сказке детерминированность не поступательно-реалистическая, а чувственно-условная, мгновенная. Это вовсе не лишает ее правдоподобия, хотя формально и не соответствует действительности. Но, по сути, в стремительности поступков героев отражаются те же законы, что и в жизни. Так, в реалистической пьесе совершенно невозможно, чтобы в одном действии, мало того, всего в трех явлениях, было показано, как страстно любящий герой внезапно охладевает и воспламеняется чувствами к другому объекту. В «Снегурочке» Мизгирь, словно за одно мгновение, превращается из жениха Купавы в поклонника Снегурочки, а его страстные речи по отношению к своей первоначальной избраннице сменяются укорами. За три явления своей новаторской пьесы Островский показывает то, что в реалистической драматической поэтике укладывается в несколько действий. Но подлинная суть человеческих отношений, движущая сила поведения героев при этом остается той же, и она выражена в словах Мизгирия: «И для любви погасшей возврата нет, Купава». Таким образом, условная поэтика открывает перед Островским возможность «сгущать» события и экономить при этом сценическое время; отрезки хронометража пьесы распределяются по-иному: место протяженной реалистической детерминированности чувств и поступков занимают фрагменты мистериального действия. В этом особенность языческого мира пьесы, нарушающего формы, но не сущностные черты человеческого бытия.

Условная поэтика открывает перед Островским новые возможности языковой интерпретации действительности. Широко известно, насколько Островский стремился к тому, чтобы сделать язык своих пьес лиричным. Не раз говорилось о поэтической стихии «Грозы», об особом лирическом настроении пьес (или фрагментов пьес) Остров-

ского, посвященных искусству. В «Снегурочке» подобная лиричность обусловлена избранными автором жанром и направлением. Эта лиричность связана с самим народно-поэтическим складом языка пьесы, богатством ее стихотворных размеров и содержанием составляющих ее диалогов, монологов, хоров, песен и т.д. «В этом плане «Снегурочка» определенным образом созвучна народным поэмам Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» и «Мороз, Красный нос»» [7, с. 345].

Много написано о том, как широко привлекал Островский при работе над пьесой произведения устного народного творчества: доступные ему записи сказок, песен, былин, описания обрядов и т.п. Так, ритм хора гуслей в начале второго действия Островский почерпнул из «Слова о полку Игореве». «По черновой рукописи «Снегурочки» можно проследить, как драматург экспериментировал, «извлекая ритм» из «Слова о полку Игореве». <...> Выписав рифмы будущего эпизода, он затем создал его первый вариант, в котором отразились поиски размера, близкого своеобразной гармонической организации текста «Слова о полку Игореве». <...> Затем по схеме найденного размера писатель исправил все строки соответственно этому размеру» [3, с. 589].

Лиричность «Снегурочки» проявляется, таким образом, в ее поэтичности (реальных силлабо-тонических и тонических размерах ее фрагментов) и музыкальности ритмического строя. Последним обусловлено внимание к «Снегурочке» со стороны композиторов: музыку к пьесе в целом и ее отдельным частям писали П.И. Чайковский и Н.А. Римский-Корсаков.

Речь героев Островского практически лишена социальной обусловленности. В отличие от реалистической пьесы, весенняя сказка не требовала специального внедрения просторечия, диалектизмов, языковых неправильностей, характерных языку простонародья. Берендеи, пастушонок Лель, деревенская девушка Купава по речевым характеристикам не отличаются от купеческого сына Мизгирия, Царя, Снегурочки, Весны и т.д. Реалистическую социальную детерминированность речи героев заменяет в «Снегурочке» ее «возвышенное разнообразие», использование многочисленных поэтических пластов языка (включая языковые черты фольклора и книжной литературной традиции).

Условная поэтика открывает перед Островским возможности использования тех пластов лексики, которые в его бытовых жанровых

пьесах задействовались в незначительной мере. В первую очередь это касается лексики природы, представленной всеми своими разновидностями: фитонимами, названиями ягод, зоонимами, орнитонимами и т.д. Так, в хоре птиц, сопровождающем Весну, участвуют *орел, перепел, сова, гуси, утята, чирята, воробьи, журавль, петух, чечет, ласточки, дятел, рыболов, цапля, кукушка, ворона*, а красоту полюбившей Снегурочке должны отдать *ландыш, незабудка, роза, василек, кашка, мак, хмель*. Особый лексический пласт пьесы составляет обрядовая лексика: *пенье, пляска, хоровод, кружок, гульбище, игрище, позорище, хор, шуты, скоморохи, гуслиры* и др.

Большую роль в условной поэтике пьесы играет лексика чувств, переживаний и эмоций. Необходимо отметить их быструю контрастивную смену (в силу указанных выше композиционных особенностей произведения) и особую семантическую насыщенность. Так, еще несколько минут назад любившая Мизгирия Купава в конце первого действия уже называет его *постылым*, а другие персонажи характеризуют ситуацию и поведение героини такими словами, как *тоска, проклятье, гнев, кара*. Предлагаемая Островским новая сценичность пьесы в условной поэтике вызывает к жизни многообразные цветовые решения действий. Отсюда обилие в пьесе колоративной лексики, которая словно бы передает визуальную окраску происходящего на сцене. Так, уже в Прологе в речи Мороза, которая занимает чуть более страницы пьесы, встречаем следующие колоративные слова и сочетания: *морозная пыль, марево, лучи, разноцветный, загораются, яркого, жаркого, пышного, красно, вишнево, румяная заря, туман седой*. Характер действия, отнесенного в былинное прошлое и бытование простого народа, диктует обилие лексики, называющей крестьянскую одежду и одежду, вышедшую из обихода (*треух, доха, тулупчик, рукавички, кика, кафтан, запон* и проч.), а стремительность его развития – частотность оценочных слов всех типов. В языке пьесы, стилизованном на древнерусский и фольклорный лад, следует отметить церковнославянизмы (в том числе слова с неполногласием), сложные слова (вроде *среброкудрый, благоуханный, краснопогодный*), суффиксальные деминутивы и мелиоративы различных частей речи.

Творческий эксперимент Островского, предпринятый при написании «Снегурочки», при всей своей внешней непохожести на его другие замыслы и свершения, парадоксально создал «максимально-

обобщенный образ «мира Островского», воспроизводящий в фольклорно-символической форме лирическое авторское представление о сути национальной жизни» [1, с. 244]. И этот эксперимент вовсе не выглядит чужеродным или, тем более, не нужным в контексте всего творчества писателя. Наоборот, он сумел проявить затушеванные, скрытые и потенциальные черты поэтики драматургии Островского. Уже в начале XX в. К.С. Станиславский справедливо и точно написал об «исключительной красоте русского эпоса» в пьесе: «“Снегурочка” – сказка, мечта, национальное предание, написанное, рассказанное в великолепных, звучных стихах Островского. Можно подумать, что этот драматург, так называемый реалист и бытовик, никогда ничего не писал, кроме чудесных стихов, и ничем другим не интересовался, кроме чистой поэзии и романтики» [5, с. 213].

Библиографический список

1. Журавлева А.И. Александр Николаевич Островский // История русской литературы XIX века (вторая половина) / под ред. Н.Н. Скатова. М., 1991. С. 207–250.
2. Журавлева А.И. Островский // Русские писатели. Библиографический словарь: в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 105–113.
3. Лотман Л.М. Снегурочка // Островский А.Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. М., 1977. Т. 7. С. 588–580.
4. Романов Д.А. Текстовые альтернативы и околотекст // Университет XXI века: исследования в рамках научных школ: материалы научной конференции научно-педагогич. работников, аспирантов, магистрантов и соискателей ТГПУ им. Л.Н. Толстого. Тула, 2014. С. 164–175.
5. Станиславский К.С. Моя жизнь в искусстве // Станиславский К.С. Собрание сочинений: в 8 т. М., 1954. Т. 1.
6. Хмелевская Е.В. Снегурочка // Островский А.Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. М., 1977. Т. 7. С. 590–595.
7. Цейтлин А.Г. Пьесы А.Н. Островского // История русской литературы: в 3 т. М., 1964. Т. 3. С. 334–347.

Дмитрий Анатольевич РОМАНОВ

доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры русского языка и литературы
Тульский государственный педагогический университет
им. Л.Н. Толстого

УДК 316.776.34

С.В. Редькин

МЕТОНИМИЯ КАК СПОСОБ ОРГАНИЗАЦИИ СЮЖЕТА И ЯЗЫКОВОГО ПРОСТРАНСТВА В ПЬЕСЕ М. БУЛГАКОВА «ЗОЙКИНА КВАРТИРА»

Аннотация. В статье рассматривается вопрос интерпретации дискурсивной (контекстуальной) метонимии в языковом пространстве текста драматического произведения. Дискурсивная метонимия служит лингвистической основой формирования сюжета анализируемой пьесы М. Булгакова и основным тропом, служащим для речевой характеристики персонажей.

Ключевые слова: узуальная (лексическая) метонимия, дискурсивная (контекстуальная) метонимия.

S.V. Redkin

METONYMY AS A WAY OF ORGANIZING THE PLOT AND LANGUAGE SPACE IN THE PLAY OF M. BULGAKOV «ZOIKINA'S APARTMENT»

Abstract. The article deals with the interpretation of discursive (contextual) metonymy in the language space of the text of a dramatic work. Discursive metonymy serves as the linguistic basis for the formation of the plot of the analyzed play by M. Bulgakov and the main trope that serves for the speech characteristics of the characters.

Keywords: usual (lexical) metonymy, discursive (contextual) metonymy.

Некоторые исследователи называют стиль отечественных драматических произведений 1920-х гг. карнавализованным, совмещающим трагическое с фамильярным, гротескным [2, с. 110–111]. Герои комедии М.А. Булгакова «Зойкина квартира» под видом швейного ателье устроили в своём жилище притон для проституток и наркоманов. В научной литературе отмечена попытка представить сценическое пространство Зойкиной квартиры в виде «поперечного среза» (метонимии). Таких «срезов» три: квартира (место проживания Зои) → квартира (пошивочная мастерская и школа пошива одежды) → квартира (место разврата) [3, с. 283].

Опираясь на идею этих трех метонимий, можно предложить иную (не сценическую) трактовку метонимии как способа организа-

ции сюжета и языкового пространства этой пьесы. Основой анализа будет служить троп метонимия и его разновидность синекдоха. Базовую метонимическую модель, лежащую в основе сюжета, и её речевое воплощение с помощью тропа метонимии можно представить следующим образом: «меняющаяся обстановка квартиры» → «изменение мотивов поведения людей в этой квартире». Предлагаемая базовая метонимическая модель может быть расширена: «меняющаяся обстановка в Москве → «изменение мотивов поведения москвичей». В качестве примера такой характеристики людей можно использовать метонимии в описании кабинета Евгения Онегина: «Янтарь на трубках Цареграда, / Фарфор и бронза на столе / и, чувств изнеженных отрада, / Духи в граненом хрустале».

В Пушкинских строках слова *фарфор*, *бронза*, *хрусталь* употреблены в метонимических значениях, ср.: *фарфор* ‘посуда, различные изделия из такой массы, полученные путём специальной обработки’; *бронза* ‘художественные изделия из этого сплава’; *хрусталь* ‘изделие, предмет из такого стекла’, а слово *янтарь* – в прямом значении ‘окаменевшая смола хвойных деревьев третичного периода желтого цвета различных оттенков (используется как ценный поделочный материал)’.

Символ близок к метонимии. По мнению И.А. Авдеенко, связь между символом и его содержанием основана на смежности, но эту связь строго метонимической назвать нельзя, потому что символические ассоциации, в отличие от метонимических, непредсказуемы [1, с. 16]. Символическое значение анализируемой пьесы М. Булгакова можно сформулировать так: «Зойкина квартира» – символ ломки устоев жизни России в послереволюционное время.

Метонимию (и её разновидность синекдоху), закреплённую в словарях в качестве отдельного (номерного) значения, обычно называют узуальной (лексической), а метонимию, встречающуюся только в речи, в текстах художественной литературы, – дискурсивной (контекстуальной). Дискурсивная метонимия если и встречается в словарях, то отмечается в словарной статье не «номерным» значением, а «параллелькой» ‘знаком //’.

Пример дискурсивной метонимии взят из произведения известного писателя, ср.: «У мамы оказалась «молодая» карточка дяди Мити, довоенная, с любовной надписью...» (А. Битов. Пушкинский

дом). Слово сочетание *молодая карточка* можно понять как «карточка, на которой человек запечатлён в то время, когда он был молодым». Определение из словосочетания *молодой человек* переносится в другое словосочетание, в котором существительное *человек* заменяется существительным *карточка*. Благодаря тому что дискурсивное словосочетание представляет собой сжатое представление целого описания, создаётся эффект многомерности изображения [4, с. 357]. В тексте пьесы М. Булгакова встречаются оба вида метонимии.

Авторские ремарки раскрывают основные сюжетные линии пьесы. Лингвистическую основу этих ремарок составляет метонимия. Используя этот троп, М. Булгаков стремится передать запутанность повседневной жизни москвичей 1920-х гг., причудливое переплетение в ней реалий старого и нового времени, причём быстро меняющийся мир показан из окон квартиры. Этим пространственным ракурсом подчёркивается первостепенное значение дома, семейного очага в авторской системе ценностей. В пьесе показано, как за короткий срок может разрушиться формировавшийся в течение долгого времени мир личного пространства человека, пространства, составляющего основу не только личной жизни, но и существования государства, его культуры.

В первой авторской ремарке первого акта представлен облик послереволюционной Москвы, ср.: «За окнами двор громадного дома играет как страшная музыкальная табакерка» – метонимия; прямое неметонимическое описание было бы таким, ср.: *Во дворе громадного дома слышны, как из страшной музыкальной табакерки, пение и крики*. «Шаляпин поёт в граммофоне: “На земле весь род людской...”» – метонимия; прямое неметонимическое описание такое, ср.: *Из граммофона слышится пение Шаляпина*. Это смешение звуков за окном Зойкиной квартиры кажется настолько ирреальным, что автор сравнивает «играющий двор» (метонимия) за окном Зойкиной квартиры со страшной музыкальной табакеркой. Абсурдность происходящего усиливается музыкальным образом Мефистофеля. Этот метонимический образ задает, если говорить музыкальным языком, соответствующую тональность всему, что будет происходить дальше, и тональность эта, как видим, дьявольская. Дискурсивная метонимия, возникая в спонтанном общении людей, служит прекрасным средством характеристики персонажа, раскрывая через его

речь ту или иную степень образованности, культуры, воспитанности, порядочности этого человека.

Хозяйка квартиры Зоя хвастается перед своей служанкой Манюшкой, ср.: «Зоя. Есть бумажка, есть бумажка. Я её достала. Есть бумажка!». В этом примере слово *бумажка* имеет метонимическое дискурсивное значение ‘документ’.

Председатель домкома Аллилуя, зная, что Манюшка не племянница Зои, а её служанка, грозит Зое, ср.: «Аллилуя. Постановили вас уплотнить». Слово *уплотнить* в этом контексте означает ‘заставить потесниться в своей квартире, доме, вселив туда кого-л.’. Это значение метонимическое дискурсивное. В гипотетически исходной фразе смысл этого глагола раскрывался бы так, ср.: *Постановили уплотнить вашу квартиру, вселив в неё жильцов*. Вместо *уплотнить квартиру* Аллилуя употребил словосочетание *уплотнить вас*. Зоя, чтобы избежать уплотнения, решила дать преддомкома взятку, назвав пятидесятирублёвую купюру фальшивой пятичервонной бумажкой, ср.: «Зоя... дали мне у Мюра сегодня пятичервонную бумажку, а она фальшивая. Такие подлецы! Посмотрите, пожалуйста. Ведь вы спец по червонцам... Аллилуя. Ах, язык. Ну уж и язык у вас. (Смотрит на бумажку на свет.) Хорошая бумажка. Зоя. А я вам говорю – фальшивая. Аллилуя. Хорошая бумажка. Зоя. Фальшивая! Фальшивая! Не спорьте с дамой, возьмите эту гадость и выбросьте. Аллилуя. Ладно, выбросим. (Бросает бумажку в свой портфель.) А может, и Манюшку удастся отстоять...». В этом контексте слово *бумажка* имеет значение ‘деньги, взятка’. Таким витиеватым, подъявольски изворотливым речевым способом Зоя сопровождает своё противоправное действие: даёт Аллилуе взятку, чтобы он не выселял Манюшку из её квартиры. Характерно, что после этой виртуозно сымпровизированной сделки сразу же следует содержащая метонимию авторская ремарка, ср.: «Рояль где-то отдаленно и бравурно играет Вторую рапсодию Листа». Дискурсивность метонимии доказывает синтаксическая трансформация, ср.: *Рояль играет рапсодию* → *На рояле играют рапсодию*. Одно из значений слова *рапсодия* содержит смысловой компонент «виртуозный» – ‘виртуозное инструментальное произведение, чаще всего свободной формы, использующее напевы народных песен и танцев’.

Эти две метонимии – звуковая метонимия грамофонного пения, передающая дьявольскую активность, и метонимия *бумажка*

в значениях ‘деньги’ и ‘документ’ – определяют все сюжетные линии и всё дальнейшее развитие сюжетной интриги пьесы.

Таких дискурсивных метонимий в пьесе много. Вниманию читателей предлагаются некоторые из них.

Аллилуя, пытаясь обнять Манюшку, метонимически называет себя «официальным лицом». Манюшка, отбиваясь от назойливого ухажёра, употребляет слово *лицо* в прямом значении, ср.: «Манюшка. Шли бы вы отсюда Анисим Зотикович, а то неприлично. Хозяйки нету, а вы в спальню заползли. Аллилуя. Ах ты! Кому же это говоришь, сообрази. Ты видишь, я с портфелем? Значит лицо должностное, неприкосновенное. Я всюду могу проникнуть. Ах ты! (Обнимает Манюшку.) Манюшка. Я вашей супруге как скажу, она вам всё должностное лицо издерёт».

Обольянинов жалуется Зое, что его называли «бывшим графом» и что его нужно «поместить в музей революции», ср.: «Обольянинов. Сегодня ко мне в комнату является какой-то длинный бездельник в высоких сапогах, с сильным запахом спирта, и говорит: “Вы бывший граф”... Я говорю – простите... Что это значит – “бывший граф”? Куда я делся, интересно знать? Вот же я стою перед вами. Зоя. Чем же это кончилось? Обольянинов. Он, вообразите, мне ответил: “Вас нужно поместить в музей революции”». Местоимение в винительном падеже *вас* в этом примере употреблено в дискурсивном метонимическом значении. Вместо *Вас нужно поместить в музей* следовало бы сказать *Данные о вас нужно поместить в музей*. Прилагательное *бывший* в приведенном примере употреблено в значении ‘переставший занимать какую-л. должность, положение’. В следующем примере оно использовано в метонимическом дискурсивном значении, ср.: «Обольянинов. А дальше я еду к вам в трамвае мимо Зоологического сада и вижу надпись: “Сегодня демонстрируется бывшая курица”. Меня настолько это заинтересовало, что я вышел из трамвая и спрашиваю у сторожа: “Скажите, пожалуйста, а кто она теперь, при советской власти?” Он спрашивает: “Кто?” Я говорю: “Курица”. Он отвечает: “Она таперича пятах”. Оказывается, какой-то из этих бандитов, коммунистический профессор, сделал какую-то мерзость с несчастной курицей, вследствие чего она превратилась в петуха. У меня все перевернулось в голове, клянусь вам. Еду дальше, и мне начинает мерещиться: бывший тигр, он теперь, вероятно, слон. Кошмар!». Дискурсивное метонимическое значение у прилагатель-

тельного *бывший* образовалось в результате смещения определения в словосочетаниях с наименованиями званий, должностей, титулов: *бывший граф, бывший министр*, на словосочетания с наименованиями животных: *бывшая курица, бывший тигр, бывший слон*.

Карточный шулер Аметистов рассказывает, как он добирался на поезде из Баку в Москву. У него были портреты вождей, которые он продавал пассажирам по двугривенному, ср.: «Аметистов... Товарищ, купите вождя! Один буржуй пять штук купил. Я, говорит, их родным раздаю. Они любят вождей». В основе этой дискурсивной метонимии – эллипсис. Фраза *Купите портрет вождя* сокращена до *Купите вождя*. Аметистов, пройдя пешком с Курского вокзала, оказавшись в квартире Зои и увидев Манюшку с бутылками пива, воскликнул, ср.: «Аметистов. Пардон-пардон. Не волнуйтесь, товарищ. Пиво? Чрезвычайно вовремя! С Курского вокзала мечтаю о пиве!». В основе дискурсивной метонимии – эллипсис в предложении *Всё время, пока шёл с Курского вокзала и сейчас, находясь в этой квартире, я мечтаю о пиве*. Зоя просит Аллилу прописать Аметистова в своей квартире. Преддомкома, зная, что получит взятку, соглашается, ср.: «Аллилуя. Ну что ж, документы у вас в порядке. А по воинской повинности грыжа у вас? Аметистов. Точно так. Вот она. (*Подает бумажку*).». Слово *грыжа* в ответе Аметистова метонимически дискурсивно означает ‘медицинская справка о грыже, болезни, освобождающей от воинской повинности’. Собираясь предложить одной из клиенток ателье красавице Алле Вадимовне заняться проституцией в притоне, Аметистов в разговоре с Зоей утверждает, что та осталась без денег и не может не согласиться на это предложение, потому что у нее «глаза некредитоспособные», ср.: «Аметистов. Ты слушай. У неё глаза некредитоспособные. По глазам всегда видно, есть ли у человека деньги или нет». Прилагательное *некредитоспособный* в данном контексте является дискурсивным смещённым определением: «некредитоспособная женщина» → «глаза некредитоспособной женщины» → «некредитоспособные глаза».

Зоя, зная, что Алле Вадимовне нужны деньги для того, чтобы на Рождество эмигрировать в Париж, предлагает ей работать по вечерам манекенщицей в школе шитья. Зарплата будет намного выше той, которую обычно получают манекенщицы. Алла Вадимовна понимает, что слово *манекеница* – эвфемизм, метонимически за-

мещающий в этом контексте слово *проститутка*, ср.: «Зоя.... никто не узнает, как Алла работала манекенщицей... Алла (*в ошеломлении*). Вот так мастерская! Поняла. Вечером. Знаете, Зойка, кто вы? Вы чёрт! Никому и никогда? Зоя. Клянусь!». Сцена завершается авторской метонимической ремаркой, ср.: «Голос под рояль поёт глухо: “Покинем, покинем край, где мы так страдали...”». В этой ремарке значение слова *голос* является метонимическим. Ср. синтаксическую трансформацию этой фразы без метонимии: *Певец под рояль поёт глухим голосом*.

Вечером ателье превращается в притон. Гости входят по условному звонку. В авторских ремарках слово *звонок* употребляется в метонимическом значении ‘звук, звуковой сигнал, производимый колокольчиком или специальным устройством’, ср.: «Условный звонок – три долгих, два коротких... Властный звонок...». В притоне появляется самый богатый жилец дома Гусь-Ремонтный, занимающий в бельэтаже семь комнат. Он видит на стене картину и хочет купить её, потому что стены в его новой квартире голые, ср.: «Зоя. Так вы хотели на голую стену повесить голую женщину?». В примере обыгрываются значения прилагательного *голый*. Словосочетание *голая женщина* метонимически означает ‘портрет голой женщины’. Зоя, предвкушая солидные деньги, которые она получит у Гуся за услуги «манекенщицы» предлагает ему эту картину в подарок. Но, как оказалось, красавица Алла Вадимовна – возлюбленная всемогущего богача Гуся, и он не ожидал, что эта женщина зарабатывает деньги таким предосудительным способом. На руках красавицы кольца, подаренные Гусем. Слово *кольцо* употреблено в метонимическом значении, ср.: «Гусь. А теперь, когда она в моих кольцах, так она в другом месте достанет. Ты посмотри на свои пальцы!». Фраза *Она в моих кольцах* метонимически означает *На ней мои украшения в виде колец, надеваемых на пальцы*. Вечер в притоне кончается трагически. Китаец Херувим убивает ножом Гуся. Появляются милиционеры. Зоя теряет всё: и квартиру, и свободу, и Обольянинова, с которым собиралась, заработав денег, уехать в Париж. Струсивший Аллилуя пытается съесть десятичервонную бумажку, полученную от Зои в качестве взятки. Последняя дискурсивная метонимия в пьесе – слово *телефон* в диалоге одного из посетителей притона Роббера и милиционера Толстяка, ср.: «Роббер. Нельзя ли по телефону по-

звонить? Толстяк. Телефон отпадает». Эта фраза означает: *Разговор по телефону отпадает.*

Приведённый анализ позволяет сделать вывод о перспективности изучения дискурсивной метонимии в тексте драматического произведения.

Библиографический список

1. *Авдеенко И.А.* Символ и метонимия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 6 (24): в 2 ч. Ч. II. С. 16–18.
2. *Барينوва К.В.* Проявление карнавализованного сознания в отечественной драматургии 1920-х годов // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 3 (118). С. 110–117.
3. *Пэк Сын Му.* Символика пространства в пьесе М. Булгакова «Зойкина квартира» // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 17. № 43–1. С. 283–287.
4. *Редькин С.В.* Полузабытая метонимия // *Текст в социальном, политическом, культурном пространстве: сборник научных статей.* М., 2020. С. 351–362.

Тексты

5. *Булгаков М.А.* Зойкина квартира // Полное собрание пьес, фельетонов и очерков в одном томе. М., 2014. С. 72–138.
6. *Пушкин А.С.* Евгений Онегин // Сочинения: в 3 т. М., 1954. Т. 3. С. 6–176.

Словари

7. Большой толковый словарь (БТС). СПб., 1998.
8. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов (ТСРЯ). М., 2008.
9. Словарь русского языка: в 4 т. (МАС). М., 1981–1984.

Сергей Витальевич РЕДЬКИН

кандидат филологических наук, доцент

доцент кафедры социально-гуманитарных и общеправовых дисциплин

Московский финансово-юридический университет МФЮА

УДК 821.161.1.0

П.П. Ткачева

В ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ ПОЭТА: В.С. ВЫСОЦКИЙ «ДВЕ СУДЬБЫ»

Аннотация. Работа над текстом песни «Две судьбы» шла нелегко, В. Высоцкий несколько раз не просто переписывал текст, а переосмысливал его, оставив в конечном итоге несколько финальных текстов, имеющих между собой определенные различия. В данной статье мы возьмем для анализа два исполнения и один рукописный текст и попробуем заглянуть в лингвопоэтическую лабораторию поэта.

Ключевые слова: текст, рукопись, исполнение, лингвопоэтическая лаборатория.

P.P. Tkacheva

IN THE POET'S LINGUOPOETIC LABORATORY: V.S. VYSOTSKY «TWO DESTINIES»

Abstract. Working on the lyrics of the song «Two Destinies» was not easy, V. Vysotsky several times not just rewritten the text, but reinterpreted it, leaving in the end several final texts that have certain differences between them. In this article, we will take two performances and one handwritten text for analysis and try to look into the poet's linguopoetic laboratory.

Keywords: text, manuscript, performance, linguopoetic laboratory.

В 1977 г. в репертуаре, исполняемом В. Высоцким, появляется новая песня – «Две судьбы». Как говорил поэт, он опять захотел написать «нечто сказочное»: «Во Франции, например, сейчас выходит новый диск с моими песнями разных лет. Там есть городские романсы десятилетней давности, посвященные моим друзьям, а есть и последние песни – вдруг вернулось ко мне желание написать не что сказочное, в полуфантастической манере. Я взял и “оживил” такие образные выражения, как “нелегкая” и “кривая”, они у меня стали персонажами. Представьте, человек встретился с “нележкой”, и она занесла его невесть куда, другая, “кривая”, грозила вынести, да не смогла, потому что кривая, с кривой ногой, – все по кругу шла. И человек вынужден был сам взяться за весла и грести против течения» [7, с. 10].

Однако, следует отметить, что это «нечто сказочное», написанное «в полуфантастической манере» довольно таки сильно отличалось от уже к тому времени ставших известными антисказок поэта, таких как «Лукоморья больше нет...», «Сказка про несчастных сказочных персонажей», «Сказка про дикого вепря» и др. Эти антисказки были пропитаны иронией, юмором, каждым словом напоминали нам реалии современной жизни, но в тоже время сказочные персонажи жили в таком сказочно-антисказочном пространстве, а сами глубоко иронические произведения были пронизаны светом. «Две судьбы» написаны совершенно в ином ключе. Здесь нет юмора, ирония на грани сарказма, герои отнюдь не сказочные, а реальные и мистические, и пространство, в котором они обитают, временами напоминает темный мир преисподней. Таково первое впечатление от знакомства с исполнением данной песни (особенно поражает запись, сделанная В. Высоцким для пластинки «Натянутый канат», где великолепная аранжировка К. Казански [10] дополняет и усиливает впечатление, создаваемое текстом и исполнением).

Но, давайте, начнем с начала, а именно попробуем заглянуть в лингвопоэтическую лабораторию мастера. Судя по тому материалу, который доступен на сегодня (а это ряд рукописей и записей), работа над текстом данной песни шла нелегко, автор несколько раз не просто переписывал текст, а переосмысливал его, оставив в конечном итоге несколько финальных текстов, имеющих между собой определенные различия. В данной статье мы возьмем для анализа два исполнения и один рукописный текст.

В октябре 1977 г. В. Высоцкий в Москве на квартире (по одной версии у Л. Целиковской [3], по другой – у Л. Делюсина) исполнил песню «Две судьбы». Запись сохранилась, текст данного исполнения практически полностью совпадает с первой публикацией этой песни [8]. В. Высоцкий поет (здесь и ниже различия в текстах выделены мною полужирным шрифтом):

Затрецит ли в повороте,
Заскрипит в водовороте –
 я не слушаю.
 То разуюсь, то обуюсь,
 На себя в воде люблюсь –
 брагу кушаю [3].

А в «Нерве» данная фраза выглядит так:

Заскрипит ли в повороте,
Затрецит в водовороте –
 я не слушаю.
 То разуюсь, то обуюсь,
 На себя в воде люблюсь –
 брагу кушаю [8, с. 214].

Во многом данное исполнение совпадает и с рукописью [4]. Данный автограф имеет все признаки белого, так как написан четким почерком, есть цифровая разбивка на части и т.д., но в тоже время здесь мы видим ряд авторских правок (что позволяет сделать вывод, что, по всей вероятности, это черновик белого автографа). Следует сказать, что строфы (приведенные нами выше и имеющие расхождение в исполнении и первой публикации) в автографе и исполнении совпадают. Однако в автографе имеют отличия и от данного исполнения, и от первой публикации следующие строки:

Я впотьмах ищу дорогу,
 Но уж брагу понемногу –
 только по сту пью.
Тварь страдает ожиреньем,
Но шагает по кореньям
тяжкой поступью [4].

В исполнении и первой публикации данные строки выглядят так:

И с одышкой, ожиреньем
Ломит, тварь, по пням, кореньям
тяжкой поступью.

Я впотьмах ищу дорогу,
 Но уж брагу понемногу –
 только по сту пью [3; 8, с. 214].

Еще одна запись песни «Две судьбы», сделанная в том же 1977 г., вошла в диск «Натянутый канат» [2]. Она имеет сходный текст, как с рассматриваемой рукописью, так и с публикацией в «Нерве». В этом исполнении так же, как и в предыдущей записи и в публикации в «Нерве» имеется последнее описанное нами отличие. Кроме этого, если в первой записи (это совпадает и с автографом, и с публикацией) В. Высоцкий поет:

Взвыл я, **ворот** разрывая:
 – Вывози меня, Кривая, –
 я на привязи!
 Мне плевать, что кривобока,
 Криворука, кривоока, –
 только вывези! [3] –

то в варианте песни, вошедшей в «Натянутый канат» этот отрывок звучит так:

Взвыл я, **душу** разрывая:
 – Вывози меня, **Крива...** Кривая, –
 я на привязи!
 Мне плевать, что кривобока,
 Криворука, кривоока, –
 только вывези! [2]

Если в первом случае чувствуется некоторая театральность действия, когда на показ разрывается рубаха (в частности ворот), то во втором – это уже крик души человека, который пытается спастись, страшный крик – вой, разрывающий душу, попытка спастись, идя на сделку с нечистой. Интересен, на наш взгляд, и тот факт, что в рассматриваемой нами рукописи В. Высоцкий пишет вначале: «душу», затем зачеркивает и исправляет на «ворот». В обоих исполнениях В. Высоцкий поет:

– Слышь, Кривая, четверть ставлю –
 Кривизну твою исправлю,
 раз не вывезла!
И ты, Нелёгкая, маманя!
 Хочешь истины в стакане –
 на лечение?... [2; 3]

В рукописном автографе и в публикации данные строки выглядят так:

– Слышь, Кривая, четверть ставлю –
 Кривизну твою исправлю,
 раз не вывезла!
 Ты, Нелёгкая, маманя!
 Хочешь истины в стакане –
 на лечение?... [4; 8, с. 215]

Следует сказать, что различаются два процитированных отрывка всего лишь союзом «и», который в первом варианте есть, а во втором отсутствует. Между тем, на наш взгляд, первый вариант грамматически является верным, во втором нарушаются причинно-следственные связи, так как союз «и» в сочетании: «и ты» показывает, что герой обращается ко второму лицу, в противном случае – создается впечатление, что герой продолжает разговаривать с первым.

Вариант, записанный на пластинке «Натянутый канат» имеет следующие строки:

Я пока за кочки прячусь,
Озираюсь, задом пячусь –
 с кручи прыгаю [2].

Эти же строки в варианте, исполненном на квартире, а также в первой публикации и автографе выглядят так:

Я пока за кочки прячусь,
К бережку тихонько пячусь –
 с кручи прыгаю [3; 4; 8, с. 216].

На наш взгляд, здесь присутствует некоторая вариантность в сюжетной образности героя. «Озираюсь, задом пячусь» и «К бережку тихонько пячусь». В первом случае показан поворот в движении: чувство опасности заставляет героя идти задом, но и тоже чувство подсказывает, что нужно оглядываться, во втором случае движение однонаправленное: опасность только спереди, а река – спасение.

Следует сказать, что данные две записи, рукописный автограф и публикация в «Нерве» (хоть она и была сделана после смерти поэта, но все же является часто публикуемым вариантом) мы можем отнести к одному варианту текста данной песни. Сюжетная линия во всех четырех случаях совпадает полностью, вариативность в расхождении незначительная.

Несмотря на то, что «Две судьбы» были написаны в 70-е гг. XX в. (а оставшиеся записи относятся к 1977 г.), именно образ Пресвятой Богородицы является сюжетной доминантой текстов: и рукописи, и рассматриваемых нами записей. Уже то, что образ Пресвятой Богородицы появляется в произведении и играет в нем основную роль, является смелым шагом автора (ведь это, повторимся, 70-е гг. XX в.). Разберем лингвопоэтические особенности данного варианта текста произведения «Две судьбы» подробнее.

К образу Пресвятой Богородицы обращается герой с просьбой помочь ему в борьбе с нечистой силой, спасти его и это обращение и спасает героя. Поэтому образ Пресвятой Богородицы прямо влияет на сюжетную линию и, в особенности, на кульминацию и развязку. Но это не единственный женский образ. Есть в данном произведении еще два женских образа, имеющих ярко выраженную мифологическую семантику. Само название «Две судьбы» имеет прямое отношение к двум мистическим женским образам, созданным в данном произведении. Во-первых, две судьбы – это, по признанию главного героя, «две судьбы мои – Кривая да Нелегкая», во-вторых, уже в самом названии заложены как мифологическая основа, так и основной философский смысл произведения. Слово «судьба» интересно прежде всего тем, что оно одного корня со словом «судить» и в мифологических представлениях народа означает то, что предопределено (суждено) человеку. В. Даль определяет судьбу, как «Суд Божий» [9, с. 302]. В древних памятниках письменности слово «суд» прямо употребляется в значении судьбы. Например, в «Слове о полку Игореве» сказано: «Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда Божия (судьбы) не минути» [5, с. 511]. Однако в нашем случае речь идет не об одной, а о двух судьбах (или о двух судах). В принципе для славянских сказок рассказывать о двух судьбах (двух долях) явление характерное. «Жили два брата: один был бедный, а другой богатый...» Или еще. «Были две дочери: работящая и ленивая...» и т.д. Однако в каждом из этих случаев есть так называемый «выбор» судьбы, поскольку строится сказка именно на антиномиях: бедность – богатство, трудолюбие – лень, доля – недоля и т.д. В нашем случае – это две судьбы, но выбор небогат: одна «Кривая», а другая «Нелегкая», причем Кривая судьба (исходя из самого определения судьбы как суда) – это кривой суд, а «кривой суд или кривосуд – кривда, неправда» [9, с. 114]). Главный герой произведения предстает перед нами уже со сложившейся жизненной позицией. В экспозиции произведения мы немного узнаем об его жизни, которую он прожил, особо не задумываясь ни о чем:

Жил я славно в первой трети
 Двадцать лет на белом свете –
 по учению,
 Жил безбедно и при деле,
 Плыл, куда глаза глядели, –

по течению.
 Заскрипит ли в повороте,
 Затрещит в водовороте –
 я не слушаю.
 То разуюсь, то обууюсь,
 На себя в воде люблюсь –
 брагу кушаю [8, с. 213–214].

Такая жизненная позиция главного героя – пить и плыть по течению (для создания данного образа автор использует каламбур: плыть по течению в лодке и плыть по течению в переносном смысле, то есть жить – подчиняясь, сложившимся обстоятельствам) предопределила все то, что произойдет с ним. Появление в дальнейшем нечистой силы закономерно и логично:

И пока я наслаждался,
 Пал туман и оказался
 в гиблом месте я... [8, с. 214].

Между тем напрашивается вопрос: почему герой встречает именно две судьбы, двух персонажей в женском облике с явно выраженной мифологической семантикой? Почему в этом гиблом месте попросту не встретить лешего, черта и т.д.? Почему образы именно женские? Мифологические представления о девах судьбы А. Афанасьев возводил к семантическому комплексу облачных дев: «Облачные девы, как хранительницы живой воды, наделяющей мудростью и предвидением, как спутницы бога грозовых бурь, призванные, с одной стороны, приносить на землю младенческие души, а с другой – увлекать души усопших в загробное царство, являлись устроительницами судьбы человеческой. Согласно с этим, древние племена присваивали им эпитеты, обозначавшие их вещей характер и влияние на рождение, смерть и вообще на всю жизнь человека» [5, с. 505]. Следовательно, судьба – олицетворение всемогущих, то благотворных, то разрушительных, но всегда неотвратимых сил, представленных в образах дев (богинь) судьбы. В соответствии с этим наш герой встречает две свои судьбы именно в женском облике (они являются олицетворением разрушительных сил), отсюда также два суда за все сделанное (и не сделанное) ранее. Образы двух судеб весьма колоритны, описаны живо и ярко. Поначалу герой не видит нечистую силу, а только слышит ее появление:

И огромная старуха
 Хохотнула прямо в ухо,
 Злая бестия.
 Я кричу, – не слышу крика,
 Не вяжу от страха лыка,
 вижу плохо я,
 На ветру меня качает...
 «Кто здесь?» Слышу – отвечает:
 «Я, Нелегкая!»... [8, с. 214].

В народном творчестве, в частности в быличках, мы также встречаемся с явлением, когда признаки нечистой силы не заметны: либо завуалированы под обычного человека, либо и вовсе не видны, «так как нечистая сила «отводит глаза» окружающим ее людям» [15, с. 373]. Однако нечистую силу можно увидеть во всем ее страшном облики, «если перекреститься, помолиться и т.д. (в этом случае можно увидеть и настоящий облик нечистой силы)» [15, с. 373]. Именно это и происходит с нашим героем. Как только он крестится и обращается к Богородице за помощью, он начинает видеть то, что происходит вокруг него (данные строки совпадают во всех исполнениях и рукописи):

Брось креститься, причитая, –
 Не спасет тебя Святая
 Богородица:
 Кто рули да весла бросит,
 Тех Нелегкая заносит –
 так уж водится! [8, с. 214].

Интересен тот факт, что автор передает нам не само обращение героя к Святой Богородице, а реакцию на него нечистой силы, значит, оно было тихим, но действенным, потому что это обращение приводит в ярость нечистую силу.

Предстают перед ним два чудовищных образа, две судьбы, явившиеся к главному герою в виде двух старух (так девы судьбы в данном произведении перевоплощаются в старух), причем за героем гонится Нелегкая, а навстречу ему идет Кривая. Перед нами антропоморфный облик нечистой силы, который наиболее распространен в поверьях, где нечистая сила довольно часто принимает образ старухи.

«К внешним признакам нечистой силы относятся и такие характерные аномальные для человека проявления, как сиплый или громкий голос, немота, шум, треск, гул, вой» [15, с. 373] и т.д. Нелегкая обладает громким голосом, она пугает героя, хохоча ему в ухо, от чего он кричит неммым криком. Образ Нелегкой создан автором при помощи каламбура. Каламбур построен посредством соединения в одном образе двух значений слова «нелегкая» (нелегкая – в смысле тяжелая – это прямое значение, и нелегкая – в значении нечистой силы). Вот как автор описывает Нелегкую:

И с одышкой, ожиреньем
 Ломит, тварь, по пням, кореньям
 тяжкой поступью [8, с. 214].

Или еще:

Ты, Нелегкая, маманя!
 Хочешь истины в стакане –
 на лечение?
 Тяжело же столько весить,
 А хлебнешь стаканов десять –
 облегчение! [8, с. 215].

Заметим, что в последней строчке «нелегкая» написано с маленькой буквы, так как является не именем героини, а описанием, определяющим ее внешний вид. Очевидно, что с прямым соединяется переносное значение нелегкой, или же нечистой, силы:

Кто рули да весла бросит,
 Тех Нелегкая заносит –
 так уж водится! [8, с. 214].

Образ второй старухи – Кривой частично напоминает образ Горы из сказок. «Пришел мужик домой, а Горе зовет его в кабак. “Денег нет!” – отвечал бедняк. “Ох, ты, мужик! На что тебе деньги? Вишь, на тебе полушубок надет, а на что он? Скоро лето будет, все равно носить не станешь! Пойдем в кабак, да полушубок побоку...” Мужик и Горе пошли в кабак и пропили полушубок» [5, с. 517]. Примерно то же самое происходит и с героем произведения «Две судьбы», он поддается на заверения Кривой «вывезти», залезает ей на горб и пытается таким образом спастись, но:

Взвыл я, ворот разрывая:
 «Вывози меня, Кривая, –
 я на привязи!
 Мне плевать, что кривобока,
 Криворука, кривоока, –
 только вывези!»
 Влез на горб к ней с перепугу, –
 Но Кривая шла по кругу –
 ноги разные.
 Падал я и полз на брюхе –
 И хихикали старухи
 безобразные [8, с. 215].

В данном отрывке интересным является выражение: «Вывози меня, Кривая, – я на привязи!». Оно напоминает нам фразеологический оборот «куда кривая вывезет» или более полный вариант: «Куда кривая лошадь вывезет». Рассмотрим этимологию данного выражения: «В народном сознании кривая осознается и в буквальном значении – “слепая на один глаз”. В основе образа фразеол. лежит память лошади – её способность запоминать дорогу. Кривая лошадь этой способностью не обладает: она запоминает одну сторону дороги (со стороны здорового глаза), а противоположную не видит. Поэтому обратный путь ей кажется незнакомым. У лошади, как и у человека, зрение стереоскопично. У кривой лошади зрение – плоскостное. Она плохо ориентируется в пространстве, поэтому с ней часто случаются беды: то с кручи свалится, то в топь заедет и т.п. И если ездок полагается на кривую кобылу, он заведомо обрекает себя на неприятности и беды. Это и лежит в основе образа фразеол., который употребляется, когда возможность беды вероятна, а человек всё же полагается на авось» [6]. Но если в фразеологическом выражении «куда кривая лошадь вывезет» используется зооморфный код культуры, то в песне «Две судьбы», как уже говорилось выше, мы имеем дело с Кривой как антропоморфным явлением. Поэтому выражение «вывози меня, Кривая» приобретает (из-за сходства с фразеологизмом «куда кривая вывезет») значение «авось повезет», но, безусловно, автору этого недостаточно для полной картины, и он создает образ Кривой при помощи каламбура: с одной стороны, Кривая – кривая во всех отношениях: кривонога, кривобока, криворука, кривоока, да еще

и горбата, а с другой стороны, в переносном смысле, – кривая дорога. Образ Кривой антропоморфен, однако имеет ряд признаков, присущих нечистой силе, аномальных для нормального человека: хромота, гипербололизированная кривизна и т.д. В. Высоцкий характеризует кривую как «колченогая Кривая». «Колченогий, – по определению В. Даля, – колтыногий, хромой, особенно если одна нога короче или ступня выворочена или берца кривы...» [9, с. 101].

В связи с описанием Кривой (ее кривоногостью, кривобокастью, криворукостью, кривоокастью и т.д.), а также с ее действиями есть прямое сходство этого образа и с таким мифологическим образом восточнославянской мифологии, как Лихо: «Лихо Одноглазое – в восточнославянской мифологии персонификация злой доли, горя, несчастья, беды. В поверьях лихо – демоническое существо, имеющее обычно облик худой одноглазой женщины или великанши ростом выше деревьев; ее появление предвещает беду. Так, по поверьям, лихо иногда бродит по земле и нападает на людей; на человека, к которому она «привязалась», начинают обрушиваться всяческие беды: он заболевает, становится нищим, теряет родных и т.д. Кроме того, считалось, что встреча с лихом нередко приводит к потере парных частей тела (руки, глаза и т.д.) или даже к гибели человека. Отделаться от лиха бывает очень сложно: говорили, что «от лиха не уйдешь»; «лихо не лежит тихо, либо катится, либо валится, либо по плечам рассыпается» [15, с. 329]. Следует заметить, однако, что в нашем случае не «лихо по плечам рассыпается», а главный герой залезает на плечи к Кривой.

В действиях Кривой просматривается прямая связь с проделками нечистой силы, описываемыми в быличках. «В быличках описываются преимущественно злые проделки нечистой силы...» [15, с. 373]. Кривая, как и леший в быличках, «водила» героя и не вывезла его, а притащила к опасному обрыву:

Не до жиру – быть бы живым, –
 Много горя над обрывом,
 а в обрыве – зла [8, с. 215].

Понимая, что ему угрожает большая опасность, главный герой идет на хитрость и предлагает старухам выпить:

Слышь, Кривая, четверть ставлю –
 Кривизну твою исправлю,
 раз не вывезла!

Ты, Нелегкая, маманя!
 Хочешь истины в стакане –
 на лечение?
 Тяжело же столько весить,
 А хлебнешь стаканов десять –
 облегчение!»
 И припали две старухи
 Ко бутылки медовухи –
 пьянь с ханыгою... [8, с. 215–216].

То, что герой в конце произведения потчует старух медовухой, хоть и косвенно, но также указывает на мифологическую семантику этих образов. Сам герой – наш современник, и иметь при себе водку, пиво или коньяк для него более характерно, чем медовуху (кстати, любимый напиток лешего). И все же у главного героя оказалась с собой именно бутылка медовухи. Здесь же указан и объем напитка: «слышь, Кривая, четверть ставлю». Четверть, это мера жидкости, распространенная на Руси, а именно: четверть ведра (ведро – 12,5 кг воды) [11]. Получается, что герой старухам предлагает порядка трех литров хмельного напитка. Старухи напиваются, а герою удается спастись:

Я пока за кочки прячусь,
 К бережку тихонько пячусь –
 с кручи прыгаю.
 Огляделся – лодка рядом, –
 А за мною по корягам,
 дико охая,
 Припустились, подвывая,
 Две судьбы мои –
 Кривая да Нелегкая.
 Греб до умопомраченья,
 Правил против ли теченья,
 на стремнину ли, –
 А Нелегкая с Кривою
 От досады, с перепую
 там и сгнули! [8, с. 216].

Почему герою удается спастись? Вопрос сложный. Ведь дело явно не в крепости медовухи. Главный герой обращался за спасени-

ем к Святой Богородице: видимо раскаялся в своей прошлой жизни и осознал бесцельность своего такого существования, и, наверное, ему был дан еще один шанс. Возможно, что автор, показав в данном произведении мини-модель нашего общества, все же оставил нам маленькую надежду на спасение. Отчасти, может быть, верно, как первое, так и второе, и третье. Ведь произведение прочитывается не как сказка про нечистую силу, а как реальное действие, которое произошло сегодня или вчера. Произведение построено на контрасте образов. Образ главного героя – это образ вполне реального современного человека, с которым можно встретиться на улице, а образы двух старух – это антропоморфные образы с ярко выраженной мифологической семантикой. Вводя в свое произведение с современным подтекстом столь странные женские образы, автор, на наш взгляд, пытается показать всю неотвратимость ответственности за прожитую жизнь. Две судьбы, два суда, два пути – все это имеет философский контекст, ибо эти два пути ведут в два тупика, а выход из тупика – это коренное изменение судьбы.

И это коренное изменение судьбы лежит через раскаяние и поворот к вере. Интересен, на наш взгляд, и такой вопрос: а к какому именно образу (иконе) Пресвятой Богородицы обращается герой? Выскажем смелое предположение, что это икона Божией Матери «Неупиваемая Чаша» (подробно об этом [14, с. 18–56]).

Интересны, на наш взгляд, особенности хронотопа песни «Две судьбы». В данном произведении время размыто, и рамки его плохо определимы: это какая-то часть жизни героя, включая его встречу с нечистой силой. Причем не ясно даже, сколько длится сама встреча, единственное, что мы узнаем четко из текста, это то, что встреча с нечистой силой припадает на период в первой трети жизни героя:

Жил я славно в первой трети
 Двадцать лет на белом свете –
 по учению... [8, с. 213].

И это практически все. Стоит так же сказать, что сама песня длится от пяти до восьми с небольшим минут, за это время мы знакомимся с героем и узнаем его историю. По началу время в ощущении героя бесконечно, он плывет по течению и наслаждается, не думая ни о чем, ему хорошо. Поэтому те, кто ждал от него помощи «не дождалась бедолаги», все удовольствия ему заменяет брага.

Жил безбедно и при деле,
 Плыл, куда глаза глядели, –
 по течению.
 Заскрипит ли в повороте,
 Затрещит в водовороте –
 я не слушаю.
 То разуюсь, то обуюсь,
 На себя в воде люблюсь –
 брагу кушаю [8, с. 213–214].

Монотонность жизни его устраивает: «то разуюсь, то обуюсь...». И чем-то эта фраза напоминает нам и наше времяпровождение, когда день за днем человек прибывает в лени, и дни становятся похожи один на другой, разуюсь – поспал, обуюсь, значит встал и т.д. Время бесконечно, оно течет, далее наступает временная точка встречи с нечистой силой. Длительность встречи, как мы уже говорили, не определима, поскольку нельзя сказать ни сколько длилась эта встреча, ни был ли это день, вечер, ночь, утро. Это время, очень напряженное для героя, он хочет, чтобы оно быстрее закончилось, о данных событиях мы узнаем довольно подробно, по сему герою (а с ним и читателю-слушателю) кажется, что оно длится очень долго. В данном произведении есть понятие прошлого времени (жизнь героя до встречи с нечистью), настоящего (сама встреча) и будущего (надежда на лучшее после спасения). Это практически и все, что можно сказать о времени. Что же касается пространства, то и оно делит произведение на три части. Вначале герой плывет в лодке, по всей вероятности, по реке (по течению). Далее горой слышит нечисть, затем видит, и мы понимаем, что он оказывается на берегу.

И с одышкой, ожиреньем
 Ломит, тварь, по пням, кореньям
 тяжкой поступью [8, с. 214].

А сам герой в «потьмах» ищет «дорогу». Но тут же, с появлением в лодке нечисти плавание заканчивается, и опять-таки герой и нечисть на берегу, в «гиблом месте».

Место гиблое, значит, пропащее, очень плохое, где пропадают и гибнут люди. И из этого места герой видит спасение: вернуться в лодку и грести «до умопомрачения».

Я пока за кочки прячусь,
 К бережку тихонько пячусь –
 с кручи прыгаю.
 Огляделся – лодка рядом, –
 А за мною по корягам,
 дико охая,
 Припустились, подвывая,
 Две судьбы мои –
 Кривая да Нелегкая.
 Греб до умопомраченья,
 Правил против ли теченья,
 на стремнину ли, –
 А Нелегкая с Кривою
 От досады, с перепоею
 там и сгинули! [8, с. 216].

Значит, вода – земля – вода, круг замыкается. Получается, что пространство произведения – это две стихии: вода (холодное, мокрое по Аристотелю [1]) и земля (холодное, сухое). Автор ограничивается только двумя стихиями, основная жизнь героя (вода: он плывет: до и после встречи) и встреча (земля: где он ищет дорогу, падает и ползает на брюхе).

Буквально на мгновение появляется стихия воздуха, но лишь в виде тумана (но даже и здесь, на наш взгляд, есть нюанс, ведь воздух: теплое и сырое по Аристотелю, а туман ассоциируется с промозглым холодом). И длится все это одно мгновение:

Пал туман и оказался
 в гиблом месте я... [8, с. 214].

Туман пал, словно занавес на сцене, и начинается действие. К стихии огня (прежде всего света) нет ни одного обращения.

В песне «Две судьбы» аллегорические мотивы воды-течения жизни соединены с философской концепцией выбора: плыть по течению или против течения и на стремнину.

Стихия земли представлена в данном произведении пространством гиблого места, признаки, по которым мы определяем это пространство базируются на следующих фразах:

«Много горя над обрывом, а в обрыве зла», «за кочки прячусь с кручи прыгаю», «падал я и полз на брюхе», «ломит тварь по пням, кореньям», «споткнулась о коренья, тяжело охая» и т.д.

Исходя из процитированного выше, следует сказать, что гиблое место довольно неровное, оно имеет обрыв, кручу, так же здесь есть кочки и, конечно же, пни и корни. Резкая смена высоты в данном пространстве ассоциируется у читателя-слушателя со спасением героя, так как он вынужден спасаясь прыгать с кручи к реке, интересен и то, что часть времени в гиблом месте герой проводит, распластавшись на земле (он прячется «за кочки», ползает «на брюхе»). В гиблом месте автор не упоминает о деревьях, зато присутствуют пни и корни. Интересна семантика данных образов. Пень – это часть спиленного или сломанного дерева, нижняя часть. «Согласно легендам, крона Мирового древа достигает небес (Вырия), а корни – подземного мира мертвых <...>. В кроне Мирового древа обитают птицы и души, а также святые; у корней обитают хтонические и демонические существа (змеи, бесы и т.д.)» [12, с. 229]. Довольно часто в фольклорных записях мы находим свидетельства отождествления пня с нечистой силой, в частности с лешим [13, с. 123–124].

Таким образом, наличие в описании гиблого места этих экзистенциально-природных объектов (пней, корней), без упоминания деревьев вообще, на наш взгляд, обозначает близкое присутствие потустороннего мира. Герой, ползающий на брюхе, у тех самых пней, которые по сути своей соединяют живых с иным миром, близок к гибели.

Следует сказать, что временные особенности произведения очень четко соединяются с пространственными. Время в начале произведения ощущается как текущее и бесконечное, и герой плывет по воде: течет время, течет вода. Далее герой оказывается на суше и бег времени замедляется, появляется ощущение, что эти страшные мгновения длятся вечно, на самом же деле это один небольшой эпизод из жизни героя, правда очень яркий, можно сказать судьбоносный. Затем опять река и опять время начинает течь, а будет ли течь по течению или против – зависит от героя, автор позволяет сделать ему выбор (и читателю-слушателю сделать выбор тоже).

Библиографический список

1. *Аристотель*. Физика. М., 2007.
2. Архив ГКЦМ В.С. Высоцкого. КП 939.
3. Архив ГКЦМ В.С. Высоцкого. КП 8199/27.
4. Архив Высоцкого. Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 3004. Оп. 1. Д. 26. Л. 2.

5. *Афанасьев А.Н.* Мифология Древней Руси. М., 2006.
6. Большой фразеологический словарь русского языка. М., 2006. URL: https://phrase_dictionary.academic.ru/1169/куда_кривая_выведет (дата обращения: 23.01.2021).
7. Для песен нет границ: Интервью для фр. ред. Всесоюзного радио в 1977 г. записала Т. Бутковская // Музыкальная жизнь. 1986. № 24. С. 10.
8. *Высоцкий В.С.* Нерв: стихи. М., 1981.
9. *Даль В.И.* Большой иллюстрированный толковый словарь русского языка. М., 2005.
10. *Казански К.* Некоторые размышления о подходах Владимира Высоцкого к музыкальному творческому процессу и исполнению. Воронеж, 2015.
11. *Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.* Русская метрология М., 1975.
12. Краткая энциклопедия славянской мифологии. М., 2001.
13. *Криничная Н.А.* «Пень да колода»: слово, образ, символ // Русская речь. 2011. № 1.
14. *Ткачева П.П.* В.С. Высоцкий – поэт: в творческой лаборатории мастера. М., 2019.
15. *Шапарова Н.С.* Краткая энциклопедия славянской мифологии. М., 2001.

Полина Павловна ТКАЧЕВА

кандидат филологических наук, доцент
старший научный сотрудник научно-фондового отдела
Государственный музей Владимира Высоцкого, г. Москва
преподаватель кафедры социально-гуманитарных
и общеправовых дисциплин
Московский финансово-юридический университет МФЮА

УДК 81'33

Л.О. Васькина, А.Ю. Хоменко

СЛОВА-ИНТЕНСИФИКАТОРЫ КАК СПОСОБ ИДЕНТИФИКАЦИИ АВТОРА ПИСЬМЕННОГО ТЕКСТА

Аннотация. В работе говорится о процессе атрибуции текста, его взаимосвязи с идиостилем и идиолектом автора текста. Важной частью работы является категоризация лексико-семантической группы слов-интенсификаторов. Проверяется возможность использования слов-интенсификаторов как средства идентификации автора письменного текста.

Ключевые слова: слова-интенсификаторы, идиостиль, атрибуция текста, количественные методы.

L.O. Vaskina, A.Yu. Khomenko

INTENSIFIER WORDS AS A WAY OF WRITTEN TEXT AUTHOR IDENTIFYING

Abstract. In the paper the main steps of text attribution process are named, the relationship between attribution and individual written style is described. An important part of the work is the categorization of the semantic field of intensifier words. The possibility of using intensifier words as means of distinguishing individual styles of written text authors is tested.

Keywords: intensifier words, individual written styles, authorship attribution, quantitative text processing methods.

Проблема определения автора текста привлекла пристальное внимание ученых в XX в. Так, В.В. Виноградов в своих трудах указывал на значимость разработки теории атрибуции и перечислил условия, в которых обращение к методам атрибуции может быть необходимым [4]. На современном этапе развития научного направления задача идентификации автора текста зачастую стоит очень остро. В основном это актуально для таких сфер деятельности, как искусствоведение, юриспруденция, политика, коммерческая сфера и др. Существующие на сегодняшний день разработки в области авторизации не являются совершенными. Актуальным остается вопрос о создании методики с возможностью применения её на корпусе текстов любого объема и функциональной отнесенности.

Экспертиза авторства текста может быть проведена множеством различных способов. Фокус может быть направлен на разные

языковые уровни, всевозможные элементы языка и речи и отношения между ними, их анализ с применением множества разнящихся подходов.

В данной работе используется комплексная методика. При анализе применяются как качественные (квалификативные), так и количественные методы: метод компонентного анализа, метод контекстного анализа, количественный (в частности, статистический) метод.

Цель исследования заключается в определении эффективности использования слов-интенсификаторов в качестве инструмента для идентификации идиостиля автора письменного текста. В качестве объекта анализа был выбран индивидуальный авторский стиль, репрезентируемый в аспекте компонентов конкретной лексико-семантической группы.

В основу исследования положена гипотеза о том, что интенсификаторы, будучи компонентами языковой системы, могут выступать в роли идентификаторов языковой личности, а коэффициент корреляции Пирсона – метрикой для сравнения авторских индивидуальных стилей при авторизации текста.

Человек творчески использует единицы и приемы языка для выражения своих мыслей. В своей речи индивид отбирает языковые средства и употребляет их с определенной частотой. Другими словами, автор избирает определенный способ речевого самовыражения, который является уникальным, индивидуальным стилем автора, или *идиостилем*. При исследовании данного явления невозможно обойтись без понятия *языковая личность (ЯЛ)*. Интерес к его изучению возрос во второй половине XX в. после публикации трудов В.В. Виноградова об особенностях языка автора художественного текста [4]. На дальнейшее развитие и популяризацию понятия *языковая личность* в научной сфере повлиял Ю.Н. Караулов, определяющий ЯЛ как «многоуровневую совокупность языковых навыков, необходимых для осуществления речевой деятельности» [5, с. 104].

Индивидуальный язык личности характеризуется набором особенностей, свойственных речи этой личности, и называется *идиолектом*. Данные особенности могут быть обнаружены на всех языковых уровнях: фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом. Языковая личность не только избирает ту или иную единицу в ряду других подобных, но и отдает предпочтение определенному варианту сочетания различных единиц. Следует также

выделить термин *идиостиль*, который связан именно «с процессом формирования языковой личности» [6, с. 119]. Идиостиль, в отличие от идиолекта, включает в себя коммуникативные и прагматические намерения автора, а также способы реализации этих намерений.

Как уже было сказано, индивид сознательно отбирает те или иные языковые средства для формирования смыслов в речи. В последствии эти языковые средства анализируются исследователями для характеристики идиостиля автора текста и описания специфических особенностей его речи. Этот анализ, в свою очередь, может быть использован для решения задач *атрибуции*. В узком смысле, атрибуция – это установление авторства текста, в широком смысле, это понятие включает в себя приписывание тексту некоторых подходящих ему атрибутов, в том числе, имени автора, жанра, места, времени создания и пр.

На сегодняшний день существует большое количество методик авторизации текста. Они могут различаться, например, в зависимости от уровня языка, которому отдается предпочтение при анализе. Распространено мнение, что работу следует проводить совокупно сразу на нескольких или даже на всех языковых уровнях [8; 10]. В настоящее время большой популярностью пользуются количественные методы исследования, различные математические, в частности, статические методы. Они позволяют проводить анализ автоматически с использованием компьютерных инструментов. К примерам таких подходов можно отнести предложенную А.Н. Барановым во «Введении в прикладную лингвистику» [1, с. 25] методику количественного исследования квазисинонимичных лексем. Именно эта методика послужила прототипом для описываемой в настоящей работе. Основой методики А.Н. Баранова является анализ частоты употребления служебных слов в тексте.

На сегодняшний день универсальный метод, который бы указывал, какие именно данные и какое их количество необходимо для однозначного объективного определения автора текста, еще не разработан. Не вызывает сомнения тот факт, что идиолект, как «различительный, специфический выбор, делающийся индивидом при порождении текста» [9, с. 431] (перевод наш – *Авт.*), играет важную роль при его атрибуции. Он позволяет проследить предпочтения и способности автора в использовании функционально-формальных элементов языка.

Лексические средства выражения *интенсивности* признака являются одними из экспликатов авторского идиолекта. Наиболее характерным для русского языка средством выражения интенсивности того или иного признака служит группа так называемых *слов-интенсификаторов*. «Интенсификаторы – это лексические единицы языка, которые выполняют функцию модификаторов знаменательных элементов» [2, с. 47]. Иными словами, интенсификаторы указывают на количественное изменение компонента значения в сторону его увеличения или уменьшения. Наиболее многочисленными и характерными представителями лексико-семантической группы слов-интенсификаторов являются наречия, однако не стоит забывать, что они не единственные. Значение интенсивности может быть выражено при помощи прилагательных, например, *Здесь творится настоящий бардак!*, при помощи местоимений (*Какая замечательная погода!*), частиц (*Вот так лето!*). Таким образом, для достижения цели настоящего исследования был создан аутентичный список слов-интенсификаторов из 93 единиц, в который наряду с наречиями вошли некоторые прилагательные, местоимения, частицы. Данный список был сформирован при помощи грамматических справочников, различных научных статей, словарей синонимов русского языка, исследования корпусов русского языка, в том числе собранных автоматически («Araneum Rusicum», «ruTenTen»), и метода интроспекции.

Работа проводилась на авторизованном материале художественных текстов для того, чтобы подтвердить или опровергнуть исследовательскую гипотезу: слова-интенсификаторы могут выступать в роли идентификаторов языковой личности при решении идентификационной задачи атрибуционного исследования. Было использовано три текста российских авторов: роман В.О. Пелевина «Омон Ра» и две повести В.Г. Сорокина – «День опричника» и «Метель». Повесть «День опричника» выступала в роли спорного произведения, автор которого якобы неизвестен; «Омон Ра» В. Пелевина и «Метель» В. Сорокина выступали в качестве текстов-образцов. Так, решается идентификационная задача атрибуционной лингвистики типа «сравнение по образцу» [1, с. 25].

Вышеназванные тексты прошли предварительную обработку для последующего изучения. Лексические единицы в них были приведены к начальной форме, то есть лемматизированы, с помощью

консольной программы MyStem, производящей морфологический анализ русскоязычных текстов.

В дальнейшем была проведена количественная обработка материала при помощи инструмента корпусного анализа AntConc. С его помощью были обработаны все лексические элементы из предварительно составленного списка слов-интенсификаторов. Число демонстрируемых на экране строк не было ограничено, были представлены все случаи употребления единиц в анализируемом тексте (Concordance Hits = N).

Затем посредством функций Concordance и Concordance Plot для соответствующего элемента методом контекстного анализа были выделены случаи употребления лексемы именно со значением интенсификации.

Для возможности последующего сопоставления величин каждая полученная абсолютная частота была преобразована в относительную, а именно – частоту IPM (instances per million), находящуюся по следующей формуле:

$$\text{IPM} = \frac{\text{абсолютная частота вхождений слова}}{\text{объём корпуса}} \cdot 1\,000\,000$$

Аналогичная работа была проведена для каждого текста, по результатам была составлена матрица, где количество строк n – число элементов анализа, количество столбцов m – число рассматриваемых текстов, для всех анализируемых слов (фрагмент матрицы см. в *таблице 1*). Слова-интенсификаторы с частотой встречаемости равной нулю во всех трех корпусах в дальнейшем анализе не учитывались и для удобства были удалены из матрицы.

Сравнительный анализ проводился в трех направлениях. Во-первых, было проведено сопоставление спорного текста («День опричника») с двумя авторизированными текстами («Метель» и «Омон Ра»). Во-вторых, повесть «Метель», автор которой был идентифицирован и совпадал с автором спорного текста, была аналогичным образом сопоставлена с романом «Омон Ра». Полученные в результате количественного анализа IPM-частоты использовались для подсчета некоторых статистических критериев, в том числе для нахождения коэффициента корреляции Пирсона с целью определения степени взаимосвязи наборов данных между собой (*таблица 2*). Коэффициент корреляции был вычислен для каждой из описанных выше пар.

Таблица 1

Фрагмент матрицы абсолютных и относительных частот для анализируемых текстов

	Спорное произведение – В. Сорокин «День опричника»		В. Пелевин «Омон Ра»		В. Сорокин «Метель»	
	Абс. частота	IPM	Абс. частота	IPM	Абс. частота	IPM
абсолютно	0	0	2	65	0	0
бесконечный	1	30	1	33	9	252
довольно	1	30	24	783	2	56
еле	4	121	2	65	7	196
немного	1	30	10	326	1	28
очень	8	243	65	2121	26	728
совсем	12	364	23	750	34	952
так	20	606	24	783	26	728
ужасно	0	0	0	0	2	56
чуть	3	91	20	653	2	56

Таблица 2

Коэффициент корреляции для анализируемых пар текстов

	«День опричника» – «Метель»	«День опричника» – «Омон Ра»	«Метель» – «Омон Ра»
Коэффициент корреляции	0,83	0,62	0,69

Согласно теории математической статистики [3, с. 251], значимым считается коэффициент корреляции, превышающий величину 0,60. Тем не менее следует учитывать, что при лингвистическом исследовании, величина коэффициента корреляции, указывающего на тесную связь между наблюдаемыми явлениями, должна быть выше. Точный уровень значимого коэффициента корреляции при авторизации текста находится в зоне, превышающей пороговую величину 0,82–0,87 [7, с. 164]. В данном случае значение коэффициента корреляции 0,83 подтверждает, что сравниваемые тексты принадлежат одному автору. Наряду с этим, величины коэффициента корреляции равные 0,62 и 0,69 доказывают отсутствие существенной взаимосвязи между текстом В.О. Пелевина и текстами В.Г. Сорокина.

Данная работа преследовала цель определить эффективность использования слов-интенсификаторов в качестве инструмента для идентификации автора письменного текста и проверить гипотезу о релевантности использования коэффициента корреляции Пирсона для сравнения авторских индивидуальных стилей. В процессе изучения научной литературы, которая составила теоретико-методологическую базу исследования, количественного анализа компонентов речи в отобранном для изучения материале, а также сравнительного анализа полученных данных были сделаны следующие выводы:

- лексико-семантическая группа слов-интенсификаторов может быть использована в качестве средства идентификации автора письменного текста, так как количественный анализ данной группы слов дает валидные результаты;
- коэффициент корреляции Пирсона, превышающий уровень 0,82–0,87, доказывает, что сравниваемые индивидуальные стили близки и автором сравниваемых текстов является одно лицо.

Библиографический список

1. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику: учебное пособие. М., 2001.
2. Безрукова В.В. Интенсификация и интенсификаторы в языке и речи (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. Воронеж.: 2004.
3. Гмурман В.Е. Руководство к решению задач по теории вероятностей и математической статистике. М., 1979.
4. Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961.
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 2010.
6. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д., 2010.
7. Радбиль Т.Б., Маркина М.В. Вероятностно-статистические модели в производстве автороведческой экспертизы русскоязычных текстов // Политическая лингвистика. 2019. Вып. 2 (74). С. 157–167.
8. Хоменко А.Ю. и др. Автоматическая обработка текста и лингвистическое моделирование как способы решения проблем атрибуционной лингвистики // Политическая лингвистика. 2020. № 3 (81). С. 215–224.
9. Coulthard M. Author identification, idiolect, and linguistic uniqueness / M. Coulthard. Text: unmediated // Applied Linguistics. 2004. № 24 (4). P. 431–447.

10. Koppel M., Schler J. Exploiting Stylistic Idiosyncrasies for Authorship Attribution // Proceedings of IJCAI'03 Workshop on Computational Approaches to Style Analysis and Synthesis. 2003. № 69. P. 72–80.

Лидия Олеговна ВАСЬКИНА

студент

Высшая школа экономики, г. Москва

Анна Юрьевна ХОМЕНКО

старший преподаватель, стажер-исследователь лаборатории теории и практики систем поддержки принятия решений

Высшая школа экономики, г. Москва

УДК 81

И.В. Камагина

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ БЫТИЙНОГО ГЛАГОЛЬНОГО КОМПОНЕНТА В ПРОСТЫХ ЭЛЛИПТИЧЕСКИХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

Аннотация. Статья посвящена исследованию структурно-семантических особенностей эллиптических предложений со значением бытия в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон». Представлена попытка анализа условий перехода нейтральной синтаксической единицы в стилистически окрашенную. Основным методом исследования послужил структурно-семантический анализ; материал подбирался методом сплошной выборки. Изучение компонентов, участвующих в формировании структурно-семантического поля эллиптических предложений, позволяет прийти к выводу о том, что наличие глагольной семантики при отсутствии материально выраженного звена в данных конструкциях даёт право говорить о них как о синтаксических единицах, участвующих в создании средств художественной выразительности.

Ключевые слова: простое эллиптическое предложение, бытийное значение.

I. V. Kamagina

THE PECULIARITIES OF USING THE EXISTENTIAL VERB COMPONENT IN A SIMPLE ELLIPTICAL SENTENCES

Abstract. The article is devoted to the research of the structural and semantic features of elliptic sentences with the meaning of existence in the novel «The quiet Don» by M.A. Sholokhov. This article presents an attempt to analyze the transition conditions of a neutral syntactic unit to a stylistically colored one. The main research method was the structural-semantic analysis, the material was selected by the continuous sampling way. The research of the components involved into the formation of elliptic sentences structure and semantics has led to the conclusion that the presence of verbal semantics in the absence of a materially expressed link in these constructions allows to speak of them as syntactic units involved in creating means of artistic expressiveness.

Keywords: the simple elliptic sentence, the meaning of existence.

В современном русском языке существует ряд подходов к проблеме статуса простых эллиптических предложений. В русской синтаксической науке эллиптические предложения понимаются как конструкции с пропуском любого компонента высказывания (Д.Э. Ро-

зенталь, М.А. Теленкова, Ю.А. Бельчиков, Л.А. Булаховский), как аналоги неполных предложений (А.С. Дари, Л.С. Бархударов, Я.Г. Тестелец, А.Н. Гвоздев, Е.В. Грудева, И.Ф. Вардуль, А.П. Сквородников), как особые конструкции, не связанные с понятием неполноты (П.А. Лекант, В.И. Шульгина, Н.С. Валгина). Согласно этому подходу, простые эллиптические предложения – это «самостоятельно употребляемые предложения особого типа, спецификой структуры которых является отсутствие глагольного сказуемого, причём не упомянутого в контексте, то есть в смысловом отношении не являющегося необходимым для передачи данного сообщения» [1, с. 199]. Мы придерживаемся данного взгляда на проблему эллиптических предложений и считаем, что простые эллиптические предложения – это особого рода конструкции с пропуском глагольного компонента, «восстановление» которого невозможно в силу отсутствия его связи с контекстом и ситуацией. Именно не восстанавливаемый из контекста и ситуации эллиптированный глагольный компонент в силу особенностей своего употребления придаёт эллиптическим конструкциям художественного текста стилистическую окраску, участвует в создании образности, является тем языковым средством, которое делает литературное произведение единственным в своём роде.

Бытийные эллиптические предложения – это эллиптические конструкции с материально не выраженным глаголом *быть* (*Мелеховский двор – на самом краю хутора* – здесь и далее в качестве примеров рассматриваются эллиптические предложения из романа М.А. Шолохова «Тихий Дон»), причём при попытке его «восстановления» мы имеем дело с целой цепочкой ситуативно близких глагольных единиц, например: *Мелеховский двор – на самом краю хутора. – Мелеховский двор [бытует, наличествует, находится, располагается, занимает место, теснится] на самом краю хутора*. Эллиптируемый ряд глаголов состоит из компонентов одной лексико-семантической группы, формирующей общую семантику всего предложения. Элементы глагольной цепочки в представленной конструкции семантически неравнозначны: одни глаголы указывают на собственно наличие, существование объекта (*бытует, наличествует, находится, располагается*), другие – на способ его расположения в пространстве (*занимает место, теснится*).

Таким образом, бытийные простые эллиптические предложения могут иметь базовое и вариативное содержание. При употребле-

нии таких конструкций в художественном произведении вариативное содержание может существенно отклоняться от базового. Глаголы базового содержания эллиптированного глагольного компонента функционально близки связочному нулевому глаголу. Глаголы вариативного содержания отражают особенности проявления обозначаемого действия или состояния.

В соответствии с «Толковым словарём русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой выделяется пять значений глагола *быть* [2, с. 66]. В эллиптических предложениях глагольный компонент может иметь одно из трех значений: 1) жить, существовать (*Прежде в лесу были волки*); 2) наличествовать, иметься, иметь место (*Быть беде*); 3) присутствовать, находиться где-нибудь (*Вчера был в театре, завтра буду в гостях*).

Таким образом, значения, указанные в словарной статье, являются составляющей базового содержания эллиптического предложения, однако при исследовании функционирования данных синтаксических единиц в тексте художественного произведения необходимо обратить внимание на то, что к «чистому» бытийному значению могут добавляться семантические оттенки, выходящие за рамки словарного. Например: *У плетней по улицам – празднично одетые бабы*. Базовое содержание обеспечивается глаголами *имеют место, бытуют, наличествуют, находятся*, вариативное – глаголами *гуляют, толпятся, стоят*. Вариативное содержание обеспечивается употреблением субъекта, выраженного одушевлённым именем существительным в именительном падеже, и обстоятельственного приглагольного распространителя с локативным значением места: *у плетней по улицам – бабы*. Это способствует добавлению к бытийному значению «нахождение, расположение, пребывание» значения действия, связанного с времяпрепровождением: *стоять, толпиться, гулять*.

Глаголы базового содержания лишь констатируют общее значение эллиптического предложения, глаголы вариативного содержания участвуют в изображении картины происходящего, уточняют основное действие, указывают на способ его осуществления. В качестве примера рассмотрим простые эллиптические предложения с вариативным содержанием эллиптированного глагольного компонента, указывающие способ расположения субъекта в пространстве.

Способ расположения субъекта в пространстве может быть связан с его сокрытием, сохранностью, что передаёт ощущение святости, недоступности, глубинности и способствует лучшему пониманию чувств говорящего: *Великая Россия! В этих словах – все наши мечты и надежды* (базовое содержание – *бытуют, имеют место*, вариативное содержание – *закрываются, содержатся, покоятся, хранятся, кроются, прячутся*). С помощью этих единиц подчёркивается высокий слог говорящего, его эмоциональный подъём, воодушевление.

Способ расположения субъекта в пространстве может быть связан с его протяжённостью, объёмностью, масштабностью – это способствует расширению пространства в произведении, усилению ощущения простора: *А кругом – насколько хватало глаз – зелёный необъятный простор, дрожащие струи марева, полуденным зноем скованная древняя степь и на горизонте – недосыаем и сказочен – сизый грудастый курган* (базовое содержание – *размещаются, располагаются*, вариативное содержание – *раскидываются, расстилаются*).

Способ расположения субъекта в пространстве может быть связан с признаками, не характерными для данного субъекта, что добавляет образности, живописности, например: *Рудое, в синих подтёках, трупно темнело над ветряком небо; над хутором – последние суетного дневного гомона* (базовое содержание – *имеют место, раздаются, звучат*, вариативное содержание – *находятся, висят*).

Однако не все бытийные простые эллиптические предложения в художественном тексте имеют добавочные оттенки значений, то есть эллиптированные глагольные компоненты некоторых эллиптических конструкций не обладают вариативным содержанием: *Красноармеец помолчал немного, по-том, искоса поглядывая на Наталью, спросил: – Молодайка болеет, что ли? – Тиф у неё, – неохотно ответила Ильинична* (базовое содержание эллиптированного глагольного компонента – *имеется, наличествует*). Для выражения добавочных оттенков значения эллиптированного глагольного компонента основополагающим является способ выражения субъекта и приглагольного распространителя. Предпосылки для образности, метафоризации возникают благодаря особенной семантической сочетаемости этих двух обязательных компонентов эллиптической

конструкции. В нашем случае этими составляющими обеспечивается тот или иной способ расположения предмета в пространстве. В первом из приведённых примеров субъект выражен абстрактными существительными *мечты, надежды*, распространитель имеет локативное значение места (предлог в + предложный падеж – *в словах*). Данное сочетание способствует проявлению действия *покоиться, храниться, прятаться*, что указывает на предмет, тщательно оберегаемый, покоящийся в недрах души. Во втором примере субъект выражен однородными существительными *простор, струи, степь*, связанными со своеобразием степной природы Донского края, распространитель имеет локативное значение места (наречие *кругом*). Это способствует проявлению действия *раскидываться, расстилаться*, что обеспечивает сравнение степи с бескрайним полотном, устилающим землю. В третьем примере субъект выражен словосочетанием *последыши гомона*, распространитель имеет локативное значение места (предлог *над* + творительный падеж – *над хутором*), что способствует проявлению действия *находиться, висеть*, при этом создаётся впечатление, что звуки на время застыли, замерли в воздухе.

Таким образом, особенностью употребления бытийных глаголов в эллиптических конструкциях является вариативность семантического наполнения эллиптированных мыслимых глагольных цепочек, что составляет базовое и вариативное содержание предложений. Разнообразие семантического наполнения является одним из характерных признаков эллипсиса и проявляется при употреблении эллиптической конструкции в контексте художественного произведения – именно это делает эллипсис явлением не только синтаксического, но и стилистического порядка.

Библиографический список

1. Валгина Н.С. Современный русский язык: Синтаксис. М., 2003.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М., 2006.

Ирина Васильевна КАМАГИНА

преподаватель

Луховицкий авиационный техникум

УДК 801.73

А.М. Шилин

КОНЦЕПТ «ДУША» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (ПО ПОЭМЕ Н.В. ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ»)

Аннотация. В статье рассматриваются подходы к толкованию концепта «душа» в словарях и поэме Н.В. Гоголя. Автор рассуждает о социокультурных основаниях возникновения и развития понятия «мертвые души» в свете религиозных представлений о бессмертии души.

Ключевые слова: душа, Н.В. Гоголь, концепт, художественный текст, словарное значение, приращение смыслов.

А.М. Shilin

THE CONCEPT OF «SOUL» IN A LITERARY TEXT (BASED ON N.V. GOGOL'S POEM «DEAD SOULS»)

Abstract. The article discusses approaches to the interpretation of the concept of «soul» in the dictionaries and the poem of N.V. Gogol. The author discusses the socio-cultural foundations of the emergence and development of the concept of «dead souls» in the light of religious ideas about the immortality of the soul.

Keywords: soul, N. Gogol, concept, artistic text, dictionary meaning, increment of meanings.

Классические произведения художественной литературы потому и становятся классикой, что они актуальны в любое время, сколько бы столетий ни минуло со дня создания стихотворения, поэмы, романа. Темы, поднимаемые в произведениях великих авторов, вечны, это не подлежит сомнению. Вот и сегодня новым звучанием наполнилась поэма Н.В. Гоголя о подлеце-приобретателе, мошеннике Павле Ивановиче Чичикове. Как современно звучат слова нашего классика о псевдоважности беречь копейку, о бездуховности, порождаемой духом меркантилизма, захлестнувшим наше капиталистическое (?) (ну а какой же у нас экономический строй?! – не социалистический же) общество [12; 35]. В свете актуального сейчас антропоцентрического направления в языкознании несомненный интерес вызывает исследование именно тех аспектов, которые способствуют восстановлению социокультурной основы [24; 36; 26] создания того или иного художественного произведения [7; 22;

23]. Всё это важно и потому, что помогает более углублённому проникновению в ткань художественного произведения. Это, в свою очередь, приводит к более успешному формированию тех умений и навыков, которые требуются от современного обучающегося в процессе получения образования [19; 20; 16]. Особое значение в аспекте формирования духовной составляющей личности приобретает классическая русская литература [9; 21]. Поэтому так актуально обращаться к анализу шедевров наших классиков [25; 28] с различных точек зрения. Гуманитарная основа нашего образования [5; 6; 38], призванная воспитывать высокую нравственность [27; 14; 2] и способствовать формированию идентичности [17], основана, без сомнения, на классической литературе. К сожалению, в настоящее время эта основа подверглась трансформации не в лучшую сторону [13; 15; 18].

Рассмотрение концепта «Душа» именно в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» обусловлено гипотезой о том, что именно в данном концепте проявляется основа мировоззрения классика, заключена основополагающая идея книги. Несомненным подспорьем является анализ словарей.

В словаре В.И. Даля *душа* определяется так: «Бессмертное духовное существо, одаренное разумом и волею; в общем значении: человек с духом и телом; в более тесном: человек без плоти, бестелесный, по смерти своей; в смысле же теснейшем: жизненное существо человека, воображаемое отдельно от тела и от духа, и в этом смысле говорится, что и у животных есть душа» [11, с. 504].

Это определение полностью отвечает тому концепту «Душа», который присутствует в русской культуре и сегодня. В этом значении слово *душа* синонимично слову *дух* в одном из его значений. Уже в дефинициях можно обнаружить общее и различительные признаки, в которых отражаются различия подхода к способам осмысления мира человеком. Ср.: «Дух – бестелесное существо, обитель не вещественного, а существенного мира, бесплотный житель недоступного нам духовного мира. Относя слово это к человеку, иные разумеют душу его, иные же видят в душе только то, что дает жизнь плоти, а в духе – высшую искру Божества, ум и волю, или же стремление к небесному» [11, с. 503]. Эти различия сохраняются в производных прилагательных. Ср.: Духовный – «относящийся к Богу, церкви,

вере; все, относящееся к душе человека» и душевный – «к душе относящийся, ... относящийся до сердца» [8].

Душа противопоставлена телу. Она живет самостоятельно и покидает тело после физической смерти человека. Отсюда в языке устойчивые сочетания: «душа отлетела», «отдать Богу душу», «грешное тело всю душу съело», «отпустить душу на покаяние» и др.

Устойчивые сочетания, афористические выражения, отражающие мировоззрения человека той поры, представляют собой своеобразную «энциклопедию» русской жизни. Например: «Муж да жена – одна душа», «Что телу любо, то душе грубо», «Плоть немощна, а душа грешна» [11].

В словаре под редакцией Д.Н. Ушакова (1996) на первое место в определении было выдвинуто следующее: «1. В религиозных и идеалистических представлениях – нематериальное начало жизни, противопоставляемое телу; бесплотное существо, остающееся после смерти человека» [34, т. I, стб. 816]. Отметим, что идеалистическая философия оперирует главным образом с концептом «Дух», а русская повседневная духовная жизнь обладает концептом «Душа», и эти концепты различны.

С.И. Ожегова дает определение: «1. Внутренний, психический мир человека, его сознание» [29] и отождествленной с «сознанием».

«Словарь русского языка в 4-х томах» не приравнивает «душу» к «сознанию»: «Душа. 1. Внутренний психический мир человека, его переживания, настроения, чувства и т.п. В идеалистической философии и психологии: особое нематериальное начало, существующее якобы независимо от тела и являющееся носителем психических процессов. По религиозным представлениям: бессмертное нематериальное начало в человеке, отличающее его от животных и связывающее его с богом. 2. Совокупность характерных свойств, черт, присущих личности; характер человека» [30, т. I, с. 456].

В Большом Академическом словаре [31, т. I, с. 218] дано такое определение: «Условно употребляемый термин, обозначающий внутренний, психический мир человека».

Словарь эпитетов, раскрывающий семантический потенциал слова, углубляет и дополняет представления, связанные с этим понятием. Горбачевич и другие полагают: «В перечне характеризующих определений – эпитетов, представляющих особый способ концепту-

ализации действительности, вновь обращает на себя внимание это свойственное русским тяготения к крайностям, которое отмечают исследователи. Ср.: благородная, чистая, возвышенная, золотая, кроткая, светлая, сильная, теплая и т.д., с одной стороны, и алчная, нечистая, хитрая, юродивая и др. (душа), с другой стороны» [10, с. 131].

Ю.С. Степанов пишет: «В современных толковых словарях душа человека – это, в первую очередь, его внутренний мир, характер, темперамент, сердце» [33].

Автор развивает далее свою мысль: «В сознании русского человека душа представляется неким вместилищем, имеющим параметрические и другие зрительно воспринимаемые признаки: “широкая русская душа”, “открытая душа”, “душа нараспашку” (об открытом человеке), “в душе” (о тайных мыслях), “на душе” (о настроении), “душа почернела” (о переживаниях человека), “влезть в душу” (1. добиться расположения; 2. вторгнуться в личную, интимную жизнь). Определение Вл. Даля остается, как видим, наилучшим. Поправки в нем требует только одно: слово “существо” надо заменить на слово “сущность”, которое для Даля оставалось еще терминологически неосознанным» [33].

«Душа» трудно поддается определению, где она находится – тоже проблематично, но отсутствие души в человеке ощущается отчетливо. «Бездушный» – это не бездуховный, а жестокий, черствый, равнодушный.

Для XXI в. сочетание «мертвые души» освящено традицией изучения одноименной поэмы классика русской литературы. А в 1840-х гг. это словосочетание звучало странно, казалось непонятным. Ф.И. Буслаев рассказал в своих воспоминаниях, что, когда он «в первый раз услышал загадочное название книги, (то) сначала вообразил себе, что это какой-нибудь фантастический роман или повесть вроде «Вия» [32, с. 27]. Действительно, название было необычно: душа человека считалась бессмертной, и вдруг мертвые души!

А.И. Герцен писал: «“Мертвые души” – это заглавие носит в себе что-то наводящее ужас» [32, с. 27]. Впечатление от названия усиливалось тем, что само это выражение не употреблялось до Гоголя в литературе и вообще было мало известно. Даже знатоки русского языка, например профессор Московского университета М.П. Погодин, не знали его. Он с негодованием писал Гоголю: «Мертвых душ в русском языке нет. Есть души ревизские, приписанные, убылые,

прибылые». М.П. Погодин, собиратель старинных рукописей, знаток исторических документов и русского языка, писал Гоголю с полным знанием дела [32, с. 27]. Действительно, это выражение не встречалось ни в правительственных актах, ни в законах, ни в указах и других официальных документах, ни в научной, справочной, мемуарной, художественной литературе. Нет его и в словарях живого, разговорного языка гоголевских времен, например В.И. Даля.

В поэме Гоголя слово «душа» имеет несколько значений. Само название поэмы имеет двоякое толкование.

«Во-первых, это было название умерших крестьян, еще продолжавших числиться в “ревизских сказках”, то есть в официальных списках крестьян, принадлежащих тому или иному помещику, за которых он должен был платить налог государству. В этих “ревизских сказках” умершие числились в живых до следующей ревизии, когда их вычеркивали из списков» [37].

«Ревизии, то есть переписи крестьян, были начаты в 1719 г. при Петре I, когда старая “подворная” подать была заменена “подушной” – для увеличения налога в пользу государства. Крестьяне, занесенные в списки, назывались “ревизскими душами”» [37].

Далее исследователь пишет: «Во-вторых, Н.В. Гоголь подразумевал под “мертвыми душами” помещиков-крепостников, угнетавших крестьян и мешавших экономическому и культурному развитию страны. Смысл заглавия выражал основную идею произведения и прогрессивные тенденции поэмы, одновременно служа завязкой сюжета, двигающей силой развития действия “Мертвых душ”» [37].

Заглавие, данное Н.В. Гоголем своей поэме, было «Мертвые души», но на первом листе рукописи, представленной в цензуру, цензор А.В. Никитенко приписал: «Похождения Чичикова, или... Мертвые души». Так и называлась около ста лет поэма Гоголя. Эта хитрая приписка приглушала социальное значение поэмы, отвлекала читателей от мыслей о странном названии «Мертвые души», подчеркивала значение спекуляций Чичикова. А.В. Никитенко снижал своеобразное, небывалое название, данное Гоголем, до уровня названий многочисленных романов сентиментального, романтического, охранительного толка.

Гораздо важнее буквального – иносказательный, метафорический смысл названия поэмы. Мертвые души – это помещики

и чиновники, сам Чичиков. Этот смысл был очевиден уже для первых читателей Гоголя. Так, Герцен записал в дневнике в 1842 г.: «...не ревизские – мертвые души, а все эти Ноздревы, Маниловы и tutti quanti (все прочие) – вот мертвые души, и мы их встречаем на каждом шагу» [32, с. 27].

В Толковом словаре В.И. Даля одно из значений слова «мертвый» – «человек невозрожденный, недуховный, плотской или чувственный» [11, с. 319]. Это значение близко к тому, в котором употребляет данное слова и Гоголь. Например, Манилов ведет жизнь исключительно материальную (плотскую, чувственную), поэтому настоящей жизни (то есть духовной) в нем нет: он мертв, как и другие помещики, как и сам Чичиков.

Если же употребление словосочетания «мертвые души» характерно для умерших, то употребление этого словосочетания в отношении к живым, можно встретить только в художественной литературе. Рассмотрим, кого же Н.В. Гоголь считал «мертвыми душами» в своей поэме.

Например, Манилов ведет жизнь исключительно материальную (плотскую, чувственную), поэтому настоящей жизни (то есть духовной) в нем нет: он мертв, как и другие помещики, как и сам Чичиков.

Невысокий уровень умственного развития Манилова проявляется с особенной яркостью в его поведении при предложении Чичикова приобрести у него «те души, которые точно уже умерли» (рисунок 1).

«Я желаю иметь мертвых» - «Как-с? Извините...» .

Рисунок 1. Н.В. Гоголь «Мёртвые души» [4, с. 25]

Исследователь пишет: «Странная просьба Чичикова повергнет Манилова в недоумение. Непривычка к мысли сказалась сразу. Он впутался в темное и преступное дело, лишь смутно сознавая его необычность и незаконность и не будучи в силах понять, в чем его суть. Манилов – безответная и безвольная жертва в руках каждого мошенника. Так, отсутствие трудовой деятельности, полная праздность превратили Манилова в “мертвую душу” дворянского государства» [37].

Рассмотрим характеристику следующего персонажа из галереи образов помещиков в произведении Н.В. Гоголя. «Представителем купеческого сословия является Настасья Петровна Коробочка. Она чрезвычайно религиозна, она крестится, призывая на помощь “крестную силу” и, конечно, рядом с верой в бога верит в черта, вторую мистическую силу христианства. Когда Чичиков посулил ей черта, “помещица испугалась необыкновенно”» [4, с. 42]: оказывается, «гадкий черт с рогами длиннее бычачьих снился ей всю ночь. Темное, смутное понимание основ морали и возможно, ощущение противоречий своей жизни – владелицы своих братьев во Христе, крепостных – с требованиями христианства создают постоянное сознание своей греховности и боязнь наказания» [37].

В изображении Ноздрева – помещика «с задором», как, впрочем, и дальше в изображении «страшного» Плюшкина и Собакевича, юмор Н.В. Гоголя переходит в едкую и разоблачающую сатиру. По мере развития сюжета персонажи «Мертвых душ» делаются с каждой главой все более «мертвыми» и отталкивающими.

В образах Манилова, Ноздрева, Плюшкина показаны помещики, доживающие свой век. Уничтожение крепостного права и переход страны к буржуазному строю положит конец их существованию.

Создавая образ Плюшкина, Н.В. Гоголь показал его в динамике развития. Предыстория Плюшкина, стечение обстоятельств, повлиявших на возникновение его жадности, объясняет, как «мудрая скупость бережливого хозяина» [4, с. 94–95] превратилась в страсть накопления, как человеческие чувства угасли в его душе, даже отцовскую любовь вытравила в нем скупость: он даже не понимает смысла покупки Чичикова. Морализирующая сила таланта Н.В. Гоголя, его гуманизм проявились в раскрытии процесса утраты человеческих качеств, в создании истории человека, ставшего «прорехой на человечестве».

«Именно здесь Гоголь является великим живописцем пошлости жизни, который видит свой предмет во всей его глубине и широте и схватывает его во всей полноте и целостности его действительности» [1, т. 10, с. 244].

Прокурор в «Мертвых душах» ничего не делал, на всех постановлениях подписывал «чел» (то есть прочел), предоставляя все решения стряпчему, «первейшему хапуге в мире».

Когда его «прихватило параличом», то все «увидели, что прокурор был одно бездушное тело». Гоголь подчеркивает, что прокурор и при жизни был «мертвой душой», потому что только после смерти «узнали, что у покойника была, точно, душа, хотя он, по скромности своей, никогда ее не показывал» [4, с. 172].

Автор «Мертвых душ» показал в своей великой поэме, что дворянский класс, помещики представляют анахронизм, что они, будучи живыми, все же «мертвые души» русской жизни, что для них пришло время уступить свои позиции буржуазным дельцам – Чичиковым.

Проанализировав словари и изучив языковой материал произведения Гоголя «Мертвые души», мы видим, что концепт «душа» репрезентируется через многие лексемы. Первым значением будет являться употребление этого слова в отношении к живому человеку (рисунок 2).

У тоненького в три года не остается ни одной души, не заложенной в ломбард; у толстого спокойно, глядь — и явился где — нибудь в конце города дом, купленный на имя жены...

Рисунок 2. Н.В. Гоголь «Мёртвые души» [4, с. 13]

В этом контексте слово «душа» помогает показать нищету «тоненького», лишившегося последнего признака принадлежности его к состоятельному кругу: нет ни одной «души» – ни одного крепостного, значит, ты бедняк (рисунок 3).

- Нет, отец, богатых слишком нет. У него двадцать душ, у кого тридцать, а таких, чтоб по сотне, таких нет.

Рисунок 3. Н.В. Гоголь «Мёртвые души» [4, с. 46]

Подобные примеры мы можем встретить только в художественной литературе. В настоящее время словосочетание «души крестьян» не употребляется. Термин «душа» в этом значении употреблялся в царской России, в отношении к крепостному человеку.

В тексте «Мертвых душ» встречается и слово «душенька», производное от слова *душа*. Это ласкательная форма обращения преимущественно к женщине (рисунок 4).

«Душенька, нужно будет завтра похлопотать, чтобы в эту комнату хоть на время поставить мебель»

Рисунок 4. Н.В. Гоголь «Мёртвые души» [4, с. 24]

В ниже указанных примерах речь пойдет о «мертвых душах». В Толковом словаре под редакцией С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой им дается такое определение: «Фиктивно числящиеся где-нибудь, в действительности, не выполняющие своих прав и обязанностей (умершие крепостные, значившиеся в ревизских сказках)» [29] (рисунки 5–7).

- Нет, - подхватил Чичиков, - нет, я разумею предмет таков, как есть те души, которые точно уже умерли.

Рисунок 5. Н.В. Гоголь «Мёртвые души» [4, с. 35]

- Как, на мертвые души купчую?

Рисунок 6. Н.В. Гоголь «Мёртвые души» [4, с. 36]

-Уж, ты, брат, ты, ты...Я не отойду от тебя, пока не узнаю, зачем ты покупал мертвые души.

Рисунок 7. Н.В. Гоголь «Мёртвые души» [4, с. 186]

В тексте «Мертвых душ» встречается слово «душа» и со значением «Внутренний психический мир человека его сознание». Это значение отражено в следующих примерах (рисунки 8–10).

Побужденный признательностью, он наговорил тут же столько благодарностей, что тот смешался, весь покраснел, производил головой отрицательный жест и наконец уже выразил, что это сущее ничего, что он, точно хотел бы доказать чем-нибудь сердечное влечение, магнетизм души, а умершие души в некотором роде совершенная дрянь.

Рисунок 8. Н.В. Гоголь «Мёртвые души» [4, с. 36]

Из предыдущей главы уже видно, что, в чем состоял главный предмет его вкуса и склонностей, а потому не диво, что он скоро погрузился весь в него и телом и душою.

Рисунок 9. Н.В. Гоголь «Мёртвые души» [4, с. 40]

И всякий народ, носящий в себе залог сил, полный творящих способностей души, своей яркой особенностью и других даров бога, своеобразно отличился каждый своим собственным словом, которым, выражая какой ни есть предмет, отражает в выражение его часть собственного своего характера.

Рисунок 10. Н.В. Гоголь «Мёртвые души» [4, с. 112]

В произведении мы встретили один пример, где слово «душа» выступает в значении: «Брать на душу что-то (устар.) – принимать на свою моральную ответственность» (рисунок 11).

Хватили немножко греха на душу, матушка (Коробочка).

Рисунок 11. Н.В. Гоголь «Мёртвые души» [4, с. 52]

Итак, в поэме Н.В. Гоголя «душа» употребляется в следующих значениях: 1. Внутренний психический мир человека, его сознание. 2. В царской России крепостной крестьянин, а также вообще человек, относящийся к податному сословию. 3. Дружеское фамильярное обращение к кому-нибудь, чаще с прибавлением слова «моя» (разг.). 4. Душенька – ласкательное форма обращения, преимущественно к женщине. 5. Брать на душу что-то (устар.) – принимать на свою моральную ответственность. 6. Мертвая душа – это фиктивно числящиеся в ревизских списках крестьяне, которые давно умерли» [37].

Есть в названии книги и глубокий духовный смысл. Он раскрыт Н.В. Гоголем в предсмертной записи: «Будьте не мертвые, а живые души. Нет другой двери, кроме указанной Иисусом Христом, и всяк, прелазай иначе, есть тать и разбойник» [3, с. 11]. Укажем библейский первоисточник, которым вдохновлялся писатель: «Истинно, истинно говорю вам: кто не дверью входит во двор отчий, но перелазит инде, тот вор и разбойник...» [3, с. 11].

Выражению «мертвые души» именно Н.В. Гоголь придал тот специфический смысл, в котором мы употребляем его и сегодня. Однако писатель шел здесь от евангельской традиции, к которой и восходит понимание «мертвой» души как духовно умершей. Гоголевский замысел созвучен христианскому нравственному закону, сформулированному святым апостолом Павлом: «Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут» [3, с. 12]. С этим связана и главная идея «Мертвых душ» – идея духовного воскресения падшего человека. Ее должен был воплотить в первую очередь главный герой поэмы (рисунок 12).

И, может быть, в сем же самом Чичикове (...) заключено то, что потом повергнет в прах и на колени человека пред мудростью небес.

Рисунок 12. Н.В. Гоголь «Мёртвые души» [4, с. 199]

В этих словах, возможно, предсказывает писатель грядущее возрождение своего героя, то есть оживление его души.

Итак, в образной сфере поэмы Н.В. Гоголя особое место занимает концепт «душа». Все реализуемые в тексте словарные значения реализуются в большинстве случаев с приращениями смыслов, то есть зачастую лексема приобретает дополнительное значение, которое проявляется благодаря смысловому содержанию всей поэмы.

Библиографический список

1. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1953–1959.
2. Бокова С.С., Воронов К.А., Харлашина Е.В., Шилина С.А. Дискурс-анализ языковой личности // Научный журнал «Дискурс». 2018. № 4 (18). С. 85–95.
3. Воронаев В.А. Мертвые души: кто они? О названии поэмы Н.В. Гоголя // Русская речь. 2002. № 3. С. 10–13.
4. Гоголь Н.В. Мертвые души. Ставрополь, 1972.
5. Голенкова О.В., Лифанова Т.Е., Шилина С.А. Педагогические кадры в Брянском уезде Орловской губернии на рубеже XIX–XX веков: социально-социологический анализ // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2020. № 2 (43). С. 9–13.
6. Голенкова О.В., Лифанова Т.Е., Шилина С.А. Развитие образования в Брянском уезде Орловской губернии в XIX – начале XX веков: исто-

- рико-социологический аспект // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2020. № 1 (42). С. 9–14.
7. Головачева О.А. Окказионализмы как средство выражения авторской оценки (на примере очерка Н.С. Лескова «Искандер и ходящие о нем толки») // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 11 (91). С. 11–17.
 8. Головачева О.А., Шилина С.А. Современный русский язык. Словообразование: учебник для квалификации «бакалавр» направления подготовки 44.03.05 «Педагогическое образование» профиль «Русский язык и литература» (по специальности 32900 – русский язык и литература). Брянск, 2018.
 9. Головачева О.А. Эвфемизмы в статье Н.С. Лескова «Заметка о зданиях» // Российско-белорусско-украинское пограничье: научное взаимодействие в контексте единого социокультурного пространства: материалы Международной научной конференции: в 2 ч. / под ред. В.В. Мищенко, В.Н. Пустовойтова, С.Н. Стародубец. 2014. С. 213–217.
 10. Горбачевич К.С., Хабло Е.П. Словарь эпитетов русского литературного языка. Л., 1979.
 11. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1999. Т. 1.: А – З.
 12. Ефимочкина Н.Б., Коркин Э.Д., Коркия Э.Д., Мамедов А.К. Роскошь в культурных контекстах: вариативность развития. М., 2020.
 13. Киричек П.Н. Алогичное Зазеркалье Вселенной Гуттенберга // Журналист. Социальные коммуникации. 2012. № 3. С. 43–49.
 14. Киричек П.Н. Культуры никогда не бывает в избытке // Государственная служба. 2009. № 1. С. 61–65.
 15. Киричек П.Н. Лексические аномалии публичной сферы // Поливановские чтения. 2016. № 11. С. 93–97.
 16. Киричек П.Н. Медиатекст и культура речи // Поливановские чтения. 2018. № 12. С. 40–47.
 17. Киселев А.Г., Шилина С.А. Дискурс диалектной лексики как выражение идентичности народа // Вопросы культурологии. 2020. № 5. С. 26–31.
 18. Мамедов А.К. Виртуальная личность: социальный эскапизм или новое поле креативности // Экономика. Социология. Право. 2019. № 1 (13). С. 68–75.
 19. Мамедов А.К. Проблема оснований социального знания (полемика заметки) // Экономика. Социология. Право. 2016. № 3. С. 68–80.
 20. Мельников С.Л., Шилин А.М. Управление образовательной деятельностью в режиме дистанционного обучения в свете современной социальной политики // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2020. № 5 (46). С. 24–30.

21. Никульцева В.В. «В жизни безмятежной твои глаза пускай не ведают слезы...» (Лингвотекстологический анализ экспромтов Фёдора Сологуба, посвящённых О.А. Глебовой-Судейкиной) // Слово. Словарь. Словесность: к столетию кафедры русского языка и 95-летию профессора Сакмары Георгиевны Ильенко: сборник научных статей. Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, филологический факультет, кафедра русского языка. 2019. СПб., С. 87–93.
22. Никульцева В.В. «Лица, которого бесчестны неувимые черты...» (Образ О.А. Глебовой-Судейкиной в творчестве Игоря-Северянина) // Текст в культурном, историческом, языковом пространстве: материалы Международной заочной научно-практической конференции. М., 2017. С. 100–114.
23. Никульцева В.В. Индивидуально-авторская трансформация фразеологизмов в поэтическом языке Игоря-Северянина // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке: материалы международной научной конференции. М., 2018. С. 265–274.
24. Никульцева В.В. Лексические неологизмы Игоря-Северянина (деривация, значение, употребление): дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.
25. Никульцева В.В. Лингвистический анализ стихотворения М. Цветаевой «Вчера ещё в глаза глядел...» // Русский язык в школе. 2000. № 3. С. 71–74.
26. Никульцева В.В. Несколько рассуждений об оригинальности неологикона Евгения Евтушенко // Современное русское языкознание и лингводидактика: сборник научных трудов, посвящённый 95-летию со дня рождения академика РАО Н.М. Шанского / науч. ред. В.В. Никульцева. М., 2018. С. 361–380.
27. Никульцева В.В. Об академике РАО Н.М. Шанском (1922–2005) // Современное русское языкознание и лингводидактика: сборник научных трудов, посвящённый 95-летию со дня рождения академика РАО Н.М. Шанского / науч. ред. В.В. Никульцева. М., 2018. С. 3–7.
28. Никульцева В.В. Филологический анализ сонета Игоря-Северянина «Тургенев» // Русский язык: исторические судьбы и современность: VI Международный конгресс исследователей русского языка: труды и материалы. М., 2019. С. 248–249.
29. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2006.
30. Словарь русского языка: в 4 т. / гл. ред. А.П. Евгеньева. М., 1981. Т. I. А – Й.
31. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л., 1950. Т. 1.

32. Смирнова-Чикина Е.С. Поэма Н.В. Гоголя «Мертвые души». Комментарий. Л., 1974.
33. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997.
34. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова: в 4 т. М., 1996. Т. 1.
35. Шилина С.А. Анализ социолингвистического кода субъекта власти как социальной характеристики коммуникационного процесса // Социология власти. 2009. № 6. С. 88–95.
36. Шилина С.А. Дискурс русской языковой личности советской и постсоветской эпох // Текст в культурном, историческом, языковом пространстве: материалы Международной заочной научно-практической конференции. М., 2017. С. 510–515.
37. Шилина С.А. Репрезентация концепта душа в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души». URL: <http://lib.knigi-x.ru/23istoriya/330177-1-sashilina-reprezentaciya-koncepta-dusha-poeme-nvgogolya-mertvie-dushi-sovremennom-etape-razvitiya-na-uki-yazike-kogo-vi.php> (дата обращения: 17.06.2021).
38. Lifanova T.E., Shilina S.A. Socio-ecological ministry of the Russian Orthodox church (end of the 19th-beginning of the 20thcenturies) // Turismo-estudos e praticas. Brazil, 2020. URL: <https://ores.su/ru/journals/turismoestudos-e-praticas/> (дата обращения: 09.11.2020).

Андрей Михайлович ШИЛИН

студент

Брянский государственный университет им. академика

И.Г. Петровского»

УДК 81

А.В. Карпова-Рождественская

«ЖИВОЙ ЯЗЫК» И «МЁРТВЫЙ ЯЗЫК» КАК КОНЦЕПТ И АНТИКОНЦЕПТ В ТЕКСТАХ К.Г. ПАУСТОВСКОГО

Аннотация. В статье предпринимается попытка проследить представления К.Г. Паустовского о русском языке как явлении русской культуры, недостаточно исследованные в лингвистическом аспекте. Актуальный в современном языковедении метод концептуального анализа позволяет выявить в художественной эссеистике и публицистике Паустовского два взаимосвязанных концепта – «живой язык» и «мёртвый язык», на которые разветвляется метапонятие «русский язык». С помощью моделирования ассоциативно-семантических полей и микрополей устанавливаются средства вербализации концептов. Делается вывод, что Паустовский вводит противопоставление «живой язык» – «мёртвый язык» с целью подчеркнуть контраст между достоинствами русского языка, которые нужно охранять, и недостатками, с которыми писатель призывает бороться.

Ключевые слова: русский язык, «живой язык», «мёртвый язык», концепт, антиконцепт, ассоциативно-семантическое поле, микрополе, сема, лексема, К.Г. Паустовский.

A.V. Karpova-Rozhdestvenskaya

«LIVING LANGUAGE» AND «DEAD LANGUAGE» AS A CONCEPT AND AN ANTICONCEPT IN K. PAUSTOVSKY'S TEXTS

Abstract. The article makes an attempt to trace K. Paustovsky's ideas of the Russian language as a phenomenon of Russian culture insufficiently studied on linguistic aspect. The method of conceptual analysis, which is topical in modern linguistics, makes it possible to reveal two interconnected concepts «Living language» and «Dead language» as branches of the metaconcept «Russian language» in the literary publicistic by K. Paustovsky. The modeling of associative-semantic fields and microfields helps to determine means of verbalization of concepts. It is concluded that K. Paustovsky introduces the opposition «Living language» – «Dead language» to emphasize the contrast between the merits of the Russian language that are in need of protection and the defects with which the writer calls to fight.

Keywords: Russian language, «living language», «dead language», concept, anticoncept, associative-semantic fields, microfields, seme, lexeme, K. Paustovsky.

Сознательный отход от традиционных нормативных ограничений и манифестация свободы во многих сферах жизни в XXI в. отразились и на отношении общества к родному языку. Вольное обращение с языком в средствах массовой информации, широко распространившееся пренебрежение лексическими нормами в устной и письменной речи и снижение критического отношения к неправильному и неуместному словоупотреблению приводят к размыванию границ между просторечной, разговорной и книжной лексикой, к смешению стилей языка и вызывают беспокойство за общий уровень речевой культуры. При этом наблюдается полярное восприятие изменений в языке: тогда как одна часть общества встревожена засорением языка, другая предпочитает говорить о его естественном развитии, закономерном для любой эпохи. В этой неоднозначной ситуации, чтобы правильно судить о том или ином языковом явлении, необходимы критерии оценки, заслуживающие доверия. Такими ориентирами являются эталонные тексты классиков русской и советской литературы.

Ещё в XIX–XX вв. писатели, выступавшие за сохранение чистоты языка, поддерживали равновесие лексической системы между стилистическими нормами в сложившемся лексическом составе и новыми веяниями. Одним из них был К.Г. Паустовский. Самый музыкальный писатель, лирик и романтик в прозе, философ, тонкий психолог, певец русского пейзажа по выражению многих исследователей, он выступал защитником русского языка и страстным борцом за него. Это возможно только при глубочайшем знании и понимании языка «в его самых глубинных народных источниках» [3, с. 49], каким и обладал Паустовский. Литературовед Е.А. Алексанян заметила: «При обычной для писателя требовательности к себе и искусству у Паустовского какая-то своя, чрезвычайно высокая “мера” чувствовать и понимать слово, острое чутьё к нему» [1, с. 5]. Константин Георгиевич сам подвергал тщательному отбору слова, необходимые для создания художественных образов, и от других писателей требовал такой же предельной строгости к себе. Как он говорил, «одно непонятное слово может разрушить для читателя самое образцовое построение прозы» [6, с. 249].

Русскому языку и писательскому труду посвящены статьи Паустовского «Живое и мёртвое слово», «Великий язык», «Поэзия

прозы», «Большие надежды», «О новелле», глава «Алмазный язык» из книги «Золотая роза» и др. Заметки Паустовского о русском языке представляют собой особый художественно-публицистический сплав, художественную эссеистику, в которой автор напоминает о ценности русского языка, его значении для национального самосознания и стремится пробудить уважение к русскому языку. Для Паустовского язык священен, это великий дар, данный русскому народу. Паустовский призывал ценить и любить родной язык и считал, что не только писатели, но и весь русский народ должен стараться сохранять красоту, свежесть русской речи и тщательно оберегать её от засорения канцеляризмами, жаргонизмами и другим «мусором».

На материале разножанровой прозы – статей и очерков – интересно проследить представления Паустовского о русском языке как явлении русской культуры и выявить, какие лексические средства он использовал для выражения этого концепта. Исследуя тексты, можно заключить, что для Паустовского русский язык существует в виде двух речевых стихий, двух концептов – «живого языка» и «мёртвого» языка, которые автор сопоставляет между собой. Как центральное понятие когнитивной лингвистики, понятие концепта ёмко сформулировано в работах профессора М.В. Пименовой: «Что человек знает, считает, представляет об объектах внешнего и внутреннего мира и есть то, что называется концептом. Концепт – это представление о фрагменте мира» [8, с. 8]. Для читателя это некий образ, возникающий в сознании при восприятии текста, то, что стоит за ним. Можно сказать, что в прозе Паустовского «живой язык» и «мёртвый язык» соотносятся между собой как концепт и антиконцепт (по определению Ю.С. Степанова, «концепт, противопоставленный какому-то другому концепту» [10, с. 21]), взаимодополняющие друг друга в составе метаконцепта «русский язык» (курсивом здесь и далее по тексту статьи выделено нами – Авт.).

Живой язык для К. Паустовского – это «блистательный и неслыханно богатый язык наших классиков», с «могучими народными истоками» [7, с. 229], «живой потому, что он всегда выражал живую душу народа» [7, с. 253]. Под *мёртвым языком* писатель в обобщённом виде подразумевает «скудные и паразитические языки, которые крепко въелись в жизнь, существуют рядом с подлинным русским языком и пытаются вытеснить его и заменить собой» [7, с. 256]: язык

бюрократический, казённый (канцеляризм) и язык пошляков (то есть жаргонизмы). Писатель называет эти лексические пласты *жаргонами*, словно отказывая им в праве входить в *русский язык*. Существование *жаргонов* с «полным разума русским языком» писатель считает «чудовищной нелепостью» [7, с. 257]. Номинаты концептов *живой и мёртвый* появляются в текстах не всегда, но концепты настолько ярко и явно вербализованы в текстах с помощью синонимичных единиц, ассоциаций и антонимических связей, что отсутствие ключевых слов-номинатов не затрудняет вычленение этих концептов.

Описывая *живой и мёртвый* языки, Паустовский использует для каждого из них свой, определённый набор лексем. Так создаются два авторских ассоциативно-семантических поля, контрастирующие друг с другом. Лексемы одного поля противопоставляются лексемам другого поля по *коннотативному* компоненту, и в этом проявляется приём антитезы. Вокруг имени концепта *живой язык* сосредоточены слова с семами положительной оценки: ему свойственны *великолепие, красота, неслыханная щедрость* (существительные и словосочетания), он *волшебный, свободный, крылатый* (прилагательные). Концепт *мёртвый язык* воплощается словами, содержащими семы отрицательной оценки: прилагательными *шаблонный, неуклюжий, скудный, паразитический*, словосочетаниями *жалкие потуги на научность, громоздкое построение фраз*. Для него характерны негативно оценочные предикаты: *напыщен, враждебен, засоряет*.

В лексике двух ассоциативно-семантических полей можно обнаружить несколько заметных семантических объединений, или микрополей, характеризующих разные грани концепта. Их образуют частотные лексические единицы со сходным значением, выделяемые на основании общности сем. Рассмотрим их сначала в концепте *живой язык*.

1. Первую группу (или первое микрополе) составляют слова с сопряжёнными семами *'богатый'* и *'много'*. Эти семы присутствуют эксплицитно и имплицитно в лексемах *богатый, щедрый, разнообразный, многообразие, неизмеримый, обширность*. В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова (далее по тексту СО. – Авт.) значатся такие дефиниции слова *богатый*: «содержащий много ценных качеств», «обильный» [4, с. 51]. Паустовский неоднократно подчёркивает это качество языка: «Я его считаю *богатеишим* в мире» [7, с. 341].

Частотность слов с корнем *-богат-* у Паустовского значительна, такие слова буквально рассыпаны по всем его заметкам: *богатый язык, интонационные богатства, обогащение словаря*. Богатство русского языка позволяет описывать самые разные стороны жизни во всей их полноте, в нём *бездна живых образов*. В русском языке существует «неизмеримое количество великолепнейших слов, способных передать всё *богатство* духовного мира нашего человека» [7, с. 253]. «Для всего, что существует в природе <...> в русском языке есть *великое множество хороших слов и названий*» [6, с. 229].

2. Семы *'точный'*, *'верный'* объединяют вторую группу. Здесь много слов с корнями *-метк-* и *-точн-*. Согласно СО, *меткий* – «выразительно и *точно* подмечающий суть чего-н.» [4, с. 340]. Паустовский предлагает собрать в одном словаре «хорошие и *меткие* местные слова», замечает, что фраза без лишних слов *становится крепкой и меткой*. Русский язык «*точный*, как алмазный резец», в стихах Пушкина заключена *точность, душевная ясность* и тишина. «Нет таких мыслей, понятий, звуков, красок и образов – и сложных и простых, – для которых не нашлось бы в нашем языке *точного* выражения» [5, с. 399]. Богатство и точность русского языка говорят о его универсальности.

3. Лексемы третьей группы обобщены семой *'красивый'*. *Красота, красивый, прекрасный, великолепие, великолепнейший* – это компоненты оценочной зоны концепта *живой язык*. Паустовский восхищается выразительностью русского слова: «Нужны, конечно, целые книги, чтобы рассказать о всем *великолепии, красоте, неслыханной щедрости* нашего действительно волшебного языка» [7, с. 255].

Здесь необходимо пояснить, что, по данным лингвокогнитивных исследований, такие качества русского языка, как его *богатство, красота и точность*, чаще других отмечаются носителями языка, а также фиксируются в высказываниях большинства русских писателей и поэтов о языке [9, с. 163–208]. Это свидетельствует о том, что подобные признаки «существенны для когнитивного сознания народа» в целом, «отражают национальную концептосферу» [9, с. 190].

Для художественного сознания Паустовского чрезвычайно важна образная сторона концепта. Он утверждает, что *писатель обязан привносить в прозу поэзию и живопись*: «Некоторые писатели пренебрегают красками и светом. Поэтому от их вещей

остаётся впечатление пасмурности, серости, бесплотности» [7, с. 226]. *Особенность творческого метода Паустовского в том, что автор помогает читателю ощутить любой образ всеми органами чувств. Так, в воображении писателя русский язык предстаёт как музыкальный инструмент, как палитра бесчисленных красок, и он добивается, чтобы читатель также заслушался музыкой языка, увидел живописные картины, почувствовал поэтичность, музыкальность речи, поэтому несколько микрополей воссоздают звуковой и зрительный образы.*

4. Четвёртое микрополе концепта *живой язык* связано с семантикой 'звучания'. Паустовский напоминает, что русский язык «гремел непоколебимым гневом в речах и книгах наших вольнодумцев, томительно звучал в стихах Пушкина, гудел, как колокол на башне вечевой, у Лермонтова <...> был громopodobен в устах Маяковского <...> колдовскими напевами звенел в строфах Блока» [7, с. 255]. Русским словом можно передать «и звучание музыки <...> и тяжелое громахание грозы, и детский лепет, и заунывный ропот прибоя» [5, с. 399]. Сравнивая русский язык с иностранными языками, Паустовский убеждается, что это самый многоцветный в мелодическом отношении язык: «по своему звучанию он настолько разнообразен, что заключает в себе звучания почти всех языков мира» [7, с. 255]; в поэтическом сочетании «обычные слова “лес”, “мороз”, “поле” <...> поют и звенят, как звенит, похрустывая под ногой, покрытая инеем пажить» [7, с. 226].

5. Среди семантических объединений, включающих зрительный компонент образа, выделяется микрополе с близкими семами 'блеск', 'свет'. Русский язык *живой и светлый, блистательный*, им можно показать *спектральный блеск красок*, он *сверкает*. Русские слова уподобляются драгоценным камням и металлам: *что ни слово, то золото*, образцы русской речи нужно собирать как *золотоносный песок*. Наличие этих сем не случайно. Подобными словами Паустовский рисует природу, образ которой занимает одно из главных мест в его творчестве. На страницах рассказов и повестей Паустовского всё блестит и сверкает: *сверкал розовый вечер, серебряный дым поднимался к чистому и драгоценному небу*. Русский язык для Паустовского такая же величайшая драгоценность, как и русская природа! Русский язык тесно связан с природой, произрастает из неё и способен поведать о ней, как ни один другой язык на земле.

6. Русский язык неотделим от народа. Сема 'народность', значимая в этом концепте, также может рассматриваться в отдельной группе. Русский язык *народен*, его неиссякаемый источник – *народ*: «Из народных глубин, из подчас непротраженных и неведомых истоков расцвёл этот изумительный язык» [5, с. 399]. Он «открывается до конца в своих поистине волшебных свойствах и богатстве лишь тому, кто кровно любит и знает “до косточки” свой народ и чувствует сокровенную прелесть нашей земли» [6, с. 229]. Язык, природа и народ сливаются в сознании Паустовского в единый образ Родины. В «Повести о лесах» Паустовский вкладывает эту мысль в уста одного из героев, писателя Леонтьева: «Я посвящаю эту книгу России <...> Ничего нет в мире милее для меня, чем мой народ, его судьба, чем волшебный русский язык и трогающая сердце то силой, то грустью, то покоем и радостью наша природа» [6, с. 78].

7. Наконец, ряд слов сливается в микрополе со значением 'чуда', 'волшебства'. С русским языком «можно творить чудеса», он производит впечатление *радостного чуда*, он «самый свободный и волшебный». В природных словах заключено *волшебство русской речи*, в нём *сказочные по звучанию переливы*, а под пером Лермонтова язык звучит с *совершенно загадочной силой*.

В статье «Живое и мёртвое слово» есть такие слова: «в тысячах деревень этот язык приобретал *меткость, силу, задушевность, блеск и певучесть*». Можно предположить, что в этой фразе не только перечислены те качества, которые отличают русский язык, но и те черты, которыми, по мнению писателя, должна обладать литература и которыми наделена проза самого Паустовского. *Меткость* – способность русского слова с величайшей точностью передать смысл любого явления. *Сила* – в его воздействии на душу человека. *Задушевность*, искренность – в ясности и неотделимости «от духовной сущности русского народа и от его истории».

Изображение *мёртвого языка* зеркально противоположно изображению *живого*. Лексемы, характеризующие эти два концепта, являются антонимами или приобретают такие значения в контексте. Например, «появилось у нас довольно много людей, владеющих двумя языками – языком *ведомственным* и языком *живым*» [7, с. 254], «газеты пишутся не *на русском языке*, а на *ломаном языке*» [7, с. 344]. Встречаются и приёмы языковой игры, когда Паустовский вкладывает в одно и то же слово противоположные значения. «И вот

умный и весёлый человек, вытянувшись и держа руки по швам, нёс два часа убийственную околесину на неизвестном варварском языке. Именно на неизвестном и варварском, потому что назвать этот язык русским мог бы только жесточайший наш враг» [7, с. 254]. Паустовский фактически не признаёт подобную «мёртвую» речь частью русского языка.

Если живой язык корнями уходит в народ, то мёртвый язык есть «следствие невежества, потери чувства родной страны, отсутствия вкуса к жизни» [7, с. 257]. Если живой язык наделён меткостью, точностью, суровой простотой выражений, то мёртвый страдает громоздким построением фраз, напыщенностью, дикой путаницей понятий, представляет собой тошнотворную мешанину «из плохо переваренной иностранщины и языка протоколистов» [7, с. 230], а фразы, произнесённые на этом языке, есть «косноязычная галиматья». Если живой язык разнообразен, то мёртвый отличается удивительной скудостью, это обеднённый язык, плоский и стандартный. Автор осуждает писателей, которые «работают» всего двумя-тремя тысячами слов» и низводят язык произведения до уровня языка самого примитивного [7, с. 233]. Этот язык не блестит всеми красками, он бесцветный, сухой и тощий. Его особенности – нищета, серятина и фонетическое безобразие. Полна горькой иронии фраза автора, раздосадованного увиденной надписью на таком ломаном языке: «Солнце вторично погасло в тихом и, казалось, обиженном небе» [7, с. 253]. Этот искусственный язык чужд самой природе, она негодует вместе с автором.

Индивидуально-авторское восприятие языка также выражено в многочисленных тропах. Изысканны и оригинальны эпитеты: «живой язык» прост и строг, он крылатый, честный, гибкий, гневный и праздничный, ласковый и разящий, строй «мёртвого языка» убог, беспомощен, фальшив, это вывихнутая речь, обывательские словечки. К.Г. Паустовский и А.Н. Толстой называли русский язык алмазным. СО определяет «алмаз» как «прозрачный драгоценный камень, блеском и твёрдостью превосходящий все другие минералы» [4, с. 22]. Эти качества алмаза символично перенесены на русский язык. Точны и образны метафоры: язык уподобляется живому словесному потоку, что, «переливаясь из года в год и из века в век, должен становиться всё шире, громче и полноводнее» [4, с. 232–233];

он украшал сказками и песнями долю русского человека, живые слова излучает поэзию, а корявые торчат в нём занозами. Часто используются сравнения: русский язык – кружащий голову, как вино, он наш меч, наш свет, наша любовь, наша гордость.

Лингвист Р. Будагов в книге «Писатели о языке и язык писателей» уловил одну из характерных черт творчества Паустовского, его «манеру» раскрывать свою задумку необычным способом – с помощью частых лирических отступлений, которые, на самом деле, тесно вплетены в нить повествования. «Зарисовки начинаются как будто бы не на тему <...> Вскорости, однако, выясняется, что «не на тему» оказывается именно на тему» [2, с. 156]. Эти «отступления» позволяют читателю проникнуться общей атмосферой картины, через подтекст осознать замысел автора. Иногда связь между таким вроде бы внесюжетным эпизодом и основной темой прямо указана автором. Тогда перед читателем предстают сравнения, развёрнутые в целые абзацы. «Внезапно среди однообразной зелени этих трав в белой пелене тумана я увидел очень высокий огненный цветок. Он как бы зажгёт на заре свое душистое пламя и раскрывался, расцветал у меня на глазах. <...> Сейчас, когда я вспоминаю об этом, то почему-то этот цветок, выросший на простой и даже грубой нашей земле, кажется мне прообразом русского языка, сверкающего своим живым горячим блеском над остальными языками мира» [5, с. 400]. В других случаях автор позволяет читателю самому увидеть внутреннюю взаимосвязь между явлениями через скрытое сравнение. Например, в очерке «Родник в мелколесье», повествуя о прелести русского мелколесья, Паустовский будто бы говорит о красоте простых русских слов, а упоминая о роднике, раскрывает животворную силу русского языка.

Подводя итоги, можно заключить, что Паустовский в художественно-публицистических статьях и очерках вводит метафоричные понятия *живого* и *мёртвого* языка, чтобы подчеркнуть многочисленные достоинства русского языка, которые содействуют развитию культуры народа, и указать на недостатки, с которыми нужно бороться, потому что «для этого необходимо знать всё, что его засоряет и умертвляет» [7, с. 256]. Взаимодействие двух речевых стихий в метаконцепте «русский язык» проявляется в их взаимном влиянии, когда лексемы *мёртвого языка*, вливаясь в *живой*, раз-

рушают его, но и лексемы *живого языка*, вытесняясь в *мёртвый*, очищают, оттачивают *живой язык*. На фоне *мёртвого языка* резче обнаруживается вся красота *живого*. *Русский язык* как саморазвивающийся организм не существует без элементов языка *мёртвого*, как не существует в мраморе скульптура, пока не отсечены лишние куски камня. Образцовая речь выкристаллизовывается из всей массы слов в лексике, а *мёртвый язык* выступает своеобразным фильтром *русского языка*. Даже самые красивые русские слова, неумело использованные в тексте, портят его и становятся частью языка *мёртвого*. В конце хочется привести строки самого Константина Георгиевича Паустовского: «Русский язык, по существу, дан не одному, а многим народам, и было бы настоящим преступлением перед потомками, человечеством, перед культурой позволить кому бы то ни было искажать его и калечить» [7, с. 257].

Библиографический список

1. *Алексян Е.А.* Константин Паустовский – новеллист. М., 1969.
2. *Будагов Р.А.* Писатели о языке и язык писателей. М., 1984.
3. *Кременцов Л.П.* К.Г. Паустовский. Жизнь и творчество. М., 1982.
4. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1970.
5. *Паустовский К.Г.* Наедине с осенью: портреты, воспоминания, очерки. М.: Советский писатель, 1972.
6. *Паустовский К.Г.* Собрание сочинений: в 9 т. / примеч. Л. Левицкого. М., 1982. Т. 3.
7. *Паустовский К.Г.* Собрание сочинений: в 9 т. / примеч. Л. Левицкого. М., 1984. Т. 8.
8. *Пименова М.В.* Типы концептов и этапы концептуального исследования // Вестник КемГУ. Серия: Филология. 2013. № 2 (54). Т. 2. С. 127–131.
9. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. М., 2007.
10. *Степанов Ю.С.* «Понятие», «Концепт», «Антиконцепт». Векторные явления в семантике // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: сборник научных трудов. М., 2007. С. 19–26.

Александра Валентиновна КАРПОВА-РОЖДЕСТВЕНСКАЯ
студент

Московский государственный областной университет

УДК 82-3

П.И. Хомутова

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В РОМАНЕ САШИ СОКОЛОВА «ШКОЛА ДЛЯ ДУРАКОВ»

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей языка и стиля писателя современности Саши Соколова на примере романа «Школа для дураков». Рассматриваются наиболее частые приёмы языковой игры с читателем, его восприятием и сознанием. Скрытые цитаты, перевёртывание устоявшихся и обыденных фраз, особый способ передачи интонаций говорящих, речевая избыточность, ассоциативные связи слов создают неповторимый речевой мир писателя. Данная работа демонстрирует новый взгляд на языковой стиль Саши Соколова.

Ключевые слова: языковая игра, «поток сознания», «речевые лавины», ассоциативные связи, речевая избыточность.

P.I. Khomutova

LANGUAGE GAME IN SASHA SOKOLOV'S NOVEL «SCHOOL FOR FOOLS»

Abstract. In this article, the features of the language and style of contemporary writer Sasha Sokolov are explored, using the example of the novel «The School for Fools». The most frequent receptions of language games with the reader, his perception and consciousness are underlined. Hidden quotes, the inverting of established and every day for all phrases, a special way of conveying intonations of speakers, speech redundancy, as well as associative connections of words – create a unique speech world of the writer. This work demonstrates a new look at the language style of Sasha Sokolov and is relevant, as this language (style) continues to evolve today.

Keywords: language game, «stream of consciousness», «speech avalanches», associative connections, speech redundancy.

Языковая игра представляет собой определённый тип речевого поведения говорящих, основанный на преднамеренном (сознательном, продуманном) нарушении системных отношений языка [3, с. 657]. Данное понятие было введено Людвигом Витгенштейном в 1953 г. в «Философских исследованиях» [2]. Языковая игра строится на ассоциативном потенциале слова, на совмещении плана содержания и плана выражения, в связи с этим варьируется значение слова. Она

позволяет писателю проявить себя, превратить свои тексты в нечто «живое», способное меняться и трансформироваться во что-то новое.

«Школа для дураков» – первый роман Саша Соколова, написанный в 1973 г. Произведение стало одним из самых значительных явлений русской литературы конца XX в. Текст объёмен и имеет собственный «привкус». Соколов играет со словами, их смыслами, формами. Писатель как будто примеряет «одежды» постмодернизма, но ему в них оказывается тесно. Соколов экспериментирует со словом и со всем богатством его значений, форм, звуков.

Роман открывается тремя эпиграфами, использование которых можно считать игровым началом. Первый эпиграф – отрывок из «Деяний святых апостолов». Он предваряет знакомство с учителем Павлом Петровичем Норвеговым («ветрогоном», «правдолюбом») и превращением его в Савла Петровича, жизнь которого главный герой считает апостольской. Здесь есть некая пародия или стилизация. Следующий эпиграф – одиннадцать русских глаголов-исключений, причём в этом списке Соколов намеренно совершает ошибку: употребляет глагол «бежать» и упускает глагол «смотреть». Видимо, писатель посчитал, что «видеть» имеет более глубокое смысловое наполнение и глагол «смотреть» уже излишен. Включая в список глагол «бежать», Соколов заключает в этом слове важную идею романа (стремление сбежать к свободе как мальчика, так и его создателя – автора). Главный герой мечтает сбежать из дома отца в «школу для дураков», оттуда в страну вечных каникул, в «Край Одинокого Козодоя, птицы хорошего лета». Помимо этого, в тексте произведения данная цепочка из эпиграфа стилистически обыгрывается в монологе учителя: «Вы могли бы грести и плавать, бегать и прыгать, играть в ножички и разрывать цепи, закаляться как сталь, писать стихи, рисовать на асфальте» [5, с. 136]. И наконец, третий эпиграф – отсылка к новелле Э. По «Вильям Вильсон» – является разгадкой личности героя. Затрагивается тема двойничества, «раздвоения» личности (у Э. По героя преследует двойник).

Игра присутствует и в манере повествования. Так, роман начинается с поиска слов, которыми лучше всего было бы начать рассказ, но при этом нам не показывается предыстория: «Так, но с чего же начать, какими словами? Всё равно, начни словами: там, на пристанционном пруду» [5, с. 7]. Мы пытаемся осязать реальность, но она

лишь призрачна: «А может быть, реки просто не было? Может быть. Но как же тогда она называлась? Река называлась» [5, с. 8].

Создаётся впечатление, будто мир предшествует тому, как его назовут, и то, о чём повествуется, гораздо значимее того, что прожито.

Встречаются моменты, где поток речи становится как будто неуправляемым, обретает бесформенность «потока сознания»: исчезают знаки препинания, абзацы (стираются границы между предложениями). Оборванный синтаксис определяет словесную игру. М. Липовецкий в своей монографии «Русский постмодернизм: очерки исторической поэтики» называет этот приём «речевыми лавинами»: перетекающие друг в друга метафоры, цитаты, которые лишены знаков препинания, но обладают особыми ритмическими и фоническими отношениями слов [3, с. 44]. Непрерывный внутренний монолог, обращенный к другому себе, подменяется диалогической переключкой неизвестных и неназванных голосов, появляется множество безадресных ремарок. Между тем события, о которых рассказывается, предстают перед нами словно одновременно (как единое многомерное событие). Автор после глаголов в скобках указывает их формы прошедшего и будущего времени, показывая всё, что происходит (происходило, будет происходить). Пытаясь передать аромат слова, его многосторонность, Соколов выделяет слово прописными буквами и отделяет каждую из них запятой: «Пусть та преподаватель совершенно не была похожа на водокачку, – скажешь ты, – зато она необъяснимо напоминает само слово, сочетание букв, из которых оно состоит (состояло, будет состоять), – В, О, Д, О, К, А, Ч, К, А» [5, с. 14]. Рассказчик вызывает ассоциативный ряд, мы видим в слове тот самый образ, отчётливо представляем эту женщину.

Также ассоциативны связи между словами: «<...> поезд идёт час двадцать, северная ветка, ветка акации или, скажем, сирени, цветёт белыми цветами <...> смейся на станциях продавайся проезжим и отъезжающим плачь и кричи обнажаясь в зеркальном купе как твое имя меня называют Веткой я Ветка акации я Ветка железной дороги <...>» [5, с. 15]. Сначала герой размышляет о железнодорожной ветке, которая ему давно знакома, затем у него в сознании всплывает ветка цветущей акации, потом появляются воспоминания о первой любви – Вете Акатовой. Он словно разматывает клубок своих воспоминаний, раскладывает фотографии прошлого перед нами.

Ещё один излюбленный приём Саши Соколова – речевая избыточность. Писатель стремится разрушить языковое клише, гладкость и незаметность (обыденность) фразы, сделать её ошутимее, весомее: «В пустоте пустых помещений неплохо звучат и некоторые другие слова, но, перебрав их в памяти своей, ты понимаешь, что ни одно из них, известных тебе, в этой ситуации не подходит» [5, с. 147]; «Столько-то, говоришь ты, я коллекционирую коллекцию, в настоящий момент она вбирает в себя такие-то и такие-то виды» [5, с. 151]. Благодаря, казалось бы, излишнему повторению и в первом, и во втором примере избыточность придаёт движение фразе, происходит выход из эмпирии в экзистенцию. Не просто «пустые помещения», а в их «пустоте», которая словно утягивает куда-то, окружает со всех сторон. Слово сочетание «коллекционирую коллекцию» удивительным образом гармонично встраивается в общий текст, актуализирует внимание читателя на данном факте.

Придают очарование тексту оксюмороны, парадоксы, которые автор умело создает: «Я слышал поцелуи и шёпот, и *душиное дыхание* незнакомых мне мужчин и женщин <...>» [5, с. 173]; «Боюсь, что ему, Николаю Горимировичу, не понравится: он всё-таки, как писали в прежних романах, *немного слишком* устал и угрюм» [5, с. 242]. Саша Соколов совмещает несовместимое, сталкивает два противоположных понятия, и из них возникает совершенно новое понятие, обладающее своей собственной жизнью. Так, дыхание предполагает вбирание в лёгкие какого-то воздуха, а душным называют помещение, где отсутствует воздух, в результате получается, что эти люди вроде как бы дышат, но на самом деле задыхаются. Предложение с «немного слишком устал» очень реалистично, поскольку так сказать может человек, который действительно очень устал. Это характерно для потока речи, когда нет сил обдумывать то, что хочешь сказать, при этом могут накладываться противоположные значения.

В романе встречаются множество каламбуров, которые также свойственны языковой игре автора: «<...> мы лучше разбирались в вопросах внешней и внутренней *калитики*» [5, с. 144]; «<...> у нас много общего, это закономерно: два молодых биолога, два естествоиспытателя, два учёных, подающих *одежды*» [5, с. 165]. Замещения слов, основанные на их созвучии, на первый взгляд кажущиеся абсурдными, демонстрируют острый ум писателя и пространственность восприятия им существующей действительности.

Мы чувствуем напряжённую работу со словом, с его поиском, с тем, чтобы наиболее точно выстроились пазлы: «Всё остальное – не ты, все другие – чужие. Кто же ты сам? Не знаешь. Только узнаешь потом, нанизывая бусинки памяти. Состоя из них. Ты весь – память будешь» [5, с. 123].

В конце концов читатель понимает, что писателю недостаточно того количества слов и их форм, которые существуют в русском языке, чтобы выразить все его мысли, эмоции, передать собственное ощущение мира.

Говоря об особенностях языка Соколова, Пётр Вайль и Александр Генис отмечают, что для писателя характерна «говорящая лексика, фонетика, синтаксис, грамматика», что писатель «охотно вслушивается в приставку, суффикс, глагольную форму, падежную флексию» [1, с. 16]. Действительно, Саша Соколов обыгрывает каждый элемент своей книги, «Школа для дураков» есть мозаика смыслов, звуков, сочетаний. Писатель о своём творческом процессе замечал: «Я сочетаю слова. Когда вижу, что слова не сочетаются, я просто не использую эту пару или тройку слов. Они должны как-то перекликаться между собой – не только по смыслу, но и по звуку. Это напоминает, видимо, такую композиторскую работу. <...> Язык – это же музыка, данная нам свыше, но мы этого часто не ценим» [6]. В самом деле, текст Саши Соколова есть музыка, он увлекает своим ритмом, фоническими метаморфозами, каламбурами, которые переносят нас в сферы парадокса и абсурда. Художественное слово писателя обладает удивительной свободой, пространственностью и оторванностью от всего остального.

Библиографический список

1. Вайль П., Генис А. Уроки школы для дураков // Литературное обозрение. 1993. № 1/2. С. 13–16.
2. Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы: в 2 ч. М., 1994. Ч. 1.
3. Кожина М.Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М., 2011.
4. Липовецкий М.Н. Русский постмодернизм: очерки исторической поэтики. URL: <http://glebland.narod.ru/postmod.htm> (дата обращения: 05.01.2018).
5. Соколов С. Школа для дураков. СПб., 2017.

6. Соколов С. Я всегда знал, что уеду из Советского Союза: интервью с писателем // Lenta.ru–2017. URL: <https://lenta.ru/2017/02/11/sokolovfilm/> (дата обращения: 22.04.2017).

Полина Игоревна ХОМУТОВА

студент

Московский политехнический университет

УДК 81'373.7

Н.М. Кошелева

АВТОРСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ ТЕКСТЕ ЖАНРА ФЭНТЕЗИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА О. ГРОМЫКО «ПРОФЕССИЯ: ВЕДЬМА»)

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы включения в художественный текст авторской фразеологии, цели трансформации фразеологических единиц в художественном произведении. Приведены примеры типов преобразований фразеологических единиц, сопоставления авторских фразеологических единиц с общеупотребительными единицами.

Ключевые слова: фэнтези, фразеология, окказионализм, словообразование, идиостиль.

N.M. Kosheleva

AUTHOR'S PHRASEOLOGY IN THE MODERN TEXT OF THE FANTASY GENRE (BASED ON THE MATERIAL OF O. GROMYKO'S NOVEL «THE PROFESSION OF A WITCH»)

Abstract. The article considers topical issues of inclusion of the author's phraseology in the literary text, the goals of transforming of phraseological units into the piece of art. Examples of types of conversions of phraseological units, comparison of author's phraseological units with common units are given.

Keywords: fantasy, phraseology, occasionalism, word formation, individual style.

При создании художественного произведения автор использует не только «готовый» материал языка: как творец, новатор он вправе вносить в него различные изменения. Проблема окказиональности в языке актуальна для исследований произведений современного фэнтези, текстов последних лет, хотя создание окказиональных единиц и не считается новым явлением.

Вопросу окказиональности как особого, противоречивого явления (с одной стороны, окказиональные слова являются продуктом языка, с другой – продуктом речевой деятельности) в лингвистике уделяется комплексное, разноаспектное внимание относительно недавно; на сегодняшний день индивидуальное авторское словотворчество всё больше привлекает исследователей.

Проблема окказиональности находится в сфере внимания учёных, а типы и функции окказионализмов важны для изучения авторского идиостиля. Окказиональное слово рассматривается лингвистами с разных позиций:

- во-первых, изучается окказионализм как принадлежность языка или речи,
- во-вторых, рассматриваются особые «модели», методы, с помощью которых возникают авторские новообразования,
- в-третьих, рассматривается окказиональное слово и как важнейшее стилиобразующее средство в системе языка – см., например, следующие труды [5; 7; 11; 13].

В последнее двадцатилетие в литературоведении наблюдается стремительное развитие жанра как фэнтези – одного из популярных жанров современного искусства, разновидности фантастики. Появление жанра датируется началом XV в., с этого же времени начинается трансформация жанра. Специфика фэнтези – в использовании мифологических и сказочных мотивов в современном виде.

Автор, творящий в жанре фэнтези, использует новообразования прежде всего для номинации созданных им реалий (предметов, миров, народов, рас), а также имён собственных разного рода – антропонимов, топонимов и др. Именно поэтому в жанре фэнтези так часто встречаются окказиональные лексические единицы. Например, в серии книг Джоан Роулинг о Гарри Поттере не раз упоминается о спортивной игре, именуемой *квиддич* (англ. *Quidditch*), о целых классах сказочных существ: *пикси* (англ. *Pixie*), *дементоры* (англ. *Dementor*) и т.п.

В большинстве случаев, чтобы описать новые реалии (будь то персонаж, его имя, должность или какой-либо предмет), автору приходится создавать собственные слова, поскольку ему не хватает того лексического арсенала, который уже имеется в языке. Таким образом, писатели и поэты обращаются к словотворчеству и формируют номинанты, которые подходят для определённой ситуации, определённого временного промежутка, передачи специфики речи того или иного персонажа.

Окказиональные фразеологические единицы в произведениях жанра фэнтези не менее актуальны, чем лексические. Фразеологизмы нередко свидетельствуют о богатстве словарного запаса, вырази-

тельности речи, широте кругозора, сфере интересов повествователя и (или) персонажа и т.п. [16; 17]. Включение фразеологических единиц (далее – ФЕ) в художественный текст осуществляется с определенной целью: ФЕ экспрессивны, образны, поэтому данные единицы довольно часто встречаются в речи автора и в речи героев.

Наряду с фразеологизмами, зафиксированными в словарях, в произведении О. Громыко встречаются их окказиональные варианты. В исследуемом нами художественном тексте – романе «Профессия: ведьма» – выявлены следующие авторские фразеологические единицы:

«Герольда на мыло! – донесся из заднего ряда срывающийся мальчишеский голос». Перед нами преобразование ФЕ *судью на мыло*, которой выражают свое недовольство к судейству арбитра, рефери и т.п. Наблюдается изменение в компонентном составе ФЕ: вместо лексемы *судья* в винительном падеже единственном числе употребляется лексема *герольд* (в том же числе и падеже), значение же ФЕ при этом сохраняется. Перед нами лексическое варьирование; замена компонента в тексте обусловлена конкретной ситуацией, данной в произведении: герои были недовольны судейством турнира. Герольд, по сути, тот же судья (глашатай, вестник, церемониймейстер при дворах королей, крупных феодалов; распорядитель на торжествах, рыцарских турнирах. Герольд был также судьёй на турнире (страж турнира): подавал знак к началу турнира, мог остановить слишком ожесточённый бой. Герольд ведал составлением гербов и родословий [6]. Ср. во Фразеологическом словаре А.И. Фёдорова: *«На мыло кого. Грубо-прост. Презр. Долой, вон! (Того, кто не справляется со своими обязанностями, мешает другим.)»* [14, с. 383].

«Риск – благородное дело, – ласково объяснил Лён прыщавому, – кто не рискует, тот не пьет... сточных вод». В тексте имеет место преобразование ФЕ *кто не рискует, тот не пьет шампанского* – пословицы, обозначающей решимость совершить рискованный поступок, с надеждой на удачу, на благополучный исход дела; в оправдание чьей-либо смелости, безрассудности. Пословица употребляется в двух значениях: 1) «о возможности иногда рискнуть», 2) «о человеке, который любит рисковать» [3]. Наблюдается изменения в компонентном составе фразеологической единицы с добавлением новой стилистической окраски, значение же

ФЕ сохраняется. Употребление преобразованной автором единицы соответствует происходящей в тексте ситуации: речь персонажа, разумеется, ситуативно обусловлена: автор «подстраивает» язык под конкретную ситуацию.

«*Не язык, так телепатия до Ясневого Града доведет*», – напомнил Лён известную эльфийскую пословицу». В речи героя наблюдается преобразование пословицы *Язык до Киева доведёт*, то есть «спрашивая, всё узнаешь, найдёшь» [4, с. 370]. В данном примере отметим изменения в компонентном составе ФЕ, расширение состава фразеологизма с сохранением значения. Автор вводит в состав фразеологической единицы компонент *телепатия* ввиду особенностей ситуации произведения: телепатией обладают герои-студенты, adeпты магического заведения, живущие в магическом мире. Замена привычного компонента *Киев* компонентом *Ясневый Град* также связана со спецификой произведения – с жанром фэнтези. В данном художественном тексте встречается множество авторских топонимов, именно поэтому происходит трансформация ФЕ: цель автора – максимально абстрагировать читателя от реального мира и погрузить в мир фэнтезийный.

«*Хорошо хоть за погляд денег не брали, и скоро у меня зарябило в глазах от бессчетных сапог, шуб, лаптей, веников, колющего и стрелкового оружия, пирамид фруктов и гор овощей, кухонной утвари, лошадей, расписных игрушек, ковров, нижнего белья и бездарных картин*». В тексте имеет место преобразование ФЕ за *погляд денег не берут* – пословицы, которая неоднократно встречается в разговорной речи. В тексте представлена морфологическая вариантность (изменена глагольная форма – в тексте дано прошедшее время). Варьирование единицы обусловлено ситуативно.

«*Ни пуха, ни пера, – неожиданно внятно, видимо, прислонившись к косяку, процедил вампир. – Клешему! – выпалила я и стрелой вылетела из подвала*». В данном примере отметим преобразование микроидиомы *к чёрту (чертям)* – в одном из значений – *шутл.* «Ответ на пожелание «ни пуха ни пера», то есть благополучия, удачи, успеха и т.п. (как проявление суеверного представления о возможности сглазить начатое дело)» [14, с. 746] – в данном примере представлено изменение в компонентном составе с сохранением значения. Замена компонента *к чёрту* лексемой *клешему* связана с миром про-

изведения: перед читателем открывается особый, волшебный мир, значит, более уместным для автора представляется включение в текст номинантов его обитателей: вампиров, леших, ведьм, троллей и т.д.

«*Только что мы внимали мраку и сырости елового леса – и вот уже колышет узкими листьями ковыль на залитом солнцем лугу, еще шаг – и на нем словно по мановению ока выросли высокие деревья*». Наблюдается контаминация двух ФЕ – по *мановению руки и во мгновение ока*. Ср. в словарях: *в мгновение ока*. *Экспрес.* То же, что *в мгновение зеницы* «Моментально, очень быстро, вмиг» [14, с. 364]. *По мановению* (как, будто, словно, точно) волшебного жезла (палочки) в значении «очень быстро, мгновенно, внезапно»; «с лёгкостью, без труда (делается, совершается что-либо)» [8, с. 237].

«*Попалась, красна девица! – Попалась, зелен молодец! – безропотно согласилась я, не пытаюсь высвободить руку*». Наблюдается трансформация (замена лексического компонента) ФЕ *добрый молодец – народно-поэт*. «Молодой человек, удалец» [14, с. 377], а также соотнесение с ранее употребленным устойчивым словосочетанием *красна девица*, ср. колористические компоненты *красна – зелен*.

«*Да уж, – хмуро поддакнул тролль. – Пользы от того мага, как от Козьих Попрыгушек – и сыро, и топко, и комарья пропасть, зато клюква уродилась на славу*». Наблюдается трансформация ФЕ – *пользы как от козла молока* «погов. – о человеке, бесполезном в каком-л. отношении» [15, с. 111], а именно, замена лексических компонентов с сохранением значения ФЕ. Замена компонентов *как от козла молока* компонентами *как от Козьих Попрыгушек* связана с фэнтезийным миром и авторскими топонимами, присутствующими в тексте. *Козьи Попрыгушки* – гидроним, так именуется болото. Полагаем, что автор по ассоциации с известной поговоркой заменяет компоненты, подчеркивая «бесполезность» данного объекта для обитания, проживания в нём.

В исследуемом в данной работе художественном тексте встретилось восемь окказиональных ФЕ, которые наиболее часто употребляются в речи главных героев – адепки-чародейки Вольхи Редной и вампира, Повелителя государства вампиров, Догевы, – Лёна. Фразеологическая вариантность, в основном, представлена заменой лексического компонента (-ов) в составе ФЕ (значение фразеологического номинанта при этом сохраняется).

Таким образом, благодаря фразеологической вариативности, окказиональности ФЕ автор достигает различных целей в художественном произведении: введение во фразеологизмы компонентов, называющих реалии вымышленного мира (сказочные существа, авторские топонимы, магические свойства или предметы), полностью отвечает специфике жанра произведения – фэнтези. Окказиональные ФЕ придают речи героев особую экспрессию, динамичность, способствуют созданию юмористических ситуаций, являются значимым лингвистическим компонентом индивидуального стиля О. Громыко.

Библиографический список

1. *Белянин В.П., Бутенко А.И.* Словарь разговорных выражений. М., 1994.
2. *Громыко О.* Профессия: ведьма. М., 2003.
3. *Жуков В.П.* Словарь русских пословиц и поговорок: около 1200 пословиц и поговорок. М., 2000.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева, М., 1990.
5. *Лопатин В.В.* Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования. М., 1973.
6. Малый энциклопедический словарь. Брокгауз-Ефрон. СПб., 1907. Т. 1 Вып. 2: Гальваноохромия – Кившенко.
7. *Масленников Д.Б.* Окказионализмы в футуристической поэзии и особенности их функционирования: дисс. ... канд. фил. наук. Уфа, 2000.
8. *Молотков А.И.* Фразеологический словарь русского языка. М., 1968.
9. *Новиков Л.А., Преображенский С.Ю.* Грамматический аспект описания идиостилей. Синтаксическая доминанта // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль. Общие вопросы. Звуковая Организация текста. М., 1990. С. 56–57.
10. Словарь русского языка: в 4 т. (МАС) / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1999. URL: <http://febweb.ru/feb/mas/MAS-abc/default.asp> (дата обращения: 02.01.2021).
11. *Смирницкий А.И.* К вопросу о слове (проблема тождества слова) // Труды ин-та языкознания АН СССР. М., 1954. С. 3–49. Т. IV.
12. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV / под ред. Б.А. Ларина. М., 1964–1973.
13. *Фельдман Н.И.* Окказиональные слова и лексикография // Вопросы языкознания. 1957 г. № 4. С. 64–73.
14. *Фёдоров А.И.* Фразеологический словарь русского литературного языка. М., 2008.
15. Фразеологический словарь русского языка / сост. А.Н. Тихонов, А.Г. Ломов, Л.А. Ломова. М., 2003.

16. *Никутьцева В.В.* Индивидуально-авторская трансформация фразеологизмов в поэтическом языке Игоря-Северянина // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке: материалы международной научной конференции. М., 2018. С. 265–274.
17. *Никутьцева В.В.* Индивидуально-авторская трансформация фразеологизмов в произведениях С. Есенина // Сергей Есенин и литературный процесс: традиции, творческие связи: сборник научных трудов. Рязань, 2006. С. 192–215.

Нина Михайловна КОШЕЛЕВА

студент-магистр

Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева

**РАЗДЕЛ 9. МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ИЗУЧЕНИЯ ТЕКСТА
В ШКОЛЕ/КОЛЛЕДЖЕ/ВУЗЕ**

**SECTION 9. METHODOLOGICAL ASPECTS
OF STUDYING THE TEXT
AT SCHOOL / COLLEGE / UNIVERSITY**

УДК 811.161.1

И.В. Приорова

**«ПОВОРОМ О СТРАННОСТЯХ ЛЮБВИ»,
ИЛИ «ТЕМНЫЕ АЛЛЕИ» И.А. БУНИНА
НА УРОКАХ В КИТАЕ**

Аннотация. В статье затронут вопрос, почему И.А. Бунин стал первым нобелевским лауреатом из России, не живя в России. Ответ на этот вопрос строится на глубоком понимании текстов автора, знании основных этапов творческого пути писателя и признании его феномена в отечественной и мировой литературе. Стилистическое новаторство и оригинальная концепция любви, изложенная художником в рассказах цикла «Темные аллеи», неоднозначно воспринимаются китайскими студентами и требуют пояснений при работе с текстами.

Ключевые слова: Нобелевская премия, национальный характер, эстетическое совершенство, стилистическое новаторство, романтическое и трагическое, безжалостная любовь, тревожная книга, энциклопедия любви.

I.V. Priorova

**«LET'S TALK ABOUT THE WEIRDNESS OF LOVE»,
OR «DARK ALLEYS» BY I.A. BUNIN
IN THE LESSONS IN CHINA**

Abstract. The article raises the question of why I.A. Bunin became the first Nobel laureate from Russia without living in Russia. The answer to this question is based on a deep understanding of the author's texts, knowledge of the main stages of the writer's career and the recognition of his phenomenon in Russian and world literature. Stylistic innovation and the original concept of love, presented by the

artist in the stories of the series «Dark Alleys» are perceived ambiguously by Chinese students and require explanations when working with texts.

Keywords: Nobel Prize, national character, aesthetic perfection, stylistic innovation, romantic and tragic, ruthless love, disturbing book, encyclopedia of love.

В 2020 г. литературная общественность России отмечала 150-тие со дня рождения И.А. Бунина. В Китае писателя знают, прежде всего, как лауреата Нобелевской премии, которую он получил первым из всех русских писателей в 1933 г. Непростой путь к лауреатству студенты и магистры/аспиранты узнают, знакомясь с разными этапами его творчества. В статье затрагивается проблема восприятия творчества И.А. Бунина в рамках изучения дисциплины «История русской литературы» как обязательного предмета для студентов и аспирантов высших учебных заведений, которые обучаются по специальности «Русский язык и литература» на гуманитарных факультетах в китайских вузах.

Писательская биография И.А. Бунина в учебных пособиях [3; 4] представлена последовательно и начинается с лирико-философских этюдов: «Сосны», «Антоновские яблоки», «Новая дорога», потом обращается внимание на рассказы-«портреты», рассказы – «характеры» («Ермил», «Захар Воробьев», «Лирник Родион», «Худая трава» и др.). Затем обзорно представлены рассказы «романного типа», рассказы – «судьбы», как «Чаша жизни», где писатель размышлял о главной оси российской жизни – деревне и усадьбе. На этом этапе творчества его главные действующие лица в истории России – мужик и барин, народ и поместное дворянство. Поэтому особое место в творчестве писателя занимают повести «Деревня» (1910) и «Суходол» (1912), и это традиционно обзорная и не особо волнующая аудиторию тема.

В этих произведениях совпали тревожные раздумья писателя о загадках русского национального характера и о трагическом будущем России. В них есть предостережение будущему: Бунин предчувствовал, что дворянство вырождается, а с ним вырождается и вся Россия, которая исторически держалась на общине. «Праздничное умирание» всего и обречённость на гибель всех, как творческое пророчество писателя, отраженное почти во всех его произведениях, стало его своеобразной мезией за собственную нелегкую жизнь, что, надо признаться, становится более понятно студентам из другого тематического направления его творчества – в теме любви.

Тема любви всегда оживляет аудиторию, она интересна не только китайским студентам. А тема любви у И.А. Бунина – это новое продолжение одной из вечных тем мирового искусства, которая в русской классической литературе имеет свое многоликое воплощение в узнаваемых образах. Любовь воспевается почти всеми русскими писателями, но особенно «кристаллизуется» любовь платоническая, чистая, духовная, которая противопоставляется любви страстной и ценится выше чувственности, поскольку высота духовного чувства остается недостижимой для многих по своей силе, потому что это сильнее самой сильной страсти. Для понимания таких глубинных чувственных нюансов студентам предлагается для начала объединить программные тексты И.А. Бунина по критериям:

- трагизму сюжетов Бунина;
- образам героинь рассказов Бунина;
- динамике повествования как главной черте рассказов Бунина;
- эстетическому совершенству рассказов Бунина;
- романтическому и трагическому чувству героев Бунина.

Судя по тому, какой цитатный материал студенты берут за основу анализа, видно, что привлекает их внимание. Для большинства, как правило, – это «романтическое и трагическое чувство героев Бунина», начавшееся с «Грамматики Любви» (1915). Некоторые цитаты из этого рассказа выделяются почти всеми: «Женщина прекрасная должна занимать вторую ступень; первая принадлежит женщине милой. Сия-то делается владычицей нашего сердца: прежде нежели мы отдадим о ней отчет сами себе, сердце наше делается невольником любви навеки...»; «Женщины никогда не бывают так сильны, как когда они вооружаются слабостью»; «Женщину мы обожаем за то, что она владычествует над нашей мечтой идеальной»; «Тщеславие выбирает, истинная любовь не выбирает».

По теме «эстетическое совершенство рассказов Бунина» приводятся цитаты из рассказа «Сны Чанга» (1916): «Есть, брат, женские души, которые вечно томятся какой-то печальной жадной любви и которые от этого ...никогда и никого не любят»; «Когда кого любишь, никакими силами никто не заставит тебя верить, что может не любить тебя тот, кого ты любишь» и рассказа «Слепой» (1924): «Жизнь есть, несомненно, любовь, доброта, и уменьшение любви, доброты есть всегда уменьшение жизни, есть уже смерть»;

«Не пекитесь о равенстве в обыденности, в ее зависти, ненависти, злом состязании. Там равенства не может быть, никогда не было и не будет». Философия данных отрывков, их стилистическая наполняемость предопределяет переход анализа от эстетики авторского слога к сути авторской концепции любви.

Особая роль для ее понимания отводится *романтическому и трагическому* чувству *героев* И.А. Бунина в цикле рассказов «Темные аллеи». Во-первых, потому что сам Бунин считал сборник рассказов «Темные аллеи» своим лучшим произведением. Во-вторых, потому что он работал над ним в тяжелые годы, уже не будучи в России, а находясь во Франции в эмиграции во время Второй мировой войны с 1937 по 1945 гг. Поэтому сборник, состоящий из трёх частей, студенты в буквальном смысле расценивают как голос воспоминаний несчастного человека на чужбине, и безошибочно определяют главное в нем – любовь через память или щемящее воспоминание о любви. Утверждая «ценностно-эстетическую инстанцию» времени, писатель как раз и раскрыл свой «бунинский дар» стилиста, когда совершенствовал излюбленные художественные принципы: детализацию и сжатость повествования. В его рассказах чувственно и тонко раскрываются вечные темы: природа, любовь и смерть. Две последние создают парадокс. Работа на занятиях показывает, что студентов увлекает бунинская «энциклопедия любви» несмотря на то, что в цикле рассказов «Темные аллеи» Бунин часто изображает паталогические типы. Поэтому выстраданные поступки героев требуют пояснения для их оправдания. Стилистическая избыточность, понятная русским читателям, не сразу воспринимается читателями с другим миропониманием, с иной ментальностью. В то же время, неоднозначное восприятие образов героев будоражит сознание студентов, которые по-разному объясняют русскую правду жизни.

Во-первых, следует отметить, что И.А. Бунин вписывает жизненные и бытовые проблемы в бытийные проблемы, а во-вторых, он, как будто преодолевая время, делает из него высшую категорию памяти. Поэтому прошлое осознается им только через время, и чем дальше от прошлого, тем ярче его воспоминания. Бунин не мог остановиться в своих воспоминаниях: последние два рассказа он добавил в сборник только в 1953 г. Общее их число стало – сорок: «... рассказов – это сорок историй о том, какими могут быть отношения мужчины и женщины» [2, с. 70].

Чтобы осмыслить тексты без путаницы, разобраться в них, стоит предварительно разбить учебный материал для самостоятельного изучения на конкретные вопросы, и таким образом облегчить аудиторный анализ цикла «Тёмные аллеи»:

1. Общая характеристика сборника рассказов «Тёмные аллеи»: место и время издания, количество рассказов;
2. Как сам Бунин определил тему рассказов и смысл названия сборника;
3. В какое время написано большинство рассказов, и почему Бунин обращается к теме любви?
4. Кого Бунин делает героями своих рассказов?
5. В какой форме ведётся повествование в рассказах?
6. Каков сюжет первого рассказа в сборнике «Тёмные аллеи»? Как относятся к любви Надежда и Николай Алексеевич?
7. Почему один из рассказов называется «Поздний час»?
8. К какому выводу приходит герой рассказа «Речной трактир»?
9. О чем рассказ «Руся»?
10. Каков сюжет рассказа «Холодная осень»?
11. Осуждает ли Бунин своего героя в рассказе «Натали»? Какой, по мнению Бунина, должна быть настоящая счастливая любовь?
12. В каком из рассказов Москва выступает действующим лицом?
13. В чём автор видит нравственный идеал человека? Чем можно объяснить развязку в рассказе «Чистый понедельник»?
14. Почему Бунин выделял рассказ «Чистый понедельник» из всего цикла рассказов?
15. Почему «Тёмные аллеи» называют «энциклопедией любви» в русской литературе? В чем смысл любви в рассказах Бунина?
16. Охарактеризуйте творчество И.А. Бунина как лауреата Нобелевской премии, пользуясь учебником [3, с. 337–346].

Практика показывает, что студенты, отвечая на вопросы, эмоционально улавливают «пресс любви», который уничтожает героев, и воспринимают «Тёмные аллеи» как *тревожную книгу*, в которой автор безжалостен к любви своих героев: в рассказе «Русь» – гибнет любовь подростков из-за сумасшедшей матери, в «Музе» – уничтожается счастье любой ценой, «Митина любовь» – имеет катастрофический финал, любовь в «Солнечном ударе» – символизирует всеобщий обман и погибель и т.д. Однако не возникает единого мнения о том,

что «Тёмные аллеи» (все 40 рассказов) [1] – это энциклопедия катастрофической любви. Интересно, что мнения на этот счет делятся в соответствии с традиционными критическими оценками. С одной стороны, одни придерживаются того, что описанная беспросветность отношений давит на влюбленных, поэтому *тёмные аллеи* лишь метафора закоулков человеческой души, воплощенная в художественных образах и поэтических символах. С другой стороны, некоторые согласны с тем, что на самом деле это мужской взгляд на природу любви, потому что иногда автор безжалостно изображает объект этой любви – женщину.

Такие расхождения во взглядах естественны, однако следует отметить, что этот цикл считается «своеобразным манифестом» любви, потому что И.А. Бунин писал о любви, как о вспышке: приход любви – это счастье, но... быстроисчезающее счастье. Прослеживается аналогия: умирающая любовь для него – это как умирающая эпоха, которая никогда не повторится. Многогранность любви в этом цикле раскрывается «симфоническим звучанием» его узнаваемого слова. Через слово писатель как будто предьявляет счёт за свою поруганную жизнь, понимая всю невозможность предьявления этого счёта никому, кроме читателя: «*Ото всего остаются в душе жестокие следы, то есть воспоминания, которые особенно жестоки, мучительны, если вспоминается что-нибудь счастливое...*» («Речной трактир», 1943) [1, с. 494].

Чтение рассказов этого цикла полезно для студентов еще и потому, что в творческой биографии И.А. Бунина «Тёмные аллеи» – это не просто итоговое произведение. В рассказах усилился синтез прозы и поэзии, который проявлялся еще в начале века и в котором угадываются черты русского символизма. Поэтому некоторые исследователи говорят о близости Бунина к «реалистическому символизму». Однако сам Бунин, не считал себя реалистом, и отмечал, что если назвать его реалистом, то значит не знать его как художника, потому что он очень многое приемлет из подлинной символической мировой литературы [2].

Этот вопрос остается спорным, потому что в русском литературоведении существует мнение: если главный художественный принцип Бунина – это изображение психологического драматизма повседневной жизни, то это должно сближать его с реалистом Че-

ховым. Поэтому, обсуждая вопрос, можно ли считать И.А. Бунина и А.П. Чехова реалистами, следует подчеркнуть, что И.А. Бунин, в отличие от А.П. Чехова, стирает границы времени и пространства, которые управляют сюжетом реалистического произведения. Если отбрасываются причинно-следственные отношения как поверхностные, то Бунин и Чехов скорее противоположны друг другу, потому что Бунин в своих произведениях фокусируется как раз на особых, редких моментах человеческой жизни. От вспышки любовного чувства, несчастья, катастрофы, смерти (в этих состояниях потрясения) в сознании героя происходит «взрыв» повседневности, как «солнечный удар». Когда ломается привычное, то у героев Бунина «открываются глаза» на мир и появляется второе зрение, которое помогает им, по выражению М. Бахтина, увидеть свое человеческое предназначение, свое «не-алиби в бытии».

Если в аудитории обсуждается вопрос художественного принципа И.А. Бунина, то надо брать во внимание главное из его концепции: как человеческая страсть перерождается в трагичную любовь, и как это сливается с неостижимостью бытия. Стилистически И.А. Бунин изображает «бесконечность» в своих произведениях через присутствие в них какой-то «космической» неизбежности и неотвратимости, поэтому художественный принцип Бунина отличается от реализма [2]. Чтобы понять, в чем состоит его писательская особенность, его новаторство, студентам предстоит уловить не только особый бунинский слог, но и упорядочить сюжетные параллели рассказов, поскольку все они объединены героями, которые окружены необъяснимыми стихиями бытия. Любовь по Бунину – это загадочная сила, но она вне пола, вне обыденности, она просто несовместима с жизнью. «Солнечный удар» символизирует любовь как стихию чувств, которая завладела человеческими душами. С одной стороны, влюбленные не в состоянии вместить такое огромное напряжение, замкнуть его между собой. Поэтому гибель одного из героев – типичный бунинский финал любовного сюжета. С другой стороны, в рассказах «Дело корнета Елагина», «Темные аллеи», «Митина любовь» самоубийство героя стало единственным способом избавиться от обыденности жизни. Герои Бунина бессильны и перед началом бытия, которое недоступно человеческому пониманию, и просто перед обыденностью, повседневностью.

Если сам И.А. Бунин считал, что не принадлежит ни к одной литературной школе Серебряного века [2], то следует рассматривать его творчество, оказавшееся за пределами декадентства, символизма, романтизма и реализма, как феномен XX в. Именно поэтому произведения Бунина получили всемирное признание и стали классикой. Цикл рассказов «Темные аллеи» является своеобразным итогом жизни и творчества писателя, где он в полной мере раскрылся как художник и философ. Считая «Темные аллеи» «самой совершенной по мастерству» книгой, сам Бунин признавал ее оригинальность, которая состоит в «трагичном и ...нежном и прекрасном» любви во всем ее многообразии [2].

Любовь понимается писателем как величайший бесценный дар. Проследить его философскую концепцию любви можно по тому, где развиваются события [5]. В рассказах: «Тёмные аллеи», «Муза», «Антигона», «Таня», «Натали», «Холодная осень», «Ворон», «Зойка и Валерия», «Качели» присутствует замкнутость пространства, удушающая любовь. Несмотря на то, что в некоторых рассказах события происходят в больших городах (Москва, Одесса, Париж), герои замкнуты и там: в пространстве комнат, отелей и ресторанов.

Москва в цикле рассказов упоминается, когда герои перемещаются из столицы в провинцию или, наоборот, уезжают в столицу ненадолго. Автор не уточняет, чем его герои занимаются в Москве, потому что обыденность не важна для писателя. Однако в рассказах «В одной знакомой улице», «Чистый понедельник», «Муза», «Кавказ» события разворачиваются в самой Москве. В рассказах «Муза» и «Кавказ» Москва символизирует закрытое пространство квартир, номеров отелей, гостиных, где нет и не может быть места для чистой парящей любви, здесь возможна лишь стремительно поглощающая страсть. Любовь возникает, когда герои покидают столицу.

Для иностранцев особо полезен рассказ «Чистый понедельник»: с самого начала Москва в нем становится таким же действующим лицом повествования, как и загадочная героиня. Описанию Москвы в рассказе отведено столько же места, сколько и героине, и характер этих описаний совпадает: герой отыскивает и находит в своей возлюбленной, как и в Москве, необъяснимые странности. Эти странности создают цельность их общего образа: «...она была загадочна, непонятна для меня...» [1, с. 324]. Герои рассказа словно

противопоставлены друг другу: герой любит страстно, но совсем не понимает возлюбленную, а героиня ещё не разобралась в своей любви, она ищет себя. Места, где они осознают происходящее с ними, тоже отличаются. Герой встречается с героиней в ресторане, на лекции, в гостиничном номере кипящей Москвы. Она же уединяется в шумной Москве на тихом кладбище, во дворе монастыря. Места уединения героев символизируют их любовь, выстраивая авторскую концепцию.

Анализируя рассказы, следует обратить внимание студентов на *необыкновенность* обыкновенных мест у И.А. Бунина. Он как будто выбирает обычные места для своих героев, но придаёт им особый смысл, поэтому у него не просто вагон поезда, перрон, усадьба или гостиница, кладбище или монастырь, а места событий. Каждое описание, каждый образ отражает диалектику чувств и взглядов автора. В основном, всё события происходят в России *когда-то* до революции, *с кем-то и где-то*. Даже если герой находится не в России, то все его воспоминания связаны с родиной. В этом Бунин очень последователен, именно это принесло ему, академику Санкт-Петербургской Академии наук, который провел много лет жизни в эмиграции, славу одного из главных писателей русского зарубежья, первого русского обладателя Нобелевской премии по литературе.

Цикл рассказов «Тёмные аллеи» завершает изучение творчества И.А. Бунина по курсу литературы продвинутого уровня. Из анализа сочинений «Мой И.А. Бунин» следует, что студентов привлекают именно «Тёмные аллеи», потому что сам художник считал этот цикл своеобразной *книгой итогов* [2]. Именно в этом цикле раскрылось его пронзительное восприятие катастрофы любви и трагичности жизни как невозможность счастья в дисгармоничном мире. Именно эта «энциклопедия любви» устраняет представление о праздности отношений мужчины и женщины, и именно это пугает. Поэтому большинство студентов призналось, что не принимают и не понимают такой тип отношений, и готовы вовсе отказаться как от самой страстной, так и от самой чистой любви, чтобы не изводить себя изнуряющими страданиями, как герои Бунина.

Библиографический список

1. Бунин И.А. Тёмные аллеи: Повести. Рассказы. М., 2009.

2. Бунин И.А. О происхождении моих рассказов. URL: <http://bunin.niv.ru/bunin/zapisnye-knizhki/proishozhdenie-moih-rasskazov.htm> (дата обращения: 06.05.2020).
3. Жень Гуансюань, Чжэн Цзяньхуа, Юй Ичжун. История русской литературы на русском языке. Пекин, 2014.
4. Чжэн Цзу, Орехова Е.Е., Небольсин С.А. История русской литературы. Шанхай, 2008.
5. Егорова О.Г. Единство в многообразии: (о книге И.А. Бунина «Тёмные аллеи»). Астрахань, 2002.

Ирина Валерьевна ПРИОРОВА

доктор филологических наук

профессор кафедры русского языка и издательского дела

Российский новый открытый университет, г. Москва

профессор кафедры русского языка института иностранных языков

Сямыньского университета, Сямынь, Китай

УДК 372.893

Д.Д. Зусманович

ПРОБЛЕМЫ СДАЧИ ЕГЭ ПО ИСТОРИИ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, связанные со сдачей ЕГЭ по истории. Автор затрагивает три проблемы. Во-первых, корректность вопросов, которые представлены в сборниках для подготовки к ЕГЭ. Во-вторых, учебную литературу, которую школьники используют при подготовке к сдаче ЕГЭ. В-третьих, соотношение тестовой и письменной части в экзамене.

Ключевые слова: ЕГЭ по истории, И.А. Арташов, тесты ЕГЭ, школьники, ФИПИ.

D.D. Zusmanovich

PROBLEMS OF PASSING UNIFIED STATE EXAM IN HISTORY: MYTHS AND REALITY

Abstract. The article considers the problems associated with passing the Unified State Exam in history. The author addresses three problems. Firstly, the correctness of the questions that are presented in the collections for preparing for the exam. Secondly, educational literature that students use in the exam. Third, the ratio of the test and writing part in the exam.

Keywords: Unified State Exam in history, I.A. Artasov, tests, pupils, FIPM.

На протяжении многих лет в России не утихают споры, нужно ли было вводить ЕГЭ или нет. До сих пор дебаты ведутся как среди обывателей, так и среди профессионалов. Плюсы и минусы этого экзамена хорошо известны, и в рамках данной статьи анализу подлежат только основные проблемы, с которыми сталкиваются школьники при сдаче ЕГЭ по истории. Экзамен по истории на данный момент не является обязательным, но этот предмет считается одним из самых сложных для сдачи, по крайней мере, среди гуманитарных предметов.

Первая проблема, которую необходимо разобрать – некорректные вопросы, которые якобы можно встретить на экзамене. Эти примеры часто приводят юмористы со сцены, тем самым веселя народ. В социальных сетях, также в различных группах приводятся образцы одиозных вопросов. Приведу несколько примеров: «Какого

цвета был флаг, который бойцы РККА водрузили над рейхстагом? Варианты ответов: синий, зеленый, красный или черный». Еще один популярный вопрос: «Курская битва произошла? Варианты ответов: Вторая мировая война, Великая Отечественная война, в 1943 г, в первой половине XX в.». Таких вопросов довольно много и теперь необходимо более детально проанализировать эту проблему.

Итак, возможно ли встретить такие вопросы в сборниках по подготовке к ЕГЭ, или эта выдумка юмористов и бурная фантазия блогеров в интернете? Да, схожие вопросы могут действительно попасться в сборниках по подготовке к ЕГЭ по истории. Но надо сделать одно важное уточнение. Эти сборники будут написаны не составителями ЕГЭ и, конечно же, не одобрены экспертами ФИПИ, Рособрнадзором и другими структурами. То есть в этих пособиях можно встретить вопросы, которые даже в школьную программу не входят, и там действительно могут быть некорректные вопросы, которые озвучивают во многих СМИ. Проблема в том, что таких пособий довольно много, и они с точки зрения маркетинга выглядят очень привлекательно. Как правило, они имеют яркую обложку, на которой обязательно красуется надпись «Сдача на 100 баллов гарантирована». Пособия, выпускаемые реальными составителями ЕГЭ и одобренные ФИПИ, как раз, наоборот, не дают никаких гарантий покупателям и имеют гораздо менее привлекательный вид. Далее следует обычные законы маркетинга, когда покупатель, выбирая красивую обложку, покупается на обещания прекрасного результата. В итоге складывается положение: школьник решает некорректные задания, а родители, глядя на сборник с тестами, диву даются, насколько деградировала система образования. На самом деле, никакого отношения эти книги и их авторы к ЕГЭ по истории не имеют. По этой причине, с одной стороны, данной проблемы не существует, поскольку сложно придаться к тестам, которые одобрены ФИПИ, то есть к реальному ЕГЭ по истории [3]. С другой стороны, эта проблема никуда не денется, поскольку издательства и недобросовестные авторы продолжают издавать некачественную литературу. Решить эту проблему можно только одним путем. Следует ограничить продажу пособий с тестами, не одобренными ФИПИ. Только так возможно избежать повторения этих курьезных ситуаций.

Вторая проблема куда более серьезная. Речь идет о пособиях для подготовки к ЕГЭ. Поскольку, если приобрести тесты, одобрен-

ные ФИПИ, это, несомненно, приблизит ученика к успешной сдаче экзамена. Но если выполнить другое предписание Рособрнадзора и ФИПИ: использовать для подготовки только пособия, включенные в Федеральный перечень учебников, рекомендованных к использованию и реализации программ общего образования, – то сдать экзамен на высокий балл точно не получится. Причина заключается в недостатке информации школьного учебника. Также необходимо отметить неудобства в использовании школьного учебника: поскольку потребуется не одна книга, а учебники за все годы, то не факт, что школьнику посчастливится получить эти книги в школьной библиотеке, а их покупка обернется тратой солидной суммы денег. Поэтому чаще всего школьники используют вузовские учебники и справочники, которые адаптированы к сдаче ЕГЭ [4; 5]. Конечно же, эта литература не включена в ФПУ. Зачастую школьнику просто необходимо задействовать такую литературу, поскольку без использования этих книг невозможно выполнить некоторые задания ЕГЭ. Этот факт в интервью, размещенном на официальном канале Рособрнадзора от 21 мая 2020 г., признал заместитель руководителя федеральной комиссии разработчиков КИМ по истории И.А. Арташов, говоря о том, что если школьник хочет получить высокий балл по истории, то без справочной литературы не обойтись [2]. Здесь как раз и кроется суть проблемы. Информация, которая находится в учебниках, за пределами ФПУ может быть не принята экспертами. Например, реформа С.Ю. Витте о введении в Российской империи винной монополии датирована в популярном для подготовки к ЕГЭ по истории учебнике Л.А. Кацвы 1894 г. [4, с. 385]. В школьных учебниках эта реформа датирована 1895 г. Стало быть, готовясь по одному из самых популярных учебников, можно допустить ошибку из-за разной датировки. Таких примеров можно привести десятки! Добросовестный школьник, готовясь к экзамену, может пострадать из-за этой проблемы. Можно предложить такой вариант ее решения. Следует включить популярные учебники для подготовки в перечень ФПУ, при этом, конечно же, внести правки, чтобы основные даты и события соответствовали историко-культурному стандарту. Второй вариант – это создание школьных учебников с углубленным уровнем, для тех, кто планирует сдавать ЕГЭ по истории. Это позволит школьнику ограничиться школьным учебником и не привлекать дополнительную литературу.

Третья проблема – тестовая часть экзамена. Поскольку в нашей стране много критиков самой тестовой системы, которая ассоциируется с ЕГЭ. Действительно, много лет назад тестовая часть доминировала над письменной. Например, в ЕГЭ по истории 2007 г. в тестовой части было 44 задания, а в письменной части – всего 7 заданий. К тому же заданиям письменной части не уделяли значительного внимания, поскольку количество баллов за письменную часть было незначительным и приоритет при подготовке отдавался тестам. Только так можно было рассчитывать на высокий балл. ЕГЭ 2021 г. выглядит совершенно иначе. Так, в тестовой части всего 19 заданий, а в письменной части 5 заданий. Но система оценивания выглядит совершенно иначе, поскольку за историческое сочинение ученик может получить до 12 первичных баллов, что в переводе на вторичные баллы составит более 20 баллов. Таким образом, не написав хорошо сочинение, рассчитывать на высокие баллы нельзя. К тому же даже в тестовой части ученика зачастую ждет не тест, где нужно выбрать правильный вариант ответа, а работа с текстами и картами, где выбора ответа попросту нет. Поэтому о ЕГЭ часто судят общественные деятели, политики и журналисты, исходя не из нынешних реалий, а ситуации конца 2000-х гг. Хотя экзамен не лишен недостатков. До 2020 г. список тем для сочинений по истории был четко фиксирован. Разбивка шла по трем периодам:

- с древнейших времен до XVII в.;
- XVIII–XIX вв.;
- XX в.

В каждом разделе содержалось определенное количество тем, которые можно было подготовить заранее. То есть, приходя на экзамен, школьник точно знал, что ему выпадет тема, которую он готовил дома. Если взять второй период, то список тем по разделам (периодам) выглядел так: 1613–1645, 1645–1676, 1682–1689, 1689–1725, 1762–1796, 1796–1801, 1801–1812, 1812–1825, 1825–1855, 1855–1881, 1881–1894, 1894–1914 гг. Отсюда следует, что дома можно было подготовить 12 тем и находиться в полной уверенности, что самое ценное задание будет выполнено на максимальный балл. В этом году экзамен серьезно изменили, и теперь определение тем для исторического сочинения будет происходить случайным образом, то есть вариант с домашними заготовками больше работать не будет [1]. Это серьезно усложнит экзамен, но сделает его более объективным.

Подводя итог, хотелось бы еще раз подчеркнуть: ЕГЭ по истории не лишен недостатков, и его требуется постоянно совершенствовать. В то же время, огульная критика этого экзамена (мол, проблема современной молодежи – это исключительно проблема ЕГЭ) в корне неверна. Критикуя систему ЕГЭ, требуется предложить альтернативу. Конечно, многие тут же скажут о возвращении к советской системе образования, которая была более эффективна, однако такой подход упирается в одну серьезную проблему. Образование – это всего лишь один из общественных институтов, пусть и очень важный. Восстановить систему образования СССР, не восстанавливая другие институты советской системы, невозможно. Иными словами, для нормального функционирования советской системы образования нужно восстановить государство СССР, что на данный момент невозможно. Трудности, возникающие в сфере образования, зачастую связаны с проблемой столкновения разных поклонений, для которых ценности и знания не являются одинаковыми. То, что является интересным, увлекательным и правильным для подростка 16–17 лет, старшему поколению может быть совершенно непонятно. Проблема «отцов и детей» будет присутствовать во все времена, и в век информационных технологий, возможно, стоит гораздо острее, чем в другие эпохи. Необходимо помнить, что и в эпоху античности выдающиеся мыслители Сократ, Платон и Аристотель не раз выступали с критикой молодежи, говоря о том, что, быть может, все потеряно, и будущего у человечества нет. «Из прочих зол величайшим является распущенность и дерзость молодежи» [6, с. 402]. В силу этих причин необходимо совершенствовать имеющуюся систему образования, а не ломать работающую, пусть и имеющую свои недостатки.

Библиографический список

1. *Артасов И.А.* Методические рекомендации для учителей, подготовленные на основе анализа типичных ошибок участников ЕГЭ 2020 по истории. URL: http://doc.fipi.ru/ege/analiticheskie-i-metodicheskie-materialy/2020/Istoriya_mr_2020.pdf (дата обращения: 05.01.2021).
2. «Домашний час» с замруководителя комиссии по разработке КИМ ГИА по истории Игорем Артасовым. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ot3EFk8o374&list=PLn3tUfkowI8as6zfpU0DCpUghOUWTpSgS&index=53&t=1291s> (дата обращения: 05.01.2021).
3. ЕГЭ. История: типовые экзаменационные варианты: Е31 30 вариантов / под ред. И.А. Артасова. М., 2020.

4. *Кацва Л.А.* История Отечества. Справочник для школьников и поступающих в вузы: курс для подготовки к ОГЭ, ЕГЭ и дополнительным вступ. испытаниям в вузы / под науч. ред. В.Р. Лещинера. М., 2018.
5. *Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н.Г., Сивохина Т.А.* История России. М., 2016.
6. *Платон.* Сочинения: в 4 т. / под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. СПб., 2007. Т. 3. Ч. 2

Дмитрий Дмитриевич ЗУСМАНОВИЧ

кандидат исторических наук

*доцент кафедры социально-гуманитарных и общеправовых дисциплин
Московский финансово-юридический университет МФЮА*

УДК 82-91

В.Э. Матвеевко

ЧТЕНИЕ РУССКОЙ СКАЗКИ В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ: АНАЛИЗ ТЕКСТА И ЭТАПЫ ПОДГОТОВКИ

Аннотация. Представлен анализ текстов русских сказок с лингвистической и национально-культурной точек зрения, выделены лексические единицы, обладающие фоновой информацией. Данные единицы представляют собой блок информации, повторяющийся в различных сказках. Охарактеризованы компетенции, реализующиеся при изучении иностранными студентами-филологами фольклорных текстов (в качестве примера приведён жанр сказки). Представлены этапы подготовки к чтению русской народной сказки. Доказана практическая ценность включения текстов русских сказок в учебные материалы, предназначенные для иностранных студентов филологических специальностей.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, русские сказки, аудитория студентов-филологов.

V.E. Matveenko

READING RUSSIAN FOLK TALES IN FOREIGN STUDENTS' AUDITORIUM: ANALYSE OF TEXT AND STAGES OF PREPARATION

Abstract. There is an analyze of Russian folk tales from linguistic, national and cultural points of view. Lexical units with cultural information are studied in the article. This lexis is a constant information unit that is repeated in different Russian folk tales. Competences that described in the article are implemented during reading Russian folk tales by foreign philologist students. Preparation stages to reading Russian folk tales are presented in the article. Practical value of using this kind of material is proven in the paper.

Keywords: Russian language as a foreign, Russian tales, foreign students' auditorium.

На протяжении веков русский народ составлял бесценные памятники искусства слова: былины, загадки, песни, пословицы и поговорки, сказки, частушки. Однако именно жанр сказки стал объектом пристального внимания учёных многих специальностей, не только филологов и фольклористов. Русская народная сказка глубоко изучалась в трудах В.Я. Проппа, Е.М. Мелетинского, А.Н. Афанасьева

и др., в методике обучения русскому языку русской народной сказке посвящены работы А.В. Бордовской, Е.Ю. Ласкавцевой, Н.А. Никитиной, С.И. Селивановой. Изучение сказок в иностранной аудитории филологов очень важно, так как позволяет учащимся с определённой степенью вероятности структурировать национальную картину мира и расширить свои знания в области русской фольклористики, культуры и русского языка.

Включение материала русских народных сказок в процесс изучения РКИ (II семестр подготовительного факультета российского вуза, направление «Филология», предмет «Введение в специальность», далее I курс российского вуза, направление «Филология», предмет «Устное народное творчество»), основанный на межпредметной связи с другими изучаемыми филологическими дисциплинами в рамках модуля «Филология», позволяет сделать учебный процесс более целенаправленным (реализация профессиональной компетенции), даёт возможность глубокого понимания средств выражения изучаемого языка (совершенствование языковой (лингвистической) и коммуникативной компетенций), характера мышления народа, его национального своеобразия: в русских сказках можно найти образное выражение понятий общепринятого нормативного поведения (развитие социокультурной, лингвострановедческой компетенций). Использование русских народных сказок на занятиях по РКИ позволяет построить учебный процесс, направленный не только на овладение грамматикой и лексикой, но и на постижение базовых элементов национальной культуры русского народа.

Фольклорный текст – текст сказки – является синтетическим явлением, сочетающим в себе несколько тесно взаимосвязанных линий: сюжет, отражающий тип мышления, усреднённое понимание действительности определённой национальной общностью, а также языковую сторону, то есть лексическое и синтаксическое оформление вышеупомянутого типа мышления, чаще выраженное во фразеологии (пословицах, поговорках), структуре предложения и др. Поэтому принято исследовать текст с различных точек зрения; соответственно, работа с фольклорным текстом в иностранной аудитории также предусматривает несколько направлений: лингвистическое (языковое), национально-культурное, философско-религиозное.

Одним из эффективных путей достижения глубинного уровня понимания учебного материала (в данном случае – текста рус-

ской сказки) является его лингвокультурологический анализ, так как основные трудности, препятствующие пониманию народных сказок иностранными студентами, вызваны различиями не только на лексическом (в том числе и фразеологическом) и грамматическом уровнях, но и на ментальном, национальном уровне. Следовательно, важным этапом при изучении русской сказки на занятиях по РКИ является предварительный анализ текста преподавателем, подготовка комментариев и наглядных материалов.

Тексты сказок включают большой объём фразеологизмов: *повернись ко мне передом, к лесу задом; не было у бабы хлопот, так купила порося; за тридевять земель в тридесятом царстве; не разевай роток на чужой медок; хрен редьки не слаще; утро вечера мудренее; богатырский удар и один хорош; что посеешь, то и пожнёшь; по заслугам и честь* и т.д.

Помимо фразеологизмов сказка включает:

1. Постоянные эпитеты: *золотой (-ая, -ое, -ые: грива, коса, клетка, стрелы, яблочко); белый (-ая, -ое, -ые: лебедь, лицо, березка, палаты); добрый (-ая, -ое, -ые: молодец, конь, дело); богатырский конь, меч, сон; уста сахарные; брови соболиные; очи ясные; сердечные друзья; товары знатные; маковки золотые; вина сладкие; веточки серебряные; листвицы золотые* и т.д.
2. Формулы-связки: *долго ли, коротко ли; низко ли, высоко ли; скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается.*
3. Простые глагольные синтагмы: *залился / залилась слезами; поклонился / поклонилась на все четыре стороны; ухо к земле приложил / приложила; ударился / ударилась оземь и стал / стала (обернулся / обернулась) вороном, добрым молодцем, красной девицей, лебедью, орлом, соколом; sprыснул живой / мёртвой водой; в баню сводила, накормила, напоила да спать уложила.*
4. Сложные повествовательные синтагмы: *не ясен сокол налетел на стаю лебедей и на серых утиц, нападает Иван-царевич на войско вражее, не столько сам убьёт, сколько конь его топчет; Баба-Яга в ступе летит, пестом погоняет, помелом след замечает; скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается; стали жить-поживать да добра наживать; в стародревние годы в некоем царстве, не в нашем государстве; не стали они долго раздумывать, перевенчались и зажили себе припеваючи.*

5. Формулы сравнения: *ни в сказке сказать, ни пером описать; ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать.*

Текст сказки в полной мере отражает основные постулаты христианской веры, её нравственные заповеди, а также мифологические образы и представления о загробной жизни и смерти. В сказке интерпретируются многие нравственные проблемы, например идея любви к ближнему, покорности воле Божьей, борьбы с грехом и искушениями, спасения души.

Сказка выполняет воспитательную функцию: например, учит не стремиться к богатой и беззаботной жизни, а выражает идею труда и необходимости каждого человека приносить пользу обществу (*Пожили с месяц, приелось старухе богатое житьё, говорит старику: «Хоть живём мы богато, да что в этом толку, коли люди нас не почитают!»*), жить по совести (*Стал купец помирать (а купчиху-то прежде его на погост свезли) и приказывает: «Дети мои! Живите хорошо – в любви и совете, так, как мы с покойницей жили»*). Христианское мировоззрение отражается и в особенностях языковой картины мира, которые вербализуются в таких концептах, как «собор» (*Сел он в коляску и поехал в собор. Там уже давно к обеду звонят, и народу привалило видимо-невидимо*); Бог, Спаситель (*Ерш не унывает, на Бога уповаает*).

Помимо этого, в русских сказках можно выделить основные обряды, например благословение (*Говорит царю большой сын: «Батюшка, благослови меня, поеду отыскивать матушку*), венчание (*Иван-царевич выбрал Василису Премудрую; тотчас их обвенчали и на радостях пировали целых три дня*), поминовение (*Тут коза с кумую лисою сделали чудесный помин по бирюке: наелись, напились, вышли на двор; коза проводила куму, а сама со своим козлёнком стала жить да поживать и молочко для козлёнка добывать*). В сказках выражены русские культурные концепты, характеризующие традиции, уклад и быт деревни, менталитет народа. Так, неизменно упоминается в сказках крещение, сопровождающее рождение ребёнка: *Вот родился у дьякона сын. Пришёл он мужичка просить кумом быть – захотелось это ему попробовать медку. Ребёнка окрестили, мужик кумом стал.*

Тексты сказок включают в себя описания типичного русского пейзажа: *широкое поле да ясное небо; тёмный дремучий лес; поля*

и луга; рощи зелёные; дубрава; опушка леса; реки быстрые; моря синие; озёра глубокие; русский лес; золотая нива; берёзовая роща и т.д. Разнообразие животного мира России также представлено в сказках: медведь, олень, волк, лиса, корова, овца, лошадь, лебедь, щука, лягушка, ворона, голубь, козёл, аист, журавль, пчела, шмель, орёл, утка, муравей, мышь и т.д.

Часто в сказках названы национальные русские кушанья (квас, пиво, блины, пироги, хлеба, куличи, калачи, каша, щи, уха и др.), а также предметы быта (плетёные корзинки, туески, глиняные горшки, деревянная мебель, детская люлька, самовар, кухонная утварь).

Этапы подготовки к чтению русской сказки в иностранной аудитории следующие:

- чтение текста сказки и выделение лексико-грамматических единиц с национально-культурным компонентом, отсутствующих в родном языке учащихся и / или представляющих трудность в понимании их семантической и экстралингвистической сторон;
- классификация выделенных единиц: тематическая (герои, антигерои, географические названия, предметы быта, одежда и т.д.), лексическая (имена собственные, устаревшие слова, фразеологизмы, «сказочные» единицы – зачин, концовка, эпитеты, сравнения и т.д.);
- составление лингвокультурологического комментария к обозначенным единицам (целесообразно обращение к лингвострановедческим, лингвокультурологическим и толковым словарям).

Следовательно, самым важным этапом подготовки к чтению сказки является анализ её текста и составление преподавателем расширенных комментариев к словам и оборотам, имеющим национально-культурную коннотацию. Возможен подбор иллюстраций или видеоматериалов для показа иностранным студентам образов героев или каких-либо предметов. Данный вид работы позволяет учащимся в большей степени не только понимать семантическую сторону слов и словосочетаний, правила и ситуативность их употребления, но и, что немаловажно, познакомиться с реалиями русской культуры, русским фольклором, самобытным русским характером. Изучение и объяснение лексики русских сказок, содержащей национально-культурный компонент, в которую входит и безэквивалентный её пласт, в процессе обучения русскому языку иностранных студен-

тов-филологов является одним из важных факторов, учёт которого необходим.

Библиографический список

1. *Афанасьев А.Н.* Народные русские сказки: полное собрание в одном томе. М., 2010.
2. *Бойко Н.Ю.* Сказки на уроке русского языка: учебное пособие для учащихся русского языка. СПб., 2005.
3. *Колесов В.В.* Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб., 2000.
4. *Колесов В.В.* Язык и ментальность. СПб., 2004.
5. *Матвеев В.Э.* Лингводидактическая система обучения иностранных студентов-филологов национально-окрашенной лексики с использованием аудиовидеосредств: дис. ... канд. пед. наук. М., 2014.
6. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению 032700 Филология (квалификация (степень) «бакалавр»), утверждённый Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 14 января 2010 г.

Вероника Эдуардовна МАТВЕЕНКО

кандидат педагогических наук

руководитель

Британский академический центр, г. Москва

УДК 821.161.1.0

Т.А. Трафименкова

МЕТАПРЕДМЕТНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ РОМАНА-ЭПОПЕИ Л.Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР» НА ЗАНЯТИЯХ ПО ЛИТЕРАТУРЕ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы применения метапредметный подход при анализе художественного произведения на занятиях по литературе. Приведены примеры анализа фрагментов романа Л.Н. Толстого «Война и мир» использованием интегрирования знаний из различных областей науки.

Ключевые слова: метапредметность, межпредметность, текст, роман, интеграция знаний.

Т.А. Trafimenkova

METASUBJECT APPROACH TO THE ANALYSIS OF L.N. TOLSTOY'S EPIC NOVEL «WAR AND PEACE» IN LITERATURE CLASSES

Abstract. The article deals with topical issues of applying the metasubject approach in the analysis of a work of art in literature classes. Examples of the analysis of fragments of Tolstoy's novel «War and Peace» using the integration of knowledge from various fields of science are given.

Keywords: metasubject, intersubject, text, novel, knowledge integration.

Согласно требованиям ФГОС в основе современного образования должен лежать принцип метапредметности, подразумевающий интеграцию содержания образования.

В педагогической среде часто возникает путаница в понятиях «межпредметность» и «метапредметность». Если межпредметность можно определить как объединение неких пограничных, смежных явлений из различных предметных областей (биология – генетика, история – обществознание, математика – информатика, литература – иностранный язык и т.д.), то метапредметность – это обращение к основам предмета, его изначальному смыслу, что в теории ведет к целостному образному восприятию мира, к универсальной надпредметной деятельности. Следовательно, метапредметность, в первую очередь, способ мышления и получения универсального

интегрированного знания, не привязанного к отдельным предметам и в тоже время включающий их [1, с. 112]. Наиболее оптимальным способом использования метапредметности в рамках среднего профессионального образования становится как внедрение целых интегрированных курсов, так и применение элементов метапредметности на традиционных занятиях, особенно тех, когда соединяются гуманитарные и естественнонаучные знания.

При анализе художественного текста на занятиях по литературе метапредметность может быть направлена на устранение разобщенности знаний, разделенных по отдельным дисциплинам, и получение обучающимся представлений о целостной картине мира.

Работая над анализом текста романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир», студенты могут не только проследить судьбу героев, обратить внимание на их речевую характеристику, выявить литературные параллели, но и установить, как с помощью интеграции сведений из разных наук писателем объясняются события Отечественной войны 1812 г.

Интеграция с химией. Так, Л.Н. Толстой пишет: «Она (армия), с Бородинского сражения и грабежа Москвы, несла в себе уже как бы химические условия разложения» (т. 4, ч. 2, гл. 18) [3]. При анализе данного фрагмента романа-эпопеи, ориентируясь на метапредметный подход к изучению текста, важно обратить внимание обучающихся на то, что такое реакции химического разложения и в чем их можно соотнести с текстом романа, это даст возможность ответить на ключевой вопрос: почему писатель в романе уподобляет разложение армии Наполеона химическому процессу.

Опираясь на знания из курса химии, обучающиеся делают вывод, что реакции разложения – это химические реакции, в которых из одного, более сложного вещества, образуются два или более других, более простых веществ. Фактором же, вызывающим разложение, могут являться различные физические и химические воздействия. Находим подтверждение этому знанию в тексте романа: «... французские солдаты вступили в Москву еще в стройном порядке. Это было измученное, истощенное, но еще боевое и грозное войско. Но это было войско только до той минуты, пока солдаты не разошлись по квартирам. Как только люди полков стали расходиться по пустым и богатым домам, так навсегда уничтожилось войско, и образовались не жители и не солдаты, а что-то среднее, называемое мародерами.

Когда через пять недель те же самые люди вышли из Москвы, они уже не составляли более войска... Цель каждого из этих людей при выходе из Москвы не состояла, как прежде, в том, чтобы завоевать, а только в том, чтобы удержать приобретенное» (т. 3, ч. 3, гл. 26) [3]. По сути, армия Наполеона подверглась нравственному разложению, которое сродни химическому. И это стратегическая хитрость Кутузова. Следовательно, интеграция базовых знаний из разных наук дает человеку широту мышления, благодаря которому им постигаются законы истории.

Продолжим чтение романа и обратимся к фрагменту, описывающему движение французского войска на Смоленск: «Самое число их (французов) и тесное, быстрое движение лишало их этой возможности и делало для русских не только трудным, но невозможным остановить это движение, на которое направлена была вся энергия массы французов. Механическое разрывание тела не могло ускорить дальше известного предела совершавшийся процесс разложения. Ком снега невозможно растопить мгновенно. Существует известный предел времени, ранее которого никакие усилия тепла не могут растопить снега. Напротив, чем больше тепла, тем более крепнет остающийся снег. Из русских военачальников никто, кроме Кутузова, не понимал этого» (т. 4, ч. 2, гл. 19) [3]. В этом фрагменте нельзя не обратиться к знаниям из химии. Любая химическая реакция (протекает медленно. Естественный процесс разложения может быть ускорен, если перерабатываемый субстрат собрать в кучи, что позволяет сохранить часть теплоты, выделяющейся при ферментации, и достигнуть более высокой скорости реакции. Этот тип реакции мы видим на примере движения французской армии к Смоленску. Интересно и сопоставление с комом снега. Действительно, в снеге содержится некоторое количество воздуха, он плохо проводит теплоту. Поэтому, начав таять, снег будет сначала впитывать в себя образовавшуюся влагу. Кутузов «своей старческой мудростью» понимал, что естественный процесс разложения нельзя ускорить: «Он не мог им (другим русским военачальникам) сказать то, что мы говорим теперь: зачем сражение, и загоразиванье дороги, и потеря своих людей, и бесчеловечное добиванье несчастных? Зачем все это, когда от Москвы до Вязьмы без сражения растаяла одна треть этого войска?».

Интеграция с физикой. Для установления метапредметного знания обращаемся еще раз к данному эпизоду: «Сама огромная

масса их, как в физическом законе притяжения, притягивала к себе отдельные атомы людей. Они двигались своей стотысячной массой как целым государством» (т. 4, ч. 2, гл. 19) [3]. Знания из области физики при анализе данного художественного фрагмента помогают обучающимся вспомнить, что согласно закону всемирного тяготения, все материальные тела притягивают друг друга, при этом сила притяжения не зависит от физических или химических свойств тел. Зависит она, если все максимально упростить, лишь от веса тел и расстояния между ними. Следовательно, приходим к выводу, что объединяет мародеров, подобно силе всемирного тяготения, общая цель – удержать приобретенное. Во времена Л.Н. Толстого было известно, что остановить движение атомов и молекул не представляется возможным, и писатель этим знанием наделил Кутузова, в отличие от других русских военачальников.

Преломляя второй закон Ньютона на военную науку, Л.Н. Толстой показывает ценность естественно-научного знания в реальной ситуации. Писатель с помощью закона Ньютона (действующая сила равна произведению массы тела и ускорения) выводит свою формулу успеха в бою: «Сила (количество движения) есть произведение из массы на скорость. В военном деле сила войска есть также произведение из массы на что-то такое, на какое-то неизвестное x x этот есть дух войска, то есть большее или меньшее желание драться и подвергать себя опасностям всех людей, составляющих войско... Определить и выразить значение духа войска, этого неизвестного множителя, есть задача науки» (т. 4, ч. 3, гл. 2) [3]. «Задача эта возможна только тогда, когда мы перестанем произвольно подставлять вместо значения всего неизвестного x (желание драться) те условия, при которых проявляется сила, как-то: распоряжения полководца, вооружение и т.д.», – пишет Л. Толстой (т. 4, ч. 3, гл. 2) [3]. По сути он подсказывает нам математические модели победы в Отечественной войне 1812 г.: «разложив» дух наполеоновской армии – изъяв «скорость», оставив только «массу», Кутузов уничтожил саму армию. Важно отметить, что и вооружение, и распоряжения главнокомандующих и т.п. могут быть теми множителями, которые участвуют при получении силы войска. Главное, что они всегда будут меньше, чем сила духа у русского войска, взятого писателем за переменную x .

Интеграция с математикой. В рамках применения математического знания в рамках метапредметного подхода обратимся

к формуле победы в бою, которую смог понять Кутузов, по замыслу Л.Н. Толстого: «Десять человек, батальонов или дивизий, сражаясь с пятнадцатью человеками, батальонами или дивизиями, победили пятнадцать, то есть убили и забрали в плен всех без остатка и сами потеряли четыре; стало быть, уничтожились с одной стороны четыре, с другой стороны пятнадцать. Следовательно, четыре были равны пятнадцати, и, следовательно, $4x = 15y$. Следовательно, $x : y = 15 : 4$. Уравнение это не дает значения неизвестного, но оно дает отношение между двумя неизвестными. И из подведения под таковые уравнения исторических различно взятых единиц (сражений, кампаний, периодов войн) получатся ряды чисел, в которых должны существовать и могут быть открыты законы» (т. 4, ч. 3, гл. 2) [3]. Здесь Л.Н. Толстой говорит о линейных уравнениях с двумя неизвестными, которые имеют бесконечное множество решений, что может быть применимо в военной стратегии. Такое линейное уравнение сам Кутузов мастерски решил, отдав Наполеону Москву; сделав акцент на самомнении Наполеона, на низменные инстинкты его солдат, на «неправильное» ведение войны («... вместо шпаги противника увидал (Наполеон) поднятую над собой дубину, Александр не подписывал мир с Наполеоном), на дух русского солдата и человека (партизанская война, отношение оставшихся в Москве людей к Наполеону), на голод в разоренной и сожженной Москве. Кутузов «обманул» Наполеона, и тот был вынужден уйти из Москвы.

Известно высказывание Л.Н. Толстого о том, что «человек подобен дроби: в знаменателе – то, что он о себе думает, в числителе – то, что он есть на самом деле. Чем больше знаменатель, тем меньше дробь». Обучающиеся с помощью знаний из области алгебры могут доказать правильность этого утверждения. Вот примерный ответ: «Из двух дробей с одинаковыми числителями меньше та, у которой знаменатель больше. Излишнее самомнение Л.Н. Толстой считал одним из главных недостатков, превращающих в ничто числитель и личность». Можно составить наглядные «формулы личности» Кутузова и Наполеона, представив качества полководца в виде дроби, доказав, что в основе знаменателя Кутузова – народность, ответственность за ход исторических событий, а в знаменателе Наполеона – самомнение и эгоизм. При этом числители у обоих полководцев равны и представляют собой талант и опыт. Следовательно, стано-

вится понятно, какая дробь (полководец) больше, то есть обладает стратегической смекалкой и даром военного предвидения.

Интеграция с астрономией. В эпилоге романа исторические законы сравниваются с коперниковской системой в астрономии: «Как для астрономии трудность признания движения земли состояла в том, чтобы отказаться от непосредственного чувства неподвижности земли и такого же чувства движения планет, так и для истории трудность признания подчиненности личности законам пространства, времени и причин состоит в том, чтобы отказаться от непосредственного чувства независимости своей личности. Но как в астрономии новое воззрение говорило: «правда, мы не чувствуем движения земли, но, допустив ее неподвижность, мы приходим к бессмыслице; допустив же движение, которого мы не чувствуем, мы приходим к законам», так и в истории новое воззрение говорит: «правда, мы не чувствуем нашей зависимости, но, допустив нашу свободу, мы приходим к бессмыслице; допустив же свою зависимость от внешнего мира, времени и причин, приходим к законам» (ч. 2, эпилог) [3].

Таким образом, метапредметный подход к анализу прозаического текста, деятельность не просто развивает универсальные учебные действия обучающихся, но и формирует у них устойчивый интерес к чтению классической литературы.

Библиографический список

1. Вагина С.Г., Гливинская О.В., Михайлюк Я.В. Реализация метапредметного подхода в преподавании гуманитарного цикла предметов в общеобразовательной школе. М., 2019.
2. Методическая лингвоконцептология: итоги и перспективы развития / науч. ред. Н.Л. Мишатица. СПб., 2017.
3. Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 8 т. М., 1996. Т. 3, 4. URL: ilibrary.ru/text/11/indexhttps.html (дата обращения: 25.12.2020).
4. Фоменко И.А. Создание системы формирования нового содержания образования на основе принципов метапредметности. URL: fomenko.edusite.ru/p35aa1.html (дата обращения: 25.12.2020).

Татьяна Александровна ТРАФИМЕНКОВА

кандидат филологических наук

зав. отделением «Сестринское дело», преподаватель русского языка и литературы

Брянский медико-социальный техникум им. академика Н.М. Амосова

УДК 37.022

В.В. Оразбекова

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРЕПОДАВАНИЮ ЛИТЕРАТУРЫ НА ПРИМЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТОВ

Аннотация. В статье рассматривается синергетика как методологическая основа управления педагогическим процессом на примере использования прецедентного текста как учебного текста.

Ключевые слова: текст, синергетика, прецедентный текст, самоорганизация.

V.V. Orazbekova

A SYNERGISTIC APPROACH TO LITERATURE TEACHING USING CASE STUDIES

Abstract. The article considers synergy as a methodological basis for managing the pedagogical process on the example of using case text as an educational text.

Keywords: text, synergy, case law, self-organization.

Внедрение принципов синергетики в педагогическую практику является в настоящее время одной из актуальных тем. Достоинством синергетики является возможность рассматривать условия и принципы самоорганизации и саморазвития. По мнению Н.А. Тельновой: «Феномен самоорганизации связывается с понятием диссипативной структуры, – структуры спонтанно возникающей в открытых неравновесных системах» [5, с. 4].

Под воздействием окружающей среды, система переходит в состояние «неравновесия», где элементы начинают в хаотичном порядке двигаться и согласованно взаимодействовать. Между ними возникает корреляция, когерентное поведение сводится к самоорганизации внутренних процессов, которые подчиняются условиям системы. Проблема современного образования рассматривается в контексте личностного, духовно – нравственного развития обучающихся. Использование синергетического подхода позволяет по – новому расставить приоритеты процесса и результатов образовательной деятельности. Внедрение синергетического подхода в образовательный процесс подразумевает многообразие подходов,

приемов и методов посредством интеграции, что дает положительный результат. Синергетика означает кооперативность процессов, усиливающих влияние одной системы на другую. Согласованное взаимодействие обучения и педагога приводит к самоорганизации и саморегуляции процессов обучения на всех этапах познания.

Задача педагога – организовать учебный процесс таким образом, чтобы пассивный слушатель стал самостоятельной, критически мыслящей личностью. В процессе освоения предмета посредством синергетического подхода с использованием различных методик, направленных на развитие коммуникативных задач, возникает необходимость разработать новые методологические приемы системного характера. В результате выполнения системы упражнений обогащается словарный запас, развивается лексическая сторона речи, вырабатывается умение правильно строить предложения, ясно и последовательно излагать свои мысли.

В своей работе Э.П. Соломахо приводит следующее определение: «Методы обучения – упорядоченные способы взаимосвязанной деятельности преподавателя и студентов, при помощи которых достигается прочное овладение знаниями, умениями, навыками, формируется мировоззрение обучающихся, развиваются способности к самостоятельному приобретению знаний» [4, с. 16].

Каждый метод включает в себя разнообразные приемы обучения, направленные на решение конкретной задачи. Благодаря сочетанию взаимосвязанных приемов удастся повысить эффективность учебного процесса. Одним из важных компонентов современного образования является практическая составляющая новой модели образования. Важность изучения текста как наиболее крупной синтаксической единицы в рамках изучения русского языка неуклонно возрастает. Современному студенту необходимо получить не только глубокие теоретические знания, но и практические умения, которые позволят ему успешно реализоваться в жизни. Основным источником приобретения коммуникативной деятельности является текст. Именно, устойчивые навыки работы с текстовыми материалами являются основными критериями успешного изучения текста как объекта. Работа с текстом позволяет решить ряд задач: речевое развитие, логическое мышление, формирование коммуникативной компетенции учащихся. Основой для обучения может стать прецедентный текст.

Данные тексты используются в речи, проникая в сознание языковой личности иногда помимо её воли, и всплывают в её речевом поведении в виде обкатанных готовых высказываний. Поскольку прецедентные тексты должны быть хорошо известны носителям языка, они представляют собой определенную речевую субкультуру. Прецедентные тексты существуют в виде цитат из каких – либо текстов, из коммуникативных ситуаций. Такие фразы передают экспрессию контекста, содержат эмоциональную память о речевом акте их породившем. Прецедентные тексты могут служить основой обучения. По мнению Ю. Караулова: «...Знание прецедентных текстов есть показатель принадлежности к данной эпохе и её культуре, тогда как их незнание, наоборот, есть предпосылка отторженности от соответствующей культуры» [2, с. 216].

Для того, чтобы свернутые знания в виде прецедентных текстов способствовали расширению коммуникативных навыков, необходимо использовать систему синергетических подходов. Отсылка к прецедентным текстам ориентирована не на обычную коммуникацию, она имеет прагматическую направленность, выявляя глубинные свойства языковой личности, обусловленные целями, мотивами, ситуационными интенциями.

Использование в речи прецедентных текстов – показатель уровня языковой личности.

Синергетический подход при обучении студентов прецедентным текстам, позволяет систематизировать и аккумулировать накопленные знания, расширять и обогащать словарный запас.

Приведём ряд заданий, направленных на повторение и систематизацию знаний по литературе. Данные упражнения следует предложить обучающимся на первом этапе работы с прецедентными текстами в качестве ознакомительного иллюстративного материала. Предложенные задания позволят выявить уровень овладения знаниями.

Задание № 1. Напишите ассоциации к следующим именам: Шекспир, Достоевский, Гоголь, Лермонтов, Раскольников, Базаров, Лопухин, Чичиков, Булгаков, Есенин, Пастернак, Твардовский.

Задание № 2. Дайте толкование значения фраз с прецедентным текстом, назовите цитируемое произведение и автора.

1. «Счастливые часов не наблюдают».
2. «Подписано, так с плеч долой».

3. «Ба! Знакомые все лица».
4. «Свежо предание, а верится с трудом».
5. «Да только воз и ныне там».
6. «Все семьи счастливы одинаково, каждая семья несчастна по – своему».
7. «Рукописи не горят».
8. «Мы все учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь».
9. «Двадцать два несчастья».
10. «Волшебников не так уж много».
11. «Пыль пускать в глаза».
12. «Рожденный ползать летать не может».
13. «Дела давно минувших дней, Преданья старины глубокой».
14. «Человек в футляре».
15. «Смешались в кучу кони, люди...»

Задание № 3. Прочитайте отрывки из художественных произведений. Выпишите фразы, которые можно использовать в речи.

1. «Очень немного требуется, чтобы уничтожить человека: стоит лишь убедить его в том, что дело, которым он занимается, никому не нужно» (Ф.М. Достоевский).
2. «Три правила достижения успеха: знать больше, чем остальные; работать больше, чем остальные; ожидать меньше, чем остальные» (У. Шекспир).
3. «Люди, как реки: вода во всех одинаковая и везде одна и та же, но каждая река бывает то узкая, то быстрая, то широкая, то тихая, то чистая, то холодная, то мутная, то теплая. Так и люди» (Л. Толстой).
4. «Если у русских останется только один хутор то и тогда Россия возродится» (Н.В. Гоголь).
5. «Когда человек влюбится, то он все равно что подошва, которую, коли размочишь в воде, возьми согни – она и согнется» (Н.В. Гоголь).

Задание № 4. Продолжите фразы, используя прецедентные тексты:

1. Я думаю, что на экзамене будет сложно...
2. Для поступления отметки в аттестате не важны...

3. Было так страшно...
4. Ну и жадный ты...
5. Целый день вопросы решаю...
6. Пришёл в аудиторию самый первый...

На втором этапе работы с прецедентными текстами на занятиях по литературе, возможно применение синергетического подхода. Следует адаптировать данный методологический принцип самоорганизации с целью упрощения образовательного процесса. По мнению В.М. Курейчика, «чем проще и элементарнее система, тем меньшее количество факторов влияет на её устойчивость, поэтому система стремится упростить свою организацию» [3, с. 4].

В качестве примера предлагается фрагмент практического занятия с примерными заданиями по роману «Обломов» И. Гончарова.

1 этап. Организация восприятия. Опорные слова.

Прагматизм
Скрижали
Чернильница
Антитеза
Интерьер
Бакенбарда
Наблюдательный
Народонаселение
Обломовщина
Коммерсант
Портрет
Обломовка
Беспечность
Мечтательность

Норматив времени на запоминание 14 слов – 1 минута. Слова закрываем. Студенты за 1 минуту воспроизводят слова в своих рабочих тетрадях. Через 1 минуту взаимопроверка. 14 слов плюс (+). 13 слов и менее отмечаем минусом (-). Результаты вносятся в технологическую карту обучающегося.

2 этап. Организация осмысления. Перекрестный опрос.

Обучающиеся должны прочитать роман «Обломов» к данному практическому занятию. Каждый студент должен ответить на 1 вопрос с целью проверки их знания прочитанного материала.

1. Три любимые вещи Ильи Ильича Обломова, характеризующие его образ жизни.
2. Андрей Штольц родственник или друг?
3. Как зовут верного слугу Ильи, находящегося с ним с детства до событий, ставших сюжетом романа?
4. Почему Обломов перестал служить коллежским секретарем?
5. Как произошло знакомство Обломова с Ольгой?
6. Суть мошенничества Тарантьева и Ивана Матвеевича.
7. С кем Ольга обрела счастье?
8. Имя сына Обломова?
9. Кем становится слуга Обломова в конце романа?
10. Любимая домашняя одежда Обломова – это?
11. На какой улице проживает Обломов?
12. Какие два вопроса волнуют Обломова в начале романа?
13. Куда зовут Обломова все гости?
14. Куда предлагает переехать Обломову Тарантьев?
15. Сколько лет Обломов живет в Петербурге?
16. Что советует Обломову доктор?
17. Чего большего всего боялся Штольц?
18. Что Штольц предлагает Обломову сделать с его крепостными?
19. Как Штольц назвал жизнь, которую описал ему Обломов в своем воображаемом имени?
20. Как отвечает Штольц на вопрос Обломова: «Для чего же жить?»
21. Почему Обломов не уехал со Штольцем за границу?
22. Как звали детей Агафьи Матвеевны?
23. Какое важное решение обсуждали Ольга и Обломов в Летнем саду?
24. Чем объяснял Обломов невозможность ездить к Ольге?
25. С какой богиней мысленно сравнивает себя Ольга во время объяснения со Штольцем?

3 этап. Организация первичного закрепления. Критический опрос (вопросы для обсуждения в группах).

Аудиторию необходимо разделить на несколько групп для совместной работы.

Каждая команда выбирает тему для обсуждения. Время подготовки – 3 минуты. Время ответа – 30 секунд.

1. Какова функция сна Обломова в романе И.А. Гончарова «Обломов»?
2. Можно ли Обломова назвать «лишним человеком»?
3. В чем состоит особенность композиции романа И.А. Гончарова «Обломов»?
4. Почему морально чистый, честный Обломов умирает нравственно?
5. Что такое «обломовщина»?
6. Можно ли считать Штольца положительным героем романа И.А. Гончарова «Обломов»?

На данном этапе работы студенты имеют возможность коммуницировать в рамках одной микросистемы. Обсуждать и принимать решение, делать логические выводы, сопоставлять и контролировать регламент работы, включая в процесс всех участников для достижения положительного результата.

4 этап. Взаимоопрос.

Обучающиеся составляют самостоятельно 2 вопроса по произведению, один вопрос является запасным, если основной повторится другими участниками.

Время на составление вопроса – 1,5 минуты. Правило: если студент задает вопрос и получает на него правильный ответ, то получает минус и наоборот. Взаимоопрос – один из самых сложноконтролируемых. Данный вид задания способствует выработке умения составлять корректные вопросы, что способствует формированию регулятивных, личностных, познавательных и коммуникативных навыков.

5 этап. Анализ. Тематический словарный запас.

Время 5 минут. Проводится по изучаемой теме в виде эссе.

Норматив: 120 слов. Взаимопроверка. Если 120 слов присутствуют в эссе, помимо предлогов и союзов, значит, в технологической карте студента ставим «+». Если меньше 120 слов ставится в карте знак «-».

6 этап. Оценивание. Если в ячейке индивидуальной карты есть 4 и 5 плюса, то студент получает отметку – «5». Если 3 плюса, то отметка – «4». Если 2 плюса отметка – «3». Отметка «2» не выставляется. Дополнительное задание задается всем обучающимся, которые получили менее 4 отметок.

Таким образом, прецедентные тексты имеют прагматическую направленность, выявляя глубинные свойства языковой личности, обусловленные целями, мотивами. Использование в речи прецедентных текстов – показатель уровня языковой личности.

В.М. Курейчик в своей работе определяет роль синергетического подхода в системе образования: «Синергетика для образования – создание интегративных курсов по синергетике на всех этапах обучения, предполагающих наличие разнообразных моделей и технологий обучения; реализуется в форме интегративных курсов синергетики на всех уровнях обучения» [3, с. 38]. Синергетика позволяет создавать авторские методики и индивидуальный авторский стиль; подразумевается не только системный подход к образованию, но и динамика, механизмы самоорганизации субъектов образовательного процесса. Синергетика как методологический прием в совокупности с прецедентными текстами служит платформой обучения и позволяет усвоить правила самоорганизации социальных систем. Синергетическая парадигма как основа педагогической деятельности на основе теории сложных систем, включая такие компоненты, как хаотичность и саморегуляция, динамика порядка и устойчивого состояния через инновационные педагогические технологии выступает как модель педагогического взаимодействия.

Библиографический список

1. Гончаров И.А. Обломов. URL: <https://urait.ru/bcode/457247> (дата обращения: 26.01.2021).
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 2010.
3. Курейчик В.М., Писаренко В.И. Синергетика в образовании // Открытое образование, 2010. № 4. С. 33–43.
4. Соломахо П.Э. Общая и профессиональная педагогика. М., 2002. С. 16–18.
5. Тельнова Н.А. Основные принципы синергетики и их методологическое значение // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7. Философия. 2006. № 5. С. 14–20.

Вера Васильевна ОРАЗБЕКОВА

магистр педагогических наук
преподаватель кафедры социально-гуманитарных
и общеправовых дисциплин
Московский финансово-юридический университет МФЮА

УДК 81

С.С. Ахундова

ОБ АНГЛИЙСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. В статье рассматриваются различные понятия дискурса, специфика образовательного дискурса. Особое внимание уделяется степени семантической освоенности английских заимствованных слов участниками российского образовательного дискурса.

Ключевые слова: дискурс, образовательный дискурс, заимствование, ассимиляция; ассоциативный эксперимент.

S.S. Akhundova

ENGLISH BORROWINGS IN MODERN EDUCATIONAL DISCOURSE

Abstract. The article is devoted to various concepts of discourse and the specificity of educational discourse. Particular attention is paid to the degree of semantic mastery of English borrowed words by students in Russian educational institutions.

Keywords: discourse, educational discourse, borrowing, assimilation; associative experiment.

В настоящее время понятие «дискурс» является многозначным в силу его востребованности в различных научных дисциплинах, таких как философия, этнография, лингвистика, психолингвистика и др.

Н.Ф. Алефиренко определяет дискурс как «речь, процесс языковой деятельности, способ говорения» [1, с. 13]. Исследователь даёт данному термину именно такое определение, так как дискурс является сложным коммуникативно-когнитивным явлением, включающим в себя, помимо текста, экстралингвистические факторы, влияющие на восприятие информации. Соответственно, излагаемые события, обстоятельства, личности участников коммуникации и их отношение к событиям рассматриваются наравне с самими высказываниями – наименьшими речевыми элементами.

Рассматривая роль дискурса в лингвистике, С.Ф. Шабаев и Э.А. Гашимов утверждают, что «дискурс – это, прежде всего, диалог. Диалог рассматривается как первичная форма дискурса,

который обладает определёнными особенностями, базирующимися на характерных чертах устной речевой деятельности» [7, с. 194].

По содержанию образовательный дискурс является личностно-ориентированным: его цели, средства и методы направлены на социальное воспитание и развитие личности обучаемого в организованном процессе. Основными целями образовательного дискурса являются обучение и развитие учеников, помощь в становлении их личностей, а также социализация нового члена общества. Человек не может жить обособленно от общества, однако не может в нём существовать, не зная его правил – социальных норм, современных ценностей, правил поведения, законов. Соответственно, ценностями образовательного дискурса являются признание и закрепление социальных традиций. Таким образом, образовательный дискурс принадлежит к институциональному типу дискурса с присущими ему особенностями, где основными участниками являются преподаватель и обучающийся [4]. Для эффективности образовательного дискурса, точнее обучающего диалога в специально установленном для него времени и месте, необходимо выбрать подходящие методы интерпретации образовательных текстов в конкретных условиях обучения и определить цели коммуникации. При этом необходим личностно-ориентированный подход к выбору потребляемой информации для обучающихся.

Как современный мир меняется под влиянием процесса глобализации, так и язык, будучи динамично развивающейся системой, претерпевает изменения в различных его аспектах. В XXI в. процесс интеграции с другими культурами и народами становится приоритетным в целях объединения усилий для совместного решения глобальных проблем в сфере экологии, образования, политики, права и бизнеса, обмена знаниями и опытом в этих направлениях. В процессах глобализации и интеграции английский язык является важнейшим инструментом интернациональной коммуникации людей, так как признан мировым сообществом международным языком для общения. В результате использования английского языка современный русский язык меняется, и в настоящее время мы наблюдаем процесс заимствования английских лексических единиц, которые постепенно наполняют и обогащают современный русский язык. Не все заимствования полностью приживаются в русском языке, что приводит не к обогащению, а к засорению его лексического состава.

Процесс заимствования является сложным языковым явлением, интересующим учёных-лингвистов с середины XIX в. Проблему взаимодействия языков впервые освещает И.А. Бодуэн де Куртене в 1875 г. в своих работах по общему языкознанию. Затем в конце XIX – начале XX в. Г. Шухардт ввёл понятие «смешение языков», а наряду с ним из биологии был заимствован термин «скрещивание языков». В XX в. учёные ввели понятие «взаимное влияние языков» для обозначения данного процесса [2, с. 102].

Заимствованные слова в разные эпохи по-разному систематизировались учёными. В нашей статье мы опираемся на классификацию заимствованных слов в русском языке по способу ассимиляции И.В. Зыковой [3]. Согласно автору, под «ассимиляцией заимствования» понимается процесс полного или частичного приведения заимствованного слова в соответствие с фонетическими, графическими и морфологическими стандартами русского языка и его семантической системы. В современной лексикологии приняты три группы заимствований: полностью ассимилированные заимствования (иностранные слова, полностью приспособленные к системе родного языка); частично ассимилированные заимствования (иностранные слова, не полностью приспособленные в каком-то из аспектов; в связи с этим выделяют не полностью ассимилированные грамматически, не полностью ассимилированные фонетически, не полностью ассимилированные графически и не полностью ассимилированные семантически иностранные слова) и полностью неприспособленные слова, или варваризмы. Последняя группа слов не является общепризнанной, так как учёные спорят о том, может ли слово быть полностью неприспособленным. Под варваризмами понимают так называемые иноязычные вкрапления в современный русский язык, которые вошли в него со своей оригинальной структурой и значением. М. Кронгауз в книге «Русский язык на грани нервного срыва» упомянул такие слова, как *стритрейсеры*, *трендсеттеры*, *дауншифтеры*, *сейлменеджеры*, *аккаунтменеджеры*. Все эти слова, пришедшие из английского языка, не могут быть понятными для русского человека, не знающего английского языка. Авторы статей в современных глянцевого изданиях, а также зарубежных новостей иногда употребляют новые слова без перевода, так как не знают русского эквивалента. Такие слова не сразу успевают ассимилиро-

ваться в русском языке, поэтому вводят в заблуждение читателей, а иногда не приспособляются к языку вообще из-за культурного различия языков [5].

Для исследования степени ассимиляции англоязычных понятий, используемых в образовательном дискурсе, мы проанализировали несколько терминов, обозначающих современные педагогические технологии и виды учебной деятельности, пришедших в образовательный дискурс из-за рубежа. Ниже мы представили подборку понятий, которыми каждому выпускнику школы и студенту вуза необходимо владеть для успешного выполнения того или иного задания, с которыми приходится сталкиваться на протяжении учёбы. Данными терминами являются *мозговой штурм*, *презентация*, *кейс-стади*, *модуль*, *эссе*, *рефлексия*, *портфолио*.

Ассоциативный эксперимент был осуществлён с 176 информантами: 146 обучающимися 1–4 курсов Одинцовского филиала МГИМО МИД России и 30 обучающимися 1 и 2 курса колледжа вышеуказанного учебного заведения. В эксперименте приняли участие обучающиеся различных направлений подготовки – «Юриспруденция», «Лингвистика», «Менеджмент», «Экономика», «Педагогическое образование», «Психология», «Государственное и муниципальное управление», «Управление персоналом». Количество участников женского пола составило 92, мужского пола – 84. Общее количество ответов для анализа составило 1232. Эксперимент проводился в период с октября по декабрь 2017 г.

Информантам было предложено письменно дать определения или описать значения заимствованных слов.

1. *Напишите, что Вы понимаете под каждым словом: «мозговой штурм», «презентация» и др.*
2. *Какие из приведённых выше слов вызвали у Вас затруднения, или они Вам встретились в первый раз?*

По результатам проведённого исследования можно сделать следующие выводы. Во-первых, большая часть студентов показала свою осведомлённость в значениях предлагаемых понятий, доказав их употребление в рамках образовательного дискурса. Наибольшие затруднения вызвали термины *кейс-стади* (57 % респондентов не ответили на вопрос) и *рефлексия* (43 % не смогли высказать предположения по данному термину).

Анализ сайтов во всемирной коммуникационной сети Интернет представил возможным сделать вывод, что термины, упомянутые выше, используются молодёжью не только в стенах вуза, но и в процессе онлайн-общения. Выявить частотность употребления лексем можно благодаря поиску по тегам или ключевым словам на некоторых сайтах. Понятия *кейс-стади* и *рефлексия*, по сравнению с другими понятиями, реже используются в сети Интернет на молодёжных сайтах rikabu.ru, strelka.com/ru/magazine, anekdot.ru. Такие результаты могут быть вызваны тем, что данные термины употребляются студентами достаточно редко, появились недавно или имеют русский аналог. Например, вместо термина *кейс-стади* преподаватели и учителя используют на занятиях такие выражения, как «разберём кейс / ситуацию». Понятие *рефлексия* может быть заменено на «размышление» или «анализ». Наибольшую опасность представляют собой неправильные интерпретации данных терминов. Например, 41 человек из опрошенных считает, что рефлексия связана с биологическими рефлексами организма.

Проведённый эксперимент даёт возможность сделать вывод о том, что степень семантической освоенности анализируемых слов у респондентов варьируется от 30 до 94 % и составляет в среднем 75,5 % от общего числа анкет. Наиболее освоенными оказались лексемы *портфолио* (94 %) и *эссе* (89 %). Менее освоенными оказались *презентация* (76 %), *модуль* (72 %), *мозговой штурм* (60 %), *рефлексия* (39 %), *кейс-стади* (30 %).

При представлении значений анализируемых понятий большинство респондентов опирались на знания английского языка и в некоторых случаях писали английский вариант слова вместо русского определения, например *brainstorming* или *case-study*. При поступлении в Одинцовский филиал МГИМО МИД России студентам необходимо сдавать вступительные испытания по английскому языку, поэтому все студенты владеют иностранным языком, а 32 студента, помимо русского и английского, знают ещё один язык. Английский язык является главной опорой при предоставлении значений иноязычных понятий, так как большинство анализируемых слов являются заимствованиями из английского языка.

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что лексический состав русского языка в образовательном дискурсе

активно пополняется заимствованиями из английского языка, которые имеют разную степень ассимиляции участниками образовательного дискурса. На характер ассимиляции и функционирования иностранных заимствований влияют не только лингвистические, но и экстралингвистические факторы, такие как «международная интеграция в сфере образования, высокий уровень владения российской молодёжи иностранным языком, активное внедрение новых технологий и взаимопроницаемость разных сфер жизнедеятельности человека» [6, с. 37].

Несмотря на то, что большинство обучающихся успешно справились с поставленной задачей, процент освоенности некоторых понятий невелик, поэтому образовательным учреждениям необходимо повышать уровень интереса студентов к новым заимствованным понятиям путём проведения различных мероприятий (например, викторин, деловых игр, тематических вечеров, создания студенческих сообществ по изучению русского языка) или аудиторных занятий и семинаров по изучению изменений в русском языке, а также путём активного внедрения заимствованной лексики в рамках образовательного процесса. Кроме того, представляется возможным предоставить студентам изучать статьи и новости об изменениях в русском языке в рамках самостоятельной работы по различным дисциплинам (например, путём создания и ведения глоссария, составления кроссвордов). Предложенные мероприятия не исчерпывают всех средств и методов по изучению заимствованной лексики в образовательном дискурсе.

В заключение хочется отметить, что, несмотря на то, что будущим специалистам необходимо знание нескольких иностранных языков, нельзя забывать и о родном языке, который в процессе глобализации также претерпевает различные структурные изменения, особенно в лексическом составе языка. Для того чтобы обучающиеся понимали и владели заимствованными и иноязычными терминами, преподавателям и учителям в учебных заведениях различного уровня необходимо развивать эти приоритетные компетенции у будущих выпускников на всех этапах получения образования.

Библиографический список

1. *Алефиренко Н.Ф. и др.* Текст и дискурс: учебное пособие для магистрантов. М., 2012.

2. Геранина И.Н. О термине «заимствование» // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2008. № 10. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-termine-zaimstvovanie> (дата обращения: 01.05.2018).
3. Зыкова И.В. Практический курс английской лексикологии = A Practical Course in English Lexicology: учебное пособие для студентов. М., 2007.
4. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сборник научных трудов. Волгоград, 2000. С. 5–20.
5. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. М., 2008.
6. Рыбушкина С.В. Ассимиляция иноязычных неологизмов в современном русском языке под влиянием экстралингвистических факторов (на примере компьютерно-опосредованного образовательного дискурса). URL: http://journals.tsu.ru/uploads/import/1179/files/392_034.pdf (дата обращения: 01.05.2018).
7. Шабаетов С.Ф., Гашимов Э.А. К вопросу о дискурсе в образовательной среде // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2010. № 2 (6). URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-2911_2010_2_52.pdf (дата обращения: 01.05.2018).

Сабрина Сергеевна АХУНДОВА

студент

Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД России, Одинцовский филиал

УДК 37

М.Н. Братухина

ТЕНДЕНЦИИ ЯЗЫКОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДОШКОЛЬНИКОВ

Аннотация. В статье показано влияние языкового образования на развитие ребёнка. Рассмотрены направления языкового образования дошкольников, устремлённые на овладение основными коммуникативными способностями, на формирование результативности речевой коммуникации детей.

Ключевые слова: языковое образование дошкольников; коммуникативные способности, коммуникация.

М.Н. Bratukhina

TRENDS IN LANGUAGE EDUCATION PRESCHOOLERS

Abstract. The article shows the impact of language education on the development of the child. The directions of language education of preschool children, which are aimed at mastering the basic communication skills, the formation of the effectiveness of speech communication in children.

Keywords: Language education of preschool children, communication skills, communication.

Тема языкового образования детей дошкольного возраста была и остаётся одной из ключевых тем на протяжении долгого времени. На современном этапе к ней проявляется особый интерес. Увеличение численности людей на планете Земля, возрастание возможностей их передвижения по миру делает всё более актуальным вопрос о диалоге культур и межкультурной коммуникации. Заложить основы этого диалога возможно, развивая коммуникативные умения дошкольников. Сейчас многие родители понимают необходимость качественного обучения родному, иностранному языку ещё до школы, видя в этом возможность перспективного развития детей и совершенствования их когнитивной (интеллектуальной) сферы.

Коммуникация – это обмен сообщениями между партнёрами, имеющий некую осознанную цель, которая должна быть хотя бы у одного из участников общения [1]. В современном мире на первый план в коммуникации выступает её результативность, то есть спрогнозированное речевое воздействие, целевая направленность

вербальной коммуникации. Основы такой коммуникации закладываются в дошкольном детстве.

Результаты исследований учёных (Л.С. Выготского, Д.Б. Эльконина, А.А. Леонтьева, Ф.А. Сохина, О.С. Ушаковой) доказали, что обучение родному языку и развитие речи детей дошкольного возраста должны рассматриваться не только как овладение языковыми навыками, но и как овладение коммуникативными умениями. При разработке проблем языкового образования дошкольников исследователи опирались на представление о том, что язык и речь являются центром, в котором соединяются линии психического развития [2].

Овладение родным языком, развитие речи в дошкольном детстве создают основу для всестороннего развития человека. Родной язык обладает богатыми возможностями для развития интеллекта, эмоционально-волевой сферы и творческого обогащения ребёнка. Родной язык является средством связи между человеком и окружающим миром во всём его многообразии.

Усвоение речи в дошкольном детстве имеет творческий характер. Каждое новое слово для ребёнка необычно. Формальная сторона слова представлена его звуковой оболочкой. Слово имеет своё значение (лексическое, грамматическое), которое впоследствии будет приведено в соответствие с языковой нормой. Языковое творчество дошкольника проявится в наилучшем выборе слов при создании собственного связного высказывания, поэтому совершенно справедливо О.С. Ушакова цель речевого воспитания видит в том, чтобы «ребёнок творчески освоил нормы и правила родного языка, умел гибко применять их в конкретных ситуациях, овладел основными коммуникативными способностями» [4].

Речь представляет собой важнейшую творческую психическую функцию человека, средство общения и мышления, область проявления присущей всем людям способности к познанию, самоорганизации, саморазвитию, к построению своей личности, своего внутреннего мира через диалог с другими личностями, другими культурами.

Полноценное овладение речью невозможно без участия в нём взрослого человека. В процессе различных видов общения формируется внутренний мир ребёнка, представляющий собой усвоенную извне модель взаимодействия с внешним миром и его представите-

лями. Ребёнок в процессе взаимодействия со взрослыми людьми бессознательно усваивает не только их модели поведения, но и все культурно-исторические пласты, хранящиеся в сознании человечества к моменту появления этого малыша на свет. Подражание речи взрослых является одним из механизмов овладения родным языком. В сферу внимания взрослого, педагога, когда он обращается к проблеме речевого развития дошкольника, попадают важные его составляющие: диалог, творчество, познание, саморазвитие.

С учётом реалий современного мира Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования предъявляет высокие требования к развитию речи дошкольников. «Речевое развитие включает владение речью как средством общения и культуры; обогащение активного словаря; развитие связной, грамматически правильной диалогической и монологической речи; развитие речевого творчества; развитие звуковой и интонационной культуры речи, фонематического слуха; знакомство с книжной культурой, детской литературой, понимание на слух текстов различных жанров детской литературы; формирование звуковой аналитико-синтетической активности как предпосылки обучения грамоте» [3].

В связи с этим актуальным является системный подход в освоении дошкольниками родного языка. На любом возрастном этапе обучение языку имеет целью формирование у ребёнка умения использовать язык в соответствии с его функциями и прежде всего как средство общения. Функции языка: коммуникативная, когнитивная, эмотивная, функция овладения общественно-историческим опытом человечества – одновременно реализуются в речевой деятельности, поэтому важно правильно организовать речевую деятельность детей.

Полноценное речевое развитие дошкольника сможет обеспечить взрослый, умеющий хорошо говорить сам и активно разговаривающий с ребёнком, проявляющий компетентность в области языка и речи. Очень важным со стороны педагога является учёт психологии ребёнка, его психических особенностей. Так, нельзя не учитывать непохожесть современного ребёнка на сверстника прежних эпох. Социальные процессы, тенденции современной культуры повлияли на характер детства [5].

В современном мире в связи с улучшением качества медицины увеличивается количество недоношенных детей. Это приводит

к тому, что по-другому происходят некоторые психические и психофизиологические процессы. В настоящее время в жизни детей, даже самых маленьких, появились гаджеты, что приводит к изменению типа восприятия информации, типа запоминания. Поэтому сейчас обучение дошкольников родному языку невозможно представить без использования детских электронных книг, просмотра детских онлайн-передач и других электронных образовательных ресурсов.

Дети XXI в. суть представители информационной эпохи. На первый план выходит творческий человеческий потенциал. Постиндустриальная культура признаёт уникальность, самоценность человека. Понятно, что это всё влияет на обучение и развитие ребёнка, поэтому необходимо создание для детей комфортной обучающей среды, содержательно интересной деятельности.

Библиографический список

1. Владиславова Н.В. Мастер коммуникации: четыре важнейших закона общения. М., 2018.
2. Выготский Л.С. Мышление и речь. М., 1999.
3. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации (Минобрнауки России) от 17 октября 2013 г. № 1155 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования» // Российская газета. 2013. № 6241 (265).
4. Ушакова О.С. Программа развития речи дошкольников. ФГОС ДО. М., 2015.
5. Холодная М.А. Психология интеллекта: Парадоксы исследования. СПб., 2002.

Марина Николаевна БРАТУХИНА

кандидат педагогических наук
независимый исследователь

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1. Лингвотекстология в кругу других наук

И.А. Королева

Архивный эпистолярный текст как источник лингвистических и литературоведческих исследований 3

В.Н. Терехина

Заметки к теме «Бунин и Маяковский» 10

В.В. Никульцева

Поэтическое словотворчество И.А. Бунина (к разработке проблемы авторского словаря) 17

Е.В. Генералова

От текста к словарю и от словаря к тексту: толковый словарь современного языка как источник информации об устаревшей лексике 28

М.Р. Арпентьева

Узбекско-русский и русско-узбекский стихотворный перевод: общие и особенные аспекты 37

Ю.В. Головнёва

Классификация средств внутритекстовой связи в современном английском языке 51

Раздел 2. Исторический и политический текст: проблемы и перспективы

Т.А. Пучина

Механизм формирования военно-служилых корпораций в Московском государстве в XVI веке 56

С.В. Архипов

Русско-константинопольский церковный конфликт 1878–1879 гг. в контексте греко-болгарской схизмы 65

А.М. Соегова
Полковник Царской Армии о ханах и сердарах (батырах)
туркмен-текинцев Ахала, сражавшихся против русских
в 1879 и 1880–1881 гг. (по тексту газеты «Кавказ») 76

И.А. Бителёв
Отражение экономической дискуссии в России
в конце XIX века в текстах ведущих периодических изданий 86

Т.Б. Лозбенева, И.Н. Лозбенева
Историко-филологический анализ деловой переписки
Народного Комиссара СССР Г.Я. Сокольниковца
по вопросам проведения финансовой реформы в 1922–1924 гг... 92

Л.Н. Скляр
Роль молодежи во время Великой Отечественной войны..... 101

В.М. Гильфанова
Нарративный поворот в истории..... 106

Раздел 3. Философия текста и текст философии

Д.В. Солодухин
К проблеме герменевтического комментария
в гуманитарном мышлении.....112

А.В. Рачинский, А.Е. Фёдоров
Русская дохристианская сакральная лексика 121

Раздел 4. Текст в лингвокультурологическом аспекте

Т.В. Бахвалова
Текст художественного произведения
как импульс к изучению особенностей лексики
русского языка (слово облы)..... 135

И.А. Некрасов
Произведения русской литературы
как отражение исторических событий..... 142

А.М. Шилин, С.А. Шилина
Репрезентация лексемы «власть» в художественном тексте
(по пьесе Л.Н. Толстого «Власть тьмы,
или “Коготок увяз, всей птичке пропасть”»)..... 149

В.В. Шаповал
«Учить щебетать»: регуляция творчества
советских ромских литераторов (1927–1938 гг.)..... 160

Ю.С. Зобков
Образ Г.И. Невельского в исторических романах Н.П. Задорнова .. 168

О.Н. Румянцева
Отличительные особенности композиции
аварского и ветлужского вариантов сказки
с главным персонажем «Медвежьи Уши» 174

Т.В. Азарова
Лингвокультурологический комментарий
как особый тип текста
(на примере константы-концепта праздник) 182

А.О. Привальская, Л.С. Журбина
Причины возникновения и история скептической школы
в изучении «Слова о полку Игореве»..... 189

Д.М. Соегова
О газетном тексте русского перевода эпоса
о туркменском богатыре Кероглы – заступнике
обездоленных (к 165-летию публикации)..... 194

С.В. Тыранова
Исследование концепта и концептосферы
в современной отечественной лингвистике 203

П.Ю. Красильникова
Насыщенность коннотативной семантики слов
разных лексико-семантических групп 209

Раздел 5. Медиатекст: культурологический, исторический, философский, социологический, лингвистический аспекты изучения

Ж.Р. Сладкевич, М. Ноиньска

Мультимодальный подход в современных гуманитарных науках: терминологический и методологический аспекты 221

В.В. Пашков

Блогосфера как элемент информационного общества: противоречия и тенденции развития (социально-философский аспект) 236

В.Е. Замальдинов, В.В. Замальдинова

Лексема Байден как маркер новой политической эпохи 246

И.Б. Чернышева

Русское слово во французских СМИ как компонента субъективного образа ситуации 251

О.А. Давыдова

Желтая пресса и другие проявления желтизны нашей жизни 261

Е.О. Борзенко

Интернет-текст как продуктивная среда для нестандартных форм сравнения в современном русском языке 273

Т.И. Бочарова

Особенности использования повтора в неподготовленных высказываниях 279

Раздел 6. Текст в социальном пространстве

М. Соегов

Текст доклада Б. Кульбешерова о взаимных претензиях РСФСР и УзССР в свете новых сведений

из его биобиблиографии (к вопросу о необходимости бумажного тиражирования архивных документов) 285

В. Стец

К вопросу о заверенном переводе и статусе присяжного переводчика в Польше 309

Р.Т. Садуов

Социологические опросы как вспомогательный инструмент исследования языкового ландшафта города 322

Н.А. Стародубцева

Языковые аспекты трансформации электоральных предпочтений в условиях цифровизации социального пространства 327

Т.В. Епремян

Роль текста социальной рекламы в развитии коммуникативного взаимодействия в эпоху цифровизации 337

Зоя Наженъхуа

Рекламные штампы как ресурсы социальной коммуникации в России и Китае 345

Раздел 7. Текст в современной культуре

Н.В. Летаева

Метафоризация терминологии: «серебряный век», «парижская нота», «незамеченное поколение» 351

А.Е. Чернова

Лирика Николая Рубцова: принципы формирования идеального пространства в поэтических текстах 362

О.В. Блюмина

Взаимодействие сакрализованных и десакрализованных смысловых компонентов как одна из особенностей стиля Николая Тряпкина 377

<i>Л.К. Гоголева, О.А. Давыдова</i> Именования артистов театров – особая группа неологизмов.....	384
<i>С.В. Гусарова</i> Становление языка жанра фэнтези в истории отечественной литературы	391
<i>А.О. Соколова</i> История и художественный вымысел в романах Марио Варгаса Льосы «La guerra del fin del mundo» и «El sueño del celta».....	404
Раздел 8. Проблемы лингвостилистики и лингвопоэтики	
<i>А.П. Романенко, З.С. Санджи-Гаряева</i> Лингвостилистический анализ текста и риторика.....	417
<i>Е.В. Маринова</i> Коды и символы IT-сферы в художественном дискурсе (функциональный аспект)	423
<i>А.Р. Попова</i> Роль авторских окказионализмов в создании индивидуального стиля писателя (на материале суффиксальных производных существительных в произведениях Т.И. Грибановой)	432
<i>О.А. Головачева</i> Репрезентация бытовых реалий в тексте публицистики Н.С. Лескова.....	446
<i>Д.А. Романов</i> Феномен «Снегурочки» А.Н. Островского: текст в контексте авторского творчества (лингвопоэтический аспект)	454
<i>С.В. Редькин</i> Метонимия как способ организации сюжета и языкового пространства в пьесе М. Булгакова «Зойкина квартира».....	465

<i>П.П. Ткачева</i> В лингвопоэтической лаборатории поэта: В.С. Высоцкий «Две судьбы»	473
<i>Л.О. Васькина, А.Ю. Хоменко</i> Слова-интенсификаторы как способ идентификации автора письменного текста.....	490
<i>И.В. Камагина</i> Особенности употребления бытийного глагольного компонента в простых эллиптических предложениях	498
<i>А.М. Шилин</i> Концепт «душа» в художественном тексте (по поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души»)	503
<i>А.В. Карпова-Рождественская</i> «Живой язык» и «мёртвый язык» как концепт и антиконцепт в текстах К.Г. Паустовского	517
<i>П.И. Хомутова</i> Языковая игра в романе Саши Соколова «Школа для дураков».....	527
<i>Н.М. Кошелева</i> Авторская фразеология в современном тексте жанра фэнтези (на материале романа О. Громыко «Профессия: ведьма»).....	533
Раздел 9. Методические аспекты изучения текста в школе/колледже/вузе	
<i>И.В. Приорова</i> «Поговорим о странностях любви», или «Темные аллеи» И.А. Бунина на уроках в Китае.....	540
<i>Д.Д. Зусманович</i> Проблемы сдачи ЕГЭ по истории: мифы и реальность	550

<i>В.Э. Матвееенко</i>	
Чтение русской сказки в иностранной аудитории: анализ текста и этапы подготовки	556
<i>Т.А. Графименкова</i>	
Метапредметный подход к анализу романа-эпопеи Л.Н. Толстого «Война и мир» на занятиях по литературе	562
<i>В.В. Оразбекова</i>	
Синергетический подход к преподаванию литературы на примере использования прецедентных текстов	568
<i>С.С. Ахундова</i>	
Об английских заимствованиях в современном образовательном дискурсе	576
<i>М.Н. Братухина</i>	
Тенденции языкового образования дошкольников	583

CONTENTS

Section 1. Lingvotextology in the circle of other sciences

<i>I.A. Koroleva</i>	
Archive-based epistolary text as a source of linguistic and literary studies	3
<i>V.N. Terekhina</i>	
Notes to the theme «Bunin and Mayakovsky»	10
<i>V.V. Nikultseva</i>	
I.A. Bunin's Poetic Word Creation (to develop the problem of the Author's Dictionary)	17
<i>E.V. Generalova</i>	
From the text to the dictionary and from the dictionary to the text: explanatory dictionary of modern language as a source of information on the outdated vocabulary	28
<i>M.R. Arpentieva</i>	
Uzbek-Russian and Russian-Uzbek translation of verse: general and special aspects	37
<i>Yu.V. Golovnyova</i>	
Classification of means of cohesion in modern english	51

Section 2. Historical and political text: problems and prospects

<i>T.A. Puchina</i>	
Mechanism of formation of military service corporations in the Moscow State in the XVI century	56
<i>S.V. Arkhipov</i>	
The Russian-Constantinople church conflict of 1878–1879 in the context of the Greek-Bulgarian schism	65

A.M. Soyegova
Colonel of Imperial Army about khans and erdars (batyrs) of Turkmen-Teke of Akhal, striking against Russian in 1879 and 1880–1881 (undertext of newspaper «Caucasus») 76

I.A. Bitelev
Reflection of the economic debate in Russia at the end of the 19th century in the texts of leading periodicals 86

T.B. Lozbeneva, I.N. Lozbenev
Historical and philological analysis of the business correspondence of the People's Commissar of the USSR G.Ya. Sokolnikov on the issues of financial reform in 1922–1924 92

L.N. Sklyar
The role of youth during the Great Patriotic War 101

V.M. Gilfanova
Narrative turn in history 106

Section 3. Philosophy of the text and the text of philosophy

D.V. Solodukhin
On the Problem of Hermeneutic Commentary in Humanitarian Thinking 112

A.V. Ratchinski, A.E. Fedorov
Russian pre-Christian sacral vocabulary 121

Section 4. Text in the linguocultural aspect

T.V. Bakhvalova
The text of a work of art as impulse to the study of the Russian language's vocabulary features (the word oblyj) 135

I.A. Nekrasov
Works of Russian literature as a reflection of historical events 142

A.M. Shilin, S.A. Shilina
Representation of the lexeme «power» in a literary text (based on the play by L.N. Tolstoy «The Power of Darkness, or «The Claw is stuck, the whole bird is lost») 149

V.V. Shapoval
«Teach to twit»: regulation of the creativity of Soviet Romani writers (1927–1938) 160

Y.S. Zobkov
The image of G.I. Nevelskoy in the historical novels of N.P. Zadornova 168

O.N. Rummyantseva
Distinctive features of the composition of the Avar and Vetluzhsky versions tales with the main character «Bear Ears» 174

T.V. Azarova
Linguo-cultural comment in special kind of text on the example of word constant holiday 182

A.O. Privalskaya, L.S. Zhurbina
The causes and history of the skeptical school in the study of «The Lay of Igor's Host» 189

D.M. Soyegova
About newspaper text of Russian translation of epos about Turkmen athlete Kerogly – defender made destitute (to the publication 165 anniversary) 194

S.V. Tyranova
Research of the concept and the concept sphere in modern Russian linguistics 203

P.Y. Krasilnikova
Connotative semantics intensity of the words of different lexical-semantic groups 209

Section 5. Media text: cultural, historical, philosophical, sociological, linguistic aspects of the study

<i>Zh.R. Sladkevich, M. Noinska</i> Multimodal approach in modern humanities: terminological and methodological aspects	221
<i>V.V. Pashkov</i> The blogosphere as an element of information society: contradictions and trends of development (socio-philosophical aspect)	236
<i>V.E. Zamaldinov, V.V. Zamaldinova</i> Lexeme Bajden as a marker of a new political era	246
<i>I.B. Chernysheva</i> A Russian word in the French media as a component of the subjective image of the situation	251
<i>O.A. Davydova</i> Yellow press and other manifestations of the yellowness of our life ..	261
<i>E.O. Borzenko</i> Internet text as a productive environment for non-standard forms of comparison in modern Russian	273
<i>T.I. Bocharova</i> Features of the use of repeats in uncompossible statements	279
Section 6. Text in social space	
<i>M. Soegov</i> The text of the report of B. Kulbesherov about mutual claims of RSFSR and UzSSR in the light of new data from its biobibliography (to a question on necessity of paper duplicating of archival documents)	285
<i>W. Stec</i> On certified translation and the status of a sworn translator in the Poland	309

<i>R.T. Saduov</i> Surveys as an Auxiliary Tool to Research the City Language Landscape	322
<i>N.A. Starodubtseva</i> Linguistic aspects of the transformation of electoral preferences in the context of digitalization of social space	327
<i>T.V. Yepremyan</i>	337
The role of the text of social advertising in the development of communicative interaction in the era of digitalization	337
<i>Zoya Nazhen'khua</i> Advertising stamps as resources of social communication in Russia and in China	345
Section 7. Text in modern culture	
<i>N.V. Letaeva</i> Metaphorical terms «silver age», «Parisian note», «unnoticed generation»	351
<i>A.E. Chernova</i> Lyrics of Nikolai Rubtsov: principles of formation Ideal space in poetic texts	362
<i>O.V. Blyumina</i> Interaction of sacralized and desacralized semantic components as one of the features of Nikolai Tryapkin's style	377
<i>L.K. Gogoleva, O.A. Davydova</i> The naming of theater artists is a special group of neologisms	384
<i>S.V. Gusarova</i> The formation of the language of the fantasy genre in the history of Russian literature	391
<i>A.O. Sokolova</i> History and artistic fiction in Mario Vargas Llosa's novels «La guerra del fin del mundo» and «El sueño del celta»	404

Section 8. Problems of linguistic stylistics and linguopoetics

- A.P. Romanenko, Z.S. Sandzhi-Garyaeva*
Linguo-stylistic text analysis and rhetoric 417
- E.V. Marinova*
Codes and symbols of the IT sphere
in artistic discourse (functional aspect)..... 423
- A.R. Popova*
The role of authorial occasionalisms in the creation
of an individual style of a writer (based on the material of suffixal
derivative nouns in the works of T.I. Gribanova) 432
- O.A. Golovacheva*
Representation of everyday Realities
in the text of N.S. Leskov's Journalism 446
- D.A. Romanov*
The phenomenon of «Snow-maiden» A.N. Ostrovsky: text
in the context of the author's creativity (linguo-poetic aspect) 454
- S.V. Redkin*
Metonymy as a way of organizing the plot and language space
in the play of M. Bulgakov «Zoikina's Apartment» 465
- P.P. Tkacheva*
In the poet's linguopoetic laboratory: V.S. Vysotsky «Two Destinies» .. 473
- L.O. Vaskina, A.Yu. Khomenko*
Intensifier Words as a Way of Written Text Author Identifying..... 490
- I.V. Kamagina*
The peculiarities of using the existential verb component
in a simple elliptical sentences..... 498
- A.M. Shilin*
The concept of «soul» in a literary text
(based on N.V. Gogol's poem «Dead Souls»)..... 503

- A.V. Karpova-Rozhdestvenskaya*
«Living language» and «dead language»
as a concept and an anticoncept in K. Paustovsky's texts..... 517
- P.I. Khomutova*
Language game in Sasha Sokolov's novel «School for Fools» 527
- N.M. Kosheleva*
Author's phraseology in the modern text of the fantasy genre
(based on the material of O. Gromyko's novel
«The Profession of a Witch») 533
- Section 9. Methodological aspects of studying the text
at school / college / university**
- I.V. Priorova*
«Let's talk about the weirdness of love», or «Dark alleys»
by I.A. Bunin in the lessons in China 540
- D.D. Zusmanovich*
Problems of passing Unified State Exam
in history: myths and reality 550
- V.E. Matveenko*
Reading russian folk tales in foreign students' auditorium: analyse
of text and stages of preparation 556
- T.A. Trafimenkova*
Metasubject approach to the analysis
of L.N. Tolstoy's epic novel «War and Peace» in literature classes . 562
- V.V. Orazbekova*
A synergistic approach to literature teaching using case studies 568
- S.S. Akhundova*
English borrowings in modern educational discourse 576
- M.N. Bratukhina*
Trends in language education preschoolers 583

Научное издание

**ТЕКСТ В КУЛЬТУРНОМ, ЯЗЫКОВОМ,
СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

Сборник научных статей

Редактор *Н.В. Бессарабова*
Компьютерная вёрстка *Н.В. Бессарабовой*

Подписано к изданию 25.09.2021. Формат 60x84^{1/16}.
Гарнитура Times New Roman Суг. Усл.-печ. л. 37,6. Зак. № 08/21.